

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были отданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как минимум о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

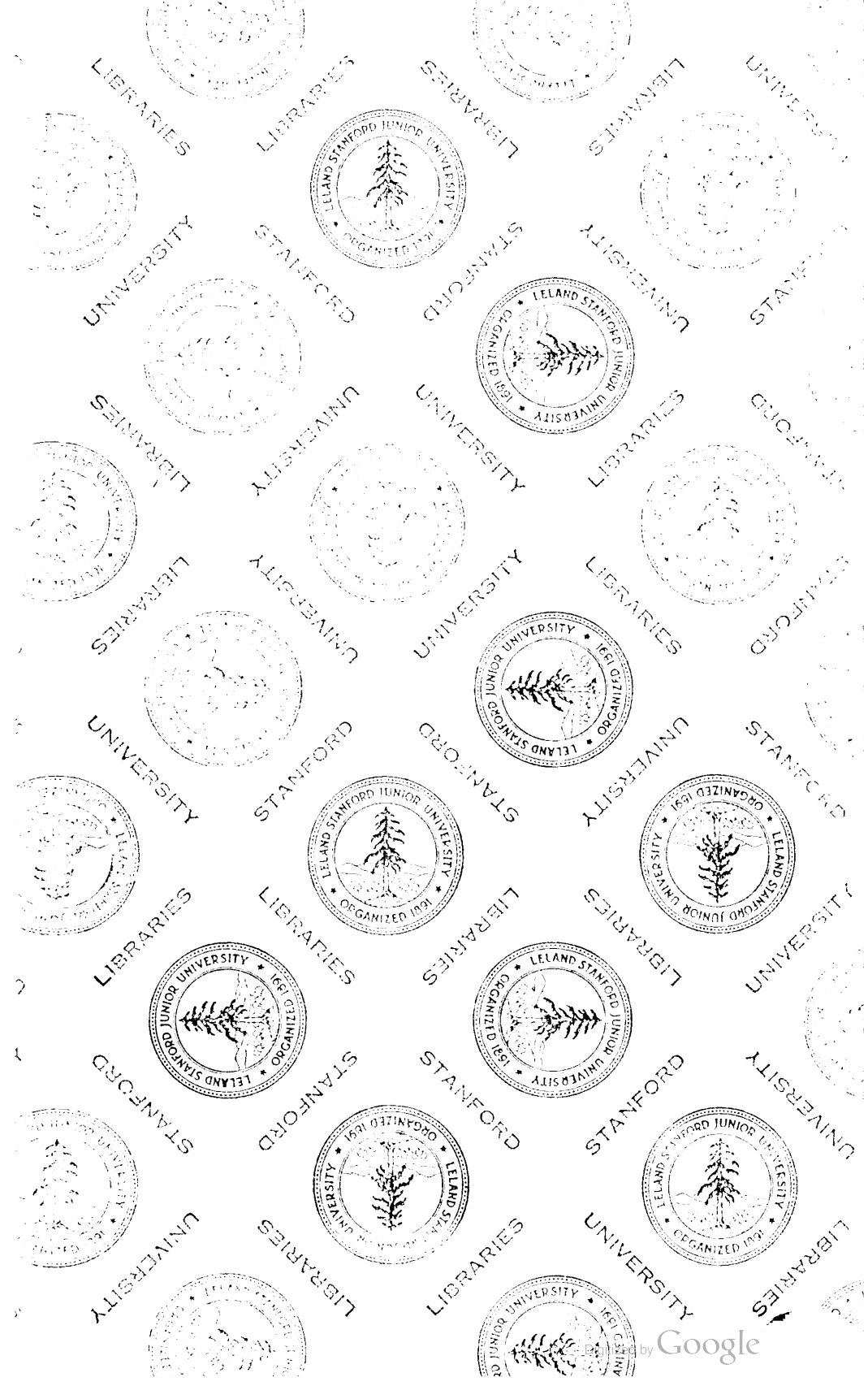
Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

НАБЛЮДАТЕЛЬ

ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРНЫЙ, ПОЛИТИЧЕСКІЙ И УЧЕНЫЙ,

съ иллюстраціями,

издаваемый подъ редакціею

А. П. ПЯТКОВСКАГО.

AP50

N33

№. 19/9

1999

годъ XIX. СЕНТЯБРЬ. 1900 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ:

	СТРАН.
I. Бродяга. Повесть В. А. Волжина	13
II. Первая любовь. Стихотвореніе К. В. Иванова	69
III. Еъ вопросу о нашемъ гражданскомъ воспитаніи. С. П.	70
IV. Дичина. Изъ городской жизни. Владислава Сырокомли. Стихотвореніе. И. Толмачева.	85
V. Защитникъ вырожденія старой Польши. И. А. Гофштеттера.	88
VI. Странички прошлаго. (Изъ автобіографическихъ записокъ). Н. Реморова.	103
VII. Выборъ. Стихотвореніе Л. Афанасьева.	125
VIII. Піонерки. (Романъ въ трехъ частяхъ, Марсея Превё).	126
IX. Передъ закатомъ. (Изъ осенняго альбома). Стихотвореніе В. Уманова-Каплуновскаго.	185
X. Неудачи «еврейскихъ комитетовъ и комисій». А. П. Пятковскаго.	186
XI. Осень. Стихотвореніе П. Петровскаго.	209
XII. Погибшая. Разсказъ К. Григорьева	210
XIII. Вечеръетъ. Стихотвореніе А. Радченки	220
XIV. Поздняя исповѣдь. Романъ Лео Гильдена. (Съ нѣмецкаго).	221
XV. Мечта. Стихотвореніе К.	283
XVI. Баквискіе очерки. А. П. Липранди.	284
XVII. Мой сторожъ. Стихотвореніе Н. Т.	328

(См. на оборотъ).

№ 9 „Наблюдателя“ вышелъ 15 сентября, 1900 года.

- XVIII. Политическая хроника . . . . .**
- Новый фазисъ европейско-китайской войны.—Взятіе Пекина и бѣгство китайскаго императора.—Циркуляръ русскаго правительства объ отозваніи русскихъ войскъ изъ китайской столицы.—Отношеніе русскаго общества и русской прессы къ этому циркуляру.—Толки европейской печати по поводу эвакуаціи Пекина.—Безопасность европейскихъ дипломатовъ въ Китаѣ.—Нужны ли намъ территоріальныя пріобрѣтенія?—Чего домогаются Англія и Германія въ Средней имперіи?—Новыя доказательства крѣпости франко-русскаго союза.—Присоединеніе Трансваала къ британскимъ владѣніямъ.
- XIX. Новыя книги: 1) А. И. Дукмасовъ. Вопросы права и закона. Спб. 1900 г. 2) П. А. Бадмаевъ. Россія и Китай. Спб. 1900 г. 3) Отчетъ Тифлисскаго общества трезвости. Съ 1 іюля 1897 г. по 1 октября 1899 г. Тифлисъ, 1900 г. 4) В. А. Долоруковъ. Путеводитель по всей Россіи и средне-азиатскимъ владѣніямъ Россіи. Годъ пятый. Томскъ, 1900—1901 г.г. 5) А. А. Сидоровъ. Русскіе и русская жизнь въ Варшавѣ (1815—1895 г.г.), вып. III. Историческій очеркъ. Варшава, 1899 г. . . . .** 17
- XX. Отголоски. (Корреспонденція «Наблюдателя») . . . . .** 23
- XXI. Наши внутреннія дѣла . . . . .** 28
- Послѣднее слово по финляндскому вопросу.—Окончательное разрушеніе «конституціонныхъ» претензій.—Преобразование департамента торговли и мануфактуръ.—Предѣльность земскихъ смѣтъ.—Что нужно разумѣть подъ «мѣстными» нуждами?—Судебныя палаты въ качествѣ кассационныхъ инстанцій.—Надзоръ за судьями.—Тридцатилѣтіе службы министра юстиціи Н. В. Муравьева.—Памяти Н. М. Ядринцева.
- XXII. Фонографъ. (Фельетонъ «Наблюдателя»). 1) По бѣлу свѣту. (Замѣтки и наблюденія). Финаль китайской войны.—Мы отказываемся вынимать каштаны изъ разожженной печки для англичанъ и нѣмцевъ.—Английская «цивилизація» въ Китаѣ и Трансваалѣ.—Послѣдніе вопли боэровъ и тщетныя надежды на европейское вмѣшательство.—Слухи о незавидномъ положеніи нашихъ финансовъ и о намѣреніи правительства пріобрѣсти къ внѣшнимъ займамъ.—Авторитетное опроверженіе этихъ слуховъ.—Нашъ запасный фондъ для военныхъ потребностей, исключающій необходимость въ урѣзкѣ нормальныхъ государственныхъ расходовъ.—Кончина Вл. С. Соловьева и отзывы о немъ въ печати.—Въ какихъ чертахъ рисуется его личность?—Совмѣщеніе несомвѣстимаго.—Любовь къ папству и къ талмудизму.—Мораль талмуда и евангелія, поставленная на одну доску.—Борьба съ чертами и визионерство.—Неблаговидный и совсѣмъ не артистическій подвигъ провинціальнаго артиста Боброва.—Принципальный вопросъ: можетъ ли артистъ *двоиться* въ жизни и на сценѣ?—Маска и натуральная «физиомордія».—Профессиональные актеры и литературная мастеровщина.—Кто лучше?—Кагальная сцена и кагальная журналистика.—Маргаринное масло и маргаринное «общественное мнѣніе».—Гласность на откупѣ у жидовъ. Князя Tenerifскаго . . . . .** 44
- 2) Стихотворенія: Ефима Простосердова, Хмураго Барда и Старога Капрала . . . . .** 58
- XXIII. Объявленія. . . . .** 1

НАВЛЮДАТЕЛЬ

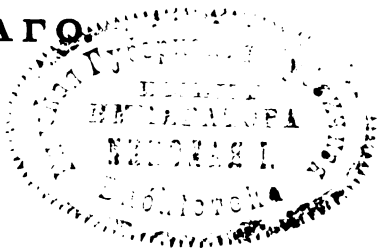
ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРНЫЙ, ПОЛИТИЧЕСКІЙ И УЧЕНЫЙ,

съ иллюстраціями,

ИЗДАВАЕМЫЙ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

А. П. ПЯТКОВСКАГО.

ГОДЪ ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ.

№ 9. СЕНТЯВРЬ.

Редакція и Главная Контора помѣщаются въ Ямской улицѣ, № д. 24—9
(близъ Владимірской церкви).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
1900.

ТИПОГРАФІЯ ГЛАВНАГО УПРАВЛЕНІЯ УДѢЛОВЪ, МОХОВАЯ, 40.

**Въ главной Конторѣ „НАБЛЮДАТЕЛЯ“
продаются:**

- 1) **Указатель статей, напечатанныхъ въ журналѣ за 12 лѣтъ (по фамиліямъ авторовъ) съ 1882 г. по 1894-й годъ.** Цѣна: безъ перес. 25 к.; съ перес. (заказной бандеролью) 35 коп.
- 2) **Двадцать одинъ годъ существованія журнала: „Народная Школа“.** (Историческій очеркъ. Цѣна безъ перес. 30 к.; съ перес. (заказной бандеролью) 40 к.
- 3) **Отдѣльные портреты А. П. Пятковскаго** (на плотной бумагѣ). Цѣна за экз. безъ перес. 50 к.; съ перес. (заказной бандеролью) 60 к.
- 4) **Отдѣльные портреты В. П. Безобразова и А. И. Герцена** продаются по той же цѣнѣ.

Печатается и въ непродолжительномъ времени выдетъ въ свѣтъ историческій этюдъ А. П. Пятковскаго:

Императоръ Александръ III; его внутренняя и внѣшняя политика. (Съ портретомъ).

ОТКРЫТА ПОДПИСКА, НА 1901 Г., НА ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛЪ

XX
ГОДЪ
1901

„НАБЛЮДАТЕЛЬ“

XX
МАРЪ

Выходитъ ежемѣсячно, безъ предварительной цензуры, книгами отъ 25 до 30 печатныхъ листовъ, въ объемъ и форматъ самыхъ большихъ ежемѣсячныхъ журналовъ, съ иллюстраціями.

Вступая въ 20-й годъ своего существованія, журналъ будетъ издаваться въ томъ же самомъ направленіи, съ которымъ хорошо знакома наша образованная публика. «НАБЛЮДАТЕЛЬ», прежде всего, стремился быть *журналомъ* въ томъ смыслѣ, въ какомъ понимали это слово лучшіе дѣятели нашей журналистики, и рядъ статей, въ немъ появившихся, не представляетъ собою сброда разныхъ направленій, приютившихся подъ одною обложкою, но проникнутъ и связанъ общностью одного опредѣленнаго міросозерцанія ¹⁾. Общее же направленіе нашего журнала, — насколько возможно было выдержать его по всѣмъ выдающимся вопросамъ внутренней и внѣшней политики, — мы имѣемъ право назвать *прогрессивно-національнымъ*. Всегда и во всемъ, въ предѣлахъ, указанныхъ для русской свободной печати, мы стояли за *прогрессивное движеніе нашей государственной и общественной жизни* — въ сторону свѣта, правды, нравственнаго развитія и

¹⁾ «Указатель» статей, напечатанныхъ въ нашемъ журналѣ за двѣнадцать лѣтъ (съ 1882 по 1894 годъ), былъ приложенъ къ декабрьской книгѣ 1894 года, а затѣмъ вышелъ отдѣльнымъ изданіемъ (см. на оборотѣ титульной страницы).

экономическаго благосостоянія, съ сохраненіемъ, притомъ, коренныхъ основъ нашего національнаго быта и характера. *Безвнимательнаго изученія этого быта, безъ любви и уваженія къ своему народу немислимъ никакой устойчивый прогрессъ, а возможно только легкомысленное заимствованіе изчужда непримолжимыхъ къ намъ политическихъ и соціальныхъ доктринъ.*

При этомъ мы отходили одинаково далеко, съ одной стороны, отъ дикаго обскурантизма нашей якобы «охранительной» прессы, охраняющей едва ли не одни плоды татарскаго нашествія, а съ другой — отъ буржуазнаго «либерализма», весьма дружнаго съ еврействомъ и даже находящагося у него въ денежной кабалѣ. Изъ нашей прогрессивной программы мы навсегда и рѣшительно вычеркнули всякія жидовскія симпатіи, которыя сначала проскользнули въ нашу прессу подъ флагомъ «религіозной терпимости» (благодаря нашему полному невѣжеству относительно *антигосударственнаго* и *антисоціальнаго* смысла талмудическаго ученія), а теперь поддерживаются въ ней либо давленіемъ еврейскаго капитала, либо грубымъ политическимъ шантажемъ и застрачиваніемъ.

Въ вышедшихъ книгахъ журнала за 1899 г. (№№ 1—12) напечатаны: 1) «**Ближніе и дальніе**», романъ въ 3-хъ частяхъ, *В. Е. Чешихина*; 2) «**Въ семьѣ Востоковыхъ**», романъ *А. Мартынова* (изъ быта духовенства); 3) «**Чужая душа — потемки**», повѣсть *Н. О. Бажина*; 4) «**Желѣзный канцлеръ древняго Египта**», романъ въ 2-хъ частяхъ, *В. И. Крыжановской*; 5) «**Въ провинціи**», романъ въ 2-хъ частяхъ (изъ военнаго быта), *В. Югова*; 6) «**Вблизи Кровавыхъ камней**», повѣсть *К. М. Длусскаго*; 7) «**Голодное сердце**», повѣсть *С. Лаврентьевой*; 8) «**По теченію**», повѣсть *Брешко-Брешковскаго*; 9) «**Изъ моего прошлаго**», *А. П. Пятковскаго*; 10) «**О недобросовѣстности въ повседневныхъ правовыхъ отношеніяхъ**», проф. *Д. И. Азаревича*; 11) «**Патріотизмъ и космополитизмъ**», *Его же*; 12) «**Въ дебряхъ Полѣсья**», *А. П. Дипранди*; 13) «**Болѣзненность и смертность русскаго народа**», *Д. П. Райскаго*; 14) «**Законъ и кассационное рѣшеніе**», *А. О. Дукмасова*; 15) «**Употребленіе евреями христіанской крови при религіозныхъ обрядахъ**», *И. Ядринопольскаго*; 16) «**Нѣсколько словъ о національномъ воспитаніи русскаго юно-**

шества», *Е. Пашина*; 17) «Тернистый путь» (изъ записокъ школьнаго учителя), *Н—ва*; 18) «Очерки Средней Азии», *Н. фонъ-Гука*; 19) «Къ вопросу объ интеллигентномъ пролетаріатѣ», *Его же*; 20) «Государственный актъ первостепенной важности», *Ө. П. Еленева*; 21) «Еврейство и либерализмъ», *Е. Орловскаго*; 22) «Прогулка по античному міру», *И.*; 23) «Эпопеи Гамерлинга», *В. Е. Чешихина*; 24) «Забайкалье въ сельско-хозяйственномъ и экономическомъ отношеніи», *Д. П. Райскаго*; 25) «По Уралу, среди башкиръ», *С. Г. Рыбакова*; 26) «Наши судебные порядки передъ лицомъ присяжнаго застѣдателя», *Д. Орлова*; 27) «Гдѣ спасеніе?» (изъ Привислянья), *Г. Ц—ва*; 28) «Объ условіяхъ торговли виноградными винами въ Россіи», *Я. Л.*; 29) «Каналь между Москвою и Волгою», *В. Крылова*; 30) Стихотворенія: *Л. Афанасьева, Г. Арищенко, К. Бальмонта, гр. П. Д. Бутурлина, К. В. Иванова, А. В. Крулова, А. Мейснера, П. Петровскаго, Д. Ратгауза, И. Толмачева, Л. Н. Трефолева* и др.; 31) Переводные романы: «Разбитая жизнь», *Джероламо Роветты* (съ итал.); «Расплата», *Эрнеста Рэмина* (съ нѣмецк.); «Актриса», *Поля Буржэ* (съ франц.); «Ревность матери», *Роды Браутонъ* (съ англ.) и пр.; 32) Фельетоны *Ефима Простосердова* и князя *Тенерифскаго*; 33) «Въ пріютѣ музъ» (письмо изъ Веймара, съ рисунками) *В. Баскина*; 34) Провинціальная жизнь, *Х*; 35) Отголоски (корреспонденція «Наблюдателя»); «Аудіенція» (очеркъ изъ жизни судебного міра), *В. Е. Бѣлинскаго*; 37) «Монаршее милосердіе и правомѣрное его отправленіе», *В. Рудакова*; 38) «По закону», рассказъ *Д. В. Оедорова*; 39) «Мой пріятель Фрицъ», рассказъ *Л. П.*; 40) «Борьба сербскаго народа съ его врагами», *Серба* и пр.

Кромѣ того, въ «Наблюдателѣ», въ послѣдніе годы, принимали участіе: *А. В. Амфитеатровъ*, проф. *Ө. В. Благовидовъ*, *А. А. Виницкая*, *Н. Х. Вессель*, *В. А. Волжинъ*, *И. А. Гофштеттеръ*, *И. П. Корниловъ*, *А. Михайловъ*, *Вас. И. Немировичъ-Данченко*, *С. С. Орлицкій*, *Н. М. Соколовъ*, *С. Ө. Шарановъ*, *Г. Г. Ясинскій* и мн. др.

Въ текстѣ журнала за 1899 г. помѣщены портреты: ст. севр. *Ө. П. Корнилова*, члена госуд. сов. *М. Н. Галкина-Врасскаго*, *М. Е. Салтыкова*, *Н. Н. Брусницына* (основателя «Дома При-

зрѣнія въ Спб.), *А. П. Пятковскаго* (къ 40-лѣттю литературной дѣятельности), *В. П. Безобразова* (академика и сенатора, сотрудничавшаго въ «Наблюдателѣ» съ 1884—1889 г.г.) и др. рисунки.

Отдѣльные портреты *А. П. Пятковскаго* продаются въ Главной Конторѣ по 50 к. экз., съ пер.—60 к.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

На годъ. На полгода. На три мѣс.

Съ доставкой въ С.-Петербургъ и съ пересылкою въ другія мѣста Россіи.	12 руб.	6 руб.	3 руб.
пересылкою за границу.	14 »	7 »	4 »

Книгопродавцамъ — 50 коп. уступки съ годоваго экземпляра журнала (гербовый сборъ не вѣлчается въ уступку). При подпискѣ полугодовой, уступки не полагается. Гг. служащимъ—разсрочка за поручительствомъ казначеевъ.

Подписка съ разсрочкою адресуется *исключительно* въ Главную Контору журнала.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ С.-Петербургѣ — въ Главной Конторѣ Редакціи (Ямская ул., № д. 24/9), въ конторѣ «Новаго Времени» (Невскій пр., № 40), а также во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ; въ Москвѣ—въ конторѣ Печковской (Петровскія линіи) и въ отдѣленіи конторы «Нов. Времени»; въ Одесѣ—въ книжн. магазинахъ Распопова и «Нов. Времени»; въ Кіевѣ—въ книжн. магазинахъ Оглоблина, Литова и Идзиковскаго; въ Харьковѣ и Саратовѣ—въ книжн. магазинахъ «Нов. Времени»; въ Казани—въ книжн. магазинѣ Дубровиной. Редакція отвѣчаетъ только за подписку, принятую въ Главной Конторѣ журнала.

Адресъ для писемъ и телеграммъ: Петербургъ, Редакція «Наблюдателя». Телефонъ № 2237.

Редакторъ-издатель **А. П. Пятковскій.**

Открыта подписка, на 1901 г., на ежедневную литературно-политическую газету.

„Г Л А С Н О С Т Ъ“

Программа «ГЛАСНОСТИ» обнимает собой нижеслѣдующіе отдѣлы:

1) Правительствоныя распоряженія. 2) Политика внутренняя. Передовыя статьи по вопросам общественной жизни, городского, земскаго и сельскаго самоуправленія. Дѣятельность частныхъ обществъ. 3) Отдѣлы: литературно-художественный (беллетристика во всѣхъ ея видахъ), критическій, научный (по всѣмъ отраслямъ знанія), судебно-юридическій (съ печатаніемъ процессовъ и обсужденіемъ судебныхъ рѣшеній), военный, церковный, торгово-промышленный, финансовый, экономическій, сельско-хозяйственный, театральны; обзорніе искусствъ. 4) Политика внѣшняя. Передовыя статьи. Телеграммы внѣшнія, доставляемыя агентствами, и свои собственныя. 5) Хроника внутренней и заграничной жизни. Событія дня. Русскія и иностранныя корреспонденціи. Внутреннія телеграммы. Письма въ редакцію и стороннія сообщенія. 6) Фельетоны изъ общественной и литературной жизни. Дневникъ печати и библиографія. 7) Биржа. Курсовая таблица. 8) Смѣсь. Разныя извѣстія. Справочныя свѣдѣнія. 9) Иллюстраціи. 10) Объявленія.

Кромѣ текущихъ извѣстій и передовыхъ статей по всѣмъ важнѣйшимъ вопросамъ внѣшней политики и нашей внутренней жизни, въ газетѣ, въ 1897 и 1898 г.г., печатались постоянно: «Парижскія письма», «Съ береговъ Темзы», «Петербургскіе наброски», «Московскія замѣт-

ки», «Вопросы дня», «Замѣтки вѣсти», «Отголоски» и пр. Отдѣламъ: «Дневникъ печати» и «Наши внутреннія дѣла» придано было особенное развитіе, такъ что они представляли полный обзоръ всѣхъ выдающихся мнѣній прессы и всѣхъ крупнѣйшихъ событій провинціальной жизни. Въ текстѣ были помѣщены портреты: бывшаго военнаго министра гр. *Д. А. Милютина*, бывшаго министра нар. просвѣщенія гр. *И. Д. Делянова*, ст.-секретаря *И. Н. Дурново*, и бывшаго редактора «Новороссійскаго Телеграфа» *М. П. Озмидова*.

Приостанавливая нашу газету въ 1897 г., мы говорили: «Считаемъ необходимымъ выяснитъ мотивы этой приостановки. Отъ первыхъ и до послѣднихъ дней изданія «Гласности», редакція не переставала получать сочувственныя заявленія относительно симпатичнаго всѣмъ русскимъ людямъ направленія газеты; ее привѣтствовали за *смѣлую борьбу* противъ преобладанія у насъ въ жизни инородческаго, — преимущественно іудейскаго — элемента, называя эту борьбу даже «гражданскимъ подвигомъ»; за отстаиванье національно-прогрессивныхъ тенденцій въ социальной и политической сферахъ. Но въ то же самое время выяснилось, что *цѣна изданія высока*, что людей, могущихъ платить за симпатичную имъ газету по 14 р. въ годъ — немного; что другіе издатели понизивъ цѣну за свои — тоже ежедневныя — изданія (юдофильскаго характера) до 8 и даже до 4 р. въ годъ, дѣлаютъ немислимой борьбу съ ними... Случайное и маловажное для установившагося изданія запрещеніе розничной продажи, упавъ на нашу молодую газету (на второй мѣсяцъ) немало подорвало также ея матеріальное и нравственное положеніе; главная сила печатнаго органа — широкое распространеніе его въ публикѣ — была парализована въ теченіе цѣлаго мѣсяца, а въ это самое время юдофильскіе органы вытанцовывали истинно макабрскую пляску надъ нашею, — какъ они надѣялись, — вѣчною могилою». («Гласность» 1897 г., № 87).

Въ то же время, разсчитывая на скорое удовлетвореніе нашего ходатайства, — казалось бы, вполнѣ удобообразнѣйшаго, — мы выражали и такую надежду:

«По полученіи соотвѣтствующаго разрѣшенія, наши теперешніе читатели, наши союзники и единомышленники; наконецъ, всѣ русскіе люди, которымъ дорого *національно-прогрессивное* направленіе въ русской жизни, — одинаково чуждое и либеральнаго космополитизма на юдофильской подкладкѣ, и дикаго ретроградства, именующаго себя «консерватизмомъ», — поддержать наше будущее видоизмѣненное изданіе «Гласности». Оставаясь вѣрными своимъ, разъ заявленнымъ принципамъ, относясь съ истиннымъ уваженіемъ къ вѣковымъ устоямъ народной жизни и не утративъ притомъ ни

одного изъ тѣхъ солидныхъ качествъ, за которыя мы получали признательныя заявленія нашихъ теперешнихъ читателей, — мы надѣемся, что дешевое изданіе «Гласности», — если намъ удастся его осуществить, — сдѣлается *общедоступнымъ*: — какъ и подобаетъ «гласности», оно должно проникать повсюду, чего теперь, при высокой цѣнѣ изданія, достигнуть было невозможно».

Но ходатайство наше о сбавкѣ подписной цѣны въ первый годъ не получило никакого удовлетворенія и только на второй годъ изданія газеты (въ 1898 г.) удовлетворено лишь отчасти, подѣ тѣмъ предпологомъ, что просимая нами сбавка, въ полномъ ея размѣрѣ, должна будто бы вести за собою и сокращеніе программы газеты, хотя цензурный уставъ вовсе не требуетъ этого и такая же точно цѣна не влекла за собою изъятія нѣкоторыхъ отдѣловъ программы для другихъ изданій...

Касаясь всѣхъ этихъ злосчастныхъ судебъ нашей газеты, «Наблюдатель» говорилъ уже въ свое время:

«Гласность», покусившаяся устроить диссонансъ въ этомъ стройномъ жидовскомъ хорѣ, немедленно подверглась на цѣлый мѣсяцъ запрещенію разничной продажи ¹⁾, а эта мѣра для новаго изданія, — окруженнаго притомъ ненавистью кагала и нагло «бойкотируемаго» со всѣхъ сторонъ, — равнялась если не убійству, то, по крайней мѣрѣ, серьезному «членовредительству». Въ то время какъ «пропажанные» листки свободно расходились въ Петербургѣ на всѣхъ уличныхъ перекресткахъ, наполняя кассу «Всемирнаго израильскаго союза» и сотрясая воздухъ гнусными ликованіями надъ изуродованіемъ русскихъ солдатъ, — редакція «Гласности» должна была нести однѣ нравственныя пытки и крупныя матеріальныя потери, — тѣмъ болѣе, что эта мѣра противъ нея оказывалась излюбленною и практиковалась *три* раза въ теченіе *семи* мѣсяцевъ изданія газеты!! Однимъ словомъ, газета тщательно изолировалась отъ публики, уже привыкшей въ Петербургѣ знакомиться съ новыми необрѣшными изданіями по розничной покупкѣ, и ее приходилось выпускать, въ теченіе 3 мѣсяцевъ, для однихъ только подписчиковъ. Съ сокращеніемъ же ежедневнаго тиража газеты, не могло

---

¹⁾ Въ первый разъ это запрещеніе послѣдовало, якобы, за передовую статью, въ которой предлагалось сдѣлать критскимъ генералъ-губернаторомъ греческаго королевича, что въ скоромъ времени и осуществилось на дѣлѣ. Въ послѣдній разъ, запрещеніе мотивировалось статью о минскихъ жидкахъ, вбившихъ военный патруль, — гдѣ доказывалось, что поводомъ къ избіенію послужила *племменная и религіозная вражда* евреевъ къ христіанамъ-русскимъ. Существованіе этого повода, — въ другомъ однородномъ случаѣ (въ Шкловѣ), — признано теперь и высшею судебною властью.

явиться и много платных публикацій, составляющих значительный источник дохода при непрерывномъ и правильномъ развитіи этого дѣла. Еслибы «Гласность» защищала еврейскія притязанія на какую-то безшабашную гегемонію въ русскомъ царствѣ, то, конечно, ея матеріальные убытки были бы охотно покрыты щедрыми жертвователями или, по крайней мѣрѣ, ей были бы предоставлены самыя легкія условія кредита, — подъ векселя съ «благонадежными надписателями», — какъ это практикуется для всѣхъ изданій, пользующихся покровительствомъ кагала. Но мы говорили уже въ «Наблюдателѣ» (№ I 1899 г.) какимъ *злыми* *кольцомъ* окружена была «Гласность», когда ей приходилось пользоваться кредитомъ даже въ тѣхъ банкахъ, гдѣ на текущемъ счету и «онколы» перебивали десятки и сотни тысячъ нашихъ вкладовъ... Даже высокая подписная цѣна (14 р.) была *навязана* «Гласности» помимо ея желанія, такъ какъ въ ея планы вовсе не входила конкуренція съ дорогими и прочно установившимися газетами, а имѣлось въ виду лишь дополнить «Наблюдатель» ежедневной неумолимой бесѣдой съ читателями по всѣмъ выдающимся вопросамъ текущей политики и нашей общественной жизни. Съ великимъ трудомъ удалось редакціи выхлопотать сбавку подписной цѣны до 10 р. (и то уже на второй годъ), а дальнѣйшее пониженіе встрѣтило неодолимые препятствія, — какъ будто распространеніе идей «Наблюдателя» на газетныхъ листахъ могло вредить кому нибудь, кромѣ жидовской клики! Попавъ въ эти двухсторонніе тиски, лишенный возможности бороться съ врагами *равнымъ оружіемъ*, редакторъ-издатель «Гласности» вынужденъ былъ, — что и предсказывали ему жида въ подметныхъ письмахъ, — свернуть, до перемены обстоятельствъ, свое знамя и уступить мѣсто кагалнымъ рептиліямъ, на сторонѣ которыхъ временно очутились неожиданные союзники... Наполнять своими средствами эту данадину бочку и понятной, и непонятной вражды — было бы уже просто донкихотствомъ, тѣмъ болѣе, что редакторъ «Гласности» никакимъ гешефтмахерствомъ на своемъ вѣку не занимался, а большую часть жизни провелъ въ безвозмездныхъ филантропическихъ трудахъ по улучшенію судьбы обездоленныхъ людей, которые могли благодарить его только голосомъ сердца, а не какими нибудь «вещественными знаками»... Пусть ужъ пропадаетъ *пятьдесятъ*, а не болѣе тысячъ (въ эту цифру обошлись убытки, понесенные газетой, не считая личнаго труда редактора), если служеніе *національнымъ* интересамъ должно, по временамъ, облагаться крупнымъ денежнымъ штрафомъ... Слава богу, что не тюремнымъ заключеніемъ, какъ въ современной Франціи! Любопытно, что въ то время, какъ «Гласность» подвергалась вся-

ческимъ преслѣдованіямъ, доведившимъ ее до двукратной вынужденной пріостановки, не смотря на увеличивавшееся число подписчиковъ ¹⁾, «Наблюдатель» стоялъ внѣ всякихъ нареканій со стороны надзирающихъ властей,—а въдѣ «Гласность» и въ редакціонномъ отношеніи, и по составу сотрудниковъ составляла только филиальное отдѣленіе того же «Наблюдателя». Но наша газета, имѣвшая возможность дѣйствовать на *тотъ именно слой публики, который находился всецѣло подъ гипнотизирующимъ вліяніемъ жидовской прессы*, возбуждала особенную, жгучую ненависть кагала, и ея пріостановки встрѣчались съ величайшею радостью въ этомъ почтенномъ сонмищѣ,—радостью, прорывавшейся и въ печати, не смотря на строго соблюдаемый обѣтъ «замалчиванія». Наглость жидовъ простиралась до того, что они громили редакцію чуть не ежедневными подметными письмами (одно изъ нихъ, за подписью: «члены Новаго Израиля», было напечатано цѣликомъ въ № 5 «Гласности» за 1898 г.), въ которыхъ намъ угрожали и разореніемъ редакціи, и вынужденной забастовкой всего дѣла... И ихъ угрозы,—по крайней мѣрѣ, относительно пріостановки газеты,—сбывались на самомъ дѣлѣ, а что касается до разоренія редакціи, то эта угроза не осуществилась, конечно, не по ихъ винѣ и не потому, что ими было приложено мало стараній. «Свѣтъ не безъ добрыхъ людей», и мы живемъ все таки не въ Аргентинѣ. Есть управа и на жидовъ!» («Наблюд.» № 11, 1899 г.).

Въ настоящее время, ходатайство редакціи вполнѣ уважено и подписная цѣна на газету назначается въ слѣдующемъ размѣрѣ:

На годъ. На 6 мѣс. На 3 мѣс. На 1 мѣс.

Съ доставкою въ С.-Петербургѣ

и съ перес. иногороднымъ. . . 7 р. — к. 4 р. — к. 2 р. 50 к. 1 р. — к.

Съ пересылкою за границу. . . 15 » — » 8 » — » 4 » — » 2 » — »

Мы снова поднимаемъ наше національно-прогрессивное знамя, опущенное «до переменны обстоятельствъ», которыя уже и измѣнились къ лучшему для русской печати...

За время пріостановки газеты, всѣ наши подписчики были удовлетворены: 1) или возвращеніемъ части подписной суммы, или

---

¹⁾ Въ первый годъ число подписчиковъ на газету не успѣло превысить 2000, но во второй годъ, со сбавкою цѣны, тиражъ ея превышалъ, вмѣстѣ съ розничною продажей, 6000 экз.

2) высылкою журнала «Наблюдатель», или 3) замѣною нашей газеты «Русскимъ Листкомъ».

При совмѣстной годовой подпискѣ на газету «Гласность» и журналъ «Наблюдатель», послѣдній высылается за 10 р. вмѣсто 12-ти, что составитъ за оба изданія — 17 р., съ доставкою и пересылкою.

Редакторъ-Издатель А. П. Пятковскій.

ВРОДЯГА.

Повѣсть.

I.

«Ахъ, да не бѣли снѣ-ги въ чи-стомъ по-лѣ, снѣги забѣ-лѣ-лись! снѣги забѣлѣ-лись, забѣлѣлись!»—съ грустною инто-націею выводилъ хриловатымъ теноромъ старенькій сапож-никъ Илья Андреевичъ Кавунъ, сидя въ своей избенкѣ на широкомъ отпиленномъ пнѣ, который служилъ ему вмѣсто стула.

Слова родной пѣсни соответствовали только настроенію пѣвца, но совсѣмъ не времени года. Былъ жаркій іюньскій день, и солнце немилосердно изливало горячіе лучи на прию-тившуюся въ горахъ крошечную деревню Красный Куть, го-роденскаго уѣзда.

Кавунъ усердно постукивалъ молоткомъ о каблукъ, зако-лачивая деревянные гвозди и шпильки. Приподнятая въ око-шечкѣ рама придерживалась упиравшеюся въ подоконникъ палочкою, а дверь на улицу была настежь открыта.

Вопреки укоренившемуся въ обществѣ мнѣнію, что всякій, а въ особенности сельскій, сапожникъ—непремѣнно горячайшій пьяница и по этому самому ходитъ безъ сапогъ, Кавунъ только любилъ выпить «во благовременіи», но форменнымъ пьяницею еще не былъ. На немъ красовались прекрасные смазные са-поги своего собственнаго издѣлія. Поэтому Кавунъ былъ до-вольно гордъ и самолюбивъ. «Какъ же это онъ, Илья Андреичъ, великій мастакъ по своей части, будетъ ходить безъ сапогъ?—вѣдь люди засмѣются!»—говорилъ онъ. — «Если же въ иной часъ и засосетъ подъ ложечкой, и придетъ время выпить или опохмѣлиться, то ужъ такъ и быть: тогда можно снести въ

винную лавочку и казакинъ, и полушубокъ; но безъ сапогъ меня, слава богу, еще никто не видалъ!» — Нанковые штаны, ситцевая рубаха и жилетъ съ потемнѣвшими мѣдными пуговицами довершали костюмъ сапожника.

Это былъ черноватый старикъ, лѣтъ шестидесяти пяти, изъ дворовыхъ людей, когда-то переселенныхъ помѣщикомъ изъ Малороссіи. А что Кавунъ былъ изъ дворовыхъ, на это указывала и самая его внѣшность. Хоть разъ въ недѣлю, особливо подъ большіе праздники, Кавунъ обязательно парился у себя въ печкѣ или у сосѣдей въ банѣ, надѣвалъ чистую рубашку и брилъ себѣ бороду, оставляя по хохлацкому обычаю только посѣдѣвшіе усы. Зато на головѣ у него еще не было ни одного сѣдаго волоса. Никто въ Красномъ Кутѣ и во всей округѣ не умѣлъ такъ художественно точить и «править» бритву на оселкѣ и ремнѣ: для этого онъ плевалъ на оселокъ и искусно водилъ по немъ лезвеемъ направо и налево, хорошо зная, въ какой именно моментъ слѣдуетъ еще поплевать и перевернуть бритву лезвеемъ для повторенія той же манипуляціи. Кавунъ обладалъ еще и другимъ довольно рѣдкимъ талантомъ — подстригать волосы «въ кружало» и «подъ полку», какъ онъ выражался, и поэтому онъ былъ очень популяренъ между своими клиентами. Когда же Кавунъ работалъ, занимая своимъ главнымъ профессиональнымъ мастерствомъ, то непременно надѣвалъ на мясистый и красноватый носъ очки въ мѣдной оправѣ. Эти очки подарилъ ему еще покойный баринъ, лѣтъ 30 тому назадъ, и съ тѣхъ поръ Кавунъ съ ними не разставался.

Въ избѣ пахло кожами, махоркой и еще чѣмъ-то кислотатымъ. На подоконникѣ жмурилась и нѣжилась на солнышкѣ желтая, съ черными пятнами, кошка. По стѣнамъ, и въ особенности близъ печки, сновали «прусаки», а мухи носились по избѣ роями, облѣпляли столъ съ крошками и обрѣзками кожи, живо интересовались кружкой съ остатками водянистаго квасу и усаживались гдѣ попало.

«У, проклятыя!» — прерывалъ свое пѣніе Кавунъ, хлопая себя по виску съ протянутымъ на лбу ремешкомъ, которымъ были подвязаны его волосы. Но мухи снова прилетали и надѣдали старику, почему-то особенно излюбивъ его сизо-багровый носъ.

— А чтобъ вы подошли, окаянныя!—проворчалъ старикъ и сильно хлопнулъ себя по щекѣ. Онъ уже терялъ терпѣніе.

Какой-то засиженный мухами генералъ на стѣнѣ, неподдающему отъ окошечка, величественно скакалъ на бѣломъ конѣ, размахивая шпагой и указывая на синѣющія вдали полчища враговъ, а этимъ генераломъ любовались изображенные художникомъ въ двѣ краски отряды русскихъ солдатъ съ пригнутыми штыками—дѣльный лѣсъ штыковъ. Какъ тутъ не побѣдить врага и супостата!

«Ахъ, да не бѣлы снѣ-ги!»— снова затягивалъ пѣсню Кавунъ, отмахиваясь отъ мухъ и принимаясь за брошенный молотокъ.

Къ этому пѣнію давно уже прислушивался сельскій писарь Назаръ Викулычъ, который несъ въ починку сапоги. Писарь съ усмѣшкой и явнымъ любопытствомъ потолокся у завалинки, не показываясь еще хозяину, чтобы не помѣшать пѣнію.

«Вотъ на пути село большое!»... разливался старческимъ голосомъ сапожникъ. «Ямщикъ лихой, онъ всталъ съ полночи»... продолжалъ пѣвецъ.

«Эхъ, какъ закатываетъ!»—проговорилъ Назаръ себѣ подъ носъ:—даромъ, что старикъ, а чувства въ немъ много. Еще, стало быть, не зарядился Илья Андреичъ какъ слѣдуетъ».

— Здорово, Илья Андреичъ! — сказалъ писарь, входя въ избу и усмѣхаясь.

— Съ пятницей васъ, Назаръ Викулычъ! съ пятницей! Стало быть, въ починочку треба? Сапоги кашки просять?

— Не иначе будетъ, что такъ... А я, признаться, слушалъ-слушалъ, — какъ это ты выводилъ: «Не бѣлы снѣги», — и у меня, у самого, сердце индо ёкнуло... слеза прошибать стала! Подумалъ, что вотъ, молъ, ты и въ лѣтахъ будешь, а молодымъ парнямъ насчетъ пѣнны не уступишь...

— А что мнѣ парни! Нешто нонича поютъ наши старинныя пѣсни?!... Имъ бы все какую-то «конфетку ледявистую» пѣть али еще какую дрянъ, прости Господи. Развѣ это пѣсни? Ты, коли русскій человекъ — такъ пой, чтобъ тебя за душу хватило, чтобъ тебѣ къ сердцу подкатило. Наши пѣсни, извѣстно,—старинныя, расейскія... Вотъ хошâ-бы: «Не шуми ты, мати зеленая дубровушка!» Я и хохлацкія, полтавскія, знаю. Вотъ сидишь-сидишь за эдакимъ дѣломъ: съ шильцемъ

да съ драгвой, да съ сапожнымъ варомъ... Ну, и вспомнишь старинку—отведешь душу...

— Помощничка-то у тебя нѣту, Илья Андреичъ: ты—со старухой—и вся артель тутъ!..

— А у меня еще Алешка растетъ...

— Да вѣдь Алешка-то все же тебѣ не сынъ!

— Оно точно, что не сынъ, да вѣдь я ему все равно, что отецъ родной. Подростетъ,—и его засажу тачать сапожонки... Ну, извѣстно: сперва обучу, какъ починять и заплатки класть, а тамъ и во всю науку произведу. Мальчончекъ-то онъ дошлый и понятливый. Таперича онъ на огородѣ съ моей старухой забавляется: извѣстно, маль еще. Чтò съ него и спрашивать!

— А вѣдь тебѣ, Илья Андреичъ, мальчончку-то все равно, что Богъ послалъ. И какъ это чудно вышло! Сказывали мнѣ: какой-то нищій покинулъ у тебя Алешку. Тебѣ бы его Богданомъ назвать, а не Алешкой...

— Вовсе не нищій покинулъ, Назаръ Викулычъ. И какъ же бы я его перекрестилъ, коли мальчонку доподлинно Алешкой звать? Вѣдь онъ у меня остался покинуть по четвертому году—ужь и тогда много смыслилъ. А вышло это дѣло такъ. Приходить это ко мнѣ, передъ вешнимъ Миколой, какой-то дальній мужикъ съ дѣвкой али съ бабой какой, и вотъ съ этимъ самымъ Алешкой. Мужикъ сказывалъ тогда, что они дальніе, чембарскіе, а прозвище ему будетъ Иванъ Винокуровъ. Коса съ серпомъ была при немъ, у бабы серпъ и грабли, и у нихъ обоихъ по сумкѣ съ одѣжей. Одно слово,—странніе люди, вотъ изъ тѣхъ, чтò въ степь ходятъ наниматься въ страдное время для работы. Отдохнули они у меня; признаться сказать, водочкой угостили и переночевали,—все какъ слѣдуетъ. А какъ обутирило,—Винокуровъ и говоритъ мнѣ: «хозяинъ! спасибо тебѣ за хлѣбъ, за соль, а мнѣ безпремѣнно надо съ бабой отлучиться въ городъ: я свою артель поджидаю, да мнѣ еще всѣхъ денегъ сколько-то не додано».—Кто ему была эта баба: жена али полюбовница?—шутъ ихъ знаетъ, прости Господи!—только баба еще молодая, такая изъ себя видная, свѣжая да румяная. Вотъ мужикъ и говоритъ: «стало быть, моего парнишку Алешку я у тебя оставляю, а на ночь или завтра утромъ обернемся назадъ»

изъ Городенска, подѣламши тамъ свои дѣла съ артелью, и мальчишку безпрѣмѣнно возьмемъ. А, можетъ быть, и прямо всей артелью пройдемъ черезъ вашу деревню».—Я былъ тогда выпимши, какъ слѣдуетъ. Поднесъ онъ мнѣ тутъ стаканчика съ два и самъ выпилъ, а баба у него была совсѣмъ тверезая. Только обернулась она тутъ какъ-то къ образу и заплакала. А мнѣ что-то было тогда невдомекъ спросить ее: изъ-за чего она въ слезахъ? Вотъ и ушли они, да съ той поры и слѣдъ ихъ простылъ... Я тѣмъ временемъ загулялъ. Проспамшись, допытываю мальчишку: кто жь это тебѣ будетъ: тятка что-ли?—«Тятка!»—сказываетъ.—А баба—твоя мамка?—«Нѣтъ, это такъ, не мамка, а тетенька: она съ тяткой жила... Мамка моя померла»...—Гдѣ жь вы это допрежь того жили? — «Въ селѣ». — А какое село — назвать не можетъ. — Какъ зовутъ тятку?—«Тятка». — А какъ зовутъ тетеньку? — «Тетенька. Мы изъ двора Винокуровыхъ, а меня Алешкой звать». — Что тутъ дѣлать? Я туда-сюда: къ попу и въ волость, къ старшинѣ и писарю... Послали меня къ становому, испимши съ меня полштофъ. Прихожу въ станъ.—Ваше благородіе!—говорю:—такъ и такъ. Какой-то мужикъ, — какъ онъ сказывалъ, изъ Чембара, по прозвищу Иванъ Винокуровъ,—былъ у меня съ бабой... Они въ степь ходили и мальчика покинули у меня: Алешкой звать, по четвертому году. Пошелъ отъ меня этотъ мужикъ съ своей бабой въ Городенскъ,—да и слѣдъ ихъ простылъ. А я таперича опасаюсь: какъ бы мнѣ не быть въ отвѣтѣ изъ-за мальчишки.—Въ отвѣтѣ ты, Кавунъ, не будешь,—говорить становой,—а только сохраняй его, пой и корми, блюди его! А я напишу въ чембарскую полицію для розысковъ. Не сумлѣвайся!—говорить.—Ну, я и вернулся изъ стана домой. Отлегло мнѣ отъ сердца и съ радости выпилъ: потому—обнадежилъ меня становой! Только опосля пришла мнѣ объявка отъ становаго, что въ Чембарѣ нѣтъ такого мужика... И то сказать: можетъ быть, плохо искали... Вотъ я и остался съ мальчишкой: не бросать же мнѣ его—вѣдь и щенка жалко!

— Вѣстимо, жалко... Что-жь? Дѣло доброе, — Господь пошлетъ, не оставитъ. Такъ ужь ты, Илья Андреичъ, разстайся насчетъ моихъ сапожишекъ: и подборцы тамъ, и стелечки подложи,—что требуется, а нѣтъ,—такъ и подметочку сдѣлай!.. А я уютка зайду.

— Ладно, Назаръ Викулычъ! Все сдѣлаю тебѣ въ лучшемъ видѣ... Не сумлѣвайся.

Когда писарь ушелъ, Кавунъ еще постучалъ съ полчаса молоткомъ, подрѣзалъ слои кожи на каблукѣ, всталъ съ своего обрубка и сладко потянулся.

«Да что это я? — каторжный что ли? — рассуждалъ онъ самъ съ собою: — поработалъ — и будя! Эхъ, наша жисть! А къ водочкѣ такъ тебя и тянетъ... Ну, да отчего и не выпить съ устатку?»

И Кавунъ досталъ изъ-подъ наръ въ сѣняхъ полштофъ, въ которомъ оставалось еще вина стаканчика на три, вынулъ изъ шкафчика зеленоватый, пузырчатого стекла, стаканъ, корочку хлѣбца съ солью и, покрякивая и прикусывая хлѣбцемъ, аппетитно выпилъ въ нѣсколько глотковъ всю остававшуюся въ полштофѣ драгоценную влагу, — стаканъ за стаканомъ. Очки онъ уже сбросилъ на столъ, понюхалъ изъ жестяной коробочки табачку съ мятой и просіялъ. Теперь глаза у него заблестѣли и вино слегка ударило въ голову, а щоки и украшавшій ихъ мясистый носъ покраснѣли.

«Вотъ такъ важно! — рассуждалъ онъ. — Мнѣ отчего не выпить? Дѣло свое и всякое положеніе я хорошо знаю и понимаю. Можетъ, и во всей губерніи такихъ мастеровъ мало найдется!.. Ну, тамъ заказовъ на господскую ножку, на новѣшнія штилетцы и туфельки, у насъ въ Красномъ Кутѣ почитай что и не бываетъ, а ужъ кому потребуются сапоги для поля, болота и всякой оказіи, — можемъ произвести за первый сортъ! Намеднись самому генералу Пыхтѣву утрафилъ. — «Сдѣлай мнѣ — говорятъ они — такіе сапоги, чтобъ выше колѣнъ были — по болотамъ и въ лѣсахъ ходить съ ружьемъ». — Ужъ такіе-то, ваше превосходительство, сдѣлаю, что и въ губерніи вамъ такъ не потрафятъ! Нашу рѣчку извольте хоть въ бродъ переходить; ножекъ, сударь, не замѣчите. Сносу не будетъ! — Они это усмѣхаются и говорятъ: «Ну, ладно, Кавунъ, цѣну бери настоящую, — только, чтобъ были хороши! Да у меня еще, смотри, по два мозоля на каждой ногѣ. А не утрафишь, — не взыщи! Какъ въ старину бывало, арапельникомъ отвалаю». — Ну, точно, утрафилъ, — и сами генералъ велѣли мнѣ еще мѣрочку картошекъ отпустить на придачу. — «На водочку, — говорятъ они, — я тебѣ не даю, потому — ты,

Кавунъ, зашибаешь, горилку любишь, а ддя семейства твоего можешь заполучить мѣрочку картошекъ... У меня этого добра много»..

«Вотъ то-то и есть!—продолжалъ Кавунъ свой монологъ, расхаживая по избенкѣ и для чего-то ударяя себя въ грудь:—всякому могу утрафить, коли ужъ самому генералу Пыхтѣеву утрафилъ»...

Вино начало дѣйствовать на Кавуна. У него появилась сонливость, и онъ улегся на лавку, закрывшись отъ мухъ ситцевымъ платочкомъ. Вскорѣ же поднялся въ избѣ свистъ и храпъ, къ которому подозрительно начала прислушиваться проснувшаяся кошка.

II.

Тѣмъ временемъ жена Кавуна, Лукерья, которую всѣ обыватели Краснаго Кута звали Кавунихой, усердно выпалывала грядку съ огурцами. Низинка огорода, въ нѣсколько бороздъ, была засажена молодою капустою. Тутъ же было и нѣсколько бороздъ картофеля. Потъ такъ и струился по сморщенному лицу Лукерьи, которая изгибалась въ три погибели надъ своей работой въ худенькомъ и давно уже утратившемъ свой первоначальный цвѣтъ сарафанѣ. Обнаженная шея, съ веревочкой отъ кипариснаго крестика, и костлявыя плечи старушки приняли отъ пыли и солнца почти кирпичный цвѣтъ.

За капустой, у самаго плетня, находилась неглубокая и по временамъ пересыхавшая ямка для дождевой воды, которая служила для поливки. Мальчуганъ Алешка сидѣлъ безъ шапки и пускалъ на воду корабликъ своего издѣлія. Этотъ корабликъ онъ сдѣлалъ изъ сломанной деревянной ложки. Пробуравивъ шильцемъ въ ложкѣ двѣ дырочки, Алешка вставилъ туда палочки вмѣсто мачтъ и привязалъ къ каждой изъ нихъ по тряпочкѣ на подобіе парусовъ. А сидѣвшая тутъ же хорошенькая дѣвчонка, лѣтъ восьми, съ синеватыми глазами и бѣлыми, точно льняными, волосами изготовляла пассажировъ для этого кораблика—нѣсколько крошечныхъ куколокъ, у которыхъ съ трудомъ можно было отличить голову отъ туловища.

Весело было ребятишкамъ. Недаромъ же проживавшая у

сосѣдей сиротка, Маша Гуторова, такъ и рвалась въ гости къ изобрѣтательному на всякія игры Алешкѣ. Будучи старше Маши на два года, Алешка былъ ея первымъ и лучшимъ другомъ. Ни разу онъ ея не обидѣлъ. А въ деревнѣ какой же мальчишка не счумѣетъ обидѣть дѣвчонку? Мало того: сколько разъ Алешка угощалъ Машу бубликами и подсолнечниками. А разъ онъ даже поцѣловалъ ее, хотя Маша сильно стыдилась. Да и самъ Алешка сконфузился, когда она разсердилась и при самой Лукерьѣ Кавунихъ отчитала его за этотъ «безстыжій», по ея словамъ, поступокъ въ такихъ выраженіяхъ:

— Вѣдь такого положенія нѣтъ у насъ въ Красномъ Кутѣ, чтобы цѣловать дѣвчонку! Еще намедни бабушка Олимпиада ужъ какъ стыдила Палашку за то, что она на игрищѣ прошла по улицѣ, обнявшись съ Савкой Карноухимъ. А мать Палашки, Соломонида, доказывала тогда передъ бабушкой, что Савка будто бы еще поцѣловалъ Палашку. Вотъ Соломонида и говоритъ про свою дочь Палашку, что она все вѣшается съ парнями и что послѣ этого никто ее замужъ не возьметъ...

Удивительно, какъ это Маша Гуторова, — когда ей было только тринадцать лѣтъ и ее впервые поцѣловалъ Алешка, — успѣла подмѣтить и понять все фактическое и юридическое значеніе деревенскаго флирта. Но въ деревняхъ дѣвочки гораздо раньше знакомятся съ жизнью, чѣмъ городскія дѣти.

Теперь же, когда Алешка и Маша забавляются пусканіемъ кораблика въ ямкѣ съ водою на огородѣ Кавуна, они оба остаются еще совсѣмъ дѣтьми.

— Алеша, Алеша! — крикнула Лукерья: — принеси ~~ковшичекъ~~ чекъ, — полей вонъ тотъ краюшекъ.

И, проворно исполнивъ приказаніе старушки, Алешка снова принялся за свой корабликъ. Теперь онъ уже мечтаетъ раздобыть гдѣ нибудь другую изломанную ложку, чтобы соорудить еще корабликъ: тогда, по крайней мѣрѣ, начнется, какъ онъ выражался, *страженіе* между корабликами.

Теперь знойное солнце уже клонилось къ закату. Въ воздухѣ вдругъ заохлодѣло и появились первые признаки росы. Прыгнувшій на тропинку изъ-подъ ногъ Лукерьи лягушонокъ снова спрятался въ траву.

Когда Лукерья пришла съ огорода, Кавунъ продолжалъ

сладко храпѣть, лежа навзничъ на лавкѣ. Мухи облѣпили ему ротъ, наслаждаясь пропитанною алкоголемъ и никотиномъ слюною, которая тонкою струйкою бѣжала по его, чуть прикрытому платочкомъ, небритому подбородку.

«Господи!—вскрикнула въ негодованіи Кавуника:—мой-то старикъ успѣлъ таки нализаться. Таперь, мотри, загуляетъ дня на три»!..

Заглянувъ въ сѣни подъ нары, Лукерья убѣдилась, что старикъ опустошилъ послѣдніе остатки въ полуштоффъ и только всплеснула руками, призывая въ свидѣтели Богородицу и св. Николая-угодника...

Дни проходили за днями. Кавунъ испивалъ по прежнему, но во хмѣлю былъ смиренъ. Онъ и самъ себя не хвалилъ за пьянство, однако, считалъ это только грѣхомъ и обычною своею слабостью.

«Грѣшникъ я, окаянный!—сокрушался онъ послѣ похмѣлья, когда приходилось выкупать только-что сшитые сапоги, еще не отданные заказчику, или платить за взятый въ кредитъ сапожный прикладъ. — Слабъ я духомъ—совсѣмъ таки ослабѣлъ»!

Какой-то подозрительнаго вида странникъ, — хвалившійся тѣмъ, что онъ видалъ и врата Иерусалима, и гробъ Господень, и Виелеемъ, и вѣчную самогорящую лампаду, и чудотворную икону Богородицы съ льющимися изъ ея глазъ слезами и пр., — пробовалъ за рублевку отчитывать Кавуна отъ пьянства, но безуспѣшно. Когда подойдетъ человѣку «линія» и «нутро» потребуетъ «плепорцію», — тутъ ужъ ничего не подѣлаешь!.. А Лукерья Кавуника, по привычкѣ, мирилась съ грѣхомъ своего мужа, радуясь уже и тому, что онъ ее еще ни разу не билъ. Все же ей, Лукерьѣ, живется много лучше, чѣмъ Авдотья-мельничихѣ... Вотъ у той такъ ужъ дѣйствительно очень крутъ муженекъ,—совсѣмъ озорникъ! И чего-чего старый грѣховодникъ-мельникъ съ нею ни дѣлалъ: разъ даже подвѣшивалъ Авдотью подъ сараемъ, какъ тушу какую свиную, и стегалъ ее веревкой съ привязаннымъ на концѣ гвоздемъ. Послѣ этого Авдотья родила мертваго младенца. Ну, да что и толковать. Авдотьино житье, видно, совсѣмъ «желтенькое», а ей, Лукерьѣ, живется еще слава-те Господи!

На счастье Лукерья подрастала и Алешка. Хотя онъ уже и присматривался, какъ шьютъ сапоги, и даже помогать Кавуну кое въ чемъ, но по всему было видно, что не тянуло Алешу идти въ сапожники. Да и самъ Кавунъ хорошо понималъ, что рѣзваго мальчика занимаютъ не сапоги, а нѣчто совершенно иное: онъ больше интересуется природой, книжками да картинками. Алешка бѣгаетъ съ утра до ночи по горамъ и лѣсамъ, по оврагамъ, разыскиваетъ разныхъ жучковъ, блестящихъ мухъ и бабочекъ, засматривается въ «воробьиныя ночи» на зарницы и молнии и никакъ не налюбуется на передвиженіе облаковъ. Онъ хочетъ знать, какъ и откуда берутся эти вѣчные странники, какъ восходить и заходить красное солнышко, что такое мѣсяцъ и звѣзды? Хочется ему узнать поскорѣе и грамотку. Какъ, что и почему? — вотъ вопросы, которые то и дѣло задавалъ мальчикъ старому сапожнику и развѣ только на рѣдкіе изъ нихъ онъ, Кавунъ, могъ дать сколько нибудь удовлетворительный отвѣтъ.

— Люди мы темные! Въ науку бы отдать, — говорилъ тогда Кавунъ непосѣдливому мальчику и разглаживалъ ему вихры, которые развѣ только два раза въ годъ, на рождество и пасху, знакомились съ гребенкой. Но не до науки въ сельскомъ быту, когда всякій кусокъ сосчитанъ.

А время бѣжить да бѣжить, и Алешкѣ Винокурову сравнялось уже 17 лѣтъ.

Однажды пришелъ подъ окошко сельскій староста Миронычъ и, помахивая батожкомъ, говорить Кавуну:

— А что, Илья Андреичъ? Я насчетъ твоего Алешки. Не вѣкъ же ему съ ребятами баловаться! Къ сапожному дѣлу ты его почитай что не пристроилъ, а намъ для общества безпремѣнно надо имѣть отдѣльнаго пастушка для свиней. Хлѣба для него, стало быть, будутъ мірскіе, а жалованья мы ему положимъ отъ общества всего двѣнадцать рублей. А въ зимніе мѣсяца шущай въ школу ходить. Къ общественнымъ телятамъ мы ужъ пристроили сиротку, Машу Гуторову.

— И то дѣло, Миронычъ! Я вотъ ужѣтка покалякаю съ своей старухой. Я и самъ ужъ давно мекаю: чего малому болтаться!

Сказано—сдѣлано. Лукерья не только не противорѣчила мужу, а скорѣе даже обрадовалась. И по ея разсужденію вы-

ходило, что Алешкѣ лучше быть въ пастушкахъ, чѣмъ сидѣть въ душной избенкѣ и вдыхать всякіе запахи отъ махорки и кожъ. А тутъ еще и старикъ пьянствуетъ. Прежде хоть рѣдко напивался — совѣсть зналъ. А теперь пьеть все больше да больше... Какой примѣръ!

«Опять же и двѣнадцать рублей за лѣто не котъ начиналъ», — думаетъ Лукерья. — И она спила изъ толстаго холста сумочку для будущаго пастуха: въ эту сумочку онъ, Алешка, когда хлѣбца положить, когда — пирожка съ горохомъ или съ кашей, а когда — и картошку печеную... Радъ былъ и Алешка. Вотъ ужъ теперь-то онъ и азбучку подучить на свободѣ, на вольномъ воздухѣ, и на птичекъ вволю налюбуется; и на облака поглазѣетъ, а тамъ и цвѣточковъ нарветъ для своей подруги Маши Гуторовой: вѣдь и она почти такая же сирота, какъ и онъ, Алешка. Почему же имъ другъ друга и не любить? «А какъ же это наладить? — думалъ будущій свинопасъ: — вотъ и Маша будетъ стеречь телятъ... Хорошо было бы пасти съ нею вмѣстѣ!»

И Алешка уже начиналъ мечтать, какъ ловко и звонко будетъ онъ хлопать кнутомъ. Вотъ тогда-то Маша будетъ ему завидовать... Вѣдь дѣвчонка ужъ никогда не сравняется въ силѣ съ парнемъ. Дѣйствительно, имъ приходилось пасти вмѣстѣ. Теперь Машутка уже изображала собою дѣвочку-подростка пятнадцати лѣтъ. Вмѣсто прежней ребяческой длинной рубашки, подпоясанной краснымъ обрывкомъ, теперь на ней былъ новенькій сарафанъ, чуть замѣтно, но все таки обрисовывавшій ея талію, которая года черезъ два, черезъ три обѣщаетъ быть очень стройною. На голову Маша накинула желтый съ черными цвѣтами платочекъ, а на ногахъ у нея новые чулки и лапти. И у Машутки, также какъ и у Алексѣя, болталась за спиною сумка со старенькимъ зипунишкой на случай холода, вѣтра и дождя. И теперь ужъ Маша Гуторова не хуже, чѣмъ Алешка Винокуровъ, умѣетъ хлопать своимъ длиннымъ кнутомъ.

А какъ хороша эта дѣвчоночка, когда пробѣжится по полю и раскраснѣется, загоняя отбившагося теленка! Алешка и самъ не понимаетъ, какъ и почему, но только онъ чувствовалъ, что ему такъ и хочется посидѣть, поиграть, побѣгать и «погугорить» съ Машуткой. Недаромъ у нея и прозвище: «Гуторова»!

А она еще такъ много переняла отъ деревенскихъ старухъ разныхъ сказокъ и повѣрій. Да онъ былъ бы очень непрочь и поцѣловать Машутку, но ему какъ-то совѣстно, а Машутка—такая строгая и никакого «охальничанія» не дозволить надъ собою даже ему, Алешкѣ, хотя несомнѣнно онъ ей товарищъ и вѣрный другъ съ самаго дѣтства.

Сколько разъ доводилось имъ пасти вмѣстѣ или по сосѣдству другъ съ другомъ. Главнымъ же пастбищемъ служили лѣсистые бугры, косогоры и овраги близъ Акулькина лога, обращеннаго своими низинами къ рѣчкѣ Журавкѣ.

Вотъ Машутка и Алешка уже облюбовали себѣ мѣстечко на пригоркѣ, и вся скотина у нихъ на виду. Заботливая Маша бросила зипунъ и бережно вынула изъ своей сумки чугунокъ съ картошкой и деревянной ложкой и краюшку хлѣбца. Алешка тоже досталъ изъ своей котомки лопотъ уже посланнаго хлѣба, лепешку и ножикъ. Приближались покосы. Былъ жаркій июньскій день и кое-гдѣ по буграмъ уже подрумянивалась клубника, а дальше въ лѣсу нетрудно было отыскать и спѣющую землянику. Наши пастушкѣ, перекликаясь, искали ягодъ и въ то же время сгоняли къ одному мѣсту разбредшихся свиней и телятъ. А солнце такъ и печеть, и только изрѣдка набѣгаютъ тучи.

Наступали полдни, и время было хлопотать объ обѣдѣ. Конечно, въ роли стряпухи, по обыкновенію, очутилась Маша; Алешка долженъ былъ позаботиться о дровахъ.

— Ну, Маша!—сказалъ Алешка,—пойду-ка я за дровами, за сушнячкомъ, а ты, милая, поглядывай за скотинкой!

— Иди, Алеша, съ Богомъ, да только долго не шлайся. А то ужъ я знаю тебя: пойдешь тамъ всякихъ птицъ высматривать... Я бы теперь похлебала: ѣсть хочется, очень хочется. Да скоро ли еще мы костерь разведемъ? Богъ съ ними и съ твоими птицами!

— Да вѣдь это очень занято, Маша. Я оберегаю всякихъ птичекъ и не позволяю ребятамъ ихъ разорять. У меня на примѣтѣ есть гнѣздышко: я тебѣ покажу... Ужъ скоро всѣ птенчики вылетятъ.

— Ну, и Богъ съ ними, съ птенчиками.

— Да поди же погляди!

Но, занятая хозяйствомъ, Маша не слушаетъ Алешку, и

онъ углубляется въ лѣсъ. Однако, вскорѣ же Алеша возвращается съ сіяющимъ лицомъ. Въ рукахъ у него было съ десятокъ подосинниковъ и березовиковъ.

— Гляди ка, Маша, чтѣ намъ Богъ послалъ,—весело сказала Алеша Винокуровъ.

— Чудесно, Алеша! Это мы въ похлебку съ картошкой положимъ. А я таки не утерпѣла: ужъ закусила хлѣбцемъ съ ягодками...

Черезъ полчаса Винокуровъ уже тащилъ беремя сушняку и костеръ задымилъ, а потомъ весело запылалъ подъ его опытными руками.

— Ну,—сказала Маша,—я теперь пойду къ роднику за водою, а заодно ужъ и искупаюсь на песочкѣ въ Журавкѣ. А ты, Алексѣй, чисти картошку.

— Ладно!—отвѣтилъ Алешка.

— Только я боюсь, какъ бы меня не утянулъ какой сомъ али водяной...

И на смѣющемся загорѣломъ лицѣ Маши выдѣлились прекрасные бѣлые зубы.

— Ну, вотъ еще!—сказалъ Алешка.—Тебѣ все мерещатся домовые да лѣшіе... А гдѣ они?

— Ты отбивай меня отъ лѣшихъ, какъ потянутъ въ воду!

И Маша ушла.

Но Винокурову не сидѣлось; онъ хотѣлъ подсмотреть:—какъ это Маша будетъ купаться. Онъ, конечно, сдѣлаетъ такъ, чтобы Маша не знала, а то она примется его стыдить на чемъ свѣтъ стоитъ и ругаться, а главное—не будетъ купаться послѣ такого охальства.

«Но хорошо ли это?»—думаетъ Алешка.

Однако, любопытство и какое-то инстинктивное чувство такъ и подбивали Винокурова во что бы то ни стало подсмотреть и полюбоваться на Машу, когда она будетъ плескаться въ Журавкѣ.

«Что жъ? — долго ли сбѣгать на рѣчку? А картошку мы еще успѣемъ начистить»...

И съ ловкостью краснокожаго индѣйца Винокуровъ бѣжитъ и прокрадывается между березками вслѣдъ за Машей, осторожно раздвигая у самой рѣчки олешникъ и тальникъ.

А вотъ и Маша, на песочкѣ, уже съ распущенными волосами. Быстро сбрасываетъ она сарафанъ и остается въ волнующейся отъ вѣтра рубашкѣ съ голыми руками, нагнувшись къ водѣ и всматриваясь, какъ это пискари, плотички и другая рыбёшка плаваютъ стаями.

Вотъ надъ Журавкой съ шумомъ и очень низко пронеслась стая скворцовъ. А надъ головою Маши съ жалобнымъ крикомъ носятся рыбалки и то и дѣло стремительно опрокидываются то тамъ, то здѣсь на рѣку, разыскивая добычу. Надъ болотными цвѣтами гудятъ не то пчелы, не то какіе-то шмели или осы. Вотъ быстро шевелятъ тончайшими сѣтчатыми крыльшками коромысла и то останавливаются въ воздухѣ, то быстро снуютъ въ разныхъ направленихъ, гонясь другъ за другомъ. Всюду жизнь бьетъ ключемъ даже въ ничтожныхъ прибрежныхъ лужахъ. Вотъ гдѣ-то робко отозвалась лягушка и сейчасъ же умолкла: еще не время лягушкамъ собираться на сходку, а до солнечнаго заката далеко!

Рыбки видимо интересуютъ Машу, а шаловливый вѣтерокъ шумитъ по тростникамъ, прибрежнымъ кустамъ и зарослямъ съ высокою травою, и приподнимаетъ лежаціе на водѣ плотные, широкіе листья кувшинки у противоположнаго берега. Вотъ легкій порывъ вѣтра обнажилъ большую часть дѣвичьей груди и растрепалъ волосы... А Маша все стоитъ на берегу и наблюдаетъ за рыбками...

Алешка не сводитъ глазъ съ Маши и у него замираетъ сердце. Никогда еще его подруга не казалась ему такою красивою. Вотъ Маша сняла бывшій у нея на веревочкѣ кипарисный крестикъ, поцѣловала его, бросила на траву рубашку и, перекрестившись, вошла неторопливо въ воду, всматриваясь въ разбѣгающихся рыбокъ. Теперь она погружается гибкимъ и стройнымъ тѣломъ въ чистыя воды Журавки: вѣдь никто сюда не ходитъ!

Не подозрѣвая, что за нею наблюдаютъ несовсѣмъ-то скромные глаза, дѣвушка вошла въ воду по поясъ, повернулась въ ту сторону, откуда жадно изъ-за куста любовался на нее Алешка, и раза три окунулась, а затѣмъ, отбросивъ волосы на спину, принялась плавать не хуже тѣхъ рыбокъ, которыми она только что любовалась. Брызги, фонтаны и круги такъ и летѣли и расходились отъ нея... А ярко-зеленые лопухи, со

свѣтло-коричневымъ исподомъ и отчетливо выдѣлявшимися жилками, крупноцвѣтными бѣлыя и желтыя кувшинки и высокіе камыши теперь составляли живую декорацию интересной картины съ купающеюся крестьянскою дѣвушкой на первомъ планѣ.

Окончилось купанье. Быстро выскочила Маша изъ рѣчки, раза два прыгнула на одной ногѣ по песочку и очутилась на травѣ подъ кустомъ. Ловко вскинула она на себя рубашку и принялась за сарафанъ, чтобы довершить туалетъ. А Алеша Винокуровъ уже бѣжалъ къ своему костру.

Не успѣлъ онъ подобрать десятка два палочекъ, какъ костеръ снова запылалъ, и Маша Гуторова, только-что изображавшая собою хорошенькую русалку въ рѣчкѣ Журавкѣ, вскорѣ явилась къ своимъ телятамъ, какъ пастушка, съ набранною въ котелокъ водою.

— Ахъ, какъ я выкупалась чудесно!—сказала она.

— Ты, видно, очень спѣшила... Дай, Маша, я тебѣ застегну сарафанъ...

— Ну, вотъ еще! Я и сама застегну... Ну, немного же ты начистилъ! Ты, должно быть, безъ меня спалъ.

И Маша привычными руками обмыла грибы, накрошила ихъ съ картофелемъ въ чугунокъ, а черезъ часъ дымившаяся похлебка была уже готова. Дѣвушка размѣшала и отвѣдала похлебку, бросивъ въ нее щепотку соли, поставила чугунокъ еще минутъ на десять на огонь и, перекрестившись, начала ѣсть; потомъ она передала ложку Алешѣ, который также перекрестился и обѣдалъ все время съ непокрытой головой.

— Анютка-а! ау-у! — слышится изъ лѣса чей-то пѣвучій контральто.

— Ау-у—откликается еще дальше серебристый сопрано.

— Подъ сю-ды-ы ско-рѣй! ау-у! Анют-ка-а! ау-у!

— И-ду-у! ау-у!

— Вотъ намъ съ тобой, Алеша, ни по чемъ ходить въ Акулькинъ логъ,—говоритъ Маша, оканчивая скудный обѣдъ,— а наши краснокутскіе ни за что не пойдутъ сюда подъ вечеръ и ночью. Тутъ, сказывали мнѣ на деревнѣ, кой-кому уже доводилось видать тѣни отъ дѣвки Акулины и старухи Демьяновны. Святая, говорятъ, была эта старуха! Жила она всегда одна съ собакой, кошкой и пѣтухомъ, на краю деревни, въ

землянкѣ, и всё ея страсть какъ боялись и почитали. Кто хлѣбца, кто крупичи принесетъ ей,—тѣмъ, бывало, и кормилась. Каждому могла предсказать, а опосля того, подъ конецъ своей жисти, куды-то запропала и нигдѣ ея не хоронили... Только вотъ ужъ года три, какъ она,—стало быть, душа ея,—начала ходить съ дѣвкой Акулиной по здѣшнимъ мѣстамъ. А какъ увидятъ ихъ люди въ здѣшнихъ оврагахъ,—вотъ-вотъ! только бы взять ихъ обѣихъ за руки, а какъ взяли — глядь! и ничего нѣтъ: одинъ парь, да вѣтеръ еще шумить: у-у-у! Стало быть, души ихъ ходятъ и тоскуютъ...

— А съ чего тоскуютъ? Все это, Маша, пустое говорятъ! Учитель сказывалъ, что нѣтъ ни лѣшихъ, ни домовыхъ, а покойникамъ нѣтъ дозволенія ходить по землѣ...

— Ну, не говори этого, Алексѣй! Я хоть сама не видала, а слыхатъ слыхала отъ вѣрныхъ людей. Намеднись Сонька Орѣшкина божилась мнѣ Николаемъ угодникомъ, что она сама видала, какъ упокойники ходятъ,—только не вездѣ, а тамъ, гдѣ не было и не бываетъ молебна съ водосвятиемъ. Такія, видишь ты, бываютъ для нихъ особыя заклатья мѣста! Еще я отъ Соньки слыхала, — а ей бабка Пелагея говорила,—что жила у насъ, въ Красномъ Кутѣ, солдатка Анисья, злющая-презлющая баба, а у нея двѣ дѣвки, ужъ большія: хотъ замужъ отдавай! Старшую, Аришу, мать Анисья всячески обижала: и холерой-то ее обзывала, и паскудой, и сколько разовъ по щекамъ била чѣмъ попало, а кормила ее кой-какими помыцами. Даже хлѣба для нея жалѣла! Зато меньшую, Параску, она любила и такъ наряжала, какъ ни одна дѣвка у насъ въ Кутѣ не одѣвалась. Вотъ разъ Анисья исколотила Аришу ни за что, ни про что, даже лицо ей раскровянила. Выскочила Ариша чуть жива изъ избы за околицу на божій свѣтъ, всплеснула бѣлыми рученьками да и говорить, глядячи на небо: «Матерь Божія, Пречистая Дѣва! Будь ты въ свѣдѣтельницахъ всей напраслины отъ моей родимой матушки!»— А тутъ, какъ ты самъ знаешь,—лѣсокъ и дорога къ Акулькину логу. Не успѣла это Арина призвать Матерь Божию въ свѣдѣтели, — откуда ни возьмись старуха Демьяновна съ корзиночкой, точно за грибами идетъ! А ужъ про самое Демьяновну тогда говорили, что ея и въ живыхъ-то нѣту.

«— О чемъ, дѣвка, плачешь?—спрашиваетъ она Аришу.

«— Какъ же мнѣ, бабушка, не плакать?—отвѣчаетъ Ариша, а у самой слезы въ три ручья, — когда родимая матушка каждый день бьетъ меня немилосердно ни за что, ни про что смертнымъ боемъ!

«— Не тужи, дѣвонька. Ступай домой,—говорить Демьяновна.—Мать Пресвятая Богородица услышала твою жалобу. Теперь тебя родимая матушка и пальцемъ не тронетъ. А будетъ она сама, въ наказаніе, замѣсто сороки...

— И чтò жъ бы ты думалъ, Алеша? — спросила Маша, окинувъ своего слушателя чудесными синими глазами.—Какъ только Ариша вернулась домой,—ея мать Анисья точно пропала! А когда, бывало, Параска выдетъ куда изъ избы,—откуда ни возьмется, летитъ къ ней сорока-бѣлобока и все вьется вокругъ нея: проходу не даетъ! Вотъ Параска, бывало, дивится, а потомъ какъ осерчаетъ да какъ хватить эту сороку чѣмъ ни попало: вѣткой—такъ вѣткой, камнемъ — такъ камнемъ, палкой — такъ палкой... Бывало, до крови подшибетъ сороку, а того, глупая, не смыслить, что это она лукаетъ въ свою родимую матушку. А разъ увидала это Ариша да и говоритъ сестрѣ: «что ты, Параска! ай не видишь?—вѣдь это вьется и ластится къ тебѣ не сорока, а наша мамка! У нея даже и слезы текутъ изъ глазъ, а ты въ нее лукаешь чѣмъ ни попало!» А сестра Параска ей въ отвѣтъ: «Ну, счастливъ твой Богъ, Аришка, что наша мамка запропала куда-то, сничтожилась, а то бы она повыбила изъ тебя всю дурь!» — Вотъ мучилась-мучилась сорока, — это, стало быть, Анисья-то!—и самой ей тоска, да и Параскѣ моченьки нѣтъ... Разъ отлетѣла сорока отъ Параски, когда та сдуру угостила ее палкой, и видитъ сорока—Анисья-то,—что пѣвчій черный дроздъ слетѣлъ съ своего гнѣздышка и все суется около своего птенчика; а птенчикъ еще не оперился, лежитъ на землѣ, какъ несмысленный младенецъ: стало быть, онъ изъ гнѣзда выпалъ! Пожалѣла сорока дрозда, схватила птенчика за ножку и все норовить поднять его въ гнѣздо. А дроздъ такъ все и клюетъ, и клюетъ сороку, а того не понимаетъ, что сорока для него же старается. Наконецъ она, — это, стало быть, Анисья-то въ видѣ сороки,—кое-какъ осилила, подняла и положила птенчика въ гнѣздышко... И все это дѣло видѣла Ариша. И пожалѣла она сороку, свою мамку; видитъ, что и

сорька творить добрыя дѣла. Вотъ Ариша глядитъ на небо и говоритъ: «Мать Пресвятая Богородица! пожалѣй мою мамку послѣ наказанія, какъ она пожалѣла чужаго птенчика!» — Какъ только Ариша это сказала, а сама въ слезахъ отъ жалости — она зла не попомнила, — откуда ни возмись опять Демьяновна съ корзиночкой, а ужъ въ корзинкѣ-то все одни бѣлые грибы: одинъ другаго лучше! — «О чемъ ты это молишься, дѣвонька?» — спросила она, а отъ самой точно сіяніе! — «Иди, говорить, домой! Мамка твоя пришла изъ Кіева съ богомолья. Она всѣ грѣхи свои замолила и тебя больше не станетъ обижать». — И что же бы ты думалъ, Алексѣй! Какъ только Ариша пришла, — видить: идетъ ея мать, ужъ въ человѣческомъ образѣ, съ длиннымъ посохомъ и сумкой за плечами. Сама-то Анисья ужъ сдѣлалась совсѣмъ старенькая! — идетъ, стало быть, съ богомолья, отъ святыхъ печерскихъ угодничковъ... И стала теперь Анисья жить душа въ душу съ обѣими дочерьми. А съ того съ самага времени, какъ только увидить Анисья гдѣ нибудь сороку, — такъ и сама не своя дѣлается и горько, прегорько заплачетъ. Стало быть, сейчасъ это она и вспомнить, за грѣхи, свое прежнее сорочье житье. А Демьяновна, сказываютъ, послѣ афтаго ужъ не разъ показывалась людямъ, да и таперь еще я все опасуюсь, какъ бы она намъ не померещилась тутъ, въ Акулькиномъ догу...

— Экъ ты, Маша,хватила куда! Вѣдь это ты мнѣ сказку рассказала. А я-то сперва уши развѣсилъ: думалъ, что правда!

— Не то сказка, не то правда! — отвѣтила Маша, нѣсколько задумавшись. — А я такъ полагаю, что все это суцая правда... Да развѣ Господь не могъ наказатъ Анисью за ея грѣхи?! Вѣдь Богъ все можетъ сдѣлать... И сорока, по его приказанію, будетъ человѣкомъ, а человѣкъ можетъ обратиться въ сороку...

— Такъ-то оно такъ, Маша, да вотъ пора намъ скотинку попоить. А тамъ и мой чередъ будетъ купаться.

И убѣдившись, что отъ костра теперъ остались только зола и совсѣмъ потухшіе угли, наши пастушки погнали телятъ и свиней къ выбѣгавшему изъ ближайшей лужи ручью, который тихо вливался въ Журавку.

Такъ проходили дни за днями для Алеши Винокурова и Маши Гуторовой. Иногда, для разнообразія и глядя по травѣ, они мѣняли только мѣсто пастбища. И весело, и хорошо имъ было вдвоемъ.

— Поди-ка ты сюда, Машутка!—однажды говоритъ Алеша Винокуровъ своей неизмѣнной подругѣ, развалившись на зипунишкѣ:—я те книжку покажу!

— А что мнѣ твоя книжка? Нешто дѣвкамъ есть положеніе знать грамоту?

— Нонѣ и дѣвокъ учать...

Но книжка скорѣе была только предлогомъ къ сердечному разговору: Алексѣй такъ и заглядывался въ голубоватые глаза Маши.

Въ этотъ разъ онъ испытывалъ какой-то особый юношескій трепеть предъ чѣмъ-то женственнымъ, еще неизвѣданнымъ и поэтому для него таинственнымъ. Да и не удивительно! Вѣдь теперь ему уже 17 лѣтъ, а черезъ годъ онъ по своимъ лѣтамъ — женихъ: любая дѣвка, — конечно, не изъ богатой семьи, — пошла бы за него, еслибъ только была у него своя избенка и еслибъ онъ самъ былъ приписанъ къ краснокутскому сельскому обществу. А Машѣ Гуторовой уже 15 лѣтъ и черезъ годъ она — невѣста!.. Ну, да наврядъ ли кто женится на сиротѣ...

— Гляди, Машутка! Вишь ты, какой лѣсъ напечатанъ въ книжкѣ, а вотъ и цвѣточекъ, — только я не разберу: не то подсолнухъ, не то ромашка.

— Вотъ нашель, чѣмъ хвастать! Какой это лѣсъ на бумажкѣ? Гляди, Алешка, — вотъ такъ лѣсъ!.. И конца краю нѣтъ.

И Машутка указала на синѣвшую вдали рощу и казенный лѣсъ, гдѣ, бывало, они вдвоемъ рвали столько ландышей.

— А вотъ тебѣ и цвѣтокъ,—настоящій цвѣтокъ!

И Маша сорвала желтѣвшій вѣнчикомъ курослѣпъ и бросила въ своего собесѣдника. А солнышко такъ и парить... Какой-то крупной породы коршунъ величественно рѣетъ чуть не подъ самыми облаками, плавно описывая круги надъ стадомъ свиней и телятъ. Черные неугомонные скворцы копошатся на пастбищѣ въ кучахъ навоза и то-и-дѣло вскакиваютъ на

спины отдыхающих въ повалку свиней, которыя, очевидно очень довольны услужливостью своихъ пернатыхъ друзей, избавляющихъ ихъ отъ паразитовъ. Вотъ очень солидныхъ размѣровъ боровъ для чего-то поталкиваетъ рыломъ совсѣмъ еще юнаго боровка. Старый хрякъ внушительно хрюкаетъ, предъявляя какія-то требованія, можетъ быть, напоминаетъ о должномъ ему почтеніи и субординаціи, а молодой запальчиво визжитъ, выражая протестъ противъ такого черезчуръ уже «свинскаго» обхожденія. Особы прекраснаго пола, сочувственно хрюкая, съ любопытствомъ посматриваютъ, чѣмъ кончится это недоразумѣніе между ихъ кавалерами свинской породы. Вотъ, исполняя материнскій долгъ, огромная свинья растянулась на солнышкѣ и мирно хрюкаетъ, а ее энергично тербитъ юное поколѣніе. А сердитый боровъ все не унимается и явно обижаетъ отступающаго предъ нимъ визгливаго боровка, который успѣлъ уже разъ десять повернуться. Тогда, наконецъ, Алеша ловко хлопаетъ кнутомъ и восстанавливаетъ порядокъ.

III.

Вотъ сгрудились темно-сизыя облака и соединились съ незамѣтно плившею подъ горизонтомъ тучкой. Засверкала въ двухъ-трехъ мѣстахъ молнія и начало погромыхивать... Въ воздухѣ то дѣлается жарко отъ жгучаго солнца, несовсѣмъ еще скрывшагося за тучи, то чувствуется какая-то прохлада и влажность. По наѣзженнымъ полосамъ большой дороги вдругъ появились крутящіяся воронкообразно, точно на одномъ мѣстѣ, вихри пыли—наши смерчи въ миньютюрѣ—и затѣмъ начали разгуливать по полямъ, смѣняясь другими вихрями. Загудѣлъ и засвистѣлъ вѣтеръ, а гдѣ-то вдали уже шумѣлъ градъ. Солнце совсѣмъ скрылось, а удары грома становились все сильнѣе и сильнѣе. Испуганные телята и свиньи стали собираться въ кучи. Наконецъ, полился дождь. Мѣстность была открытая и спрятаться было негдѣ.

Алексѣй воткнулъ три палки, положивъ на нихъ зипуны, сдѣлалъ нѣчто въ родѣ палатки и позвалъ туда свою подругу.

— Ай, ай! какъ отжариваетъ! — говорилъ Алешка, когда

дождевая вода съ крупинками града начала проникать чрезъ дырявый зипунъ, а вѣтеръ хлесталъ въ него дождемъ съ боковъ.

Маша полѣзла въ палатку изъ зипуновъ. Вдругъ Алексѣй тихо обнялъ Машу и въ первый еще разъ почувствовалъ подъ рукою начинающій развиваться упругій дѣвичій станъ. Теперь Алеша дрожить не столько отъ дождя, попавшаго ему за рубашку, сколько отъ неиспытаннаго имъ вполне юношескаго влеченія къ дѣвушкѣ-подростку. Въ немъ начали пробуждаться юношескіе порывы. Онъ сжимаетъ сопротивляющуюся Машу все крѣпче и крѣпче...

— Не замай, Алешка, не балуй!—говорила Маша, отстраняясь отъ объятій и толкая своего грубаго кавалера, но больше потому, что въ такой именно формѣ, въ сельскомъ быту, принято сдерживать парней-охальниковъ. — «Имъ, безстыжимъ, только волюшку дай,—такъ говорятъ сельскія красавицы,—а тамъ и пропала наша сестра!»

Въ дѣйствительности же ей были пріятны объятія Алешки: вѣдь отъ кого же она, Маша, видѣла ласку? Парни, почитай, что и не заигрывали съ нею, а на игрища ей, сиротѣ, ходить было «не гоже». Отца своего, солдата, безъ вѣсти пропавшаго, Маша Гуторова не помнила, а матери она лишилась, когда ей, дѣвчонкѣ, было еще всего два года. Кто же станеть ласкать сироту, которую взяла на прокормленіе «для Бога и спасенія своей души» тетка Василиса, сама очень бѣдная и почти одинокая женщина.

— Не трожь, не обижай меня!

— А какая тутъ обида? — возразилъ Алешка: — развѣ я когда обижалъ тебя? Ты—сирота горемычная, а я и вовсе бо-быль... Послѣдніе мы люди въ Красномъ Кутѣ. Только и прозвище мнѣ одно: «Алешка Кавуненокъ»! Товарищи все дразнятъ, что меня будто какой-то цыганъ подбросилъ. А я знаю, что я вовсе не цыганъ, и обличіе-то у меня не цыганское... Погляди, Маша: развѣ я похожъ на цыгана?

И, интересовавшійся своимъ загадочнымъ происхожденіемъ, Алеша снялъ передъ Машей картузь. Слегка курчавые темные волосы, каріе, почти черные глаза и пушокъ на верхней губѣ, изъ-подъ которой блестялъ рядъ ровныхъ и бѣлыхъ зубовъ, обезпечивали Алешкѣ несомнѣнный успѣхъ въ ухажи-

ваніяхъ за дѣвками. Нравился онъ и Машѣ. Но ей пріятно было подразнить его.

— А можетъ статься, ты и впрямь цыганской породы?— сказала она и засмѣялась. — Вишь, какой черномазый! Тебя сорока на хвостѣ принесла въ Красный Куть.

— Нѣтъ, не обижай меня, Маша!— возразилъ Алексѣй, — мой тятка Иванъ Винокуровъ съ мамкой были чембарскіе. Учитель сказывалъ, что есть такая губернія пензенская, а въ ней есть городъ Чембарь—вотъ не хуже нашего Городенска... Ты, Машутка, вѣдь бывала въ Городенскѣ?

— Разовъ до двухъ доводилось быть. Прошлою осенью тетка Василиса носила пѣтуха въ Городенскъ продавать, да еще пряжу—сколько-то мотковъ. Мы еще тамъ папушничку купили, сѣменковъ, и въ трактирѣ чайку испили съ теткинѣмъ кумомъ. Церквей тамъ — до пропасти! церкви съ четыре будутъ, а еще выстроена часовня царская. А за базаромъ—пребольшущій острогъ, куда вотъ всѣхъ жуликовъ сажаютъ. Лавокъ-то, лавокъ-то чтò тамъ — видимо-невидимо! И миткали, и ленты, и топоры, и иконы, и хомуты, и деготь—всего, чтò захочешь, хоть на три рубля покупай. А далече будетъ этотъ Чинбарь?

— Далече, Маша, очень далече! Туда и чугушка проложена, хоть и не доходитъ до самаго Чембара. Я глядѣлъ въ школь: эдакое пребольшущее полотно виситъ у учителя—картой называется—а на этой картѣ и нашъ Городенскъ обозначенъ. Всякія тамъ рѣки и моря, и горы!

— Стало быть, и наша Рассея тамъ означена? А велика ли будетъ Рассея?

— Страсть большущая! Ты дальше Городенска не была, а я былъ на чугункѣ. Вотъ отъ насъ до Городенска 16 верстъ, а тамъ еще хоть тысячи три верстъ скачи,—и все это будетъ одна Россія. А по срединкѣ стоитъ Москва. Туда и самъ царь наѣзжаетъ изъ Питера, какъ стоскуется по Москвѣ али еще по какому случаю. Стало быть, Москва всѣмъ нашимъ городамъ matka. Вотъ нашъ Городенскъ и другіе прочіе города на картѣ означены все равно чтò точки — стоятъ, будто копы сѣна на лугу, а Москва эта самая пребольшущимъ кружкомъ на картѣ обозначена—ни дать, ни взять, какъ будто цѣлый стогъ, супротивъ копенъ, стоитъ на лугу. А еще намъ

учитель сказывалъ, что тамъ—въ Москвѣ-то — однѣхъ церквей будетъ сорокъ сороковъ... А трактировъ, всякихъ домовъ и кабаковъ не перечесть!

— Ну, это ты врешь, Алешка. Какъ же это одинъ попъ будетъ тебѣ служить обѣдно въ сорока церквяхъ?

— Глупенькая ты, Маша! Вѣдь тамъ однихъ поповъ-то видимо-невидимо! На каждую церкву по одному попу, а то и по два... Учитель сказывалъ, что въ Москвѣ живетъ и начальникъ надъ архіереями и надъ всѣми попами... Такъ онъ въ бѣлой шапкѣ съ золотомъ служить, и то — только разъ въ годъ, на Пасху, да еще когда царь пріѣзжаетъ въ Москву. Онъ митрополитомъ прозывается и по закону можетъ наказывать всякаго попа за провинность своею золотою палкою... А генераловъ-то въ Москвѣ больше, чѣмъ мужиковъ у насъ въ Красномъ Кутѣ...

— А чѣмъ же они кормятся? Вѣдь, чай, земли у нихъ нѣтъ и всѣ эти енаралы не работаютъ?

— Да имъ отъ казны жалованье идетъ по тысячѣ ай больше!

— Пѣ тыщѣ? Ай, батюшки! А за что имъ жалованье даютъ?

— А за то, что они генералы.

— Чудно все это, Алешка! И не врешь ты?

— А дома-то, Маша, въ Москвѣ—преобольшушіе,—продолжалъ Алешка свои розказни, все болѣе и болѣе одушевляясь. — Вотъ взять сосну и на верхушку другой сосны поставить,—и будетъ тебѣ домъ. А есть тамъ и такіе дома, что въ каждый можно загнать съ поль-Городенска жителей, и всѣ тамъ будутъ жить, какъ пчелы въ ульѣ.

— Ой! страсти какія! А нашъ Красный Куть тамъ тоже увидать можно—на полотнѣ-то?

— Ну, нѣтъ! Это ужъ такая будетъ мелочь, что никто изъ начальства, окромя развѣ становаго пристава, урядника да земскаго начальника, объ немъ и знать-то не знаетъ, что есть на свѣтѣ такой Красный Куть. Вотъ какъ придетъ время по-датя выбивать,—ну, тогда и вспомнить, что есть такая захудалая деревня на свѣтѣ—«Красный Куть».

— Ну, а за Рассеей что будетъ дальше?

— Дальше пойдутъ турецкія, нѣмецкія, французскія и ки-

тайскія земли. Мы, стало-быть, въ Европѣ живемъ, а еще есть Азія, Африка и Америка—куда больше Европы!

— Больше нашей Россей?

— Да вѣдь Россія—это только поль-Европы. Видишь ты, глупенькая. Учитель сказываль, что земля—шаръ, а шаръ этотъ крутится вокругъ солнца...

— Ну, это ты опять же брешешь, Алешка! Что ты меня морочишь? Ай я тебѣ неповитая дура досталась? Я слыхала, что земля съ морями стойтъ на трехъ китахъ...

— Ей богу, Маша, не брешу! Съ мѣста не сойти. Вотъ лопни мои глаза, отсохни мои рученьки, если я брешу. Объ этомъ и въ книжкахъ напечатано.

— Никогда не повѣрю: облыжно все это!

— А вотъ ты видала звѣзды? Самая крохотная звѣздочка—и та, почитай, будетъ больше, чѣмъ наша земля, больше самого солнца, а солнце-то въ тысячу тысячъ разъ больше земли... Это все учитель сказываль.

— Вреть онъ, твой учитель съ пьяныхъ глазъ, а вы, дураки, его слушаете. Пуцай присягу приметъ, подогнать бы его подъ присягу! А какъ же это все: и земля, и солнце, и звѣзды—на небѣ держится? Кто жъ ихъ держитъ?

— Божья сила. Вотъ поэтому-то во всѣхъ церквяхъ люди и молятся Богу...

— А если Богъ разгнѣвается и не станетъ держать солнце и землю... Если всѣ киты, что держать землю и солнце, съ голоду подохнуть... Ежели Богъ скажетъ людямъ: «надоѣли вы Мнѣ всѣ, окаянны!»—что тогда будетъ?

— Тогда, Маша, мы всѣ провалимся въ тартарары и всѣ пропадемъ, какъ черви ползучіе...

— Ой, страсти какія! Зачѣмъ ты меня пужаешь, Алешка? Еще во снѣ что худое приснится! А у кажнаго человѣка есть душа,—куда жъ душа-то дѣнется?

— Богъ возьметъ къ себѣ души людей: кого въ рай, кого въ адъ за грѣхи засадить...

— А въ аду что? Я на картинкѣ видала: эдакіе огненные языки,—вотъ какъ на пожарѣ,—а въ нихъ сидятъ во смолѣ кипучей голые люди и горятъ, какъ полѣнья какія, а все-таки сгорѣтъ не могутъ...

— Въ аду пока еще никого нѣтъ и никто не знаетъ, что-

тамъ. Это только такъ рисуютъ для устрашенія, чтобъ люди очень-то ужь не грѣшили и не обижали другъ друга... А вотъ и дождь пересталъ. Экъ какъ насырило! Ну, да вотъ и солнышко...

Въ такихъ подчасъ разговорахъ проходило время у нашихъ «хранителей стадъ непорочныхъ». Маша и вѣрила, и нѣтъ всему, что рассказывалъ Алексѣй Винокуровъ. Но несомнѣнно, что умственный горизонтъ ея значительно расширился отъ этихъ бесѣдъ. У нея явилась даже охота учиться, и черезъ двѣ-три недѣли она знала всѣ буквы. Еще нѣсколько усилій и уроковъ въ полѣ, среди однообразной, но вѣчно-прекрасной природы, и Маша шутя и кое-какъ начала читать,— правда, пока еще только машинально. Алексѣй по временамъ доставалъ кой отъ кого книжки и читалъ все, что попало, многого еще и самъ не понимая. Но когда ему удавалось сразу согнать въ одно мѣсто разбѣжавшихся свиней и дѣлать въ полѣ ему было уже нечего, то любимымъ занятіемъ его было— лежать на своемъ зипунѣ и разглядывать облака. «Какъ, почему и куда они несутся? Изъ чего они сдѣланы? Откуда берется молнія? Стало быть, всѣмъ этимъ міромъ Богъ управляетъ. Онъ же его и создалъ»... Вотъ выводъ, который дѣлалъ изъ своихъ наблюдений пытливый умъ Алексѣя. О чемъ только ни думалъ въ это время Алешка! Думалъ онъ и о Машѣ, и о своемъ горькомъ житьѣ-бытьѣ. Что онъ такое въ Красномъ Кутѣ?— Неизвѣстно откуда взявшійся пришлецъ. У него нѣтъ ни кола, ни двора, ни клочка земли. Захотятъ Кавунъ и Кавуниха выгнать его,— очень просто!— и жаловаться нельзя. Вѣдь это они его вспоили и вскормили, и онъ, Алексѣй, конечно, долженъ считать ихъ за своихъ благодѣтелей. Правда, Кавунъ еще ни разу его не билъ, хотя и ругалъ въ пьяномъ видѣ и часто совершенно несправедливо. А Кавуниха все только и причитываетъ, что ей самой съ мужемъ ѣсть нечего. Да и теперь многіе уже остерегаются заказывать сапоги пьяному старику. А Маша? Она какъ будто любить его, а все же замужъ за него, Алексѣя, не пойдетъ. Хотя Маша— круглая сирота и очень бѣдна, но все же въ Красномъ Кутѣ всѣ знаютъ, что у нея былъ отецъ — солдатъ Василій Гуторовъ; изъ той же деревни была и мать... Старики говорили даже, что еслибъ Маша вышла замужъ за какого нибудь, хотя бы и чужаго

парня, то ей дали бы тогда на душу отцовскій мірской надѣль.

Чтобы выяснитъ этотъ жгучій для него вопросъ: пойдеть ли Маша за него замужъ? Алексѣй однажды завелъ съ Машей такой разговоръ:

— Машутка, вотъ ты одна, какъ персть, и я все равно, что бобыль. А что еслибъ мы съ тобой повѣнчались?

— Эхъ, дурень ты, дурень!—возразила Маша.—Я-то вѣдь все таки краснокутская дѣвка и въ здѣшнія книги записана, а ты все равно какъ бродяга... Я такъ и слыхала отъ стариковъ, что у тебя одно положеніе съ бродягами, и ни одинъ попъ вѣнчать насъ не будетъ. Ну, какое же у тебя званіе?

У Алешки засверкали глаза.

— Меня Алексѣй Иванычъ Винокуровъ звать... Какой же я бродяга?

И, говоря это, онъ гордо выпрямился и даже поблѣднѣлъ отъ негодованія.

«И это обзываетъ его бродягой Маша, которую онъ такъ любить»!..

— Да вѣдь это ты самъ себя такъ назвалъ! — спокойно отвѣтила Маша.—А въ книгахъ объ тебѣ ничего не сказано... Все едино: что есть ты на свѣтѣ, что нѣтъ!

— Да въ чемъ же моя вина, Маша? Побойся ты Бога! Вѣдь бродягъ въ острогъ сажаютъ, а я еще въ острогъ не былъ и не надѣюсь быть. Если меня родители покинули, то въ чемъ же моя вина?!

— Да вины-то, положимъ, и нѣтъ, а все таки пачпорта тебѣ ни за что не дадутъ.

— А не дадутъ,—я и безъ билета уйду на работу, на поденщину.

— Ну, развѣ что на поденщину... А я слыхала отъ умныхъ людей, что нигдѣ на мѣстахъ тебѣ жить нельзя, потому что въ первую голову нуженъ билетъ, чтобъ было видно: кто ты таковъ, какого будешь роду-племени?

— Да я, Маша, и не знаю, что мнѣ дѣлать! Вотъ ужъ и нашей пастыбѣ скоро конецъ. А мои старики меня все хлѣбомъ попрекають. Вотъ я и собираюсь на поденщину, на чугунку: шпалы класть, дрова пилить, камень таскать, снѣгъ чистить—все, что потребуется!

— Старайся, Алеша, старайся! Авось Господь оглянется на насъ горемычныхъ!

. . . . .

IV.

Послѣ этого разговора, когда Алексѣй Винокуровъ обратился къ сельскому старостѣ и волостному писарю съ просьбой выдать ему, вмѣсто паспорта, хотя бы только удостовѣреніе о личности для заработковъ или просто «покормежный билетъ», какъ выражаются мужики, то онъ получилъ рѣшительный отказъ. Волостные и сельскіе начальники, точно въ одинъ голосъ, только и твердили въ отвѣтъ, что ему, какъ неприписанному къ сельскому обществу деревни Краснаго Кута, они никакого билета выдать не могутъ. Да еще, говорили они, какъ бы становой не велѣлъ забрать его въ острогъ, какъ бродягу и человѣка безъ роду и племени! Посылали Алешу Винокурова и къ земскому начальнику; но и тотъ, спѣша на охоту съ собаками, отвѣтилъ, что паспорта выдавать — не его дѣло, а если волостное правленіе не даетъ билета, какъ человѣку неприписанному къ обществу, то, стало быть, все это правильно и законно.

Однако, вѣдь надо же кормиться! И сколько разъ бывало Алексѣй Винокуровъ уходилъ на поденщину безъ всякаго билета. Вообще всѣ хозяева были очень довольны имъ, какъ трезвымъ и добросовѣстнымъ работникомъ, но всякій разъ держали его недолго, какъ только возникала рѣчь о билетѣ и паспортѣ. Теперь слово «бродяга», такъ неприятно звучавшее въ ушахъ Винокурова, все больше и больше не давало ему покоя. Старикъ Кавунъ никакъ не могъ сообразить, что ему слѣдуетъ сдѣлать, чтобы приписать Алексѣя къ своей семьѣ, хотя бы даже и путемъ усыновленія. Да и не до того ему было: онъ все чаще и чаще «испивалъ», а промежутки для работы были все рѣже и рѣже. Болѣзни и ничѣмъ не обезпеченная старость—вотъ что грозило ему въ будущемъ.

Послѣ Введенія ударили морозы. Приближался Николинъ день—престольный праздникъ въ селѣ Ракитномъ, верстахъ въ четырехъ отъ Краснаго Кута. По этому случаю не только въ

самомъ селѣ Ракитномъ, но и въ сосѣднихъ деревняхъ, хуторахъ и поселкахъ происходило обычное пьянство, продолжавшееся всякій разъ не менѣе трехъ сутокъ, а нѣкоторые гуляки и пропойцы растягивали свою гульбу и на всю недѣлю. «Кто празднику радъ—тотъ до свѣту пьянъ». Недаромъ «Микола Зимній» и «Микола Вешній»—самые популярныя праздники въ Россіи, а въ представленіи крестьянъ и даже нѣкоторыхъ инородцевъ эти праздники немного развѣ будутъ ниже Рождества и Пасхи.

Съ большимъ нетерпѣніемъ ждалъ этого праздника и Илья Андреичъ Кавунъ. Теперь и его жена Лукерья не можетъ прекратить его, если во всѣ эти дни онъ изрядно выпьетъ у себя и въ гостяхъ у людей: вѣдь въ эти праздники ужъ такъ заведено изстари, что ходятъ другъ къ другу, изъ дома въ домъ, не только «сродники» и кумовья, но и чуть ли не всѣ шапочныя знакомые.

«Ну,—разсуждалъ съ Лукерьей Кавунъ:—къ праздничку снесу въ отдѣлочкѣ сапожки въ Ракитное къ самому цѣловальнику Ивану Титычу и получу съ него шесть рублей. На три съ полтиной куплю пудовъ шесть мучицы—намъ почитай до масляницы хватить!—ну, а рублевку ужъ прогуляю, безпремѣнно прогуляю: никакъ нельзя безъ этого! А тамъ еще Алешка что нибудь зашибетъ на поденщинѣ...

И вотъ, напяливъ старенькій едва доходившій до колѣнъ тулупчикъ, подвязавъ себѣ платочкомъ шапку съ ушами изъ ободранной кошачьей шкурки, Кавунъ взялъ себѣ на дорогу въ карманъ ломтикъ хлѣбца, а въ другой — кисеть съ трубочкой и тютюномъ, и послѣ обѣда, будучи въ веселомъ настроеніи духа, отправился въ село Ракитное. Морозъ щипалъ ему носъ и руки, на которыхъ не было даже галиць. Впрочемъ, когда Кавунъ подходилъ къ Ракитному, сдѣлалось теплѣе; небо покрылось снѣговыми тучами и началась небольшая поземка.

— Съ преддверіемъ праздничка, Иванъ Титычъ!—сказалъ Кавунъ, входя въ винную лавку и отряхиваясь отъ снѣжинокъ. Въ кулкѣ у него были завернуты сапоги.

— Здорово, Кавунъ!—пробасилъ хриплымъ голосомъ очень солидный и плотный кабачикъ Иванъ Титычъ Обдерихинъ.— Съ гостинцемъ што-ли? — спросилъ онъ, еще не зная навѣр-

ное: что старикъ принесъ къ нему—въ закладъ ли свои же сапоги подъ водочку, или его собственный заказъ.

— Какъ обѣщаль я вамъ, — говорилъ Кавунъ, доставая сапоги изъ кулька, — обновочку къ Миколину дню, — такъ я свое слово сполняю: работишку отъ всѣхъ другихъ давальцевъ побросаль — все для васъ старался, Иванъ Титычъ!

— Ладно, Кавунъ, ладно! — сказалъ Обдерихинъ: — ты меня уважилъ, — и я тебя не оставляю... Только по какому же это случаю ты нонѣ никакъ совсѣмъ тверезый?

— Еще время не пришло, Иванъ Титычъ! Ну, да мое время не пропадетъ... Я, грѣшнымъ дѣломъ, хоть гулять-гуляю, а только и свое дѣло сполнилъ... Лучше моего издѣлія у насъ во всей округѣ нѣтути. Вотъ извольте-ка испробовать сапожки. Первый сортъ!

— Ну, что жь! сапоги будутъ мнѣ въ самую плепорцію. Чуточку слободны, ну, да вѣдь я на онучи ношу, а нонѣ и на двое шерстяныхъ носковъ надѣваю... Потому — стоишь это, стоишь цѣлый день за стойкой: отъ дверей такъ и несетъ. Вотъ только что развѣ жена смѣнить тебя для обѣда... Трудовъ и у насъ немало. А сапожки будутъ важнѣющіе!

И довольная улыбка озарила обыкновенно мрачное лицо кабачика. Иногда же его одолевали скорбныя мысли.

А ну какъ ужъ очень много грѣха онъ беретъ на свою душу — спаиваетъ людей: кто съ кѣмъ еще подерется изъ-за его виница, дубинкой али ножомъ огрѣетъ, а другой, съ пьяныхъ, глазъ и гумно подождетъ изъ-за простой побранки... Намеднись еще старикъ-кузнецъ задушилъ спяну свою старуху... Ну, да вѣдь и то сказать: вольному воля! Коли бы всѣхъ людей пускать въ рай, то и въ раю для всѣхъ мѣста бы не достало. Вѣдь онъ, Обдерихинъ, никого не заставляетъ пить силкомъ: сами льнуть къ сивухѣ, какъ мухи къ меду! А ужъ если пьютъ, опиваются и пропиваются люди, то, стало-быть, ужъ на томъ мѣрѣ стоить отъ Адама: не онъ, Обдерихинъ, — такъ другой кабачикъ еще хуже поразоритъ ихъ... У него же, Ивана Титыча, все же есть совѣсть... И развѣ онъ не кладетъ тайкомъ ото всѣхъ въ церковныя кружки для нищихъ, слѣпыхъ и убогихъ по двадцати пяти рублей въ годъ? Можетъ быть, и ему зачтется на томъ свѣтѣ. Господь не безъ милости!..

Такія-то философскія размышленія подчасъ сокрушали ка-бачика и нагоняли на него бессонницу. А тутъ еще, точно на смѣхъ, и прозвище - то ему дали самое обидное: «Обдери-хинъ»!

Но теперь Иванъ Титычъ былъ въ отличномъ настроеніи: торговля шла у него бойко и больше за наличныя денежки, и въ этотъ день, наканунѣ Никола, у него то и дѣло брали водку цѣлыми четвертями; старшина и содержатель земскихъ лошадей взяли у него сразу по ведеркѣ, а сельскіе старосты съ сотскими по полведра.

— Сапоги — ничего! — сказалъ Обдерихинъ. — Видно, ужъ приходится поднести тебѣ стаканчика съ два...

— Да ужъ это какъ водится, Иванъ Титычъ, по закону, по положенію! Чай, мнѣ не впервой на васъ сапожками по-трафлять...

— Ладно, ладно, Кавунъ. Только ты-то самъ... не очень тово... На, трескай на здоровье! У вашего содержателя Жулябина, въ Красномъ Кутѣ, такой водочки не будетъ... У меня по особому заказу съ генеральскаго завода... Мягкость во вкусѣ удивительная: чисто бархатъ. Скусная водочка! У меня все по чести и совѣсти: никто на меня не пожалится, чтобы я водочку разбавлялъ, какъ это дѣлають иные прочіе...

Всякому еще трезвому покупателю Обдерихинъ, дѣйстви-тельно, отпускалъ вино неразбавленное, — это у него было правиломъ. А позволялъ онъ себѣ разбавлять вино водицей, только когда покупатели были ужъ очень пьяны.

«Все равно съ пьяныхъ глазъ не расчукають! — думалъ онъ: — имъ бы только водкой пахло... А тамъ всю посудину дѣчиста вылакають, какъ псы»...

Вообще дѣла у Ивана Титыча шли превосходно, и хотя акцизный надзоръ пытался раза два въ годъ «доѣхать» его своими протоколами, и въ особенности по части закладовъ подъ водку и отпуска вина въ долгъ, но Обдерихинъ пре-восходно умѣлъ выпутываться. Всякій разъ онъ выказывалъ при этомъ столько достоинства и презрѣнія: «гдѣ ужъ вамъ, голубчики!» Иногда же онъ отдѣлывался путемъ могоарычей и благодарностей, стараясь быть въ дружбѣ съ урядникомъ и съ волостными и сельскими начальниками.

— Съ преддверіемъ праздничка имѣю честь поздравить,

Иванъ Титычъ!—говорилъ Кавунъ, опоражнивая второй стаканчикъ.

— Спасибо, Кавунъ; на здоровье!

— Безъ троицы домъ не строится, Иванъ Титычъ. Это ужь какъ вашей милости будетъ угодно...

И Кавунъ снова подставилъ стаканчикъ уже нахмурившемуся Обдеришину.

— Охъ, да и здоровъ же ты пить, Кавунъ!—сказаль онъ, наливая въ стаканъ.

— Да вѣдь наше таковское дѣло, Иванъ Титычъ.

— А слыхалъ ты, Кавунъ: Архипа Сысоева изъ-за овчинъ въ острогъ забрали? Урядникъ прїѣзжалъ.

— Ой-ли! вотъ-те и клюква! А еще у меня за нимъ должокъ остался: двугривенничекъ за починку.

— Прощайся, Кавунъ, со своей починкой! Его Шумиловъ повязалъ съ собой... Ну, теперь наврядъ вывернется: общество хочетъ приговоръ писать объ немъ... Развѣ что ведра два міру поставитъ, а то какъ пить дать — сошлютъ... Теперича еще у насъ сборщика Клима учитываютъ. Онъ это божится и клянется на сходкѣ, что двѣнадцать съ полтиной выпросилъ у него самъ староста — поднести старикамъ угощеніе, когда мость поправляли: не принимаютъ въ резонтъ и—шабашъ! А еще съ него насчитываютъ сколько-то за угощеніе рекрутъ и изъ найма пастуховъ. Простъ умомъ нашъ старикъ Климъ, очень даже простъ, особливо, когда начальники къ нему начнутъ приставать. А я хоть и самъ знаю, что сборщикъ немало потратился на стариковъ-горлановъ, — вѣдь утроба у нихъ ненасытная и ужь моей винной лавки они никакъ не минуютъ! — одначе говорю Климу: — Эхъ, старая ты голова, старая, да неумная! Да ты бы поставилъ міру ведерка три, — и приставать къ тебѣ не стануть: всѣ начеты, — можетъ, сотни три, — съ тебя долой, какъ съ гуся вода! — А онъ мнѣ въ отвѣтъ: «Спасибо, говорить Иванъ Титычъ, на ласковомъ словѣ, что надоумили! Безпремѣнно такъ и сдѣлаю».

— Ну, да вы, Иванъ Титычъ, свои дѣла умѣете орудовать...

— А не умѣючи нешто намъ можно торговать? Заключотъ живехонько и предъ начальствомъ обнесутъ въ лучшемъ видѣ,—

даромъ что я ужь годковъ десять какъ торгую. Вотъ тебѣ, Кавунъ, шесть рублей: получай денежки.

— Охъ! денежки-то ваши ужь очень разнѣныя. За четвертуху я вамъ, Иванъ Титычъ, уплачу вашими же денежками, а ужь полштофикъ, какъ угодно будетъ вашей милости, пожалуйста мнѣ на чаекъ...

— Экій ты, Кавунъ, какой ненасытный! Смотри: не много ли будетъ? Вишь, какъ тебѣ въ голову вступило: какъ будто тебя поджарили въ печкѣ. Ну, Богъ съ тобой! Такъ и быть: на будущій разъ ты съ меня положишь дешевле на полтинку... Такъ и запишемъ. Что жь, Кавунъ, останешься теперь начевать у насъ въ Ракитномъ? Вишь, какая заметуха пошла. Опять же, совсѣмъ смерклось... Какъ бы грѣха какого съ тобою не вышло!..

— Вотъ-на!—пьянѣющимъ голосомъ отвѣтилъ Кавунъ:— мнѣ тутъ по дорогѣ до Краснаго Кута всѣ мышиныя норки извѣстны: все равно, что дома! Я бы, признаться, и заночеваль у васъ, да моя Лукерьюшка будетъ ругаться. Я ужь знаю, что она и спать не ляжетъ... все будетъ бояться, ворчать и меня поджидать. Алешка мой еще не пришелъ съ поденщины, съ чугулки, и старуха-то одна въ избенкѣ. Опять же мука на исходѣ, а пошелъ я сюда къ вамъ—керосину дома ни капельки... Хорошо еще, если Лукерьюшка добьется керосину у сосѣдей...

— А то лучше ночуй; отъ души совѣтую! вишь, какая сипуга бьетъ въ окно. Вѣдь я дѣло тебѣ говорю... не ровнѣй часъ!

И, дѣйствительно, порывистый вѣтеръ такъ и несъ хлопья снѣгу въ окно. Въ трубѣ что-то жалобно гудѣло и даже трещало на потолокѣ. Разыгрывался бурань.

— Пойду, Иванъ Титычъ, благословясь, помаленечку ко дворамъ. Тутъ вѣдь до дома рукой подать; только бы не сбиться мнѣ лугами. Ну, да тамъ, кажись, и вѣшки поставлены.

— Ой, останься!—гулять будешь у насъ въ Ракитномъ.

— Нельзя оставаться-то, Иванъ Титычъ. Какъ управлюсь съ моей старухой по дому, я, можетъ, и самъ опосля приду къ вамъ на праздникъ. Счастливо оставаться.

И Кавунъ пошелъ домой, тщательнo обложивъ въ кулѣкѣ

четвертную бутылъ и полуштофъ соломою, чтобы дорогой не разбить эту драгоценность.

V.

Сумерки быстро наступили и кое-гдѣ въ избахъ уже зажгли дешевыя лампы-керосинки. А «сипуга» все усиливается: мететь снизу, крутить сверху, и хотя теперь сдѣлалось теплѣе, чѣмъ было днемъ, но ужасный вѣтеръ такъ и пронизываетъ дырявый тулупчикъ Кавуна. Сперва Кавунъ шелъ бодро, хоть и не твердою поступью: хмѣль его разбиралъ, а затѣмъ онъ все чаще и чаще опускалъ свой кулекъ съ виномъ въ снѣгъ, чтобы только какъ нибудь согрѣть голыя руки. Въ довершеніе бѣды, снѣгъ залѣплялъ глаза, и Кавунъ шелъ уже больше наугадъ, по памяти.

Но что это? Оступившись, онъ вдругъ увязъ въ сугробѣ чуть не по поясъ. Неужели онъ, старый Кавунъ, сбился съ дороги? Не можетъ быть! Вѣдь онъ, кажется, и полверсты не отошелъ отъ Ракитнаго. Вѣдь вонъ какъ будто огоньки горять въ избахъ... Одинъ, два, три, пять, десять, двадцать огоньковъ... Неужели это у него двоится въ глазахъ отъ усталости и напряженія нервъ? А, можетъ быть, то не огоньки, а звѣзды? Нѣтъ, какія же теперь звѣзды, когда все небо въ тучахъ и мокрые хлопья снѣга несутся сверху и съ боковъ... А, можетъ быть, то волчи глаза?! Волкамъ разгуливать такая погодушка будетъ въ самый разъ...

«Ну, вотъ еще!—думаетъ Кавунъ, нѣсколько ободрившись:— у насъ-то про волковъ больше въ сказкахъ объясняютъ дѣтямъ: рѣдко-рѣдко какой взаправду зарѣжетъ овцу у мужика! А, можетъ, это у меня искры въ глазахъ отъ одного только мнѣнія... Охъ, кабы выбраться поскорѣе изъ сугробовъ»!..

И Кавунъ отчаянно шагаетъ, стараясь попасть на дорогу.

«Вѣдь вотъ тутъ, какъ есть тутъ, и должна быть дорога! Куда жъ она, анаемская, запропастилась? Словно лѣшій меня водить по сугробамъ. Ишь, точно хохочетъ. Прости меня, Господи, окаяннаго, прости и помилуй! Съ нами крестная сила! Святой Боже, Святой Крѣпкій»...

Кавунъ чувствуетъ, что его разбираетъ хмѣль,—и онъ не прочь бы даже полежать въ мягкомъ сугробѣ.

«А что вонь тамъ видѣется: не то деревья, не то избы чернѣютъ!.. Да вѣдь это, должно быть, кусты на поёмныхъ лугахъ... Стало быть, вонь тамъ и рѣчка! А гдѣ же мельница?»

И Кавунъ, похлопавъ себя руками и отряхнувши снѣгъ, идетъ по сугробамъ впередъ по направленію къ чему-то черному. Опять искры въ глазахъ или какіе-то огоньки въ отдаленіи!..

«Что за притча такая?—думаетъ Кавунъ:—или это мнѣ такъ померещилось? Опять лѣшій хохочетъ... Хохочи себѣ, хохочи! Онъ радуется, что заманилъ и словилъ меня... Мать Пресвятая Богородица! Святитель Николай угодникъ, спаси меня, грѣшнаго! Теперь куда ни посмотришь — все огоньки; точно они бѣгають и рассыпаются искрами. Охъ, моченьки моей нѣтути»...

И Кавунъ съ трудомъ уже вытаскиваетъ ногу изъ сугроба. Онъ чувствуетъ, что снѣгъ попалъ ему за пазуху, а на головѣ уже не шапка, а комъ налипшаго мокраго снѣга. Онъ зябнетъ.

«Постой же,—сейчасъ согрѣюсь... Куда ни шло, выпью еще!»!

И старикъ съ большимъ трудомъ, уже застывшими и оконченными руками, достаетъ изъ кулъка полштофъ.

«Ахъ! и откупорить-то нечѣмъ. А сапогъ на что?»

И Кавунъ отбиваетъ горлышко о каблукъ, проворно подхватываетъ посуду съ лившеюся въ снѣгъ влагой и съ наслажденіемъ булькаетъ вино большими глотками.

«Какъ будто стало теплѣе!—думаетъ онъ.—Теперь и самого лѣшаго не боюсь. Хохочи, хохочи себѣ на здоровье. Ну-ка повтори. Господи благослови!»!

И снова онъ проглатываетъ водку.

«А что лѣшій пьетъ водочку?» — думаетъ Кавунъ, на минуту совсѣмъ какъ будто ободрившійся. Онъ даже засмѣялся, но затѣмъ сразу ослабѣлъ.

«Охъ, моченьки моей нѣтъ! Хотъ бы чуточку полежать, отдохнуть»...

И Кавунъ съ большимъ трудомъ отламываетъ кусочекъ мерзлаго хлѣба въ своемъ карманѣ и, почти не жуя, проглатываетъ.

«А теперь и полуштофъ заткнуть нечѣмъ. Все равно выльется. Не пропадать же вину!»..

И Кавунъ жадно проглатываетъ остатки водки, а посуду кидаетъ въ сугробъ. Теперь и водка уже не дѣйствуетъ. Идти онъ не можетъ, глаза слипаются отъ снѣга и усталости... Старикъ впадаетъ въ забытье. Онъ уже не можетъ дать себѣ отчета: гдѣ онъ и что дѣлаетъ. А издѣвающийся надъ его бѣдою лѣшій сердито бросаетъ въ него хлопьями снѣгу и дико свищетъ и хохочетъ. Голова у Кавуна сидитъ точно въ мѣшкѣ, набитомъ обледенѣлымъ снѣгомъ...

Вотъ чудится старику, что онъ находится въ большой компаніи мужиковъ, и всѣ ему кланяются и поздравляютъ съ чѣмъ-то. Да, конечно, это онъ на престольномъ праздникѣ. Предлагаютъ выпить. Отчего же и не выпить рабочему человеку, да еще такому мастеру: на самого генерала утрафилъ. Охъ, какъ хорошо и тепло, какъ легко дышать! Денегъ у него много-много въ оклеенной орѣхомъ «щикатулочкѣ» и больше онъ, Кавунъ, уже не будетъ сапожникомъ, а лучше откроетъ лавку въ Красномъ Кутѣ, — всего лучше винную лавку, и будетъ торговать виномъ, вотъ какъ торгуетъ виномъ въ Ракитномъ Обдерихинѣ. Недурно бы торговать и дровами, и лѣсомъ: вѣдь и чугунка-то недалеко!..

Грѣзы одна другой соблазнительнѣе то и дѣло смѣняются въ опьянѣломъ мозгу деревенскаго сапожника и, самъ того не подозрѣвая, онъ засыпаетъ въ мягкихъ и еще дѣвственно-чистыхъ сугробахъ, съ тѣмъ чтобы никогда болѣе не проснуться въ этомъ грѣшномъ, но все таки лучшемъ изъ міровъ... А вмѣсто отходной просвисталь ему предсмертный маршъ самъ лѣшій, дико веселящійся на Руси въ большіе снѣга и морозы. И развѣ всероссійская сивуха, отъ которой ежегодно выгораютъ села и города на миллионы рублей и погибаютъ люди тысячами, не играетъ у насъ роль демонской силы? Только развѣ такой мощный богатырь, какъ просвѣщеніе, можетъ сокрушить или, по крайней мѣрѣ, ослабить этого ужаснаго демона... А до тѣхъ поръ то тамъ, то здѣсь гибнуть, какъ мухи, невѣжественные бѣдняки!

Черезъ четыре дня трупъ замерзшаго Кавуна былъ случайно найденъ въ лугахъ, въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ дороги. При немъ оказалась въ кулькѣ четверть съ водкой, а

въ карманѣ—около пяти рублей съ остатками хлѣба и кисетомъ. И такъ какъ смерть сапожника не возбуждала подозрѣній,—то онъ былъ похороненъ безъ всякаго слѣдствія.

Много голосила и причитала на этихъ похоронахъ Лукерья Кавуниха. Когда же черезъ недѣлю явился съ поденщины Алексѣй Винокуровъ съ нѣсколькими рублями, заработанными на чугункѣ, то онъ увидаль, что теперъ уже на немъ лежитъ обязанность кормить Лукерью.

Впрочемъ, старуха Лукерья недолго пробыла на попеченіи Винокурова. Какъ-то, въ субботу, попарившись очень сильно въ банѣ у своихъ сосѣдей, она испила всласть холоднаго кваску, простудилась и умерла. А избенкой стараго Кавуна завладѣлъ его племянникъ Дмитрій Кавунъ въ качествѣ единственнаго и прямаго наслѣдника. Съ этихъ поръ Винокуровъ, когда возвращался въ Красный Кутъ съ поденщины, уже не имѣлъ пристанища у новаго владѣльца, который начисто объявилъ ему, что онъ, Дмитрій Кавунъ, знать его не хочетъ и что ему самому съ женою и кучею дѣтей тѣсновато въ избѣ умершаго дяди, а до постороннихъ людей ему нѣтъ дѣла: хоть они всѣ сразу подохни! Поэтому несчастный Винокуровъ ютился гдѣ придется, а лѣтомъ нерѣдко ночеваль въ полѣ на снопахъ или на лугу въ стогахъ сѣна.

На Троицынъ день Алексѣй Винокуровъ пошелъ въ село Ракитное и увидаль здѣсь въ церкви Машу Гуторову. Голова ея была убрана полевыми цвѣтами и пучокъ такихъ же цвѣтовъ она держала въ рукѣ. Очень красива была Маша со своей распушенной русой косой. Отъ духоты у нея разгорѣлись щоки, а голубые глаза были томны и выразительны. Не одинъ паренъ уже заглядывался на нее, любуясь ея стройнымъ станомъ въ сарафанѣ. Одобрительными взглядами окидывали ее и пожилые крестьяне. «Гарна дивчина!»—сказали бы про нее хохлы. Но иная крестьянская дѣвка изъ зажиточной семьи и въ будни была одѣта лучше, чѣмъ Маша въ этотъ большой праздникъ: до того она была бѣдна! Вѣдь и сарафанишко-то на ней былъ все тотъ же — вотъ развѣ отличаютъ ее одни только цвѣты!

Винокуровъ кивнулъ ей изъ толпы, и Маша почему-то покраснѣла. Онъ протискался къ ней черезъ толпу, когда свя-

щеникъ возгласилъ: «Съ миромъ изыдемъ!» и, наклонившись, шепнулъ:

— Нынче же, послѣ скотины, приходи въ Акулькинъ логъ: мнѣ очень надо съ тобой поговорить!

Маша съ удивленіемъ посмотрѣла на него и нерѣшительно отвѣтила:

— Хорошо, приду. Только чтобъ люди не знали и никто бы насъ не видалъ, а то разславятъ меня теперь на весь Красный Кутъ.

Насторожившая уши сосѣдка Маши, какъ ни старалась, однако, ничего почти не слышала.

Плохое, очень плохое было житье для Маши у тетки Василисы. Попрекая ее кускомъ хлѣба, Василиса уже не разъ говорила ей:

— Охъ, бѣда наша, бѣда! Вотъ и такъ довелось мнѣ на старости лѣтъ ходить въ кусочки...

Потомъ однажды она сказала Машѣ:

— Эту недѣлю я хочу побыть дома: разломило старья кости, да и за овечками и курами надо поглядѣть. А ты бы, дѣвка, пошла, собирала бы ради Христа... Все чего нибудь добьешься!

Но Маша стыдилась ходить по міру съ сумой.

— Я лучше, тетенька, въ работницы наймусь али на поденщину...

— Куда тамъ въ работницы! Нонѣ и самимъ-то хозяевамъ, кои работницъ держали, жрать нечего. А ходить за скотинкой и птицей теперь берутъ больше дѣвчоночекъ: потому—дешевле выходить!

— Ну, какъ хочешь, тетенька. А въ побирушки съ сумкой я не пойду... Да и кто мнѣ подастъ? еще только на смѣхъ поднимутъ и обохальничаютъ... Скажутъ: дѣвка здоровая и молодая, а въ нищенки записалась!

— Что жъ съ тебя, Марья, толковъ-то? За мужъ тебя никто не возьметъ. Хоть бы на сторону пошла съ пачпортомъ: можетъ, гдѣ и добьешься! А я ужъ, такъ и быть, буду изворачиваться дома, отъ тебя подмоги дожидаячи... Авось бѣлый свѣтъ не безъ добрыхъ людей... Неужто жъ и Самъ Господь на нашу бѣдноту не оглянется!

— Да я ужъ и то, тетенька, хочу идти для заработковъ

въ городъ али въ степь... къ Адесту али къ Ростову... Тамъ, — сказывали люди, — будто хорошо: по цѣлковому въ день зарабатываютъ!

— Ну, такъ хлопочи, дѣвонька, о билетѣ да и съ Богомъ!

— Писарь-то пообѣщаль: я намеднись объясняла ему... Только онъ все зубы скалитъ и все допрашиваетъ: какая ему отъ меня благодарность будетъ за билетъ?..

— А ты его пужни земскимъ начальникомъ, чтобъ зубы не скалили! Вѣдь ты извѣстная солдатская дочь-сирота, а не бродяга какая...

— А вотъ же, тетенька, Алексѣю Винокурову пачпорта не дають... Ужъ онъ какъ объ себѣ старался...

— А тебѣ, дѣвка, не равняться съ Алешкой. Глупенькая ты! У Алешки ни роду, ни племени. А ты все таки солдатская дочь. Онъ Богу и великому царю служилъ...

Какъ и было условлено, Маша пришла въ Акулькинъ логъ послѣ стада подъ вечеръ. Логъ этотъ былъ въ полуверстѣ отъ деревни. Здѣсь устроенъ колодезь съ божничкой. Лица очень старой иконы уже нельзя было разобрать. Дальше этотъ пустынный логъ, съ разбросанными по скатамъ и буграмъ деревьями, выходилъ въ обширное болото съ лознякомъ и ручьемъ посрединѣ, направлявшимся къ рѣчкѣ Журавкѣ. А по этому логу и откосамъ, съ удѣлѣвшими на нихъ пнями и нѣкоторою растительностью, Винокуровъ и Маша не разъ, года три тому назадъ, пасли вмѣстѣ телятъ и свиней.

Логъ получилъ прозваніе «Акулькинъ», потому что, — какъ гласило преданіе, — въ этомъ самомъ логу, подъ старымъ дубомъ, который впоследствии разбила молнія, одна крестьянская дѣвица, по имени Акулина, отъ стыда и страха, зарыла живымъ своего только что родившагося младенца, а послѣ этого отъ угрызений совѣсти сошла съ ума и повѣсилась на томъ же деревѣ. Говорили еще, будто эта Акулька была красавица и проживала тогда въ горничныхъ у барина... А такъ какъ душа Акульки, въ образѣ дѣвицы въ бѣломъ одѣяніи и съ распущенными волосами, въ неблагополучное время блуждала по этому логу и возлѣ рѣчки, какъ бы не находя себѣ покоя, а иногда принимала и образъ кукушки, то многіе крестьяне боялись ходить въ этотъ логъ, особливо же въ сумерки и въ ночное время.

Послѣдніе лучи закатившагося солнца еще горѣли темно-багрянымъ румянцемъ кое-гдѣ въ облакахъ. Слышался отдаленный лай собакъ и шумъ еще неугомонившейся деревни; оживленно тараторили лягушки и азартно перекликались дергачи. Вотъ пронеслась низко надъ землею, своимъ зигзагообразнымъ и быстрымъ полетомъ, первая летучая мышь.

VI.

Алеша Винокуровъ давно уже и нетерпѣливо рассказывалъ въ логу. Ну, вотъ и Маша.

— Кажется, никто не видалъ, какъ я пробралась сюда... Что скажешь, Алексѣй?

— Садись сюда, Маша, вотъ на этотъ пенъ, а я сяду рядышкомъ. Помнишь, какъ мы пасли здѣсь вмѣстѣ? Вотъ ужъ правду надо сказать: тогда дѣлили мы съ тобою и горе, и радости; дѣлились и кускомъ хлѣба... Только горя намъ съ тобою отъ людей было больше, чѣмъ радостей!

— Ну, да ты теперь прямо сказывай: зачѣмъ я тебѣ понадобилась? Вѣдь мнѣ нельзя съ тобою долго проклажаться. Тетка Василиса встрѣнется: куда я запропастилась? Она ужъ и то меня все отчитываетъ, кускомъ хлѣба попрекаетъ: и такая-то я, и сякая! И ѣсть-то намъ, вишь, нечего: хочеть меня съ сумкой снарядить ради Христа. А для меня это вострый ножъ: срамота одна! Я сроду не христарадничала...

— Знаешь что, Маша? Хотѣлъ было я на тебѣ жениться: все бы намъ было веселѣе вмѣстѣ... Да я и самъ понимаю, что безъ денегъ нашему брату и жениться-то нельзя. Опять же, у меня нѣтъ ни кола, ни двора, а люди еще бродягой обыываютъ: ужъ очень мнѣ это обидно! Не могу терпѣть я этого слова. Будешь ты ждать меня, къ примѣру, годъ ли, полтора ли, чтобы намъ потомъ пожениться? Я задумалъ идти въ Чембарь: гдѣ по чугункѣ поѣду, а гдѣ и пѣшечкомъ. Я ужъ справлялся: на билетъ для проѣзда и на первое житье въ Чембарѣ, до приисканія мѣста, у меня хватить заработанныхъ денегъ: вѣдь недаромъ же я все на чугункѣ работалъ! Ну, вотъ я и хочу испробовать: не найду ли въ Чембарѣ своего отца съ матерью или хоть какихъ сродниковъ Винокуровыхъ, тамъ, въ какомъ нибудь селѣ: вѣдь полиція можетъ же на-

вести справку. Попробую приписаться. Заявлю начальству, что я готовъ и въ солдаты поступить хоть безъ жребія: все же будетъ у меня тогда какое ни на есть званіе! Будешь ли ты, Маша, меня ждать или нѣтъ? Я все опасаюсь, какъ бы ты не вышла за кого замужь безъ меня. Отъ этихъ думъ иной разъ я и по ночамъ-то не сплю...

— Что ты, что ты, Алеша? Кто на мнѣ женится?! Да и никого мнѣ не надо, окромѣ тебя. Ты меня вѣдь и грамотѣ обучилъ. Таперь дѣвки и парни все надо мной смѣются, что я, вишь, черезъ тебя вышла ученая... А зачѣмъ мнѣ сидѣть въ Красномъ Кутѣ и тебя ждать? Развѣ меня кто на цѣпь посадилъ?! У меня у самой здѣсь ни кола, ни двора, ни сродниковъ, окромѣ тетки Василисы. Настя Сушникова, изъ нашего Кута, живетъ же въ горничныхъ въ Городенскѣ, у самого судебного слѣдователя, да еще какое тамъ жалованье получаетъ! «Я, говоритъ, теперь безъ булокъ и безъ чаю жить не могу».

— Безъ тебя, Алеша, она приѣзжала къ намъ на побывку: расфуфырилась — просто барышня, а не крестьянская дѣвка изъ Кута. Какіе у ней наряды! Два раза въ годъ бывають ей отъ слѣдователя подарки деньгами или платьями: на Рождество и на Пасху, — да еще у нея разные тамъ доходы. Вѣдь это только въ Городенскѣ, а которыя дѣвки и бабы въ губерніяхъ и въ самой Москвѣ живутъ,—такъ тѣ еще больше денегъ загибають... А что я тутъ высижу въ Красномъ Кутѣ?—какого рожна? И на башмаки себѣ не заработаешь, а въ лаптяхъ ходить ужъ какъ-то и зазорно... Нонѣ и у самой лядащей бабы и то башмаки есть. Вотъ только денегъ нѣтъ у меня на чугунку, на проѣздной билетъ...

— Это, Маша, не бѣда. Я дамъ тебѣ на билетъ,—вмѣстѣ и поѣдемъ. А мнѣ-то ужъ куда будетъ веселѣе и спокойнѣе! Да и тебѣ самой не такъ страшно будетъ въ чужомъ городѣ. Вѣдь ужъ очень я тебя люблю, Маша,—такъ крѣпко люблю, что никого еще такъ не любилъ! А ты очень сурьзная и даже поцѣловать себя не позволяешь...

— Ты знаешь, Алексѣй, что съ цѣлованьями-то бываетъ?!.. Вонъ Таня Спиркина свихнулась отъ парня да и въ острогѣ съ полгода сидѣла за своего же ребенка. Что жъ ты хочешь, чтобъ мнѣ еще горчѣе было жить? Вѣдь еслибъ я себя не

соблюдала, какъ дѣвица, — куда жь бы я съ своимъ дитѣмъ нанялась? Вѣдь тогда мнѣ впору хоть въ рѣкѣ топиться!

— Знаю, знаю, Маша!—И я тебѣ ужь далъ обѣщаніе— не трогать тебя до поры до времени, пока мы не поженимся.

— Только я что-то плохо надѣюсь, чтобы могъ ты разыскать своихъ сродственниковъ. Вѣдь ужь еслибъ твой татка помнилъ о тебѣ,—неужто онъ не подаль бы о себѣ вѣсточку?

— Я и самъ, Маша, на это мало надѣюсь. Ну, а все же, чтобъ не думалось, надо справиться. Я больше надѣюсь гдѣнибудь приписаться. Ужь очень мнѣ обида большая, когда зовутъ меня «бродягой», а еще того хуже, что нигдѣ на мѣстахъ подолгу не держать: все требуютъ паспортъ, билетъ.. какъ будто человѣкъ безъ билета—и не человѣкъ!

— Я почитай что и выправила себѣ билетъ. Только ужь очень донималъ, приставалъ ко мнѣ писарь... А еслибъ ты, Алексѣй, не позвалъ меня съ собой, я все равно ушла бы одна. Какіе у насъ тутъ заработки?! А писарь все зубы скалить и съ охальными рѣчами пристааетъ...

— Писарь? Охъ, ужь этотъ мнѣ писарь! Жалко, что я тебѣ ни братъ, ни женихъ, а то я бы съ нимъ управился.

.....

Такъ и было все сдѣлано. Долго ли собраться бѣднякамъ? Положили въ два узла свой необходимый скарбъ и — вся недолга. И вотъ наша юная чета несчастливцевъ отправилась пѣшечкомъ, а потомъ благополучно усѣлась въ вагонъ желѣзной дороги. Алексѣю Винокурову по самымъ его заработкамъ ужь доводилось кататься по чугункѣ, а для Маши ѣзда по желѣзной дорогѣ представляла особенный, еще неизвѣданный ею, интересъ. Все занимало ее до крайности: и сила пара, и летящія въ темнотѣ большія искры отъ паровоза. И какъ хороши эти искры, иногда рассыпающіяся цѣлымъ роємъ огоньковъ! Маша слѣдила за отдѣльными искрами: какъ онѣ падаютъ и скоро ли погасаютъ. «Вотъ такъ-то не долга и жизнь наша!» — думаетъ она. Но вмѣстѣ съ тѣмъ Маша уже чувствуетъ и какъ бы сознаетъ, что хотя она и простая деревенская дѣвушка, однако, умѣетъ читать и, благодаря Алексѣю Винокурову, теперь она будетъ пообразованнѣе многихъ изъ чернорабочихъ и бабъ-переселенокъ.

Чтобы ужь не очень приставали ухаживатели къ хоро-

пенькой и свѣженькой дѣвушкѣ, Винокуровъ при всѣхъ называлъ ее своею женою.

— Что это вы ужь очень рано поженились? — недовѣрчиво спрашиваетъ ихъ зубоскаль изъ фабричныхъ. На пестромъ шолковомъ жилетѣ его болтается толстая цѣпочка съ брелочками, а картузь съ изломаннымъ козырькомъ заливчатски сидитъ на затылкѣ; изъ-подъ потертаго пиджака виднѣется кумачевая рубаха съ вышитыми по ней узорами, а штаны заправлены въ голенища... Знаемъ мы этихъ молодаякъ изъ городской рощицы, изъ засѣлки... очень хорошо знаемъ! И гулять съ ними доводилось... Не угодно ли, красавица, сѣмянковъ! У насъ для васъ и карамелька найдется! Угостить завсегда можемъ...

— Я-те угощу: смотри у меня!—говорилъ Алексѣй Винокуровъ, сверкая въ негодованіи темнокариими глазами.—Вотъ я заявлю оберъ-кондуктору.

— А у тебя, молодецъ безъ усовъ, развѣ на лбу написано, что она тебѣ жена? А есть у тебя паспортъ? А прописана она въ паспортѣ?

— Ну, это, милый, не твое дѣло: ты мнѣ не полиція и не начальникъ будешь... Проваливай, поколь цѣль!

— Вотъ то-то оно и есть. Много вашего брата, всякихъ оборванцевъ, шляется!—говоритъ фабричный, выпячивая свою толстую бронзовую цѣпочку, чтобы показать, что онъ «при цѣпочкѣ и часахъ», и потому — особа не малая. Впрочемъ, часовъ у него никто не видалъ.

— Да что ты ко мнѣ привязываешься?

— Я только желалъ имѣть политичный разговоръ и обхожденіе вотъ съ этой пассажирочкой, а на лбу у нея не написано, что она тебѣ жена... Можетъ, и ей кавалеръ нуженъ пообразованнѣе тебя!

— Да она-то не желаетъ съ тобой разговаривать.

— Ну, объ этомъ ужь мы сами ее спросимъ...

— Оставьте меня въ покоѣ! — съ достоинствомъ и сухо отрѣзала Маша.—Я его жена и въ вашей компаніи не нуждаюсь.

— Ну, коли такъ, мы съ другими пассажирочками пріятно будемъ разговаривать... Еще нами ваша сестра не брезгала...

И фабричный отъѣхалъ со своими любезностями.

— А что? проучили тебя? — науськивалъ фабричнаго какой-то мужикъ, желавшій устроить себѣ для развлечения веселенькую сценку.

— Не стоить связываться съ необразованными людьми, — отвѣтилъ фабричный.

— Вотъ видишь, Маша, — тихо сказалъ Алексѣй: — и мужемъ твоимъ я себя назвалъ — и то какія обиды могутъ быть для тебя!.. А спросило бы у меня начальство паспортъ — и нѣтъ у меня паспорта, а, стало быть, я — бродяга. Еще, пожалуй, съ жандармомъ задержать на станціи. А что ты тогда будешь дѣлать?

— А я подѣ присягу пойду, Алеша, что ты не бродяга...

— Глупенькая ты, глупенькая! Да кто жъ тебя и спрашивать-то станетъ? Кто тебѣ повѣритъ? Это ни на что не похоже: какъ будто у насъ и законы есть, а я вотъ ужъ сколько годовъ живу безъ закона, какъ какой нибудь воръ или разбойникъ... Вотъ у этого прохвоста-фабричнаго, что къ тебѣ приставалъ, и то паспортъ есть!.. Не знаю, какъ мы будемъ жить. Ужъ я все стараніе приложу, чтобы какъ нибудь и куда нибудь да приписаться.

— Авось Господь поможетъ, — тихо отвѣтила Маша и незамѣтно для пассажировъ пожала руку, нѣжно посмотрѣвъ ему въ глаза.

Этотъ ласковый взглядъ не укрылся отъ Винокурова. Легкая дрожь пробѣжала по его тѣлу и въ эту минуту онъ былъ совершенно счастливъ.

А фабричный съ бронзовой цѣпочкой уже точилъ ласы съ двумя еще не старыми пассажирками. Теперь картузь у него уже чуть держался на затылкѣ, а его собесѣдницы грызли подсолнухи.

— Хочешь, Маша, я угощу тебя чайкомъ за трѣшникъ на первой же большой станціи, а то и на цѣлый гривенникъ?

И Винокуровъ улыбнулся. Онъ былъ счастливъ сознаниемъ, что Маша ѣдетъ съ нимъ и на его деньги.

— Куда ни шло, — продолжалъ онъ: — будемъ кутить на радостяхъ, что наконецъ-то мы выскочили изъ Краснаго Кута!

— Что ты? что ты? Не надо, Алеша! намъ и трѣшникъ

пригодится, какъ ежели и хлѣбца не на что будетъ купить. Хорошо еще, если мы скоро найдемъ себѣ работу въ Чембарѣ.

— Ахъ, кабы наладились наши дѣла! — сказалъ, вздохнувъ, Алеша.

. . . . .

VII.

Вотъ, наконецъ, и пензенская губернія. Наши странствующие несчастливцы, въ поискахъ и въ погонѣ за своимъ счастьемъ, — которое точно провалилось сквозь землю, — вышли изъ повѣзда на станціи «Воейково». До Чембара оставалось пройти около пятидесяти верстъ. Но чтѣ значило отмахать пѣшечкомъ съ полсотни верстъ для бѣдняковъ, привычныхъ къ труду и неизбалованныхъ судьбою!.. Правда, у нихъ точно горѣли и болѣли ноги отъ ходьбы, такъ какъ, жалѣя обувь, они всю дорогу шли босикомъ, но вѣдь не тратить же имъ послѣдніе рубли на подводу!

Переночевавъ на чьемъ-то гумнѣ въ селѣ Калдусахъ, Алексѣй Винокуровъ и Маша Гуторова прибыли въ Чембаръ на указанный имъ кѣмъ-то изъ горожанъ постоянный дворъ Мухобоева, по сосѣдству съ дворомъ Разказова.

Что сказать о городѣ Чембарѣ? Городъ какъ городъ. Такихъ городовъ очень много въ російской имперіи. Какой-то мѣстный языковѣдъ объяснялъ намъ, что Чембаръ въ переводѣ съ мордовскаго или татарскаго языка (для насъ, русскихъ, это почти безразлично) означаетъ: «портки», или штаны. Не смотря на такое звучное, но несовсѣмъ поэтическое названіе, въ этомъ городкѣ однажды задержался проѣздомъ, по несчастной случайности, императоръ Николай Павловичъ, и на городской площади до сихъ поръ сохраняется домъ, въ которомъ останавливался этотъ государь, съ устроенною въ немъ церковью. Для содержанія царской свиты тогда пригнали въ Чембаръ нѣсколько гуртовъ скота. Мѣстные сторожилы и г. Ильченко въ историческомъ журналѣ рассказываютъ, что 24 августа 1836 года, когда императоръ ѣхалъ на военныя поселенія въ Чугуевъ, одинъ повстрѣчавшійся съ нимъ на мосту или на гати солдатикъ такъ сильно гаркнулъ: «здравія желаю ва-

шему императорскому величеству», что лошади испугались и опрокинулась коляска, а государь повредил себѣ ключицу, и уѣздный врач Цвернеръ первый сдѣлалъ ему перевязку.

Другихъ достопримѣчательностей въ этомъ городѣ не имѣется. Впрочемъ, въ селѣ Тарханахъ, чембарскаго уѣзда, покоится прахъ Лермонтова, а въ самомъ городѣ устраивается библиотека въ память Бѣлинскаго, учившагося здѣсь въ уѣздномъ училищѣ. Именемъ Бѣлинскаго названа и одна изъ улицъ. Если же я, въ качествѣ безпристрастнаго бытописателя, скажу, что въ этомъ городѣ, въ нѣкоторые особенно счастливые дни, просвѣщенные обыватели играютъ въ карты съ утра до ночи и съ ночи до утра, и даже немножко почитываютъ дешевенькіе журналы и газеты, а на главной улицѣ имѣется очень грязная гостинница съ бильярдомъ и нѣсколькими канурами на подобіе «номеровъ»,—то такая характеристика обывателей города Чембара не скажетъ намъ ничего особеннаго ни за, ни противъ нихъ: вѣдь и во многихъ другихъ городахъ Россійская «интеллигенція» убиваетъ время за картами и кто же нынче не читаетъ газетъ! А время, — какъ ни безжалостно стараются его убить, —внося въ общество прогрессъ лишь черепашьими шагами, всѣ бѣжить да бѣжить и знать никого не хотеть...

Бѣжало время и для Алексѣя Винокурова и Маши. Вотъ они уже два дня какъ въ Чембарѣ, а мѣста и заработковъ все нѣтъ да нѣтъ.

Попробовалъ Алеша Винокуровъ справиться у хозяина Мухобоева:

— А что, Артемъ Петровичъ,—сказалъ онъ,—не слышали ли вы по здѣшнимъ мѣстамъ эдакой фамиліи: «Винокуровъ»? Можетъ, у васъ кто останавливался!.. Вѣдь у васъ всякій народъ бываетъ, особливо въ ярмарку и базарные дни.

— Нѣтъ, милый, не слыхалъ. Я почитай весь уѣздъ знаю по фамиліямъ. «Виноглотовъ» у насъ, точно, есть: такъ прозывается одинъ волостной старшина и то — больше потому, что онъ жретъ водку не въ примѣръ прочимъ: можетъ проглотить во всякое время сколько угодно и никогда пьянъ не бываетъ. Есть и фамилія «Водопьяновъ», и «Сивушниковъ», «Сивохинъ», «Запивохинъ», а одинъ цѣловальникъ—такъ тотъ даже и умеръ съ прозвищемъ: «Иванъ-Разбавъ-водой». Нѣтъ,

нѣтъ, милый! — фамиліи «Винокуровъ» у насъ не слыжать. Вотъ развѣ еще справится тебѣ у дворника Егора Разказова: онъ у насъ знаетъ всю подноготную.

Но и отъ Разказова Винокуровъ ничего не узналъ.

Послѣ этого, дня черезъ три, передъ вечеромъ, на постоянный дворъ Мухобоева пришелъ городской или, — какъ называютъ здѣсь низшихъ полицейскихъ, — «хожалый» для провѣрки, все ли обстоитъ благополучно, и нѣтъ ли тамъ кого на замѣчаніи?

— Ну, а твой пачпортъ? — обратился городской къ Винокурову.

— У меня, господинъ хожалый, сейчасъ еще нѣтъ пачпорта! — отвѣтилъ уже совсѣмъ блѣдный Алексѣй. — Я здѣсь разыскиваю своихъ родныхъ Винокуровыхъ и хочу приписаться.

— Хозяинъ? а хозяинъ? — строго и внушительно обратился городской къ Мухобаеву: — какъ же это у васъ безпачпортные люди проживаютъ? Эдакъ вы наберете всякаго жульа...

— Да этотъ парень — ничего, больно смиренъ и даже совсѣмъ водки не пьетъ... Ужъ такъ-то старается, шибко старается и хлопочетъ насчетъ мѣстовъ. И на поденщинѣ онъ былъ два раза: полтинника добился... Да его вотъ и эта дѣвица знаетъ: какой же онъ безпачпортный?! Они, стало быть, съ одной стороны, дальніе, городенскіе...

— А ты, красавица, знаешь вотъ его, этого самаго молодца? — обратился къ Машѣ городской.

— Очень даже хорошо знаю. Мы съ нимъ одной деревни, изъ Краснаго Кута, и онъ мой женихъ, — сказала Маша, вся почему-то вспыхнувъ. — У меня и билетъ есть отъ волости.

— Хе-хе-хе! — нешто жениховъ въ билетахъ пишутъ? Вишь ты прыткая какая. И ужъ женишка себѣ подпѣпила. У тебя-то есть билетъ — это я и самъ вижу! — и городской внимательно посмотрѣлъ паспортъ Маши, — а вотъ эдакихъ-то женишковъ намъ велѣно въ затрубную представлять, впредь до разбору; а опосля ихъ, — эдакихъ молодцовъ, — какъ бродягъ, въ острогъ сажаютъ...

Теперь Маша поблѣднѣла. Ей очень жаль было Алешу, да и чтò она одна будетъ дѣлать въ Чембарѣ, въ незнакомой сторонѣ, если его посадятъ въ острогъ, какъ бродягу?

— Ну-ка, молодецъ, отправляйся со мной до утра въ затрубную. А тамъ я надзирателю доложу для донесенія господину исправнику. Съ насъ вѣдь тоже спрашиваютъ. А вы, хозяинъ, посматривайте въ оба. Всякій народъ у васъ трется. А то и до штрафу недалеко. Вотъ намеднись колесника обобрали—и концовъ не нашли!

Сила солому ломить — старая истина. Какъ ни протестовать Алексѣй Винокуровъ, какъ ни клялся и ни божился въ томъ, что онъ не бродяга, а только разыскиваетъ свою родню въ чембарскомъ уѣздѣ,—городовой повелъ «женишка» въ затрубную при полици. И развѣ могло полицейскому унтеру прійти въ голову, что Винокуровъ появился въ Чембарѣ съ красивой дѣвушкой, чтобы найти здѣсь свое, куда-то запропастившееся, счастье?

Если вы, многоуважаемый читатель, еще никогда не бывали въ «затрубной» и имѣете лишь слабое и смутное представление о семь злачномъ мѣстѣ, то на мнѣ лежитъ обязанность объяснить вамъ все. Общій видъ «затрубныхъ» таковъ: при полицейскомъ управленіи, отдѣльно на дворѣ, а чаще всего въ томъ же зданіи съ промзглыми стѣнами, подъ черной лѣстницей и нѣсколько въ сторону, имѣется массивная, обитая желѣзомъ, дверь, запирающаяся снаружи засовомъ съ висячимъ замкомъ. Дверь ведетъ въ грязный и темноватый коридорчикъ, а въ немъ находится печка, изъ которой проведены трубы съ тремя или четырьмя отдушниками по числу арестантскихъ камеръ. Печка эта бываетъ въ дѣйстви, — «функционируетъ», выражаясь ученымъ и высокимъ слогомъ, — лишь когда надумается сторожъ, отставной унтеръ съ медалями, и если когда и пылаютъ въ ней дрова, то развѣ только въ такіе дни, когда ожидаются арестанты во множествѣ, по случаю базаровъ, ярмарки и престольнаго праздника, или же когда должно нагрянуть начальство, напримѣръ, въ лицѣ товарища прокурора. Въ другіе же дни эти помѣщенія не отапливаются и, по справедливости заслуживая названіе «холодной» или «темной», «затрубной» и «чижовки», больше извѣстны въ народѣ подъ этими характерными терминами. Зачѣмъ же еще отапливать ихъ ежедневно? Вѣдь и фонари-то въ городѣ, хотя бы и было очень темно (однажды, какъ говорятъ, разбилъ себѣ лобъ самъ помощникъ исправника, возвращаясь

домой съ карточного «винта»), зажигаются только по составленному впередъ, на цѣлый годъ, расписанію, когда еще не приказано или не полагается лунѣ свѣтить... Въ каждый изъ такихъ обителѣй имѣется крошечное окошечко почти подъ самымъ потолкомъ съ желѣзными полосами накрестъ. А мебели—никакой, хотя отъ сторожа зависитъ, если только онъ смилостивится, принести изъ-подъ лѣстницы скамейку. Да и какого еще свѣта и какой мебели нужно для арестанта-пьяницы или вора, для старшины или старосты, посаженныхъ въ затрубную «изъ податей»? Заведи для этихъ господъ настоящее окно,—такъ и не углядишь, какъ они вылѣзутъ, а нѣтъ—такъ начнутъ буянить и живо перебьютъ всѣ стекла: вѣдь казеннаго добра никому не жалко. А пьяному валяться—«все будетъ единственно»: что на полу, что на нарахъ, что на скамейкѣ! На полу спать еще лучше: пьяный скорѣе очнется и протрезвится, полежавъ на холодномъ полу, выложенномъ кирпичемъ. Въ камерахъ или—правильнѣе—въ арестантскихъ канурахъ сильно пахнетъ сыростью и амміакомъ,—понятно, отъ какихъ причинъ.

Вотъ въ одну-то изъ такихъ камеръ, какъ библейскаго Давида въ ровъ львиный, ввергли и несчастнаго Винокурова, причемъ роль львовъ и скорпионовъ играли клопы и другіе паразиты, имъ же нѣсть числа. Предварительно городской и сторожъ обыскали Винокурова. Затѣмъ щелкнула задвижка изъ коридорчика.

— Утромъ доложу объ тебѣ надзирателю, — сказала городской. — Коли что потребуется, постучись: сторожъ отпретъ.

«Господи! — думалъ Винокуровъ:—за что же это? Или я воръ и разбойникъ? или я пьяница? Да вѣдь эта чижовка хуже острога!»

Какъ ни былъ невзыскателенъ Винокуровъ, а мракъ, сырость и грязь все же и ему показались невыносимыми. Но что же дѣлать? Остается сидѣть до утра и ждать рѣшенія своей участи отъ полицейскаго начальства.

И вотъ онъ остается въ этомъ мракѣ одинъ со своими не менѣ мрачными думами. И многое онъ передумалъ... Онъ-то еще какъ нибудь перенесетъ все это. А что будетъ дѣлать Маша, его нареченная невѣста, еще не приискавшая себѣ

мѣста, одна-одинѣшенька на постояломъ дворѣ Мухобоева? А что, если Маша привыкнетъ къ городской жизни и разлюбитъ его, Винокурова? Но послѣдняя мысль казалась ему почти невѣроятною и несбыточною.

Кое-какъ Винокуровъ примостился къ стѣнкѣ и отъ усталости задремалъ въ полусидячемъ положеніи. Ночью привели какого-то пьянаго и помѣстили отъ него черезъ камеру. Пьяный неистово ругался, стоналъ, охалъ и причитывалъ, долго стучалъ и ломился въ дверь, но, наконецъ, обезсилѣлъ и затихъ.

Однако, который теперь часъ? что это какъ будто шумъ и движеніе въ полиціи? Конечно, ужъ разсвѣтаетъ, а, можетъ быть, и разсвѣло. Какая-то галка или ворона долго каркала и стучала клювомъ въ окошечко. Можетъ быть, у нея тутъ гдѣ нибудь въ дырѣ или подъ карнизомъ гнѣздо? Вотъ счастливица-то!—никто съ нея паспорта не спрашиваетъ...

Часа черезъ два явился полицейскій надзиратель Аргусовъ, совсѣмъ еще юный чиновникъ. Онъ внимательно и сочувственно выслушалъ разсказъ Винокурова объ его прошломъ и задумался, какъ бы что-то соображая. Молодой арестантъ, непохожій на другихъ арестантовъ, видимо произвелъ на него хорошее впечатлѣніе.

— Пожалуй, что тебя и зря арестовали,—сказалъ надзиратель.—Погоди же, я сейчасъ проверю твое показаніе, и если ты въ самомъ дѣлѣ не бродяга, — сейчасъ же доложу исправнику и выпущу тебя на поруки или подъ надзоръ.

Черезъ полтора часа надзиратель возвратился и освободилъ Винокурова, говоря, что исправникъ велѣлъ отписать по волостямъ и навести справки въ чембарскомъ и въ другихъ сосѣднихъ уѣздахъ—нѣтъ ли тамъ кого изъ крестьянъ по фамиліи: Винокуровъ. Маша сильно обрадовалась, увидавъ Алексѣя на свободѣ. Она сказала, что собиралась навѣстить его въ полиціи и принести ему хлѣбца, но дворникъ Мухобоевъ отсовѣтовалъ, говоря, что все равно ее не допустятъ въ камеру да еще обохальничаютъ...

Вскорѣ Маша нанялась къ купцу Красильникову за три рубля въ мѣсяцъ, безъ опредѣленныхъ условій, въ горничныя или кухарки, смотря по тому, на какое дѣло она окажется болѣе способною. У Красильникова была очень неинтересная жена и большая семья. Самъ онъ считалъ себя принадлежа-

щимъ къ «интеллигенціи», потому что умѣлъ играть въ винтъ и преферансъ, зналъ толкъ въ винѣ и выписывалъ дешевенькій журнальчикъ и газету. Раза два или три въ годъ,—больше въ именины,—онъ принималъ у себя гостей, чуть не весь годъ, съ неизбѣжными картами на нѣсколькихъ столахъ, съ закусками и ужиномъ. Хозяева Красильниковы не могли нахвалиться Машей. Знакомствъ у нея не было, кромѣ навѣщавшаго ее Винокурова, котораго она стыдливо выдавала то за своего двоюроднаго брата, то за жениха, и хотя на первыхъ порахъ она многого не умѣла дѣлать, что требовалось отъ нея по дому, но зато была очень понятлива, быстро все усваивала и вела себя безупречно. При этомъ Маша была крайне не требовательна и считала себя счастливою, если ей доводилось выпить послѣ хозяевъ чашку-другую спитаго чая. Когда ее спрашивали: откуда ты, Маша, родомъ?—она отвѣчала:

— Я—сирота, дальняя, деревенская.

Но прикащики и тутъ не давали ей проходу, желая завести шуры-муры съ красивой дѣвушкой. Сама Маша нисколько не поощряла ихъ и, наконецъ, они отъ нея отстали, когда она пожаловалась хозяину Красильникову на самаго надобливаго изъ нихъ.

— Вишь, недотрога какая! — обидчиво говорили прикащики. — Не про насъ, стало быть... Ну, да еще уломаемъ. А дѣвка одно слово—сахаръ!

Тѣмъ временемъ Винокуровъ раздобывалъ деньжонки и все больше на поденщинѣ. Замѣтивъ же, что полиція не пристаётъ къ Винокурову изъ-за паспорта,—его стали нанимать и на мѣста: то въ дворники, то по кучерской части, а одинъ купчикъ намѣревался взять его даже въ конторщики по винному складу, узнавъ, что онъ самъ вовсе не пьетъ, и требовалъ только, чтобы онъ подучился писать, такъ какъ Винокуровъ умѣлъ читать довольно бойко и уже осилилъ первыя правила ариметики, но въ отношеніи писанія былъ еще слабъ. Теперь Винокуровъ вздумалъ приписаться къ призывному участку для отбыванія воинской повинности: ему было уже около двадцати одного года. вмѣстѣ съ тѣмъ онъ подалъ прошеніе и о причисленіи его въ чембарскіе мѣщане.

Дѣла Алексѣя Винокурова и Маши Гуторовой какъ будто налаживались... Но судьба-мачиха распорядилась иначе...

Вдругъ отъ полиціи городенскаго уѣзда пришелъ въ Чембарь отвѣтъ, что хотя, по дознанію, въ Красномъ Кутѣ у сапожника Ильи Андреева Кавуна и проживаль, невѣдомо кѣмъ оставленный у него, мальчикъ Алексѣй, по отчеству и фамиліи неизвѣстный, но теперь никто изъ мѣстныхъ жителей не можетъ объяснить въ точности, куда дѣвался этотъ Алексѣй, и еслибы его предъявили имъ, то едва ли бы они могли признать въ немъ того мальчика, который проживаль у Кавуна: вѣдь именующійся въ городѣ Чембарѣ Винокуровымъ, по своей внѣшности и съ лѣтами, могъ сильно измѣниться. Да и самая изба Кавуна сгорѣла, а племянникъ Кавуна Дмитрій вмѣстѣ съ другими погорѣльцами переселился въ томскую губернію. Однимъ словомъ, свѣдѣнія были самыя неутѣшительныя, и теперь представлялось сомнительнымъ даже самое показаніе Алексѣя Винокурова о томъ, что до прибытія въ Чембарь онъ проживаль въ Красномъ Кутѣ... Попробоваль Винокуровъ дать чембарской полиціи свѣдѣніе о томъ, что его могутъ признать рабочіе на желѣзной дорогѣ, гдѣ онъ работаль до прибытія въ Чембарь; но и по этому предмету городенская полиція отвѣтила, что желѣзно-дорожные рабочіе, а въ особенности поденщики, безпрестанно смѣняются и никто изъ служащихъ не въ состояніи признать Винокурова ни по его имени, ни по его личности. Теперь положеніе Винокурова относительно выясненія его личности предъ начальствомъ сдѣлалось еще хуже, и оно было тѣмъ болѣе тяжело, что и въ чембарскомъ, и въ сосѣднихъ уѣздахъ родственниковъ его съ такою же фамилією не найдено...

VIII.

«Что за притча такая!» — разсуждалъ самъ съ собою посѣдѣвшій въ законахъ и «дѣлахъ» совѣтникъ губернскаго правленія Вознесенскій съ Владиміромъ на шеѣ и съ пряжкой за безпорочность, допивая въ своемъ кабинетѣ поданный ему правленскимъ сторожемъ Данилычемъ стаканъ чаю. Предъ нимъ лежали на столѣ кипы докладовъ, разная переписка съ присутственными мѣстами и книги законовъ съ «продолженіями», въ которыхъ кое-гдѣ были вложены для справокъ клочки бумаги. А въ сосѣдней съ этимъ кабинетомъ обширной кан-

целярія писцы скрипѣли перьями и пускали струйки дыма.— «Бродяга, совсѣмъ какъ есть бродяга, а желаетъ отбывать воинскую повинность и приписывается въ мѣщане. Еще почему-то и Винокуровымъ именуется... Положимъ, бывали такіе случаи, когда происхожденіе было только сомнительное... А для молодыхъ бродягъ, состоящихъ въ вѣдѣніи приказа общественаго призрѣнія и земства, существуетъ свой особый порядокъ... Дай Богъ память! Да! былъ еще циркуляръ министра внутреннихъ дѣлъ... Вотъ онъ, и циркуляръ-то! — еще я закладочку оставил! Но вѣдь онъ, Винокуровъ, и въ приказѣ-то не призрѣвается, въ вѣдѣніи земства не состоитъ,—и кто жь его знаетъ, кто онъ таковъ! Коли бы онъ еще ребенкомъ объявился, а то вдругъ какъ съ неба свалился въ Чембарѣ»...

И совѣтникъ задумался, прихлебывая чай.

«Что это за Винокуровъ такой, и почему у него такое прозвище? Можетъ быть, его отецъ служилъ на винокуренномъ заводѣ... Гмъ! гмъ! Можетъ быть, и хорошій человекъ, а по бумагамъ выходитъ бродяга. Дѣло-то его — табакъ!.. Вѣдь въ законѣ изображено, въ 950-ой статьѣ Уложенія о наказаніяхъ, что бродягой именуется не только тотъ, который «упорно отказывается», но и тотъ, который не имѣетъ «средствъ доказать свое состояніе или званіе». Теперь въ городенскомъ уѣздѣ не признали и не могутъ признать Винокурова, а въ чембарскомъ уѣздѣ у него нѣтъ никакихъ родственниковъ... Стало быть, бродяга! Вѣдь не намъ передѣлывать законы. Какое намъ дѣло, что ты *не можешь* доказать свое имя и званіе. Назвался груздемъ,—полѣзай въ кузовъ».

И вотъ совѣтникъ, поправивъ на глазахъ золотыя очки и понюхавъ табачку, принялся быстро писать «черновичокъ», какъ онъ выражался.

Совѣтникъ позвонилъ. Явился сторожъ.

— Данилычъ! Вице-губернаторъ еще не пріѣзжалъ въ присутствіе?

— Никакъ нѣтъ, ваше-скородіе!

— Позови дѣлопроизводителя!

— Слушаю-сь, ваше-скородіе! Прикажете еще налить стаканчикъ?

— Налей! Вишь, Данилычъ, какъ меня бродяги-то уходили: ажно взопрѣлъ.

Сторожъ подобострастно улыбнулся, но не рѣшился отвѣтить начальнику на фамиллярное къ нему обращеніе.

Совѣтникъ любилъ выражаться нѣсколько вульгарно и за это пользовался популярностью между писцами и сторожами.

Вошелъ дѣлопроизводитель Изумрудовъ.

— Василій Павловичъ!—сказалъ совѣтникъ:—прикажете перебѣлить,—вотъ вамъ черновичокъ. Нынче же надо послать. Какъ бы съ нами казенная палата еще какую штуку не выкинула. Эти бродяги вотъ у меня гдѣ сидятъ!

И совѣтникъ захряхтѣлъ, помѣшывая въ стаканѣ чай съ лимономъ и сахаромъ.

— А принесли намъ нынче «Губернскія»?

Изумрудовъ подалъ губернскія вѣдомости.

— Ничего нѣтъ! одна вода!—сказалъ онъ.

— А какъ же мы будемъ жить безъ водицы, Василій Павлычъ?—пошутилъ совѣтникъ.—Вольнодумствуете вы все... такъ то-съ!

Пока совѣтникъ Вознесенскій просматривалъ преисполненныя водицей губернскія вѣдомости, заглянемъ въ его черновичокъ, которымъ уже завладѣлъ одинъ изъ борзописцевъ.

«Г-ну чембарскому уѣздному исправнику.

«По указу его императорскаго величества, губернское правленіе *слушали* докладъ:

«Именующійся крестьяниномъ, однако, не приписанный ни къ какому обществу и въ то же время называющійся непомнящимъ родства Алексѣемъ Ивановымъ Винокуровымъ, въ январѣ 1897 г., обратился въ пензенскую казенную палату съ просьбою о причисленіи его къ чембарскому мѣщанскому обществу, представивъ для сего: 1) свидѣтельство, выданное ему 23 января 1897 г. за № 54 изъ чембарскаго полицейскаго управленія въ томъ, что онъ, Винокуровъ, ни къ какому обществу не приписанъ, подъ судомъ и слѣдствіемъ не состоялъ и не состоитъ, и что мѣсто приписки его родителей не отыскано, и 2) свидѣтельство чембарскаго по воинской повинности присутствія, отъ 10 окт. 1896 г. за № 3157, въ зачисленіи его, Винокурова, въ ратники ополченія 1-го разряда по 1-му призывному участку, причемъ Винокуровъ названъ непомнящимъ родства (бродягой). О вышеизложенномъ казенная палата сообщила губернскому правленію, прося увѣ-

домить: может ли Винокуровъ быть причисленъ въ чембарскіе мѣщане. На запросъ губернскаго правленія чембарское полицейское управленіе объяснило, что означенное свидѣтельство было выдано Винокурову въ силу... (здѣсь приведены законы) и что приписка Винокурова къ призывному участку учинена согласно циркуляру министра внутреннихъ дѣлъ отъ 30 марта 1876 г. за № 15. Къ сему полицейское управленіе добавляетъ, что Винокуровъ въ началѣ января 1896 г. заявилъ, что онъ по происхожденію изъ чембарской мордвы, но какого села или деревни не знаетъ, и выбылъ изъ чембарскаго уѣзда по четвертому году съ родителями въ городенскій уѣздъ, гдѣ и проживалъ въ Красномъ Кутѣ у сапожника Ильи Кавуна, который замерзъ въ 1891 г., въ пьяномъ видѣ, въ полѣ. Вскорѣ же умерла и жена Кавуна Лукерья. А онъ, Винокуровъ, ходилъ послѣ этого на заработки въ разныя мѣста безъ паспорта, но нигдѣ его подолгу не держали, ибо у него не было документа объ его имени и званіи. Вспомнивъ же изъ рассказовъ Кавуна, что онъ происходилъ изъ жителей чембарскаго уѣзда, онъ, Винокуровъ, пришелъ въ Чембарь. О провѣркѣ показанія Винокурова было сообщено кому слѣдуетъ, но жители деревни Краснаго Кута отозвались, что за давностью времени они не могутъ удостовѣрить, чтобы Винокуровъ былъ тотъ самый мальчикъ, который проживалъ у Кавуна, хотя у Кавуна, дѣйствительно, проживалъ неизвѣстно куда дѣвшійся мальчикъ, а въ чембарскомъ уѣздѣ нигдѣ родственниковъ Винокурова не оказалось и крестьянъ съ такою фамиліею, да еще изъ мордвы, нѣтъ. По явкѣ же Винокурова въ чембарское полицейское управленіе, правила, постановленныя въ 345 и въ другихъ статьяхъ устава о пасп. и бѣгл., по отношенію къ Винокурову исполнены не были вслѣдствіе того, что онъ чистосердечно рассказалъ о своемъ затруднительномъ положеніи и неимѣніи возможности доказать свое званіе. Проживая въ услуженіи у разныхъ лицъ въ періодъ приписки, Винокуровъ вель образъ жизни трезвый и ни въ чемъ предосудительномъ не замѣченъ. Посему ему и было выдано отъ полиціи свидѣтельство о несудимости на предметъ приписки. *Справка.* По вопросу объ исполненіи воинской повинности бродягами, находящимися на попеченіи приказа обществ. призрѣнія, циркуляромъ министра внутреннихъ дѣлъ

отъ 30 марта 1876 г. за № 15 разъяснено, что приписка бродягъ къ обществамъ, по достиженіи ими совершеннолѣтія, не имѣетъ особаго значенія, такъ какъ со введеніемъ новаго устава въ военную службу принимаются молодые люди въ возрастѣ 21 года, а посему и такихъ бродягъ слѣдуетъ принимать по жребію по мѣсту ихъ жительства. *Приказами:* такъ какъ дознаніемъ и розысками по заявленію Винокурова о своемъ имени и званіи не установлено фактически его личности, то и не находя возможнымъ нынѣ же разрѣшить вопросъ: можетъ ли Винокуровъ быть причисленъ къ избранному имъ обществу?—*губернское правленіе полагаетъ:* поручить чембарскому исправнику произвести всестороннее дознаніе о Винокуровѣ, которое могло бы положительно опредѣлить личность Винокурова, и въ случаѣ отрицательныхъ результатовъ поступить съ нимъ на точномъ основаніи 343 ст. устава о пасп. и бѣгл., то есть дѣло о Винокуровѣ передать подлежащему судебному слѣдователю, и о послѣдующемъ подробно донести губернскому правленію, о чемъ исправнику послать указъ».

Прочитавъ этотъ указъ, исправникъ крякнулъ съ досады и пробормоталъ:

«Ну, теперь ничего не подѣлаешь... Дальнѣйшее дознаніе излишне. Ясно, что начальство, не видя человѣка, а судя только по бумагамъ, велитъ сажать бычка на веревочку!»

Доложивъ указъ въ присутствіи полицейскаго управленія, исправникъ написалъ сейчасъ же и резолюцію:

«Именующагося Алексѣемъ Винокуровымъ немедленно заключить въ тюремный замокъ, какъ бродягу, и передать въ распоряженіе судебному слѣдователю, о чемъ увѣдомить и товарища прокурора».

Рѣшено и подписано. Теперь Винокуровъ уже не сомнѣвается въ томъ, что всѣ хлопоты о припискѣ пропали даромъ и что онъ самъ себя предалъ властямъ, какъ бродягу.

«Ну, что будетъ, то будетъ! — подумалъ онъ въ полномъ отчаяніи: — сошлютъ меня на край свѣта, — пожалуй, въ Сибирь,—а при этомъ еще и высѣкутъ»...

И Винокуровъ скорчилъ гримасу.

«А что будетъ съ Машей Гуторовой? Вѣдь не пойдетъ же она со мною въ Сибирь, да ее и не пустятъ»...

Мапа до того была поражена арестованіемъ Винокурова, что въ первый еще разъ оказалась неисправною по своей должности: она не помнила или не понимала, что она должна дѣлать, и теперь ходила по комнатамъ, какъ сонная или какъ въ воду опущенная. Сибирь представлялась ей воображенію, какъ нѣкій адъ кромѣшный... Недаромъ же мужики въ Красномъ Кутѣ ругаются такими словами: «ахъ ты сибирный! — такой-сякой!» Конечно, Мапа не знала и не понимала разницы въ положеніи бродягъ, ссылаемыхъ на водвореніе въ Сибирь, отъ положенія каторжниковъ и ссыльно-поселенцевъ.

Винокурова одѣли въ арестантскій халатъ. Какъ ни былъ потрясенъ несчастный, онъ твердо рѣшился терпѣть и покориться своей участи.

«До сихъ поръ, — думалъ онъ, — я ни въ чемъ худомъ не былъ замѣченъ. Пусть же и въ острогѣ всѣ знаютъ, что я не бродяга, а просто сирота»!..

И отъ нечего дѣлать, чтобы скоротать время, онъ принялся за всякую работу, какая только была ему по силамъ. Винокуровъ упражнялся въ письмѣ, безкорыстно писалъ для арестантовъ всякія прошенія и письма и, кромѣ того, занимался въ конторѣ у начальника тюрьмы, который оказывалъ ему всякое вниманіе. До сихъ поръ еще не было въ тюрьмѣ такого смирнаго, работающаго и безупречнаго арестанта, такъ что начальникъ тюрьмы серьезно говорилъ, что еслибъ у него были тысячи рублей, то онъ и тогда безъ колебанія ввѣрилъ бы ихъ Винокурову.

Зналъ Винокурова съ самой хорошей стороны и товарищъ прокурора, который, скрѣпя сердце, все таки написалъ о немъ обвинительный актъ, подводя «преступное дѣяніе» Винокурова подъ карательный законъ о бродяжествѣ, съ арестантскими отдѣленіями и ссылкой на водвореніе въ Восточную Сибирь, но безъ порки, ибо не доказано, чтобы Винокуровъ умышленно далъ ложное показаніе полиціи о своемъ званіи.

В. Волжинъ.

(Окончаніе будетъ).

Первая любовь.

Твоихъ лукавыхъ глазъ зеленые огни
Лучами нѣжности не одному сияли:
Огни невѣрные,—умѣли лгать они,
Таинственно маня въ плѣнительныя дали;
И въ торжествѣ пустомъ своихъ пустыхъ побѣдъ,
Отъ лести суетной въ надменномъ упоеньѣ,
Губила ты тогда своей весны расцвѣтъ
Сердечной стужею, безъ искры сожалѣнья...

И вдругъ погасъ пожаръ обманчивыхъ зарницъ
Подъ мягкой бахромой опущенныхъ рѣсницъ,
И грустью томною, какъ дымкою, одѣта,
Испугу и тоскѣ не сыщешь ты отвѣта...
Но кризисной бѣдѣ—счастливица!—не вѣрь:
Въ ней жизненная соль, въ ней жизни жаръ и сила...
О, наконецъ, ты подлюбила,
И торжество твое—теперь!

Конст. Ивановъ.

КЪ ВОПРОСУ О НАШЕМЪ ГРАЖДАНСКОМЪ ВОСПИТАНІИ.

*«Гдѣ господствуетъ сила убѣжденія,
тамъ исчезаетъ произволъ съ его вол-
нующими слѣдствіями».*

Н. И. Пироговъ.

I.

Всматриваясь въ процессъ развитія европейской цивилизаціи, мы замѣчаемъ, какъ постепенно въ жизни народовъ начало стадности смѣняется общественностью, или гражданственностью, какъ постепенно общественныя отношенія дѣлаются болѣе и болѣе сознательными, какъ постепенно личность освобождается отъ гнета традиціонной морали и произвола «сильныхъ міра сего» и въ свою очередь перестаетъ подчинять своей волѣ дѣйствія другихъ лицъ или цѣлыхъ союзовъ.

Дѣятельность личности все болѣе и болѣе регулируется общественнымъ мнѣніемъ и общественнымъ правосознаніемъ, но въ то же время, въ силу болѣе сознательности, не теряетъ среди общей работы свою индивидуальную самостоятельность. Раздѣленіе труда—одно изъ болѣе характерныхъ явленій европейской цивилизаціи, — одновременно отдаляетъ и сближаетъ индивидуумы, дифференцируетъ функціи и вмѣстѣ съ тѣмъ интегрируетъ ихъ въ одинъ общій организмъ. Однимъ словомъ, общественная жизнь становится болѣе сознательною, общественныя отношенія теряютъ первобытный характеръ простой стадности, общественныя связи разнообразятся и крѣпнутъ въ силу своей жизнеспособности, теряя въ то же время принудительный характеръ. Господство силы, произвола и стихійности уступаетъ мѣсто господству мысли, права и законосообразности. Личность, какъ героическая личность, теряетъ свое значеніе въ очень значительной мѣрѣ, и приобретаетъ себѣ самостоятельность и силу, какъ индивидуумъ, какъ единица общественнаго союза.

Всмотритесь въ картину великаго переселенія народовъ, движимыхъ какой-то сверхъестественной силой, и сравните ее съ народными движеніями первой половины нашего столѣтія. Здѣсь, не смотря на такой же массовый характеръ, гораздо больше стройности, опредѣленности стремленій, сознательности въ отдѣльныхъ дѣйствіяхъ; каждая народная группа V-го вѣка подчинялась общему потоку въ силу стихійной необходимости, народныя же группы нашего столѣтія, подчиняясь вліянію общаго воодушевленія, сознавали въ большинствѣ свои интересы, цѣли своихъ дѣйствій, вносили въ общій потокъ извѣстную опредѣленность требованій и воздѣйствій на условія стихійнаго течения. Тѣ же народы средневѣковаго періода, какъ стадо, подчиняются силѣ и произволу или привилегированной, или сильной личности, между тѣмъ какъ выработанные новою жизнью общественные и политическіе порядки первымъ условіемъ гражданского общежитія ставятъ свободу личности и равенство всѣхъ передъ закономъ, и подчиняютъ общественную дѣятельность контролю народнаго мнѣнія. На первый планъ современной жизни выступаетъ самостоятельность общественныхъ группъ и союзовъ, удаляя съ исторической арены опеку и деспотизмъ отдѣльныхъ личностей. Разнообразіе общественныхъ отношеній и интересовъ мѣшаетъ отдѣльнымъ личностямъ успѣшно регулировать общественныя движенія и безъ общественнаго содѣйствія управлять народною жизнью; безсиліе личности еще ярче выступаетъ при условіи ея оторванности отъ управляемой среды. Европейская цивилизація долгимъ и упорнымъ путемъ выработала общія условія современнаго гражданского общежитія: свобода личности гражданина, его совѣсти и его убѣжденій, равенство всѣхъ передъ закономъ, самостоятельность и самоуправленіе общественныхъ группъ и союзовъ, идея народнаго представительства.

Россія, примкнувъ къ западно-европейскому движенію, робкими и неувѣренными стопами слѣдовала за своею старшею сестрой и шагъ за шагомъ осваивалась съ требованіями гражданского общежитія. Петръ Великій, первый, своимъ личнымъ примѣромъ указалъ на высокое значеніе гражданского служенія родинѣ. Молодое поколѣніе его сотрудниковъ выставило уже такое государственное начало: «не персоны управляютъ законами, а законъ — персонами». Мудрая Екатерина въ своемъ Наказѣ слѣдовала идеямъ Монтескьё, — одного изъ апостоловъ западно-европейской гражданственности; въ ея царствованіе Россія въ лицѣ Н. И. Новикова увидѣла уже замѣчательный образецъ чисто-общественнаго дѣятеля, чуждаго табели о рангахъ. Вообще, въ русской литературѣ XVIII ст. и въ извѣстной части общественнаго мнѣнія, — какъ замѣчаетъ

А. Н. Пыпинъ, — «впервые ставится вопросъ нравственно-общественный, вопросъ о *достоинствѣ человеческой личности*; говорится первое слово въ пользу освобожденія крестьянъ и вмѣстѣ въ защиту человеческой мысли и слова, ставится вопросъ о внутренней реформѣ, объ автономіи общества». Въ новомъ столѣтіи гражданское самосознаніе русскаго общества пускаетъ еще глубже свои корни; внукъ великой Екатерины всю свою жизнь мечтаетъ даровать Россіи «либеральныя учрежденія» Западной Европы; его ближайшіе сотрудники вырабатываютъ планъ общаго государственнаго переустройства, а этотъ планъ встрѣчаетъ полное сочувствіе передовыхъ группъ русской интеллигенціи, рѣшающихся систематически способствовать его осуществленію. Въ глухое время послѣдующаго режима является цѣлая плеяда учителей и руководителей новаго поколѣнія работниковъ-реформаторовъ, которые развернули свои силы только впоследствии. Наконецъ, великими реформами Александра II Россія уже безповоротно выступила на дѣйствительный путь западно-европейской гражданственности; съ этого момента начался органический процессъ перерожденія нашего общественнаго строя отъ его прежней сословно-крѣпостной формы въ новую — свободно-гражданскую.

Заря дѣйствительной *гражданской жизни* занялась надъ русскою землей; гражданскіе идеалы Западной Европы стали входить въ обиходъ русской общественной жизни; реформами 60-хъ годовъ завершился процессъ слиянія потока русской жизни съ теченіемъ западно-европейской цивилизаціи; между восточной и западной половинами Европы установилась органическая нерасторжимая связь. Исторически неизбѣжнымъ стало пересозданіе гражданского строя Россіи, хотя и не буквально по западно-европейскимъ образцамъ, но, по крайней мѣрѣ, съ усвоеніемъ ихъ лучшихъ сторонъ, о чемъ свидѣлствуютъ уже крупные результаты первыхъ шаговъ реформы. Если мы припомнимъ всѣ ужасы крѣпостнаго безправья, всѣ оргіи откупной системы, тотъ произволъ, ту грубость и патріархальность административныхъ нравовъ, которые такъ ярко характеризуютъ «доброе старое время», — если мы припомнимъ всѣ эти преданія да посравнимъ «вѣкъ нынѣшній и вѣкъ минувшій», то, дѣйствительно, можемъ удивиться такой быстрой и значительной перемѣнѣ, реорганизовавшей весь нашъ государственный бытъ и посѣявшей въ дѣйствительной жизни сѣмена законности, гражданственности и самодѣятельности общества. Привлеченіе, актомъ 19-го февраля 1861 г., къ общегосударственной жизни крестьянскаго сословія; передача земскаго хозяйства и другихъ тѣсно связанныхъ съ нимъ земскихъ нуждъ въ руки представителей населенія, учреж-

деніе скорого, гласнаго и равнаго для всѣхъ суда, и другія реформы оживили русскую жизнь, нанесли чувствительный ударъ нашей гражданской косности, расшевелили общественную мысль, пробудили общественное самосознаніе и привлекли общественныя силы къ живой работѣ. Обновленіе сказалось и въ развитіи русской печати, и въ результатахъ земской дѣятельности, и въ успѣхахъ русской промышленности. Не смотря ни на какіе тормозы и препятствія, не смотря на отміну «рановременныхъ мѣръ», успѣхи русской печати и русскаго земства,—главныхъ показателей общественнаго оживленія, — настолько ощутительны, что всякому непредубѣжденному человѣку сразу бросается въ глаза та разница въ положеніи дѣлъ, которая существуетъ между дореформеннымъ бытомъ и современнымъ. Возьмите для примѣра количественное развитіе періодической печати и перемѣну въ ея отношеніи къ вопросамъ жизни; съ 1856 по 65 г. возникло новыхъ періодическихъ изданій болѣе 250, не исключая изъ нихъ и прекратившихъ свое существованіе до 65 г.; въ 1863 г. по официальной статистикѣ насчитывалось 301 изданіе, а черезъ 30 лѣтъ—753. Содержаніе журналовъ и газетъ за весь 40-лѣтній промежутокъ подверглось коренной перемѣнѣ: вопросы политической и внутренней жизни въ настоящее время доступны для печатнаго обсужденія и составляютъ необходимый элементъ всякаго изданія, между тѣмъ какъ въ дореформенный періодъ о нихъ почти не упоминалось; мало того, нѣкоторыя правительственныя предположенія предаются печатному обсужденію, въ то время какъ прежде нельзя было даже упоминать о нихъ. Далѣе возьмемъ земскую дѣятельность по народному образованію и народной медицинѣ; въ первые 23 года земской дѣятельности возникло 77% всего числа школъ, существовавшихъ въ 1886 году; въ настоящее же время нѣкоторыми земствами разрабатывается вопросъ о всеобщемъ обязательномъ обученіи. А затѣмъ развѣ можно равнять положеніе народной медицины до открытія земствъ съ ея современнымъ состояніемъ, равнять дореформенныя больницы съ гоголевскими Земляниками во главѣ—съ правильнымъ повсемѣстнымъ устройствомъ земскихъ больницъ и медицинскихъ пунктовъ?

Въ особенности оживленіе общественной жизни послѣ реформъ выразилось въ промышленномъ быту, который, подъ влияніемъ культурныхъ завоеваній XIX-го ст., рѣзко измѣнилъ свою физиономію и, перейдя отъ натурального хозяйства къ товарному производству, довольно тѣсно примкнулъ къ общеевропейскому движенію промышленности. Число фабрикъ и заводовъ за 50-лѣтній промежутокъ съ 1850—1890 г.г. болѣе чѣмъ удвоилось; ввозъ—утроился; вывозъ—почти упятерился; государственные доходы—учетверились; городское

населеніе—тоже учетверилось, тогда какъ общее число народонаселенія удвоилось. Къ 1858 году протяженіе желѣзныхъ дорогъ составляло 1,092 версты, черезъ 35 лѣтъ оно равнялось уже 29,157 в. количество паровыхъ судовъ рѣчнаго флота съ 1860 г. за 30 лѣтъ возрасло съ 392 до 1824. Самый характерный признакъ перехода къ новому экономическому строю заключается въ развитіи машиностроенія:—за 50 лѣтъ съ 1850 г. число машиностроительныхъ заводовъ возрасло съ 25 до 338, сумма же ихъ производства увеличилась во 100 разъ.

Таковъ, въ общихъ чертахъ, подъемъ русской общественной жизни; все это говоритъ за сильное и глубокое вліяніе реформъ Александра II на русскую жизнь, за ихъ цѣлесообразность и жизнеспособность.

II.

Но мы не должны вдаваться въ большой оптимизмъ,—мы должны помнить, что это только зародыши истинной культуры, что мы еще далеко не догнали нашихъ западныхъ сосѣдей и не должны забывать, что у насъ замѣчается только относительный прогрессъ новой жизни въ сравненіи съ дореформеннымъ бытомъ. Мы не должны забывать, что не стоимъ еще твердыми ногами на новой дорогѣ, что нашъ излюбленный путь — проселки, а не большая дорога, что прогрессивныя мѣры у насъ почти всегда сопровождаются «разъясненіями», «ограниченіями» и вообще попятнымъ движеніемъ. Еще въ 70-хъ годахъ академикъ В. П. Безобразовъ: писалъ «реакціонное движеніе противъ реформъ становилось *поперекъ всѣхъ новыхъ законныхъ путей дѣятельности и жизни*, всѣхъ новыхъ призваній, открывшихся въ силу новыхъ началъ, положенныхъ въ общество преобразовательною эпохою для общественныхъ классовъ, ею потрясенныхъ». Темная сила старой бюрократіи и крѣпостничества, вслѣдъ за первымъ горячимъ періодомъ преобразованій, восторжествовала и заплонила теченіе русскаго прогресса; министерскіе «циркуляры» и правительственныя распоряженія иногда радикально измѣняли смыслъ новыхъ законовъ и характеръ новыхъ учрежденій; во всѣхъ государственныхъ дѣлахъ стали побояваться гласности и общественнаго содѣйствія; государственные интересы начали противопоставлять общественнымъ и смѣшивать съ казенными и бюрократическими. Какъ извѣстно, у насъ сдѣланы были такія существенныя «поправки» къ реформамъ имп. Александра II, что ими были затронуты и основныя начала новой пореформенной жизни. Въ основаніе контръ-реформъ легло уже недовѣріе къ обществу и

его силамъ; руководящимъ принципомъ ихъ была полная регламентация всѣхъ общественныхъ явленій; административный и полицейскій надзоръ сталъ проникать во всѣ уголки русской жизни... Въ 1882 г. временными правилами ограничена свобода печати, а черезъ два года были изъяты изъ библиотечнаго обращенія многія произведенія литературы, уже пропущенныя цензурой. Новыя земское и городское положенія стѣснили земское самоуправленіе на счетъ администраціи. Цѣлый рядъ судебныхъ «новеллъ», включая сюда и «Положеніе о земскихъ начальникахъ», «затронулъ» общественное значеніе и основные принципы Судебныхъ уставовъ 1864 года. Замѣтно стало стремленіе къ бюрократической опеке надъ обществомъ, къ урегулированію всей жизни одними административными средствами безъ содѣйствія общественныхъ силъ. Всюду чувствовалась боязнь саморазвитія и самодѣятельности общественныхъ союзовъ; попытки ко взаимопомощи и сообществу преслѣдовались. Путь къ цивилизаціи съ ея гражданственностью загромождался или былъ взятъ подъ строгій контроль и опеку.

Въ состояніи подѣлопечности общественное развитіе задерживается, идетъ толчками и вовсе сбивается въ сторону. Общественные интересы не обнаруживаются явнымъ образомъ, а получаютъ характеръ официальности; отсутствіе гласности и общихъ интересовъ лишаетъ общество и его членовъ сознательнаго сотрудничества; въ отдѣльныхъ личностяхъ развиваются своекорыстные и спекулятивные инстинкты; равнодушіе къ вопросамъ народной жизни и личное эпикурейство составляютъ прямое слѣдствіе давленія на общественную самостоятельность. Въ обществѣ замѣчается упадокъ уваженія къ личности и ея гражданскому достоинству; начинается возрождаться даже наклонность къ самоуправству; самый же бытъ получаетъ оттѣнокъ патріархальности. Таковы общія черты подѣлопечной жизни общества; утрированный образецъ ея можно видѣть въ дореформенной Россіи; реакціонная политика 70-хъ и послѣдующихъ годовъ не замедлила привить свои специфическія особенности и къ пореформенной жизни.

Въ началѣ 80-хъ гг., у извѣстнаго педагога В. Я. Стоюнина находимъ слѣдующій отзывъ о русской общественности: «Наша обыденная жизнь — говоритъ онъ — показываетъ, что понятіе объ общественной нравственности еще не успѣло войти въ ясное сознаніе большинства русскихъ людей. Стремленіе жить *только для себя или на общественный счетъ*, расчеты на однѣ личныя выгоды, уклоненіе отъ добросовѣстнаго труда, беззащѣчивая ложь — вотъ что отличаетъ многихъ изъ насъ въ общественной сферѣ. Еще печальнѣе, что на это зло смотреть какъ-то примирительно,

безъ особеннаго негодованія, какъ будто бы иначе и быть не можетъ, что, конечно, поощряетъ людей, склонныхъ пожить на чужой счетъ. Отсюда видно, что *чувство нравственной связи съ обществомъ и съ народомъ у насъ развито слишкомъ мало*. Общественная же нравственность можетъ вытекать только изъ одного чувства». Лѣтъ черезъ десять, въ одномъ изъ некрологовъ Н. Г. Чернышевскаго, находимъ подобную же характеристику русскаго общества. «Тупой индифферентизмъ,—пишетъ публицистъ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей», — буржуазное безучастіе ко всякимъ живымъ вопросамъ, народнымъ, государственнымъ, политическимъ — вотъ что характеризуетъ наше время. И подъ эгидою этого индифферентизма медленно и вѣрно дѣлаютъ свою работу обскурантизмъ и дикая проповѣдь невѣжества». Можно было бы привести многое множество другихъ свидѣтельствъ, отмѣчающихъ тотъ же фактъ — низкій уровень нашего общественнаго развитія. Преданія дореформенной жизни, возобновленные продолжительной подлостью, отучаютъ насъ мыслить объ общественныхъ нуждахъ, обособляютъ жизнь каждаго гражданина, укореняютъ среди населенія эгоистически-спекулятивные взгляды на жизнь, забиваютъ общность интересовъ и попытки къ саморазвитію и самодѣятельности. Мелочность, безыдейность и равнодушіе къ запросамъ нашей жизни стали характерными признаками современнаго общества; какая-то социальная неразумность и беспечность проникаютъ въ наши мысли и чувства по вопросамъ жгучей потребности... Вслушайтесь, какіе «цвѣты невиннаго юмора» возрастаютъ въ нашей общественной средѣ по адресу лучшихъ мѣропріятій различныхъ лицъ и учреждений. Посмотрите, какъ у насъ относятся къ общественнымъ предпріятіямъ! На первомъ планѣ личныя выгоды и недовѣріе къ безкорыстному побужденію предпринимателя; каждое новое дѣло, всякое начинаніе мы стараемся втоптать въ грязь и осмѣять его недостатки. «Намъ все равно!—говоритъ поэтъ,

«Не дорожимъ
Мы шагомъ къ прочному успѣху.
Прогрессъ?.. его мы не хотимъ—
Намъ дай новинку, дай потѣху!
И вотъ новинкѣ всякій радъ
День, два; всѣ полны грѣзъ и вѣры
А завтра съ радостью глядятъ,
Какъ «рановременныя мѣры»
Теряютъ должныя размѣры
И съ трескомъ пятятся назадъ»!..

Вспомните же, наконецъ, какіе интересы одухотворяютъ бесѣды политиканствующей публики, посвященныя «животрепещущимъ» вопросамъ дня, въ родѣ спорта всѣхъ родовъ и многообразныхъ оттѣнковъ и т. п. Какимъ недомыслиемъ, какой мелочностью отзываются перечисленныя явленія нашей общественной атмосферы!

Убожество общественныхъ отношеній еще ярче вырисовывается подъ вліяніемъ бюрократизма и «табели о рангахъ», характеризующихъ не одно русское чиновничество, но глубоко въѣвшихъ во всѣ уголки нашей жизни. Въ нашемъ обществѣ весьма часто можно встрѣтить недовѣріе къ своимъ силамъ и къ своей независимости и какую-то подозрительность къ политической благонадежности простаго самостоятельнаго работника на обширномъ полѣ общественной дѣятельности. Иногда въ глазахъ общества проявленіе въ жизни общественной идеи и сознательнаго труда рисуется «краснымъ призракомъ» социализма и революціи. Потому-то у насъ

«мысли гонять,

Торгуютъ волею своей,

Главу предъ идолами клонять

И просить денегъ да цѣпей».

Работѣнность, произволь, деспотизмъ встрѣчаются на каждомъ шагу; отсутствіе социальной справедливости и отсутствіе уваженія къ личности почти сплошь процитываютъ собой доселѣ всѣ наши гражданскіе идеалы и всѣ общественныя отношенія. Кулачество и жидовское ростовщичество беззастѣнчиво проявляются только тамъ, гдѣ нѣтъ общности и гласности интересовъ, гдѣ публичность—пустой звукъ, гдѣ право сильного отождествляется съ закономъ, гдѣ провозносятся и процвѣтаютъ добродѣтели щедринскихъ «глуповцевъ». Только на такой почвѣ могли создаться и дѣйствовать нѣкоторыя специфическія особенности института земскихъ начальниковъ. «Если мы бросимъ,—говоритъ одинъ публицистъ, подводя итоги ихъ дѣятельности,—общій взглядъ на фізіономію института, какъ обрисовывается она въ сообщеніяхъ прессы всѣхъ оттѣнковъ и направленій, то получимъ слѣдующія основныя черты: безпредѣльность «личнаго усмотрѣнія», какъ главный масштабъ рѣшеній и мѣропріятій; полная, умышленно-предвзятая и откровенная невнимательность къ закону; охрана лишь землевладѣльческихъ интересовъ во что бы то ни стало и «попечительство» надъ крестьянами, выражающееся только муштрованіемъ, насильственнымъ введеніемъ не-обязательнаго, запретами невоспрещеннаго, и, наконецъ, широкая эксплуатація судебной розги и административныхъ заушеній». Не есть ли это прототипъ всего нашего общества? Не плоть ли отъ плоти его и кость отъ кости?

Да не подумают читатели, что я слишком сгустил краски въ этой общей картинѣ нашей общественной жизни. Невозможно статистически доказать обычность указанныхъ чертъ; во всякомъ случаѣ явленія повседневной жизни, на которыя главнымъ образомъ дѣлались осылки, говорятъ за ихъ широкое распространеніе; съ этимъ соглашаются и всѣ наблюдатели нашей жизни, и тѣ немногія цифровыя данныя, которыя были собраны по отдѣльнымъ вопросамъ: изъ нихъ нѣкотораго вниманія заслуживаютъ выводы г. Рубакина о русской читающей публикѣ. Онъ указываетъ малое усердіе русскаго читателя къ чтенію, пониженіе этого усердія за послѣднее время и многочисленность читателей, берущихъ «чтонибудь», не проникающихъ въ книгу дальше фабулы и, конечно, не ищущихъ въ ней какихъ либо идей и направленій.

Посмотримъ, съ другой стороны, какими изображаются въ современной беллетристикѣ «герои нашего времени», т. е. лучшіе его представители. Мы остановимся только на герояхъ г. Чехова, писателя, который, по словамъ одного критика, «поднимаетъ серьезнѣйшіе вопросы общественнаго содержанія». Герои г. Чехова въ большинствѣ случаевъ — больные и «хмурые» люди, безъ всякаго общественнаго догмата; почти всѣ они страдаютъ въ большей или меньшей степени неврастеніей. Они, какъ будто, переутомившіяся дѣти нервнаго вѣка, но, при болѣе глубокомъ анализѣ, ихъ постоянная пассивность и апатія, ихъ переутомленіе происходитъ не отъ горячки дѣятельности, а отъ неудовлетворенной жажды ея, ихъ нервность — не отъ живой дѣятельности, а отъ атмосферы «стоячаго болота»; они живутъ не съ живыми людьми, а съ призраками и постоянно переходятъ послѣднюю грань психическаго разстройства. Они — жертвы не психическаго вырожденія, а социальнаго недомоганія; отличительная черта ихъ — безпощадное самобичеваніе — своимъ источникомъ имѣетъ ненормальность социальной жизни: — чѣмъ труднѣе и безотраднѣе борьба съ общественными условіями, чѣмъ яснѣе сознаніе социальнаго безсилія, тѣмъ мрачнѣе у нихъ взглядъ на жизнь и на свою дѣятельность. Они — безсильные враги среды и искалченныя жертвы мелочной и убогой общественности. «Напрасно я ищу могучаго пророка, — восклицаетъ поэтъ, истинный представитель этихъ жалкихъ героевъ, —

Пророковъ нѣтъ... Мельчай,

Не въ силахъ ихъ создать ничтожная среда;

Есть только хищниковъ недремлющая стая,

Да пошлость жалкая, да мелкая вражда.

А кто и держитъ стягъ высокихъ убѣжденій,

Тотъ такъ усталъ отъ думъ, гоненія и мукъ,

Что не узнаешь ты, кто говорить въ немъ—геній,
Или озлобленный, мучительный недугъ»!..

III.

Итакъ, мы разсмотрѣли, съ одной стороны, зачатки общеевропейской культуры въ нашемъ отечествѣ, а съ другой стороны видѣли *особенности* русской общественной жизни при наличныхъ условіяхъ ея внутренняго развитія, подъ влияніемъ многообразныхъ «вѣяній»... Таковы житейскія условія нашего гражданского воспитанія:—съ одной стороны преданія освободительной эпохи и общеевропейской гражданственности, а съ другой—заботость этихъ преданій и возрожденіе традицій «добраго стараго времени» и крѣпостнаго права; сѣмена первыхъ дали уже корни и пустили ростки, а тягость попятныхъ движеній всей своей силой обрушивается и душитъ проблески гражданскихъ чувствъ и идеаловъ. Въ результатѣ—какой-то хаосъ въ общественномъ сознаніи, неустойчивость и неопредѣленность общественныхъ теченій; наконецъ, господство произвола «съ его волнующими слѣдствіями» (по выраженію Пирогова) во всѣхъ сферахъ общественной жизни, во всѣхъ уголкахъ нашего обширнаго отечества. «Русскій человѣкъ,—говоритъ В. Я. Стоюнинъ—воспитывался подъ влияніемъ произвола семейнаго, административнаго, полицейскаго; отсюда идея закона и его нравственная сила не входили въ его сознаніе, отсюда и въ жизни онъ *всегда проявлялъ свою личность самымъ уродливымъ образомъ*: если въ рукахъ его являлась власть, то онъ считалъ себя выше закона и старался подавлять личности подвластныхъ, зато и самъ дѣлался безличнымъ передъ высшей властью». Вотъ какою личностью дѣлается русскій человѣкъ подъ влияніемъ современной жизни; менте всего онъ можетъ назваться гражданиномъ...

Отсутствіе общности и устойчивости интересовъ, приниженіе идеи законности, «личныя усмотрѣнія», неуваженіе къ правамъ другихъ согражданъ, вулачество всякаго рода, полное безучастіе къ вопросамъ гражданской жизни,—всѣ эти признаки распатанности общественнаго сознанія, деморализаціи общественной жизни легко могутъ принять, при развитіи новой исторической жизни, болѣзненные и мучительныя формы въ силу своего противорѣчія съ общимъ теченіемъ европейской цивилизаціи, на пути которой мы уже стоимъ. Соціальное убожество и гражданская косность тѣмъ губительнѣе для нашего отечества, что его экономическое развитіе довольно быстро,—какъ мы видѣли,—слѣдуетъ за общеевропейскимъ движеніемъ, такъ что русской жизни грозитъ большою опасностью та рѣзкая разница

въ развитіи соціальныхъ и промышленныхъ способностей, которая, по мнѣнію Н. В. Шелгунова, породила въ Европѣ разрывъ, выступающій всего рельефнѣе въ формѣ современного пролетаріата. Если на Западѣ болѣе развитая общественность не смогла урегулировать быстрый ходъ промышленнаго развитія, то весьма понятно, что наше убожество доставитъ болѣе горючій матеріалъ для тяжелыхъ послѣдствій капиталистическаго развитія. Кулачество, ростовщичество, отеческій произволъ, которыми пропитаны наша промышленность и торговля, при капиталистическихъ условіяхъ производства, усугубляютъ бѣдствія и страданія обездоленной, безправной и темной массы бѣднаго люда. Какъ оградить путь новой гражданственности, съ одной стороны, отъ докучныхъ вмѣшательствъ старыхъ традицій и наслѣдія нашего общественнаго убожества, а съ другой—отъ еврейскаго капитализма и еврейской гегемоніи? Какъ устранить въ жизни печальныя послѣдствія общественной деморализаціи? Какія средства имѣются для этого? Разрѣшеніе этихъ вопросовъ необходимо должно вестись двумя путями: государственными мѣропріятіями и общественными усиліями. Возбужденіе общественной самодѣятельности и гражданского чувства, широкое развитіе частной инициативы, подъемъ серьезнаго интереса къ вопросамъ и нуждамъ нашего бытія,—это не красный призракъ социализма и другихъ «измовъ», а *неизбѣжное мирное средство* къ преуспѣванію нашего отечества на новомъ историческомъ пути, свернуть съ котораго мы уже не въ силахъ; это — необходимая доля участія, принимаемаго интеллигенціей и народомъ въ общемъ развитіи цивилизаціи. Пора самостоятельности и общественной инициативы если не вполне наступила, то во всякомъ случаѣ весьма скоро предъявитъ свои права на жизнь. Житейскія условія насъ обособляютъ, укореняютъ въ насъ практической эгоизмъ; между тѣмъ, историческая жизнь въ своемъ первоисточникѣ, въ своемъ скрытомъ, но могучемъ теченіи необходимо взываетъ къ нашему *гражданскому самосознанію*, требуетъ развитія въ нашей средѣ *общности интересовъ*, требуетъ дѣятельнаго отношенія къ нуждамъ и запросамъ народнаго быта. Насущная потребность нашего времени и нашего поколѣнія, такъ сказать, броунъ-секаровская жидкость, для русскаго общества заключается въ сплоченіи ради общихъ интересовъ, въ сознаніи общихъ нуждъ и нестроений, въ дружномъ содѣйствіи правящимъ сферамъ къ разрѣшенію ими общественныхъ проблемъ и запросовъ народной жизни.

«Движеніе, жизнь, прогрессъ, — говоритъ С. М. Соловьевъ,—условливаются соединеніемъ; слѣдствіе одиночества—безплодіе, неподвижность». Ближайшими задачами нашего времени въ сферѣ

умственного и нравственного воспитанія должны быть: выработка твердыхъ идеаловъ гражданственности, *ясное сознание нашего историческаго пути* и всесторонній анализъ нашего народнаго, общественнаго и государственнаго быта.

IV.

Ходъ общественнаго процесса, въ общихъ чертахъ, слѣдующій: вся совокупность общественныхъ условій вырабатываетъ личность,—этотъ единственный активный элементъ общества; извѣстная частная совокупность общественныхъ условій въ данный моментъ производятъ въ личности, въ этомъ продуктѣ всего предъидущаго состоянія среды, рядъ настроенностей и потребностей, которыя, переходя въ активную силу, порождаютъ рядъ общественныхъ явленій. Дѣйствія всѣхъ личностей даннаго общества производятъ всю совокупность общественныхъ явленій слѣдующаго момента. Въ этомъ процессѣ «взаимодѣйствія личности и общественныхъ условій» особенно выдвигаются два характерныхъ элемента борьбы отживающаго строя съ нарождающимися потребностями: съ одной стороны, въ каждый историческій моментъ прочно складываются извѣстные обычаи, которые нерѣдко отождествляются даже съ законами общественнаго и органическаго развитія; съ другой стороны, нарождающіяся настроенности выдвигаютъ силу мысли и анализа для разрушительной критики сложившихся традицій, не удовлетворяющихъ запросамъ новыхъ потребностей. Всматриваясь въ глубину процессовъ общественнаго развитія, мы на каждомъ шагѣ замѣчаемъ частную борьбу этихъ двухъ противоположныхъ силъ:—одна ревностно оберегаетъ *statu quo*, другая энергично анализируетъ существующій порядокъ во имя истины, добра и красоты; одна боязливо разстается съ социальнымъ наслѣдіемъ предковъ; другая смѣло стремится впередъ къ дальнѣйшему движенію. Насколько первая составляетъ пассивное и отживающее начало, настолько же вторая включаетъ въ себѣ элементъ активности, силы и здоровья. Въ конкретныхъ случаяхъ общественнаго и частнаго быта, намъ нерѣдко приходится сталкиваться съ этими началами; для болѣе правильнаго и сознательнаго отношенія къ дѣйствительности съ ея традиціями и нарождающимися идеалами требуется серьезное изученіе социальныхъ наукъ. Онѣ насъ знакомятъ съ законами общественнаго развитія и съ приѣмами правильной, научной оцѣнки существующаго порядка; онѣ—методологія гражданскаго воспитанія и существенный элементъ активнаго начала въ общественномъ развитіи.

Гражданинъ не можетъ оставаться пассивнымъ зрителемъ раз-

рушающагося строя или дѣйствія отживающихъ традицій и преданій, несогласныхъ съ его идеалами; онъ необходимо провѣряетъ дѣйствительность запросами своего міросозерданія, стремится осуществить ихъ и провести въ окружающую жизнь; для нормальнаго развитія и правильнаго осуществленія такихъ запросовъ ему необходимо изученіе законовъ, управляющихъ общественною жизнью, необходимо знакомство съ существующимъ порядкомъ, необходима научная критика дѣйствительности. «Открытія натуралистовъ,—говорить незабвенный Т. Н. Грановскій,—разоблачили вѣковые и вредные предрасудки, затмѣвавшіе взглядъ человѣка на природу: знакомый съ ея дѣйствительными силами, онъ пересталъ приписывать ей несуществующія свойства и не требуетъ отъ нея невозможныхъ уступокъ. Уясненіе историческихъ законовъ приведетъ къ результатамъ такого же рода». Исторія и весь циклъ социальныхъ наукъ даютъ лучший матеріалъ для изученія и критики традицій и существующаго строя; они знакомятъ насъ съ законами общественнаго роста и съ развитіемъ основныхъ элементовъ общественной жизни; они развиваютъ въ насъ критическую способность и руководятъ нашимъ гражданскимъ самосознаніемъ. Соціальныя и историческія науки не только даютъ богатый матеріалъ для знакомства со строемъ и эволюціей общества и его органовъ, но и приучаютъ человѣка безпристрастнѣй и глубже вникать въ интересы своихъ согражданъ, вдумываться въ задачи своей общественной дѣятельности, развиваютъ въ немъ, такъ сказать, социальную споровку, т. е. развиваютъ приспособленность къ гражданскому общежитію; онѣ научаютъ насъ жить въ обществѣ, работать для ближняго и всего человѣчества; онѣ—одно изъ дѣйствительныхъ средствъ противъ общественнаго убожества. Въ русскомъ обществѣ, пробужденномъ великими реформами къ новой жизни, къ гражданской самодѣятельности и, вопреки начавшемуся органическому росту, страдающему болѣзненными признаками убожества,—въ такомъ обществѣ распространеніе общественныхъ знаній является жгучей потребностью времени. Къ сожалѣнію, общественныя науки у насъ не пользуются благосклоннымъ вниманіемъ и расположеніемъ,—онѣ встрѣчаютъ на своемъ пути предубѣжденные взгляды; ихъ упрекаютъ въ непрактичности, въ непригодности и болѣе всего въ неблагонамѣренности; это — въ полномъ смыслѣ опальные науки въ нашемъ отечествѣ... Забитость общественнаго еще сильнѣе отбѣняетъ нашу общественную деморализацію и окончательно лишаетъ наше общество разумныхъ и убѣжденныхъ гражданъ.

Не въ лучшихъ отношеніяхъ съ общественнымъ знаніемъ находится и наша общеобразовательная школа. Она также чуждается обла-

сти общественныхъ наукъ и удовлетворяеть пытливость воспитанниковъ только нѣкоторыми свѣдѣніями изъ исторіи и географіи. Говорю: «нѣкоторыми свѣдѣніями», потому что наши историческія и географическія программы не отличаются ни научностью, ни цѣльностью, ни полнотой сообщаемыхъ знаній; скудость и неудовлетворительность ихъ давно уже служить предметомъ осужденія со стороны педагоговъ и специалистовъ. Требуя отъ учителей извѣстной односторонности и ограничивая слишкомъ узкими рамками критическую пытливость и, такъ сказать, философское мышленіе учениковъ, наши программы и объяснительныя записки къ нимъ лишаютъ исторію и географію не только научнаго значенія, но и педагогической силы. Онѣ нагружаютъ память учениковъ цифровымъ и именовымъ балластомъ, предоставляя широкое поле лишенному всякой опоры воображенію и устраняя мысль школьника отъ усвоенія научныхъ истинъ; такимъ путемъ вырабатывается охлажденіе къ знанію, фантастичность и неустойчивость убѣжденій и, наконецъ, ложное направленіе мысли, выражающееся или въ отвлеченности, или въ практическомъ цинизмѣ молодаго міросозерпанія. Надлежащая выработка міросозерпанія имѣеть своей задачей—не только дать человѣку идею о существующемъ и должномъ, но и развить въ немъ критическую способность, т. е. возможность самостоятельнаго отношенія ко всѣмъ вопросамъ мысли и жизни. Эту-то возможность самостоятельнаго отношенія всѣми силами изгоняють изъ нашей школы.

Рука объ руку съ лишеніемъ «критической способности» идетъ и урѣзываніе курсовъ исторіи и географіи: первый ограничивается исторіей территориальнаго роста государствъ и внѣшней исторіей ихъ политической жизни, а второй—свѣдѣніями изъ физической и промышленной географіи. Знаніе бытовой исторіи и этнографіи, а тѣмъ паче знаніе государственнаго и общественнаго быта представляется случайному знакомству черезъ внѣшкольное чтеніе; конечно, и теоретическіе вопросы общественнаго быта предоставляются тѣмъ же случайностямъ. Такимъ образомъ, наша школа готовитъ воспитанника къ общественной дѣятельности, не сообщая почти ничего ни о прошломъ народной жизни и гражданскаго общежитія, ни о настоящемъ, ни о началахъ, на которыхъ зиждется общество съ многообразными явленіями своей жизни и развитія. Этого мало: кончившій нашу общеобразовательную школу не имѣеть никакого яснаго понятія и полнаго представленія о своемъ собственномъ отечествѣ, о его государственномъ строѣ, о народномъ бытѣ и т. д. Все это относится къ запретнымъ плодамъ.

У насъ привыкли обвинять молодое поколѣніе въ неустойчи-

вості и книжности его идеаловъ. Мнѣ думается, что въ этомъ заключается большая вина нашей школы. Вѣдь трудно предположить, чтобъ вліяніе жизни оказало замѣтную услугу молодому поколѣнію въ выработкѣ его міросозерпанія:—для этого слишкомъ незначителенъ и узокъ его личный опытъ. Можно разсчитывать, что его убѣжденія будутъ складываться на основаніи жизненнаго опыта другихъ поколѣній,—но знакомство съ такимъ опытомъ мы должны приобрѣтати въ школѣ черезъ науку, какъ самую вѣрную и правдивую повѣствовательницу о нашей жизни. А если школа боится знакомить ученика съ современнымъ строемъ окружающей насъ жизни и съ ея прошлымъ, если ученикъ случайно и безъ школьнаго руководителя узнаетъ о вопросахъ и интересахъ родной дѣйствительности и всего человѣчества,—то, безъ сомнѣнія, знанія школьника не могутъ отличаться разносторонностью, обширностью и основательностью, а потому и убѣжденія, и идеалы его всегда будутъ страдать неустойчивостью, недодуманностью, неопредѣленностью и односторонностью.

Итакъ, если мы имѣемъ малоубѣжденныхъ гражданъ и общественныхъ дѣятелей, то въ этомъ слѣдуетъ винить прежде всего, какъ наставницу подрастающаго поколѣнія, нашу школу, или вовсе игнорирующую животрепещущіе вопросы нашего бытія, или же дающую кое-какіе обрывки свѣдѣній, но въ неприспособленномъ къ жизни видѣ. Понятно, что нашей школѣ, какъ вѣрному зеркалу общихъ условій жизни, трудно привить идеалъ гражданскаго воспитанія, но, сознавъ цѣлесообразность и жизнеспособность его, руководители школьнаго дѣла могутъ идти до нѣкоторой степени наперекоръ сложившимся традиціямъ и обстоятельствамъ.

Точно также и отдѣльный гражданинъ, сознавая неизбежность и плодотворность многихъ (не всѣхъ, конечно) началъ европейской гражданственности, долженъ всякими зависящими отъ него средствами способствовать развитію этихъ началъ, содѣйствовать прогрессу своего отечества на пути новой жизни и прежде всего содѣйствовать выработкѣ твердыхъ гражданскихъ идеаловъ путемъ широкаго распространенія общественныхъ наукъ и отечествовѣдѣнія. Гдѣ господствуетъ сила убѣжденія, — говоритъ Н. И. Пироговъ,—тамъ исчезаетъ произволъ съ его возмутительными послѣдствіями.

С. П.

Дичина.

Изъ городской жизни.

Владимира Сыромяти.

«—Почтенный стрѣлокъ, не продашь ли дичину?»—

На рынокѣ охотника мальчикъ зоветъ,

Съ дроздами усатаго вида дѣтину,

А самъ забѣгаетъ впередъ.

— Хорошъ покупатель! Ну, счастье на диво!—

Сердито охотникъ ворчитъ самъ съ собой,

Взглянувъ на лохмотья мальчишки сѣсиво,—

—Ну, что толковать мнѣ съ тобой:

Два золотыхъ, конечно, не дашь ты за штуку,

И денегъ такихъ не счумѣлъ бы ты счастье.—

«Ахъ, есть,—протянувъ исхудалую руку,

Малютка отвѣтствуетъ,—есть!

Здѣсь, видишь, два золотыхъ, но вотъ вѣдь досада,

Безъ денегъ никакъ невозможно мнѣ быть:

Бѣжать за лѣкарствомъ въ аптеку мнѣ надо,

А братьямъ хоть хлѣба купить.

Отецъ мой ужъ старъ, ремесломъ-то онъ плотникъ,

А мать безъ движенья,—бульономъ поить

Изъ дичи приказано... добрый охотникъ,

Нельзя ли ужъ мнѣ уступить?»

— Ну, парень, меня уморишь ты со смѣху:

Бульонъ изъ дичины для бабы простой...

Какъ живъ, не слыхалъ я такую потѣху;

Перцовки пусть выпьетъ настой—

Вотъ ей подходящій въ хворобѣ напитокъ,

А мнѣ ужъ съ тобой сговориться наврядъ:

Такая торговля мнѣ станетъ въ убытокъ,

Дороже бы стоилъ зарядъ.

«Эй, малый!»—зоветь изъ роскошной коляски
 Охотника баринъ.—«Иди-ка сюда;
 Чтѣ тамъ у тебя?»—говорить онъ по барски,
 «Почемъ же возьмешь за дрозда?»—
 — По пять, сударь, золотыхъ и двадцать пять грѣшей.
 Нигдѣ не найти,—побожиться готовъ,—
 Дешевле здѣсь въ городѣ дичи хорошей,
 А мало ль за нею трудовъ?—
 «Стрѣлокъ, ну возьми же за птичку два злата»,—
 Дитя со слезами къ нему пристаётъ,
 Но тотъ и не слышитъ, отдать не охота.
 «О чемъ этотъ малый реветъ?»—
 Спросилъ господинъ изъ коляски надменно.
 — Для матери, баринъ, позвольте купить:
 Ей докторъ бульонъ предписалъ непременно,
 Чтобъ силы больной подкрѣпить.—
 «Бульонъ изъ дроздовъ? Безобразье какое!
 Корми киселемъ ты питательнымъ мать,
 Полезнѣе будетъ, а мнѣ на жаркое
 Приличнѣй дроздовъ покупать,
 Чѣмъ вамъ, затѣвая нелѣпые супы;
 Не знаютъ, конечно, и вкусъ-то каковъ,
 А тянутся тоже,—какъ люди-то глупы!
 Ну, малый, давай-ка дроздовъ».—
 И баринъ съ небрежно-привѣтливой лаской
 Стрѣлку уплатилъ и кивнулъ головой.
 Вичъ щелкнуть и, вслѣдъ за роскошной коляской,
 Лишь пылъ поднялась съ мостовой.
 Охотникъ, довольный удачей такою,
 Въ знакомый трактиръ поспѣшаетъ свернуть,
 А бѣдный ребенокъ, осмѣянъ толпою,
 Въ слезахъ продолжаетъ свой путь.
 Проходить дней пять. На кладбищѣ три гроба:
 Два первые прѣсты и жалки на видъ,
 Чуть жидкою вохрой окрашены оба,
 А третій—вѣнками обвить...
 Въ одномъ исхудалую женщину видно,
 Въ другомъ помѣстился усатый стрѣлокъ,—
 Нашелъ во хмѣлю онъ конецъ незавидный,
 Задѣвши ружье за курокъ.
 А въ третьемъ... со знаками разныхъ отличій,
 Лежить, окруженный вѣнками, богатъ,—

Увы, подавился онъ косточкой дичи,—
Родныхъ не поможетъ ужь плачъ!
Всѣхъ трехъ чередомъ на кладбищѣ зарыли,
Небесъ правосудье ихъ ждетъ,
Архангела голосъ ужь слышенъ въ могилѣ:—
На судъ о дроздѣ ихъ зоветъ...

И. Толмачевъ.

ЗАЩИТНИКЪ ВЫРОЖДЕНІЯ СТАРОЙ ПОЛЬШИ.

I.

Юристы даютъ много различныхъ опредѣленій государства, среди которыхъ, кажется, нѣтъ ни одного общепризнаннаго, охватывающаго предметъ полно и всесторонне. Не гоняясь за полнотою опредѣленія, можно остановиться на одной основной чертѣ: всякое государство есть прежде всего союзъ миллионъ гражданъ, органъ ихъ единенія въ общихъ историческихъ цѣляхъ и задачахъ. Такъ какъ общеніе людей между собою составляетъ сферу морали и опредѣляется ихъ нравственными чувствами, инстинктами и принципами,—то очевидно, что всякая государственность живетъ непремѣнно какою нибудь высшею моральною идеей, сознательною или стихійно-безсознательною, вдохновляющею гражданъ на самопожертвованіе, сильной тѣмъ энтузіазмомъ, который она рождаетъ въ сердцахъ. Во взаимной борьбѣ за существованіе, при грозныхъ столкновеніяхъ на полѣ брани, гибнуть тѣ государства, внутренняя идея которыхъ не способна вызвать энергичнаго сплоченія массы героическихъ защитниковъ, побѣдителями же остаются тѣ, внутренній строй которыхъ благотворнѣе съ точки зрѣнія интересовъ многомилліоннаго населенія, социальная идея которыхъ выше и въ большемъ количествѣ гражданъ рождаетъ больший энтузіазмъ. Съ этой точки зрѣнія, разрушеніе государственныхъ организацій, хотя бы оно даже произошло при содѣйствіи внѣшнихъ силъ, всегда объясняется чисто внутренними причинами—повиженіемъ ихъ социальной жизнедѣятельности. Государства умираютъ потому, что умираютъ тѣ идеи, которыми они живутъ.

Сокровенная связь силы и роста государства съ общественно-нравственными идеалами нигдѣ не сказывается такъ рѣзко, какъ въ исторіи паденія Польши, явившагося результатомъ *полной несостоятельности ея государственнаго* строя съ точки зрѣнія интересовъ массы народной и глубокой политической деморализаціи правящихъ слоевъ польскаго общества. Моральное разложеніе на-

долго пережило тѣ государственныя формы, которыя оно убило. Оно отразилось въ цѣлой литературѣ временъ послѣднихъ судорожныхъ движеній умирающей польской государственности и въ тѣхъ политическихъ тенденціяхъ, которыя еще донныя живутъ въ польскомъ обществѣ. Довольно полное представленіе объ этомъ дають сочиненія В. Д. Спасовича, IX-й томъ которыхъ недавно вышелъ въ свѣтъ.

В. Д. Спасовичъ говорить и пишетъ обыкновенно или о Польшѣ, или о дѣлахъ и вопросахъ судебныхъ, или—наконецъ—о литературѣ вообще. Какъ литературный критикъ, онъ мало оригиналенъ и потому въ большинствѣ случаевъ не интересенъ. Ему недостаетъ ни вдохновенія, ни творчества, а главное — той захватывающей непосредственности, которая иногда подчиняетъ читателя даже самому шаблонному разсужденію, разъ оно высказано искренно, горячо и свободно. Отличительная черта его стиля — осторожность. Это—писатель, каждое слово котораго взвѣшено на алтечныхъ вѣсахъ. Онъ ничего не скажетъ печально, ничѣмъ не обмолвится ненарокомъ. Его рѣчь блещетъ логическою стройностью, иногда даже красивыми эффектами, но всѣ они строго разсчитаны и мало трогаютъ душу. Въ своихъ разсужденіяхъ онъ вѣчно лавируетъ между какою нибудь Сциллою и Харибдою, не выплывая въ открытое море съ безконечными, ничѣмъ не заслоненными, горизонтами. Въ жгучихъ и щекотливыхъ публицистическихъ вопросахъ подобная особенность стиля еще можетъ имѣть свой *raison d'être*. Но въ вопросахъ чистаго искусства она просто несносна. Выносишь тяжелое впечатлѣніе, словно отъ бесѣды съ человѣкомъ, который обо всемъ говоритъ съ какими-то задними мыслями. Къ счастью, г. Спасовичъ недолго останавливается на отвлеченныхъ литературныхъ темахъ и о чемъ бы ни говорилъ—о Байронѣ или о чешскомъ историкѣ Палацкомъ—всегда незамѣтно сведетъ рѣчь на польскій вопросъ и обыкновенно только съ этого момента становится интереснымъ.

Хотя В. Д. Спасовичъ подвизается въ русской литературѣ уже лѣтъ сорокъ, но по духу своему онъ остается типичнымъ полякомъ добраго стараго времени. По своимъ общественно-культурнымъ идеаламъ онъ почти ничего не имѣетъ общаго не только съ русскимъ народомъ, но даже и съ тѣми литературными кружками, въ которыхъ работаетъ. И если имя его постоянно появляется въ компаніи съ именами г.г. Стасюлевича, Пыпина, Вл. Соловьева и пр.,—то лишь въ силу того, что г. Спасовичъ *уметь не договаривать*: чего именно онъ хочетъ и во что вѣруетъ? Не смотря на весь свой либеральный космополитизмъ, «Вѣстникъ Европы» дер

жится определенной экономической программы, хотя бы по тому же чиншевому вопросу, совершенно несогласной с вождельніями Спасовича, какъ главнаго повѣреннаго польскихъ помѣщиковъ, выселяющихъ своихъ чиншевикомъ. У г. Спасовича есть великій талантъ—«пристраиваться» къ русскимъ общественнымъ движеніямъ. Объ этомъ свидѣтельствуетъ, между прочимъ, исторія его отношеній съ К. Д. Кавелинымъ. Въ «Воспоминаніяхъ о Кавелинѣ» г. Спасовичъ пишетъ: «онъ повліялъ на окончательную выработку моего міровоззрѣнія; онъ ввелъ меня въ кругъ русской жизни и русскаго писательства, въ область русскихъ идеаловъ и интересовъ». Достаточно прочесть хоть одну статью г. Спасовича, чтобы понять, что въ кругъ русскихъ интересовъ онъ никогда и не думалъ входить, совершенно облыжно приписывая Кавелину авторскія права на свое—«спасовичевское—міросозерцаніе», желая съ пользою для себя утилизировать высокій нравственный авторитетъ покойнаго русскаго писателя. Упомянувъ о содѣйствіи, которое Кавелинъ оказалъ издателю якобы примирительнаго и якобы демократическаго органа «Слово», Юсафату Огрызкѣ,—одному изъ главныхъ организаторовъ послѣдняго повстанія, не отличавшагося, какъ извѣстно, никакими демократическими тенденціями,—и намекнувъ, что Кавелинъ подготовилъ въ петербургскомъ обществѣ хорошій пріемъ маркизу Велепольскому, — Спасовичъ съ помощью такихъ пріемовъ какъ бы закрѣпляетъ за революціонной и панско-конституціонной Польшей благословеніе интеллигентной Россіи и ея выдающихся представителей, въ родѣ того же Кавелина. Между тѣмъ, отъ всѣхъ русскихъ либераловъ Кавелинъ отличался именно тѣмъ, что горячо вѣрилъ въ будущность русскаго «мужицкаго царства» и всегда оставался яркимъ врагомъ конституціонализма и сословнаго правленія. Если ловкій Огрызко, молившійся инымъ богамъ, сумѣлъ воспользоваться его услугами, то, значить, онъ просто *обошелъ* до вѣрчиваго Кавелина, искусно притворившись демократомъ... Навязываясь на нравственную солидарность съ Кавелинымъ, Спасовичъ въ одномъ мѣстѣ говоритъ даже о полномъ «единомысліи съ нимъ по польскому вопросу», но нетрудно догадаться, что это единомысліе—только кажущееся. Правда, оба они признавали необходимость единенія между поляками и русскими, подъ условіями, съ одной стороны, отреченія отъ повстаній и отъ мечты о государственной самостоятельности Польши, а съ другой—сохраненія полнаго простора польской рѣчи, вѣры и культуры. Но характеръ этого единенія и мотивы, ведущіе къ нему, представлялись имъ совершенно различно: основой грядущаго сближенія Кавелинъ считалъ «сознаніе единства передъ глубокимъ кореннымъ различіемъ съ

европейскимъ синтезомъ», а Спасовичъ принципиально отрицаетъ это различіе и съ полной готовностью примиряется, отъ имени поляковъ, и съ нѣмецкимъ господствомъ (стр. 108—9) и съ габсбургскою монархіею (стр. 73). Вообще онъ идетъ на примиреніе только какъ на выгодную сдѣлку, на компромиссъ реальныхъ интересовъ, общественныхъ группъ, господствующихъ въ Познани и Галиціи или въ той же Польшѣ. При этомъ Кавелинъ придавалъ огромное значеніе тому: «какими именно частями, направленіями и партіями будутъ сближаться обѣ національности», и отъ сближенія «польскаго панства съ русскимъ барствомъ» провидѣлъ одно только горе для народа. Съ его точки зрѣнія, «и ненависть къ правительству» не могла служить прочнымъ связующимъ звеномъ (стр. 3). Роль цемента должна была сыграть *солидарность принциповъ и польской, и русской демократіи*, которая на почвѣ равноправности вполнѣ могла примириться съ русской государственностью, какъ понималъ ее Кавелинъ, глубоко въровавшій въ ея прогрессивныя задачи и тенденціи (стр. 16, 5 и 6). Изъ этого можно видѣть, что и такъ называемое «примирительное направленіе» можетъ быть разныхъ сортовъ. Подъ этою маркою на нашемъ литературномъ рынкѣ сбывается и очень хорошій, и весьма сомнительный товаръ...

Демократизмъ и народолобіе составляютъ непроходимую пропасть между русскимъ обществомъ и г. Спасовичемъ, какъ современнымъ представителемъ классовыхъ тенденцій старой Польши. Черезъ эту пропасть онъ перекидываетъ висячій мостъ изъ гирляндъ красиво сплетенныхъ фразъ, притворяясь ярымъ демократомъ и народолобцемъ.

«По моимъ воспоминаніямъ, за время бытности моей въ университетѣ съ 1845 по 49 годъ, — пишетъ онъ, — не только русскіе, но и мы, поляки, только и занимались упраздненіемъ крѣпостнаго права, только и думали, какъ бы сдвинуть этотъ камень...». Разразившаяся въ Галиціи въ 46 году рѣзня польскихъ помѣщиковъ крестьянами, эта австрійская пугачевщина, разыгравшаяся съ разрѣшенія Меттерниха, оказала—по словамъ г. Спасовича—огромное вліяніе на польскую учащуюся молодежь. Въ немъ самомъ она «вселила полнѣйшее отвращеніе ко всякой фальши» (интересно: надолго ли?). «Она указала, что мы стоимъ на краю бездны, что мы обрываемся на крестьянскомъ вопросѣ, какъ на самомъ слабомъ мѣстѣ польской исторіи (sic). Для насъ стало безспорнымъ, что паденіе польскаго государства произошло только отъ его неустройства, отъ однихъ внутреннихъ причинъ» (стр. 10). Вотъ здоровая и совершенно справедливая мысль, но она остается

совсѣмъ недоказанной и недоразвитой, какъ въ литературныхъ трудахъ, такъ и въ общественной дѣятельности помѣщичьяго хodataя по чиншевымъ дѣламъ. Она высказана единственно ради обольщенія наивнаго русскаго передоваго читателя, и тотчасъ же умерла на бѣломъ листѣ бумаги, не перейдя въ жизнь польскаго общества и даже его передовыхъ дѣятелей. Тотъ же воспѣваемый г. Спасовичемъ маркизь Велепольскій, которому Кавелинъ якобы подготавливалъ сочувственный приемъ въ петербургскомъ обществѣ, является,—по признанію самого Спасовича,— «большимъ консерваторомъ въ крестьянскомъ вопросѣ», и его помѣщичій либерализмъ въ дѣйствительности свято хранилъ завѣты традиціоннаго польскаго крѣпостничества, слегка прикрытые чисто виѣшними компромиссами съ духомъ времени. Между прочимъ, онъ сводилъ къ нулю самостоятельность крестьянскихъ обществъ, ограничивая право участія въ сходѣ имущественнымъ цензомъ и допуская сходъ только для выбора должностныхъ лицъ разъ въ три года, причемъ въ члены гминнаго совѣта допускались только лица съ образованіемъ 4-хъ классовъ гимназіи и способныя служить бесплатно, т. е. мелкая шляхта, тогда какъ крестьянство совершенно отстранялось этими мѣрами отъ управленія своими общественными дѣлами. За то, что Н. А. Милютинъ уничтожилъ эти ограниченія, Спасовичъ печатно обвинилъ его въ «*служеніи демалогическому принципу*». Такіе завѣты въ свое время сильно вредили Н. А. Милютину и привели къ отставкѣ этого даровитаго государственнаго дѣятеля, оставившаго незаконченнымъ великое дѣло демократическаго перевоспитанія польскаго народа подъ эгидой русской власти.

Жестокая судьба постоянно заставляетъ г. Спасовича лавировать между преклоненіемъ передъ ясновельможнымъ шляхетствомъ и расчитанной лестью демократическимъ вкусамъ русскихъ читателей. Онъ не только самъ рядится демократомъ, но даже и всѣхъ польскихъ поэтовъ готовъ переодѣть въ зипуны. Отсюда получаются иногда прекуръзные противорѣчія. Напримѣръ, на стр. 198 онъ утверждаетъ, что Мицкевичъ «всегда оставался народникомъ», а на стр. 253, характеризуя его эпосъ, говорить: «*Мицкевичъ, по своему происхожденію, принадлежалъ весь дворянской польской культурѣ*, но уже находящейся въ той эпохѣ, когда общество приступило къ ломкѣ кастовыхъ перегородокъ и ко взятію крестьянъ подъ охрану закона». Здѣсь, что нужно, недоговорено, а чего не было въ жизни—то присочинено. Какая такая «эпоха взятія крестьянъ подъ охрану закона»? Что хочетъ г. Спасовичъ замаскировать этими неопредѣленными, расплывчатыми словами? Историческія традиціи Польши, безконечно идеализированныя Мицкеви-

чемъ въ его парижскихъ лекціяхъ, были самыя черныя и, съ точки зрѣнія интересовъ крестьянства, совершенно безнадежныя. Излагая исторію сліянія Литвы съ Польшею, Спасовичъ говоритъ, что «польское дворянство пустило глубокіе корни въ Литвѣ, внося польскій языкъ, польскіе нравы и польское земское (дворянское) самоуправленіе» (стр. 197). Такую же роль оно сыграло и на Волыни, и въ Подоліи, и въ Бѣлоруссіи, и въ Малороссіи, и въ Смоленскѣ. О томъ, какъ солоно приходилось народу отъ панскаго самоуправленія, мы знаемъ по гайдамацкимъ возстаніямъ, по исторіи Костомарова. Немногимъ легче, чѣмъ бѣлоруссамъ, литвинамъ и малороссамъ, приходилось и польскимъ крестьянамъ. Только въ 1768 году жизнь «хлопа» была поставлена подъ защиту закона, а до тѣхъ поръ каждый помѣщикъ могъ убивать своихъ крѣпостныхъ безъ всякой отвѣтственности, какъ и свой скотъ. Это уже не *крѣпостничество*, а настоящее *древнее рабство*, сохранившееся до второй половины XVIII-го вѣка только въ одной Польшѣ! Хотя г. Спасовичъ и говоритъ (впрочемъ, совершенно голословно) о преобразовательныхъ движеніяхъ въ польскомъ обществѣ конца XVIII-го вѣка; но мы знаемъ, что въ самый годъ провозглашенія во Франціи «правъ человѣка» польскій сеймъ единогласно отвергъ предложеніе Игнатія Потоцкаго о признаніи всѣхъ жителей Рѣчи Посполитой свободными. Вообще трудно представить себѣ что нибудь болѣе мрачное и безнадежное, чѣмъ исторія крестьянскаго вопроса въ Польшѣ. Канцлеръ Замоискій, Игнатій и Тома Потоцкіе и, наконецъ, Костюшко—вотъ единственные дѣятели Польши, заикавшіеся о нуждахъ народа, но замѣчательно, что всѣ ихъ предложенія въ пользу крестьянъ были всегда единогласно отвергаемы шляхетскими сеймами. Безсилень былъ что нибудь сдѣлать для народа и искренній демократъ Костюшко, указы котораго о надѣленіи крестьянъ панскою землею остались лишь революціонною прокламаціею—не болѣе. Національное же польское правительство, за все время своего существованія, ровно ничего не сдѣлало для «хлоповъ»: личную свободу имъ далъ Наполеонъ I, а земельное благоустройство, безъ котораго личная свобода оставалась пустою фикціею—дала Россія въ лицѣ главнаго преобразователя Польши, Н. А. Милютина, одно имя котораго всегда вызываетъ у г. Спасовича змѣнное шипѣніе. Въ тотъ самый годъ, когда русское передовое дворянство произвело попытку декабристовъ, написавшихъ на своемъ знамени освобожденіе крестьянъ, — польская шляхта опять таки единогласно приняла мѣры къ вящему закабаленію народа, отиѣнивъ одну статью, которая давала крестьянамъ нѣкоторыя права на землю. Въ эпоху обновленія Европы, когда новыя мо-

рально-гражданскія начала властно заявляли о себѣ и на Западѣ и на Востокѣ,—только одно польское шляхетство оставалось вѣрнымъ крѣпостнической старинѣ. Въ этомъ эгоистическомъ своекорыстіи правящаго класса Польши и лежитъ основная причина гибели ея, большой смертельнымъ недугомъ, гнилой государственности. Правящая интеллигенція, отрѣшенная отъ широкихъ общечеловѣческихъ порывовъ, исповѣдующая узкій сословный эгоизмъ, ничего не могла дать государству, кромѣ разложенія и смерти. Не находя естественной опоры въ сочувствіи закабаленныхъ народовъ, при первой возможности устраивавшихъ кровавыя расправы въ родѣ уманской или галицкой рѣзни, не любимая и роднымъ народомъ, «шляхетская государственность» принуждена была искать поддержки въ какихъ нибудь вѣщнихъ силахъ и неизбежно должна была выродиться—сначала въ дипломатическое интриганство, а потомъ, съ потерей политической самостоятельности, въ патріотическое предательство. Глубоко печальную картину представляютъ собою провозвѣстники «возрожденія Польши», несущіе въ своихъ сердцахъ тлѣніе и смерть, пропитанные трупнымъ ядомъ и смрадомъ! Величайшій польскій поэтъ возводитъ въ идеалъ національнаго героизма *измѣну и предательство* и во имя свободы вступаетъ въ опортюнистическій союзъ то съ деспотомъ Наполеономъ, то съ дикими османами, совершая величайшій грѣхъ передъ культурой, славянствомъ и человѣчествомъ. Сочетая огромный лирический талантъ съ моральнымъ дальтонизмомъ, Мицкевичъ развратилъ польскую революцію, толкнулъ ее въ крайности маккиавелизма, въ неразборчивое союзничество съ самыми темными силами—и сорвалъ съ нея тотъ ореолъ мученичества и героизма, которымъ сумѣли украсить свое дѣло сподвижники Мадзини и Гарибальди въ Италіи, Фихте и другіе націоналисты-революціонеры Германіи и т. д.

II.

Мы не хотимъ оскорблять память Мицкевича: миръ праху его! О мертвыхъ говорятъ только хорошее. Но идеи поэтовъ живутъ и послѣ ихъ смерти и, какъ вѣчно живыя, подлежатъ суду строгому, нелицеприятному. Мицкевичъ, первый изъ поэтовъ, ввелъ въ литературу мотивъ разлада между совѣстью и патріотизмомъ. Его герои жертвовали отчизнѣ не жизнью, а совѣстью, а самъ онъ пожертвовалъ для отчизны совѣстью цѣлыхъ поколѣній, и этимъ не спасъ, а только опозорилъ свое отечество, потому что такая жертва неприемлема никакимъ богомъ...

Г. Спасовичъ дѣлаетъ цѣлый рядъ попытокъ реабилитировать Мицкевича и его мрачнаго героя. Въ критическихъ статьяхъ онъ

называетъ Мицкевича писателемъ - моралистомъ, говорить о его тонкомъ этическомъ чутьѣ и прочее; но этими словами онъ только обнаруживаетъ лишній разъ отсутствіе всякаго этического чутья въ самомъ себѣ. Конрада Валенрода онъ зоветъ буквально «двойникомъ поэта» (стр. 214). На стр. 234 читаемъ, что «Валенродъ» — «это исторія собственной души» поэта, что онъ въ Петербургѣ «стоялъ злобно усмѣхающимся и мрачнымъ, точно Самсонъ во храмѣ у филистимлянъ», но что потомъ онъ переродился и «перешелъ отъ титаническихъ валенродовскихъ замысловъ» къ успокоенію — «въ пристани твердой религіозной вѣры». По объясненію г. Спасовича, ошибка Мицкевича и его друзей состояла въ томъ, что «они воображали, будто имѣютъ дѣло съ однимъ государствомъ, а не съ русскимъ народомъ» (стр. 213). «Съ этимъ противникомъ приходится не откровенничать, а хитрить; по отношенію къ нему всѣ средства хороши, что и выразилъ Мицкевичъ, поставивъ эпиграфомъ къ Валенроду: *Dovete adunque sapere come sono due generazioni da combattere—bisogna essere volpe e leone*».

Еще ярче выражено это положеніе въ повѣсти вайделота въ стихѣ: «ты же невольникъ; одно у рабовъ есть оружіе—измѣна» (стр. 214). «Идея эта несомнѣнно безнравственная»,—прибавляетъ тамъ же г. Спасовичъ,—«но она спрятана на самомъ днѣ произведенія»,—какъ будто она отъ этого дѣлается менѣе безнравственною!! Немного погодя, на страницѣ 216, онъ уже смягчаетъ свой приговоръ такими соображеніями, что «эстетика и мораль имѣютъ свои особыя мѣрки» и что «область искусства неизмѣримо шире области морали». Затѣмъ, еще черезъ три страницы, «переходя къ разбору этическому», г. Спасовичъ предлагаетъ читателю «мысленно перенестись въ древній міръ, въ Грецію или Римъ. Валенродъ долженъ былъ показаться нормальнымъ и моральнымъ человѣкомъ даже по своей основной идеѣ, такъ какъ нѣтъ ничего святѣе земнаго отечества, оно—верховное божество» (стр. 219). Положимъ, мы живемъ не въ древнемъ, а въ новомъ мірѣ, и тѣ истины, въ которыя вѣрили два-три тысячелѣтія назадъ, теперь уже оказываются, пожалуй, недостаточными для руководства въ современной жизни. Г. Спасовичъ чувствуетъ это и старается доказать, что «измѣна Валенрода была только фавулою разсказа, а не теоріей» или «политической программой» (стр. 220). Доказываетъ онъ это очень наивными, чтобы не сказать больше, аргументами—тѣмъ, что во время изданія поэмы «объ народности совмѣщались въ одномъ и томъ же государствѣ и состояли подъ державною рукою одного и того же монарха» и что тогда «не было никакихъ предчувствій и предугазаній на близящійся мятежъ»—хотя идея мятежа, конечно,

уже росла и зрѣла въ сердцахъ польской интеллигенціи. Онъ признаётъ, что авторъ «Валенрода» явился воспитателемъ послѣдующихъ поколѣній, но полагаетъ, что «нынѣ, послѣ повстаній 1830-го и 63-го годовъ, и въ особенности послѣ франко-прусской войны, послѣ кореннаго измѣненія бывшей системы европейскаго равновѣсія, поэма «Валенродъ» потеряла смыслъ нравственнаго внушенія. Если теперь «потеряла», то, значитъ, раньше имѣла, потому что трудно потерять то, чего не имѣешь... Въ такой защитѣ есть уже полупризнаніе вины. Въ своей застольной рѣчи въ Краковѣ, на открытіи памятника Мицкевичу, Спасовичъ говорилъ о немъ совершенно иначе. «Мы, будучи школьниками, на колѣняхъ молились и присягали, что будемъ *любить отечество, какъ Валенродъ*». «Мы любимъ этого пѣснопѣвца, почивающаго среди нашихъ королей на Вавелѣ, со всѣми его недостатками и слабостями. Мы любимъ его именно *за то, что онъ былъ таковъ, каковъ онъ былъ*, за то даже, что онъ заблуждался» — т. е. значить не то, что прощая его вины, ошибки и заблужденія, а именно *за эти самыя ошибки и вины*.

Хотя исторія «Валенрода» и «не была политической программой», но если люди «на колѣняхъ присягали» любить отечество не иначе, какъ Валенродъ, то очевидно, что они слѣдовали ей, какъ программѣ. Дѣйствительно, почти всѣ выдающіеся польскіе дѣятели соединяли страстную любовь къ отчизнѣ съ большимъ коварствомъ. Князь Адамъ Чарторижскій, какъ ближайшій другъ Александра I и попечитель виленскаго учебнаго округа, насаждалъ іезуитскія школы и систематически ополячивалъ Литву, Волынь, Малороссію и Бѣлороссію на русскія деньги. Маркизь Велепольскій началъ свою карьеру лестью столь отрицаемому г. Спасовичемъ императору Николаю I-му, какъ «врагу демагогіи и оплоту порядка въ Европѣ». Развѣ дѣятельность Чарторижскаго, Огрызки и проч. не заключаетъ въ себѣ полнаго сходства съ подвигомъ Валенрода, но безъ его демоническаго трагизма? Очевидно, Валенродъ воплощаетъ въ себѣ героическій типъ Польши въ эпоху ея умиранія, чѣмъ и объясняется какъ колоссальный успѣхъ, такъ и огромное воспитательное вліяніе этой поэмы. Поэтъ не сочинилъ страшную химеру изъ своей головы, но лишь ярко формулировалъ все то ужасное, чтó выросло въ самой жизни. Еще циничнѣе формулировали ту же идею авторы пресловутаго «революціоннаго катехизиса», предписывавшаго, между прочимъ, искать содѣйствія польскому дѣлу въ крупныхъ русскихъ землевладѣльцахъ, вооружать правительство противъ массы народной, какъ «разрушительнаго демократическаго начала», «а иначемыслящихъ — заподозривать въ коммунизмѣ и связывать ихъ имена съ именами Герцена, Огарева и проч.».

Русскому человѣку нѣтъ никакого основанія чувствовать племенную ненависть къ полякамъ, но нельзя не чувствовать страха при видѣ такого глубокаго нравственнаго паденія высшаго класса польской націи.

Съ тѣхъ поръ какъ проповѣдывался такой деморализованный патріотизмъ, прошло много времени, но въ смыслѣ нравственнаго просвѣтленія польскаго общества сдѣлано очень немного. Пережитое оставило послѣ себя тяжелый, мутный осадокъ, страшно тормозящій прогрессивную работу польской мысли. Теперь никто уже не зоветъ къ войнѣ, но и нынѣ еще въ произведеніяхъ каждаго воинствующаго поляка вы встрѣчаете, къ сожалѣнію, тѣ же черты нравственнаго дальтонизма и духовной ограниченности. Вотъ современный возродитель древне-польскаго эпоса—Сенкевичъ—изображаетъ, въ видѣ положительнаго героя, Стаса Поланецкаго, который съ совершенно спокойною совѣстью богатѣетъ, раздавая ссуды подь проценты и спекулируя на хлѣбъ въ голодный годъ. Г. Спасовичъ пишетъ критическій разборъ романа и даже не отмѣчаетъ этой «маленькой странности» въ дѣятельности героя,—подобно тому, какъ человѣкъ, лишенный обонянія, не замѣчаетъ дурнаго запаха трактирнаго бифштекса. Полемизируя съ варшавскою критикою, стоящею на боуге широкой общественно-нравственной точкѣ зрѣнія, онъ утверждаетъ, что «произведеніе Сенкевича не только красивое, но и нравственное. Оно вполне соответствуетъ даже вульгарной морали». По его мнѣнію, Сенкевичъ вполне «удовлетворилъ бы варшавскихъ рецензентовъ, произведя Поланецкихъ въ члены всевозможныхъ общепольскихъ учреждений и обществъ, и постарался бы, чтобы всѣ видѣли Марыню (какъ онъ сдѣлалъ въ романѣ) не одинъ разъ, а многократно занимающейся вышивками съ благотворительною цѣлью. Тогда бы никто не усомнился, что супруги не могутъ быть обвинены въ недостатокъ чувства общественности и въ неотзывчивости на общественныя требованія». Чувствуете ли, какая здѣсь злая иронія надъ рецензентами, неспособными постигнуть нравственную красоту героя, занимающагося ростовщичествомъ и хлѣбными спекуляціями? Общественная дѣятельность женщины рисуется Спасовичу только въ одной формѣ—въ видѣ вышивокъ съ благотворительною цѣлью... Какой огромный шагъ назадъ сравнительно даже съ эпохой Мицкевича, какъ автора героической «Гражины»!

III.

Каковы политическіе идеалы самого г. Спасовича? Отвѣтить на этотъ вопросъ чрезвычайно трудно, потому что своихъ идеаловъ

русской публикѣ онъ не проповѣдуетъ. Онъ просто служить имъ своими писаніями и рѣчами, стараясь оказывать на насъ извѣстное вліяніе и бороться съ ростомъ *національно-государственной самосознанія въ русскомъ обществѣ*, и безъ того очень слабого и смутнаго. Такой характеръ имѣютъ всѣ его, написанныя по русски, статьи по польскому вопросу, его вкрадчивое дружество съ вліятельными и прогрессивными кружками, не понимающими своей изолированности отъ народной стихіи, его статьи не только о польскихъ, но также и о русскихъ поэтахъ и писателяхъ. Самый излюбленный приемъ его—выставлять всѣ литературные авторитеты солидарными съ польскимъ дѣломъ, какъ его понимаетъ г. Спасовичъ, а если авторитеты говорятъ противъ, то елико возможно больше чернить и подрывать ихъ. Прочитайте, напр., его статьи и рѣчи о Пушкинѣ. Въ то время, когда русскіе писатели сочли возможнымъ чествовать ненавидѣвшаго Россію Мицкевича, даже не оговорившись, что ихъ солидарность съ польскимъ поэтомъ не распространяется на тенденціи «Валенрода» и союзничество съ Турціей,—привѣтственная рѣчь Спасовича на чествованіи Пушкина состоитъ главнымъ образомъ изъ большой оговорки по поводу отношенія поэта къ Польшѣ, выразившагося въ «Бородинской годовщинѣ» и «Клеветникамъ Россіи». Дѣлаетъ это ораторъ очень ловко, выступая какъ бы защитникомъ Пушкина. «Стихотвореній такого рода, въ которыхъ Пушкинъ являлся какъ бы преемникомъ Державина — говорить онъ—у Пушкина вообще очень немного», но тотчасъ же прибавляетъ, какъ бы незамѣтно впадая въ противорѣчіе съ самимъ собою: «Вопреки общепринятому въ русской критикѣ мнѣнію, что Пушкинъ былъ только поэтъ, всегда поэтъ и ничего болѣе, я въ немъ усматриваю весьма значительный элементъ *насквозь проникающей его русской государственности того времени, который опредѣлилъ весь ходъ, всю эволюціи его поэтическаго творчества*» (стр. 375).

Державинъ, какъ извѣстно, вдохновлялся иногда не только идеями государственности, но и болѣе скромнымъ желаніемъ угодить власть имущимъ лицамъ. Назвать Пушкина «преемникомъ Державина»—значитъ уже заронить въ слушателяхъ подозрѣніе относительно чистоты мотивовъ его поэзіи. Сказать, что Пушкинъ былъ «не только поэтъ, не всегда поэтъ, но преимущественно глашатай *насквозь проникающей его русской государственности*» *николаевскихъ временъ*, «опредѣлявшей весь ходъ и все развитіе его поэтическаго творчества», — это значитъ заставить недружелюбно отвернуться отъ него всѣхъ, кто слышалъ о темныхъ сторонахъ николаевского царствованія. Въ другой статьѣ онъ выражается о Пушкинѣ еще

откровеннѣе: «его писанія по вопросамъ политики и даже патріотическіе стихи были такого рода, что его недоброжелатели—а такихъ было много—могли толковать ихъ, какъ небезкорыстныя услуги правительству, отъ котораго онъ непосредственно зависѣлъ» (стр. 360). На стр. 369-ой Спасовичъ уже самъ присоединяется къ этимъ недоброжелателямъ и ссылается на авторитетное свидѣтельство Мицкевича, по словамъ котораго русская публика «стала равнодушнѣе къ Пушкину, потому что онъ пересталъ быть ея духовнымъ наставникомъ». Спрашивается, какое представленіе о Пушкинѣ останется у читателя послѣ такой критической и критико-біографической характеристики? Хорошо еще, если онъ догадается спросить г. Спасовича: почему патріотизмъ въ поэзіи Мицкевича и другихъ польскихъ поэтовъ нравится ему даже при явныхъ извращеніяхъ моральнаго чувства, а патріотизмъ Пушкина и русскихъ поэтовъ вообще кажется ему чѣмъ-то грубымъ, продажнымъ и низменнымъ?! И отношеніе къ государственности далеко не такъ просто, какъ принято думать. Самъ же г. Спасовичъ говоритъ, что ошибка Мицкевича и всего его поколѣнія заключалась въ томъ, что онъ отдѣлялъ русское государство отъ русскаго народа. Отожествлять ихъ цѣликомъ было бы рискованно, но несомнѣнно, что въ общихъ чертахъ государство является выразителемъ своего народа, особенно въ тѣ моменты, когда правители принципиально становятся на почву народныхъ интересовъ. Но разъ уже г. Спасовичъ провозгласилъ тождество народности и государственности, то съ его стороны просто непослѣдовательно чернить Пушкина, какъ національнаго поэта, за служеніе государственной идеѣ, ограничивая ее притомъ узкими рамками николаевской эпохи и выдумывая корыстные мотивы прислужничества передъ всемогущимъ правительствомъ.

Свою роль пособника денационализаціи русской мысли, а слѣдовательно и русскихъ общественныхъ силъ, г. Спасовичъ исполняетъ систематически, выдержанно и даже талантливо. Для этого онъ старается всегда идти въ ногу съ якобы передовыми элементами русскаго общества и, ради свисканія популярности, нерѣдко самъ принимаетъ тонъ человѣка весьма крайнихъ убѣжденій. На товарищескомъ обѣдѣ 31 мая 1891 года онъ характеризуетъ себя такимъ страшнымъ человѣкомъ, что просто испугаться можно... «Я—говоритъ онъ—антицерковникъ, антинационалистъ и антигосударственникъ» (стр. 270). Въ польскихъ же кружкахъ онъ никогда не зоветъ себя ни антинационалистомъ, ни антипатріотомъ, ни антицерковникомъ. Напримѣръ, рѣчь его на польскомъ обѣдѣ вся испещрена текстами и почти мистическими фразами. Въ ней онъ, насколько можно судить, вполне искренно отрывается отъ мысли о

государственной независимости Польши. Подобныя заявленія вызываютъ враждебное отношеніе къ нему со стороны пылкихъ націоналистовъ въ Варшавѣ и Краковѣ, зато открываютъ ему широкое поле дѣятельности въ Петербургѣ. Онъ вѣрить, повидимому, въ федерацію славянскихъ народностей, рассчитываетъ на автономное самоуправленіе Польши, но подъ непремѣннымъ условіемъ политическаго господства культурнаго землевладѣльческаго элемента. Въ границы этой автономной Польши, вѣроятно, входятъ и Литва, и Бѣлоруссія, и кievская губернія, — словомъ всѣ районы, гдѣ сохраняется культурно-экономическое господство польскаго дворянства. По крайней мѣрѣ, онъ съ большимъ сочувствіемъ говоритъ о «подъемѣ умовъ и сердець», который заставлялъ поляковъ ожидать возстановленія Польши отъ русскаго монарха и о планахъ Александра I-го «соединить съ царствомъ польскимъ губерніи бывшаго великаго княжества литовскаго по Днѣпру и Двинѣ» (стр. 201). Съ глубокою неприязнью и ненавистью отзываясь г. Спасовичъ о болѣе крайнихъ демократическихъ польскихъ партіяхъ и на страницѣ 244 облыжно приписываетъ имъ разрушительную программу, которая заключалась въ томъ, чтобы «поднять крестьянъ и истребить помѣщиковъ, т. е. вырѣзать прежнюю шляхту».

Съ точки зрѣнія исторической и соціологической, польскій вопросъ должно разсматривать не только, какъ политическій, но и какъ сословно-политическій. *Основная ненормальность положенія* заключается въ томъ, что польская шляхта сохранила за собою культурное и экономическое господство, но утратила власть политическую, которая всегда тѣсно связана съ экономическимъ первенствомъ. Уничтожить эту соціологическую аномалію она стремится, завоевавъ себѣ прежнее владычество путемъ компромиссовъ съ чужеземною правительственной властью, какъ это достигнуто нынѣ въ Галиціи и было достигнуто въ Польшѣ въ эпоху Велепольскаго. Какъ извѣстно, руссофильство Велепольскаго было вызвано непосредственными впечатлѣніями галицкой рѣзни. Исторія показала, что это временное сближеніе было ошибкою съ обѣихъ сторонъ. Странное и ничѣмъ, съ господствующей точки зрѣнія, необъяснимое совпаденіе польскаго мятежа съ эпохою освободительнаго движенія въ Россіи, съ предстоящимъ кореннымъ рѣшеніемъ крестьянскаго вопроса, ярко подчеркиваетъ сословно-экономическіе мотивы повстанія 1863 года. Какъ ни ругаль Велепольскій Меттерниха и австрійскую монархію, расточая комплименты Николаю Павловичу, но опытъ жизни показалъ, что польскимъ магнатамъ было гораздо легче сторговаться съ конституціонною Австріею, которая въ концѣ концовъ сдѣлала ихъ господами Галиціи, назна-

чивъ для усмиренія галичанъ «желѣзную руку» — графа Бадени, чѣмъ съ Россіей, которая, вернувшись къ своимъ демократическимъ традиціямъ, подъ руководствомъ Николая Алексѣевича Милютина занялась земельнымъ устройствомъ польскихъ крестьянъ. Въ результатѣ мы видимъ, что въ Австріи нѣтъ никакого польскаго вопроса и, по признанію самого г. Спасовича, «австрійскіе поляки связали свою судьбу съ судьбою «габсбургскаго дома». Между тѣмъ, въ Россіи польскій вопросъ несомнѣнно существуетъ и, вѣроятно, будетъ существовать до тѣхъ поръ, пока широкая программа, завѣщанная Милютинымъ, не будетъ исполнена до конца. Русское рѣшеніе польскаго вопроса, достижимое точно также исключительно на почвѣ сословно-экономической, должно быть, однако, диаметрально противоположно австрійскому. Австрія ублажила пановъ, Россія же устроила крестьянъ... Быть можетъ, послѣднее рѣшеніе еще не закончено, но оно, во всякомъ случаѣ, — принципиально вѣрное. Пора намъ понять, чего хотятъ недовольные, и выискнуть въ самые мотивы недовольства. Г. Спасовичъ много и краснорѣчиво говоритъ о «тоскованіи по прежнемъ національно-политическомъ бытіи» и даже заставляетъ насъ, съ точки зрѣнія общечеловѣческой, сочувствовать этой патріотической тоскѣ, но насколько «прежнее національно-политическое бытіе» можетъ быть согласуемо съ новыми гражданскими и нравственными началами, — это можно видѣть изъ его собственной фразы, сказанной, правда, по другому поводу: «признаніе равноправности было бы для нѣкогда владычествовавшихъ равносильно отказу отъ преданій ихъ національной исторіи». Весь польскій вопросъ заключается именно въ воспоминаніяхъ панскаго владычества надъ польскимъ и другими народами и въ неспособности шляхты отказаться отъ мечты о такомъ же владычествѣ въ будущемъ. Даже наиболее моральный поэтъ Красинскій, какъ выразитель думъ польскаго культурнаго класса, по словамъ г. Спасовича, «до конца жизни сознавалъ себя членомъ аристократическаго народа-избранника, обреченнаго на то, чтобы властвовать, и не могъ совладать съ непреодолимымъ отвращеніемъ въ себѣ къ другимъ народамъ, напримѣръ, къ русскому» (стр. 302). Надъ душою польской интеллигенціи отяготѣло проклятіе прошлаго рабовладѣльчества, неизгладимыя традиціи котораго ведутъ къ смерти и моральному вырожденію. Гордое народоненавистничество Красинскаго, деморализованный патріотизмъ Мицкевича, нравственная тупость эстетически-чуткаго Сенкевича, іезуитская политика г. Спасовича — все это симптомы моральнаго, а, слѣдовательно, и политическаго вырожденія старой Польши. Въ свои мечты о возрожденіи этой Польши они вносятъ столько боль-

ныхъ и нравственно уродливыхъ элементовъ, что дѣлаютъ вполне понятнымъ ея государственное распаденіе. Найдутся ли въ нѣдрахъ національнаго духа свѣжія силы, еще не зараженныя губительной проказой, чтобы стряхнуть проклятіе старины? Мы вѣримъ въ лучшее будущее и надѣемся дожидаться въ польской литературѣ господства новыхъ прогрессивныхъ теченій. Молодой демократической Польшѣ легче будетъ столкнуться съ демократическою Россією.

И. Гофштеттеръ.

СТРАНИЧКИ ПРОШЛАГО.

(Изъ автобіографическихъ записокъ).

I.

Я родился въ заштатномъ городѣ К. т—ской губерніи, гдѣ мой отецъ былъ соборнымъ священникомъ. Семья наша и тогда была не очень велика: она состояла только изъ отца съ матерью, меня—самого старшаго изъ дѣтей, — сестры и маленькаго брата. Жила, кромѣ того, съ нами бабушка, которая насъ—дѣтей—очень любила и баловала. Помнить себя сознательно я сталъ довольно рано,—кажется, еще съ пяти-шести лѣтъ... Давно было все это, но и до сихъ поръ я отчетливо помню отцовскій домъ, въ которомъ родился и провелъ первые годы своего дѣтства: онъ былъ очень великъ, стоялъ на самомъ краю нашего небольшого городка въ старомъ тѣнистомъ саду; и за этимъ же нашимъ садомъ начинался большой въковой лѣсъ. И кругомъ нашего города были всюду старые лѣса и заливные луга; хлѣбныхъ же полей совсѣмъ нѣ было видно вблизи. Большая судоходная рѣка М. протекала черезъ самый К. и какъ бы раздѣляла его на двѣ части, изъ которыхъ та, гдѣ находилась соборная церковь и стоялъ нашъ домъ, была на одной сторонѣ рѣки, а другая часть города — на бугрѣ, на противоположной сторонѣ, съ церковью во имя Преображенія Господня. Среди же самаго города, противъ нашего дома и соборнаго храма, находилась большая гора, на которой были тогда кладбище и Вознесенская церковь. Ахъ, эта гора! Сколько приятныхъ воспоминаній связано съ нею въ моей жизни! Скоро я почему-то полюбилъ ее и мечталъ, что вблизи ея проведу все свое дѣтство и молодость, потрачу свѣжія душевныя и тѣлесныя силы... Сердце мое постоянно трепетало, душа рвалась скорѣе взойти на эту гору и оттуда кинуть взоръ на безпредѣльные лѣса и луга, на окрестную дикую сторонку. Вотъ бабушка возьметъ, бывало, меня въ дѣтствѣ и поведетъ гулять на эту гору... Помню, — съ трудомъ

взбираешься на нее, боишься, что вот-вот упадешь съ такой высоты... Съ помощью бабушки взойдешь, наконецъ, на самую ея вершину и оттуда со страхомъ окинешь глазами всю окрестность: внизу, подъ ногами, у насъ весь городъ со всѣми постройками и церквями, справа—величественные песчаные берега рѣки М. окаймлены, точно лентой, береговымъ лѣсомъ, который что дальше, то больше теряетъ свой естественный цвѣтъ и очеркъ и, наконецъ, далеко-далеко представлялся глазу уже не лѣсомъ, а просто какимъ-то синеватымъ туманомъ; слѣва—тянулись величественные луга, на которыхъ между кустовъ небольшого перелѣска блестяли серебристыя озера. Долго, бывало, стоишь и любуешься всѣми этими окрестными картинами. Какъ бы мнѣ хотѣлось тогда побывать вблизи этихъ дальнихъ озеръ, на привольныхъ лугахъ! Начнешь приставать къ бабушкѣ, разспрашивать ее: далеко ли то или другое озеро отъ насъ, скоро ли мы пойдёмъ съ нею гулять на далекіе луга...

— Вотъ подожди еще немного, Николушка, подрастешь—пойдемъ съ тобою тогда и на далекіе луга, пойдёмъ въ лѣсъ за грибами, а то провѣдаемъ и Матвѣича на пчельникѣ!—общала она мнѣ.

— А далеко, бабушка, этотъ пчельникъ Матвѣича?—спрашиваю я.

— Далекое, другъ мой, верстъ десять почти будетъ... Вонъ въ кустахъ за тѣмъ озеромъ, что отъ насъ чуть видно...

— Милая бабушка... голубчикъ... пойдёмъ, пожалуйста, поскорѣе туда... Завтра же пойдёмъ!.. Можно вѣдь? И мама отпуститъ меня!.. Зину не возьмемъ—она вѣдь еще мала, а я ужъ теперь большой сталъ!..—пристаю къ ней опять.

— Какой ты большой?..—смѣется бабушка:—и горы-то вишь боишься, за меня держишься...

Потомъ мы съ бабушкой идемъ къ могилкамъ около церкви, гдѣ схоронены были всѣ наши родные. Бабушка на этихъ могилкахъ долго молится и все о чемъ-то плачетъ. Я долго не могъ понять, о чемъ она здѣсь такъ долго плачетъ. Начнешь, бывало, ее спрашивать:

— Бабушка дорогая! Скажи мнѣ, пожалуйста, о чемъ ты всегда такъ горько плачешь здѣсь? Тебѣ, вѣрно, жаль своихъ папу и маму... Ты говорила мнѣ, что это ихъ могилки...

Бабушка тогда крѣпко обниметъ меня и скажетъ:

— Когда подрастешь еще, Коля, самъ узнаешь жизнь... она не всѣмъ бываетъ хороша!..

Этихъ словъ бабушки я долго не понималъ. Чѣмъ плохо у насъ

жить ей? Почему жизнь не всё́мъ людямъ одинакова?—эти вопросы я не могъ тогда разрѣшить. Бабушку всё́ очень любили, а мы съ сестрою,—такъ какъ маленькій братъ нашъ былъ еще на рукахъ у матушки, — все время дома проводили съ нею. Товарищей и сверстниковъ у насъ тогда не было никакихъ. Лѣтомъ, напримѣръ, набѣгавшись досыта, садимся мы подъ густымъ тополемъ въ саду около своей бабушки и просимъ ее что нибудь рассказать намъ. Бабушка, когда у нея не было дѣла по хозяйству въ домѣ, цѣлыми часами сидѣла около насъ и рассказывала намъ или сказки о сѣромъ волкѣ, объ Иванѣ-дурачкѣ, или что нибудь изъ «божественнаго», напримѣръ, о страстяхъ Спасителя, о жизни преподобной Теодоры и пр. Она была очень религіозна и любила больше рассказывать намъ именно религіозныя и священныя событія или что-нибудь изъ жизни св. мучениковъ-угодниковъ. Особенно бабушка любила ходить каждый праздничный день къ церковнымъ службамъ. Лѣтомъ и я очень часто ходилъ съ бабушкою къ обѣднѣ или въ свою соборную церковь, или въ женскій монастырь, находящійся тутъ же въ городѣ, возлѣ собора. Особенно я любилъ участвовать въ крестныхъ ходахъ, которые очень часто совершались въ нашемъ городѣ. Кромѣ обычныхъ крестныхъ ходовъ: на преполовенеіе, на Спасъ, въ К. совершались еще торжественные крестные ходы—на Духовъ день на берегъ рѣки М., на Покровъ на ярмарку, 24 іюня и 29 августа на Пинику. «Пиникою» называлось особое мѣсто въ 8 верстахъ отъ города, гдѣ когда-то въ лѣсу, у источника Пиники, явилась на деревѣ чуднымъ образомъ икона св. Іоанна Предтечи и потомъ на этомъ мѣстѣ сооруженъ былъ небольшой деревянный храмъ. Боже, съ какимъ благоговѣніемъ, ожидаешь, бывало, когда, наконецъ, на нашей соборной колокольнѣ начнется перезвонъ колоколовъ къ крестному ходу!

— Бабушка родная, поскорѣй пойдемъ. Слышишь—уже заблагоговѣстили... Какъ бы намъ не опоздать!..

— Поспѣемъ еще, милый, не спѣши... Подожди — я головку тебѣ приглажу да рубашечку новую надѣну—вѣдь сегодня большой праздникъ...

Иногда на Пиники мы предпринимали лѣтомъ поѣздки даже всею семьею. Вотъ было для насъ съ сестрою удовольствіе! Еще наканунѣ мамаша съ бабушкой готовили все необходимое для этой дальней экскурсіи и на другой день рано утромъ, еще до солнечнаго восхода, мы выѣзжали изъ города, такъ какъ отецъ мой всегда при поѣздкахъ служилъ на Пиникѣ обѣдню. Помню небольшую деревянную церковь подъ зеленой желѣзной крышей, стоящую на небольшомъ лугу среди лѣса. Съ какимъ-то волненіемъ,

съ какой-то таинственностью въ душѣ приходишь. бывало, въ нее и слушаешь божественную службу.

Зимою меня съ сестрой рѣдко выпускали изъ дому: все боялись, какъ бы мы не простудились. Мы только изъ оконъ своей комнаты видѣли, какъ весь нашъ садъ, дворъ и окружающій лѣсъ покрывались бѣлымъ снѣжнымъ покровомъ; тутъ же за нашимъ садомъ, въ лѣсу, зимними вечерами часто раздавался вой голодныхъ волковъ... Мы собирались тогда въ спальнѣ и, прижавшись другъ къ другу, слушали опять рассказы нашей бабушки.

Зима,—какъ мнѣ казалась тогда,—была на моей родинѣ очень длинна; съ нетерпѣніемъ ожидали мы, когда наступитъ пасха, а потомъ скоро повѣтетъ и весною... Праздникъ пасхи мы особенно любили; къ тому же она праздновалась у насъ какъ-то особенно торжественно. Въ великую субботу, поздно вечеромъ, передъ благовѣстомъ къ «дѣніямъ» стрѣляли на соборной площади три раза изъ пушки; такіе же выстрѣлы дѣлали въ 12 часовъ ночи передъ благовѣстомъ къ Свѣтлой утрени и передъ чтеніемъ евангелія на литургіи. Весь нашъ соборъ въ свѣтлую ночь горѣлъ огнями и внутри, и снаружи. Весь иконостасъ въ церкви украшался разноцвѣтными стаканчиками, которые горѣли и переливались всеми цвѣтами радуги. Снаружи все стѣны собора и колокольни, все куполы и главы украшались также разноцвѣтными фонариками... Нельзя описать и хорошо вспомнить, какое религиозное чувство и восторгъ охватывали меня, когда, при такой торжественной обстановкѣ, раздавалось радостное пѣніе пасхальныхъ пѣсней. Кажется, душа воскресала у меня также къ чему-то новому, лучезарному...

Иногда празднованіе пасхи совпадало у насъ съ разлитіемъ рѣки М., которая выходила изъ береговъ около половины апрѣля. Вотъ была тогда величественная картина! Все окрестныя озера сливались съ рѣкой и затопляли водою весь нашъ углый городишка: вся соборная площадь, со всеми городскими постройками, буквально тонула въ водѣ. Вода была у насъ и въ саду, и на дворѣ, часто доходя до самаго крыльца. Мы доставали тогда изъ-подъ навѣса свою лодку, садились въ нее у крыльца, выѣзжали въ ворота и ѣхали на ней въ церковь къ обѣднѣ. Съ замираніемъ сердца и съ содроганіемъ сидишь, бывало, въ ней, а бабушка править веслами... Кругомъ насъ бушуютъ разъяренныя холодныя волны!.. Надолго въ моей памяти осталась эта картина.

Изъ ранняго дѣтства помню я еще и первое наше семейное горе — это смерть нашего брата Саши. Онъ былъ тогда совсемъ маленькій и къ тому же крайне болѣзненный. Саша заболѣлъ такъ

сильно, что отецъ съ матушкой крайне опечалились и о чемъ-то долго разговаривали. Не весела была и наша бабушка. Меня съ сестрою не пускали въ спальню, гдѣ лежалъ больной братъ, не велѣли громко разговаривать и бѣгать по комнатамъ. Черезъ нѣсколько дней, нашего брата не стало... Какъ-то рано утромъ вдругъ появились въ нашемъ домѣ чужіе люди. Насъ разбудила бабушка со слезами на глазахъ.

— Бабушка родная! Чтò случилось у насъ? — приставали мы къ ней съ разспросами.

— Вставайте скорѣе, дѣтки,—у насъ несчастье!.. Сашенька-то нашъ померъ, голубчикъ, царствіе ему небесное!..

Вскочили мы, проворно одѣлись и побѣжали въ залу. Тамъ передъ иконами горѣла лампада и много восковыхъ свѣчей; посреди залы стоялъ длинный столъ, покрытый бѣлою скатертью, и на немъ, подъ бѣлою кисеею, лежало что-то небольшое, желтое, прозрачное... Возлѣ стола сидѣла матушка и сильно плакала... Въ залѣ, кромѣ матушки, было много разныхъ старушекъ и незнакомыхъ мужчинъ,—и всѣ съ горестнымъ видомъ глядѣли на столъ. Помню потомъ, какъ мы хоронили нашего Сашу на горѣ, какъ горько плакали, а матушку почти безъ чувствъ привели домой со сѣдки...

Восьми лѣтъ отъ роду меня начали учить грамотѣ. Отецъ отслужилъ молебень передъ ученіемъ, пригласилъ ходить въ нашъ домъ учителя мѣстнаго городского училища, купилъ мнѣ азбуку, сдѣлалъ деревянную *указку* и усадилъ за книжку. Конечно, о какомъ нибудь «усовершенствованномъ» методѣ обученія грамотѣ, въ нашемъ медвѣжьемъ углу, тогда еще не было и слуха: у меня въ рукахъ была, помню, обыкновенная старинная *гражданской* печати азбука, какія нынѣ уже не издаются. Открывалась она картинками на каждую букву: *азъ*—артиллеристъ, *буки*—барабанщикъ и т. д.; далѣе слѣдовали буквы съ подлинными названіями — *азъ*, *буки*, *вѣди* и т. д., потомъ шли *склады*: *буки-азъ-ба*, *вѣди-азъ-ва*... Но мой учитель, вѣроятно, былъ уже «прогрессистъ» своего времени и сталъ учить меня азбукѣ *по новому*: буквы называлъ не славянскимъ названіемъ, а ближе къ русскому произношенію слоговъ. Такъ, напр., *азъ* называлось просто *а*, *буки*—*бе*, *вѣди*—*ве* и т. д. И *склады* проходились болѣе упрощеннымъ способомъ: вмѣсто—*буки-азъ-ба*, назывались просто — *бе-а-ба*, *ве-а-ва* и т. д. Грамота далась мнѣ, насколько помню, очень быстро, но сколько времени собственно я употребилъ на изученіе азбуки сейчасъ не могу опредѣлить; кажется, что я очень скоро научился читать по русски, такъ что всѣ удивлялись. Меня постоянно хвалили за быстрые успѣхи, ласкали,

дарили гостинцами... Какъ-то самоучкою научился разбирать я и славянскія буквы, такъ что очень скоро сталъ читать славянскія книжки—псалтыри, евангеліе, чѣмъ доставлялъ большое удовольствіе своей бабушкѣ. Учитель почему-то скоро пересталъ ходить въ нашъ домъ и давать мнѣ уроки, а дальше всѣмъ моимъ обученіемъ сталъ руководить самъ отецъ. Я до крайности полюбилъ занятія съ нимъ: онъ всегда такъ внимательно, ласково разъяснялъ все непонятное для меня изъ уроковъ по разнымъ предметамъ, что я всегда старался въ точности выучивать заданное мнѣ. Въ ученіи я видѣлъ и пользу, и удовольствіе, тѣмъ болѣе, что отецъ и матушка обращались со мною ласково и никогда не наказывали меня даже за шалости. Въ два съ небольшимъ года, я хорошо читалъ по русски, умѣлъ переводить со славянскаго языка на русскій любя мѣста изъ евангелія, зналъ отлично всю священную исторію и катехизисъ, выучился русской грамматикѣ такъ хорошо, что не только писалъ грамотно, но умѣлъ производить грамматическій разборъ нетрудныхъ предложеній. Къ тому времени у меня явилась большая охота къ чтенію книгъ. Отецъ часто приносилъ мнѣ книги для чтенія изъ бібліотеки городского приходскаго училища, въ которомъ онъ былъ законоучителемъ. Помню—были у меня разныя сочиненія М. Чистякова, и его «Журналъ для дѣтей», и «Капитанская дочка» Пушкина, и Загоскина: «Аскольдова могила», «Брянскій лѣсъ», «Юрій Милославскій»... Последняя книга мнѣ особенно нравилась, такъ что я перечитывалъ ее нѣсколько разъ и долго восхищался подвигами смѣлаго Кириши. Своимъ чтеніемъ я всегда доставлялъ особенное удовольствіе бабушкѣ, которая, по прежнему, любила слушать больше «божественное». Возьмемъ, бывало, какуюнибудь книжку съ описаніемъ жизни угодника и пойдемъ втроемъ въ садъ подъ свой любимый тополь. Тамъ я читаю, а бабушка и сестра слушаютъ. Бабушка долго слушаетъ, а иной разъ обниметъ меня и скажетъ:

— Голубчикъ ты мой, Коленька! Господь далъ тебѣ способность къ ученію — благодари же Его — Создателя.. Хорошо тебѣ здѣсь живется съ отцомъ-матерью, не вѣдаешь ты пока ни заботы, ни печали... А вотъ, погоди, отвезутъ тебя въ семинарію учиться—тамъ узнаешь ты и холодъ, и голодъ... проберутъ тебя тамъ...

— Какъ, бабушка, проберутъ? Бить развѣ будутъ? За что же меня будутъ бить, если я стану хорошо учиться? — спрашиваю я.

— Какъ же, родимый, конечно, будутъ наказывать, свѣчь... Безъ этого въ семинаріи нельзя учиться...

При такихъ словахъ бабушки, у меня невольно сжималось сердце. Я говорилъ уже, что дома родители не только никогда меня

не били, но не употребляли и самаго легкаго наказанія за наши дѣтскія проказы; я не могъ даже себя представить—за что именно можно бить и наказывать дѣтей. Отецъ бралъ меня иногда въ приходское училище на уроки закона божія, вѣроятно, для того чтобы я нѣсколько присмотрѣлся къ школьной обстановкѣ, но тамъ я тоже ничего не видѣлъ ужаснаго. Всѣ школьныя дѣти,—какъ я замѣтилъ,—любили отца и всегда исправно готовили уроки; замѣтилъ я также, что и отецъ въ школѣ никогда не употреблялъ никакихъ наказаній, а обращался съ учениками добродушно... Что же такое семинарія, въ которую меня хотятъ отдать учиться? Ужели тамъ истязуютъ дѣтей? Я, наконецъ, сталъ представлять себя, что семинарія—страшилище для дѣтей, что-то въ родѣ острога... Но мои страшныя представленія о школѣ скоро опять забывались и я по прежнему жилъ беззаботно.

Никакъ не ожидалъ я, что въ скоромъ времени всѣмъ намъ придется перемѣнить жизнь и расстаться со всѣми своими родными мѣстами, съ роднымъ домомъ, съ любимымъ садикомъ, съ милою горою и могилкою Саши, и даже съ бабушкою... Дѣло въ томъ, что хотя отецъ мой и былъ соборнымъ священникомъ, но средства отъ прихода были настолько незначительны, что ихъ едва доставало на пропитаніе семьи, а тутъ ужъ я подростаю и пора было думать объ опредѣленіи меня въ учебное заведеніе. Нашъ городъ К. отстоитъ отъ губернскаго города Т. слишкомъ за триста верстъ,—одинъ проѣздъ туда и обратно стоилъ даже въ то время немало денегъ, не считая содержанія... Гдѣ же брать средства для всего этого? Какъ плохи были тогда приходскіе доходы въ к-скомъ соборѣ, могутъ судить сами читатели: за молебень давали причту мѣдный пятакъ (1½ коп.), семикъ или гривну; за крещеніе младенца—7—8 коп., за погребеніе младенца—12 коп., а взрослога—30 коп. Изъ церковной кружки за иной мѣсяць доставалось отцу 1—2 рубля. Вотъ отецъ мой и вздумалъ перейти изъ К. даже въ какое нибудь село—лишь бы средства для жизни были нѣсколько лучше и къ губернскому городу было ближе. Мы, дѣти, конечно, не знали тогда многого, хотя, уже съ возрастомъ, я замѣчалъ, что отецъ съ матушкой нуждаются въ самомъ необходимомъ. Разъ, лѣтомъ, поѣхали наши родители въ Т., и мы, дѣти, остались дома съ бабушкой. Долго проѣздили они тогда, кажется, около трехъ недѣль. Мы, помню, очень соскучились о нихъ, и не разъ ходили съ бабушкой на гору и смотрѣли: не покажется ли на дорогѣ знакомая кибитка? Какъ-то вечеромъ, когда мы легли уже спать, слышимъ на дворѣ крикъ: «пріѣхали, пріѣхали!» Мы съ радостью выбѣжали на дворъ встрѣтить дорогихъ родителей. Слышу, матушка говоритъ бабушкѣ:

— Пресвященный перевелъ батюшку въ село Б., недалеко отъ Т.;—необходимо продавать домъ и ненужныя вещи, а черезъ недѣлю-другую, соберемся и уѣдемъ...

Помню, бабушка при такомъ неожиданномъ извѣстїи очень громко зарыдала и начала насъ обнимать и цѣловать...

— Голубчики вы мои!.. Прощайтесь теперь, соколики, со мною навсегда. Вы вѣдь теперь скоро уѣдете!..

Помню, что мы потомъ весь день проплакали и не отходили отъ любимой бабушки. Отецъ съ матерью долго уговаривали ее ѣхать съ нами жить въ Б., но она никакъ не соглашалась:

— Нѣтъ ужъ, голубчики мои, не поѣду съ вами. Вѣдь жить-то мнѣ на свѣтѣ, думаю, осталось немного—зачѣмъ же я поѣду умирать на чужую сторону? Лучше ужъ мнѣ умереть, гдѣ родилась, гдѣ жили мои родители; лягу на той же горкѣ, гдѣ и они...

Уговорить бабушку было никакъ нельзя.

Незамѣтно прошло для насъ и время сборовъ: скоро мы продали свой родной домикъ, кое-что ненужное изъ мебели, и были уже готовы къ отъѣзду. Насталъ, наконецъ, и самый день моего прощанія съ родиной. Мы всѣ встали очень рано и ходили въ свою соборную церковь, гдѣ отецъ служилъ послѣднюю обѣдню. Изъ собора зашли на кладбище, гдѣ служили панихиду на могилѣ Саши и родныхъ. Воротившись изъ церкви, мы увидѣли, что подводы наши въ дальній путь уже стоятъ у крыльца. Начались сборы, а затѣмъ прощанія, слезы... Я прощался въ домѣ почти съ каждой комнатою, съ каждымъ любимымъ уголкомъ на дворѣ; бѣгалъ со слезами по саду,—припадалъ къ лужайкамъ, цѣловалъ цвѣточки, долго обнималъ свой любимый тополь... Сердце мое какъ бы невольно чувствовало, что мнѣ ужъ никогда не придется увидѣть своей родины...

Вотъ мы, наконецъ, и выѣхали изъ К. Бабушка проводила насъ до Бѣлой слободы...

II.

Черезъ годъ послѣ перехода нашего изъ города К. въ село Б., меня повезли въ Т. и помѣстили учиться въ 1-е духовное училище. Училищныя зданія выходили одною стороною на берегъ рѣки Ц., а другою—въ улицу. Они состояли изъ длинныхъ, окрашенныхъ въ желтый цвѣтъ, старыхъ деревянныхъ «корпусовъ»; изъ которыхъ передній, стоящій къ берегу рѣки, былъ двухъэтажный; наверху помѣщалась училищная церковь, а внизу — «бурсацкая» столовая; изъ другихъ корпусовъ—одинъ назначался для классовъ,

два других—для помѣщенія казенныхъ воспитанниковъ, а одинъ— для училищнаго правленія и квартиръ смотрителя съ помощникомъ. Между этими корпусами находился обширный пустынный дворъ, на серединѣ котораго уныло торчали только громадные кучи березовыхъ дровъ для отопленія училищныхъ зданій. Все глядѣло какъ-то казенно, дико...

Помню, со страхомъ и трепетомъ вошелъ я за отцомъ въ этотъ казенный дворъ. Здѣсь — я замѣтилъ—играли толпы ребятишекъ, одѣтыхъ въ самые разнообразныя костюмы, начиная отъ суконнаго сюртука—дѣтей, вѣроятно, богатыхъ родителей—и кончая нанковымъ костюмомъ «казенника». Насъ моментально окружила толпа этихъ воспитанниковъ, которые держали себя очень свободно и бойко, съ выраженіемъ какой-то дикой удали...

— Смотрите, ребята, новичка привели!.. Откуда... въ какой классъ влючать?—приставали они съ разспросами къ намъ.

Я съ какимъ-то страхомъ прижимался къ отцу и боялся всѣхъ этихъ будущихъ товарищей. Мнѣ казалось тогда, что они вотъ-вотъ накинутся на меня и растерзають...

Скоро, къ счастью, пробилъ звонокъ, и мы съ отцомъ пробрались къ крыльцу правленія, гдѣ также ожидали очереди разные «батюшки» и «матушки» со своими сынками, которыхъ тоже привезли записывать въ училище. Всѣ новички, какъ и я, жались къ своимъ отцамъ и матерямъ, и смотрѣли такими же удивленными, испуганными глазами на незнакомую обстановку и на другихъ учениковъ. Вотъ, наконецъ, всѣхъ насъ позвали въ правленіе и начался пріемный экзаментъ. Помню, что меня заставили прочитать по русски и по славянски, предложили написать нѣсколько строкъ диктанта, и всѣ экзаменаторы удивились моему бойкому, выразительному чтенію и правильному письму.

— Гдѣ готовился вашъ сынъ, батюшка? — спросили они у отца.

— Самъ дома занимался съ нимъ по мѣрѣ силъ, — отвѣтилъ отецъ.

— Да вѣдь онъ знаетъ сверхъ программы, какая требуется для поступленія въ низшій классъ училища?!

Но отецъ мой сказалъ, что я даже умѣю читать по гречески знаю переводъ простыхъ предложеній съ латинскаго языка на русскій и прошелъ почти всю ариметику, но желательно было бы влючить меня пока въ низшій классъ, такъ какъ лѣта мои не особенно значительны. Спросили меня потомъ изъ священной исторіи, изъ катехизиса, и опять удивились моимъ толковымъ отвѣтамъ. По ариметикѣ мнѣ дали раздѣлить письменно какое-то

большое число на другое. Этого дѣйствія я почему-то не могъ рѣшить.

— Ну, этому онъ уже у насъ научится, батюшка. Все таки сынокъ-то вашъ будетъ у насъ учиться первымъ... Надѣюсь,—ему и нетрудно будетъ!—сказалъ самъ смотритель и нѣжно потрепалъ меня по щекѣ. Такое ласковое обращеніе начальника нѣсколько приободрило меня и я уже съ радостью возвращался съ отцомъ въ гостиницу, гдѣ ожидала насъ матушка.

Отецъ разсказалъ матери, какъ отличился я на экзаменѣ и что говорилъ намъ смотритель. Начались тогда для отца новыя заботы:—необходимо было найти для меня подходящую квартиру съ семинаристами и отдать меня подъ надзоръ «старшаго», чтобы я не заболтался. Скоро отецъ нашелъ одного семинариста изъ «философіи», который набиралъ себѣ мальчиковъ и имѣлъ уже квартиру недалеко отъ нашего училища. Не помню, сколько отецъ договорился платить ему за ученіе, но только батюшка былъ доволенъ, что нашелъ удобную для меня и недорогую квартиру. Вечеромъ въ тотъ же день родители свезли мнѣ на квартиру все мое незатѣйливое имущество, состоящее изъ небольшого сундучка, теплой одежды и постели, и я ночевалъ въ гостинницѣ въ послѣдній разъ со своими родными. И странно! Весь этотъ день я находился въ какомъ-то восторженномъ состояніи и какъ бы не чувствовалъ совѣмъ, что мнѣ предстоитъ долгая съ ними разлука. На утро отецъ съ матушкой опять сами отвезли меня на новую квартиру, чтобы имъ ранѣе выѣхать изъ Т., и мнѣ бы не опоздать къ началу классовыхъ занятій. Матушка, помню, все старалась тогда какъ можно больше снабдить меня съѣстнымъ,—напекли для меня много пышекъ, яицъ, купили сливъ и еще чего-то.

— Ты, Коленька, ѣшь все это, когда тебѣ будетъ скучно безъ насъ!—говорила она мнѣ, цѣлуя.

Самъ отецъ былъ какъ-то озабоченъ, — все приказывалъ мнѣ «хорошо вести себя», прилежно учиться и далъ мнѣ сколько-то денегъ.

— Деньги, Коля, не трать на лишнее; береги!.. Знаешь самъ, какъ трудно достаются онѣ мнѣ!.. Не лѣнись только и учись прилежно. Теперь учиться стало легко: не такъ строго, какъ прежде,—говорилъ онъ мнѣ.

Наступила, наконецъ, самая минута прощанія. Вдругъ въ моей груди какъ бы что-то оборвалось; я громко зарыдалъ и долго не могъ оторваться отъ отца и отъ матушки... Такъ и не помню, какъ уѣхали родные и я остался одинъ въ кругу своихъ товарищей по квартирѣ. Кто-то изъ мальчугановъ, кажется, приставалъ ко мнѣ,

дразнилъ «нюней» и «матушкинымъ сыномъ». Я ни на кого не обращалъ вниманія, не пошелъ даже въ этотъ день въ училище, а до вечера пролежалъ на своей кровати.

Со слѣдующаго же дня, когда горе мое нѣсколько ослабло, я уже перезнакомился со всѣми своими товарищами—и квартирными, и по классу. Оказалось, что «квартирные» мальчики были со мною почти однихъ лѣтъ и только два вострыхъ мальчугана, — которые дразнили меня въ первый день, — были много старше меня и поступили прямо въ среднее отдѣленіе изъ шацкаго училища, откуда перевелъ ихъ отецъ. Началось и обычное хожденіе въ училище. Въ то время, въ одномъ низшемъ отдѣленіи училища было около 120 учениковъ, — ихъ набивали тогда, нисколько не соображаясь съ какимъ нибудь штатомъ или помѣщеніемъ класса, а просто помѣщали столько мальчиковъ, сколько можно было насажать за наличныя парты. Новички были тоже однолѣтки со мною; но обучались, помню, въ нашемъ классѣ и довольно взрослые ребята, или «старички», какъ ихъ тогда называли. Такіе «старички», по малолуспѣшности, не переводились въ слѣдующій средній классъ, но и не увольнялись изъ училища, а года по 4—6 (курсъ въ каждомъ классѣ двухлѣтній) сидѣли безъ дѣла на заднихъ скамейкахъ или, какъ говорили, въ «Камчаткѣ». Но и послѣ шестилѣтняго срока такихъ «ветерановъ» опять таки не исключали изъ заведенія; если кто либо изъ нихъ исправлялся въ успѣхахъ ученія, то ихъ переводили въ слѣдующій классъ, лѣнливыхъ же дѣтннъ прикомандировывали въ казенную «столовую» къ сторожамъ, гдѣ они помогали прислугѣ мѣсить хлѣбы и подавать чашки бурсакамъ. Въ болѣе счастливомъ случаѣ нѣкоторые изъ нихъ женились и получали отъ конексторіи дьячковское или пономарское мѣсто. При мнѣ, въ нашемъ классѣ, было трое такихъ великовозрастныхъ ребятъ, изъ которыхъ у одного изъ нихъ пробивался уже на губахъ пушокъ, чѣмъ онъ очень гордился передъ нами. У такихъ «камчадаловъ» учителя рѣдко спрашивали уроки; главная обязанность ихъ состояла только въ томъ, что они производили надъ нами экзекуціи, отчего и получали названіе «сѣкуторовъ». Но объ этихъ товарищахъ я буду говорить подробно нѣсколько позднѣе. Теперь же поговорю о своемъ обученіи.

III.

Ученье показалось мнѣ совсѣмъ нетруднымъ; къ тому же всѣ науки были для меня совсѣмъ не новы. Учителя никогда не объясняли уроковъ, а просто задавали по учебнику выучить «отъ сихъ

и до сихъ», и требовали при спросѣ буквального отвѣта по книжкѣ. Дома съ отцомъ я привыкъ къ сознательному учению и, помню, долго не могъ привыкнуть къ безтолковой книжной «зубристикѣ». Наконецъ, и это искусство стало мнѣ даваться легко. Смотритель, когда входилъ въ нашъ классъ, всегда замѣчалъ меня и, помня мои бойкіе отвѣты на экзаменѣ, гладилъ по головѣ, приговаривая: «Молодецъ... молодецъ! старайся!» Это придавало мнѣ много бодрости на первый разъ, и я думалъ, что также хорошо пойдутъ и дальше моя жизнь и учение. Разъ только я замѣтилъ въ углу класснаго коридора нѣсколько пучковъ свѣжихъ прутьевъ, связанныхъ вмѣстѣ. Я посмотрѣлъ со страхомъ: «что это—думаю—за диво? На что приготовлены здѣсь прутья? Ужели ими будутъ насъ бить»? Я спросилъ у стараго ученика:

— Скажи, пожалуйста, для чего здѣсь приготовили столько вѣнниковъ?

Товарищъ громко засмѣялся.

— Какіе вѣники? Развѣ это вѣники? Это—розги, которыми насъ скоро будутъ сѣчь!

— Какъ сѣчь? Я не разу еще не видѣлъ, какъ это сѣкутъ!—сказалъ я съ удивленіемъ.

— Ребята, вотъ нашелся чудакъ:—не знаетъ, какъ сѣкутъ и что такое розги!..—крикнулъ мальчикъ удивленнымъ голосомъ своимъ товарищамъ. Тѣ окружили меня и дружно принялись хохотать.

— погоди, братъ, — сказалъ мнѣ одинъ изъ нихъ: — наше ученье еще не началось, какъ слѣдуетъ. Вотъ пройдетъ недѣлька-другая, ужъ тебѣ такъ пропишутъ, что будешь знать, какъ кузькину мать звать...

Но я все таки не повѣрилъ тогда товарищамъ: «все врутъ,—думаю,—попусту стращаютъ»... Дня три спустя послѣ этого, нашъ классъ сильно развоевался и раскричался. Вдругъ вбѣжалъ къ намъ небольшого роста толстый человекъ съ очень большою головою... Я видѣлъ его только въ первый разъ.

— Молчать, с.... дѣти! Ишь раскричались!.. Или дать вамъ хорошую припарку?.. Сейчасъ разложу и высѣку, кто будетъ шумѣть...

Я смотрѣлъ съ недоумѣніемъ и ждалъ, что будетъ дальше. Къ счастью, человекъ этотъ скоро скрылся.

— Кто это такой?—со страхомъ спрашиваю у «старичка».

— Э, молокососъ!—со смѣхомъ отвѣчаютъ мнѣ.—Да это нашъ инспекторъ В. И. Онъ и у насъ скоро будетъ заниматься по гречески... Вотъ увидишь, какъ онъ будетъ васъ, новичковъ, пробирать. Сердитый, страсть!..

Съ ужасомъ сталъ я ожидать будущаго... Былъ у насъ еще учитель русскаго языка, который съ перваго же дня, даже по наружности, не внушалъ мнѣ симпатіи, хотя еще никого и не наказывалъ. Но вотъ на слѣдующій день провинился въ чемъ-то на его урокъ одинъ изъ «старичковъ». Учитель немедленно зашумѣлъ:

— Дежурный! Давай пукъ розогъ да получше. Пусть этотъ негодяй покажетъ новичкамъ наши порядки!..

Тогда одинъ изъ «камчадаловъ» вышелъ проворно въ коридоръ и принесъ оттуда громадный связанный пучекъ березовыхъ прутьевъ. Ученикъ, стоявшій передъ учителемъ у стола, по видимому, нисколько не смутился этимъ, преспокойно пошелъ на самую середину класса, спустилъ тамъ съ себя извѣстную часть костюма и растянулся на полу, а дежурный тѣмъ временемъ поднялъ надъ нимъ высоко пукъ розогъ. Учитель вдругъ нашелъ какую-то неточность въ дѣйствіяхъ дежурнаго; строгій педагогъ мигомъ вскочилъ съ своего мѣста изъ-за стола и заоралъ:

— Скотина!.. оселъ!.. дуракъ!.. До сихъ поръ, болванъ, не умѣешь раскладывать?.. Я тебя самого такъ сейчасъ исполосую, что будешь меня помнить!—И звонкая пощечина педагога заставила бѣднаго дежурнаго выпустить изъ рукъ розги и самому отлетѣть въ противоположную сторону.

— Не знаешь развѣ, скотъ, что штаны слѣдуетъ спустить ниже, а кафтанъ и рубашку подобрать на спину до пояса?.. Вотъ такъ, смотрите вѣ!—И мудрый наставникъ показалъ, какъ именно надо распорядиться съ костюмомъ наказуемаго...

— Разъ! — прокричалъ, наконецъ, громкимъ голосомъ педагогъ.

Раздался отвратительный свистъ розогъ и затѣмъ дикій, пронзительный крикъ мальчика.

— Два!.. три!.. пять!.. десять!..—командовалъ начальникъ.

Эта первая картина сѣченія до того ярко сохранилась въ моей памяти, что я не могу и сейчасъ вспомнить о ней безъ содроганія. Я зажалъ тогда уши, чтобы не слышать криковъ истязуемаго, и почти безъ памяти лежалъ на партѣ.

«Боже!—думалъ я:—вѣдь правду говорила бабушка, что въ духовной школѣ бьютъ и истязуютъ. Сохрани меня, Господи, отъ розогъ!»..

Спустя еще нѣсколько дней, я и самъ чуть было не попался подъ розги этого педагога. Дѣло было такъ. Въ перемѣну между уроками мы или бѣгали по двору и коридору, или просто жужжали въ классѣ: кто твердилъ заданный урокъ, кто разговаривалъ. Разъ мы что-то особенно громко разшумѣлись, такъ что и не замѣтили,

какъ въ сосѣдніе классы пришли на занятія учителя. Ко мнѣ, помню, сталъ приставать кто-то изъ «старичковъ» и вырывалъ изъ моихъ рукъ книжку, по которой я зубрилъ урокъ. Малый до того вывелъ меня изъ терпѣнія, что я какъ-то неволью вскочилъ на столъ и замахнулся рукою съ цѣлю отогнать отъ себя назойливаго товарища. Вдругъ съ шумомъ распахнулась наша классная дверь, и предъ нами предсталъ нашъ сердитый учитель русскаго языка, который занимался въ сосѣднемъ классѣ. Не успѣлъ я опомниться какъ гнѣвный наставникъ побѣждалъ, схватилъ насъ обоихъ за уши, вытащилъ на середину класса и закричалъ:

— Розогъ... Высѣчь обоихъ!.. Ложись,—обратился онъ ко мнѣ съ ироніей:—привыкай-ка, братъ, къ березовой кашѣ!..

Боже! Что было тогда со мною,—не могу и описать весь ужасъ моего положенія. Я рыдалъ, не могъ промолвить слова, колѣни мои дрожали, ручки тряслись. Подлѣ меня стоялъ уже дежурный съ пучкомъ розогъ и толкалъ меня на полъ... Но моя фізіономія, видно, вызвала жалость въ сердцѣ строгаго наставника.

— Пстой!—остановилъ онъ дежурнаго:—дай-ка «старикъ» три розги за его шалость да прибавь ему еще три за новичка. А тебя пока прощаю. Только смотри—въ другой разъ не попадайся мнѣ: выпорю тебя такъ, что небу будетъ жарко. — Началась обычная экзекуція, а меня безъ чувствъ отвели на мѣсто...

Извиняюсь передъ читателями, что заставилъ ихъ неволью присутствовать при очень непріятной картинѣ. Но вѣдь я описываю только то, что пришлось пережить и перечувствовать мнѣ самому, пишу только голую правду. Да и одному ли мнѣ пришлось пережить все это? Не большинству ли изъ насъ,—питомцевъ стараго времени и особенно нашей многострадательной духовной школы,—не разъ приходилось присутствовать при такихъ отвратительныхъ сценахъ?..

Но время шло своимъ чередомъ; проходили недѣли, мѣсяцы, прошелъ, наконецъ, и цѣлый годъ. Ученье наше шло впередъ, но прогрессивно увеличивались и наказанія. Кромѣ розогъ, сыпались на насъ наказанія и другаго рода; такъ напр., почти каждый день среди класса стояли по нѣсколку человекъ на колѣняхъ,—стояли по 2—3 часа, такъ что колѣни наши распухали и на нихъ появлялись мозоли... Всѣ учителя, кромѣ того, постоянно таскали насъ за волосы, за уши, а то просто давали руками подзатыльники, пощечины; часто угощали пинками... Въ практикѣ всѣ такого рода «избіенія» не считались даже за наказанія, а употреблялись такъ себѣ между прочимъ, мимоходомъ... Очень часто оставляли насъ за неисполненіе уроковъ *безъ обѣда*. Въ томъ видѣ, какъ тогда практи-

ковалась эта мѣра, она была ужасна для насъ: оставленнаго безъ обѣда ученика дежурный, послѣ уроковъ, обыкновенно отводилъ въ казенную столовую, помѣщавшуюся въ нижнемъ этажѣ церковнаго корпуса, гдѣ наказанный во все время обѣда бурсаковъ и часто даже до вечера долженъ былъ стоять *на голыхъ коленяхъ* и притомъ на холодномъ каменномъ полу. Къ довершенію этого, по полу столовой постоянно бѣгали стаями громадныя крысы... Этого наказанія мы, маленькіе, боялись даже больше розогъ.

И странною кажется иной разъ человѣческая натура! Природа наша способна какъ-то, съ теченіемъ времени, свыкаться со всякимъ сквернымъ положеніемъ въ жизни. Такъ случилось и съ нами: какъ ни страшны, какъ ни жестоки были школьныя наказанія того времени, но мы все таки свыклись съ ними, особенно съ розгами. Безъ всякаго страха и стыда, бывало, разстѣгиваешься и ложишься подъ розги, чтобы получить должное воздаяніе, хотя послѣ экзекуціи иногда съ трудомъ поднимаешься съ пола и приводишь въ порядокъ свой незатѣйливый костюмчикъ. Розги обыкновенно каждый день приготовлялись дежурными, или особыми «сѣкуторами» изъ «старичковъ» вмѣстѣ съ мѣломъ для классной доски притомъ прутья выбирались самые свѣжіе, такъ какъ ихъ доброкачественность постоянно изслѣдовалась наставниками. Горе было самому «сѣкутору», если педагогъ замѣчалъ, что розги не свѣжи!.. За плохой отвѣтъ, за шалость, намъ давали отъ 3 до 5 ударовъ розгою, но я долженъ еще сказать, что между нашими учителями находились и такіе, которые прилагали особенное усердіе къ этой отвратительной операціи; были даже своего рода инквизиторы. Такими инквизиторами у насъ, помню, было тогда два преподавателя. Прежде всего слѣдуетъ указать на нашего помощника смотрителя В. И. В—скаго, котораго почему-то всѣ звали тогда «инспекторомъ». Этотъ типъ заслуживаетъ особеннаго вниманія. В—скій состоялъ въ должности помощника смотрителя 1-го т—скаго духовнаго училища еще до моего времени, около 30 лѣтъ, и всѣ питомцы заведенія помнятъ хорошо этого педагога, какъ необыкновенно жестокаго дѣтскаго тирана. Старики, имѣвшіе несчастье когда-то быть воспитанниками В—скаго, рассказываютъ про него ужасные факты, но я засталъ въ училищѣ В. И. уже старикомъ, на закатѣ лѣтъ его педагогической дѣятельности; поэтому сообщаю о немъ только то, что пришлось самому видѣть и испытать. Онъ преподавалъ въ нашемъ классѣ греческій языкъ и требовалъ всегда, чтобы ученикъ отвѣчалъ ему заданный урокъ буквально по книгѣ, не пропуская ни одной буквы. Бѣда, если несчастный ученикъ пропуститъ изъ урока цѣлое слово!..

— Брепешы!.. врешь, с..... сын! (Любимая поговорка В. И—ча) — и сейчас же слѣдовали заушенія...—Розог!—кричалъ послѣ этого «инспекторъ».

Мальчикъ еще не успѣетъ сообразить, какое слово онъ пропустилъ, какъ дежурный съ помощникомъ подхватываютъ его, растягиваютъ на полу и начинаютъ сѣчь; В—скій въ это время сидитъ спокойно за столомъ, предаваясь созерцанію этой картины, да еще прикрикиваетъ при каждомъ ударѣ розгою:

— Такъ его, с..... сына!.. Жарь, души его!..

Ни просьбы, ни крики несчастнаго ученика подъ розгами не смягчали сердца грознаго наставника: дать мальчику двадцать-тридцать розогъ считалось у него за обыкновенную мѣру наказанія. Особенной своею обязанностью В—скій, какъ помощникъ смотрителя, считалъ: слѣдить за тѣмъ, чтобы волосы на головѣ у воспитанниковъ были наголо острижены. Придетъ, бывало, на урокъ къ намъ, окинетъ всѣхъ глазами и сейчасъ же замѣтитъ ученика не-исправнаго по части стрижки...—Розог!—оретъ онъ:—неостриженный, выходи!—И начинается порка. Иногда В—скій приходилъ въ умиленье и въ такихъ случаяхъ читалъ намъ нравоученія. Разъ, помню, мы переводили изъ греческой хрестоматіи басню Езопа—«Олень и рога», въ которой рассказывалось, какъ рога погубили оленя. В. И. нашелъ случай дать намъ по поводу этой басни наглядное нравоученіе. Замѣтилъ онъ, что у одного изъ насъ не-со-всѣмъ исправно острижена голова, хотя и трудно было намъ догадаться, въ чемъ именно состояла эта неисправность: голова была острижена наголо, но не по той формѣ, какъ требовалъ «инспекторъ»... В—скій вызываетъ «неисправнаго» къ себѣ на середину класса и заставляетъ переводить басню... Слѣдуетъ замѣтить, что ученикъ этотъ былъ одинъ изъ лучшихъ,—онъ отлично перевелъ и сдѣлалъ грамматическій разборъ каждаго слова, какъ всегда требовали тогда...

— Что же погубило оленя?—спросилъ у него наставникъ.

— Оленя погубили рога,—спокойно отвѣтилъ ученикъ, не подозревая коварнаго вопроса педагога...

— А вотъ, с..... сынъ, ты остриженъ не какъ слѣдуетъ... Читалъ ты сейчасъ въ баснѣ, что оленя погубили рога, а *тебя погубятъ волосы*... Такъ и въ жизни бываетъ,—прибавилъ онъ еще какую-то малопонятную фразу и опять закричалъ благимъ матомъ:

— Сколько разъ вамъ, с..... дѣтямъ, твердилъ я про это—не слушаетесь... Подайте-ка сюда пукъ розог!

Мальчикъ, наконецъ, догадался въ чемъ дѣло и стоялъ предъ

учителемъ ни живъ, ни мертвъ. В—скій, какъ бы наслаждаясь его мученіями, подошелъ къ нему, ласково взялъ за плечо и сказалъ:

— Поди, голубчикъ, къ доскѣ, спусти штаны и лягъ; я тебѣ на примѣрѣ покажу, чему учить басня!

Нечего дѣлать, пришлось бѣдняку исполнить требованіе этого педагога для *нагляднаго* правоученія, почерпнутаго изъ содержанія переводимой басни...

Послѣ сѣченія, В—скій обыкновенно подзываетъ къ себѣ наказаннаго, гладилъ по головѣ и говорилъ:

— Не плачь, милый... Вѣдь это я наказалъ тебя для твоей же пользы.

IV.

Не думайте, читатели, что наказывали въ наше время только лѣнивыхъ, непослушныхъ учениковъ или неисправимыхъ шалуновъ за дебоширство и беспорядки... Далеко нельзя такъ думать. У насъ въ училищѣ можно было попасть подъ розги даже безъ всякой вины, а только потому, что какой нибудь наставникъ сегодня «сердитъ» или просто ему захотѣлось развлечься «сѣкуціей». Самый лучший и смиренный воспитанникъ, зная прекрасно свой урокъ, никогда не могъ надѣяться, что его сегодня не выдерутъ... Каждое утро, съ содроганіемъ сердца, просыпался я на своей постели и объ одномъ только молился: «сохрани, Господи, чтобы сегодня меня не высѣкли»!

Разъ со мною былъ даже такой случай. В—скій вызвалъ меня отвѣчать урокъ изъ греческой грамматики. Я отвѣтилъ ему блистательно, такъ что онъ поставилъ мнѣ въ журналѣ *пять* да еще похвалилъ:

— Молодецъ... молодецъ!.. хорошо учишься!

Я торжественно сѣлъ на свое мѣсто за парту и съ чувствомъ довольства взялъ въ руки тетрадь съ греческимъ переводомъ, согнулъ ее въ трубку и поднесъ къ губамъ... В—скій какъ-то моментально напелъ мои дѣйствія неприличными и заоралъ:

— С. . . . сынъ!.. Онъ *приучается курить*... Разложить его и высѣчь!—Что дѣлать? пришлось и мнѣ ложиться подъ розги за неизвѣстную вину.

Однажды были пересѣчены В—скимъ почти всѣ ученики нашего низшаго класса. Дѣло было такъ. Передъ благовѣстомъ къ церковному богослуженію мы заблаговременно собирались въ классахъ, гдѣ насъ выстраивали попарно рядами и такимъ порядкомъ «старшіе» вели насъ въ церковь. Разъ какъ-то зимою

вели насъ по училищному двору ко всенощной... Время было позднее и начинало уже смеркаться. Вдругъ съ нами встрѣтился В—скій и замѣтилъ, что между нами, маленькими, недостаетъ нѣсколькихъ рядовъ. Мы пошли въ церковь, а В. И. отправился въ классный корпусъ разыскивать отсталыхъ... Тамъ, дѣйствительно, онъ нашелъ пять или шесть мальчугановъ изъ нашего класса, которые, завидя В—скаго на крыльцѣ корпуса, опрометью бросились бѣжать на противоположный конецъ зданія и выбѣжали другимъ ходомъ на дворъ. Но и В. И. не дремалъ: онъ уже замѣтилъ бѣглецовъ и отправился въ погоню за ними по двору. Между тѣмъ, ученики въ испугѣ бросились спасаться къ полѣнницамъ дровъ, между которыми было много ущельевъ. Здѣсь «инспектору» уже трудно было поймать или замѣтить мальчиговъ, такъ какъ стало уже темнѣть. И вотъ рассказывали, что онъ всю всенощную прогонялся за шалунами и ему на этотъ разъ не только не удалось поймать ихъ и наказать, но и замѣтить, кто изъ воспитанниковъ рѣшился на такую опасную игру съ грознымъ начальникомъ. На слѣдующій послѣ праздника день, какъ на грѣхъ, былъ въ нашемъ классѣ первый урокъ греческаго языка и мы съ трепетомъ ожидали прихода В—скаго. Вотъ, какъ шаръ, вкатывается къ намъ «инспекторъ», а за нимъ — сторожъ, который втащилъ цѣлую охапку березовыхъ прутьевъ, перевязанныхъ въ пучки. Мы всѣ пришли въ ужасъ.

— Такой-то! — вызываетъ В—скій къ себѣ для отвѣта «перваго» ученика. Тотъ отвѣтилъ хорошо.

— Не такъ, скотина! — кричитъ педагогъ. Слѣдуютъ звонкія пощечины и крикъ:

— Розогь!.. Ложись, каналья! — И начинается пытка.

Вызывается второй ученикъ, третій и всѣмъ предлагаются тѣ же вопросы; затѣмъ слѣдуютъ заушенія, пинки и розги... Цѣлыхъ, кажется, два часа продолжалось это «дѣтское избіеніе», такъ что самъ педагогъ пришелъ въ какой-то ражъ. Онъ стоялъ среди класса съ налитыми кровью глазами, топалъ ногами, кричалъ, ругался самыми неприличными словами... Уже и слѣдующій наставникъ явился было на свой урокъ; но, заглянувъ въ нашъ классъ, махнулъ рукою и ушелъ, оставивъ «инспектора» продолжать свое любимое дѣло...

Другой дѣятель на поприщѣ «сѣкуціи» былъ нашъ учитель русскаго языка, священникъ И. П. К—въ. Онъ служилъ въ нашемъ заведеніи очень недолго — годъ съ небольшимъ, но и за этотъ короткій срокъ онъ оставилъ послѣ себя самую незавидную память. Говорятъ, что передъ тѣмъ онъ занималъ должность законоучителя

въ разныхъ свѣтскихъ учебныхъ заведеніяхъ Т—а и тамъ,—даже въ то время!—вездѣ отказывали ему отъ мѣста необыкновенно жестокое наказаніе учащихся. Слышалъ я еще, что К—въ давалъ нѣсколько времени уроки въ какомъ-то среднемъ женскомъ учебномъ заведеніи, гдѣ надъ воспитанницами вздумалъ было производить свои любимыя операціи... Къ счастью, начальство заведенія скоро замѣтило манипуляціи этого ревностнаго дѣятеля и попросило его убраться вонъ. Въ нашемъ же училищѣ для излюбленной дѣятельности К—ва никто не полагалъ границъ и онъ съ наслажденіемъ предавался ей. Такъ, напр., провинился въ чемъ нибудь ученикъ, и «батюшка» спокойно, тихо говорилъ ему:—Поди-ка—лягъ, голубчикъ, и тебя пощекотать!—Ученикъ, конечно, ложится, распорядившись со своею одеждою, какъ должно по церемоніалу, и готовится къ поркѣ... К—въ самъ, бывало, подойдетъ къ нему, не спѣша, и посмотритъ: все ли мальчикъ исполнилъ надъ собой въ должномъ порядкѣ...

— Ну, теперь, сѣкуторъ, достань-ка пука два лозъ да покажи этому молодчику, какъ слѣдуетъ готовить урокъ. Дай ему штукъ двадцать горяченькихъ!.. Да смотри у меня — отпуская розги, не спѣша!—скажетъ К—въ, а самъ отойдетъ за столъ и садится, задумавшись въ сладкой истомѣ...

Экзекуція кончилась, но ученикъ не смѣетъ подняться съ пола безъ приказанія наставника. А К—въ все молчить...

— Что же ты, милый, развѣ кончилъ?—спрашиваетъ, наконецъ, инвизиторъ у «сѣкутора»:—ты что-то скоро сѣкъ—я не видалъ!.. Начника-ка вновь!—И истязаніе продолжалось.

Случалось, что иногда 8-лѣтнему мальчику отпускалось сѣкуторомъ, по приказанію К—ва, *по 80—90 розогъ!*.. Нѣсколько разъ я видѣлъ, какъ поднимали такихъ замученныхъ малютокъ съ пола безъ памяти и выносили на дворъ освѣжиться, а затѣмъ опять сѣкли... Все это никогда не вызывало жалости въ сердцахъ «батюшки»!

Пусть простятъ мнѣ мои читатели и, особенно, читательницы, если я, для лучшей характеристики «добраго стараго времени», разскажу здѣсь еще нѣсколько безобразій этого рода. Сѣченіе учениковъ въ нашемъ заведеніи практиковалось въ нѣсколькихъ видахъ: сѣкли «просто»,—т. е. раскладывали извѣстнымъ образомъ на классномъ полу или скамьѣ и сѣкли въ одну лозу или въ двѣ, смотря по степени вины... Но были у насъ въ практикѣ и другаго вида экзекуціи: сѣченіе *на вѣсу* („на воздухѣ“) и сѣченіе *подъ знойкомъ*. Сѣченіе на вѣсу состояло въ томъ, что провинившагося воспитанника не клали для наказанія на полъ, а, освободивши извѣстную часть тѣла отъ одежды, сѣкуторъ съ помощниками по-

дымали его на воздухъ и въ то время, когда одинъ держалъ за ноги, а другой за голову и за руки—двое палачей сѣкли мальчика на вѣсу розгами съ двухъ сторонъ... Самъ я не испыталъ на себѣ этого наказанія, но говорятъ, что это была ужасная, мучительная пытка, такъ какъ обнаженная часть тѣла ученика, при такомъ положеніи, быстро принимала сине-багровый цвѣтъ и вздувалась подушкой... Между тѣмъ, это было одно изъ любимыхъ наказаній, употребляемыхъ К—вымъ. Сѣченіе *подъ звонкомъ* у насъ обыкновенно производилось за особенно важные проступки: оно обставлялось очень торжественно и состояло въ томъ, что воспитанника выводили на училищный дворъ, гдѣ *подъ звонкомъ*, на особой площадкѣ или скамьѣ, сѣкли розгами въ присутствіи всѣхъ учениковъ училища; причемъ, за каждымъ ударомъ розгами, звонили еще въ училищный колоколь. При такой обстановкѣ, давали иногда виновному до 50 и болѣе розогъ. Но находились же между бурсаками такія твердыя натуры, что въ теченіе всей экзекуціи не испускали ни одного стога, ни одного крика!

Но не о всѣхъ преподавателяхъ первыхъ лѣтъ моего обученія въ „бурсѣ“ у меня осталось такое неприятное впечатлѣніе. Были и свѣтлыя личности. Вотъ, напр., смотритель училища Н. И. П—скій, который такъ ласково отнесся ко мнѣ въ первые дни моего поступленія... Хотя въ нашемъ классѣ П—скій не преподавалъ ни одного предмета, но я зналъ хорошо, что онъ всегда жалѣлъ и любилъ воспитанниковъ... Почему онъ, какъ смотритель и хозяинъ заведенія, не могъ ввести у себя иныхъ порядковъ воспитанія?—не могу объяснить удовлетворительно. Онъ, бывало, придетъ въ нашъ классъ, инаго приласкаетъ, другому сдѣлаетъ выговоръ за шалость, но къ розгамъ или вообще къ битью никогда не прибѣгалъ. Думаю, что такая личность, какъ П—скій, случайно попала между другими преподавателями одного и того же типа. Мы всѣ искренно любили его.

Немало издѣвательствъ намъ, младшимъ, пришлось на первыхъ порахъ претерпѣть еще и отъ своихъ же товарищей, особенно „старичковъ“-бурсаковъ. Не знаю, отъ жестокаго ли обращенія учителей, или отъ другой причины, но только я долженъ сознаться, что нравственность ихъ стояла на очень низкомъ уровнѣ. Бурсаки были жестоки и къ своимъ же товарищамъ-однокурсникамъ: каждый болѣе сильный старался чѣмънибудь обидѣть, показать свою власть надъ младшими... Кромѣ того, тѣ же бурсаки-„старички“ давали оссбыя имена и прозвища каждому ученику, каждому учителю. Повичксыъ они прививали въ свой кругъ только послѣ долгихъ и суровыхъ искусовъ, — требовали отъ насъ, чтобы мы все съѣстное,

что приносимъ съ собою въ классъ, отдавали имъ, какъ своего рода дань; въ противномъ случаѣ—жестоко били. Бѣда, еслибы кто нибудь изъ насъ пошелъ жаловаться къ П—скому или В—скому: тогда дѣло принимало еще худшій оборотъ, потому что *фискальничество* бурса строго карала. Такого фискаля въ наше время обыкновенно ожидала, такъ называемая, *темная*... Темная эта состояла въ томъ, что бурсаки выслѣживали виновнаго гдѣ нибудь на дворѣ или въ классномъ коридорѣ, незамѣтно подбѣгали къ нему, накидывали на него бурсацкій халатъ или одѣяло и съ крикомъ: „фискаль! фискаль!“ били его кулаками и пинками до тѣхъ поръ, пока несчастный мальчикъ не падалъ въ обморокъ...

Были въ нашемъ классѣ, преимущественно на урокахъ В—скаго, такъ называемые *аудиторы*. Такіе аудиторы назначались изъ числа тѣхъ же учениковъ—,старичковъ“ и имъ давалось на руки по нѣскольку человекъ изъ новичковъ. Обязанность этихъ старшихъ состояла въ томъ, что они еще до прихода учителя должны были прослушать уроки всѣхъ своихъ подчиненныхъ и затѣмъ въ особомъ *нотатѣ* отмѣтить — знаетъ ученикъ урокъ или не знаетъ. Отмѣтки въ нотатѣ производились буквами *з* и *н*. Когда В—скій приходилъ на урокъ, аудиторы подавали ему свои „нотаты“ и, если у кого изъ насъ стояла отмѣтка *н*, насъ безъ всякаго вопроса и оправданій раскладывали и сѣкли. Естественно, что аудиторы очень часто злоупотребляли такимъ довѣріемъ начальства и брали съ подчиненныхъ взятки—хлѣбомъ, калачами, словомъ, чѣмъ придется... Бывали случаи и похуже. Выучишь, бывало, очень хорошо свой урокъ и отвѣтишь аудитору отчетливо, безъ ошибки, но послѣдній все таки требуетъ взятку...

— Да помилуй! За что же тебѣ давать? Вѣдь я знаю урокъ!— скажешь ему. Аудиторъ, однако, неумолимъ.

— Ничего я не хочу слышать, а давай! Много, молокосось, не разговаривай со мною, а то сейчасъ отмѣчу тебѣ въ нотатѣ *н*— придетъ *каманъ* (бурсацкая бличка В—скаго) — все равно высѣчь тебя!..

Дѣлать нечего, вынешь изъ-за пазухи свой послѣдній кусокъ хлѣба и отдашь его своему мучителю. Ну, тогда дѣло пойдетъ хорошо...

Игры и развлечения были у насъ тоже своеобразны и грубы. Обыкновенныхъ невинныхъ дѣтскихъ игръ и развлеченій мы совсѣмъ не знали, а самое большое удовольствіе всѣ находили тогда въ кулачныхъ бояхъ. Эти кулачныя битвы были въ то время въ нашемъ училищѣ очень распространены:—бились парта на парту, отдѣленіе на отдѣленіе, классъ на классъ; были, кромѣ того, въ наше время

въ Т. и грандіозные кулачные бои, когда всѣ семинаристы (разумѣю и училищныхъ, и семинарскихъ воспитанниковъ) сходились биться на Большой улицѣ съ извозчиками и мѣщанами. Сколько, бывало, удовольствія вызывали эти бои между бурсаками и какъ долго послѣ толковали о томъ, кто кого *расчесалъ*, кто кому *своротилъ скулу*... Силачи и великаны наши, — которыхъ между бурсаками было немало, — пользовались среди своихъ товарищей особымъ почетомъ и уваженіемъ. Мы, мелюзга, обыкновенно не участвовали въ большихъ побоищахъ, а боязливо прижимались къ заборамъ, ожидая, чья сторона возьметъ верхъ. Эти кулачные бои иногда принимали такіе обширные размѣры, что для прекращенія уличнаго побоища изъ полицейской части высылали верховыхъ солдатъ съ нагайками.

Н. Реморовъ.

(Окончаніе будетъ).

В ы б о р ь.

Иль покорись своей страсти, какъ злу неизбежному,
Умъ обольстившему зноемъ безумной любви,
Или скорѣй возвратися ко сну безмятежному
И угаси пробужденное пламя въ крови.

Легче теперь отряхнуть съ себя чадъ увлеченія,
Страсти тяжелой развѣявъ томительный бредъ,
Чѣмъ, ослѣпленной, стремиться на путь отступленія,
Но ужь тогда, когда силъ къ отступленію нѣтъ!

Страсть, какъ потокъ, серебрящійся гребнями бѣлыми
И подавляющій ропотомъ плещущихъ водъ,
Насъ иль подхватить и вынести на берегъ цѣлыми,
Иль закрутить и мутной волной захлеснетъ...

Л. Афанасьевъ

П И О Н Е Р К И.

Романъ въ трехъ частяхъ, Марселя Превё.

Часть вторая.

I.

- Mademoiselle, вы остаетесь съ нами?
- О, позавтракайте съ нами!
- Да, во-первыхъ, мы и не пустимъ васъ...
- Попробуйте-ка уйти! Не угодно ли!

Вокругъ улыбающейся Фредерики Сюрье сплелись руки юныхъ воспитанницъ и образовался оживленный, шумный хороводъ, взявшій буквально въ плѣнъ свою преподавательницу.

Была суббота; на большихъ часахъ Free-College'a пробило четверть перваго. Кончился послѣднй классъ недѣли; воспитанницы отпускались до слѣдующаго понедѣльника и предстоящая свобода опьяняла бѣлокуроыя головки всѣхъ оттѣнковъ, составлявшя классъ «French junior latinist».

— Я было рассчитывала вернуться поскорѣе домой да поработать,—возразила Фредерика.—Ну, будь по вашему!.. Все равно, позавтракаю съ вами.

Junior latinist'ки гаркнули «ура!» и Фредерика, окруженная жужжащимъ роемъ ученицъ, вошла въ готическую столовую, гдѣ, въ первый день ея прїѣзда въ Лондонъ, читала лекцію Ада Смитъ. Около пяти мѣсяцевъ прошло съ тѣхъ поръ. Незамѣтно освоилась Фредерика съ чуждыми нравами, съ особенностями выраженій, интонацій и словъ языка, которымъ она владѣла далеко не въ совершенствѣ; свыклась съ обстановкой и персоналомъ училища.

Ея первоначальная растерянность, недоумѣніе и тоска совершенно сгладились; она мало-по-малу привыкла къ обычаямъ, традиціямъ и идеямъ, которые такъ діаметрально противоположны нашимъ.

— Mademoiselle, не хотите ли пивка?

— Кусочекъ ростбифа?

Junior latinist'ки, усадивъ своего профессора за столъ, наперерывъ угощали его.

— Благодарю, Мэри... Спасибо, Кэтъ... О, Сарра, не беспокойтесь, милое дитя мое!..

Фредерика просто не знала, кого благодарить. Въ этотъ часъ Кэтъ, Мери, Сарра и другія одѣты были еще въ платья, похожія на форму: въ юбкахъ темнокоричневаго сукна и такихъ же сюртучкахъ, съ добавленіемъ чернаго шелковаго передничка. Только цвѣтокъ, — роза или камелія, — въ волосахъ, въ петличкѣ или за поясомъ оживлялъ строгій «мундиръ»; цвѣты дѣйствуютъ на англичанъ неотразимо, какъ весенній лучъ солнца, котораго имъ приходится такъ долго ждать въ туманномъ климатѣ родины. Группа, называвшаяся во Free-College'ѣ: «French junior latinist» образовалась недавно, съ пріѣздомъ Фредерики. Сначала французенка должна была только помогать madame Занцъ въ дѣлахъ управленія, но по училищу разнесся слухъ, что пріѣзжая барышня отлично знаетъ латинскій языкъ, и немедленно отряжена была депутація воспитанницъ, отъ junior latinist'окъ (первогодницъ-классицизма) къ начальницѣ (lady president) и, со свойственной англо-саксонкамъ рѣшительностью, заявила:

— Такъ какъ m-lle Фредерика знаетъ латынь, то тѣ изъ насъ, которыя желаютъ изучить французскій языкъ, рекомендуютъ начальницѣ организовать для нихъ спеціальные курсы латинскаго языка, безъ одного слова по англійски. Такимъ образомъ получится выгода изученія двухъ языковъ одновременно.

Free-College покровительствовалъ всякому духу инициативы въ предѣлахъ благоразумія; разумѣется, въ этомъ случаѣ любознательнымъ латинисткамъ отказа не было. Со слѣдующаго же дня Фредерика начала обучать добрую треть junior latinist'окъ двумъ языкамъ и общему литературному обзору; группа эта стала называться—french junior latinist.

Фредерикъ не въ тягость были уроки. Напротивъ: во-первыхъ, ей на самомъ дѣлѣ хотѣлось зарабатывать свой кусокъ хлѣба, а, во-вторыхъ, блѣдная роль помощницы директрисы казалась ей слишкомъ ничтожной... Затѣмъ она не прочь была поближе изучить британскихъ дѣвушекъ. Эти послѣднія скоро полюбили ее. Разумѣется, самыя энергичныя и умныя пожелали прибавить себѣ лишнюю работу въ видѣ одновременнаго изученія двухъ языковъ. Любознательность ихъ была неизсякаема: какъ въ классѣ, такъ и внѣ класса онѣ осаждали учительницу самыми разнообразными вопросами.

— Mademoiselle, расскажите еще что нибудь о французскихъ пансіонеркахъ!

— Неужели въ Парижѣ дѣвушки не выходятъ одѣ и не могутъ ѣхать въ кэбъ?

— Неужели правда, mademoiselle, что у васъ бѣдныя дѣвушки не выходятъ замужъ?

Всѣ, не смотря на доброе желаніе быть любезными, невольно поддавались англійской гордости, дерзкой и непріятной для чужеземца; въ ихъ разговорахъ, кромѣ того, сквозила завистливая тревога, которую возбуждаетъ Франція за границей. Фредерика старалась давать лаконическія и толковыя объясненія, разбивать ошибочныя понятія и заблужденія, отъ которыхъ англичанамъ такъ трудно бываетъ отказаться.

Труднѣе всего было разувѣрить воспитанницъ въ «легкомысліи» французовъ: это мнѣніе принято въ Англии, какъ догматъ. French junior latinist'ки воображали, что дѣлаютъ величайшій комплиментъ Фредерикѣ, говоря:

— О, вы, mademoiselle, вы совсѣмъ англичанка. Остальныя французенки на васъ не похожи... Не могутъ быть похожи!

Произнося это тономъ глубочайшаго убѣжденія и не подозрѣвая, что въ затаенномъ уголкѣ сердца Фредерики больно отзываются ихъ слова, — особенно чувствителенъ сталъ этотъ уголокъ, съ тѣхъ поръ какъ она переплыла проливъ!—бѣлокурыя дѣвочки со свѣтлыми глазами, тоненькія и рѣзвыя, какъ мальчишки, принимались нѣжно ласкать свою учительницу.

Когда Фредерика кончала завтракъ, большинство воспитанницъ уже выскочили изъ-за стола и убѣжали въ будуары, расположенные рядомъ съ передней.

Въ этотъ часъ, въ субботу, ихъ распускали, и онѣ торопились воспользоваться каждой минутой свободы. Нѣкоторыя собирались читать или заниматься музыкой; другія облеклись въ костюмы циклистокъ и цѣлыми обществами ѣздили на велосипедахъ за городъ; инныя намѣревались ѣхать по желѣзной дорогѣ въ Вейбриджъ или Ричмондъ и тамъ предаться спорту на лодкахъ. Всѣ перешедшія шестнадцатилѣтній возрастъ вправѣ были располагать собой до понедѣльника и пользоваться свободой, какая едва ли доступна французскимъ юношамъ. Въ воскресеніе вечеромъ онѣ являлись въ училище для общей молитвы и рассказывали madame Занцъ,—если она желала,—что дѣлали и какъ провели время. Ни наставницы, ни ученицы не ночевали въ стѣнахъ заведенія; сто тридцать воспитанницъ жили или у родныхъ, или у воспитательницъ, которыя устраивали для нихъ дортуары. Одна только начальница—lady president—жила въ своей квартирѣ, въ самомъ зданіи училища.

Пожавъ всѣ, безъ исключенія, руки своихъ ученицъ, Фредерика въ свою очередь одѣлась въ передней и сказала служанкѣ:

— Никто за мной не заходилъ, милая?

— Нѣтъ, сударыня.

— Если зайдетъ мистеръ Ортсенъ... вы его знаете?

— О, да, высокій джентльменъ съ бѣлокурыми усами и красивыми голубыми глазами?

— Онъ самый. Такъ вотъ, если онъ зайдетъ за мной, скажите, что я ушла прямо домой.

Она вышла на Элленъ-стритъ и по Кенсингтонской дорогѣ дошла до Гайдъ-Парка. Въ воздухѣ замѣчалась здоровая свѣжесть, — предвѣстница весны, — прозрачность, составляющая кратковременную рѣдкость въ Лондонѣ въ эту пору года. Фредерика шла и думала. Теперь она уже успѣла присмотрѣться къ мрачной архитектурѣ кирпичныхъ домовъ, съ подъѣздами на колонкахъ, ничего общаго не имѣющихъ съ парижскими зданіями. Она знала, что за большой входной дверью идетъ узкій коридоръ, затѣмъ лѣстница въ метръ ширины, съ ковромъ и деревянными перилами,—а тамъ, въ квартирахъ: салонъ, drowing-room, sitting-room, удобныя и комфортабельныя спальни, и ванна—принадлежность даже бѣдныхъ жилищъ.

Она знала, что встрѣчающіеся ей люди съ дѣловымъ и строгимъ видомъ спѣшатъ воспользоваться субботой и развлечься, — игрой въ foot-ball, теннисъ, или совершить прогулку за городъ, до самаго понедѣльника. И странные чужеземные типы перестали быть для нея загадками: ей уже было извѣстно, что масса старыхъ дѣвушекъ умѣютъ тратить грошъ на свои потребности, что дочь лавочника неизбѣжно пойдетъ на свиданіе со своимъ «другомъ», въ паркъ, и позволить безъ конца цѣловать себя въ губы, твердо надѣясь на бракъ, но и ревниво оберегая себя; что купецъ съ розовыми щеками неукоснительно бѣжитъ въ «bag» по сосѣдству, гдѣ просидитъ до поздняго вечера, одурѣлый отъ алкоголя и табачнаго дыма. Фредерика шла мимо Гайдъ-Парка, гдѣ деревья стояли еще обнаженными, а лужайки «выжжены морозомъ»; синеватый туманъ начиналъ уже сгущаться въ воздухъ, короткій день приходилъ къ концу: съ трехъ часовъ нависали уже сумерки...

Молодая дѣвушка была свободна и здорова; погода стояла хорошая. Почему же на душѣ у нея не такъ весело, какъ бы можно было ожидать?

«Почему я неполнѣ счастлива?»—спрашивала она себя, подвигаясь впередъ мимо Гайдъ-Парка. Она съ дѣтства привыкла анализировать свои ощущенія. «Чѣмъ нарушено мое душевное равновѣсіе? Я тружусь, сколько могу, и исполняю возложенное на меня послушаніе. Madame Занцъ, повидимому, довольна мною, ученицы мои дѣлаютъ успѣхи. Умственное усовершенствованіе идетъ естественнымъ ходомъ вслѣдствіе массы новыхъ впечатлѣній; я изучаю народъ и его языкъ... На глазахъ у меня воплощается другая мечта: женщины воспитываютъ и обучаютъ женщинъ безъ вмѣшательства другаго пола... Укрѣпилась ли я нравственно?».. Но здѣсь ходъ ея мыслей оборвался: ей пришлось пройти по Гайдъ-Парку, и пестрый видъ разнообразныхъ экипажей и запряжекъ развлекъ ее. Проѣзжали коляски, кареты, собственные старомодныя, но съ хорошими лошадьми. Особенно привлекли ея вниманіе открытыя ландо съ напудренными лакеями на козлахъ; внутри сидѣли почтенные супруги, выѣхавшіе мирно подышать воздухомъ. За паркомъ, къ углу Park-Lane, находилась стоянка омнибусовъ; пестрыя общественныя кареты выдвигались поочередно; кучеръ, съ цвѣткомъ въ петлицѣ, важно и невозму-

тимо возсѣдалъ на козлахъ, а кондукторъ, юркій зазыватель, выкрикивалъ лондонскіе кварталы. Утомленная Фредерика сѣла въ омнибусъ и снова погрузилась въ свои размышленія. «Сегодня чувствовать себя нравственно лучше, чѣмъ вчера,— вотъ первый принципъ самоусовершенствованія. Такъ думаетъ и Ромена... А лучше ли я становлюсь съ каждымъ днемъ? Есть ли какая нибудь разница противъ того, чѣмъ я была въ Парижѣ? Стоило ли ѣхать такъ далеко, чтобы открыть въ себѣ существованіе низменныхъ и гадкихъ чувствъ, которыя я даже не рѣшаюсь назвать по имени?» Фредерика вздохнула. Ей припомнилось, что сейчасъ она увидитъ Лею, свою обожаемую сестренку. Видались онѣ теперь только по вечерамъ. Сегодня онѣ будутъ обѣдать съ Георгомъ и Тинкой Ортсенъ; потомъ Георгъ сядетъ за фортепіано, а Тинка будетъ пѣть свои родныя сѣверныя мелодіи. «Развѣ это не братство—такія прелестныя и чистыя отношенія? Лея весела, какъ птичка! Зачѣмъ же я вношу туда диссонансъ мрачной подозрительности и недовольства? Завидую я, что ли, дѣтскому веселью моихъ друзей? сестры»?.. Нѣтъ! Тревога ея, вѣроятно, происходитъ отъ опасенія за Лею. Безпечная и жизнерадостная сестра подвергается несомнѣнному риску въ обществѣ красиваго, соблазнительнаго артиста... Положимъ, до сихъ поръ ничто не подтвердило этого риска. Какъ ни странно казалось это Фредерикѣ, знавшей нравы молодыхъ людей Парижа,—но Георгъ Ортсенъ былъ олицетвореніемъ наивности и ребячества. Ошибки не могло быть: живописецъ двадцати шести лѣтъ, красивый, умный, бойкій, смотрѣлъ на женщинъ, какъ на милыхъ собесѣдницъ, какъ на товарищій общихъ развлеченій и игръ,—не больше! Онъ олицетворялъ собою идеаль брата, о которомъ мечтаютъ дѣвушки. Фредерика и Лея были его сестрами. Сколько разъ, кончивъ урокъ по близости къ Free College, онъ заходилъ за Фредерикой и они вмѣстѣ возвращались домой, весело болтая... Никогда ни малѣйшаго поползновенія перейти на почву флирта! Заподозрить его въ какихъ нибудь замыслахъ на ухаживанье было бы оскорбительной несправедливостью. Навѣрно подобныя мысли не приходили въ голову ни ему, ни Леѣ; одна Фредерика мучится воображаемой опасностью, которую сама же и придумала... Въ этомъ отношеніи она стоитъ ниже ихъ... ниже Тинки, такой ясной

и спокойной! Фредерикъ трудно понять такую натуру, какъ Тинка: ловкая хозяйка и вмѣстѣ съ тѣмъ артистка; спокойная и способная подчасъ на самые отчаянные поступки; въ родѣ какъ со своимъ мужемъ. Узнавъ, что у ея мужа есть незаконная дочь, которую онъ не усыновилъ и не далъ ей своего имени, — Тинка пришла въ такое негодованіе, что бросила семейный очагъ и уѣхала съ братомъ...

У сентъ-джемской церкви Фредерика вышла изъ дилижанса и пѣшкомъ дошла до дому. Вокругъ уже начинали заявлять себя признаки воскреснаго покоя, — этого ужаснаго, мертвящаго лондонскаго покоя, съ пустынными улицами и закрытыми ставнями, наводившаго уныніе на Фредерику. Француженка старалась всегда проводить этотъ день въ своей комнатѣ, предпочитая свое печальное убѣжище, съ вѣчнымъ полумракомъ отъ освѣщенія съ потолка — вымершимъ улицамъ, производившимъ впечатлѣніе гигантскаго кладбища.

На своемъ письменномъ столѣ, Фредерика нашла письмо изъ Франціи. Дорогая марка отсутствующей родины... дорогое письмо самага дорогаго друга! Ромена Пирницъ писала: «Фредерика моя, не скучайте, не поддавайтесь лондонской тоскѣ, знакомой мнѣ по опыту. Знаю я, какъ скверно становится на душѣ, когда вдругъ среди дня освѣтится улица какимъ-то неестественнымъ рѣзкимъ свѣтомъ точно отъ пылающей сѣры... Не поддавайтесь внѣшнему впечатлѣнію: солнечный лучъ пусть свѣтитъ и грѣетъ внутри васъ! Все, что угнетаетъ волю, уменьшаетъ жизнерадостность — все это худо, и должно быть отнесено къ преступнымъ мыслямъ... Умоляю васъ: вѣрьте и надѣйтесь. Не будетъ надежды — и милосердіе погаснетъ... То, что вы увидали въ Free-College'ѣ, не соответствуетъ нашимъ мечтамъ? Но неужели же вы воображали, что стѣбитъ лишь переплыть морскую полосу воды — и найдешь Еву будущности во всей ея идеальной нравственной красотѣ? Вы пишете, что вся разница — въ бѣльшей энергіи, практичности и мальчишескихъ ухваткахъ, и думаете, не зависить ли это скорѣе отъ англо-саксонской расы, чѣмъ отъ воспитанія... Фредерика! излишняя забота о совершенствѣ дѣлаетъ васъ несправедливой. Конечно, Free-College — далеко не совершенство; но трудъ madame Занцъ великъ и плодотворенъ, и ея училище опередило школьное дѣло въ Европѣ, по крайней мѣрѣ, на десять лѣтъ.

Гдѣ, кромѣ Free-College'a, найдете вы принципъ равнаго образованія для обоихъ половъ, не въ теоріи только, а въ приложеніи? Въ какой другой средѣ дается дѣвушкамъ возможность равнымъ оружіемъ бороться съ конкуренціей мужчинъ. Гдѣ лучше проникнется она убѣжденіемъ въ своихъ собственныхъ силахъ? Откуда выдетъ она болѣе годной для отраженія обычныхъ поползновеній мужчинъ къ господству надъ ней? Подумайте, что ежегодно около пятидесяти дѣвушекъ, подготовленныхъ такимъ образомъ, выпускаются въ свѣтъ и расходятся по Соединенному Королевству, твердо увѣренныя, что между ними и мужчинами положены искусственныя преграды и готовыя постоять за себя. Подумайте, что многія изъ нихъ сдѣлаются въ свою очередь преподавательницами и начнутъ основывать свои школы, а добрыя сѣмена дадутъ и хорошіе плоды!..

«Повѣрьте мнѣ, дорогая Фэди, что трудъ madame Занцъ великъ и прекрасенъ, и отнюдь не ниже нашего парижскаго. Не допускайте себя до свойственной человѣку слабости—судить о фактахъ, примѣривая ихъ къ нашимъ глазамъ! Вы преимущественно заботитесь о судьбѣ бѣдныхъ дѣвушекъ низшихъ классовъ; вы желали бы защитить ихъ, вооружить противъ опасности. Онѣ болѣе достойны сожалѣнія, участія... Допустимъ, что это такъ. Но намъ нужны и богатые, и интеллигентныя женщины, которымъ суждено имѣть вліяніе на многихъ другихъ въ жизни. То, что вы дѣлаете въ Лондонѣ, Фэди, не хуже того, что предстоитъ вамъ дѣлать въ Парижѣ!»!

Въ такихъ опредѣленныхъ и нѣжныхъ выраженіяхъ утѣшала Ромена своего друга. По мѣрѣ чтенія, Фредерика проникалась дѣйствительно ободряющимъ вліяніемъ вѣскихъ словъ феминистскаго апостола и все кругомъ представилось ей въ менѣе мрачномъ свѣтѣ... На самомъ дѣлѣ: мечтать о томъ, чтобы перевернуть весь міръ, увлечь толпы, дать новую религію человѣчеству,—и удовольствоваться обученіемъ юныхъ англичанокъ французскому языку и латыни... Какое паденіе съ облаковъ! Но Ромена писала: «это путь, по которому надо слѣдовать съ вѣрой и надеждой». Ошибаться она не можетъ!.. Дальше въ письмѣ стояло:

«Я много думала о вашихъ опасеніяхъ насчетъ милой Лей-

Лейя—это бѣлая лилія. Какъ вы, и я боюсь за ея аромать и чистоту; мнѣ кажется, что даже смотрѣть или нюхать такой цвѣтокъ—есть уже профанація.

«Но, между тѣмъ, Эрминія Занцъ слишкомъ дальновидна, чтобъ отвѣчать за Ортсеновъ безъ вѣскихъ гарантій. Кстати скажу, что я сама жила на сѣверѣ и встрѣчала этотъ типъ наивнаго мужчины—ребенка,—типъ невѣроятный и смѣшной въ глазахъ французовъ. Прибавлю, что вы находитесь около нихъ и бояться нечего со стороны Лейи. Безъ причины же омрачать ея чистые помыслы было бы жаль. Господи, какая сложная вещь—жизнь!.. Въ наши принципы вовсе не входитъ мѣшать проявленіямъ истиннаго чувства, не правда ли?.. А, между тѣмъ, когда дѣло коснулось нашей любимицы, мы заранѣе терзаемся и боимся»!..

Фредерика два раза подъ рядъ перечитала письмо Ромены и поцѣловала дорогія строки; потомъ задумалась. Проницательный другъ отвѣтилъ на всѣ ея тревожныя мысли, но вполнѣ она все таки не успокоилась.

«Еслибы она, святая, была со мной, то сѣумѣла бы утѣшить меня»!

Какъ довѣрчиво бросилась бы Фредерика въ ея слабыя объятія, одаренная такой нравственной силой—вливать успокоеніе въ ея мятежную душу!..

«Увы, она далеко. А въ письмахъ я не умѣю, не смѣю всего сказать. Въ разговорѣ, при личномъ свиданіи, она сама объяснила бы мнѣ... угадала бы то, чего я сама не пойму»...

— Феда, можно войти?

Приотворилась дверь и показалась кукольная головка со свѣтло-зелеными глазами и бѣлокурыми кудряшками.

— Войдите, милая Тинка!

— Феда, смотрите, чтѣ я сдѣлала... для нашего ужина на сегодня...

Съ радостнымъ дѣтскимъ смѣхомъ Тинка въ розовомъ клѣтчатомъ передникѣ, точно сѣбретка со сцены, торжественно внесла на кругломъ блюдѣ, только что вынутый изъ печки, румяный сладкій пирогъ съ яблоками. Корочка аппетитно зарумянилась; яблочный мармеладъ залитъ былъ тоненькимъ слоемъ жженого сахара и покрытъ клѣточкой изъ узенькихъ полосокъ тѣста.

— Хорошь? Въ Парижѣ дѣлають ли лучше?

— Великолѣпнень!—сказала Фредерика. Въ сущности она относилась равнодушно ко вкусовымъ наслажденіямъ, но важный видъ Тинки ужасно забавлялъ ее.

— Вы и представить себѣ не можете, какого труда это мнѣ стоило! — серьезно рассказывала Тинка, съ очевиднымъ удовольствіемъ косясь на свое произведеніе.—У насъ на сѣверѣ такого воздушнаго гѣста не дѣлають. Хорошо, что у меня есть французская поваренная книга.

Съ потѣшной дѣловитостью, она разсматривала пирогъ, поставленный на столъ Фредерики. Затѣмъ вдругъ спохватилась:

— Леи еще нѣтъ?

— Нѣтъ, — отвѣтила Фредерика: — я даже удивляюсь... Скоро два часа...

— Ахъ, я вамъ скажу, какая я дура, — чуть было не забыла! Георгъ поручилъ передать вамъ, что зайдетъ за Леей къ Клариссу. Погода хорошая, они вернутся вмѣстѣ въ видѣ прогулки.

— Онъ зайдетъ за Леей... въ мастерскую?

— Да,—сказала Тинка, глядя прямо на Фредерику своими наивными, ясными глазами:—вамъ это непріятно?

Съ языка Фредерики чуть было не сорвалось: «разумѣется!» Однако, она этого не сказала. До сихъ поръ Георгъ ни разу еще не заходилъ за Леей; ея мастерская была ему совсѣмъ не по дорогѣ. Но на какомъ основаніи запретить ему гулять съ ней, тогда какъ сама Фредерика не находила предосудительнымъ возвращаться съ нимъ изъ училища? Онъ никого не стѣснялъ и никто не удивлялся, когда онъ заходилъ за ней во Free-College. Фредерика, однако, удержалась и сказала:

— Георгъ хорошо сдѣлалъ. Но почему онъ пошелъ за Леей именно сегодня? Были какія нибудь особыя причины?

— О, нѣтъ!.. Солнце свѣтило такъ ярко... Ему захотѣлось прыгать и бѣгать, какъ школьнику. «Пойду, говорить, до Кларисса, приведу Лею». Я одобрила его идею.

— Вонъ стукнула дверь внизу... Вѣрно, это они вернулись.

Первой появилась Лея, сіяющая, розовая, распространяя струю свѣжаго весенняго воздуха... Она поцѣловала сестру.

— Я опоздала? Ты не сердисься?

Затѣмъ она поцѣловала Тинку.

— Какой милый Георгъ! Выхожу изъ мастерской, а онъ у крыльца. Мы вернулись вмѣстѣ. Приятный былъ сюрпризъ!

Снимая шляпку, целеринку и мѣховую горжетку, Лея болтала весело, оживленно.

— Какъ мы хорошо прогулялись! Пѣшкомъ, черезъ Вестминстерскій мостъ, по Сентъ-Джемскому парку... Тамъ присѣли отдохнуть,—Георгъ усталъ. Вездѣ чувствуется весна, не смотря на голыя деревья. Почки какъ будто ужъ надуваются. Дрозды прыгаютъ по вѣткамъ, молчаливо суетятся... О, сегодня первый хорошій день въ Лондонѣ, не такъ ли, Фэди?

— Да, — отвѣчала съ улыбкой Фредерика, не выказывая своихъ тревожныхъ мыслей. — Сегодня денекъ напоминаетъ весну во Франціи...

Тинка, внезапно впавшая въ глубокую задумчивость, забывъ повидимому и пирога, и Фредерика, и Лею, проговорила, словно отвѣчая на свою мысль:

— У насъ на сѣверѣ весна не приходитъ крадучись, шагъ за шагомъ, какъ здѣсь или во Франціи... Тамъ волшебникъ стукнетъ палочкой по снѣгу, по льду, по блестящему убору природы, и мигомъ одѣнетъ ее въ зелень и цвѣты, зальетъ солнечными лучами... Это — пробужденіе нишаго, уснуваго на соломѣ, въ дивномъ замкѣ... И души наши похожи на родную природу... разомъ встрепенутся отъ зимней спячки, въ полномъ расцвѣтѣ весны. Мы съ Георгомъ уже нѣсколько разъ испытывали это пробужденіе, а потомъ снова засыпали на зиму... То былъ эпизодъ сновидѣній, не больше! Въ дѣйствительности же, мы спимъ блаженнымъ, крѣпкимъ сномъ... По настоящему еще ни разу не проснулись весной...

Тинка умолкла. Куда дѣвалась безпечная куколка, поглощенная пирогомъ къ ужину?

Эту вдохновенную тираду проговорила не она, а глубоко чувствующая поэтесса, которая въ эту минуту прислушивалась къ таинственному голосу своей музы и забыла все окружающее. Появленіе брата вернуло ее къ дѣйствительности.

— А, это ты, Георгъ!

Онъ схватилъ ее, какъ ребенка, и подбросилъ на верхъ, такъ что сверкнули ея ножки и бѣлыя коленкоровыя юбочки.

— Здравствуйте, Фредерика!—сказалъ онъ затѣмъ, протягивая дѣвушкѣ руку:—вы знаете, что мы гуляли съ Леей? Она рассказала вамъ, какъ мы играли въ пятнашки въ Сентъ-Джемскомъ паркѣ?

— Ахъ, Георгъ! Постыдитесь рассказывать объ такихъ глупостяхъ.

— Лея бѣгаетъ лучше меня,—продолжалъ тотъ:—только когда ее настигаютъ, она совсѣмъ теряетъ голову... и не знаетъ, куда несется. Чуть съ ногъ не сшибла священника, который шелъ, уткнувъ носъ въ книгу...

— Смѣшной какой!—перебила Лея:—книга его полетѣла на землю; онъ въ негодованіи воскликнулъ: *Vu jove!* и обернулся, сверкая глазами. Но, увидавъ меня, онъ должно быть, догадался, что я французенка, и желалъ показать свою благовоспитанность. «Аоо! очень пріятно... очень весело бѣгать, какъ въ Парижѣ, въ *Туильри*... Очень радъ». А я пробормотала: «извините, пожалуйста!» и пустилась бѣжать. Этотъ негодный Георгъ взялъ да и спрятался... Священникъ, повидимому, намѣревался предложить мнѣ свои услуги довести домой.

Тинка, Георгъ и Лея, безсознательно радуясь веснѣ, оживлявшей своимъ колоритомъ даже эту угрюмую комнату, похожую на колодезь, болтали и шалили, какъ школьники. Фредерика съ улыбкой слушала ихъ и думала:

«Какъ могла я сомнѣваться въ нихъ? Дѣти, сущія дѣти! И смѣхъ, и веселье, и чистосердечіе по истинѣ дѣтскія!.. Я осмѣлившаяся подозрѣвать, я не стѣю ихъ! Они и не думаютъ о томъ, что меня страшитъ. Этотъ мужчина двадцати шести лѣтъ чище меня душой... Печальное мое дѣтство: оно внушило мнѣ мысли и опасенія, которыя и въ голову не придутъ моимъ сверстникамъ».

— Ну-съ, господа,—сказала, наконецъ, Тинка:—все это прекрасно, но мнѣ надо приниматься за работу!..

— Ты на верхъ?—спросилъ Георгъ,—и я съ тобой. Сегодня въ моей мастерской посвѣтлѣе, надо полагать... Попробую тоже поработать...

— До свиданія, вечеромъ!—сказала Тинка сестрамъ:—въ шесть обѣдъ, пожалуйста, приходите... Ахъ, пироги-то я было и забыла!..

Фредерика и Лея остались вдвоемъ. Младшая нѣжно обняла сестру.

— Ахъ, какъ я счастлива, Фэди!

Та горячо прижала ее къ груди и погладила по пушистымъ волосамъ... Сердце ея почему-то горестно сжалось, но печалить жизнерадостную сестренку у нея не хватило духу...

II.

Братская колонія, съ прибавленіемъ приглашенной Эдиты Крагсъ, собралась къ обѣду у Ортсеновъ.

Въ началѣ пира, Тинка, озабоченная кушаньями, почти не присаживалась, а все суетилась и поминутно бѣгала въ кухню. Помогала ей хозяйская прислуга, — бѣлокурая, краснощекая англичанка, возмутительно-неповоротливая. Георгъ за столомъ, какъ хозяинъ, угощалъ Эдиту и своихъ «французскихъ сестеръ», какъ онъ называлъ барышень Сюръе. Обѣдъ былъ вкусный: устрицы, рисовый супъ, запеченный въ тѣстѣ омаръ, жареная утка и пресловутый яблочный пирогъ. Всѣ присутствующіе обыкновенно пили воду; но на этотъ разъ Георгъ псжелалъ распить бутылку шампанскаго въ честь весны. Фредерика, Лея и Тинка, — усѣвшаяся, наконецъ, прочно за столъ, — выпили по бокалу. Одна Эдита упорно отказывалась. Въ объясненіе этой воздержности, она привела стихъ псалма: «Въ дорогѣ онъ будетъ пить воду изъ источника. Поэтому онъ подниметъ голову!» Нѣсколько глотковъ шампанскаго привели Тинку въ оживленное и болтливое настроеніе. Она, впрочемъ, предупредила объ этомъ заранѣе:

— Помнишь, Георгъ, день моей свадьбы съ профессоромъ Эбнеромъ?.. Отецъ налилъ мнѣ большой стаканъ шампанскаго, котораго я никогда до тѣхъ поръ не пробовала. Я сразу запьянѣла, вскочила на столъ и представила пѣлую импровизацію, играя за всѣхъ дѣйствующихъ лицъ... Всѣ гости пришли въ восхищеніе!

— И вмѣстѣ въ негодованіе, — прибавилъ Георгъ: — тетка Эбнера, госпожа Рейбенъ, рѣшила, что ты рехнулась, и предлагала поскорѣе свезти тебя въ гельсингфорскій сумашедшій домъ.

— А женихъ вашъ какъ отнесся къ этому? — спросила Эдита.

— Онъ былъ въ восторгѣ и даже аплодировалъ, цѣловалъ меня. Но на другой день свадьбы сказалъ мнѣ съ глазу на глазъ: «разъ навсегда запрещаю тебѣ, Тинка, пить каплю вина въ обществѣ! Ты была вчера неприлична. Но когда мы будемъ съ тобой вдвоемъ, пей, сколько хочешь, я самъ принесу тебѣ шампанскаго». Вотъ каковъ былъ профессоръ Эбнеръ!—прибавила она съ забавной гримаской и, выпивъ еще глотокъ пѣнистой влаги, продолжала:

— Онъ былъ рабомъ двухъ влiяній: своихъ страстей и общественнаго мнѣнiя. Помимо этого — незлой человѣкъ. Я была счастлива съ нимъ болѣе семи лѣтъ...

— Семи? — вскричала Лея: — какихъ же лѣтъ вышли вы замужъ?

— Восемнадцати, а профессору Эбнеру было двадцать восемь. Мнѣ онъ казался совсѣмъ старикомъ со своимъ непомятымъ, блестящимъ лбомъ и внушительными золотыми очками... Какъ я хохотала, когда мнѣ объявили, что онъ желаетъ взять меня замужъ и что я сдѣлаюсь профессоршей! Папа спросилъ: рада ли я? Я такъ была рада, что пожелала вѣнчаться въ тотъ же вечеръ. Но мнѣ разъяснили, что надо подождать... Одно меня смущало: какъ сдѣлать, чтобы не разлучаться съ Георгомъ? Произошли нѣкоторыя столкновенiя съ женихомъ, который вовсе не желалъ, чтобы шуринъ вѣчно молилъ ему глаза. Я такъ заупрямилась, что дѣло чуть не разошлось.

— Милая моя упрямица! — сказалъ ласково Георгъ, пригладивъ ея растрепавшiеся локоны: — у нея желѣзная воля, когда она захочетъ чегонибудь.

— Когда ты захочешь чегонибудь! — поправила весело Тинка:—мнѣ вѣдь въ сущности все равно, лишь бы оставили меня хозяйничать да пописывать, когда вздумается... Но мнѣ необходимо имѣть подлѣ себя когонибудь, кого я сильно люблю (она дернула брата за бѣлокурый усъ) — а онъ будетъ учить меня: чего желать и о чемъ думать... Тогда, о! тогда я умѣю и думать ясно (о чемъ велѣно)—и желать во всю мочь (что приказано)! Вы и представить себѣ не можете, какъ прiятно женщиנѣ, слабому созданiю, почерпать въ комъ ни-

будь импульсъ своей энергіи... въ комъ нибудь дорогомъ и любимомъ, разумѣтся.

— О, я это понимаю!—согласилась Лея и поцѣловала руку Фредерики.

— Не вѣрьте Тинкѣ... Она ужасно преувеличиваетъ!—сказалъ Георгъ:—вовсе она не составляетъ приложенія ко мнѣ, къ моему уму... Дѣло въ томъ, что мы выросли съ ней неразлучно и дружно, какъ близнецы, не взирая на двухлѣтнюю разницу между нами; вотъ и случается нерѣдко, что мысли наши сходятся. Но во многомъ мы различнаго съ ней мнѣнія или, вѣрнѣе сказать, характера. Она дѣятельна и акуратна; я—неряха и лѣнтяй...

— Потому что слабъ здоровьемъ!—пояснила сестра.

— Нѣтъ, работа и движеніе просто утомляютъ меня... трудъ не клеится... я выражаю на полотнѣ только крошечную частичку того, что желалъ бы выразить, тогда какъ Тинка полностью высказываетъ свои идеи, наблюденія, чувства,—высказываетъ сильно, рельефно. Я—любитель и никогда ничего не создамъ. Ты же, сестренка, уже написала безсмертную вещь. Въ тотъ день, когда языкъ нашъ получить распространеніе между цивилизованными народами, весь свѣтъ признаетъ твою геніальность.

Георгъ восторженно смотрѣлъ на сестру и говорилъ съ такимъ убѣжденіемъ, что заразилъ имъ Фредерику, Эдиту и Лею. Тинка сдѣлалась серьезной; мечтательные и глубокіе глаза ея представляли разительный контрастъ съ ребяческими чертами лица, мелкими завитушками и костюмомъ водевильной сибретки въ бѣломъ передничкѣ.

— Какимъ образомъ начали вы писать, Тинка?—освѣдомилась Фредерика.

— Очень просто: въ тотъ день, какъ надо было зарабатывать свой хлѣбъ. Вамъ извѣстно, при какихъ обстоятельствахъ я принуждена была оставить профессора Эбнера?.. Онъ прижилъ со служанкой дочь, когда былъ еще молодымъ человѣкомъ, и платилъ за ея воспитаніе, но, когда служанка умерла, онъ оставилъ дѣвочку въ ученѣ и не подумалъ даже узаконить ее. Узнавъ объ этомъ, мы съ Георгомъ рѣшительно объявили моему мужу: «ваша старшая дочь должна жить съ нами». Онъ струсиль и первымъ дѣломъ солгалъ, увѣряя насъ, что у него никакой

дочери нѣтъ... Но, убѣдившись, что мы все знаемъ, сказалъ, что ему невозможно признать и взять ее въ домъ: отъ этого, будто, страдаетъ его репутація въ городѣ... что мы съ Георгомъ — двое полоумныхъ... Тогда вся моя привязанность къ мужу разомъ исчезла и я даже охладѣла къ дочерямъ; глядя на Каролю и Иду, я невольно думала о той — старшей — дочери, принесенной въ жертву... «Ахъ, Георгъ, что мнѣ дѣлать? — говорю брату: — домъ этотъ полонъ преступной несправедливости и жить въ немъ для меня невыносимо!» «Что жь, — отвѣчаетъ онъ, — уѣдемъ. Я тоже видѣть не могу твоего мужа». Мы взяли да и уѣхали. Въ тотъ же вечеръ сѣли на пароходъ въ Копенгагенъ...

— И вамъ не было жалко? — спросила Лея, съ негодованіемъ вспоминая о покинутыхъ дѣвочкахъ.

— Какъ не жалко! Было жалко дѣтей. Но Георгъ поддерживалъ меня. А необходимость работать послужила лучшимъ развлеченіемъ. Георгъ живо нашель заказчиковъ на портреты; я было попробовала разрисовывать вѣера и ящички, да сбыта не находила. Братъ и посовѣтовалъ: «ты бы — говорить — рассказала твою исторію — вышла бы интересная книга». Въ тотъ же день я и принялась писать. Ничего не сочиняла и не прибавляла. Сочинять я едва ли бы и сумѣла. Только измѣнила фамиліи да названія городовъ... Любя родину, я распространялась въ описаніяхъ нашихъ долинъ, скалъ и озеръ; плакала, описывая домъ и поля, гдѣ мы съ Георгомъ росли и бѣгали дѣтьми. Плакала и о моихъ дѣвочкахъ, хорошенькихъ, ласковыхъ!..

— Помнишь, Тинка, какъ ты читала мнѣ каждую главу... а я, бывало, всплакну съ тобою. Хорошее было время! Умѣли мы бороться за идею, жить духовной жизнью.

Георгъ взялъ сестру за руку и нѣжно смотрѣлъ ей въ глаза. По истинѣ они составляли все другъ для друга! Лея почувствовала какую-то смутную печаль; Фредерика ободрилась, а Эдита произнесла текстъ: «Господь сказалъ: не думай, что ты одинъ, — Я невидимо стою возлѣ тебя».

— Почему же вы уѣхали изъ Копенгагена? — спросила Лея, блестящими и влажными глазами глядя на Тинку.

— Климатъ былъ вреденъ Георгу. Осенью, съ Балтійскаго моря, тамъ дуютъ рѣзкіе вѣтры, леденящіе челоуѣка до мозга

костей. Въ октябрѣ я перепугалась, — до того страшно онъ началъ кашлять! Книга моя: «Старшая дочь», — въ то время вышла и надѣлала много шуму на моей родинѣ и во всей Скандинавіи... Первое изданіе разошлось въ нѣсколько дней; значить, деньги въ карманѣ у насъ были. Мы рѣшили поѣхать въ большой городъ съ менѣе гибельнымъ климатомъ и посоветоваться со знаменитыми докторами. Конечно, мы охотнѣе выбрали бы Парижъ или берега Ривьеры, или Италію... Но средствъ было недостаточно. Случай рѣшилъ нашъ выборъ: я получила письмо изъ Лондона, отъ madame Занцъ. Меня она не знала, но прочла мою книгу, — она все успѣваетъ читать! — и сейчасъ же написала мнѣ похвалу, приглашая посѣтить ее, если я попаду когда нибудь въ Лондонъ. Я отвѣтила ей; она встрѣтила насъ на вокзалѣ. Вскорѣ, благодаря ей, Георгу нашлись уроки... Можно жить.

— Георгъ выздоровѣлъ? — спросила Лея.

— Да, — отвѣтилъ онъ самъ, — теперь я здоровъ. Никогда еще я не проводилъ такой хорошей зимы! Весенній воздухъ окончательно окрылилъ меня сегодня.

Онъ всталъ во весь ростъ и, дѣйствительно, показалось, будто онъ возмужалъ и поздоровѣлъ.

— Пойдемте въ мою мастерскую, — предложилъ онъ, — тамъ уютнѣе.

Всѣ прошли въ узкую комнату, служившую ему мастерской. Она была повыше остальныхъ канурокъ и выходила окнами во дворъ. Съ потолка спускалась люстра съ газовыми рожками; по стѣнамъ висѣли эскизы; низкій турецкій диванъ, угломъ, съ массой подушекъ, занималъ почетное мѣсто; въ другомъ углу стоялъ столъ для модели и фортепіано. Кофе поданъ былъ на низенькихъ столикахъ, въ крошечныхъ чашечкахъ. Тинка и Георгъ закурили папироски. Лея сѣла возлѣ Тинки и смотрѣла на нее чуть не съ благоговѣніемъ.

— Расскажите еще что нибудь, Тинка я такъ люблю слушать васъ!

— Но мнѣ больше нечего рассказывать, ангелъ мой.. Вамъ теперь извѣстна вся наша недлинная и незамысловатая исторія.

— Хотѣлось бы мнѣ прочесть вашу книгу.

— Скоро можете: она выдетъ въ англійскомъ переводѣ. И

если будете продолжать учиться у меня, то прочтете и въ подлинникѣ.

Лея, дѣйствительно, училась финскому языку и могла уже составить нѣсколько фразъ; научилась и пѣть національныя финскія пѣсни.

— А новый романъ вашъ скоро будетъ оконченъ?

— Недѣли черезъ четыре. Тогда мы разбогатѣмъ... сравнительно. Можетъ быть, махнемъ и въ Италию.

— Ея новый романъ очень хорошъ!—вмѣшался Георгъ:— вещь идейная, защищающая свободу женской совѣсти... Успѣхъ будетъ несомнѣнный, хотя многіе, вѣроятно, найдутъ, что «Старшая дочь» трогательнѣе...

— Вы все вдѣхновляетесь женскимъ вопросомъ?—спросила Фредерика, — очевидно васъ интересуеъ судьба феминизма?

— По правдѣ вамъ сказать, я въ точности не знаю, что такое *феминизмъ*. Много я о немъ слыхала и отъ школьныхъ подругъ, и отъ наставницъ... На сѣверѣ къ женскому вопросу относятся страстно... Но мы съ Георгомъ никакихъ спеціальныхъ теорій на этотъ счетъ не придерживаемся. Для насъ ясно, что у мужчинъ и женщинъ должны быть одинаковыя права, что подчиненіе женщины — есть грубое насиліе. А въ моихъ романахъ, кажется, эта истина выходитъ довольно рельефной.

— Расскажите сюжетъ вашего втораго романа, — попросила Лея.

— Это тоже снято съ природы. Исторія одного мистическаго супружества, къ которому я придѣлала фантастическій конецъ.

— Что значить: «мистическое супружество»?

Тинка наморщила свой дѣтскій лобикъ, придумывая понятное опредѣленіе, но Георгъ сказалъ ей:

— Рассказывай сюжетъ. Изъ него станетъ вполне понятно и значеніе мистическаго брака.

— Ты правъ. Ну, такъ вотъ... Дѣло происходитъ, конечно, въ Финляндіи, близъ Ладожскаго озера. Тамъ климатъ не такъ суровъ, какъ у насъ. Много русскихъ живутъ тамъ лѣтомъ и осенью, даже построили себѣ замки и дачи у озеръ, окруженныхъ небольшими холмами; зелень тамъ яркая, небо синее, какъ на югѣ. Въ одномъ изъ городовъ живетъ крупный подрядчикъ, богатый и надменный, по фамиліи Линдстремъ; онъ —

вдовецъ, имѣеть дочь Гильду. Человѣкъ этотъ — крайне безнравственный и находится въ близкихъ отношеніяхъ съ легкомысленной женщиной, живущей въ томъ же городѣ. Гильда, — чистая и правдивая дѣвушка, — стѣсняетъ его своимъ присутствіемъ и онъ задумываетъ сбыть ее замужъ за нѣкоего Викмана, своего друга, такого же развратника, какъ и онъ самъ. Гильда отказывается; отецъ настаиваетъ и угрожаетъ, что пригласитъ легкомысленную женщину къ себѣ въ домъ. И, дѣйствительно, приглашаетъ.

— А Гильда?—въ ужасѣ спросила Лея.

— Гильда, — въ тотъ же вечеръ, какъ эта женщина перѣѣхала къ отцу, — убѣгаетъ изъ дому и прямо идетъ къ своему бывшему учителю Миклевичу, котораго очень уважаетъ. Этотъ ученый, тридцати пяти лѣтъ, красивъ собою и пользуется безукоризненной репутаціей. Онъ немало удивленъ появленіемъ своей прежней ученицы. «Господинъ Миклевичъ, — говоритъ ему Гильда, — я всегда считала васъ за человѣка честнаго, богобоязненнаго и гуманнаго... Теперь я очутилась въ такомъ положеніи, что или должна выйти замужъ за человѣка, котораго презираю, или жить въ домѣ, гдѣ творятся нехорошія дѣла. Хотите жениться на мнѣ?» — На васъ, Гильда? Мнѣ, бѣдному учителю, жениться на богатой и красивой дѣвушкѣ? — «Подождите, Миклевичъ, я не все договорила. Я васъ не люблю. Къ тому же грустныя событія въ нашемъ домѣ внушили мнѣ отвращеніе къ замужству... Я буду вашей женой только наружно, для свѣта. Я прошу вашего безкорыстнаго покровительства. Мы сдѣлаемся съ вами мистическими супругами»...

— И Миклевичъ согласился на эту сдѣлку?

— Согласился. Не думайте, что я сочинила эту исторію. Союзъ двухъ существъ, — чисто духовный, умственный и нравственный, съ обязательными отношеніями брата и сестры, — вовсе не рѣдкость у насъ на сѣверѣ.

— Можно указать на знаменитые примѣры, — подтвердилъ Георгъ, — между прочимъ, Софіи Ковалевской. Она, съ двумя сестрами, желая завоевать свободу и жить по своему, отправились къ учителю математики, — совсѣмъ какъ Гильда Линдстремъ, — и попросили его выбрать одну изъ нихъ себѣ въ жоны, — фактивно, конечно. Ковалевскій согласился и выбралъ Софію. Впослѣдствіи она приобрѣла громкую извѣстность.

— Вы одобряете подобные союзы?—спросила Эдита Крагсъ, хранившая послѣднія минуты недовольное молчаніе.

Георгъ отвѣчалъ:

— Я думаю, Эдита, что они настолько же выше обыкновенныхъ браковъ, насколько духъ выше плоти... Товарищество между мужчиной и женщиной весьма естественно; стремление пройти жизнь рука объ руку вложено въ насъ самой природой; но взгляните попристальнѣе въ окружающія насъ супружества,—и вы убѣдитесь, что ссоры, неприятности, обиды и раздоры происходятъ оттого, что мужъ и жена не удовольствовались духовнымъ общеніемъ, а дали волю своимъ низменнымъ животнымъ инстинктамъ. Въ этомъ и заключается суть безсмертной «Крейцеровой сонаты» гр. Толстаго.

Несовсѣмъ понимая затаенный смыслъ этихъ объясненій, Лея сочувствовала тому, что говорилъ Георгъ. Ей пришло въ голову, какъ бы хорошо было всю жизнь провести съ *нимъ* въ такомъ идеальномъ единеніи духа... Глаза молодыхъ людей встрѣтились; они поняли другъ друга, и улыбнулись...

— А я,—рѣшительно сказала Эдита,—осуждаю такіе союзы. Они опасны и вводятъ только въ искушеніе. Христосъ говорилъ, что бракъ учрежденъ для продолженія рода человѣческаго. Жениться съ предвзятой мыслью не имѣть дѣтей—безнравственное ухищреніе папистовъ, въ родѣ ихъ Алоизиуса, или,—какъ они говорятъ,—«преподобнаго» Роберта д'Арбриселя.

Маленькая, потѣшная проповѣдница проговорила эту тираду съ такой пылкой убѣжденностью и энергіей, что всѣ безъ исключенія засмѣялись. Но Эдита, равнодушная къ смѣшному положенію, не обратила вниманія на произведенное ею впечатлѣніе.

— Эдита,—обратился къ ней Георгъ:—въ проповѣди вашей есть доля правды. Романъ Тинки отчасти доказываетъ это. Мистическій бракъ высокъ и почтененъ, но недоступенъ нѣкоторымъ слабымъ людямъ.

— Тинка, расскажите же конецъ вашего романа!—попросила Лея.

— Первую часть я вамъ рассказала. Во второй мы находимъ Сержа Миклевича и Гильду въ Германіи. Они женаты, покинули родину и очень счастливы. Питаютъ другъ къ другу

пѣжныя, возвышенныя чувства и живутъ, какъ братъ съ сестрой.

— Неужели это возможно, Тинка? — спросила Лея:— вы видѣли такихъ счастливецъ?

Фредерика чуть было не вмѣшалась въ разговоръ, но удержалась. Пристально поглядѣвъ на сестру, а затѣмъ на Георга, она поникла головой.

— Въ третьей и послѣдней части романа, — продолжала Тинка, — Сержъ Миклевичъ мало-по-малу становится угрюмымъ и раздражительнымъ. Жена старается развлечь его и ободрить. Наконецъ, онъ рѣшается признаться ей: онъ любитъ жену не только *мистически*, но со всей силой земной страсти. Онъ и всегда любилъ ее такъ, еще въ то время, когда давалъ ей уроки. Онъ уговариваетъ ее отбросить мистицизмъ и послѣдовать примѣру обыкновенныхъ смертныхъ... Но Гильда твердо стоитъ на своемъ и пытается образумить Сержа кротостью и мольбами... Ничто не помогаетъ. Инстинктъ самца превращаетъ его въ звѣря; онъ даже пробуетъ употребить силу. Тогда жена объявляетъ ему, что уйдетъ изъ дому, какъ разъ ушла уже отъ своего отца. «Это будетъ бесполезно! — кричитъ взбѣшенный мужъ:— законъ на моей сторонѣ. Черезъ полицію я водворю тебя снова подъ мой кровъ. Повода къ разводу нѣтъ!»

— Неужели, — спросила Фредерика, — не было для Гильды средствъ избѣгнуть посягательствъ мужа? Почему она не напомнила ему твердо основаній, на которыхъ совершился ихъ союзъ? Наконецъ, представила бы ихъ на усмотрѣнiе суда!

— Никакой судъ не придастъ значенiя такимъ претензiямъ, — сказалъ Георгъ:— въ глазахъ большинства мистическiй бракъ есть вещь безнравственная.

Эдита немедленно подхватила:

— И совершенно вѣрно! Кто выдаетъ дочь замужъ, поступаетъ хорошо, — сказалъ апостоль:— а кто не выдаетъ, поступитъ еще лучше. Зачѣмъ Гильда выходила замужъ, если желала остаться дѣвственницей? Это двѣ вещи несомвѣстимыя.

— Можетъ быть, она могла бы развестись? — настаивала Фредерика.

— Нѣтъ. Никакой европейскiй законъ не сочтетъ этого поводомъ для расторженiя брака. Третья часть моего романа и состоитъ именно въ непосильной борьбѣ женщины,

убѣжденной въ своемъ правѣ, съ законами, созданными мужчинами. Нѣтъ ей защиты ни въ религіозныхъ, ни въ гражданскихъ законахъ. Все противъ нея; всѣ требуютъ ея подчиненія мужу. Тогда, сознавая бесполезность борьбы противъ закона, — несправедливаго закона, Эдита, такъ какъ брачное сожитіе безъ любви и желанія одной изъ сторонъ есть верхъ безнравственности!—тогда, говорю я, Гильда садится одна въ лодку, выплываетъ въ открытое море и прыгаетъ въ волны.

Тинка сидѣла въ самомъ углу дивана, въ бѣломъ платьѣ и бѣломъ передничкѣ, съ пучкомъ незабудокъ на груди, такая моложавая и миньютюрная, что скорѣе похожа была на ребенка-проповѣдницу или на сказочную волшебницу, чѣмъ на замужнюю женщину.

Фредерика и Эдита, хотя не сочувствовавшія ея доктринамъ, все таки смотрѣли на нее въ восхищенномъ изумленіи, съ примѣсью негодованія: Эдита, въ своемъ смѣшномъ костюмѣ оливковаго цвѣта, косо и криво висѣвшемъ на ея обезьяньей фигуркѣ, съ волосами цвѣта мочалки и краснымъ лицомъ; Фредерика, опершись подбородкомъ на руку, матово-блѣдная, съ глубокими черными глазами.

Лея, нервно и порывисто дыша, смотрѣла то на Тинку, то на Георга, и слезы навертывались на ея глаза. Въ мистическомъ бракѣ чудился ей идеалъ чистой, блаженной привязанности, выраженіе полного счастья на землѣ. Георгъ наблюдалъ за ней. Когда взгляды ихъ встрѣтились, молодой человѣкъ содрогался отъ восторга и самъ удивлялся этому ощущенію. Ему хотѣлось бы продолжать вечеръ до безконечности!

Элленъ, служанка, убиравшая со стола, пришла доложить:

— Все готово, сударыня.

На дворѣ, куда выходили окна мастерской, послышался лошадиный топотъ и стукъ колесъ вѣхавшаго экипажа; началось откладываніе лошадей, мытье экипажа, вѣскія ругательства конюховъ... Затѣмъ все стихло.

— Скажите, Тинка, — спросила Лея: — вы знали настоящую Гильду, съ которой писали типъ своей героини?

— Да. Настоящая Гильда была подруга моего дѣтства, и первая часть моего романа есть ничто иное, какъ ея исторія, вполне достовѣрная. Слава богу, несчастье моей героини миновало ее. Она до сихъ поръ живетъ съ избраннымъ ею чело-

вѣкомъ и мистическія отношенія ихъ ничѣмъ не нарушаются,

Взгляды Георга и Леи еще разъ встрѣтились, и они поняли, что одна и та же мысль пришла имъ въ голову. Но Тинка вдругъ вскочила и засмѣялась своимъ безпечнымъ мальчишескимъ смѣхомъ:

— Ну, Богъ съ ней, съ этой литературой!.. Даетъ намъ доходъ—и довольно. Давайте-ка лучше споемъ да сыграемъ чтонибудь... Завтра воскресенье,—нельзя будетъ!

Она подбѣжала къ фортепiano, взяла нѣсколько аккордовъ и сказала:

— Иди, Георгъ, сыграй чтонибудь грустное, расшевели насъ!—Георгъ сѣлъ за фортепiano; Лея помѣстилась неподалеку отъ него.

Тинка стала возлѣ, приготовясь перевертывать листы. Прежде всего Георгъ сыгралъ мелодію Чайковскаго; затѣмъ перешелъ на импровизацію,—на мотивъ грустной финской пѣсенки.

— Лея, спойте!—сказалъ онъ, наконецъ.

Молодая дѣвушка, знавшая уже слова нѣсколькихъ національныхъ пѣсенъ своего друга, начала пѣть.

Тинкѣ не надо было больше переворачивать листы; она взобралась на эстраду для моделей и растянулась на ней въ позѣ сфинкса. Музыка дѣйствовала на романистку, какъ гипнотизмъ.

— Звуки,—говаривала она,—представляются мнѣ въ видѣ образовъ. Музыка дѣйствуетъ на меня, какъ внушеніе, вдохновляетъ для писательства.

Лея и Георгъ пѣли дуэтъ. У нея былъ хорошенькій голосокъ и неподдѣльное чувство; Георгъ отлично вторилъ; странная, примитивная мелодія переносила слушателей въ далекую, дикую родину финляндцевъ, гдѣ длина дней и ночей не одинакова съ нашей, гдѣ времена года рѣзки, а сердца людей не похожи на наши и кажутся намъ невѣдомой областью...

Элита, равнодушная къ вліянію музыки, не сводила своихъ умныхъ, холодныхъ глазъ съ Георга и Леи, составлявшихъ прелестную парочку. Можетъ быть, мысль методистки, что молодые люди словно предназначены для союза любви, приходила въ голову и Фредерикъ; лицо ея выражало тревогу и печаль... Въ первый разъ въ жизни обычная прямолинейность

и твердость характера измѣнили старшей сестрѣ Леи: она рѣшительно затруднялась сказать себѣ, въ чемъ состоитъ ея долгъ. Ей казалось, что въ ея опасеніяхъ за младшую сестру скрывалось какое-то дурное, предосудительное чувство, — не то зависти, не то ревности. Послѣ дуэта, молодой человѣкъ сталъ импровизировать; то нѣжная, то страстная мелодія переходила въ унылые, печальные аккорды. Лея, порывисто дыша, словно воспринимала и отражала каждую музыкальную мысль импровизатора. Впрочемъ, всѣ присутствующіе, — за исключеніемъ развѣ Эдиты, — поддавались вліянію чарующихъ звуковъ.

Когда Георгъ кончилъ, Лея подошла къ нему и съ глазами, полными восторженныхъ слезъ, необдуманно положила ему головку на плечо; молодой человѣкъ нѣжно погладилъ ея волосы. Все это произошло такъ просто и естественно, что никому и въ голову не пришло шокироваться; даже строгая Фредерика не нашла въ этомъ ничего предосудительнаго.

Пробило одиннадцать часовъ. Эдита встала, поочередно и рѣзко пожала всѣмъ руки и сказала Леѣ:

— До завтра.

За ней всѣ разошлись по своимъ угламъ. Тинка, опьяненная музыкой, почувствовала обычный приливъ вдохновенія, и, какъ только сестры Сюръе ушли къ себѣ, она принялась за продолженіе начатаго романа. Фредерика и Лея тотчасъ же улеглись; кровати ихъ стояли рядомъ и онѣ имѣли обыкновеніе поцѣловать другъ друга передъ сномъ. На этотъ разъ Лея особенно нѣжно обняла сестру и долго цѣловала ея волосы.

— Ахъ, Фэди, какъ я тебя люблю, какъ люблю!

— Спи, дитя мое, — отвѣчала Фредерика, чувствуя, что Лея пришла въ нервно-лихорадочное возбужденіе.

Но долго еще послѣ этого ни та, ни другая не могли заснуть.

— Ты спишь, Фэди? — шопотомъ спросила, наконецъ, Лея послѣ продолжительнаго молчанія.

Фредерика притворилась спящею и не отвѣтила. Сердце ея сильно билось... Ей почудилось, что тонкая, невидимая нить любви и довѣрія порвалась между нею и сестрой...

III.

Каждое утро, около девяти часовъ, Лея и Эдита — одна изъ Кенсингтона, другая изъ Пиккадилли — встрѣчались на площади Elephant-and-Castle и вмѣстѣ шли до мастерскихъ «Кларисса съ сыновьями» въ Гэмptonской улицѣ.

Шелъ ли въ это время дождь и нищѣ расчищали пѣшеходамъ тропинки черезъ улицы и перекидывали дощечки черезъ лужи; валилъ ли мокрый снѣгъ, или сухой морозъ трещалъ подъ ногами и щипалъ носы и уши; застилалъ ли атмосферу плотный туманъ, затрудняя даже дыханіе, или — всего рѣже! — стояла ли ясная солнечная погода — обѣ дѣвушки каждое будничное утро неизмѣнно сходились на площади и отправлялись на службу.

Ровно въ девять часовъ онѣ раздѣвались въ швейцарской фабрики Кларисса и принимались за работу. Въ началѣ Лея поступила въ отдѣленіе ученицъ, вдали отъ Эдиты, приставленной въ надзирательницы за полировщицами; но черезъ двѣ недѣли французенка вполне освоилась съ требованіями специальной фабричной работы, прошла поочередно черезъ мастерскія печатанія и золоченія, а, мѣсяць спустя, опредѣлена была въ помощницы рисовальщицамъ, гдѣ пробыла тоже недолго. Наконецъ, ей поручено было комбинировать и изобрѣтать модели узоровъ для обоевъ и матерій, такъ какъ ея талантъ и вкусъ надо было признать безусловно. Въ первый мѣсяць этой отвѣтственной работы она получала одинъ фунтъ въ недѣлю; затѣмъ съ постепенными прибавленіями дошла до двухъ фунтовъ, — самаго высшаго жалованья на фабрикѣ Кларисса. Въ общемъ Лея чувствовала себя въ Лондонѣ спокойной, удовлетворенной и счастливой. Въ первое время ей тяжело было проводить цѣлый день врозь съ сестрой, но она покорилась неизбежному. Въ своей душѣ она не копалась подобно Фредерикѣ и удовлетворялась ощущеніемъ довольства и счастья; старшая же сестра задумывалась и надъ этимъ обстоятельствомъ, находя неестественнымъ радостное состояніе духа Леи и подыскивая для него болѣе подходящее объясненіе. Держала себя Лея безукоризненно, такъ что предубѣжденіе, возникшее было противъ нея, благодаря ея красотѣ, изъ-

ществу и національности, не находя себѣ пищи, пало само собой. Англичане съ наивнымъ изумленіемъ смотрѣли на эту хорошенькую французенку съ такими простыми и строгими манерами; товарки-англичанки, удивлялись на нее и, — какъ выраженіе высшей похвалы, — говорили ей:

— О, вы не настоящая французенка! Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ васъ не отличишь отъ англичанки.

Среда товарищей и товарокъ по работѣ не привлекала, впрочемъ, Лею; она предпочитала имъ общество методистокъ, въ которое ввела ее Эдита Крагсъ. Въ клубъ этой строгой секты, помѣщавшемся въ огромномъ зданіи изъ краснаго кирпича, съ готическими окнами и претензіями на архитектурный стиль, — всякая трудящаяся дѣвушка и дама находила за шесть пенсовъ питательный завтракъ, бібліотеку, общество, залы, гдѣ происходили совѣщанія, конференціи и всякаго рода чтенія, а также часовню съ богослуженіемъ. Соблюденіе обрядовъ никому не вмѣнялось въ обязанность, но, во время общаго завтрака, читалось вслухъ что нибудь религіозное.

Общество это произвело сильное впечатлѣніе на Лею. Она, болѣе чѣмъ Фредерика, способна была увлекаться мистицизмомъ. Здѣсь всѣ члены стремились къ достиженію нравственнаго совершенства, старались «приблизиться къ Христу». Та же доктрина самоотверженія и любви къ ближнему, но основанная на вѣрѣ въ божественность законодателя, была понятнѣе для Леи, нежели отвлеченныя, идеальныя теоріи Ромены Пирницъ. Воспитанная въ умѣренномъ, — чтобы не сказать равнодушномъ, — католицизмѣ, Лея не обращала вниманія на различіе обрядовъ и нѣкоторыхъ догматовъ. Скромныя труженицы, собиравшіяся въ клубъ, со своимъ презрѣніемъ къ наружному блеску, нравились ей своими скромными костюмами и потребностями; нравились и чтенія съ эстрады о какихъ нибудь душеспасительныхъ подвигахъ одного изъ членовъ суроваго братства... Изъ любимаго занятія, приносившаго ей хорошій доходъ, изъ дружбы съ Эдитой и ея единомышленницами, изъ братскихъ отношеній къ Тинкѣ и Георгу — составилось довольство жизнью и счастьемъ Леи.

— О, Фэди, какъ я счастлива! — въ восторгѣ восклицала она.

Однако, съ Георгомъ она сходилась все ближе и ближе.

Съ того самаго дня—субботы, — когда артистъ нечаянно зашелъ за ней на фабрику Кларисса, эти прогулки вдвоемъ стали повторяться еженедѣльно и наканунѣ праздниковъ. Молодая парочка радостно стремилась въ паркъ или за городъ — подышать воздухомъ, побѣгать, порѣзвиться. Сначала они приглашали Фредерику, но такъ какъ она всегда находила предлогъ остаться дома, то перестали настаивать. Объ этой прогулкѣ вдвоемъ Лея мечтала всю недѣлю и ожидала ее, какъ лучшую награду за свой будничный трудъ. Какая радость чувствовать себя молодыми, веселыми, здоровыми и свободными! Они бѣгали взапуски, играли, какъ школьники, валились на траву, чтобы перевести духъ и отдохнуть; иногда умненько разговаривали, идя подъ руку, или даже молчали, — но всегда чувствовали себя счастливыми. Никогда еще развитіе нѣжнаго чувства между женщиной и дѣвушкой не происходило такимъ невиннымъ путемъ; они и не подозрѣвали сами, что влекло ихъ другъ къ другу. Обѣ стороны дѣйствовали безъ обмана и безъ анализа. Еслибъ Фредерика слышала ихъ разговоры, она навѣрно хоть на время успокоилась бы и рѣшила, что они — просто дѣти. Но незамѣтно для нихъ самихъ они до того сблизились, что сами стали наивно удивляться своей дружбѣ...

— Въ первый же день, — говорила Лея Георгу, — какъ только я увидала васъ, мнѣ показалось, что я давно, давно знакома съ вами!

— Я этого не скажу, — серьезно возражалъ тотъ, — но съ перваго же взгляда на васъ я рѣшилъ, что вы — очаровательная личность, на которую не устанешь любоваться.

Зима начинала сдаваться... Иногда по субботамъ шли дожди, но Лея и Георгъ храбро отправлялись на прогулку, надѣвъ резиновые плащи и прижимаясь плотнѣе другъ къ другу подъ дождевымъ зонтомъ. Судьба благопріятствовала имъ: почти каждую субботу стояла ясная солнечная погода. Они восторженно наблюдали за успѣхами лондонской весны въ обширныхъ паркахъ и загородныхъ садахъ. Въ концѣ феврала зазеленѣла молодая травка; въ апрѣлѣ деревья покрылись почками; зацвѣла сиреневая бесѣдка въ Гринъ-паркѣ... Но внезапный морозъ убилъ молодые цвѣточки и обжегъ траву и зелень; снова будто вернулся ноябрь мѣсяць... Падаль снѣгъ, и не таялъ, а подмерзалъ сверху... Такъ продолжалось нѣ-

сколько дней... Это не помѣшало Георгу и Леѣ провести пріятную субботу. Лужайки скрылись подъ бѣлой пеленой; пруды и лужи застыли, на деревьяхъ висѣлъ иней, фонтанъ окаменѣлъ... Для разнообразія и то недурно!

— Какъ бы я желала поѣхать съ вами въ Финляндію!— сказала Лея, повертывая къ другу свое раскраснѣвшееся отъ мороза личико.

— О, не туда, а въ Италію хотѣлъ бы я уѣхать съ вами!— отвѣтилъ Георгъ: — объ ней я давно, давно мечтаю. Сидя у нашего домашняго очага въ Або или Гельсингфорсъ, гуляя по сосновымъ лѣсамъ моей суровой родины, я всегда уносился мыслью на югъ, гдѣ зима похожа на наше лѣто... Въ нашемъ музеѣ была одна картина Матео Бартоло, — дивная, задумчивая мадонна, съ младенцемъ на рукахъ и двумя ангелочками по бокамъ... Мы съ Тинкой обожали эту картину, олицетворявшую для насъ Италію... До сихъ поръ воспоминаніе о мадоннѣ связано у меня съ представленіемъ объ Италиі. Я, какъ сѣверный варваръ, мечтаю о югѣ! Еслибъ я могъ поѣхать туда съ вами и съ Тинкой, — я, кажется, совсѣмъ выздоровѣлъ бы.

— О, Георгъ, чтó вы говорите? Развѣ вы несовсѣмъ здоровы?

Лея судорожно сжала руку молодаго человѣка.

— Не говорите, что вы больны, Георгъ, ради бога! Только изъ-за васъ я и полюбила туманный, грязный Лондонъ... А если ужъ вамъ, дѣйствительно, надо ѣхать на югъ, уѣжайте, не теряя времени. Фредерика, я и Тинка соберемъ достаточную сумму для вашего путешествія.

Георгъ улыбнулся.

— Нѣтъ, Лея, я не уѣду изъ Лондона, пока вы здѣсь. Я только изъ-за васъ и привязался къ этому городу... Теперь я вполне здоровъ. Нюкогда вы уѣдете во Францію, я и часа здѣсь не пробуду!

Лея, въ порывѣ благодарности, прижалась головой къ груди своего друга. Сердца ихъ горѣли восторгомъ и вѣжностью, но чувственность еще не проснулась. Имъ даже въ голову не пришло обмѣняться поцѣлуемъ. По вечерамъ, послѣ такихъ прогулокъ, Лея откровенно рассказывала все сестрѣ и не замѣчала, что лицо Фредерики омрачалось. Силясь улыбнуться, старшая сестра думала:

«Гдѣ долгъ? Въ чемъ истина? Если я скажу ей, что меня тревожить, — не омрачу ли я ея яснаго и невиннаго міросозерпанія? Не ошибаюсь ли я? Георгъ часто заходитъ и за мной во Free-College и я не могу упрекнуть его ни въ малѣйшемъ ухаживаньѣ!» А тревога все росла въ ея сердцѣ, не смотря на такіе аргументы. Какъ избавиться отъ нея или какъ предупредить сестру объ опасности?

Между тѣмъ, жизнь все тѣснѣе сближала французенокъ съ финляндцами; они ежедневно обѣдали вмѣстѣ у Тинки; часто проводили тамъ и вечера. Эдита до того привыкла къ членамъ маленькаго кружка, что стала испытывать потребность оправдать свои чувства текстомъ изъ священнаго писанія. — «Хорошо и пріятно, — съ неподражаемой серьезностью цитировала она, — когда сестры и братья живутъ вмѣстѣ. Пріятно, какъ елей, которымъ Ааронъ умастилъ свои волосы и бороду!» Фредерика, сознавая себя выше и развитѣе этой «братской» компаніи, тѣмъ не менѣе завидовала такимъ непосредственнымъ дѣтямъ природы, какъ Георгъ и Тинка, повинующимся одному инстинкту; ей тяжело было разбираться въ противорѣчивыхъ мысляхъ, трудно было установить равновѣсіе духа. То ли дѣло изображать изъ себя золоту арфу со звучащими отъ зефира струнами! Быть одареннымъ хрустальной, прозрачной душой, не поддающейся никакимъ мучительнымъ сомнѣніямъ! Жить для другихъ, какъ Эдита... или, какъ Лея, изображать собою только чувствительную женщину, со спокойнымъ темпераментомъ, и довольствоваться невѣдѣніемъ. Не знать, не знать! Не искать, не предвидѣть, не стараться объяснять отношенія людей по безпощаднымъ, непреложнымъ законамъ всемогущей природы! А законы эти кажутся такими страшными, грозными... «Чего мнѣ недостаетъ, чтобы быть, какъ они? Дѣтской простоты недостаетъ, нищеты духа! О, счастливыцы, какъ я имъ завидую!»

Три раза въ годъ, безъ всякаго видимаго повода, въ Англіи полагается три дня каникулъ. Всѣ дѣла пріостанавливаются отъ субботы до слѣдующаго вторника. Банки закрыты во всемъ соединенномъ королевствѣ, — такъ что отдыхъ этотъ называется «банковскими каникулами». Фредерикъ не пришлось воспользоваться апрѣльскимъ трехдневнымъ отдыхомъ. Во Free-College'ѣ учреждалось новое отдѣленіе, физиологическое, и madame

Занць, болѣе чѣмъ когда либо, нуждалась въ помощницѣ. Эдита занята была въ «клубѣ», гдѣ методистки особенно стараются удержатъ трудящихся дѣвушекъ въ праздники, чтобы уберечь ихъ отъ соблазна и распущенности. Тинка вся поглощена была окончаніемъ своего романа, и такъ вошла въ положеніе Гильды и Миклевича, что забывала ѣсть и спать; въ подобные періоды вдохновенія она въ дѣйствительной жизни вела себя, какъ лунатикъ.

Такимъ образомъ, Георгъ и Лея предоставлены были другъ другу, и почти три дня провели съ глазу на глазъ, гуляя или сидя дома. Молодой человекъ воспользовался этимъ, чтобы посвятить Лею въ свою работу; поставилъ ее на эстраду, чтобы писать съ нея героиню задуманныхъ картинъ; первая изъ нихъ должна была изображать легендарную Аину въ тотъ моментъ, когда она, набравъ охапку сухихъ листьевъ, была застигнута старымъ Вайнамоинею. Давно уже не принимался за свою работу Георгъ. Когда Лея, краснѣя и конфузясь, стала на эстраду, онъ пришелъ въ восторженное настроеніе артиста, нашегого то, чего искалъ, — побѣжалъ къ Тинкѣ, оторвалъ ее отъ писанія и попросилъ устроить для Леи костюмъ финляндской крестьянки, причесавъ ей волосы на двѣ косы. Сначала Тинка, занятая своими мыслями, раздражительно отказывалась исполнить прихоть брата; но уступила и вошла въ мастерскую; когда же она принялась одѣвать и причесывать «модель» Георга, то мало-по-малу сама увлеклась: взяла на руку волну тяжелыхъ вьющихся волосъ Леи и обратилась къ брату:

— Смотри, Георгъ, точно растопленное золото! Какая прелесть!.. Совсѣмъ Аина! Лучше даже: у той навѣрно были косы льнянаго цвѣта, жидкія и сухія. Скорѣй гребенку!..

Тинка вся отдалась новой фантазіи: сдѣлала Леѣ пророборъ посреди головы, заплела одну толстую косу, по модѣ сѣверныхъ крестьянокъ, и сама залюбовалась на свою работу... Въ нѣкоторомъ отдаленіи сидѣлъ Георгъ, поддерживая ладонью подбородокъ, и тоже не спускалъ глазъ съ модели. Тинка оживленно и весело щебетала.

— Теперь надо корсажъ съ бретельками, короткую юбочку, бѣлый передничекъ...

Прыгая, суется и волнуясь, романистка во мгновение ока

разстегнула лифъ Леи и сняла его раньше, чѣмъ та успѣла опомниться... Молодая дѣвушка очутилась въ корсетѣ съ обнаженными шеей и руками, которыя, также какъ и лицо, сдѣлались розовыми отъ стыда. Лея, чувствуя на себѣ взглядъ Георга, готова была провалиться сквозь землю. Но ни Георгъ, ни Тинка нимало не сконфузились, а оба очевидно думали о героинѣ легенды. Все также поспѣшно и торопливо Тинка разстегнула крючокъ у пояса Леи, спустила на полъ ея юбку, оставивъ «модель» въ коротенькой нижней юбочкѣ.

— Что скажешь, Георгъ? развѣ не Аина? Кажется, достаточно хороша, чтобы свести съ ума всѣхъ легендарныхъ съверныхъ героевъ.

Георгъ утвердительно кивнулъ головой, взялъ, ни слова не говоря, новое полотно и набросалъ силуэтъ дѣвушки.

Лея, установленная Тинкой въ позу, съ передникомъ, полнымъ набранными листьями, съ пальчикомъ, прижатымъ къ губамъ, — точно прислушиваясь къ внезапному шуму, — малопомалу оправилась отъ чувства неловкости. Спокойствіе Георга и Тинки передалось и ей... Когда однообразное стояніе въ позѣ очевидно утомило натурщицу, Георгъ всталъ и показалъ эскизъ сестрѣ.

— Вотъ теперь настоящая Аина, — одобрила Тинка: — о, дорогой мой, вѣрь мнѣ, что ты великій художникъ!

Лея посмотрѣла въ свою очередь. Въ ясномъ колоритѣ осенняго воздуха вырисовывались стволы сосенъ... Суровое, бѣлобородое лицо Вайнамойна и широкоплечая фигура его въ длинномъ одѣяніи набросаны были смѣлыми штрихами по лѣвую сторону картины; направо, на первомъ планѣ, стояла изящная Аина, тревожно прислушиваясь. Лея узнала себя и улыбнулась. Ей пріятно было сознаніе, что образъ ея, черезъ посредство глазъ Георга, перешелъ на полотно; теперь она безо всякаго стѣсненія нагибалась черезъ его плечо, забывая о своихъ обнаженныхъ рукахъ и плечахъ.

— Сравни-ка этотъ набросокъ съ прежними! — сказала Тинка. Георгъ вытащилъ изъ папки три эскиза на сюжетъ той же легенды, и всѣ присутствующіе принялись внимательно разсматривать ихъ. Первый набросокъ изображалъ тотъ моментъ въ лѣсу, для котораго только что позировала Лея.

— Видишь, насколько схваченное Леей движеніе естествен-

нѣе и граціознѣе!—сказала Тинка,—не правда ли, Лея? И типъ Аины не такъ подходилъ.

— Да,—отвѣтилъ Георгъ:—ваше мнѣніе, Лея?

Георгъ повернулся къ дѣвушкѣ, но она углубилась въ другіе два эскиза и ничего не отвѣчала. Снова смущеніе и стыдъ овладѣли ею; второй моментъ легенды изображалъ Аину на скалѣ у моря, третій,—ее же, съ распущенными волосами, бросающуюся въ волны, чтобы избѣгнуть преслѣдованія влюбленнаго героя... Въ обѣихъ сценахъ Аина представлена была совершенно нагая...

И вдругъ Леѣ, такъ сказать, воплотившейся въ личность героини сѣверной легенды, показалось, что это она сама представлена въ такомъ откровенномъ видѣ на полотнѣ!.. Но смущеніе ея длилось недолго; ей стало совѣстно за свою щепетильность передъ двумя художниками, разсматривавшими эскизъ съ исключительной точки зрѣнія идеальнаго искусства. Ни Георгъ, ни Тинка даже не замѣтили волненія Леи.

Слѣдующіе два дня Георгъ усердно работалъ; искусные пальчики Тинки устроили настоящій костюмъ сѣверной дѣвушки-крестьянки, который очень подходилъ къ наивнымъ глазкамъ и вьющимся золотистымъ волосамъ Леи. Въ эти два дня артистъ и его «модель» жили одной жизнью, предались всей душой одному дѣлу и сблизились тѣснѣе, чѣмъ за все предыдущее время. Говорили они между собою мало. Иногда Георгъ совѣтовался съ Леей, чутъе и опытность которой въ искусствѣ изумляли его. Она прямо объявляла: «Этотъ колоритъ нехорошъ!» или: «движеніе это не вѣрно!» и всегда была права.

Георгъ восторгался:

— Да вы совсѣмъ артистка, Лея!

— О, нѣтъ! Но я люблю картины, и еслибъ не остановилась на одной орнаментаци, то, вѣроятно, мазала бы какія нибудь картинки... быть можетъ, и недурно.

Фредерикъ въ тотъ же день показали эскизъ, и она одобрила мысль — избрать Лею моделью для Аины. Въ глубинѣ души она рада была присутствію Тинки при сеансахъ; ее больше всего пугало уединеніе молодыхъ людей вдвоемъ. «Какъ подумаю, что послѣ одной изъ прогулокъ вдвоемъ моя Лея вернется съ тайной на сердцѣ!» думала она и заглядывала въ са-

мую глубину ясныхъ глазъ сестры, воображая, что тайна уже существуетъ, а ей, Фредерикъ, неизвѣстна. Но, по правдѣ сказать, въ сердцѣ Леи были уже затаенные уголки, въ которые не допускалась старшая сестра. Не посмѣла, напримѣръ Лея сознаться сестрѣ, что сконфузилась и смутилась, когда Тинка раздѣла ее, устанавливая для модели; не посмѣла сказать, что отожествила себя съ обнаженной Аиной и на минуту взволновалась при этой мысли.

Въ понедѣльникъ, — послѣдній день «банковаго отдыха», — густой туманъ царилъ съ утра. Послѣ завтрака, Георгъ принялся за работу; Лея безъ устали позировала. Но черезъ полчаса художникъ бросилъ кисти и палитру.

— Тьма кромѣшная! — нетерпѣливо воскликнулъ онъ: — идемте гулять.

— А портретъ мой не конченъ?

— Не могу работать... Да и вамъ надо воспользоваться праздничными днями... Одѣвайтесь. Развѣ вы не хотите погулять?

— Въ такой туманъ?!

Онъ разсмѣялся. — Вонъ, видите, становится уже свѣтлѣе.

Не отдавая себѣ отчета, Лея слушалась Георга, какъ жена. Она ушла къ себѣ, одѣлась для прогулки и, вернувшись, застала Георга съ Тинкой: послѣдняя читала брату выдержки изъ своего романа. Она дошла до того мѣста, гдѣ заключался договоръ между Гильдой и Сержемъ Миклевичемъ о «мистическомъ союзѣ». Страничка романа не лишена была красоты и торжественности.

«Сержъ, — говорила Гильда, — взамѣнъ свободы и равноправности, которыя вы согласны предоставить мнѣ наперекоръ обычаямъ, условіямъ и законамъ, я обязуюсь любить васъ всѣмъ сердцемъ, всѣми помыслами моей души, всѣми чувствами, которыя я тратила на недостойныхъ людей; я буду любить васъ, какъ любила бы своихъ дѣтей, еслибъ встрѣтила мужчину, предназначеннаго природой въ ихъ отцы. О, другъ мой, возьмите мое сердце, одинокое, истерзанное, несчастное, и согрѣйте его! Любите меня: — я слабое существо, но позаимствуюсь отъ вашей силы! Я не имѣю права отдаться вамъ, такъ какъ не люблю васъ земной любовью и вы не приняли бы позорной жертвы съ моей стороны. Но я отдамъ вамъ всю мою мысль, не-

поколебимую вѣрность и весь пылъ моего сердца и ума. Сержъ, мой другъ, братъ, мужъ... поцѣлуйте вашу жену»!..

Лея заливалась слезами умиленія. Тинка закрыла рукопись и повернулась къ слушателямъ. Молодая дѣвушка бросилась къ поэтессѣ, схватила ея кудрявую голову и страстно цѣловала ея личико.

— Ахъ, Тинка! Какое величіе, какое благородство!

Съ другой стороны Георгъ восторженно обнималъ сестру и цѣловалъ ея коротенькія кудряшки.

— Дорогая сестренка! Мечты твои витаютъ въ такой чистой и возвышенной сферѣ, что, живя около тебя, человекъ дѣлается лучше, нравственнѣе. Ты одарена способностью воспламенять и экзальтировать сердца на совершеніе какого нибудь фантастическаго подвига!

Тинка, опустивъ глаза, размышляла. Затѣмъ мечтательно отстранила рукой Лею и брата:

— Теперь оставьте меня одну, друзья мои... Я слышу отвѣтъ Сержа Миклевича... Надо писать. Прощайте!

IV.

Когда Георгъ и Лея вышли и очутились въ Пиккадилли, туманъ сталъ рѣдѣть; солнечные лучи пробивались и побѣждали. Было около десяти часовъ.

Георгъ, по свойственной ему привычкѣ, держалъ Лею за локоть; точно также любилъ онъ гулять и съ Тинкой, и съ Фредерикой; сырость въ воздухѣ заставляла ихъ тѣснѣе прижиматься другъ къ другу.

— Какой печальный городъ Лондонъ!—сказала Лея.

Магазины были заперты; за огромными стеклами оконъ спущены были шторы; на улицахъ замѣчалось мало народу; обычное будничное оживленіе отсутствовало. Кэбы тоже попадались рѣдко; зато высокіе шарабаны, въ двѣ и четыре лошади, переполненные понурыми пассажирами, проѣзжали по улицамъ; кондукторъ позади, во все горло, выкрикивалъ:

— Гэмптонъ-Кортъ! Ричмондъ! Гэмптонъ-Кортъ!

— Слишкомъ коротки дни, чтобы ѣхать за городъ, — сказалъ Георгъ: — черезъ нѣсколько недѣль мы съ вами непременно съѣздимъ подальше.

— А сегодня куда направимся?

— Хотите въ Гѣмпстедъ-Гессъ? Можно сѣсть въ вагонъ желѣзной дороги или трамвая, или въ омнибусъ. Что лучше?

— Поскорѣе бы только вонъ изъ города!

Они направились къ вокзалу, близъ Чарингъ-Кросса. Поѣздъ какъ разъ подѣвжалъ, когда они подошли.

Лея и Георгъ сѣли въ отдѣленіе, гдѣ находились уже два пассажира; но въ Блакфрайарсѣ они вышли, и молодые люди остались одни. Дорога идетъ подземельемъ, скудно освѣщеннымъ газомъ.

— Эта темнота дѣйствуетъ на меня удручающимъ образомъ!—сказала Лея; Георгъ взялъ ея руку и не выпускалъ изъ своей.

— А я хотѣлъ бы ѣхать такъ долго, долго...—прошепталъ онъ,—и далеко уѣхать отъ Лондона... туда, гдѣ бы насъ никто не зналъ!

Леѣ почудилось, что такимъ тономъ онъ еще никогда съ ней не говорилъ; ей стало страшно, рука ея дрогнула въ его рукѣ, и она отвѣтила съ такимъ замѣтнымъ волненіемъ, что голосъ ея сорвался:

— Куда вамъ ѣхать отъ Тинки? А я развѣ могу жить безъ Фредерики? Не будемъ желать лучшаго: мы всѣ живемъ вмѣстѣ... чего еще искать?

Георгъ подумалъ и сказалъ:

— Да, это правда.

И выпустилъ руку молодой дѣвушки.

Безконечный коридоръ подъ землею, по которому тянулся поѣздъ, мрачный, сырой, узкій, съ удушливой атмосферой, дѣйствительно, наводилъ уныніе; молодые люди замолчали и не говорили вплоть до станціи Финглей-Родъ, гдѣ вышли изъ туннеля на поверхность земли.

— О, солнце!—съ радостнымъ изумленіемъ воскликнула Лея.

Туманъ совсѣмъ исчезъ; яркій свѣтъ озарялъ окрестность. Молодые люди улыбнулись другъ другу; минутная размолвка была забыта. Георгъ по прежнему взялъ Лею за локоть:

— Идемъ! Здѣсь мы погуляемъ.

Они пошли вверхъ по Гѣмпстедской дорогѣ, довольно унылой, хотя и прорѣзанной посрединѣ трамваемъ; по обѣимъ сторонамъ тянулись скромныя дачи. Шаги спутниковъ звонко сту-

чали по асфальтовому тротуару; грудь ихъ жадно вдыхала чистый загородный воздухъ. Тамъ и сямъ виднѣлись группы гуляющихъ, кучки дѣтей съ няньками, супруги подъ ручку; Георгъ и Лея обогнали странную парочку, повидимому, жениха съ невѣстой: ей казалось на взглядъ лѣтъ шестнадцать; ему, можетъ быть, втрое больше. Онъ держалъ дѣвицу за талию и пожималъ ея пальцы. Невѣста съ восхищеніемъ смотрѣла въ глаза своему будущему повелителю, а онъ мутными, страстными глазами отвѣчалъ ей. Нескрываемый цинизмъ этой пары шокировалъ Георга и Лею; они, точно сговорившись, отошли другъ отъ друга, чтобы не быть похожими на тѣхъ двухъ.

Наконецъ, они достигли верхней площадки, съ прудомъ посрединѣ; кругомъ спускались зеленныя лужайки. Отсюда видно было, что Лондонъ остался далеко на западѣ за гѣмпстедской дорогой, по которой они поднялись. Вокругъ пруда и по склонамъ лужаекъ было немало публики; многіе гуляющіе обоихъ половъ валялись по травѣ; нѣкоторые ѣли и пили.

— Пойдемте дальше, — предложилъ Георгъ, не любившій многолюдства, — въ сторону Гайгетъ мѣстность уединеннѣе и любители чаепитія тамъ не найдутъ кипятку.

Они пошли по дорогѣ на сѣверъ; кучка народу, собравшаяся вокругъ проповѣдника на скамейкѣ, привлекла ихъ вниманіе и они на нѣсколько минутъ остановились; ораторъ монотонно жестикулировалъ правой рукой, точно отпуская и нажимая пружину, и загробнымъ голосомъ говорилъ:

— Иисусъ, нашъ Господь, знаетъ, сколько волосъ у васъ на головѣ; онъ заранѣе знаетъ, какой вы сдѣлаете жестъ, въ какомъ грѣхѣ провинитесь. Каждый день вы безбоязненно садитесь на поѣздъ, которымъ управляетъ машинистъ, нерѣдко пьяный, а колеблетесь довѣриться поѣзду вашей земной жизни, управляетъ которымъ твердая рука нашего Божественнаго Учителя?

— Это кальвинистъ, — сказала Лея, — проповѣдникъ предопредѣленія.

Благодаря знакомству съ клубомъ методистовъ, и разговорамъ съ Эдитой, Лея научилась разбираться въ хаосѣ религіозныхъ сектъ, которыя, праздничными днями, борются съ равнодушіемъ публики. Георгъ пробормоталъ:

— Меня возмущаютъ эти господа, мящіе увлечь толпу своими косноязычными, карикатурными проповѣдами!

Они пошли дальше; горизонтъ впереди расширялся. Обернувшись, можно было видѣть почти весь Лондонъ, закутанный въ густой туманъ. Но мало-по-малу солнечные лучи побѣждали и кругомъ становилось все ярче и ярче.

— Ахъ, Георгъ, какъ мнѣ жарко!—сказала Лея.

Она сняла накидку, которую Георгъ взялъ на руку.

— Мы можемъ здѣсь отдохнуть, — предложилъ онъ, указывая на густолиственную бесѣдку со скамейкой, повернутой задомъ къ дорогѣ.

Сколько разъ, бывало, завидѣвъ такую бесѣдку въ паркѣ, бѣжала туда Лея и садилась отдыхать тамъ со своимъ другомъ! Теперь же они оба, степенно и рядомъ, вошли въ прохладную бесѣдку. Лея сѣла. Георгъ стоялъ и смотрѣлъ на нее.

— Что вы такъ смотрите на меня?

Онъ отвѣтилъ:

— Стараюсь понять, какую притягательную силу имѣете вы, что я съ перваго дня не посмотрюсь на васъ и все мнѣ мало...

— Неужели это вѣрно, Георгъ?.. О, какое счастье!

Ни лести, ни кокетства съ обѣихъ сторонъ. Онъ продолжалъ:

— Тайственная вещь — красота!.. Фредерика красивѣе васъ...

— О, безъ сомнѣнія!

— Да, но и вы, Лея, прекрасны. Наружность ваша восхитительна... она производитъ гораздо сильнѣйшее впечатлѣніе, чѣмъ классическое лицо Фредерики. И не на меня одного: Тинка, madame Занцъ, даже глупая дѣвушка, которая намъ служить, Элленъ, — всѣ думаютъ также. Для меня же видѣть васъ — сдѣлалось такой потребностью, что мнѣ словно недостааетъ воздуха, когда васъ нѣтъ... Въ родѣ этого мы испытали чувство въ подземельѣ...

Слова этого признанія восхитили Лею. Вчера она смутилась, когда Георгъ увидалъ ея обнаженныя руки и плечи; сегодня она жадно слушала его восторженныя похвалы, — до того наивно отыскивалъ онъ самъ, чѣмъ привлекаетъ она его къ

себѣ! Прошло нѣсколько минутъ молчанія. Георгъ не сводилъ глазъ съ лица дѣвушки и буквально гипнотизировалъ ее. Въ туннелѣ она сказала:

— Я не могла бы жить безъ Фредерики.

Теперь она сказала бы иное.

«Безъ него не могла бы я жить!»!—подумала она, просто и ясно констатируя фактъ, и глубоко вздохнула. Чувство, похожее на обновленіе, освобожденіе, охватило ее; передъ мысленнымъ взоромъ ея промелькнуло все прошлое, какъ въ живой фотографіи. Встали образы: Пирницъ, mademoiselle де-Сентъ-Парадъ, Эдита; припомнились послѣдовательно—Парижъ, фабрика, путешествіе, Лондонъ... Она поняла, что настала новая эра въ ея жизни, когда Георгъ сталъ для нея необходимъ.

— Георгъ,—съ чувствомъ произнесла она,—вы заставили меня понять прелесть жизни.

— Что это значитъ?

Она попыталась объяснить, но запуталась, не находя подходящихъ словъ, и могла только сказать:

— Съ тѣхъ поръ какъ я встрѣтила васъ, я стала совсѣмъ другой. Живу также, дѣлаю все то же,—но не какъ скучный долгъ или повинность, а радостно, охотно... Съ тѣхъ поръ какъ вы вошли въ мою жизнь, — дождь, туманъ, снѣгъ, все, что прежде разстраивало меня, приводило въ уныніе, теперь дѣйствуетъ ободряющимъ образомъ на мои нервы, сильнѣе заставляя меня чувствовать, что я живу.

Куда дѣвалась ея застѣнчивость и робость? Она смѣло высказала свои ощущенія, точно молилась и изливала свое душевное состояніе передъ Богомъ... На небѣ было совсѣмъ ясно, солнце грѣло... Уединеніе вокругъ царило полное въ эту минуту: юная чета безсознательно влюбленныхъ одна оживляла пробуждающійся весенній пейзажъ...

— Лея,—сказалъ Георгъ,—я вижу, что вы просыпаетесь, какъ говоритъ Тинка... Мы съ ней еще не проснулись отъ зимней спячки, но я уже чувствую близость благотворной весны, внутренняго пробужденія: душа моя раскрывается для жизни. Но присутствіе ваше мнѣ необходимо,—иначе я не въ силахъ буду проснуться.

Онъ сѣлъ возлѣ Леи и взялъ ее за обѣ руки.

— Лея, сестра моя! Сестра еще ближе и дороже, чѣмъ

Тинка. Я не могу допустить мысли, что когданибудь вы уйдете из Лондона и я больше не увижу васъ. Возьмите меня съ собой. Общайтесь, дайте мнѣ слово!..

— Я буду слушаться васъ, Георгъ. Вы прикажете, и я исполню. Я сама не смогу жить безъ васъ.

Въ эту минуту ей захотѣлось быть поближе къ своему другу: она нагнулась и спрятала лицо на его груди.

— Лея, избранная моя!

Они помолчали; вдругъ Георгъ услышалъ, что она вдумчиво, торжественно повторила слова героини изъ романа Тинки: «Я отдамъ вамъ всю мою жизнь, непоколебимую вѣрность, весь пылъ моего сердца и ума»!

Онъ вздрогнулъ: вспоминаетъ ли она просто фразы романа, или говоритъ за себя? Но она продолжала, поднимая на друга свои ясные глаза: «Любите во мнѣ слабое существо, которое позаимствуется вашей силой»! На этотъ разъ сомнѣнія не могло быть: она говорила ему, ему одному.

— Возможно ли? Гильда отдалась Сержу, и вы также хотите отдаться мнѣ, Лея?

— Я ваша, вся ваша, Георгъ. Того, въ чемъ отказывала Гильда Сержу—я не знаю и не стремлюсь знать. Когда кругомъ меня говорятъ объ этомъ, мнѣ кажется, что говорятъ о смерти. Я убѣждена, что вамъ этого не нужно. Значить, за исключеніемъ одного этого, я буду вся принадлежать вамъ.

— Вы моя жена... навѣки!..

Они смотрѣли другъ другу въ глаза и переживали неземное блаженство. Эти минуты были апогеемъ ихъ экзальтаціи.

— Лея, пусть бы этотъ моментъ длился цѣлую вѣчность! Сама судьба привела насъ съ разныхъ концовъ свѣта сюда, въ это таинственное уединеніе, чтобы мы обмѣнялись неразрывными обѣтами.

Она кивнула головой; Георгъ продолжалъ:

— Увы! Толпа близка и мы скоро должны будемъ смѣшаться съ ней.

— Что же изъ того? Мы все таки будемъ вмѣстѣ.

— Вмѣстѣ? Но жизнь наша ничѣмъ не связана! Неужели вы согласны продолжать жить врозь? Вы пойдете завтра на фабрику, станете работать, а я бѣгать по урокамъ, какъ прежде!

Только по вечерам сойдемся, да воскресенье наше! Неужели это удовлетворяет васъ?

— Георгъ, вы мой повелитель, я сдѣлаю все, что вы пожелаете. Но если хотите моего счастья, не отрывайте меня отъ долга... по крайней мѣрѣ, въ настоящую минуту.

Онъ сдѣлалъ движеніе протеста, но Лея взяла его за руку.

— Да, да, Георгъ, я обязана остаться вѣрной моимъ несчастнымъ сестрамъ, не встрѣтившимъ на пути Ромену Пирницъ, Фредерику или Тинку... Позвольте мнѣ, Георгъ, остаться тѣмъ, чѣмъ я была до сихъ поръ. Но я буду сильнѣе и полезнѣе, такъ какъ отнынѣ вы—моя поддержка!

Онъ пробормоталъ, сдаваясь:

— Вы—олицетворенная истина и справедливость!

— Но вы кажетесь сегодня какой-то вдохновенной, Лея,—прибавилъ онъ,—вчера вы были другой... лицо, слова, все въ васъ измѣнилось. Почему это?

— Не знаю. Я сама чувствую себя другой. Не потому ли это, что я сознала свою любовь къ вамъ, Георгъ?

— Вѣроятно. Великій свѣтъ озарилъ насъ, Лея!

Они встали.

— Пора!—сказала дѣвушка. Оба двинулись по обратной дорогѣ, близко прижавшись другъ къ другу.

— Я люблю тебя, Лея!

— И я люблю тебя, Георгъ.

— Смотри: вонъ начинается дѣйствительность... публика... Какъ жаль, что мы теперь не одни.

— Не надо такъ говорить, Георгъ. Счастье не должно быть эгоистичнымъ: мы обязаны любить ближнихъ, меньшихъ и угнетенныхъ братьевъ. Пойдемъ скорѣе домой — увѣдомить Тинку и Фредерику о томъ, что съ нами произошло сегодня.

Они пошли спиральной дорогой вокругъ пруда и вдругъ остановились пораженные, восхищенные: передъ ними, вдали, освѣщенный яркимъ солнцемъ, развертывался весь Лондонъ какъ на ладони. На необозримомъ пространствѣ раскинулъ городъ свои темные дома, невѣроятное количество колоколенъ, надъ которыми господствовалъ куполь св. Павла, и отчетливо выдѣлялись вестминстерскія башни; далѣе виднѣлись зеленые бугорки Серрея, и блестящая крыша Хрустального дворца. На-

право виднѣлись: Виндзорскій замокъ и холмъ Harrow-on-the-Hill, съ высокой башней; налѣво—Гайгетскій косогоръ и все извилистое теченіе Темзы до самаго устья.

Необъятное пространство, разстилавшееся передъ ихъ глазами, внушило влюбленнымъ неопредѣленное стремленіе ухватить куда нибудь, пуститься въ дальній путь — стремленіе, свойственное всякому живому человѣку, даже въ краткія минуты его счастья. Георгъ указалъ рукой по направленію къ Крэвсэндю.

— Вотъ откуда ты пришла ко мнѣ! Въ одно прекрасное утро возьми меня за руку и уведи туда, къ свѣту.

Оба они жадно вглядывались въ даль, бессознательно желая улетѣть въ сторону грезъ, подальше отъ этого холоднаго острова и мрачнаго моря, куда нибудь за предѣлы зрѣнія... можетъ быть, даже за предѣлы человѣческой жизни. Между тѣмъ, блескъ, озарившій столицу, быстро меркнулъ; на землю одинъ за другимъ начали спускаться волны темнаго тумана, какъ на сценѣ полосы сѣрой кисеи, которая должна изображать наступленіе сумерекъ.

— Боже, темнѣетъ, а еще только три часа!—воскликнула Лея.

— Надо спѣшить домой.

Вечеръ надвигался; земля издавала специфическій запахъ сыраго дыма, присущій лондонскимъ паркамъ; вмѣстѣ съ солнечными лучами исчезло очарованіе окружающаго пейзажа, превратившагося теперь въ пустошь, въ луговину съ прогалинами и скудно одѣтыми кустиками; кое-гдѣ валялись отдыхающіе люди среди клочковъ газетъ и сальныхъ бумажекъ, въ которыхъ принесена была провизія. Какой-то пьяница, прислонившись лбомъ къ стволу дерева, предавался меланхолии отъ испорченнаго пищеваренія... Влюбленная парочка ускорила шагъ. У подножія Parliament Hill'я начались уже лондонскія предмѣстья; ряды улицъ спускались къ югу; потянулись однообразные кирпичные дома съ крошечными садиками, въ которыхъ сушилось бѣлье. На одномъ углу Лея нервно сжала руку своего спутника: имъ преграждала дорогу какая-то парочка. Это были тѣ самые женихъ и невѣста, которыхъ они уже разъ нагнали по дорогѣ; теперь они стояли еще откровеннѣе, обнявшись и цѣлуясь прямо въ губы съ такимъ неистовымъ азар-

томъ, что даже не замѣтили приближенія Леи и Георга. Последнiе, послѣ минутнаго колебанія, быстро прошли мимо; что-то похожее на нравственную тошноту поднялось въ душѣ Леи...

— Лея, чтѣ съ вами, сестра моя?—съ участiемъ спросилъ Георгъ, видя ужасъ, написанный на лицѣ дѣвушки.

— Ахъ, какъ они отвратительны, Георгъ! — прошептала она:—это хуже, чѣмъ смерть... Это и есть смерть?.. Агонiя?..

Немного дальше попался имъ случайно одинокой кэбъ: Георгъ кликнулъ его и они сѣли. Лея прислонилась головой къ плечу друга и мало-по-малу успокоилась. Такъ какъ былъ послѣднiй день праздника, то трактиры и лавки понемногу открывались.

Въ четыре часа того же дня, Фредерика, вернувшись къ себѣ, не застала Леи и, не найдя на вѣшалкѣ пальто Георга, догадалась, что они отправились, по обыкновенiю, гулять. Она рѣшила, не откладывая, написать письмо къ Роменѣ Пирницъ—чтобы отвлечь свои помыслы отъ Георга и Леи: «несомнѣнно, что они ничего дурнаго не дѣлаютъ и не думаютъ. Они оба чисты сердцемъ, какъ дѣти. Значитъ, недовольство мое происходитъ отъ ревности... да, да, нечего таить — отъ ревности. Я ревную сестру, ревную Георга,—словомъ со мной происходитъ то же, чтѣ было въ началѣ съ Роменой относительно Леи. О, чувство это нехорошее и я уничтожу его!»..

Только что она сѣла за письмо, какъ внизу послышалось хлопанье дверей, шаги по лѣстницѣ, голоса Тинки, Георга, Леи—въ первомъ этажѣ. Потомъ все стихло.

«Они въ мастерской! — подумала Фредерика, охваченная мрачной безучастностью:—я больше не существую для Леи... Она уходитъ, приходитъ, не заботясь обо мнѣ. Ея избранная семья—не я»...

Ей стало тяжело, но заплакать она себѣ не позволила. «И зачѣмъ только прiѣхали мы въ этотъ ужасный Лондонъ? Мнѣ такъ здѣсь гадко, а пользы я приношу такъ мало!» Она добросовѣстно старалась подвести итоги принесенной ею пользы.

«Мало, мало, черезчуръ мало!—терзалась она мысленно:—влiянiе мое на ученицъ незначительно; научила я ихъ составлять нѣсколько фразъ по латыни да по французски... Можетъ

быть, разсыяла нѣкоторыя предубѣжденія относительно моей расы... Но что изъ того? Скорѣе онѣ измѣнили меня. Сила ихъ практичнаго ума подавляетъ меня, подчиняетъ .. отнимаетъ часть идеальной вѣры въ будущее. Не приду ли и я къ заключенію, какъ madame Занцъ, что для выясненія женскаго вопроса необходимо заводить курсы и лабораторіи?.. О, гдѣ ты, здравый и вмѣстѣ съ тѣмъ мечтательный умъ Ромены?.. Мысленно вызывая духъ проповѣдницы, Фредерика пылко принялась за письмо и, быстро кончивъ его, рѣшила сама опустить въ ящикъ, чтобы оно пошло въ ту же ночь; кстати она чувствовала потребность развлечься, пройтись.

Надѣвъ шляпу, накидку и мѣховое боа, она взглянула на себя въ зеркало. «Однако, я вѣдь очень красива!»—подумала она и немедленно же смутилась и сконфузилась. Всякая мысль о ея тѣлесной оболочкѣ и привлекательности стыдила и раздражала ее. На какой же невыраженный протестъ, на какое внутреннее возмущеніе отвѣтила она теперь, сознавая себя красивой? Она разсердилась на себя и громко сказала:

— Я теряю всякій здравый смыслъ. Пойти подышать воздухомъ!—Отворивъ дверь, она подумала:

«Долгъ мой состоитъ въ томъ, чтобы не распускаться, а, сознавая себя одинокой, все таки жить и трудиться!»

— Фредерика! — послышался голосъ Тинки съ верхняго этажа.

— Тинка, это вы? Что вамъ?

— Гдѣ вы, Фредерика? Мы не знали, что вы дома. Идите къ намъ скорѣе!..

Фредерика пошла на верхъ, немного встревоженная. Тинка бросилась ей на шею, встрѣтивъ ее на лѣстницѣ.

— Ахъ, милая, какое счастье! Георгъ и Лея помолвлены... идите скорѣе!..

Потрясеніе Фредерики было такъ сильно, что она сразу не могла даже понять. Помолвлены?.. Лея съ Георгомъ?.. Невозможно! Тинка притащила ее въ мастерскую, Лея бросилась цѣловать ее, смачивая ея лицо слезами.

— Но что же, наконецъ, случилось?..—спросила старшая сестра.

— Георгъ!..—прошептала Лея:—расскажите ей!..

— Сегодня,—началь радостно женихъ:—мы поклялись съ

Леей принадлежать другъ другу. Связали себя на всю жизнь. Подобно Сержу и Гильдѣ, — исторію которыхъ описываетъ Тинка, — мы мистически помолвлены... Фредерика, раздѣлите нашу радость! Тинка, ты также всегда будешь съ нами... Наше братство останется по прежнему нераздѣльнымъ.

Фредерика слушала... Ей показалось, что она въ первый разъ видитъ Георга, въ первый разъ слышитъ его голосъ. Какъ онъ мужественъ, какое у него красивое, выразительное лицо, какой музыкальный голосъ! «А развѣ я не красива»? Въ первый разъ эти два сопоставленія съ рѣзкой отчетливостью возникли въ ея мозгу... Но и тутъ, какъ при всѣхъ жизненныхъ затрудненіяхъ, Фредерика мгновенно взяла себя въ руки.

— Хорошо,—сказала она:—вы поступили согласно внушеніямъ совѣсти. Я не стану отрицать, что извѣстіе это взволновало меня. Подумайте, Георгъ, вѣдь Лея все равно, что моя дочь! Она родилась на моихъ глазахъ, я ее воспитала. Я не совѣмъ понимаю значеніе вашего союза; для «мистическаго брака» нѣтъ ни законовъ, ни правилъ, не такъ ли?.. Но, какъ бы то ни было, вы отнимаете у меня сердце Леи... надѣюсь, что это будетъ для истины и добра, Георгъ.

— О, клянусь вамъ!—сказалъ пылко Георгъ и взялъ Фредерику за руку; другою рукой завладѣла Лея.

— Дорогая, сердце мое по прежнему будетъ принадлежать тебѣ. Мы вдвоемъ будемъ обожать тебя! Порадуйся съ нами, прошу тебя. Я такъ счастлива.

Невыразимая боль сжала сердце Фредерики, но она рѣшила, что никто не долженъ видѣть этого... Изъ боязни выдать себя, она молчала.

— Зачѣмъ всѣ вы такъ драматичны и торжественны?—вскричала Тинка:—сегодня радостный, праздничный день! Не должно быть здѣсь мѣста печали. Мы весело поужинаемъ, выпьемъ шампанскаго. Я напьюсь, какъ въ день моей помолвки съ профессоромъ Эбнеромъ.

Но веселыя слова отзывались похороннымъ звономъ въ сердцѣ Фредерики.

«Итакъ, это правда... они помолвлены: Что же это значить? Чѣмъ кончается мистическая помолвка, за которой не слѣдуетъ бракъ»?..

Она собрала послѣднія силы и спокойно сказала:

— Вотъ и прекрасно: вечеромъ отпразднуемъ помолвку. Только позвольте мнѣ сходить на вокзалъ, куда я было собралась, чтобы опустить въ ящикъ письмо Роменѣ Пирницъ.

Она поспѣшно вышла, а Тинка, Георгъ и Лея, возбужденные и радостные, не нашли ничего страннаго въ ея поведеніи и принялись оживленно болтать и составлять проекты будущаго. Фредерика сошла съ лѣстницы и почти безъ участія сознательной воли направилась черезъ Pall-Mall и Trafalgar-Square къ Чарингъ-Кроссу. Опустивъ письмо въ огромный ящикъ около вокзала, она вдругъ задумалась, по какому направленію идти, и пошла наугадъ, какъ лунатикъ. Какой-то кэбъ чуть не сбиль ее съ ногъ и она инстинктивно удалялась отъ своего дома и чувствовала облегченіе. Было шесть часовъ; Фредерика все шла, шла, минуя циркъ, Regent-Street, дворцы Портлендской площади, Park-Crescent, обогнувъ Marylebone-Road, и очутилась, наконецъ, въ широкой аллеѣ Regent's парка. Здѣсь было тихо; наступалъ вечеръ; кое-гдѣ играли еще дѣти; на скамейкахъ сидѣли парочки и безперемонно цѣловались. Задумчивый полицменъ, устремивъ взоръ въ землю, стоялъ на своемъ посту и терпѣливо ждалъ смѣны, равнодушный ко всему окружающему. Навстрѣчу подвигался какой-то господинъ, въ родѣ наряднаго прикащика; Фредерика обратилась къ нему съ вопросомъ:

— Какъ пройти прямѣе въ улицу Apple-Free-Yard?.. Можете указать мнѣ? Можете?..

Она говорила разсѣянно, словно во снѣ; прикащикъ подозрительно оглядѣлъ ее и нагло улыбнулся.

— Apple-Tree-Yard... — повторила Фредерика: — указать можете?

Иностраннѣйшій акцентъ не ускользнулъ отъ англичанина; онъ оскалилъ бѣлые зубы:

— Вы французенка, mademoiselle? Я жилъ въ Парижѣ въ прошломъ году... Французенки — прелесть! Folies-Bergères... Moulin-Rouge... восторгъ!..

Онъ фамильярно схватилъ дѣвушку за руку, подмигивая ей; но Фредерика съ такой силой оттолкнула его, что онъ едва устоялъ на ногахъ, а шляпа скатилась съ его головы. Съ проклятіемъ и крѣпкими ругательствами сквозь зубы, онъ поднималъ свой цилиндръ, однако, поспѣшилъ удалиться, опасаясь,

вѣроятно, близости полисмена. Фредерика пошла дальше; слезы навернулись на ея глаза. Въ такую минуту наглое приставанье мужчины было каплей, переполнившей чашу горечи.

«Какое страданіе!..—вслухъ произнесла она.—Кругомъ безлюдье и тишина. Ахъ, еслибъ можно никогда не возвращаться домой, не видѣть болѣе тѣхъ людей, никого, никого! Но нѣтъ, сейчасъ придется лгать, дѣлать веселое лицо... Не могу, не могу! Лучше уѣду изъ Лондона. Вернусь къ Роменѣ»...

И вдругъ, при этой мысли, она остановилась. «Что же я скажу ей? Что лгала... и ей лгала, и сама себя обманывала... до послѣдней минуты лгала, обманывала и себя, и всѣхъ?.. Заботы о Леѣ?.. Боязнь за Лею... Какая подтасовка, какое лукавство! И писала я, и себя старалась увѣрить... Ложь, ложь, ложь! Все письмо, которое я только что опустила, наполнено сплошной ложью... Онъ измѣнилъ мнѣ ради сестры... Сначала заходилъ за мной во Free-College... А потомъ полюбилъ Лею. Не знаю почему. Видѣлъ же онъ, что его дружба приноситъ мнѣ счастье. Ахъ, еслибъ сейчасъ, въ эту минуту, онъ былъ со мной»!..

Это желаніе возмутило ее, какъ нѣчто преступное, позорное. «Такъ вотъ до чего я дошла»?!—Она даже топнула ногой и вытерла слезы платкомъ. Гдѣ ея энергія, гдѣ сила воли? Какъ могла она допустить въ себѣ мысли, чувства и желанія, которыя всегда возмущали ее въ другихъ?.. Образъ Георга смущалъ ее. Какъ сладко было бы, все таки, прижаться головой къ его груди, всю жизнь пройти съ нимъ рука объ руку, поддерживая другъ друга... Не зная какъ, Фредерика очутилась на скамейкѣ, около Зоологическаго сада; она сидѣла и безъ сопротивленія отдавалась своимъ грустнымъ мечтамъ и сожалѣніямъ. Да, нечего таиться передъ своей совѣстью: она ревнуетъ. Не сестру жалѣетъ, не за нее боится, а просто ревнуетъ мужчину, Георга, какъ самая обыкновенная смертная, которой измѣнилъ ухаживатель. Какое бы счастье провести жизнь около Георга, хотя бы на правахъ мистическѣй супруги, какъ Лея!.. Никакіе грѣховные помыслы сознательно не омрачали сожалѣній Фредерики.—«О, Ромена, Ромена! Приди ко мнѣ на помощь. Пожалѣй меня»!—въ тоскѣ прошептала она, какъ бы призывая ангела-хранителя, способнаго услышать ее, не смотря на разстояніе. И сила ея вѣры въ могущество про-

повѣдницы была такова, что на самомъ дѣлѣ чудо совершилось: голосъ призываемой утѣшительницы зазвучалъ въ сердцѣ бѣдной дѣвушки, готовой потерять и самообладаніе, и разумъ въ минуту неожиданнаго крушенія. Да, Ромена заговорила, и слова ея дѣйствовали на Фредерику, какъ цѣлительный бальзамъ. «Я тутъ, Фэди, возлѣ тебя, въ тебѣ, — раздалось въ душѣ Фредерики: — не унывай! Твоя участь не плохая. Необходимо было, чтобы сердце твое обожгло въ земной страсти, закалилось и сдѣлало тебя непреклонной и сильной дѣвственницей, истинной Евой будущаго. Лея будетъ счастливѣе?.. Возможно! Но она удалится отъ гармоніи и правды. Все, что она отдастъ земной любви къ мужчинѣ, похищено будетъ изъ энергіи и пылкости, которыя необходимы для нашего новаго дѣла. Будь тверда, Фредерика, и чиста, какъ алмазь. Почерпни силу въ испытаніи. Да, тебѣ не суждено любить и быть любимой: ты останешься одинокой... но въ обществѣ твоихъ бѣдныхъ сестеръ, гонимыхъ, падающихъ, возлагающихъ на тебя надежды. Ты, избранница судьбы, воспрянь духомъ!.. Вставай и принимайся за дѣло. Улыбайся чужому счастью, — не для тебя оно предназначено. Ты будешь проповѣдницей, апостоломъ, піонеркой. Я развѣ любила? Меня любили? А ты будешь выше меня — проживешь безъ земныхъ радостей, хоть и одарена красивой оболочкой. Наши доли одинаковы, но я калѣка»...

Наступила ночь. Фредерика встала со скамейки, на которой сидѣла. Пренная сила воли вернулась къ ней. «Прочь малодушіе! Я исполню свой долгъ!» Она вышла изъ парка Outer-Cercle и вернулась въ Мерильбонъ. Прежде чѣмъ сѣсть въ омнибусъ, она зашла въ цвѣточный магазинъ и купила камелій, бѣлыхъ розъ и гвоздикъ для букета помолвленнаго.

V.

Лея и Георгъ, не подозрѣвая затаенныхъ страданій Фредерики, упивались блаженствомъ взаимной любви. Въ сущности ничто не измѣнилось. Лея по прежнему жила съ Фредерикой, Георгъ — съ сестрой Тинкой; не смотря на его просьбы, Лея продолжала ходить на фабрику Кларисса. Ей было бы совѣстно передъ сестрой сложить руки и отказаться отъ дѣла. Только теперь женихъ всякій день заходилъ за своей мисти-

ческой невѣстой и всѣ воскресенья и праздники они проводили вдвоемъ, часто обѣдая за городомъ; радостно и довѣрчиво шли они къ будущему, которое сблизить ихъ еще тѣснѣе, какъ Гильду и Сержа. Но каково будетъ это сближеніе? никто изъ нихъ не зналъ. «Для мистическихъ браковъ нѣтъ закона», — сказала Фредерика. Мечты ихъ формулировались приблизительно такъ: «Мы будемъ жить другъ для друга и никогда не разлучаться!» Придется ли разстаться съ Тинкой и Фредерикой? Ни Георгу, ни Леѣ не хотѣлось бы этого. Но они предоставляли судьбѣ устроить все къ лучшему: соединить коммуну съ изолированнымъ положеніемъ мужа и жены; альтруизмъ—съ любовью двухъ существъ... Оставалось жить изо дня въ день, поджидая окончанія подслушнической миссіи французенокъ въ Лондонѣ. Тогда видно будетъ. Всѣмъ казалось несомнѣннымъ, что Георгъ и Тинка послѣдуютъ за сестрами во Францію.

Весна незамѣтно переходила въ лѣто.

Въ началѣ іюня было нѣсколько жаркихъ дней, предвѣстниковъ знойнаго лондонскаго сезона. Затѣмъ восточный вѣтеръ нагналъ снова прохладу и закипѣла радостная жизнь на улицахъ, въ паркахъ, въ предмѣстьяхъ. Какія прелестныя прогулки совершали они вечеромъ вдвоемъ, подъ руку, отдыхая отъ дневной работы! Какимъ счастьемъ наслаждались! Георгъ два раза сопровождалъ Лею въ клубъ методистовъ, гдѣ обсуждался тогда животрепещущій вопросъ о стачкахъ работницъ, требовавшихъ прибавки поденной платы. Но религіозныя воззрѣнія и проповѣди методистовъ не пришлись имъ по вкусу: слишкомъ ограниченными и низменными показались ихъ стремленія и вѣрованія. Одно было несомнѣнно хорошо—это личная свобода каждаго члена и абсолютная равноправность половъ. Благодаря стачкѣ работницъ на фабрикѣ Кларисса, Лея пользовалась четырьмя днями неожиданнаго отдыха. Георгъ кончалъ первую картину сѣверной легенды, съ восторгомъ увѣковѣчивая на полотнѣ дорогія черты своей невѣсты, а въ свободные часы училъ Лею техническимъ приемамъ рисованія съ натуры. Иногда они садились въ мастерской на турецкій диванъ и подолгу, молча, смотрѣли другъ на друга, словно отыскивая душу за глубиной взгляда. Пожатія руки, братскій поцѣлуй—вотъ все, что происходило между ними въ минуты

невольнаго влеченія другъ къ другу; большаго они, казалось, и не желали, вполне довольствуясь такими отношеніями. «Мистическій бракъ» идеальной фантазіи, повидимому, нашель въ нихъ прекрасныхъ и убѣжденныхъ представителей. Тинку они видѣли только за обѣдомъ; она была поглощена своимъ романомъ, приходившимъ къ концу и наполнявшимъ все ея время.

Фабричная стачка кончилась незначительными уступками въ пользу работницъ. Въ послѣдній вечеръ передъ тѣмъ, какъ разойтись по своимъ комнатамъ, Лея, въ присутствіи сестеръ, бросилась на шею жениху и со слезами проговорила:

— Кончены праздники! Хорошо ли провель ты ихъ, дорогой Георгъ?

— Да, Лея. Ты по истинѣ была моей любимой, несравненной женой.

Въ эту минуту разсѣянная Тинка случайно посмотрѣла на Фредеріку и была поражена страдальческимъ выраженіемъ ея лица. Вопросъ: «что съ вами»? чуть было не сорвался съ языка писательницы, но она въ-время удержалась. Только при прощаніи она особенно нѣжно и участливо обняла и поцѣловала ее.

Въ первыхъ числахъ іюня, въ одно свѣтлое, ясное утро, Георгъ и Лея сѣли въ вагонъ на станціи Викторія. Въ Соутъ-Кройдонѣ они вышли и, миновавъ дачи и городъ, отправились въ Серрейскій лѣсъ. Жизнерадостное настроеніе влюбленныхъ выражалось у нихъ потребностью движенія, общности, разговорчивостью; слова: «жена!» «мужъ мой!»—пріятно ласкали ихъ слухъ и постоянно повторялись въ обращеніи другъ къ другу.

— Посмотри, милый мужъ, сколько крылатыхъ насѣкомыхъ подь этимъ деревомъ! Они висятъ въ воздухѣ, точно густая сѣтка!

— Это мустики; они вообразили, что уже настало лѣто. Но будутъ еще холодные дни и убьютъ ихъ.

— Бѣдняжки!

— Не подходи, дорогая жена, къ нимъ... Они очень злы, и ужалятъ тебя.

Безпечные и радостные, какъ дѣти, Георгъ и Лея ходили безъ усталы по лѣсамъ, полямъ и лугамъ; заблудились, но

не пожелали спросить дорогу у встрѣчныхъ, и, наконецъ, ужь при закатѣ солнца, добрали до какой-то деревни на перекресткѣ двухъ дорогъ. Ряды сельскихъ домиковъ безмятежно тянулись по обѣ стороны улицы; кое-гдѣ виднѣлись скромныя лавочки. Лея созналась, что желала бы отдохнуть; Георгъ объявилъ, что онъ не прочь закусить. Нашли гостинницу подъ вывѣской: «Rutland Arms», и попросили подать имъ чаю съ печеньемъ. Служанка, въ черномъ платьѣ и въ бѣлыхъ воротничкѣхъ и манжетахъ, ввела ихъ въ чистенькую залу, выходившую окнами на большую дорогу. Стѣны комнаты исписаны были евангельскими изреченіями и украшены портретами Георга III и герцога Девонширскаго. Висѣлъ дипломъ одного изъ Робертсовъ,—такъ звали хозяина гостинницы,—окончившаго курсъ въ кембриджскомъ университетѣ въ 1843 году. Служанка постлала скатерть на столъ и поставила одно за другимъ, не торопясь, масло, варенье, пудингъ, пирожки съ имбиремъ, съ мятой, съ ревенемъ; затѣмъ явились чай, кипятокъ и полоскательница; послышался вопросъ: «не требуется ли еще чего господамъ?»

— Нѣтъ,—отвѣтилъ Георгъ:—все въ исправности.

Сначала Лея почувствовала себя въ благодушномъ настроеніи отъ уютнаго убѣжища, скромной закуски и близости Георга; но затѣмъ ей почему-то взгрустнулось, словно смутно почуялось, что бѣльшаго счастья ей не дано испытать.

— Георгъ...—тихо сказала она:—будетъ ли у насъ свой очагъ, гдѣ бы мы были одни?

Онъ улыбнулся.

— А Фредерика?

Лея ничего не отвѣтила. Почему именно въ эту минуту постигла она, что какое-то противорѣчіе мѣшаетъ ей жить? Откуда явилось внезапное убѣжденіе, что ей предстоятъ страданія и несчастья, если она окончательно не выберетъ между двумя противоположными полюсами: Георгомъ и Фредерикой?

Лея прижалась головой къ плечу жениха.

— О, Георгъ, возьми меня! только берегись: намъ предстоитъ горе.

— Какое горе, дорогая моя? Чтò же угрожаетъ намъ?

— Не знаю, но боюсь. Чтò съ нами будетъ? Я хочу всегда быть съ тобой!

Георгъ не понялъ. Онъ чувствовалъ себя спокойнымъ и, лаская невѣсту, объяснилъ ей это. Ему казалось такъ просто и естественно провести жизнь между тремя милыми женщинами: сестрой, Фредерикой и несравненной Леей. Для другихъ порывовъ и стремленій онъ еще не проснулся и не постигалъ ихъ. Онъ гладилъ волосы и щеки Леи, убаюкивая ея нервы нѣжными словами и прикосновеніемъ. И она мало-помалу успокоивалась, забывая свои тревожныя предчувствія и необъяснимыя желанія. Позавтракавъ, они стали подумывать о возвращеніи домой. На каминѣ лежало расписаніе поѣздовъ: въ семь часовъ надо было сѣсть въ вагонъ, идущій въ Лондонъ. Вдругъ Лея слегка вскрикнула.

— Что съ тобой, дорогая жена?—Георгъ бросился къ ней въ испугъ.

— Не знаю... что-то укололо ногу... точно иголкой... вотъ тутъ...

Она указала на мѣсто подъ правой колѣнкой.

— Дай я посмотрю!

Онъ нагнулся, ожидая, что она приподниметъ юбки и обнажитъ больное мѣсто. Но она вся вспыхнула и снова ощутила женскій стыдъ, а вмѣстѣ досаду на себя за эту неумѣстную щепетильность. Не братъ ли ей Георгъ, и не глупо ли стыдиться такихъ пустяковъ?

— Не хочешь? Какъ скоро привилась къ тебѣ англійская чопорность! Въ такомъ случаѣ я пришлю къ тебѣ служанку.

— Нѣтъ,—рѣшительно объявила Лея:—взгляни самъ!

Она спустила чулокъ и показала Георгу розовое пятно, какъ отъ укола; очевидно, какое нибудь насѣкомое ужалило ее.

— Это ничего, скоро пройдетъ!—сказалъ Георгъ,—можно попросить у хозяевъ камфарнаго или нашатырнаго спирта.

— Не надо, не стѣять. Теперь ужъ лучше. Я вскрикнула отъ неожиданности и испуга.

Георгъ стоялъ передъ ней на колѣняхъ; чулокъ былъ поправленъ, одинъ пыльный кончикъ ботинки виднѣлся изъ-подъ юбки. Сумерки проникали уже въ комнату.

— Какъ ты прекрасна, Лея!—прошепталъ Георгъ:—въ тебѣ воплотилась дивная мечта художника.

Она молчала. Ее охватило не лишенное прелести волне-

ніе; она поняла, что Георгъ думалъ о легендарной Аинѣ, сидящей на скалѣ у моря...

Молчаливо вернулись они въ Лондонъ и поспѣли домой къ ужину. За столомъ Тинка, всласть поработавшая, была весела и разговорчива; Фредерика рассказала о своихъ ученицахъ; женихъ и невѣста сообщили о своей прогулкѣ; но, словно сговорившись, умолчали объ ужаленной ногѣ и о желаніи Леи жить вдвоемъ съ Георгомъ.

VI.

Эта прогулка въ Серрей навсегда запечатлѣлась въ памяти влюбленныхъ. Съ этого дня они еще сильнѣе наслаждались взаимной любовью, но прежней братской непринужденности уже не было:—точно они переступили за какую-то неуволнимую и завѣтную черту. Слово стало меньше, а общихъ мыслей больше; они перестали прижиматься другъ къ другу, какъ товарищи, школьничая и бѣгая; въ особенности Лея сдѣлалась сосредоточеннѣе и нервнѣе; часто задумывалась, мечтала, бывала порывисто-вѣжна съ сестрой, иногда по ночамъ не спала, возбужденная, трепетная, сама не зная: почему.

Работала она еще съ бѣлымъ рвеніемъ, пылая желаніемъ быть «полезной дѣлу», писала Роменѣ Пирницъ экзальтированныя письма, твердо уповая привлечь и посвятить Георга на служеніе безкорыстнымъ идеямъ и планамъ Фредерики.

«Неужели,—думала въ это время старшая сестра,—Лея переживаетъ тотъ же фазисъ энергіи, подъема духа, стремленія къ добру, который возбудила во мнѣ Ромена Пирницъ? И возможно ли, чтобы мужчина могъ имѣть такое благотворное вліяніе на нее»? До сей поры Фредерика твердо была убѣждена, что мужчина непремѣнно долженъ имѣть на дѣвушку развращающее, унижительное вліяніе. «Но, конечно, Георгъ также похожъ на другихъ мужчинъ, какъ Ромена на остальныхъ женщинъ!» Она съ невольнымъ восхищеніемъ смотрѣла на молодаго художника, красиваго и спокойнаго, точно сѣверный мудрецъ, явившійся проповѣдывать ученіе высшей нравственности увлекающимся аэвианамъ... Да, Лея переродилась. Душа ея познавала невѣдомыя ощущенія. Она

постигла величіе простыхъ отношеній, чуждыхъ всякой чувственности, преклонялась передъ безплотностью Гильды, Тинки, Георга; предвидѣла, что можетъ наступить время, когда нравственный уровень ея самой будетъ такъ высокъ, что она перестанетъ стыдиться своей земной оболочки и согласится спокойно служить моделью обнаженной Аины на верху утеса. Невинныя и чистыя дѣти не стыдятся же своей наготы!

Въ полномъ согласіи и душевномъ равновѣсіи провели нѣкоторое время члены нашего маленькаго кружка; но одно незначительное происшествіе нарушило общую гармонію.

Въ воскресенье, въ концѣ іюня, Георгъ и Лея собрались совершить давно проэктируемую прогулку въ Ричмондъ. Они отправились по обыкновенію одни, бодрые и радостные, какъ школьники, вырвашіеся изъ класса. Георгъ съ утра занялъ два мѣста въ шарабанѣ и, при остановкѣ общественнаго экипажа въ Чарингъ-Кроссѣ, молодые люди весело усѣлись рядомъ съ кучеромъ. Остальныя скамейки были уже полны туристами, англичанами и иностранцами; послѣднихъ можно было узнать по нетерпѣнію при медленной ѣздѣ и остановкахъ. Миновавъ Гайдъ-паркъ, Кенсингтонъ и Кью, шарабанъ вѣхалъ въ знаменитую аллею каштановъ Буши-парка; Георгъ и Лея сошли около Гэмптонъ-Корта, добросовѣстно осмотрѣли дворецъ, вернулись въ садъ; въ деревнѣ подкрѣпились чаемъ и, наконецъ, черезъ Вудландъ вошли въ Ричмондскій паркъ.

Долго гуляли они, болтая, какъ добрые друзья со спокойными нервами, наслаждаясь обществомъ другъ друга — и въ пять часовъ очутились на Ричмондскомъ мосту. Лея призналась, что устала.

— И даже опьянѣла! — шутливо прибавила она: — эта зелень, этотъ воздухъ ударили мнѣ въ голову. Кажется, я заснула бы съ удовольствіемъ. Пойдемъ въ гостиницу.

Въ концѣ городского общественнаго сада находилась гостиница. Георгъ потребовалъ особую комнату, гдѣ «лэди» могла бы отдохнуть до обѣда; имъ неохотно указали на маленькій номеръ, весьма неприглядный: диванъ, кровать, комодъ, кресло — вотъ вся обстановка; на каминѣ предусмотрительной рукой положена брошюрка: «День, проведенный въ праздной веселости», — изданія методистовъ.

— Оставлю тебя, дорогая, усни! — сказалъ Георгъ, — а я

пойду умоюсь, отдохну и закажу обѣдъ къ половинѣ седьмаго. Затѣмъ приду къ тебѣ, если ты сама до тѣхъ поръ не сойдешь въ столовую.

Черезъ полчаса, справивъ всѣ дѣла и не видя Леи, Георгъ поднялся въ ея комнату и постучалъ въ дверь. Отвѣта не было. Встревоженный, онъ отворилъ дверь и вошелъ: молодая дѣвушка спала на диванѣ. Она принялась было за душевспасительную брошюру методистовъ, но вскорѣ усталость и снотворное чтеніе усыпили ее. Она спала, слегка повернувъ голову въ одну сторону и свѣсивъ руку съ книгой на полъ. При входѣ Георга, она полуоткрыла глаза, беспомощно улыбнулась, шевельнула рукой и снова крѣпко заснула. Онъ же сѣлъ на единственное кресло возлѣ нея и тоже ощущалъ усталость и истому. Извѣстно, что ничто такъ не волнуетъ влюбленнаго, какъ сонъ любимой дѣвушки. Во снѣ она трогательна, беззащитна, безпечна. Сонъ—это граница человѣческой вмѣняемости, борьба мысли со смертію, побѣда безволія надъ разумомъ.

О, милое, милое дитя!» — думалъ Георгъ, глядя на Лею.

Ему захотѣлось защитить ее, прижать къ своему сердцу; и вдругъ показалось ему, что онъ самъ ужасно одинокъ, потерявъ въ обширномъ свѣтѣ, заблудился по невѣрной дорогѣ... И стало ему жутко и страшно. Онъ тихонько подвинулъ свое кресло совсѣмъ вплотную къ дивану, взялъ свѣсившуюся ручку Леи и близко нагнулся къ ея лицу. Мало-по-малу голова его опустилась на диванъ, рядомъ съ головкой невѣсты и онъ сладко уснулъ.

Когда онъ проснулся, Лея уже сидѣла на диванѣ и улыбалась. Онъ томно протянулъ къ ней руки и сказалъ:

— О, какъ я тебя люблю!.. Никогда такъ не любилъ, какъ сегодня. Какое счастье!..

— И я также счастлива.

Наполовину сонные, они прижались щекой къ щекѣ и крѣпко обнялись. Но, по мѣрѣ того какъ сознаніе ихъ прояснялось, они, не спѣша, разомкнули объятія, встали, оправили платья и избѣгали встрѣчаться взглядами. Снова Лея почувствовала женскую стыдливость, и Георгъ въ первый разъ понялъ ее. Повторилась вѣчная исторія сконфузившихся Адама и Евы.

— Пойдемъ въ столовую, — предложилъ Георгъ: — скоро половина седьмого.

— Конечно, пойдемъ.

Застѣнчивость ихъ разсѣялась въ столовой, гдѣ собрались туристы и мѣстные посѣтители, и они сѣли за отдѣльный столикъ, возлѣ балкона, съ видомъ на Ричмондскій паркъ.

Горячее, но ужъ не ослѣпительное солнце склонялось направо, мѣняя освѣщеніе въ столовой. За однимъ столомъ сидѣло общество французовъ и француженокъ, весело жестикулировавшихъ и болтавшихъ; они составляли рѣзкій контрастъ съ невозмутимо-корректными англичанами, обѣдавшими съ женами и дѣтьми за отдѣльными столиками. Въ металлическихъ ведеркахъ со льдомъ виднѣлись бутылки шампанскаго. За сосѣднимъ столомъ сидѣла британская чета: супругъ высокій, хорошо сложенный, съ безличнымъ изяществомъ лондонскаго денди; жена — безцвѣтная блондинка, скверно одѣтая въ дорогія тряпки. Съ ними обѣдала нѣмка-гувернантка и прелестная дѣвочка лѣтъ восьми. Малютка тотчасъ заинтересовалась Леей, начала вертѣться на стулѣ, стараясь рассмотреть ее и не обращая вниманія на совѣты воспитательницы и возмущенные возгласы родителей: «о-о-о, Мэри, какъ неприлично»!! Лея, между тѣмъ, пристально смотрѣла на пейзажъ изъ окна и ѣла мало; глаза ея лихорадочно блестя, щеки горѣли.

— Ты не голодна, моя дорогая?—спросилъ Георгъ.

— Нѣтъ. Но мнѣ здѣсь хорошо.

И вдругъ, омрачаясь безъ видимой причины, прибавила:

— Какъ быстро проходятъ воскресные дни! Георгъ, у меня больше не хватитъ храбрости столько дней проводить въ разлукѣ съ тобой.

Апетитъ Леи пробудился при видѣ десерта, мороженаго, фруктовъ. Выпила она нѣсколько глотковъ шампанскаго и развеселилась.

Тѣмъ временемъ Мэри, окончательно выходя изъ повиновенія наставницѣ и родителямъ, встала изъ-за стола и начала бродить вокругъ молодыхъ людей; наконецъ, она не вытерпѣла и подошла къ Леѣ.

— You don't speak english?—тревожно спросила она.

Утвердительный отвѣтъ Леи мгновенно закрѣпилъ между ними тѣсную дружбу. Мэри пожелала узнать, къ какой націо-

нальности принадлежит ей новая приятельница; сообщила ей, что и сама была въ Парижѣ, еще «маленькой», заявила, что Лея—прехорошенькая, и спросила, какого она мнѣнія о наружности самой Мэри; освѣдомилась, что ѣли за обѣдомъ Лея и ея кавалеръ. Она прибавила, что сама она мало ѣла, потому что не любитъ мяса, поцѣловала Лею и вернулась къ родителямъ, которые застыли въ безмолвіи, не желая усугублять своимъ вмѣшательствомъ «неприличнаго» поведенія дѣвочки.

Послѣ обѣда, Георгъ и Лея вышли на террасу. Сѣроватый туманъ заволакивалъ ландшафтъ, надвигались сумерки. Влюбленные облокотились о перила террасы; Лея захотѣлось, чтобы обожаемый другъ обнялъ ее и крѣпко, до боли, сжалъ въ своихъ объятіяхъ. Но онъ только молча пожалъ ей руку. Вдругъ ей стало страшно,

— Пойдемъ!—сказала она:—не надо оставаться въ темнотѣ...

Георгъ и самъ ощущалъ что-то новое, опасное. Они вышли въ переднюю и надѣли верхнія платья.

— Станція далеко отсюда?—спросила она.

— Мы вернемся не по желѣзной дорогѣ; ты устала: я велѣлъ каретѣ заѣхать за нами. Она, вѣроятно, у подѣзда.

— Какія глупости!—съ шутливымъ упрекомъ вскричала Лея.

Въ душѣ она была рада и благодарна ему за вниманіе.

Карета подѣхала: это было ландо, запряженное парой.

— Я приказалъ поднять верхъ,—объяснилъ привратникъ гостинницы, подсаживая путешественниковъ. — Ночь сырая... Но если господа желаютъ...

Георгъ перебилъ его:

— Нѣтъ, открывать не къ чему.

Когда экипажъ тронулся, Лея обвила руками шею Георга.

— Какъ ты добръ! Балуетъ меня.

Пока ѣхали освѣщенными улицами, молодые люди дружески разговаривали; но, очутившись на дорогѣ въ темнотѣ, они умолкли.

Лея прижалась лицомъ къ лицу Георга и страстно прошептала:

— Я тебя люблю... люблю... люблю!..

Необыкновенная восторженность охватила ее; женскій

вопросъ и «дѣло» отошли на дальній планъ, показались ничтожными, недостаточными для счастья. Покровительство Фредерики и Ромены Пирницъ больше не удовлетворяло Лею.

— Георгъ, Георгъ! Возьми меня, унеси... Не отдавай никому!..

Онъ несовсѣмъ ясно понялъ ея слова, но почувствовалъ волненіе и пытливо вглядывался въ лицо любимой дѣвушки, когда изрѣдка фонари бросали свѣтъ въ окно кареты. Куда она зоветъ его? Чтò означаетъ этотъ порывъ, граничащій съ страданіемъ?

— Ахъ,—прошептала она:—еслибъ опять заснуть рядомъ, какъ мы спали на диванѣ!

— Нѣтъ, я хочу бодрствовать и знать, что ты около меня, что ты уносишь меня.

Она еще ближе прижала его къ себѣ, и губки ея безсознательно останавливались на лбу, на глазахъ и на щекахъ Георга, пока не остановились на его губахъ и замерли надолго. А онъ не смѣлъ дышать, боясь разрушить очарованіе этой ласки. Яркій свѣтъ площади, по которой проѣзжалъ экипажъ, вернулъ ихъ къ дѣйствительности. Лея освободилась изъ объятій возлюбленнаго и въ испугѣ отодвинулась въ самый уголъ кареты.

— Гдѣ мы?

Нервное возбужденіе ея прошло, дремавшая совѣсть проснулась. Чувственный порывъ, которому она на мгновение подчинилась, показался ей ужаснымъ паденіемъ, непоправимой бѣдой. Никогда не будетъ она прежней Леей послѣ этого позорнаго поцѣлуя...

— О! — горестно воскликнула она: — какую недостойную вещь мы совершили!..

Георгъ взялъ ее за руку.

— Лея, дорогая жена моя! Успокойся. Что съ тобой?

Но она мрачно проговорила:

— Конечно, все кончено. Мы разбили свое счастье. Георгъ, помнишь ту гадкую пару, которую мы обогнали въ Гэмпстедъ-Гессѣ?.. Мы уподобились имъ... пали также низко... О, конецъ, конецъ, всему! — Волненіе дѣвушки сообщалось и Георгу. Однако, онъ попытался отстоять свое счастье.

— Лея, забудемъ прошлыя идеи!.. Пусть намъ грозить

даже страданіе... Поцѣлуй твой оживилъ меня... Истинное счастье—въ любви.

— Никогда, никогда! Все кончено, — твердила она, какъ безумная, въ страхѣ отодвигаясь отъ него: — прошу васъ, Георгъ, пустите меня, я сойду здѣсь...

Онъ хотѣлъ что-то сказать; но она страдальческимъ тономъ повторила:

— Прошу васъ... Выпустите меня!

Она стукнула въ окно кучеру; карета остановилась.

Они были на углу Дюкъ-стрита.

— Ты хочешь выйти здѣсь?—спросилъ Георгъ.

— Да, да... Прошу васъ... Я огорчаю васъ... но если не уйду, то наговорю вещей, которыя огорчатъ васъ еще больше.

Въ ея просьбѣ слышалось такое горе и вмѣстѣ настойчивость, что Георгъ подчинился. Она выпрыгнула на тротуаръ.

— Куда?—освѣдомился онъ.

— Домой... а вы вернетесь, немного погодя... не правда ли?

Лейя пустилась быстрымъ шагомъ домой, выбирая направленія по привычкѣ, поглощенная своими безотрадными мыслями.

«Прежнему душевному миру конецъ... Никогда не будемъ мы больше въ состояніи, въ блаженной чистотѣ, любить другъ друга. Мистическое, единственно достойное счастье разбито нами навѣки. Зачѣмъ, зачѣмъ поддались мы соблазну?»!

Не смотря на свою наивность и невинность, она поняла, что этотъ поцѣлуй преобразилъ ее, открылъ передъ ней какую-то новую, неизвѣданную жизнь.

«Фредерика»...—шептала она, словно призывая защиту. О, старшая сестра съумѣетъ спасти ее, искупить! Она застала Фредерику передъ письменнымъ столомъ, у лампы.

— Это вы, Тинка?

— Нѣтъ, это я...

Фредерика съ живостью обернулась.

— Ты? Это ты? Что съ тобою? Что съ тобою?..

Лейя дрожала, какъ въ лихорадкѣ; сухіе глаза ея сверкали, губы беззвучно шевелились.

— Ты больна, моя милая?

— Фредерика... — прошептала Лейя: — умоляю тебя, увези меня! Уѣдемъ отсюда... Уѣдемъ изъ Лондона какъ можно скорѣе... Увези меня!..

Старшая сестра въ тревогѣ вскочила, обняла ее, хотѣла разспросить и утѣшить. Но та разразилась бурными рыданіями и, судорожно прижимаясь къ ея груди, безсвязно лепетала:

— Уѣдемъ, Фэди, уѣдемъ... Ахъ, еслибъ ты знала!.. Спаси меня... увези отсюда!..

КОНЕЦЪ ВТОРОЙ ЧАСТИ.

(Окончаніе будетъ).

Передъ закатомъ.

(Изъ осенняго альбома).

~~~~~

Какъ эти ночи хороши,
Какъ эти дни теплы и ярки!
Какъ будто гнетъ упалъ съ души,
И бродишь вновь въ воскресшемъ паркѣ.

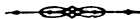
Жужжать и пчелы, и шмели,
А мошкеры—не оберешься...
Пока цвѣты не отцвѣли,
Еще въ поля всѣмъ сердцемъ рвешься.

На солнцѣ рой стрекозъ и мухъ
Снуетъ и грѣтся, какъ лѣтомъ,
И пѣсни птицъ ласкаютъ слухъ,
Сливаясь въ воздухъ согрѣтомъ.

Спасенья нѣтъ отъ комаровъ:
Они толкутся безъ оглядки...
А сколько рѣзвыхъ мотыльковъ
Среди цвѣтовъ играетъ въ прятки!

Промчались весело грачи,
Съворцовъ привѣтливая стая,—
И шлетъ послѣдніе лучи
Вослѣдъ имъ солнце, догорая.

В. Умановъ-Каплуновскій.

НЕУДАЧИ «ЕВРЕЙСКИХЪ КОМИТЕТОВЪ И КОМИСИЙ» ¹⁾.

III.

Приливъ евреевъ-подданныхъ въ русскія владѣнія и необходимость считаться съ ними.—Бѣглый взглядъ на положеніе евреевъ въ Рѣчи Посполитой.—Болеславъ Калишскій и Казимиръ Третій, какъ покровители евреевъ.—Очаровательная жидовка, забравшая въ руки польскаго короля.—Зародыши государственнаго разложенія въ Польшѣ.— Два медвѣдя въ одной берлогѣ: *талмудизмъ* и *исзуитизмъ*.—Ихъ духовное родство между собою.—Безгрѣшный раввинъ и непогрѣшимый папа.—Цѣль оправдываетъ средства.—Позднѣйшія ограниченія еврейскихъ правъ въ Польшѣ.— Борьба съ еврейскою эксплуатаціей и съ деморализующимъ вліяніемъ талмудизма.— Внѣшняя регламентація и сохраненіе внутренней обособленности.— Счастливый моментъ, пропущенный польскимъ правительствомъ для избавленія страны отъ жидовъ.— Кагалъ, какъ незаконное «государство въ государствѣ». — Его обширная юрисдикція, направленная на всѣ стороны еврейской жизни.— Религіозный покровъ, маскирующий житейскіе замыслы.— Деспотизмъ и звѣрская дисциплина, какъ орудія кагальнаго господства.— Неудачная попытка Сигизмунда I-го обуздать кагальную узурпацію правительственной власти.

Изъ нашего предъидущаго изложенія читатели видѣли уже, что еврейскій вопросъ не только въ древней Россіи, но и въ новой, вплоть до самаго конца царствованія Елизаветы Петровны,—державшейся традицій своего великаго отца,—разрѣшался вполне яснымъ и категорическимъ образомъ:—евреи признавались элементомъ, *враждебнымъ народу и государству*, и доступъ въ наши предѣлы, замаскированный какими бы то ни было видами, формально воспрещался имъ, подѣ страхомъ высылки и конфискаціи имущества. И Владиміръ Мономахъ, и

¹⁾ См. «Наблюдатель» текущаго года, №№ 5 и 6.

Андрей Боголюбскій, и Иоаннъ III, и Грозный царь, и Алексѣй Михайловичъ, и Петръ Великій,—заимствовавшій изъ Европы что считалъ онъ пригоднымъ для нашего возрождающагося все, государства,—одинаково отрицали пригодность еврейства для улучшенія нашей государственной и общественной жизни. Причины этого отрицанія, хотя и облакались, отчасти, въ древнее время религіозною оболочкою, но всегда имѣли въ глубинѣ своей признание коренной, непримиримой противоположности христіанскаго и талмудическаго міровоззрѣній не только въ сферѣ конфессіональныхъ различій, но и въ политическихъ идеалахъ, и въ нравственномъ быту, и въ экономическихъ отношеніяхъ. Даже Иванъ Грозный, подь «лихими дѣлами» евреевъ, разумѣлъ далеко не одно совращеніе христіанъ въ талмудизмъ, но и привозъ «отравныхъ зельевъ», и многое другое, о чемъ онъ даже не хотѣлъ и писать польскому королю,—желавшему сплавить къ намъ излишекъ еврейскаго населенія, — какъ о фактахъ общеизвѣстныхъ и въ самой Польшѣ. Этими фактами и были, конечно, недобросовѣстныя дѣйствія евреевъ по части экономической эксплуатаціи и нравственнаго развращенія всего христіанскаго люда, подлежащаго систематическому ограбленію и закабаленію во славу израиля. Петръ Великій,—котораго даже еврейскіе «либералы» едва ли упрекнутъ въ религіозной нетерпимости,—безъ сомнѣнія, имѣлъ въ виду только эти нравственные и соціальныя причины, когда заявлялъ: «я хочу видѣть у себя *лучше народы магометанской и языческой вѣры, нежели жидовъ*:—они плуты и обманщики. Я искореняю зло, а не располагаю его». Да и относительно религіозной нетерпимости со стороны христіанъ, на которую такъ любятъ ссылаться «гонимые» евреи, они, по точнымъ свѣдѣніямъ, оказываются далеко не правы. Ихъ мартирологи,—по мнѣнію В. Я. Фукса,—до-нельзя преувеличены, и если христіане стремились иногда къ обращенію евреевъ въ свою вѣру, то послѣдніе отвѣчали имъ, даже въ древней Россіи, разными «жидовствующими» сектами. И въ новой Россіи, въ царствованіе Анны Иоанновны, жидаы,—какъ мы видѣли,—не только строили синагоги, вопреки запрещенію закона, но и обрѣзали флотскихъ офицеровъ, и били на смерть православныхъ священниковъ, и «испущали руду» изъ христіанокъ съ ритуальною цѣлью. Словомъ, даже при существованіи на бумагѣ суровыхъ законовъ, пользуясь

небезкорыстно поблажкою властей предержавшихъ (въ родѣ смоленскаго вице-губернатора кн. Гагарина), евреи немедленно давали волю своему религиозному прозелитизму, причѣмъ совратители пользовались даже нѣкоторыми привилегіями сравнительно съ совращенными. Такъ напр., когда «совращенный» Возницынъ висѣлъ на дыбѣ и ему выворачивали суставы рукъ и ногу, — «совратителю» Боруху только *показывали дыбу* для устрашенія... Присоединеніе къ русскому государству Смоленской области и части Малороссіи, заселенныхъ евреями, нисколько не измѣнило враждебныхъ къ нимъ отношеній закона, и маловажныя бреши, которыя дѣлались въ немъ еврейскими прихлебателями, немедленно задѣлывались опять болѣе сильною рукою. Елизавета Петровна рѣшилась даже на гуртовую высылку евреевъ изъ всей Россіи, въ количествѣ нѣсколькихъ десятковъ тысячъ по самому скромному исчисленію, и эту мѣру только напомнило, въ слабой степени, частичное изгнаніе жидовъ изъ Москвы при императорѣ Александрѣ III-емъ, когда первопрестольной столицѣ пришлось уже нестерпѣжъ отъ еврейскихъ псевдо-ремесленниковъ, псевдо-купцовъ, псевдо-прикащиковъ и пр., и пр.

Политическія обстоятельства рѣзко измѣнились съ тѣхъ поръ, какъ начались раздѣлы Польши между сосѣдними государствами: Россією, Австріей и Пруссіей. Волею-неволею и русскому правительству приходилось сообразоваться съ новымъ положеніемъ дѣлъ: въ предѣлы государства входила, на правахъ новыхъ подданныхъ, цѣлая масса обособленнаго племени, со своей религіей, законами и нравами, — масса, отнюдь не желавшая ассимилироваться съ кореннымъ населеніемъ Литвы и Польши и даже относившаяся къ нему съ высоты своей національной «маніи величія». «Дѣти парей», — оскорбленіе которыхъ трактовалось, по талмуду, какъ «оскорбленіе величества», — никогда, даже и въ то время, когда они находились на нижнихъ ступеняхъ общественной лѣстницы, не хотѣли себя смѣшивать съ презрѣнными гоями, только носившими, по внѣшности, человѣческій образъ, данный имъ Создателемъ единственно для того, чтобы «царскимъ дѣтямъ» не очень противно было принимать отъ нихъ обязательныя услуги. Эти пришельцы, вѣками проживавшіе въ Польшѣ и высасывавшіе изъ доверчивой страны всѣ ея жизненные соки, нисколько не сродни-

лись съ нею нравственно и политически, всегда преслѣдовали лишь свои узкіе племенные интересы, завладѣвъ всѣми экономическими отраслями и денежными оборотами, и съ такимъ же точно обособленнымъ характеромъ перешли въ русское подданство. Со стороны погибавшей Польши, это былъ, по истинѣ, поцѣлуй Конрада Валленрода, съ которымъ онъ, подъ личиною раболѣпнаго смиренія, передалъ чьму непріятельскому вождю... Или, по русской пословицѣ:—«на те, небоже, что мнѣ не гоже». И, дѣйствительно, Россіи пришлось немало биться съ этими «поляками моисеева закона», то ослабляя, то вновь подтягивая бразды правленія. Пришлое племя, еле терпимое въ самой Польшѣ—по крайней мѣрѣ, *de jure*,—не удовольствовалося сравнительно бѣльшими льготами, данными ему Россіей въ предѣлахъ прежней осѣдлости, но постаралось открыть для своей эксплуатаціи новую, болѣе обширную территорію. Чтобы составить себѣ болѣе точное понятіе о томъ, чѣмъ были евреи въ польскомъ королевствѣ и съ какими «правами» перешли они подъ русскій скипетръ, мы должны бросить бѣглый взглядъ на прошлую исторію евреевъ въ этой странѣ.

Первое извѣстіе о переселеніи евреевъ въ Польшу относится еще къ IX столѣтію по Рождествѣ Христовѣ. Въ эти именно времена германскіе евреи, несовсѣмъ довольные нѣмецкимъ гостепріимствомъ, отправили посольство къ польскому князю Лешку съ просьбою: разрѣшить имъ переселеніе въ его земли, назначивъ для этой цѣли извѣстныя мѣстности, и дозволить имъ заниматься науками (?) и ремеслами по своему выбору. Лешекъ весьма благосклонно принялъ посольство, состоявшее изъ еврейскихъ раввиновъ и ученыхъ, и, повѣривъ на слово этимъ ученымъ мужамъ, что вѣра ихъ отличается «крайнею терпимостью относительно другихъ исповѣданій» (!) далъ имъ разрѣшеніе селиться по всей Польшѣ безъ всякаго стѣсненія въ выборѣ мѣстъ. Этимъ милостивымъ дозволеніемъ жида, конечно, воспользовались вплотную и стали быстро переселяться въ Польшу не только изъ Германіи, но и изъ другихъ сосѣднихъ странъ. Уже въ 905-мъ году въ Польшѣ изданы были особыя правила, специально опредѣлявшія положеніе въ государствѣ пришлаго народа. Кромѣ права свободнаго исповѣданія своей, такъ сказать, «свѣтской религіи», имѣющей

исключительнымъ предметомъ только блага міра сего, евреи получили свой собственный судъ, свободу повсемѣстной торговли и промысловъ, независимость отъ рыцарства и защиту отъ всякихъ «несправедливыхъ» притѣсненій со стороны мѣстныхъ жителей. Подъ охраною этихъ гарантій, еврейское населеніе въ Польшѣ стало возрастать съ необыкновенной силою и особенно увеличилось во время перваго крестоваго похода, когда преслѣдованія, возбужденныя крестоносцами противъ евреевъ, побудили многихъ изъ нихъ искать убѣжища въ болѣе снисходительной къ нимъ Польшѣ. Въ первой половинѣ XIII-го столѣтія, число евреевъ въ Польшѣ равнялось уже 8-й части всего населенія, а въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, особенно осчастливленныхъ еврейскимъ переселеніемъ, доходило даже до 4-й части. Къ этому времени относится изданный императоромъ Фридрихомъ II-мъ уставъ, который въ теченіе многихъ вѣковъ опредѣлялъ главнымъ образомъ общественное и правовое положеніе евреевъ въ Германіи. Руководствуясь этимъ уставомъ; калишскій князь Болеславъ издалъ извѣстную «привилегію евреямъ», состоящую изъ 36 статей, въ которыхъ опредѣлены отношенія этого народа къ другимъ сословіямъ кореннаго населенія. Этимъ актомъ подтверждены права, прежде дарованныя евреямъ; затѣмъ узаконено, что въ случаѣ споровъ между евреями и христіанами дѣло подлежить разбирательству воеводскаго суда, причемъ свидѣтелями могутъ быть не одни только христіане, но вмѣстѣ съ ними и еврей. За оскорбленіе еврея, за нанесеніе ему ударовъ, а также за похищеніе еврейскихъ дѣтей (?) назначались суровыя наказанія—тѣлесныя и денежныя. Запрещено даже обвинять евреевъ въ поддѣлкѣ монеты (чѣмъ они всегда охотно занимались), въ употребленіи при своихъ обрядахъ христіанской крови, (что продолжаютъ они дѣлать и до сихъ поръ) и взводить на нихъ другія «ложныя» обвиненія. Но большая часть статей въ «привилегіи» Болеслава касается опредѣленія отношеній между христіанами и евреями по долговымъ обязательствамъ. Очевидно, что евреи уже съ самаго древняго времени сосредоточили на ростовщичествѣ всѣ свои «культурныя» способности, пренебрегая другими видами труда, особенно земледѣльческимъ. Хотя и есть нѣкоторыя указанія на то, что въ XIII-мъ вѣкѣ существовали и еврей-земледѣльцы, особенно

въ западныхъ провинціяхъ Польши (въ нынѣшней Силезіи), но примѣры эти представляются совершенно исключительными. Зато въ «привилегіи» точно обозначено, какія вещи и на какіе сроки евреи могутъ принимать въ залогъ, исчислены способы доказательствъ по денежнымъ искамъ и указаны размѣры процентовъ, которые въ извѣстныхъ случаяхъ разрѣшалось взыскивать—даже въ количествѣ, равняющемся полной суммѣ займа. Однимъ словомъ, «жидовскіе проценты» имѣютъ свою длинную исторію...

При внимательномъ разсмотрѣніи этой «привилегіи», нетрудно усмотрѣть ту особенность, которою одинаково отличаются какъ первоначальныя, такъ и позднѣйшія узаконенія польскаго правительства о евреяхъ. «Избранный народъ» никогда не смѣшивался съ другими сословіями, а составлялъ всегда особую группу («религіозно-политическую касту», по вѣрному выраженію департамента законовъ нашего Государственнаго совѣта), *populus in populo*, пользуясь своими особыми прерогативами и неся свои особыя обязанности. Всего замѣчательнѣе, что, брошенные судьбою въ среду чуждаго народа, евреи никогда не сливались съ нимъ, не ассимилировались (не смотря на свои лживыя увѣренія въ противномъ), но имѣли свою отдѣльную организацію, свои суды, свои финансы и свою внутреннюю и вѣшнюю политику,—и все это европейскія правительства имѣли неосторожность признавать, воюя въ то же время «крѣпкою рукою» со всѣми другими организаціями политическаго характера, гораздо болѣе слабыми и далеко не столь зловредными... Эта разница въ религіи, въ обычаяхъ, въ профессиональныхъ занятіяхъ и въ юридическомъ положеніи повела къ тому, что глубокая пропасть, отдѣлявшая евреевъ отъ кореннаго населенія, оказалась ничѣмъ не заполненною до послѣднихъ дней существованія Рѣчи Посполитой. Земледѣльческія занятія не возбранялись для евреевъ, но талмудъ издавна уже считалъ земледѣльческій трудъ самымъ презрѣннымъ и невыгоднымъ для еврея; къ тому же, записавшись въ крестьянское сословіе, еврей долженъ былъ бы подчиниться власти рыцарей вмѣстѣ съ туземнымъ населеніемъ. А «дѣти царей» всегда и вездѣ хотѣли занимать привилегированное положеніе. Положеніе ремесленниковъ также заставляло бы евреевъ приписываться къ одному изъ суще-

ствующихъ цеховъ, что и въ то время было уже для нихъ затруднительно, а впоследствии, по магдебургскому праву, совсемъ невозможно. И вотъ, вмѣсто того чтобы прикрѣпляться къ землѣ или цеху, евреи предпочли прикрѣпить къ себѣ «золотаго тельца», а черезъ него держать въ своихъ рукахъ всѣ другія свободныя и несвободныя сословія. Такимъ образомъ, во всѣхъ статьяхъ «привилегіи» 1264 г. о евреяхъ говорится, какъ о *цѣломъ народѣ*, занимающемся, — вопреки всѣмъ обычнымъ законамъ народнаго естества, — исключительно торговлею и, по преимуществу, денежными аферами.

Въ такихъ счастливыхъ условіяхъ жида находились уже въ Польшѣ до второй четверти XIV-го вѣка, т. е. до царствованія Казимира III-го, послѣдняго короля изъ рода Пястовъ. Не смотря на притѣсненія, которымъ подвергались иногда талмудисты, — самозванно величавшіе себя послѣдователями «закона моисеева», — ихъ число, богатство и вліяніе на всѣ политическія и общественныя дѣла росло непомѣрно, такъ что во время Казимира евреи являются уже главными банкирами въ Краковѣ, Познани, Гнѣзнѣ и другихъ крупныхъ городахъ, въ которыхъ сосредоточивалась тогда вся заграничная, — правда, не особенно значительная, — торговля и производились большія денежные операціи; они же играютъ неизмѣнно роль «посредниковъ» при всѣхъ займахъ, которые были заключаемы польскими магнатами и даже самимъ польскимъ правительствомъ. Короче, при всякой денежной нуждѣ жидъ является неизбѣжнымъ факторомъ, и недаромъ же у польскихъ пановъ сложилась пословица: «якъ бѣда, то до жида!» На благосклонность Казимира къ «избранному племени» немало повліяла и новѣйшая Далила, нѣкая Эстерка изъ Кракова, счумѣвшая отлично загипнотизировать своими ласками влюбленнаго короля. Эта роль еврейскихъ женщинъ въ достиженіи политическихъ цѣлей, «принесеніемъ себя въ жертву», достаточно извѣстна и изъ ветхозавѣтной исторіи. Не одна Далила, усыпившая Самсона, отняла у него физическую силу и тѣмъ предала въ руки враговъ: Юдифь, воспользовавшись сномъ Олоферна, по принесеніи своей «жертвы», сняла даже и голову съ его плечъ... Весьма часто нуждаясь въ деньгахъ для веденія заграничныхъ войнъ, Казимиръ и попалъ всецѣло въ руки жидовъ-банкировъ. Въ 1334 г. онъ подтвердилъ льготы, широко дарованныя жи-

дамъ Болеславомъ Калишскимъ, даже распространилъ ихъ дѣйствіе на всѣ, безъ исключенія, провинціи своего злосчастнаго королевства и строго слѣдилъ за точнымъ соблюденіемъ данныхъ привилегій. Тринадцать лѣтъ спустя (въ 1347 г.), при изданіи Великаго статута, Казимиръ посвятилъ въ немъ евреямъ особую главу, въ которой дополнилъ и разъяснилъ прежде изданныя о нихъ узаконенія. Это время и можно назвать «золотымъ вѣкомъ» для польскихъ евреевъ; но то, что можно назвать счастьемъ для жидовъ, лишенныхъ отечества, явилось величайшимъ историческимъ несчастіемъ для всей страны, доврчиво открывшей имъ свои гостепріимныя объятія. Явно покровительствуемые королемъ, свободные не только отъ всякихъ «притѣсненій» и якобы «ложныхъ» извѣтовъ, но и отъ всякаго государственнаго контроля, привилегированные жида беспрепятственно наводняли всѣ города, парализовали всякое правильное развитіе экономической жизни въ народѣ, замѣнили собой «среднее сословіе» въ государствѣ, богатыли путемъ безбожной эксплуатаціи народа, при помощи крѣпостнаго права, — которое въ Польшѣ было непримѣръ жесточе и безчеловѣчнѣе, чѣмъ въ Россіи, — и, не довольствуясь однѣми денежными операціями, приобрѣтали въ собственность значительныя недвижимыя имущества въ городахъ и мѣстечкахъ. Кромѣ того, посредствомъ долговыхъ обязательствъ, они держали въ своей кабалѣ и польскихъ помѣщиковъ вмѣстѣ съ ихъ обездоленнымъ «быдломъ». Жида настолько успѣли отвести глаза королю, что когда въ Краковѣ найденъ былъ въ лѣсу трупъ христіанскаго ребенка, убитаго съ ритуальною цѣлью, и народъ враждебно отнесся къ евреямъ, Казимиръ нарядилъ судебное слѣдствіе, которое и обнаружилъ, — конечно, подъ вліяніемъ короля, — полную невинность заподозрѣнныхъ злодѣевъ... Не ограничиваясь этимъ оправданіемъ, король приказалъ повсемѣстно опубликовать результаты слѣдствія и подтвердить статьи устава 1334 г., назначавшія строгое наказаніе за «клеветы», возводимыя на жидовъ.

Привилегированное положеніе евреевъ продолжалось, впрочемъ, не особенно долго: оно покончилось почти одновременно со смертью ихъ главнаго покровителя — Казимира. Уже съ самаго начала XV-го столѣтія стало замѣтно въ Польшѣ глухое, но всеобщее стремленіе къ обузданію безчинствъ, тво-

римыхъ облагѣвшею еврейскою ратью. Существенныя причины этого общенароднаго негодованія состояли, какъ и всегда, въ той гнусной роли, которую играли жида-банкиры, жиды-ростовщики и жида-факторы во всѣхъ сферахъ экономической и общественной жизни; но такъ какъ всѣ классы польскаго народа (и интеллигентные, и не интеллигентные) болѣе или менѣе были поработаны жидовствомъ,—то вся сила протеста получила исключительно религіозную форму и выразилась со стороны наиболѣе независимаго отъ жидовъ сословія—католическаго духовенства, въ средѣ котораго іезуитизмъ сдѣлалъ уже огромныя успѣхи. Великое несчастіе Польши состоитъ въ томъ, что съ однимъ интернаціональнымъ врагомъ, не знающимъ отечества, ей пришлось бороться руками другаго—тоже интернаціональнаго врага, имѣющаго свою штабъ-квартиру, внѣ всякой народности, у подножія престола непогрѣшимаго папы. Лѣкарство отъ жидовъ оказалось не лучше самой болѣзни. Уже давно замѣчено духовное, принципиальное сродство между *талмудизмомъ* и *іезуитизмомъ*, выросшими на одной общей почвѣ нетерпимости, фанатизма и предательства. Безгрѣшный (по талмуду) раввинъ, который «благословляетъ» самого Бога, обязаннаго только исполнять его велѣнія, стѣбитъ непогрѣшимаго папы, который старается упразднить Бога на небѣ и замѣнить его собою на землѣ,—т. е. достичь того же, чего добился благополучно раввинъ. Основное нравственное ученіе іезуитизма:—«цѣль оправдываетъ средства»—давно уже практикуется талмудистами; только въ первомъ случаѣ всеоправдывающею цѣлью является деспотическое главенство папы надъ всѣми государствами и народами; во второмъ—главаремъ міра является коллективная личность израиля. Въ отношеніи къ библии, талмудизмъ представляетъ такую же точно фальсификацію, приспособленную къ самымъ низменнымъ инстинктамъ еврейскаго племени, какъ іезуитизмъ—по отношенію къ человѣколюбивымъ завѣтамъ евангелія, совершенно улетучившимся изъ позорнаго іезуитскаго статута. Не слѣдуетъ удивляться, что іезуиты, видя въ талмудистахъ-фарисеяхъ своихъ двойниковъ по нравственному складу и опасныхъ соперниковъ, преслѣдующихъ тѣми же средствами противоположныя цѣли, всячески оберегали свой орденъ отъ вторженія въ него перекрещенныхъ евреевъ, которые могли заставить эту мельницу молотъ свою талмудическую муку.

Понятно, что эти два медвѣдя никакъ не могли ужиться въ одной берлогѣ, и иезуиты, видя возрастающее могущество талмудистовъ, объявили имъ войну не на животъ, а на смерть; страна же, въ этой ожесточенной борьбѣ двухъ одинаково губительныхъ элементовъ, очутилась въ злосчастномъ положеніи— «между молотомъ и наковальней». Иезуитскій молотъ, собираясь ударить по жидамъ, билъ по живому тѣлу польскаго народа, извѣденному этими паразитами. Всѣ соборы католической церкви, а въ особенности базельскій, усердно занимаются еврейскимъ вопросомъ и приходятъ къ единогласному заключенію, что совмѣстное жительство евреевъ съ христіанами весьма соблазнительно для послѣднихъ и что евреевъ слѣдуетъ всѣми способами побуждать къ принятію христіанства. Хотя эти рѣшенія соборовъ соблюдались въ Польшѣ менѣе, чѣмъ въ другихъ странахъ, однако они вызывали и здѣсь довольно серьезныя преслѣдованія, продолжавшіяся въ теченіе всей первой половины XV-го вѣка. Особенно сильны были преслѣдованія въ большихъ городахъ: въ Краковѣ, въ Познани и Варшавѣ; въ маленькихъ же мѣстечкахъ и въ деревняхъ евреи, по незначительной ихъ численности, успѣвали укрываться отъ нападеній разъяреннаго народа, подстрекаемаго католическимъ духовенствомъ. Вообще вся вторая половина XV-го столѣтія и почти весь XVI-ый вѣкъ, во время царствованія польскихъ королей изъ дома Ягеллоновъ, были тяжелымъ наказаніемъ для еврейскихъ эксплуататоровъ. Единственнымъ орудіемъ въ борьбѣ противъ репрессалій служилъ евреямъ ихъ, набитый всяческими правдами и неправдами, толстый карманъ. Благодаря денежнымъ подачкамъ, имъ удавалось смягчать сердца воеводъ и чиновниковъ. Причины, вызвавшія эти репрессалии, были двоякаго рода, какъ и всегда въ исторіи «гоненій» на евреевъ. Первая — и самая главная — причина состояла въ томъ, что евреи, владѣя огромными богатствами и отдавая приобрѣтенныя всякими средствами деньги въ ростовщическіе займы, опутывали невылазными тенетами своихъ ограбленныхъ должниковъ и доводили ихъ до понятнаго неистовства. Когда человѣку нечего терять въ борьбѣ съ опутывающимъ его эксплуататоромъ, онъ естественно рискуетъ на самыя отчаянныя мѣры отмщенія, чтобы только насолить врагу и «отвести свою душеньку». Злоба разгорается еще болѣе отъ

той возмутительной надменности, съ которой иноплеменный вампиръ относится къ высосанному имъ гою,—къ его семейному и общественному положенію, наконецъ, къ его религиознымъ убѣжденіямъ и совѣсти. Далекое не всегда христіане утѣсняли религиозную совѣсть евреевъ: богатые жида, чуть только представлялась имъ возможность, всегда любили доставлять себѣ злобное удовольствіе поруганія—не только надъ именемъ Христа, надъ христіанскими догматами и религиозными обрядами, но даже надъ личностями самихъ священниковъ и ихъ прихожанъ. Мы видѣли, что даже въ царствованіе Анны Іоанновны, подъ угрозою «дыбы» и «виски», богатый жидъ Борухъ Лейба, едва оперившись подъ покровительство продажныхъ властей, немедленно началъ бить православнаго священника и «испущать руду» изъ невинной христіанской женщины, для цѣлей своего канибальскаго ритуализма. Въ Малороссіи, когда она находилась во владѣніи Польши, жида имѣли и не такую еще возможность глумиться надъ православною вѣрою, находившейся въ гораздо болѣе загнанномъ положеніи, чѣмъ талмудъ. Отпаденіе Малороссіи,—не вынесшей ни экономическаго гнета, ни жидовскаго издѣвательства надъ православными церквями, отдаваемыми на откупъ,—и дало первую громадную трещину въ величественномъ на видъ фасадѣ Рѣчи Посполитой... Преслѣдованія евреевъ являлись какъ бы историческимъ возмездіемъ имъ, по ветхозавѣтному правилу: «коею мѣрою мѣрите, возмѣрится и вамъ».

Обузданіе еврейскаго племени,—послужившаго для Польши самымъ дѣйствительнымъ ферментомъ государственнаго разложенія,—повело въ концѣ концовъ къ значительному стѣсненію его политическихъ и гражданскихъ правъ. Но это обузданіе, ограничивавшееся только одною внѣшнею репрессіею безъ соотвѣтствующаго оздоровленія всей гражданско-политической жизни Польши (въ родѣ, на примѣръ, отмѣны крѣпостнаго права, пересмотра нелѣпой рабовладѣльческой конституціи и усиленія центральной власти, отданной на растерзаніе сеймовъ и сеймиковъ) пришло слишкомъ поздно, когда бѣлая часть разрушительнаго дѣла была уже сдѣлана. Въ 1538 году, въ исторіи Польши былъ счастливый моментъ, когда она могла бы свободно избавиться, если не отъ всей тучи набравшихся въ нее паразитовъ, то, по крайней мѣрѣ, отъ значительной ихъ

части, и злополучное государство, можетъ быть, не такъ скоро пришло бы къ извѣстной ликвидаціи. Евреи, въ отместку за ограничительныя мѣры, принятыя противъ нихъ, намѣревались было совершить огульное переселеніе въ Палестину, предупредивъ на нѣсколько столѣтій нынѣшнихъ «сіонистовъ», но польскій король Сигизмундъ I, вмѣсто того чтобы поощрять ихъ въ этомъ направленіи и даже оказать государственную помощь, вздумалъ насильственно удерживать ихъ на гибель своего отечества. Евреи, конечно, не заставили себя долго просить и, проклиная «жестокости» гоевъ, остались все таки на старомъ мѣстѣ, превративъ всю польскую храмину въ зданіе, изъѣденное москитами и готовое повалиться при первомъ порывѣ вѣтра.

Политическія права евреевъ были уже ограничены торунскимъ статутомъ 1520 г., по которому талмудисты не могли занимать никакихъ должностей въ государственной службѣ. Это постановленіе статута повторяется впоследствии на сеймахъ въ Петроковѣ, въ 1532 и 1538 гг., и дѣлается съ того времени постояннымъ правиломъ. Подражая порядку, уже принятому въ Германіи, гдѣ только что «терпимые» евреи облагались специальными налогами, — въ Польшѣ также стали созидать для нихъ особую податную систему. За освобожденіе отъ военной повинности (которую особенно не жалуютъ «дѣти царей») въ 1529 г. назначенъ ежегодный денежный сборъ съ евреевъ, который черезъ 15 лѣтъ былъ значительно увеличенъ. Кромѣ общественныхъ и частныхъ сборовъ, платимыхъ евреями городамъ, разнымъ обществамъ и частнымъ лицамъ, на земляхъ которыхъ они жили, въ 1538 г., на петроковскомъ сеймѣ установлена была общая для всѣхъ евреевъ государственная повинность подъ названіемъ *midia sexagina*, вносившаяся два раза въ годъ, весною и осенью. Въ 1549 г. назначена новая подать подъ названіемъ «общей жидовской повинности». Подать эта была довольно высока (около 1½ рубля съ души) и взималась, безъ различія пола, съ мужчинъ и женщинъ. Исправное поступленіе этой подати гарантировалось круговою порукою всего еврейскаго общества и отъ нея освобождались лишь тѣ, которые впадали въ бѣдность вслѣдствіе какихъ либо непредвидимыхъ несчастій. Въ 1565 г. поголовная подать распространена и на евреевъ, поселившихся въ подуховныхъ

имѣніяхъ. Поголовное обложеніе евреевъ государственнымъ сборомъ давало поводъ къ постояннымъ пререканіямъ между еврейскими общинами и администраціею. Желая избавиться отъ тягости этого налога, евреи старались показывать въ своихъ спискахъ меньшее количество податныхъ единицъ, и обнаруженіе подобныхъ обмановъ влекло за собою строгіе штрафы. Кромѣ исчисленныхъ податей, долгое время существовалъ еще въ Польшѣ особый, специально установленный для жидовъ, налогъ—сборъ въ пользу казны извѣстнаго процента (6 грошей съ гривны) со всего имущества и товаровъ. «Тѣмъ болѣе надо удивляться *энергии и предприимчивости* этого народа—наивно прибавляетъ авторъ цитируемаго нами очерка,—что, не смотря на всѣ стѣсненія, евреи успѣли сдѣлаться самымъ богатымъ сословіемъ во всемъ государствѣ»¹⁾. Но еще болѣе надо удивляться долготерпѣнію и несообразительности того народа, который систематически эксплуатировался евреями и насчетъ котораго онъ *богатымъ* всяческими способами, закабалая его все крѣпче и крѣпче въ своихъ цѣпяхъ, доводя до политическаго и экономическаго банкротства... Упустивъ случай отдѣлаться, по крайней мѣрѣ, отъ значительной части тунеяднаго племени, по примѣру древнихъ египтянъ, Польша вынуждена была прибѣгать къ мало дѣйствительнымъ паллятивамъ, извлекая у паразитовъ, путемъ специальныхъ налоговъ, хоть нѣкоторую долю награбленнаго ими народнаго богатства. Но эти мѣры, конечно, не приводили къ цѣли. Сплоченное воедино своимъ кагалнымъ управленіемъ съ его азіатскимъ деспотизмомъ, еврейское «государство въ государствѣ» совершенно игнорировало интересы эксплуатируемаго имъ народа и всѣ эти специально придуманные для него налоги спокойно перекладывало на самихъ взимателей. Не догадавшись изгнать жидовъ изъ своихъ предѣловъ, какъ элементъ вредоносный для государства и народа, польское правительство совершило и другую ошибку, допустивъ существованіе въ странѣ завѣдомаго иноплеменнаго правительства, имѣющаго свой собственный политическій, гражданскій и моральный кодексъ, во всемъ расходящійся съ основными требованіями христіанской морали и новейшей цивилизаціи.

¹⁾ «Матеріалы комисіи по устройству быта евреевъ». См. «Очеркъ правоваго и общественнаго положенія польскихъ евреевъ».

Теперь скажемъ нѣсколько словъ о происхожденіи кагала, его цѣляхъ и средствахъ, и объ отношеніи къ тѣмъ правительствамъ и народамъ, среди которыхъ онъ агитируетъ. «Кагаль» — такой же древній институтъ, какъ и сама библія; но съ теченіемъ времени учрежденіе это выросло до формъ уродливыхъ и даже прямо противозаконныхъ. Постепенно въ этомъ національномъ институтѣ сосредоточивались всѣ дѣла, распоряженія и постановленія по внутреннему управленію еврейскихъ общинъ. Послѣ разсѣянія евреевъ по всему земному шару, кагалы стали даже принимать officialный оттѣнокъ въ глазахъ правительствъ, допустившихъ ихъ въ свою страну, и играли роль отвѣтственныхъ за свое племя учреждений. Кагалы замыкали въ себѣ всѣ внутреннія силы еврейства, ограждали до крайнихъ предѣловъ свою неприкосновенность религиозную, бытовую и обрядовую, облакая все это непроницаемою таинственностью. Отсюда издавна появились нареканія на это варварское общинное управленіе, не только со стороны христіанскаго, но иногда и еврейскаго общества. Такъ напри- мѣръ, Брафманъ въ своей «Книгѣ кагала» (Спб., 2 изд. 1881 г., 2 части) собралъ цѣлую отвратительную коллекцію подлинныхъ постановленій кагала, изъ которыхъ видно, что кагалъ опутывалъ своими сѣтями и законное правительство, посредствомъ подкупа чиновниковъ, и еврейскихъ рабовъ, обязанныхъ исполнять его волю подъ страхомъ лишенія огня и воды, по приговору бет - дина (племеннаго талмудическаго судилища). Въ числѣ доходовъ виленскаго кагала, въ 1786 г., значился и доходъ съ права *хазаки*, т. е. права эксплуатированія христіанскаго имущества евреями ²⁾. По присоединеніи Бѣлоруссіи, гр. З. Г. Чернышевъ нашелъ уже этотъ институтъ въ установившихся формахъ и воспользовался имъ для интересовъ правительственныхъ, между тѣмъ какъ въ Польшѣ кагалъ только тяготѣлъ надъ личностью еврея, вполне подчиняя ее своей юрисдикціи. Вообще подъ русскимъ владычествомъ кагалъ уже утрачивалъ свою прежнюю сакраментальную силу, и если наше правительство не рѣшилось сразу покончить съ кагальной организаціей, — какъ это сдѣлалъ Фридрихъ II по присоединеніи къ Пруссіи польскихъ владѣній, —

²⁾ *Бершадскій*: «Литовскіе евреи», стр., 54.

то все же, хотя и поздно (въ 1822 г.) Александръ I уничтожилъ ихъ de jure въ царствѣ польскомъ.

Кромѣ бет - дина, изрекающаго противъ кагалныхъ поданныхъ жестокіе *херемы*, власть кагала поддерживается и безчисленными еврейскими ассоціаціями, преслѣдующими якобы научныя и совершенно невинныя дѣли. Еще въ глубокой древности сложилась еврейская ассоціація ученыхъ подъ названіемъ «хибура» (союзъ). Название это и теперь служить нарицательнымъ именемъ всякаго рода братствъ. Подъ религіозною маскою такіе союзы всегда преслѣдуютъ виды чисто политическіе. Вступая въ союзъ подъ условіемъ *безпрекословнаго повиновенія* (дисциплина у жидовъ звѣрская!) членъ союза исключается изъ него за малѣйшее нарушеніе правилъ. При паденіи Иерусалима, уклонившись отъ защиты города, эти храбрые члены якобы ученаго братства заручились сейчасъ же расположеніемъ римскаго правительства и стали подъ его защиту, затаивъ про себя, какъ всегда, свои племенные сепаратистскія стремленія. Въ виду революціоннаго настроенія еврейскаго народа, правительство неосторожно довѣрилось этимъ «ученымъ», какъ людямъ «благонадежнымъ», и опрометчиво вручило имъ управленіе всею внутреннею жизнью евреевъ, даровавъ имъ право сложиться въ форму ученой школы. Ставъ во главѣ народа силою самого закона, «хибура» со временемъ, подъ руководствомъ своихъ раввиновъ, и преобразовалась въ *національное правленіе*—или *status in statu*—извѣстное теперь подъ названіемъ кагала. Эта «ученая» компанія постоянно опутывала и общественную, и частную жизнь евреевъ талмудическими постановленіями, находя для нихъ основу въ буквѣ ветхаго завѣта. Эти постановленія, направленные будто бы къ охраненію чистоты религіи, поставили народную массу въ религіозную зависимость отъ ученыхъ, владѣющихъ таинственнымъ ключемъ къ уразумѣнію талмуда. Ученая школа, завладѣвъ всѣми проявленіями жизни еврея, обратилась въ форму прежняго синагога и хотя сохраняла видъ ученой комисіи, украшая даже своихъ членовъ степенями «мудреца», «книжника» и пр., но въ сущности преслѣдовала дѣли политическія и успѣла сложиться въ своего рода парламентъ. Еврейскія братства—проводники кагало-бет-динской власти—распадаются, по кругу своей дѣятельности, на мѣст-

ныя и всемірныя. Мѣстныя дѣлятся на 4 класса: собственно ученые, благотворительныя, ремесленныя и религіозныя братства. Ученыхъ братствъ особенно много, именно: для чтенія талмуда, для чтенія мишны, книгъ ветхаго завѣта, талмудическихъ законовъ и пр., и пр. Во всѣхъ этихъ братствахъ, не смотря на ихъ религіозныя клички, исходный пунктъ одинъ и тотъ же: честолюбіе и, въ то же время, расчетъ на *пріобрѣтеніе кредита*—альфа и омега еврейскаго существованія. Желая блеснуть благочестіемъ, талмудистъ легко вербуетъ братчиковъ, а въ кагалѣ находитъ сочувствіе и поддержку, потому что братства, поддерживая талмудическую «науку», очевидно укрѣпляютъ самый кагалъ и въ совокупности съ нимъ составляютъ ту огромную организацію, которая опутываетъ забитую еврейскую массу и не даетъ въ ней хода истинному просвѣщенію. Исключеніе изъ братства—особенно въ маленькихъ городахъ, гдѣ всѣ жида знаютъ другъ друга, — *буквально равняется медленной смерти*, лишая виновнаго всякаго нравственнаго и матеріальнаго кредита, объявляя его внѣ закона. Изъ этихъ благотворительныхъ обществъ заслуживаютъ особеннаго вниманія два братства: для выкупа плѣнныхъ и погребальное. Въ старину такое братство, дѣйствительно, выкупало евреевъ изъ турецкаго и крымскаго плѣна, а въ новѣйшее время (до нашихъ дней) выкупаетъ рекрутъ, освобождаетъ арестованныхъ (гоимскимъ правительствомъ) и пр., и пр. Если братство не можетъ само удовлетворить просителя по недостатку средствъ, то обращается къ содѣйствию кагала, съ которымъ всегда находится въ тѣснѣйшей связи. У этихъ братствъ рѣдко имѣются постоянные источники, — и средства, требуемыя для даннаго случая, собираются добровольными приношеніями членовъ братства и прочихъ жителей города, или же посредствомъ особыхъ налоговъ. Эти налоги и сборы практикуются и нынѣ у евреевъ, не смотря на запрещенія и преслѣдованія русскаго правительства. Такъ наиримѣръ, въ г. Сѣдльцѣ въ 1867 г. открыты незаконныя еврейскіе поборы (на 1300 р.), сдѣланные по распоряженію раввина, во имя кагала. Тутъ кстати будетъ сказать, что никакого *духовенства*, въ собственномъ смыслѣ этого слова, у евреевъ не имѣется, и ихъ раввины являются только свѣтскими представителями самозваннаго еврейскаго правительства. Еврейскій богъ для раввина—это пустая внутри ста-

туя, въ которую онъ забирается для того, чтобы кощунственно говорить отъ имени божества по вопросамъ житейскаго характера.

«Погребальныя братства» появились у евреевъ вслѣдствіе моисеева запрещенія духовенству заниматься похоронами (въ то время, т. е. до разрушенія іерусалимскаго храма, духовенство еще было у евреевъ) и отсутствія всякой духовной санкціи при совершеніи этого обряда. Братства эти скоро обратились, однако, изъ благотворительныхъ въ злотворительныя, въ страшнѣйшій бичъ еврейской общины, въ безцеремонную эксплуатацію бѣдняковъ жидами — толстосумами, — денежными аристократами, заправляющими погребальнымъ братствомъ. Въ рукахъ этихъ братствъ, приготовленіе трупа къ погребенію, снабженіе гробомъ и саваномъ и отвозъ на кладбище опредѣляются чистымъ произволомъ старшинъ братства. Эти же братства служатъ *орудіемъ мести кагала* всѣмъ «иначе мыслящимъ» евреямъ. Надъ трупами послушниковъ кагала братчики совершаютъ отвратительныя неистовства, осыпая покойника бранью, пинками и оплеухами.

Заключая обзоръ еврейскаго кагалнаго самоуправленія, — какъ оно сложилось еще во времена Рѣчи Посполитой, — знатокъ еврейскаго вопроса въ царствѣ польскомъ утверждаетъ, что, не смотря на воспрещенія русскаго правительства, «*она существуетъ и понынѣ, окруженное такою непроницаемостью, что мѣстная власть не въ состояніи прорвать ея покрыва, при настоящемъ строѣ еврейскаго быта*» (!).

«Если — продолжаетъ развивать свою мысль г. Преображенскій, авторъ цитируемой нами записки — проявляются отдѣльные случаи, указывающіе на *живучесть еврейскаго самоуправления*, то они, при слѣдственныхъ дѣйствіяхъ, безъ которыхъ не можетъ быть формулировано обвиненіе, *стусеваются* (?) и зло остается безнаказаннымъ. *Безнаказанность придаетъ самоуправленію большую силу въ глазахъ еврейскаго народа* и ведетъ къ еще большому обособленію евреевъ и разъединенію съ окружающимъ кореннымъ населеніемъ. *Евреи принимали всѣ благодѣянія правительства, клонившіяся къ уравненію правъ, и не исполняли ни одного приказанія и запрещенія закона, направленныхъ противъ обособленія и другихъ вредныхъ дѣйствій еврейской общины.* Власть положительно убѣждалась,

что раввины разбираютъ контрабандныя дѣла (!!) устанавливають сдѣлки между контрабандистами и сами принимаютъ въ ней участіе ¹⁾); что раввины нарушаютъ законы о бракахъ и присвоиваютъ себѣ власть гражданскихъ трибуналовъ».

Такова сила еврейскаго самоуправленія, неразумно допущеннаго въ царствѣ польскомъ и не разрушеннаго до нашихъ дней. Крѣпость этой организаціи зиждется на деспотической власти еврейскихъ толстосумовъ (морейнэ) и на глубокомъ невѣжествѣ плебейской массы, дресируемой въ своихъ спеціально-еврейскихъ школахъ, основанныхъ на началахъ талмудизма, враждебнаго всякому государственному строю.

«Раввины и старѣйшины общества—говорить г. Преображенскій—легко заправляютъ массою, подготовленную согласно ихъ цѣлямъ, и еслибы выдался изъ массы ослушникъ, то противъ него найдется много средствъ сильныхъ и дѣйствительныхъ. Раввину со старшинами, съ кагаломъ и бет-диномъ, *стѣдитъ только изречь херемъ* (т. е. произнести проклятіе и отлученіе отъ общества)—и *масса задавитъ своего злосчастнаго собрата, а власть законная не въ силахъ охранить угнетеннаго* (любопытное признаніе въ устахъ совѣтника сѣдлецкаго губернскаго правленія во времена губернаторства С. С. Громеки, не благоволившаго къ жидамъ. Что же дѣлалось тамъ, гдѣ губернаторы тянули явно въ еврейскую сторону?) **Въ крайнемъ случаѣ, у кагала есть ходатаи, вооруженные сильными аргументами, хотя бы и сотнями тысячъ рублей (для сверженія Державина, для оправданія Дрейфуса кагалъ двигалъ даже милліонами):—кагалу это ничего не стѣдитъ и масса даетъ ему золото, не подозрѣвая, что покупаетъ для себя же кандалы (sic).** Еврейская полиція зорко слѣдитъ за членами братствъ и не допускаетъ ни малѣйшаго послабленія талмудическихъ законовъ».

Въ польскихъ источникахъ прежняго времени трудно найти подобныя откровенныя свидѣтельства о злодѣянιάхъ кагала, но что всѣ они имѣли мѣсто въ польской исторіи (если

¹⁾ Въ самое послѣднее время, въ минской синагогѣ, находящейся подъ наблюденіемъ мѣстнаго раввината, обнаруженъ цѣлый складъ необандероленной водки. Если раввины издревде занимались гешефтмахерствомъ, а вовсе не священнослуженіемъ, то ихъ пристанища — синагоги — давно обратились въ торжища изъ мѣстъ молитвы и душевнаго очищенія.

сохранились даже до нашего времени), — въ этомъ едва ли возможно сомнѣваться. Такъ напр., въ журналахъ виленскаго кагала, найденныхъ Брафманомъ, значатся подь 1779—1798 г.г. расходы на *подкупъ чиновниковъ*, на поздравленіе начальства съ праздникомъ, на *устройство попойки для судей* по еврейскому дѣлу и пр., и пр. Если появится со временемъ новый Брафманъ, то онъ, вѣроятно, разыщетъ въ позднѣйшихъ кагалъныхъ лѣтописяхъ и расходы на содержаніе якобы-русской пресмыкающейся журналистики...

Борясь противъ этихъ удушающихъ объятій кагальнаго удава, охватившаго своими кольцами всю страну, польское правительство вынуждено было, наконецъ, принять мѣры само-сохраненія. Эти мѣры, — какъ мы сказали уже, — получивъ поверхностную религіозную окраску, вызывались въ сущности разлагающимъ — социальнымъ и политическимъ — вліяніемъ еврейства. Устраняя это вліяніе, польское законодательство, начиная уже съ XVI-го столѣтія, прибѣгло къ серьезнымъ ограниченіямъ политическихъ и гражданскихъ правъ еврейства.

Въ торунскомъ статутѣ 1520 г. опредѣлено, что талмудисты (ошибочно называемые «послѣдователями моисеева закона») не могутъ занимать никакихъ должностей въ государственной службѣ, ибо — «противно законамъ Бога и людей, чтобы невѣрный имѣлъ какую бы то ни было власть надъ христіаниномъ». Постановленіе это повторяется впослѣдствіи на разныхъ сеймахъ и становится всеобщимъ правиломъ. Свобода повсемѣстнаго расселенія въ Польшѣ, данная евреямъ Казимиромъ ¹⁾, подвергалась значительнымъ урѣзкамъ. Польскіе города въ XV и XVI вѣкахъ раздѣлялись главнымъ образомъ на три разряда: королевскіе, частные и основанные на земляхъ духовенства. Въ королевскихъ городахъ постепенно вводилось «магдебургское городовое право», по которому одни лишь христіане могли жить въ городѣ, пользоваться правами и записываться въ цехи. Нехристіане, въ томъ числѣ и евреи, не могли быть терпимы въ чертѣ городской осѣдлости. Допущеніе жидовъ на

¹⁾ Въ одномъ стихотвореніи Я. П. Полонскаго, прекрасномъ по своей поэтической формѣ, Казимиръ III изображенъ симпатичными красками, какъ заступникъ крестьянъ («хлопскій круль»). Но правдивая исторія не можетъ согласиться съ такою характеристикою, въ виду того, что и бѣдные хлопья немало страдали отъ еврейскаго нашествія, покровительствуемаго королемъ.

жительство въ городахъ, принадлежащихъ частнымъ лицамъ и духовенству, зависѣло отъ владѣльцевъ, которые, въ виду всеобщаго раздраженія противъ израиля, часто отказывали ему въ дозволеніи селиться въ ихъ городахъ. Съ первой же половины XV-го столѣтія сами горожане начинаютъ ходатайствовать объ освобожденіи ихъ отъ еврейскаго нашествія. Короли иногда (подъ вліяніемъ прекрасныхъ Эстерокъ и ясновельможныхъ пановъ, попавшихъ въ долги къ евреямъ) отказывали горожанамъ въ этихъ ходатайствахъ, но большею частію исполняли ихъ справедливыя просьбы, причемъ или совершенно изгоняли алчныхъ кочевниковъ, надѣляя горожанъ привилегіею — «не терпѣть жидовъ» (*de non tolerandis Judaeis*), или предоставляли имъ право селиться лишь въ извѣстной части города (гетто), или же, наконецъ, позволяли входить съ горожанами въ особыя соглашенія, которыя обыкновенно вели къ денежному пожертвованію со стороны кагала. Изгнанные изъ городовъ, евреи придумали селиться близь городской черты на свободной землѣ (какъ это практикуется нынѣ подъ Кіевомъ и въ другихъ мѣстахъ), чтобы легче нарушать запретную границу. Рядомъ съ ограниченіемъ свободы расселенія, шли и весьма чувствительныя ограниченія свободы торговли, касавшіяся не только мѣстъ для производства торговаго промысла, но и самыхъ предметовъ торга. Въ 1521 г. состоялось сеймовое постановленіе, по которому въ южныхъ провинціяхъ Польши, и въ особенности въ г. Львовѣ, евреямъ разрѣшалось заниматься торговлею только по договорамъ съ горожанами, причемъ предметами торговли могли быть лишь воскъ, кожи, сукна и волы, да и эти предметы евреи могли покупать не иначе, какъ въ извѣстное время, на ярмаркахъ, и сбывать въ опредѣленныя же мѣстности. Правила эти постоянно нарушались, по еврейскому обычаю, и вели къ преслѣдованіямъ и штрафамъ. Въ 1565 г. евреямъ запрещено держать въ арендѣ казенныя оброчныя статьи или брать па откупъ налоги, въ виду тѣхъ жестокихъ злоупотребленій, которыя они себѣ позволяли при собираніи оброковъ и налоговъ. (Въ Малороссіи, какъ извѣстно, жида брали на откупъ даже и православные храмы, взимая неукоснительно мзду съ каждой церковной службы). Въ особенности тяжело пришлось для евреевъ: царствованіе королей изъ шведскаго дома, время казачкихъ войнъ, царство-

ваніе Владислава IV и Михаила Вишневецкаго и, наконецъ, весь XVIII вѣкъ—время саксонскихъ королей.

Но, рассматривая этотъ періодъ, нельзя не замѣтить, что польскіе законодатели, стремясь регламентировать *съ внешней стороны* бытъ евреевъ, установить ихъ отношенія къ государству и другимъ сословіямъ, совсѣмъ не коснулись *самаго источника злразы*, смертоносно распространявшейся по всѣмъ артеріямъ государственнаго организма. Они оставили безъ всякаго вниманія и антисоціальный смыслъ талмудическаго ученія, и всю внутреннюю законопротивную организацію еврейскихъ общинъ. Въ сферѣ именно этой организаціи, враждебно направленной противъ коренныхъ устоевъ государства, евреи, съ самаго переселенія своего въ Польшу и до перехода въ русское подданство, пользовались почти неограниченною свободою. Религіозныя дѣла (поскольку было въ нихъ религіи), браки и разводы, общинные сборы, судъ надъ евреями не только въ дѣлахъ гражданскихъ, но и уголовныхъ, забота объ образованіи юношества (въ кагалномъ духѣ), учрежденіе новыхъ талмудическихъ школъ—всѣ эти вопросы, имѣвшіе по большей части чисто гражданскій и даже политическій характеръ, предоставлялись автономному рѣшенію кагала, съ весьма слабымъ участіемъ настоящаго правительства, уступавшаго свои прерогативы какой-то—на половину подпольной и на половину открытой—враждебной силѣ. Считаясь номинально королевскими рабами (*servi regii*) евреи совсѣмъ не подчинялись общей администраціи, а находились подъ непосредственнымъ вѣдѣніемъ воеводъ. Въ уголовныхъ дѣлахъ особенной важности, которыя опредѣлялись въ такъ называемыхъ «воеводскихъ правилахъ», апелляція на рѣшенія общинныхъ судовъ восходила прямо къ воеводамъ, а иногда и къ самому королю. «Царскія дѣти», превратившіяся волею судьбы въ «королевскихъ рабовъ», умѣли наквитываться всегда и вездѣ свое юридическое неполноправіе фактическимъ господствомъ, при помощи самыхъ разнообразныхъ интригъ, связей, денежнаго могущества и наглой терроризаціи.

Кагальное устройство, судя по историческимъ памятникамъ, существовало уже въ Польшѣ въ XV-омъ вѣкѣ, но за это время, къ сожалѣнію, нѣтъ точныхъ и полныхъ свѣдѣній, касающихся организаціи кагаловъ, порядка и круга ихъ дѣйствій,

и вообще правилъ, которыми нормировалась дѣятельность этихъ своеобразныхъ представителей еврейскихъ общинъ. Поэтому приходится довольствоваться аналогіею дѣяній кагала того времени съ ихъ позднѣйшею дѣятельностью, болѣе рельефно выступившей наружу, хотя и съ сохраненіемъ въ секретѣ самыхъ предосудительныхъ подвиговъ. Но теперь, по крайней мѣрѣ, намъ извѣстны, въ дословномъ переводѣ, избраннѣйшія мѣста изъ талмуда и шулханъ-аруха, — этихъ дѣйствующихъ кодексовъ еврейскаго законодательства ¹⁾, — а въ прежнее время кагалъ держалъ подъ спудомъ всѣ эти нравственныя сокровища и за обнаруженіе ихъ угрожалъ смертію нескромнымъ талмудистамъ. Не подлежитъ, однако, сомнѣнію, что и прежде, въ средѣ самихъ евреевъ, возникали неудовольствія по поводу варварскаго самоуправства и деспотическихъ замашекъ подпольнаго правительства; недовольные дерзали жаловаться властямъ пререкращающимъ, но протесты ихъ оставались безъ всякихъ послѣдствій, чѣмъ и обуславливалось полное закрѣпощеніе еврейскаго «быдла» безконтрольной власти кагалныхъ заправителей. Въ 1541 г. Сигизмундъ I, желая обуздать хоть сколько нибудь кагалныя безобразія, учредилъ должность «еврейскаго сенъора», возложивъ на него обязанность слѣдить за всѣми постановленіями этихъ новѣйшихъ «ассасиновъ» и служить посредникомъ между еврейскимъ населеніемъ и законнымъ правительствомъ. Нововведеніе это, однако, сильно не понравилось еврейскимъ главарямъ, такъ какъ оно до нѣкоторой степени раскрѣпощало закабаленный ими народъ или, по крайней мѣрѣ, подавало ему надежду на выходъ изъ безправнаго положенія и угрожало виновникамъ страхомъ отвѣтственности: — они стали оказывать всякое (открытое и тайное) сопротивленіе вмѣшательству властей въ ихъ «домашнія дѣла», и должность сенъора скоро упразднилась, какъ совершенно бесполезная. Херемы и даже физическія истязанія и потаенныя убійства, вѣроятно, были

---

¹⁾ См. въ «Наблюдатель» 1891 г. (№№ 4, 5 и 6) статьи А. А. Быкова: «Талмудъ вавилонскій» и «Шулханъ-арухъ». Шулханъ-арухъ составляетъ, какъ извѣстно, экстрактъ наиболѣе существенныхъ и обязательныхъ для правоваго еврея талмудическихъ правилъ. Этотъ экстрактъ, поскольку онъ касается отношеній еврейства къ другимъ народамъ, поражаетъ своей безчеловѣчностью и какой-то, доведенной до максимальныхъ предѣловъ безумія, маніей племеннаго величія.

пущены въ ходъ, чтобы отбить у свободномыслящихъ или угнетенныхъ крайними притѣсненіями евреевъ охоту обращаться съ жалобами къ законному правительству.

Съ такою организаціею и съ такими глубоко-укоренившимися племенными свойствами еврейское населеніе и досталось намъ въ наслѣдіе отъ Польши.

А. Пятковскій.

(Продолженіе будетъ).

О с е н ь .

Здравствуй, осень золотая!..
Стынетъ солнце, блекнутъ краски,
И природа, отцвѣтая,
Ждетъ отъ солнца поздней ласки...

Здравствуй, осени!.. Одинокій,
Отъ тебя я жду участья:
Ты мнѣ дашь покой глубокій
Вмѣсто призрачнаго счастья,

И дыханіемъ бодрящимъ
Охладишь мой пылъ тревожный,
Давъ довольство настоящимъ
Безъ тоски по невозможномъ.

П. Петровскій.

ПОГИВШАЯ.

Разсказъ.

Ихъ было двое. Одинъ—блѣдный, тонкій, какъ глисть, съ рыжеватой бородкой клинушкомъ. Другой—толстый и красный, но не менѣе отвратительный, чѣмъ первый. Ольга Арсеньевна не любила ни того, ни другаго, но она отдавалась имъ обоимъ. Каждый изъ нихъ зналъ о томъ, что существуетъ другой, но нисколько не смущался этимъ обстоятельствомъ и, только приходя къ Ольгѣ Арсеньевнѣ и видя ее поблѣднѣвшей и смущенной, когда она сама открывала дверь, пренебрежительно спрашивалъ: «ты, кажется, не одна»?—И если этотъ вошедшій былъ тѣмъ толстымъ и краснымъ старикомъ, котораго Ольга Арсеньевна звала «мужемъ», она, съ дрожью въ голосѣ и криво усмѣхаясь поблекшимъ, но еще красивымъ ротомъ, спѣшила отвѣтить:—«зайдите, Николай Ивановичъ, черезъ полчаса. Онъ скоро уйдетъ».

— Да, выгони его!—спокойно, но также гадливо-пренебрежительно отвѣчалъ Николай Ивановичъ и шелъ въ ближайшій садикъ, гдѣ погружался въ послѣобѣденное чтеніе газеты, по-сматривая въ то же время на стрѣлку массивныхъ золотыхъ часовъ.

Между тѣмъ, Ольга Арсеньевна стремительно бросалась отъ двери въ свою единственную комнату, служившую ей и столовой, и спальней, и, находя тамъ тихо напѣвавшаго кафе-шантанную пѣсенку «глиста», суетливо, со страхомъ въ голосѣ, восклицала: «мужъ! мужъ!»—Глисть улыбался блѣдно и жалкой улыбкой, внезапно весь какъ-то съеживался и, поспѣшно схвативъ со стола шляпу, тянулся къ ней губами для прощальнаго поцѣлуя.

Цѣлуя ее, онъ причмокивалъ губами, и когда также по-

спѣшно уходилъ, ей казалось, что онъ все еще облизывался, какъ будто бы ея поцѣлуи оставили что-то сладкое на его губахъ. Не болѣе пяти минутъ она оставалась одна, безъ этихъ двухъ противныхъ, загрязнившихъ ее, людей. Но эти пять минутъ казались ей одной секундой.

А хотѣлось бы длить ихъ безъ конца, только бы не являлось невольное воспоминаніе, отупляющее все ея существо, о принятой сейчасъ гадкой ласкѣ.

Только бы не потянуло ее опять къ прежнимъ, далекимъ уже днямъ, когда, вспоминая всю свою горькую, грязную, постылую жизнь, она въ тоскѣ металась на кровати, стараясь заглушить невольныя безутѣшныя рыданья.

Теперь она ожидала «мужа»; но, какъ всегда, усѣвшись на постели съ грудой подушекъ въ затѣйливыхъ узорчатыхъ наволочкахъ, на минуту совсѣмъ забыла не только о томъ, кого она ждала, но даже о самой себѣ...

II.

«Мужъ» пришелъ усталый, недовольный и, сказавъ, что голоденъ, приказалъ поскорѣе приготовить обѣдъ. Готовя обѣдъ проголодавшемуся «мужу», Ольга Арсеньевна быстро и ловко управляла ритмическими движеніями красивыхъ рукъ, оголенныхъ по локоть. Только взглядывая случайно на недовольную фізіономію «мужа», брезгливо тянувшаго носомъ дымный запахъ, она на минуту какъ бы останавливалась и уже съ нѣкоторой неохотой вновь принималась за привычное дѣло. Ее замѣтно раздражало присутствіе «мужа», безъ дѣла топтавшегося подлѣ нея.

— Да уйдите вы, ради бога, Николай Ивановичъ!—не вытерпѣла, наконецъ, она и, съ сокрушеніемъ взглянувъ на валившій изъ отверстій печки дымъ, прибавила: — Видите, что плита развалилась совсѣмъ,—чинить ее надо!

— Ну, и чини!—недовольно оборвалъ «мужъ».

— Да на какія это деньги я буду чинить, позвольте у васъ спросить?—возвысила голосъ Ольга Арсеньевна.

— Ну, матушка, — не на мои, разумѣется! Меня вы и такъ обобрали. Вѣдь не одна ты на шеѣ у меня сидишь, а и жена законная.

— Не смѣйте мнѣ этого говорить!—закричала, уже задыхаясь отъ гнѣва, Ольга Арсеньевна: — чтобы я васъ обирала! Да вы всѣ соки изъ меня повысосали, всю душеньку изъ тѣла моего повытрясли! Съ пятнадцати лѣтъ я, какъ раба ваша, была: — ни свѣта божьяго, ни людей не видѣла... Да вы жъ еще и голодомъ меня по недѣлямъ морили!—Внезапно Ольга Арсеньевна умолкла и, склонившись надъ плитой, залилась слезами.

— Не завела бы ты себѣ того тонконогаго прохвоста, еслибы я всѣ соки изъ тебя повысосала, — сердито проговорилъ Николай Ивановичъ и, помолчавъ, добавилъ:—одного-то вѣдь тебѣ мало. Стало быть, соки-то остались...

— Молчите! — громко зарыдала Ольга Арсеньевна. — Не смотрѣли бы глаза мои на фізіономію вашу постылую!

— Пошла писать губернія! — усмѣхнулся Николай Ивановичъ и, бросивъ пренебрежительный взглядъ на тряскую отъ сдерживаемыхъ рыданій Ольгу Арсеньевну, прошелъ въ столовую, сосѣдную съ кухней.

III.

Спустя нѣкоторое время, заплаканная и раскраснѣвшаяся Ольга Арсеньевна послѣшно внесла въ столовую миску съ дымящимся супомъ и, стараясь не глядѣть на подсвѣвшаго къ столу «мужа», поставила миску на столъ.

Проголодавшійся Николай Ивановичъ принялся жадно ѣсть поданный супъ. Погруженный въ ѣду, онъ совершенно не замѣчалъ присутствія Ольги Арсеньевны и только, поспѣшно проглотивъ полную тарелку супа и наливая еще, одобрительно кракнулъ.

— Вотъ этотъ супъ я люблю!—произнесъ онъ, наконецъ, отдуваясь и отирая салфеткой рыжіе усы.

Увидя нетронутый приборъ, лежащій на столѣ напротивъ него, онъ съ удивленіемъ оглянулся и только тутъ замѣтилъ Ольгу Арсеньевну.

— Ты что же, Оля, не ѣла супу?—вдругъ приторно-нѣжно спросилъ онъ ее.

— А вы кончили?—глухо сказала она, не отвѣчая на его вопросъ. — Такъ я сейчасъ принесу вамъ котлеты. — И, за-

хвативъ со стола миску и тарелку, быстро вышла изъ комнаты.

Минуту спустя, она снова несла въ столовую вкусно пахнущую тарелку съ котлетами. При видѣ котлетъ, распотѣвшій, красный Николай Ивановичъ одобрительно причмокнулъ губами.

— У—у, мои котлеточки, мои любимыя тю-лю-лю-печки! — по дѣтски зашепелявилъ онъ и игриво взглянулъ на Ольгу Арсеньевну.

— Вотъ дуешься на меня, Оля, а все любимое мнѣ приготовила? Любишь, значить!

Ольга Арсеньевна также молча поставила на столъ тарелку съ котлетами и, отойдя къ окну, тяжело вздохнула. На нѣсколько минутъ воцарилось глубокое молчаніе. Николай Ивановичъ жадно ѣлъ котлеты.

Покончивъ съ котлетами, онъ благодушно развалился на стулѣ и, помолчавъ, сказалъ:

— Перестань дуться, Оля! — Вѣдь вижу, что любишь меня. Чего жь дуешься?

— Ошибаетесь, Николай Ивановичъ: я васъ не люблю, — досадливо, но тихо отвѣтила Ольга Арсеньевна. — И никогда васъ не любила, — еще тише добавила она.

— Полно врать! Будто бы и никогда? — игриво подмигнувъ глазомъ Николай Ивановичъ. Но вдругъ сердито спросилъ:

— Кого жь ты любишь? Того, тонконогаго?

— Ни васъ, ни его.

— Ну, нѣтъ! Его-то ты, видно, любишь!

— И его не люблю, хоть и есть за что любить, — раздраженно заговорила Ольга Арсеньевна. — Онъ вѣдь не такъ смотритъ на меня, какъ вы! Для васъ я, — все равно, чтѣ потаскушка послѣдняя, а онъ вотъ говорить, что женился бы на мнѣ, еслибы братья да сестры малолѣтніе на шеѣ у него не сидѣли.

— Ха, ха! А ты, дура, и вѣришь? — расхохотался Николай Ивановичъ. — На такихъ, матушка, какъ ты, не женятся!

— А такимъ, какъ вы, въ рожу плюютъ! — не выдержала, наконецъ, Ольга Арсеньевна, но тотчасъ же смолкла.

IV.

Увидя, что у Ольги Арсеньевны не измѣнится уже настроеніе духа, Николай Ивановичъ скоро убрался. Уходя, онъ сунулъ ей два рубля «на плитку».

— Я долго не буду у тебя! — пренебрежительно бросилъ онъ. — Утѣшайся со своимъ тонконогимъ, — авось и поженитесь.

Молча взявъ два рубля и проводивъ «мужа», Ольга Арсеньевна въ изнеможеніи прилегла на постель. Но спать ей не хотѣлось. Она вся ушла въ слухъ.

За стѣной ея спальни была еще комната, которую она сдавала въ наемъ. Тамъ недавно поселилась квартирантка, блѣдная и тихая молодая дѣвушка, которая часто наигрывала на гитарѣ грустныя, хватающія за сердце, мелодіи. Ольга Арсеньевна прислушивалась сейчасъ къ грустнымъ звукамъ, раздавшимся за стѣной, и тупо вглядывалась остановившимися глазами въ разрѣзанный арбузь, лежащій на столѣ.

Звуки скоро затихли. Машинально Ольга Арсеньевна встала и, подойдя къ двери сосѣдней комнаты, остановилась и постучала.

— Можно къ вамъ, Валерія Александровна? — робко спросила она.

— Войдите! — откликнулся голосъ за дверью.

— Вы что же это такъ мало играете? — все также робко начала Ольга Арсеньевна, входя въ комнату квартирантки. — А какъ мнѣ хорошо бываетъ, когда вы играете...

— Садитесь, Ольга Арсеньевна! — пригласила ее жилища. — Такъ вамъ нравится моя музыка?

Ольга Арсеньевна внезапно оживилась и, съ любовью взглянувъ на гитару, перевела такой же любовный взглядъ и на собесѣдницу. — Кажется мнѣ, что я въ другую жизнь попала, — продолжала она, — точно и не было у меня совсѣмъ слезъ да муки... Вотъ какъ вы хорошо играете! — съ восхищеніемъ восклицала Ольга Арсеньевна.

— А много слезъ и много муки было у васъ, Ольга Арсеньевна? — перебила квартирантка и взглянула на нее

серьезно и грустно.—Я часто слышу по ночамъ: вы, кажется, у себя плачете?

Ольга Арсеньевна съ безпокойствомъ взглянула на квартирантку.

— А вы слышали? Ужь не безпокою ли я васъ этимъ? Спать вамъ не мѣшаю ли? Вѣдь я сдержу себя, постараюсь... Только бы вы не безпокоились.

— Нѣтъ, я не о томъ. Я, все равно, долго сижу по ночамъ и читаю. Я такъ привыкла. Но меня безпокоитъ ваше горе. Отчего же вы плачете по ночамъ?

— Долго рассказывать, милая!.. Простите, что такъ назвала васъ,—пришлись вы мнѣ по сердцу...

— Спасибо! Ну, расскажите же... Мнѣ больно за васъ, я хочу знаете о томъ, что васъ такъ мучить.

— Ужь и не знаю я, какъ вамъ объ этомъ рассказывать? Да что жь, расскажу... Чувствуется мнѣ, что не станете вы меня строго судить, не прогоните отъ себя.

Ольга Арсеньевна робко, съ любовью, взглянула на собеседницу, опустила голову и, помолчавъ, начала свой рассказъ.

V.

— Съ пятнадцати лѣтъ вѣдь я эдакъ-то мучусь! Съ измальства попала я въ эту яму, да ужь и до смерти не выберусь изъ нея,—развѣ что стану негодной для ихнихъ ласкъ да поцѣлуевъ проклятыхъ. Тогда выбросать... помру подъ заборомъ. Вотъ только и жизни-то всей было, что жила я дитѣй беззаботной да ясной въ семьѣ своей, въ селѣ Шебуевѣ. Къ пятнадцати годамъ я первой швеей на селѣ была... Охъ, зачѣмъ только Господь наградилъ меня красотой? Кругленькая, да красивенькая была я,—всѣ парни на селѣ зариться на меня стали. Одинъ такъ и свататься началъ. Всѣмъ взялъ! Красивый, молодой, и руки были у него золотыя. Да вотъ случилось же, что братъ тутъ изъ Питера къ намъ въ Шебуево, какъ снѣгъ на голову, свалился. Сталъ онъ тутъ съ чего-то ко мнѣ присматриваться да слова какія-то странныя говорить. Подзоветъ къ себѣ, бывало, посмотреть-посмотреть на меня, да и скажетъ: «экая ты у меня дѣвка хорошенькая, Ольга! И при всей-то своей красотѣ да тѣльности, такъ зря въ Ше-

бுவேвѣ пропадаешъ»...—Какъ,—говорю,—пропадаю?—Дѣвка я честная!—Правда, люди говорятъ, что пригожа я съ лица, да только я честная—не пропадаю стало быть. И шью я споро да скоро, и ужь вы не сомнѣвайтесь, братецъ,—противъ меня ни одна швея на селѣ не пойдетъ.

«А братецъ слушаетъ, да усмѣхается. И такъ-то нехорошо усмѣхается! И глаза у него косятъ и что-то въ нихъ такое нехорошее: въ голову мнѣ стыдъ отъ того взгляда ударяетъ... «Не вѣрять, думаю, братецъ». Молчу, отвернувшись, а у самой слезы изъ глазъ капаютъ, только повторяю ему сквозь слезы:—Не сомнѣвайтесь, братецъ! Потому, вижу я, не вѣрите вы мнѣ, что я честная...

«А братецъ все свое твердить:

«— Да, Ольга! Не дѣло тебѣ тутъ, въ Шебуевѣ, жить. Швея, говоришь ты, хорошая? Да чтò въ томъ толку, что швея? Вотъ погоди: уѣду я отсюда опять въ Питеръ, да и тебя съ собой увезу. Потому, какъ здѣсь у васъ на деревнѣ тоска. Ни веселья, ни дамъ настоящихъ нѣтъ. Знала бы ты, дѣвка моя пригожая, какъ я въ Питерѣ по трактирамъ праздную. Эхъ, жизнь—малина! И ты у меня въ Питерѣ барыней заживешь. Конфеты будешь ѣсть всласть, а что иное-прочее, такъ и лучше конфетъ покажется.

«А я-то, глупая, уши развѣсила и думаю въ простотѣ своей,—что, видно, братецъ-то мнѣ добра желаетъ, если зоветъ съ собой на сладкую жизнь. Ну, и дѣлу конецъ,—поѣхала я съ нимъ въ Питеръ.

— Такъ что же родные не удержали васъ?—спросила квартирантка и съ чувствомъ глубокаго состраданія къ собесѣдницѣ, внезапно сдавившимъ сердце, поникла головой.

— Мамаша одна была у насъ. Да что жь она понимала? Какъ есть темная,—поденно работать въ люди ходила. Тоже, поди, думала, что въ Питерѣ дочкѣ слаще жить будетъ...

VI.

— Что же было дальше? Говорите все, не стѣсняйтесь! — напомнила квартирантка тоскливо замолчавшей Ольгѣ Арсеньевнѣ.

— Дальше? Чтò жь могло быть хорошаго! Дальше—вотъ эта яма, куда бросилъ меня не врагъ лютой, а братъ родной.

Недѣли не выжила я съ братомъ, какъ ужъ топиться хотѣла. Такой пьяный, скандальный онъ сталъ, какъ въ Питерь мы съ нимъ прѣѣхали! Бывало, среди ночи придетъ, ругается, бить ни за что начнетъ, да и что ужъ скрывать?.. Самъ онъ ко мнѣ лѣзть началъ! И выбѣжала я разъ такъ-то отъ него среди ночи въ чемъ была. Всю ночь на лѣстницѣ дрогла. Утромъ пришла. Братъ встрѣтилъ, смѣется. «Понимаю, — говорить, — Ольга. Дѣвка ты молодая, тѣльная,—не жить, значить, тебѣ со мной. Тебѣ теперь не того требуется. Ну, вотъ, погоди, стерпи малость,—я къ тебѣ нынче кавалера приведу: будешь кланяться да ручки мои цѣловать». Истомилась, измучилась я, всю ночь безъ сна продрогнувъ на лѣстницѣ. Какъ снопъ на лавку свалилась, заснула свинцовымъ сномъ, а какъ открыла глаза, вижу, лежитъ со мной незнакомый мужчина толстый, да красный. противный такой! И страшно, и больно мнѣ стало; всѣмъ тѣломъ я вдругъ задрожала. Вскочить съ постели хотѣла, да сжалъ онъ меня проклятыми лапищами, что тисками. Плакала, умоляла сначала, потомъ затихла. Тутъ заговорилъ онъ со мной: «Полюбилъ я васъ, Ольга Арсеньевна, и ужъ не пытайтесь вы отъ меня бѣжать, — не пущу я васъ отъ себя. Теперь вы мнѣ, все равно, какъ жена. И квартиру я вамъ найму, самъ деньги за васъ платить стану и каждую ночь къ вамъ буду ходить. А что до брата, такъ ужъ не безпокойтесь, онъ васъ теперь обижать не будетъ; мы съ нимъ поладили. Хоть и содралъ онъ съ меня порядочно, да что жъ? вижу, что стоитъ того: дѣвица вы — прелестъ!» Какъ уходилъ утромъ, золотыя сережки мнѣ сунулъ и денегъ далъ. Ну, что жъ дальше рассказывать? Вы видите, что сдержалъ онъ свое слово,—и по сю пору не выпустилъ меня изъ лапъ своихъ проклятыхъ, хоть и важнымъ бариномъ сталъ,—въ министерствѣ столоначальникомъ служить.

— Такъ этотъ толстый господинъ вамъ не мужъ? А вы его зовете мужемъ?—спросила квартирантка.

— Да вѣдь съ пятнадцати лѣтъ съ нимъ живу, вотъ и зову мужемъ. А ужъ сколько дѣтей у меня отъ него было, Перваго ребенка шестнадцати лѣтъ родила.

— А ваши дѣти?

— Гдѣ ужъ!—грустно усмѣхнулась Ольга Арсеньевна.— Развѣ бы онъ позволилъ держать ихъ?.. Умерли всѣ!..

VII.

— Ну, а тотъ другой, высокій и блѣдный, который къ вамъ ходитъ... онъ кто же?—продолжала разспрашивать квартирантка, съ нескрываемымъ состраданіемъ глядя на Ольгу Арсеньевну.

— Тотъ также «мужъ»! — горько разсмѣялась Ольга Арсеньевна, но вдругъ стала серьезной, и отпечатокъ внутренней муки отразился на ея еще красивомъ и моложавомъ лицѣ

— Ахъ, выслушайте только, какъ это было! — порывисто-заговорила она, стискивая руку квартирантки.—Тотъ, первый «мужъ», былъ женатый. Случалось, онъ совсѣмъ забывалъ обо мнѣ, и я сидѣла голодная, безъ куска хлѣба. Шитьемъ заняться хотѣла, да всѣхъ заказчицъ онъ отъ меня отвадилъ, — ревновать началъ. Хотѣлъ, чтобы я ни людей, ни свѣта божьяго не видѣла. А самъ по недѣлямъ меня голодомъ морилъ. Помню, выдались у меня такіе дни. Жду, жду его, — неидетъ. У самой куска хлѣба нѣтъ. Пошла я, наконецъ, съ утра помы мыть въ сосѣднюю квартиру. Дали мнѣ тамъ шесть гривенъ, да вѣдь ужъ отвыкла я отъ такой работы; спина, поясница разболѣлись у меня. На другой день и вовсе заработка не нашла. Рѣшила, что все равно пропадать... Коли ужъ я — погибшая, такъ одинъ ли, два ли мужа, отъ этого чести моей не убудетъ и не прибудетъ. Пошла вечеромъ въ садъ Неметти. Ну, тамъ-то и познакомилась я съ тѣмъ... вторымъ... и привела его къ себѣ. Этотъ и денегъ мнѣ больше даетъ, да, кажется, и любить меня. Только мнѣ-то онъ не любъ.

— Такъ-то, моя хорошая! — остановилась Ольга Арсеньевна и тяжело вздохнула. — Такая ужъ, видно, судьба моя проклятая, что безъ вины я попала въ такую жизнь! Разъ чуть живую изъ петли вынули, — руки наложить на себя хотѣла...

Изъ прихожей въ тѣсную квартирку Ольги Арсеньевны донесся отрывистый дребезжащій звонокъ. На лицѣ Ольги Арсеньевны явилось выраженіе безнадежной тоски.

— Это не «мужъ», а тотъ... другой... «глисть». Ни минуты отъ нихъ нѣтъ покоя! — съ тоской въ голосѣ сказала она.

Собесѣдница отвѣтила ей молчаливымъ, сочувственнымъ горю, взглядомъ.

— А вы играйте, играйте, милая моя, хорошая! — вдругъ страстно прошептала Ольга, хватаясь за гитару, и, какъ бы очнувшись, быстро пошла отворять дверь.

VIII.

Тянулись долгіе октябрьскіе вечера съ рѣзкимъ и холоднымъ осеннимъ вѣтромъ. Невеселая жизнь Ольги Арсеньевны, — по прежнему, безпокойная и нечистая, — не скрашивалась теперь даже звуками гитары за стѣной.

Къ ея квартиранткѣ пріѣхалъ отецъ и, узнавъ, что Ольга Арсеньевна — «погибшая» женщина, потребовалъ, чтобы дочь тотчасъ же переѣхала отъ нея. Ольга Арсеньевна съ тоской вспоминала теперь объ этомъ. Всего два мѣсяца прожила у нея квартирантка; но, не смотря на этотъ короткій срокъ, Ольга Арсеньевна привязалась къ ней нѣжной, почти материнской любовью. Въ ея одинокой душѣ точно свѣтлѣло, когда, изливая передъ молчаливой собесѣдницей всю муку и ужась своей невеселой доли, она видѣла передъ собой ея взглядъ, полный грустнаго сочувствія.

Вспоминая объ этомъ мимолетномъ проблескѣ свѣта въ своей тяжелой и темной жизни, она доставала изъ шкафа портретъ квартирантки, взятый ею «на память», и долго съ любовью глядѣла на него.

Въ ухахъ ея часто, вмѣстѣ съ грустными звуками гитары, звучали теперь послѣднія слова блѣдной, встревоженной Валеріи Александровны:

— Я все рассказала отцу! Вѣдь я увѣрена была, что также, какъ и я, онъ назоветъ васъ доброй, хорошей женщиной, что онъ васъ пожалѣетъ и поможетъ вамъ чѣмъ нибудь. Но онъ... — Здѣсь она замялась, смутилась и поблѣднѣла. Потомъ взяла ее за руку и со слезами въ голосѣ порывисто заговорила: — Нѣтъ, вы не думайте, что онъ нехорошо отзывался о васъ... онъ сказалъ только, что много есть въ жизни печальныхъ явленій, но что я не должна у васъ оставаться, что обо мнѣ самой пойдетъ молва нехорошая. Простите, простите меня! — съ глубокой скорбью добавила она.

К. Григорьевъ.

Вечерѣтъ.

Длиннѣй синѣющія тѣни;
Сильнѣе запахъ конопли.
Поляно спокойствія и лѣни
Дыханье матери-земли.

Стихаютъ дразнящія звуки
Перепеловъ въ высокой ржи;
Колесъ телѣгъ и скрипъ, и стуки
Съ далекой донеслись межи.

Все рѣже за сосѣднимъ садомъ
Знакомый крикъ коростелей.
Вдали идутъ крестьянки рядомъ
Съ своихъ желтѣющихъ полей.

За ними дѣти вслѣдъ толпою,
И далеко, въ просторѣ нивъ,
Надъ спящимъ лугомъ, надъ рѣкою
Протяжный слышится мотивъ.

И вьется, солнцемъ залитая,
Пыль надъ проселочнымъ путемъ,
А солнце гаснетъ, догорая
Своимъ сверкающимъ лучомъ.

А. Радченко.

ПОЗДНЯЯ ИСПОВѢДЬ.

Романъ Лео Гильдека.

(Съ нѣмецкаго).

И я, крѣпко прижавшись къ нему, замирающимъ шопотомъ спросила:—Скажи мнѣ: любишь ли ты меня?

— Ты же знаешь, что я терпѣть не могу подобныхъ приваній,—возразилъ онъ съ легкимъ пренебреженіемъ, и тотчасъ же опустилъ руку, обнимавшую мое плечо.

— Еслибъ я только знала, — въ конецъ уничтоженная, произношу я,—почему ты не переносишь этого слова, разъ ты меня дѣйствительно любишь?

— Дурочка! — презрительно говорить онъ. — Развѣ бы я приходилъ къ тебѣ на свиданіе, еслибы былъ равнодушенъ?

— Конечно, нѣтъ,—чуть слышно проговорила я, заглядывая ему въ глаза умоляющимъ взглядомъ. Онъ опять обхватываетъ руками мою шею, крѣпко прижимаетъ къ себѣ и я сижу успокоенная и счастливая его близостью, стараясь отогнать отъ себя всякія сомнѣнія. Солнце ярко свѣтитъ сквозь вѣтви и озаряетъ насъ красноватымъ свѣтомъ, такъ что было видно, какъ у меня въ жилахъ переливается кровь. Птицы замолкли. Отъ группы ёлокъ, разогрѣтыхъ солнцемъ, слышенъ сильный запахъ смолы.

— Жарко, уйдемъ! — черезъ минуту говорить онъ и поднимается съ мѣста. Его движенія тяжелы и усталы. Я уже часто замѣчала въ немъ эту, внезапно охватывающую его, усталость, которая была какъ бы предвѣстницей наступающей старости.

— Усталъ, мое сокровище?—участливо спрашиваю я его.

— Ахъ, Боже мой! — нетерпѣливо говоритъ онъ. — Когда ты избавишь меня отъ такихъ пустыхъ вопросовъ?..

ХІІ.

Вотъ, наконецъ, и у насъ пошелъ дождь. Очевидно и въ раю безъ него не обходится. Я съ чувствомъ разочарованія гляжу на сѣрое небо, на лужи; ощущаю сырость, поднимающуюся со стороны лѣса. Надъ горами тяжело и медленно плывутъ громадныя свинцовыя тучи. Громче обыкновеннаго шумить ручей, пробѣгающій почти подъ нашими окнами.

— Въ такую погоду ты, конечно, не пойдешь гулять, — кричитъ мнѣ Артуръ изъ своей спальни. Дверь въ нее отворена и онъ видитъ, какъ я примѣряю передъ зеркаломъ шляпку.

— Я провожу тебя сначала до купальни, а потомъ пойдѣмъ дальше, — говорю я.

Дѣвушка просовываетъ голову въ дверь. — Сударыня, господинъ Бауеръ ждутъ васъ въ залѣ.

— Ахъ, — кричитъ Артуръ, — поди займи его, я черезъ двѣ минуты приду.

Я спѣшу въ залу. Конрадъ поспѣшно идетъ мнѣ навстрѣчу.

— Какая досада! Сегодня мы не можемъ идти гулять, — торопливо говоритъ онъ. — Дорогу совсѣмъ размыло дождями, но сегодня я приду къ вамъ немного пораньше послѣ обѣда, чтобы поболтать вдвоемъ, пока Артуръ будетъ отдыхать передъ своей обычной игрой въ карты.

Я не успѣла произнести ни одного слова въ отвѣтъ, какъ уже вошелъ Артуръ.

— Сегодня я въ десять часовъ тоже отправлюсь купаться, — объявилъ Конрадъ, — иначе чтò же остается дѣлать въ такую ужасную погоду. Пойдемте вмѣстѣ, а вы, госпожа Карола, оставайтесь-ка дома. До свиданія!

Я вернулась къ себѣ въ комнату съ чувствомъ обманутаго ожиданія. Ахъ! куда дѣвалась моя прекрасная идиллія? Чѣмъ же заняться мнѣ въ это утро, чтобы разогнать свою тоску? Послѣ короткаго размышленія я отправилась къ Катѣ.

Я застала мою маленькую пріятельницу въ простенькомъ суконномъ выходномъ платьѣ, передъ колыбелью ея сына. Она

нагибалась надъ малюткой, цѣлуя его на прощанье. Но вотъ она обернулась ко мнѣ.

— Eh bien! у меня мелькнула внезапная идея, и вы мнѣ должны помочь. Это просто восхитительно. Лейтенантъ все становится скучнѣе. Боже, какъ мужчины дѣлаются глупы, когда они влюблены! Faute de mieux, я условилась съ нимъ позавтракать вмѣстѣ, но хочу покончить съ нимъ. Это настоящая благодать, что вы пришли.

— Ахъ, Катя! но все таки будьте посдержаннѣе съ этимъ бѣдняжкой.

— Вотъ еще! Стану я стѣсняться. Онъ долженъ быть доволенъ уже и тѣмъ, что я его выношу. Мужчинъ никогда не слѣдуетъ баловать. Есть такіе, которые и безъ того очень глупы, а въ любви совсѣмъ дурѣютъ; зато другіе должны искупать ихъ ошибки. Въ этомъ состоитъ высшая справедливость. Развѣ вы не помните словъ Гейне: «Madame, если кто хочетъ возбудить къ себѣ мою любовь, тотъ долженъ третировать меня en sautille». Это, конечно, относится не къ одному Гейне. Чтобы заставить за собой ухаживать, надо владѣть особымъ секретомъ. Безпристрастно можно поступать только съ тѣми, кто не любитъ; если же мнѣ представляется такой случай, когда я могу вертѣть людьми, какъ хочу, то зачѣмъ же мнѣ упускать его? Не такъ ли, Володя?

И она весело распѣловала лепечущаго малютку, взявшаго привычку вцѣпляться обѣими ручонками въ густые темные локончики, спускавшіеся у матери на лобъ, и сильно теребить ее за нихъ.

— Ахъ, оставь! Ужъ не пробуешь ли и ты съ этихъ поръ распоряжаться по своему съ женщинами, маленькая миньютюра мужчины?

И она, высвободивъ свои волосы изъ ручекъ малютки, тщательно поправила прическу.—Ну, это ничего, завивка все равно пострадаетъ отъ дождя. Однако, куда хотѣли вы плыть, Венера новѣйшей конструкціи?

— Не посмотрѣть ли намъ на знаменитую Гернродскую церковь?

— Venus, vous êtes superbe aujourd'hui! Будемъ просвѣщаться. Въ такую погоду самой хорошенькой женщиной только и остается, что просвѣщать свой умъ лицезрѣніемъ разныхъ

рѣдкостей и церквей. Прощай, Анна, присмотри пожалуйста за ребенкомъ!

Она была прелестна въ своемъ безупречномъ суконномъ платьѣ, въ маленькой амазонской шляпкѣ съ краснымъ перышкомъ. Я сказала ей это. Она только вздохнула.

— Да, одному Богу извѣстно, для кого я такъ хороша. Для такой жизни, какую я веду, мнѣ слѣдовало бы быть безобразнѣе летучей мыши. Конечно, пріятно нравиться. Теперь я, по крайней мѣрѣ, знаю, для чего существуютъ на свѣтѣ лейтенанты. Еслибъ вотъ эдакій красный воротникъ не обращался ко мнѣ отъ времени до времени съ какимъ нибудь комплиментомъ, да не глядѣлъ бы на меня такимъ влюбленнымъ, преданнымъ взглядомъ, что всякій готовъ былъ бы поклясться за серьезность его чувства, — то я, кажется, умерла бы отъ тоски.

— А если онъ васъ, дѣйствительно, серьезно полюбилъ, а вы дѣлаете его несчастнымъ?

— Tant pis pour lui! Мы всѣ рождены для страданья...

Дождь лилъ, какъ изъ ведра. Мы шли вдоль шведскаго лѣса: я посматривала на мокрую зелень и, тайно вздыхая, вспоминала о своей чудесной лѣсной идилліи. Съ деревьевъ падали крупныя капли на наши зонтики. Мы держали передъ собой эти зонтики, какъ щиты. Вѣтеръ рвалъ ихъ. Вдругъ Катя остановилась.

— Я хочу вамъ довѣриться кое въ чемъ, дорогая Венера, но попрошу держать это въ строжайшемъ секретѣ. Мнѣ кажется, мы обѣ потеряли разумъ. Это очень грустно для насъ. Я возвращаюсь назадъ, чтобы позавтракать въ сухомъ помѣщеніи. Но если насъ спросятъ, мы скажемъ, что побывали въ Гернродской церкви. Ахъ! посмотрите, кто это тамъ ѣдетъ? Да вѣдь это мой другъ со своимъ краснымъ воротникомъ! Я хочу его немножко сконфузить; прошу прислушаться.

Дѣйствительно, передъ нами появилась стройная фигура хорошенькаго лейтенанта. Онъ насъ очевидно поджидалъ. Я замѣтила, какъ бѣдный юноша дрожалъ, затѣмъ, приложивъ руку къ фуражкѣ, весь согнулся подъ потоками крупнаго дождя, хлеставшаго ему въ лицо. Къ удивленію моему, Катя не замѣтила поклона; она равнодушно взглянула офицеру въ глаза, какъ будто никогда раньше его не видала, и прошла мимо.

— Катя! зачѣмъ вы такъ систематически мучите вашего обожателя?

— Ой, нѣтъ! вовсе не систематически, — легкомысленно проговорила она. — Вопросъ ставится совершенно просто... Я вовсе въ немъ не нуждаюсь и если его утомляютъ мои капризы, то ему остается только удалиться. Меня эта игра съ нимъ забавляетъ, — при этихъ словахъ она закусила губы и затѣмъ продолжала:

— Раньше ничего подобнаго мнѣ не пришло бы на умъ... — и ея голосъ дрогнулъ. — Я думаю, что до сихъ поръ я была всегда добра относительно другихъ людей. Бываютъ натуры, которыя въ несчастіи становятся лучше — правда ли это, право, не знаю. Не могу себѣ этого представить. Во всякомъ случаѣ я не принадлежу къ этимъ спокойнымъ натурамъ. Когда мучишься самъ, то хочется помучить и другихъ. Вы скажете, что это несправедливо; но на свѣтѣ всегда бываетъ такъ, что мы искупаемъ проступки другихъ. Но вотъ мы у курзала. Dieu merci! Тутъ мы и позавтракаемъ.

Мы вошли, сѣли за одинъ изъ маленькихъ столиковъ и позвали кельнера.

Сейчасъ же вслѣдъ за нами опять открылась дверь, и появился лейтенантъ. Онъ прошелъ, весь красный, мимо, не поклонившись, и занялъ столикъ въ концѣ зала.

— Местъ сладка! — проговорила я.

— Мнѣ стоить только поманить его пальцемъ и онъ сейчасъ же очутится тутъ, — спокойно объявила Катя. Она вынула свой портмоне, порылась въ немъ, взяла монету въ десять марокъ и положила передъ собой, между тѣмъ какъ кельнеръ съ величайшею предосторожностью устанавливалъ на столикѣ посуду, раскладывалъ ножи съ вилками и т. д.

— Кельнеръ, образумились ли вы?.. — спросила она, указывая на монету.

Слуга мелькомъ взглянулъ по направленію пальца, но, ничего не отвѣтивъ, вдругъ исчезъ, не подавая и виду, что понялъ ея слова.

— Что это опять за секреты? — удивленно спросила я. Катя разсмѣялась.

— Этотъ кельнеръ — спартанецъ по своимъ добродѣтелямъ, — замѣтила она. — Всякій день предлагаю я ему эти деньги за то, чтобы онъ мнѣ сообщилъ нѣкоторыя подробности о князѣ

Глисбахъ, а онъ торжественно сопротивляется. Ну, не находите ли вы въ этомъ доказательство величія его души?

— Удивительно, что вы всегда придумаете, Катя! — разсмѣялась я. — Человѣкъ будетъ разыгрывать изъ себя святаго, а вы за это будете расплачиваться. — Кельнеръ опять появился, принесъ на подносѣ заказанныя кушанья, которыя онъ разставилъ передъ нами съ небрежной граціей. Но Катя опять таки показала ему на монету.

— Кельнеръ, вы, должно быть, очень богаты, если отказываетесь отъ такихъ денегъ, — серьезно проговорила она. — Скажете ли вы, наконецъ, о князѣ Глисбахѣ?

У кельнера не дрогнулъ ни одинъ мускулъ въ лицѣ. Его непреклонное лицо показалось мнѣ комичнымъ и вмѣстѣ трогательнымъ. Онъ аккуратно уставилъ кушанья, подаль намъ нагрѣтыя тарелки и спросилъ: «не прикажутъ ли дамы еще что нибудь?»

— Да, конечно! — объявила Катя. — Мы хотимъ, чтобы вы рассказали намъ, наконецъ, о князѣ...

Кельнеръ убѣжалъ. Моя маленькая подруга тихонько смѣялась.

— Вы, вѣроятно, пожимаете плечами, глядя на мои выходы, — замѣтила она въ промежуткѣ между кушаньями. — Но во всякомъ случаѣ вы можете мнѣ посочувствовать. Вашъ мужъ любить васъ... Но я все же думаю, что вашъ бракъ съ нимъ — скучнѣйшая вещь. Теперь, послѣ того, что я вамъ объявила, смѣйтесь надо мной сколько хотите!

Я почувствовала, какъ мнѣ кровь ударила въ голову. Мнѣ ничего не оставалось, какъ сердечно пожать руку Кати. Она глубоко вздохнула и откинулась къ спинкѣ стула. Но вдругъ она расхохоталась.

— Вы теперь воображаете, что маленькій лейтенантъ очень несчастливъ? А, впрочемъ, что-то дѣлаетъ онъ въ эту минуту?

— У него въ рукѣ стаканъ пива, и онъ дѣлаетъ видъ, что просматриваетъ газеты, — сказала я, слѣдя за бѣлокурымъ офицеромъ.

— А теперь мы разыграемъ комедію, — проговорила она, и поднялась съ мѣста. Когда мы проходили мимо столика лейтенанта, она на минутку остановилась и сощурила глаза, какъ близорукая.

— Ахъ, господинъ фонъ Т!—любезнымъ тономъ произнесла она и протянула ему руку, очаровательно улыбаясь.—Вы уже давно здѣсь? Какой же вы послѣ этого офицеръ, если могли пройти мимо насъ, не поздоровавшись?

Несчастный лейтенантъ то краснѣлъ, то блѣднѣлъ. Онъ быстро вскочилъ со стула, низко-пренизко поклонился и сталъ разсыпаться въ тысячѣ извиненій. Катя мелькомъ окинула меня лукавымъ взглядомъ и, послѣ нѣкотораго обмѣна взаимныхъ привѣтствій, мы всѣ отправились дальше. Офицеръ оставилъ курзалъ со счастливымъ выраженьемъ въ лицѣ, а мы пошли въ музыкальную залу, которую нашли пустой. Хозяинъ курзала шелъ слѣдомъ за нами.

— Сударыня, объ васъ спрашивали какіе-то два господина. Вы ихъ не встрѣтили?—почтительно спросилъ онъ.

— Два господина?—и Катя вдругъ смертельно поблѣднѣла. Ея лицо, до сихъ поръ веселое и беззаботное, сразу измѣнило свое выраженіе. Глаза безпомощно блуждали, окидывая взглядомъ то меня, то стоявшаго передъ ней человѣка.—А вы не знаете этихъ господъ? — тономъ, полнымъ опасенія, спросила она.

— Нѣтъ, они, кажется, только что прибыли сюда. Одинъ изъ нихъ — пожилой господинъ, такой румяный; а другой— молодой, съ маленькой острой бородкой... Они спрашивали о госпожѣ Гербертъ.

— Я должна сейчасъ же идти домой,—проговорила Катя, задыхаясь отъ волненія, и хотѣла пройти мимо хозяина, но онъ остановилъ ее.

— Сударыня, я боюсь, что теперь это будетъ уже поздно. Я долженъ просить у васъ прощенья, но больше всѣхъ виновать Антонъ... — Поди-ка сюда, Пикколо! — крикнулъ онъ младшему кельнеру, который стоялъ у двери съ испуганнымъ лицомъ; у него былъ еще почти дѣтскій видъ. — Эй, ты, нахаль, чѣмъ ты сказалъ тѣмъ двумъ господамъ, когда они осмѣдомлялись о госпожѣ Гербертъ? Ну?

Но то, чѣмъ лепеталъ плачущимъ, испуганнымъ голосомъ Пикколо, было очень трудно понять.

— «Эта дама постоянно обѣдаетъ тутъ съ лейтенантомъ фонъ-Т.»,—вотъ что сказалъ онъ имъ, — повторилъ хозяинъ слова мальчика, держа его за ухо большими розовыми пальцами.

— И тогда... но, можетъ быть, вы желаете, чтобы остальное я вамъ передалъ наединѣ?

Катя автоматически покачала головой.

— Тогда молодой господинъ какъ-то странно разсмѣялся и сказалъ:— «видишь, папа, она нашла себѣ тутъ подходящую компанію, значитъ, мы можемъ сейчасъ же уѣхать»... Сударыня, прошу васъ, ради бога, не разсердитесь на меня.

— О нѣтъ, тутъ нѣтъ ничего важнаго,—отвѣтила она тихимъ голосомъ, который рѣзнулъ меня по сердцу.— Это были мой отецъ съ братомъ, — громко проговорила она, обращаясь ко мнѣ.— Они, кажется, испугались, что я здѣсь одна соскучусь— это очень трогательно.

Сдѣлавъ веселое лицо, она потащила меня къ выходу. Мы очутились, наконецъ, однѣ на свободѣ. Катя тяжело опустилась на мое плечо; я поспѣшила закрыть и себя, и ее зонтикомъ.

— Можетъ быть, вы пойдете къ колыбелькѣ вашего сына,—утѣшительнымъ тономъ проговорила я, не придавая особаго значенія собственнымъ словамъ.

— Да, можетъ быть,—отвѣтила она какъ-то безучастно, направляясь къ своему жилищу. Я продолжала утѣшать ее, пока не замѣтила, что она плохо понимаетъ то, что я ей говорю. Я, конечно, знала, что происходитъ въ этой бѣдной голловкѣ.

— Ахъ я дура, дура!—срывалось отъ времени до времени съ ея пересохшихъ губъ. Затѣмъ она начинала что-то бормотать, перемѣшивая русскія фразы съ французскими: «Ужь этотъ бѣлобрысый—дрянь; рождественская кукла! Я его убью— это сильнѣе меня самой».

Мы обѣ почти задыхались, когда подошли къ дому Кати. Она сильно позвонила и горничная тотчасъ же появилась у двери.

— Сударыня, сударыня, оба господина Герберта только что были здѣсь.—Развѣ они вамъ не встрѣтились?—Я сказала имъ, что они могутъ видѣть барыню въ курзалѣ.

— Теперь уходите, Карола, скорѣе уходите! — бормотала Катя съ глазами, полными слезъ.

Затѣмъ она кинулась на минутку въ мои объятія, крѣпко прижалась ко мнѣ и выпроводила меня за дверь, которая бы-

стро за мной захлопнулась. Бѣдная Катя, бѣдная маленькая Катя!

ХІІІ.

Послѣ обѣда я стояла у окна и ждала. Дождь все шелъ да шелъ, не переставая. Въ саду столы и скамейки были мокры и блестяи, точно вновь отлакированные; съ деревьевъ падали крупныя капли. Ручей еще больше шумѣлъ; въ его ропотѣ слышалось мнѣ что-то упрямое, негодующее. Однако, Конрадъ заставляетъ себя ждать. Еслибы онъ раньше пришелъ, то мы могли бы цѣлый часъ провести вдвоемъ. А теперь уже было четверть втораго, а въ три часа должны прійти остальные гости для игры въ карты. Не онъ ли это, наконецъ? Нѣтъ, это чужой; вотъ онъ загнулъ за уголъ. Какъ жаль той прекрасной погоды, когда мы съ нимъ ежедневно гуляли! Нѣтъ, перестану смотрѣть на часы. Я снимаю съ себя цѣпочку съ часами и кладу ихъ въ самый дальній, дальній уголъ комнаты. Ахъ, какъ скучно, какъ скучно! А его все нѣтъ, какъ нѣтъ. Сколько же прошло еще времени? Я медленно подхожу къ столику, на который положила часы. Прошло еще десять минутъ; сейчасъ будетъ половина третьяго. Право, слѣдовало бы на него разсердиться, но я не могу. Онъ не долженъ видѣть меня въ раздраженномъ состояніи; я хочу быть съ нимъ любезной. Я беру книгу и принимаюсь за чтеніе.

Но вотъ я испуганно вскрикиваю. Христина отворяетъ дверь.—Сударыня, господинъ Бишофъ!

Ужъ, конечно, этотъ Францъ всегда пунктуаленъ. На моихъ часахъ уже три. Конрадъ не пришелъ. Я встрѣтила Франца неестественнымъ, тяжелымъ смѣхомъ. Онъ пристально взглянулъ на меня.

— Вы разстроены? Ужъ не ради ли Кати?

Онъ уже все знаетъ. Папа Гербертъ и сынъ ему встрѣтились и молодой Гербертъ шелъ впереди отца, не отвѣчая ему, очевидно даже не слушая, что тотъ говорилъ. Лицо супруга Кати было мрачное и рѣшительное.

— Боже мой, до чего женщины упрямы и какой у нихъ бываетъ странный вкусъ. Вотъ, на примѣръ, такое сердечное созданіе, какъ Катя Гербертъ, выходитъ замужъ за человѣка

совершенно посредственнаго, который,—какъ ей извѣстно,—нисколько ее не любитъ. И вотъ, чтобы приблизить его, она компрометируетъ себя съ какимъ-то лейтенантомъ, къ которому совсѣмъ равнодушна! Вѣрите вы намъ, женщины, что духовно вы давно были бы равны намъ, еслибы только *созрѣли* для эмансипаціи...

— Ну, если дѣло касается до этого, то еще неизвѣстно, кто дѣлаетъ больше глупостей въ любви,—кричу я,—женщины или мужчины. Бываетъ такъ, что самые умные люди въ любви поступаютъ отчаянно глупо.

Францъ, стоявшій у окна, медленно повернулъ ко мнѣ голову.

— Надѣюсь, вы говорите не pro domo sua, госпожа Карола...

Некстати я вспыхнула.

— Ужь не думаете ли вы, что я умничаю? — спросила я возможно спокойнѣе.

— Я въ этомъ не сомнѣваюсь, — сухо отвѣтилъ онъ.— Здравствуй, Артуръ,—обращается онъ къ мужу, который только что вошелъ, — у тебя сегодня такой видъ, точно ты хорошо выспался... А вотъ идетъ и докторъ... Но гдѣ же торчитъ Конрадъ?—Гдѣ же это онъ пропадаетъ? Мужчины усѣлись за карты, а я занялась у окна чтеніемъ. Но чтеніе не очень занимало меня; я думала о другомъ. Не случилось ли чего нибудь серьезнаго? Но я слышала отъ доктора Эрнста, что полчаса тому назадъ онъ видѣлъ Конрада... Каждую минуту я поднимала голову и смотрѣла изъ окна на дорогу. Никого не видать!.. Погода стала немножко получше, небо разъяснилось, и дождь по временамъ переставалъ идти. Я подавляла вздохъ и принималась читать. До моего уха долетали отъ времени до времени безтолковыя препирательства игроковъ.

— Нельзя ли намъ чаю, Каро? — просительно произнесъ мужъ. Я встала съ мѣста, позвала Христину и отдала приказаніе. — А у тебя все по прежнему неудача, муженецъ?—спросила я, ставъ позади его стула.

— Наоборотъ, ему сегодня страшно везетъ, сударыня—проговорилъ докторъ, — смѣло можете рассчитывать на новое платье!

— Докторъ, вы превышаете границу вашей власти!—съ

шутливой угрозой обратился къ нему Артуръ.— Впрочемъ, это просто срамъ, какъ я сегодня обыгрываю своихъ гостей!

— Счастливый въ игрѣ несчастливъ въ любви,—подсмѣивался докторъ.

— Ну, въ мои годы я уже отказался отъ подобнаго рода глупаго суевѣрія. Мнѣ уже не къ лицу эта дѣтская сентиментальность. Не правда ли, Каро?

Я сдѣлала видъ, что не слышу. Но, точно подъ вліяніемъ магнетическаго тока, я взглянула вкось на Франца и увидала, что все его вниманіе устремлено на меня. Тогда, воспользовавшись появленіемъ въ комнатѣ горничной, я пошла помочь ей накрыть на столъ.

— Какъ у васъ опять весело!—сказалъ мнѣ Францъ, когда мы усѣлись за чайный столъ.— Вотъ опять выдался моментъ, въ который я могу вполнѣ отдаться удовольствію и вдоволь налюбоваться на очаровательную хозяйку... Но какъ рѣдко бываетъ подобное счастье!

— Однако, вы чересчуръ любезны!—разсмѣялась я.

— Вотъ какъ? Но если я вамъ скажу, что въ эту минуту я ничего, совсѣмъ ничего не вижу, кромѣ васъ, то можете ли вы отвѣтить мнѣ то же самое?

И вотъ опять я почувствовала его пронзительный взглядъ, устремленный на меня, на этотъ разъ съ примѣсью насмѣшки.

Я принужденно засмѣялась и передала ему тарелку съ тартинкой, намазанной икрою.

— Вотъ вамъ, чуткая, нѣжная душа!—сказала я съ комическимъ паѳосомъ.— Такую скромность надо ободрить. Въ наше время всеобщаго недовольства вы, дѣйствительно, можете служить образцомъ. Съ васъ слѣдовало бы снять тутъ, за чайнымъ столомъ, фотографическій портретъ и затѣмъ публично выставить его съ подписью: «Вотъ счастливый человѣкъ».

Въ эту минуту Христина открыла дверь и доложила: «Господинъ Бауэръ». Я украдкой взглянула на часы; было пять. Конрадъ имѣлъ болѣзненный видъ, хотя онъ самъ какъ бы не замѣчалъ своего нездоровья. Напротивъ, онъ казался очень довольнымъ и въ петличку его сюртука была воткнута свѣжая гвоздика.

— Что такъ поздно?—спросила я, когда онъ подошелъ ко мнѣ и протянулъ руку. При этомъ я дружески по-

смотрѣла на него; это была единственная форма, въ которую я осмѣливалась облечь мое неудовольствіе, зато что онъ не исполнилъ своего обѣщанія.

Но мнѣ пришлось сейчасъ же раскаться даже за этотъ короткій вопросъ. Въ одно мгновеніе черты лица его измѣнились, какъ въ тотъ вечеръ, когда онъ былъ у меня вмѣстѣ съ Миленой Древикъ, за которой отчаянно ухаживалъ. Его взглядъ вдругъ сдѣлался какимъ-то жесткимъ и металлическимъ. О! какъ я боялась этого злаго блеска въ его глазахъ... Я дрожала передъ нимъ; одинъ такой взглядъ отнималъ у меня всѣ радости, все добродушное настроеніе. Я сидѣла, какъ грѣшница, ожидающая наказанія. Онъ мнѣ далъ опять почувствовать, что я «вмѣшиваюсь въ его привычки, что я его контролирую». Боже мой! это я-то? Такой вопросъ, какъ сдѣланный мною, обыкновенно предлагается самымъ беззаботнымъ тономъ всякому запоздавшему гостю. Ледяное, грустное предчувствіе закралось въ мою грудь. Какая странная его любовь! Меня онъ могъ спрашивать о чемъ угодно, я же его—нѣтъ! Ахъ, Боже мой, конечно, я любила его въ тысячу разъ больше, чѣмъ онъ меня; это я отлично знала, хотя съ-отвращеніемъ признавалась себѣ въ этомъ, а тотъ, кто больше любить, тотъ и менѣе счастливъ. Чтò предстоитъ мнѣ? Эта любовь, которая была для меня жизнью, которая еще вчера казалась мнѣ такой же, не замретъ ли она подъ такимъ взглядомъ Медузы? Я сидѣла, какъ приговоренная, подъ впечатлѣніемъ этого злаго взгляда; мысли, слова, движенія, — все это было точно сковано какимъ-то злымъ волшебствомъ. Глаза мои слѣдили со страхомъ за моимъ милымъ, который какъ будто совсѣмъ позабылъ о моемъ существованіи. Онъ разговаривалъ со всѣми, кромѣ меня, добродушно и весело, какъ всегда. Что же такое случилось? неужели я однимъ неосторожнымъ словомъ сразу лишилась его любви? Но вѣдь это невозможно. Еще вчера вечеромъ, его прощальный поцѣлуй былъ такъ горячъ! Какъ страстно хотѣла бы я опять пережить тѣ часы, до сегодняшняго вечера.

— У тебя такой разстроенный видъ, мое сердце,—сказалъ Артуръ, когда гости ушли, а мы, проводивъ ихъ, возвращались вдвоемъ. Дождь пересталъ.

— Я боюсь, что у меня опять разыграется мигрень,—

задыхаясь, произнесла я и схватилась за голову, которая, дѣйствительно, начала болѣть.

Но вечеромъ онъ опять пришелъ вмѣстѣ съ другими. Я торопливо пошла ему навстрѣчу, съ мольбой глядя на него, но онъ, холодно поклонившись и ни слова не говоря, прошелъ мимо. Я остановилась съ тяжелымъ сердцемъ и наблюдала за нимъ; въ немъ было что-то безпокойное; какъ-то нервно и порывисто онъ перебѣгалъ отъ одной группы къ другой. Со мной одною онъ былъ холоденъ и спокоенъ. Богу только извѣстно, что я наболтала въ этотъ вечеръ. Кажется, я два раза размѣялась, и что-то много говорила, — хорошенько не припомню, что именно. Всѣ мои чувства, всѣ мысли были переполнены какимъ-то страннымъ предчувствіемъ.

Когда мои гости собирались расходиться, я точно пробудилась. Меня обуяло какое-то судорожное оживленіе. Я схватила шляпу Артура, и стала показывать мужчинамъ, какая у каждаго изъ нихъ манера раскланиваться на улицѣ.

— Францъ никогда не грѣшитъ противъ своей миловидности, — сказала я. — Онъ снимаетъ съ головы шляпу двумя пальчиками, на минуту граціозно приподнимаетъ ее вверхъ, причемъ протягиваетъ голову немного впередъ. Докторъ срываетъ свою шляпу, точно хочетъ хватить ее объ земь, вотъ такъ! Голову при этомъ держитъ высоко и смотритъ прямо въ лицо.

— Если только лицо стѣдитъ этого, — вѣжливо отпарировалъ докторъ.

— Конрадъ кланяется небрежно, точно изъ милости и снисходительности, — въ родѣ этого, смотрите! Затѣмъ онъ быстро надѣваетъ шляпу опять на голову, точно изъ боязни простудиться и схватить насморкъ, хотя онъ изъ числа тѣхъ, у которыхъ густая, непроницаемая шевелюра не допускаетъ этого опасенія.

Говоря это, я обернулась къ нему съ любезнымъ смѣхомъ. Ахъ, какъ страстно хотѣлось мнѣ вернуть его хорошее настроеніе. А мой подѣлуй? Получу ли я его?

По его губамъ пробѣжала мимолетная улыбка самодовольствія. Вѣдь такъ пріятно льститъ самолюбію, когда другіе занимаютъ нами! Онъ невольно поднесъ руку къ своимъ сѣдымъ кудрямъ и обратился ко всѣмъ со словами: «доброй

ночи». У меня опять заняло сердце. Онъ не остался позже другихъ, какъ это дѣлалъ раньше; значить я сегодня останусь безъ подѣлуя.

Я взяла лампу и проводила, по обыкновенію, своихъ гостей. Можетъ быть, онъ еще раздумаетъ... Выдя на дворъ, я поставила лампу на садовый столикъ, такъ чтобы свѣтъ отъ нея падалъ на палисадникъ, и сама пошла по сырой дорожкѣ съ моими гостями вплоть до калитки. Конрадъ шель впереди съ инженеромъ и его женой, я же шла между Францомъ и докторомъ. Отъ луны шло блѣдное сіяніе, которое расплывалось серебрянымъ пятномъ въ облакахъ и обливало такимъ же серебрянымъ свѣтомъ мокрую листву. Казалось, ото всего сада шель паръ въ эту душную лѣтнюю ночь; сквозь нѣжную, бѣловатую дымку испареній, всѣ предметы представлялись въ какомъ-то таинственномъ, неясномъ, полномъ очарованія, свѣтъ.

— Чудная ночь! — тихо проговорилъ Францъ, — какъ разъ такая, въ которую хочеться идти по безконечному пути съ дорогой возлюбленной, или тихо, безмолвно стоять передъ ней, прижавъ къ своей груди ея руки, и смотрѣть, смотрѣть безъ конца въ эти очи, въ которыхъ такъ ясно отражается луна...

И онъ чуть-чуть вздохнулъ. — И почему все это бываетъ только въ одномъ воображеніи? Готовъ держать пари, что если когда нибудь мнѣ придется разгуливать съ милой моего сердца, въ такую прекрасную ночь, то, въ самую интересную минуту, она начнетъ чихать, или разорветъ себѣ платье и начнетъ на это жаловаться.

— Бываютъ такія счастливыя мгновенія, — проговорила я нѣсколько громче, чтобы быть услышанной Конрадомъ, — только не надо ихъ портить самимъ себѣ маленькими капризами.

Онъ сдѣлалъ видъ, что ничего не слыхалъ. При прощаньи, онъ, также какъ и всѣ, пожалъ мнѣ съ холодной вѣжливостью руку и ушелъ, ни разу даже не оглянувшись на меня. Я остановилась и долго смотрѣла вслѣдъ удалявшимся, пока ихъ фигуры не растаяли во тьмѣ, и вдругъ почувствовала на своей щекѣ каплю, — не холодную дождевую, а горячую, горькую слезу, упавшую изъ глубины страшно пораженнаго сердца. Я прислонилась къ калиткѣ и плакала тяжелымъ, безнадежнымъ, полнымъ злаго предчувствія, плачемъ... Мнѣ все еще чрезвычайно трудно было примириться съ тѣмъ, что онъ меня не

любить и никогда искренно не любилъ. Мнѣ какъ-то не хотѣлось даже думать объ этомъ. Почему же мнѣ суждено любить его, одного его, среди столькихъ хорошихъ и интересныхъ людей, встрѣчавшихся на моемъ жизненномъ пути, которые, при малѣйшемъ знакѣ или намекѣ съ моей стороны, готовы были бы отдать мнѣ всю свою жизнь? Почему? Но никто не давалъ мнѣ отвѣта. Боже! и это была я, которая съ замираніемъ сердца ждала одного только маленькаго бѣднаго поцѣлуя? Усталая, разбитая вернулась я домой, а ночью у меня началась мигрень. Въ головѣ стоитъ боль, непрерывная боль.

XIV.

На другой день я тихо лежала въ полутемной комнатѣ. Артуръ то тихонько проводилъ ладонью по моему лбу, то цѣловалъ мои волосы.

Онъ передалъ мнѣ поклоны отъ друзей, а также и отъ *него*. Я какъ-то апатически переносила боль. Развѣ не было у меня боли гораздо хуже этой да и мало ли что еще придется мнѣ перенести!

На третій день пришла ко мнѣ Катя и терпѣливо усѣлась у моей постели. На четвертый я уже могла принять и остальныхъ знакомыхъ. Они всѣ пришли, а также и онъ. Всѣ говорили со мной почти шопотомъ, рассказывали, какъ безъ меня было имъ скучно, и всякій старался сказать что нибудь любезное. Я глядѣла на Конрада, у котораго у одного только не нашлось для меня ни одного ласковаго слова.

Онъ съ холодною вѣжливостью говорилъ о совершенно неинтересныхъ вещахъ, какъ посторонній человѣкъ, явившійся къ хозяйкѣ дома по свѣтской обязанности. И все таки меня отчасти успокоили его холодная ласковость и нѣсколько смягченный тонъ голоса. Между нами опять, повидимому, не вышло ничего особеннаго, кромѣ маленькаго недоразумѣнія или каприза. О только бы не терять окончательной надежды!

Я перестала отчаиваться и взглянула на него попристальнѣе. Онъ сидѣлъ, облокотясь на спинку стула, и какъ-то сонно смотрѣлъ на все вокругъ. Яркій лучъ солнца падалъ изъ открытаго окна на его свѣдья кудри. О чемъ думалъ онъ?

— Докторъ говорить, что съ завтрашняго дня я должна по прежнему начать свои утреннія прогулки, — объявила я Артуру, который сидѣлъ у моей постели и ласково гладилъ руку.

Слышала ли Конрадъ мои слова? Начнется ли завтра снова наша лѣсная идиллія? Онъ улыбнулся, вытащилъ изъ кармана письмо, и смѣшно, имитируя дѣтскій говоръ, прочелъ его вслухъ. Это писалъ къ нему изъ Берлина его маленькій племянникъ. Мы всѣ смѣялись. Какъ давно уже я не слыхала смѣха моего Конрада. Онъ смѣялся такъ мило, такъ сердечно. Ахъ, Боже, онъ опять доволенъ и, можетъ быть, придетъ завтра въ лѣсъ. Но я уже не смѣла объ этомъ спрашивать.

Въ этихъ вещахъ онъ, право, былъ чувствительнѣе, чѣмъ Лознгринъ со своимъ: «никогда не должна ты меня спрашивать»... Но, очевидно, завтра начнутся снова наши свиданія.

— Ну, сегодня у моей больной курочки лицо значительно поправилось, — объявилъ Артуръ съ чувствомъ удовлетворенія. Послѣ обѣда, я встала съ постели и пошла съ Катей въ садъ, гдѣ уже не оставалось и слѣда отъ только что пролившагося обильнаго дождя. Все было окутано горячими солнечными лучами и получило какой-то золотистый оттѣнокъ; только когда на солнце набѣгало облачко, дорога вдругъ дѣлалась голубовато-сѣрою, что напоминало ледъ и зиму. Я вдругъ стала грустная; мнѣ вообразилось, что солнце моей жизни скрылось навсегда. Когда мой взглядъ упалъ на сидѣвшую смиренно передо мной Катю, то мнѣ опять пришло въ голову невольное сравненіе ея судьбы съ моею. Наши шансы были почти одинаковы. До сихъ поръ я была въ одномъ отношеніи счастливѣе ея. Ахъ, какія все глупыя мысли, какъ будто завтра у меня не пойдетъ все по старому! Завтра утромъ.

— Что, ты опять будешь гулять съ Конрадомъ? — спросилъ меня мужъ, помогая мнѣ на другой день надѣть шляпку.

— Мы объ этомъ не улавливались, — отвѣтила я, и мнѣ показалось, что мой голосъ дрогнулъ. Я почти задыхалась отъ нетерпѣнія поскорѣе уйти. И какъ нарочно все меня задерживало: то Артуръ предлагалъ разные услуги, то появлялись дѣти съ ягодами, кланчили и торговались; приходили и знакомые. То появлялись сосѣди по комнатѣ, то дѣти хозяйки. Всѣ со мной заговаривали и всѣмъ надо было что нибудь

Отвѣтить. Какъ бы мнѣ не опоздать! Я заставлю его ждать, а онъ такой щекотливый...

Наконецъ-то я могла выйти изъ дому. Слава богу, наконецъ-то я одна! Я пересѣкаю дорогу и вхожу въ лѣсъ. Меня встрѣтилъ шелестъ посвѣжѣвшаго послѣ дождя лѣса, отъ котораго шелъ сильный ароматъ, смѣшанный со свѣжими испареніями все еще влажной земли. Все было залито солнцемъ.

Мимо меня, съ веселымъ щебетаньемъ, торопливо пролетали разныя птички, точно стараясь опередить меня и быть моими вѣстниками. Ихъ крылышки блестяли на солнцѣ, покуда онѣ не скрывались въ тѣни.

А вонъ бѣжитъ бѣлка. Какъ быстро взбѣгаетъ на дерево и точно перелетаетъ съ вѣтки на вѣтку! Я уже въ десятый разъ вынимаю часы; десяти часовъ еще нѣтъ, навѣрное я приду раньше его на мѣсто. А какъ было бы хорошо, еслибъ онъ предупредилъ меня и встрѣтилъ съ широко раскрытыми объятіями, чтобы тысячью поцѣлуевъ заставить позабыть о тѣхъ страданіяхъ, которыя я опять пережила, благодаря ему!

Порывисто дыша, я, наконецъ, дошла до нашей скамейки, но она оказалась пустой. Впрочемъ, незачѣмъ ожидать очень многого. Онъ всегда недомогаетъ и, вѣроятно, заспался. Хорошо что я захватила съ собой альбомъ съ эскизами. Отсюда виденъ весь ландшафтъ, обрамленный лѣсною зеленью, сверкавшей на солнцѣ. Я сажусь на скамейку и начинаю рисовать, вся полная ожиданія, готовая каждую минуту вспрыгнуть и побѣжать осматривать каждый уголокъ лѣса. Ну, теперь онъ скоро придетъ; за рисованьемъ время не покажется очень долгимъ. Надо быть только повнимательнѣе. Здѣсь, вправо и влѣво, можно бы нарисовать цѣлую шпалеру буковыхъ деревьевъ; тамъ вдали, на горизонтѣ, горный хребетъ съ какой-то развалиной, а между ними—залитый солнцемъ городъ. Но вотъ набѣгаетъ облачко и освѣщеніе дѣлается довольно интереснымъ, только измѣнчивымъ и труднымъ для рисованія.

Вдругъ слышу шаги. Не онъ ли это? Я вспрыгиваю со скамейки; всѣ принадлежности рисованія летятъ на землю. Бѣгу посмотрѣть, кто тамъ,—и вижу Катю Гербертъ.

— Вы здѣсь рисуете? Вотъ умница! Я подсяду къ вамъ.

Катя получила письмо отъ свекора и прочла мнѣ его. Я была какъ на иголкахъ. Каждую минуту могъ выйти изъ ку-

стовъ Конрадъ, — ну и какъ же мнѣ съ нимъ говорить, когда Катя сидитъ возлѣ меня? Мнѣ стоило большаго труда представиться внимательной къ тому, что она мнѣ говорила. Папѣ Гербертъ заставилъ сына прочесть то письмо, полное извиненій, которое написала ему Катя. Но тотъ ни за что не хотѣлъ пріѣхать сюда во второй разъ. «Пусть его оставляютъ въ покоѣ; онъ не затѣмъ существуетъ на свѣтѣ, чтобы надъ нимъ смѣялись». Старикъ былъ просто въ отчаяніи. Во всю жизнь у него была только одна цѣль, — это счастье его сына. Катя рѣзко разсмѣялась. Какъ будто счастье можно приподнести, какъ на блюдечкѣ. Нѣтъ, она рассчитываетъ теперь только на саму себя. Счастливая рука папѣ Герберта была, можетъ быть, очень сильна и ловка, чтобы на фабрикѣ выжимать изъ своихъ свѣчей «милліоны», но когда дошло дѣло до того, чтобы создать человѣческое счастье, — для этого понадобились болѣе гибкіе и нѣжные пальцы.

— Да развѣ вы не слышите моихъ словъ, Карола? Что это вы смотрите по всѣмъ угламъ, вытянувъ шею?

— Ахъ, я собираю свои эскизы; я всѣ ихъ разроняла. Но я васъ слушаю. Вы только что сказали, что для того, чтобы устроить чье нибудь счастье, надо имѣть болѣе нѣжные пальцы, чѣмъ у Конр... чѣмъ у папа Герберта.

— Ахъ, оставьте вы Конрада! Этому не только не хватаетъ нѣжныхъ пальцевъ, а и много кой-чего другаго. Я васъ все время спрашиваю, что мнѣ дѣлать, и должна ли я обратиться за совѣтомъ къ Францу?

— Къ нему? Почему жъ бы нѣтъ?

Однако, гдѣ же это находится Конрадъ? Я просто въ отчаяніи; на колѣняхъ у меня альбомъ съ эскизами, а я вся дрожу отъ волненія и нервнаго ожиданія. А тутъ еще возлѣ меня бѣдная подруга нуждается въ моей помощи и совѣтѣ.

— Францъ, — говоритъ Катя, — все знаетъ или можетъ узнать. Не слыхалъ ли онъ, что случилось съ *той*... Вы знаете, про кого я говорю! Жива ли она, съ кѣмъ живетъ теперь и гдѣ? Я думаю, что пока это не будетъ извѣстно, мы не можемъ подѣйствовать на Манфреда. Въ его фантазіи она, можетъ быть, все еще рисуется въ образѣ какой-то сказочной принцессы; а еслибъ мы могли доказать ему, что изъ нея случилось въ дѣйствительности...

— Какъ вы умны, Катя, какъ энергичны!—воскликнула я, искренно удивленная и ласково поглаживая ея руку. — А, главное, вы должны убѣдить вашего свекора,—приложить тутъ и свое стараніе.

На минуту я какъ бы забыла о своей собственной тревогѣ и начала строить съ Катей воздушные замки. Это оказало на меня благодѣтельное вліяніе. Мы болтали въ самомъ радужномъ настроеніи, причѣмъ она была полна такой надежды, что и мое горе показалось мнѣ въ иномъ болѣе мягкомъ освѣщеніи; судьба, въ рукахъ умной, любящей женщины, не похожа ли на мягкую глину? Да, Катѣ слѣдуетъ обратиться къ Францу. Я же должна идти впередъ одна. Ни одной подругѣ не смѣю я довѣриться. А, между тѣмъ, я также жаждала любви, и имѣла право на свою долю счастья. Я вдругъ вскочила, почувствовавъ сильнѣйшее желаніе пойти за тѣмъ-то, найти что-то, какъ будто тутъ, гдѣ нибудь за угломъ, счастье ждало меня и требовало, чтобы я взяла его своими руками.

— Уже поздно, и мнѣ пора домой,—поспѣшно проговорила я.—Мнѣ ли говорить съ Францомъ о вашемъ дѣлѣ, или вы сдѣлаете это сами? Я на все готова.

XV.

Мы разстались, и я отправилась домой. Отворивъ дверь, я на минуту остановилась въ удивленіи на порогѣ. За столомъ сидѣлъ Конрадъ напротивъ моего мужа, рядомъ съ инженеромъ. Они играли въ карты. До обѣда карты, вечеромъ карты, — и такъ продлится, пожалуй, до утра!.. Я поклонилась мужчинамъ и со смѣхомъ сказала:

— Просто становится стыдно за тѣ прекрасные ночные часы, которые люди проводятъ во снѣ. Ужъ лучше бы вы, чтобы не терять дорогаго времени, урвали кое-что отъ этихъ часовъ для вашей карточной игры.

Артуръ и инженеръ расхохотались; Конрадъ же сдѣлалъ видъ, точно ничего не слышалъ. Тогда я обратилась прямо къ нему.

— А вы сегодня совсѣмъ не гуляли? — спросила я его самымъ беззаботнымъ тономъ.

— Нѣтъ,—коротко и равнодушно отвѣтилъ онъ, даже не взглянувъ на меня.—Продолжайте, Брандъ—вамъ сдавать!

Опять мое сердце охватила холодная, безнадежная тоска. Въ чемъ же я опять провинилась? Все утро напрасно прождала его, старалась превозмочь себя и заставила заняться интересами Кати, тогда какъ все мое время, всѣ мысли были неразлучны съ моей любовью. Вся моя душа была въ его власти, и онъ зналъ это, а между тѣмъ наступалъ на нее ногой, какъ, совершенно не подозрѣвая этого, наступаютъ на червя и давятъ его... Я проходила мимо зеркала и случайно взглянула въ него. Тамъ отразилось блѣдное лицо съ какой-то неестественной, вымученной улыбкой.

Я тихо усѣлась у окна. Наконецъ, они бросили карты и подошли ко мнѣ. Инженеръ рассказывалъ, какъ онъ сдѣлалъ туръ въ Зильберзее, окруженное черной каймой елей среди Гарца. Я кивала головой, совершенно механически смѣялась и удивлялась, между тѣмъ какъ все время наблюдала за Конрадомъ, который разговаривалъ съ моимъ мужемъ, продолжая не обращать на меня никакого вниманія. Смѣхъ замиралъ у меня на губахъ, и я изъ приличія дѣлала видъ, что слушаю инженера. Невольно я вслушивалась въ разговоръ Конрада и Артура. Кажется, они говорили о самыхъ обыкновенныхъ вещахъ, но мужъ, отъ времени до времени, сталъ внимательно всматриваться въ мое лицо. Неужели еще это? Нѣтъ, онъ не долженъ ничего замѣтить. Необыкновеннымъ усиленіемъ воли я постаралась овладѣть собой. Вдругъ Артуръ обратился къ инженеру.

— Вамъ можно бы показать какъ нибуль это купальное мѣсто моей женѣ. А то она сидитъ все со мной, старымъ калѣкой, и не имѣетъ ровно никакого понятія о великолѣпнѣ здѣшнихъ окрестностей. Подите-ка сюда; мы выработаемъ планъ, какимъ бы образомъ доставить ей это удовольствіе.

И онъ ушелъ съ инженеромъ въ садъ. Конрадъ тотчасъ же послѣдовалъ за ними. Я вскочила и схватила его за плечо.

— Умоляю тебя,—проговорила я, дрожа всѣмъ тѣломъ и едва удерживаясь отъ рыданья, — развѣ у тебя не найдется ни одной свободной минутки для меня?

— Чего же ты хочешь? — полуобернувшись ко мнѣ и холодно глядя въ глаза, спросилъ онъ.

— Чего я хочу? Развѣ это тебѣ неизвѣстно? Ты меня измучилъ. Скажи мнѣ, по крайней мѣрѣ, что ты имѣешь противъ меня?

Я едва могла выговаривать слова, рыданіе рвалось у меня изъ груди. Напрасно я сдерживалась; слезы, наконецъ, полились рѣкой.

— Я ничего не имѣю противъ тебя,—съ неудовольствіемъ проговорилъ онъ и нажалъ на ручку двери. Но я прислонилась къ ней.

— Вѣдь это же невозможно,—говорила я среди рыданій:—ты заставляешь меня ждать по нѣскольку часовъ въ лѣсу. У тебя должна же быть причина для подобнаго поведенія. Какъ мнѣ это понимать?

Конрадъ вдругъ поблѣднѣлъ; ярость такъ исказила черты его лица, что я, въ испугѣ, точно лишилась языка.

— Еще одно слово, и я совсѣмъ уйду!—жестко и бѣшено проговорилъ онъ, и затѣмъ пошелъ вслѣдъ за остальными мужчинами въ садъ.

Я опустила на стулъ, дрожа всѣмъ тѣломъ. Мои слезы изсыкли. Я обхватила голову обѣими руками и спрашивала себя: наяву или во снѣ пережила я эту сцену.

— Каро!—крикнулъ мнѣ мужъ изъ сада, —принеси сюда мою шапочку: тутъ вѣтряно. — Я машинально поднялась и взяла въ спальнѣ его шапочку.

Когда я сходила въ садъ, то увидала, что Конрадъ съ инженеромъ идутъ къ бесѣдкѣ, а мужъ спѣшитъ мнѣ на встрѣчу за шапкой.

Вдругъ онъ остановился и подозрительно посмотрѣлъ на меня.

— Что это у тебя вышло съ Конрадомъ?—быстро спросилъ онъ, очевидно удивленный.—Ты имѣешь совершенно разстроенный, измученный видъ.

— Что же можетъ у меня съ нимъ выйти? Я не знаю, что за привидѣнія тебѣ мерещатся?—испуганно проговорила я.

— Онъ былъ блѣденъ, какъ мертвецъ, когда пришелъ отъ тебя къ намъ.

Но вотъ въ саду появился Францъ и сейчасъ же подошелъ къ намъ.

— Мнѣ надо съ вами поговорить, госпожа Карола—про-

сти, Артуръ! Но это насчетъ Кати, которую я только что встрѣтилъ. Слава богу, она спасена. На этотъ разъ спасена!

Я съ благодарностью гляжу на него, и говорю съ нимъ о Катѣ, стараясь принять возможно любезный тонъ; мы начинаемъ перебирать съ нимъ ея судьбу, и я приневоливаю себя думать о ней. Но все таки изъ моей головы не выходитъ страшный взглядъ моего милаго; онъ вонзился, какъ стрѣла, въ мое сердце. Почему же я все еще его люблю? И опять таки повторяю: пока живу на свѣтѣ, я буду его любить. Все думая о своей любви, я поддакивала Францу, соглашалась съ нимъ, когда онъ строилъ планы. Онъ хотѣлъ узнать, гдѣ живетъ прежняя любовница Герберта. Конечно, его планъ былъ очень хорошъ; я вполне соглашаюсь съ нимъ, и не высказываю ни малѣйшихъ опасеній насчетъ его дальнѣйшихъ изслѣдованій по этому поводу.

Какъ я провела слѣдующій день, — въ этомъ не могу дать себѣ яснаго отчета. Я ходила, какъ автоматъ, ухаживала за Артуромъ, говорила съ нимъ и со всѣми знакомыми. Меня преслѣдовали мучительные вопросы Артура: — Ты больна? Что съ тобой?

О мой дорогой, мой любимый! Какъ можешь ты меня такъ мучить? Развѣ я не та же самая, съ которой ты былъ такъ счастливъ прошлую зиму? Чтò же съ тѣхъ поръ измѣнилось?

Вечеромъ Конрадъ не пришелъ. А я должна была казаться по прежнему веселой. Настала ночь, затѣмъ день, еще ночь, и еще день... Зачѣмъ? Ахъ какъ все стало темно! Какъ все измѣнилось! И солнце, и луна свѣтятъ какъ-то иначе; зеленныя горы и сѣрыя раскаленные скалы, пѣнящіеся потоки молочной бѣлизны и лѣсной шелестъ, казавшійся мнѣ прежде какой-то очаровательной музыкой, — все для меня перестало быть прекраснымъ. Другіе восхищались и я повторяла ихъ слова; но это было притворство: я уже ничему не могла радоваться.

Почему жъ бы мнѣ не умереть? Что же такого ужаснаго въ смерти? Я старалась это себѣ представить.

Когда поѣду съ друзьями въ долину озера, то, взбираясь на «Площадку вѣдьмъ», стоить только чуть-чуть оступиться, —

и я полечу въ бездну. Артуръ же подумаетъ, что это несчастная случайность. Я закрыла глаза и старалась пережить эту сцену. — «Сударыня, будьте осторожныѣ, не нагибайтесь такъ надъ пропастью», — предостерегаютъ меня.

— О, я нисколько не боюсь, смотрите!

И вотъ я вижу себя на краю обрыва; внизу шумить и бурлить котловина; теперь нога моя скользить — я коротко вскрикнула и полетѣла внизъ. Я лежу на самомъ днѣ бездны уже мертвая, вся разбитая, въ видѣ какой-то безформенной массы. Изъ груди моей вырывается громкій стонъ, я вся вздрагиваю, и, покрытая холоднымъ потомъ, просыпаюсь у себя въ постели. Я хватаюсь за свой горячій пульсъ. О, я живу еще, благодареніе Богу; я этого не сдѣлала и никогда не сдѣлаю, — никогда, никогда!

Но на другой же день, когда я снова увидала Конрада холоднымъ, вѣжливымъ, не обращавшимъ на меня ровно никакого вниманія, — то я снова сказала себѣ: но вѣдь страшень будетъ одинъ только моментъ. Попробую сдѣлать это.

Во время паденія я, вѣроятно, потеряю сознание, и когда буду ужь мертвой, то не узнаю ничего о безобразіи моего изуродованнаго, окровавленнаго тѣла. Но вотъ интересно знать, сколько времени длится этотъ моментъ сознанія передъ смертью? Тяжело видѣть *ею*, вселившаго въ меня такую страстную любовь, но еще тяжелѣе — не видѣть его и жаждать былыхъ ласкъ! Нѣтъ, лучше смерть, тысячу разъ лучше! А Артуръ? Какъ перенесетъ онъ это горе? Надо бы еще разъ все обдумать, взвѣсить. Пока всѣ обстоятельства не выяснены, — надо подождать съ самоубійствомъ.

Наконецъ, мы отправились въ путешествіе. Артура, которому эта дорога могла бы показаться слишкомъ тяжелой, я оставила дома съ Катей.

Въ первый разъ послѣ нашей послѣдней сцены, Конрадъ примкнулъ къ нашему обществу. Онъ шелъ рядомъ съ Францомъ и весело болталъ. Погода была свѣжая и вѣтряная; тонкія бѣлыя облачка пробѣгали по голубому небу, подгоняемыя порывами вѣтра. Я была нѣсколько оживленнѣе, потому что Конрадъ былъ тутъ же, возлѣ, и оставилъ свой угрюмый, холодный тонъ. Я все продолжала про себя прискивать ему разныя извиненія, и во мнѣ начала опять вспыхивать на-

дежда. Въ лѣсу стояла прохладная свѣжесть; съ берега пруда, мимо котораго мы проходили, раздавался веселый дѣтскій смѣхъ, а изъ одного домика слышалось звонкое пѣніе дѣвушки. Мнѣ казалось, что природа, точно желая вознаградить меня за перенесенныя страданія, была сегодня ко мнѣ какъ-то благо-склоннѣе и мягче. Францъ былъ въ ударѣ и каждую минуту забавлялъ насъ своими экспромтами. Онъ часто цитировалъ какіе нибудь стихи: изъ Гёте, Уланда, Гейне и Ленау. А подъ конецъ принялся напѣвать: «Цвѣты, которые ты мнѣ дала»...

— Францъ, — укоризненно проговорила я, — это еще что? Вотъ она, ваша дружба! Вы, въ такой прекрасный день, нагоняете на насъ меланхолію уже два раза. Въ первый разъ — выборомъ вашей пѣсни, а второй разъ — тѣмъ голосомъ, которымъ вы поете.

Конрадъ размѣялся и засунувъ поглубже въ петличку бѣлую гвоздику, которую сегодня все время носилъ.

— Да, вотъ вамъ иллюстрація къ моей пѣсенкѣ! — возразилъ Францъ и сердито показалъ на Конрада. — Вотъ цвѣты, что она ему дала... Что скажете на это, другъ мой Конрадъ? Надо знать, что у нашего дорогаго сердцеѣда объявилась новая зазнобушка: у нея золотистые волосы и темныя черточки подъ глазами. Это она и подарила ему бѣлую гвоздику, которую онъ такъ элегантно носить у себя въ петличкѣ. Попробуйте оправдаться, если можете, дамскій кавалеръ!

Я взглянула на Конрада съ напряженной улыбкой. Онъ тоже улыбался съ такимъ выраженіемъ, точно насмѣшка его очень позабавила; очевидно онъ считалъ ее совершенно умѣстной.

— Нашъ красавчикъ проводить въ цвѣточной лавкѣ добрую половину дня, — продолжаетъ неумолимый Францъ съ довольной усмѣшкой.

Въ эту минуту я ненавидѣла Франца, какъ будто виновать былъ онъ, а вовсе не Конрадъ, который очень весело смѣялся его шуткамъ. Я почувствовала отвращеніе... Конечно, мнѣ нечего было ревновать серьезно къ этой продавщицѣ цвѣтовъ! Если онъ искалъ подобнаго рода удовольствій; то, конечно, мои укоры мало тронули бы его.

Ничего не знать — лучше всего. Зачѣмъ же вы меня му-

чите — о Боже, зачѣмъ? Замолчите же и оставьте мнѣ мою иллюзію, разъ вы не можете возстановить мою попорченную любовь. Оставьте меня въ темнотѣ: свѣтъ рѣжетъ мнѣ глаза... Францъ, конечно, и не подозрѣвалъ, какъ онъ меня мучилъ. Я понимала, что ему главнымъ образомъ хочется открыть мнѣ глаза на счастливаго соперника. Но развѣ можно помочь бѣдному слѣпому, если ему стануть насильно открывать вѣки. Закрывъ глаза на это, я съ удовольствіемъ смотрѣла на открывшійся передо мной прелестный ландшафтъ. Надо брать у минуты то, что она даетъ. Но какъ ни старалась я настроить себя на старый ладъ, а солнце уже не казалось мнѣ столь яркимъ, зелень лѣсовъ — такой свѣжей. Въ моемъ воображеніи рисовался Конрадъ, какъ онъ стоитъ въ цвѣточной лавкѣ и говоритъ своей напудренной феѣ плоскія любезности; лицо у него при этомъ совершенно такое же, какъ тогда, во время его ухаживанья за Миленой Древикъ. Мы, наконецъ, взошли наверхъ. Передъ нами открылась прелестная панорама, вся залитая солнцемъ. Шпицы церквей, красныя крыши домовъ, сады, — все это перемѣшивалось въ живописномъ безпорядкѣ. Эта красота природы до такой степени больно отозвалась у меня на душѣ, что въ глазахъ моихъ показались слезы. Я сопоставила спокойную красоту природы съ моимъ душевнымъ настроеніемъ, лишеннымъ всякой тишины и гармоніи. Я все ставила въ зависимость отъ моего душевнаго разлада и хотя находила такое самосозерцаніе болѣзненнымъ, но не могла отъ него оторваться. Мы сѣли за одинъ изъ столиковъ. Я сидѣла между докторомъ и его супругой, и слушала ея нескончаемыя жалобы, вертѣвшіяся все возлѣ одного пункта: дѣтей, прислуги и туалета.

Францъ стоялъ у бруствера и наслаждался видомъ, дѣлая, какъ тонкій знатокъ, очень меткія замѣчанія; Конрадъ же, встрѣтивъ какихъ-то своихъ знакомыхъ, отошелъ къ ихъ столу, чтобы перекинуться съ ними нѣсколькими словами. — Какой красивый мужчина, — сказала жена инженера, глядя на него. — Это какая-то особенная, совершенная красота, такая, которую прославляли въ древнія времена.

— И которая пользуется счастьемъ у женщинъ, — со смѣхомъ сказала докторша Эрнстъ, бросая на мужа взглядъ, полный значенія. Онъ тоже разсмѣялся.

— Ну, знаешь ли, за похищеніе чужой собственности его не очень-то поблагодаряютъ.

— Кто знаетъ?—проговорила она, бросая на мужа кокетливый взглядъ.

«Ну, что-то еще предстоитъ мнѣ теперь узнать!»—подумала я съ горькимъ смиреніемъ.

— Во всякомъ случаѣ это его забавляетъ, — продолжала веселая маленькая докторша.— Вѣдь вы всѣ знаете старенькую барышню, служащую при купальняхъ, круглую, какъ шаръ, съ огромными фальшивыми косами. Она еще такъ кокетливо носить бантикъ на шеѣ. Ну, такъ вотъ эта самая фея согрѣваетъ г. Бауэра.—И она опять расхоталась, какъ сумашедшая.—И представьте себѣ, онъ не остается нечувствительнымъ къ подобнымъ кокетливымъ особамъ... Онъ смотритъ на это просто, какъ на забавное приключеніе.

Я громко разсмѣялась, — такъ громко, что всѣ на меня обернулись. Я дрожала, точно при сильномъ морозѣ. Мое волненіе должно было найти какой нибудь исходъ; я смѣялась, чтобы не разсердиться.

— Вы, вѣроятно, шутите?—смѣялась жена инженера.— Можетъ ли быть подобный вкусъ.

— Вкусъ? — переспросилъ докторъ, — Ну, объ немъ не можетъ быть и рѣчи у г. Бауэра. Это одинъ изъ тѣхъ людей, которые думаютъ только о томъ, чтобы какъ нибудь провести время, а гдѣ и съ кѣмъ? — это имъ рѣшительно все равно. Во всякомъ случаѣ, слово «джентльменъ» мало подходитъ къ такимъ натурамъ.

Могъ ли Конрадъ знать, какое значеніе имѣлъ для меня подобный разговоръ? Въ словахъ Франца слышалась правда, но иногда имъ руководило чувство мести; докторъ же говорилъ безъ всякой задней мысли и выкладывалъ вещи просто, какъ онѣ есть.

Обѣ дамы хохотали до безумія надъ этой старой дѣвой, которой удалось сдѣлать такое драгоценное приобрѣтеніе на склонѣ ея лѣтъ, и высказывали различныя двусмысленныя догадки о томъ, къ какимъ чарамъ прибѣгала эта барышня, чтобы завоевать сердце такого пожилаго господина. Веселенькая докторша высказывала предположеніе, что всему причиною изящный шейный бантикъ у барышни, противъ ко-

тораго никто не въ силахъ устоять; подруга же докторши увѣряла, что главная краса банщицы состоитъ въ кудѣркахъ надо лбомъ, которые она нѣсколько разъ въ день подвигаетъ, и все таки они подъ вліяніемъ банныхъ испареній развиваются, и вокругъ головы образуется какой-то хохоль въ формѣ кустарника.

И я должна была принимать участіе въ ихъ насмѣшкахъ и хихиканьяхъ, чтобы не упасть въ обморокъ. Итакъ, онъ больше меня не любилъ... Развѣ бы онъ въ такомъ случаѣ находилъ время для такихъ глупыхъ похожденій, и притомъ въ маленькомъ мѣстечкѣ, гдѣ невольно обо всемъ узнаютъ очень скоро, находясь почти постоянно на глазахъ другъ у друга, и, слѣдовательно, всякая сплетня не минуетъ моихъ ушей! Значить, ему это было все равно? Все это само по себѣ, конечно, неважно до смѣшнаго. Да я и не могла относиться серьезно къ этимъ мелочамъ. Но главное было то, что онъ меня больше не любилъ—меня, которая ни разу не дала ему повода къ малѣйшему упреку, которая рисковала всѣмъ и даже теперь рискуетъ, не смотря на его недостойное и смѣшное поведеніе. А, можетъ быть, онъ всѣмъ этимъ хочетъ привлечь мое вниманіе? О, какъ охотно хотѣла бы я этому вѣрить. Но его жесткій взглядъ и слова, его равнодушіе къ моему оскорбленному чувству не допускали возможности фантазировать.

А если это былъ только капризъ? Я, кажется, просто схожу съ ума. Постоянно мои мысли вертятся вокругъ этого человека, который научилъ меня жить и благодаря которому жизнь получила для меня значеніе.

XVI.

Днемъ я еще могла кое-какъ владѣть собой, но какъ только наступала ночь, мои измученные нервы безжалостно давали о себѣ знать; они дрожали, какъ подъ давленіемъ электрическаго тока, и я, вся вздрагивая, металась, какъ въ агоніи, по своему мучительному ложу.

Изъ сосѣдней комнаты доносилось до меня спокойное дыханіе ничего не подозрѣвавшаго мужа, въ то время какъ я, сдерживая рыданія, мучимая тысячами мыслей и воспоминаній,

перекладывала съ одной стороны на другую мою маленькую подушку, всю горячую отъ слезъ. Но вотъ я вдругъ вскрикнула и открыла глаза. Совершенно незамѣтно я проспала два часа. Въ окна глядѣлъ голубоватый свѣтъ, и я увидала надъ моей головой испуганное лицо мужа.

— Каро, не надо ли тебѣ чего, мое сердце? Уже десять часовъ, а ты лежишь и стонешь, точно тебя душить домовой.

Я попробовала было поднять съ подушки отяжелѣвшую голову, но сейчасъ же откинула ее назадъ отъ невыносимой боли.

— Я не могу встать,—тихо сказала я. Онъ сострадательно и ласково провелъ рукой по моему лбу.

— Сердечко мое, что ты со мной дѣлаешь? Подожди, я пошлю сейчасъ же за докторомъ.

За докторомъ! «Былъ одинъ только докторъ, который могъ бы мнѣ помочь, но онъ-то и не приходилъ», подумала я про себя.

— Спокойствіе и одиночество! — предписалъ мнѣ докторъ Эрнстъ.—Отклоните всѣ посѣщенія. Ваши нервы...

— Мои нервы,—испуганно проговорила я,—требуютъ перемѣны мѣста... Докторъ, если вы приговорите меня къ одиночеству, то я буду въ отчаяніи!.. Ради бога.

— Но, прежде всего, прошу васъ избѣгать всякаго волненія!—приказалъ онъ.—Небольшія посѣщенія вы можете допустить, но прошу не злоупотреблять ими. Было бы лучше, еслибъ вы, такъ парочку деньковъ, полежали себѣ спокойно, безъ всякихъ этихъ визитовъ.

— Каро!—умоляющимъ голосомъ проговорилъ мужъ,—это было бы для меня такимъ успокоеніемъ...

— Я лучше знаю, что мнѣ нужно,—раздраженно сказала я.—Мнѣ необходимо разсѣяніе: я не могу оставаться одна...—По цѣлымъ днямъ не видѣть его, не знать, гдѣ онъ и что съ нимъ, считать часы, когда онъ долженъ прийти, — нѣтъ, все, все, но только не это! Всѣ наши обычные посѣтители приходили одинъ за другимъ. Ни одинъ не явился безъ букета. Хозянкѣ понадобилось принести еще вазъ и стакановъ, чтобы размѣстить ихъ. Нѣжныя краски цвѣтовъ выдѣлялись въ голубоватомъ полумракѣ комнаты; нѣтъ, мнѣ мало приносили пользы эти вновь появившіеся друзья, съ ихъ цвѣтами, распростра-

нявшими рѣзкій, пряный аромат. Все же это меня нѣсколько порадовало. Но если всё приходили, то и ему подавно слѣдовало бы прійти...

Всякій разъ, какъ отворялась дверь, я приподнимала отяжелѣвшія отъ полусоннаго состоянія вѣки, все еще въ надеждѣ его увидѣть.

Но вотъ онъ, наконецъ, пришелъ послѣ обѣда. Катя сидѣла возлѣ моей постели; онъ усѣлся съ холоднымъ, равнодушнымъ видомъ, послушалъ болтовню моей подруги, и сейчасъ же заговорилъ съ вошедшимъ въ комнату Артуромъ. Напрасно старалась я встрѣтиться съ нимъ взглядами. «Развѣ же ты не чувствуешь, изъ-за кого я такъ безчеловѣчно страдаю?»—хотѣлось мнѣ спросить его. Нѣжный, тихій голосокъ Кати дѣйствовалъ на меня успокоительно; но я не слыхала, чтѣ она говорила, и безпрестанно смотрѣла на Конрада. Мнѣ хотѣлось съ нимъ заговорить, только я не могла найтись—о чемъ.

Онъ одинъ только не принесъ мнѣ цвѣтовъ. Зачѣмъ же онъ пришелъ? Артуръ подошелъ къ моей постели и вмѣшался въ мой разговоръ съ Катей. Конрадъ же молчалъ. Я глядѣла на его благородный профиль и на этотъ твердо очерченный подбородокъ, который такъ часто любила цѣловать. Черезъ десять минутъ, Катя поднялась, собираясь уйти; тотчасъ же, вслѣдъ за ней, всталъ и Конрадъ. Она удивленно посмотрѣла на него; между этими двумя натурами было очень мало симпатіи. Она нагнулась ко мнѣ, желая меня поцѣловать на прощанье. Конрадъ протянулъ мнѣ руку, и ушелъ, не пожавъ ея.

— Я надѣюсь, что вы скоро поправитесь,—холодно-вѣжливо проговорилъ онъ и ушелъ вмѣстѣ съ Катей.

Опять глаза мои наполнились слезами. Я тихо лежала и съ замираніемъ сердца видѣла пристальный взглядъ Артура, устремленный на мое лицо. Я закрыла глаза; но вотъ слеза выкатилась изъ-подъ рѣсницъ и расплылась по щекѣ. Видѣлъ ли онъ ее? Конечно, нѣтъ, потому что въ комнатѣ было темно...

— Что это съ Конрадомъ?—какимъ-то страннымъ тономъ произнесъ Артуръ. — Онъ, кажется, не сказалъ съ тобой и двухъ словъ.

— Это правда,—тихо произнесла я.

— Почему же это?—настойчиво спросилъ онъ.

— Почему? Этого я не могу знать, — съ трудомъ проговорила я. — Онъ не въ духѣ — *c'est tout...* Право, лучше бы оставить меня теперь одну; надѣюсь, просьба моя не покажется невѣжливой.

Артуръ ничего не сказалъ; тихо поднявшись, онъ еще разъ взглянулъ на меня такимъ пытливымъ взглядомъ, что я задрожала. Онъ медленно пошелъ къ двери.

О, какъ я устала! Но я не могла заснуть. Въ моей пещере настало какое-то затишье; горе уже не рвалось такъ сильно наружу; боль притупилась. Ахъ, еслибы заснуть въ этой благословенной тишинѣ и незамѣтно перейти въ вѣчный, непробудный сонъ.

XVII.

На другой день я была уже въ состояніи встать съ постели. Я вся какая-то вялая и томная. Медленно поползлась я въ лѣсъ, къ каменоломнѣ, гдѣ солнце бросало зеленныя и красныя дрожащія пятна на ея каменные стѣны. Я начинаю такъ пристально на нихъ смотрѣть, что у меня рѣжетъ глаза и передо мной мелькають радужные круги.

Тотъ ли это Гарцвальдъ, который когда-то такъ сильно пробуждалъ мое эстетическое чутье? Или всѣ мои чувства сдѣлались уже менѣ восприимчивы? Ты, Конрадъ, разрушилъ и погубилъ весь мой міръ; ты все поправилъ во мнѣ; ты лишилъ меня лѣта, и обратилъ осень въ зиму... Почему же я люблю тебя?

Дома я застала его съ моимъ мужемъ. Ахъ, еслибъ только могла я со смѣхомъ сказать ему: «я тебя больше не люблю»! Но я никогда этого не скажу. Эта любовь приковала меня, какъ Прометея къ скалѣ: — и горе, и униженіе терзають меня.

Я глядѣла на это прекрасное, милое лицо съ тяжелымъ ожиданіемъ. Вѣроятно, онъ спроситъ, чтѣ со мною теперь, и выразитъ свое участіе. Но онъ ничего не сказалъ и, повидимому, совершенно позабылъ о томъ, что я была больна. Между тѣмъ, покуда я на него смотрѣла, во мнѣ начали опять подниматься горе и возмущеніе; все во мнѣ задрожало. Какъ? ни одного слова, какъ будто онъ не зналъ, что онъ-то и есть моя болѣзнь! Нѣтъ, дольше я ни въ силахъ переносить этого.

Онъ долженъ дать мнѣ отчетъ. Зачѣмъ я одна только должна страдать за все случившееся? развѣ онъ не также виноватъ, какъ и я? Эти воспоминанія, сосавшія мою кровь, какъ вампиры, не дѣйствуютъ на него, не затрогиваютъ его: онъ спокойно идетъ мимо ихъ, отворачивается отъ моей души, которая валяется передъ нимъ въ пыли. А до тѣхъ поръ это была такая гордая, недоступная душа...

Я пошла къ себѣ въ комнату и въ волненіи быстро заходила по ней взадъ и впередъ. Наконецъ, я сѣла за столикъ и начала писать.

Перо летало по бумагѣ. Казалось, что всѣ слова были—одна кровь и гнѣвъ. Нѣтъ, такъ нельзя! Надо успокоиться. Лучше скажу это ему лично. Но когда я смотрю на его милое, прелестное лицо,—то жесткія, злыя слова застрѣваютъ у меня въ горлѣ. Я разрываю на клочки только что написанное письмо и принимаюсь опять снова взадъ и впередъ по комнатѣ.

Затѣмъ снова сажусь за письменный столъ. «Умоляю тебя, приходи завтра въ лѣсъ, на извѣстное тебѣ мѣсто; мнѣ надо поговорить съ тобой»...

Такъ будетъ хорошо. Я съ облегченіемъ вздыхаю. Еще не все потеряно; можетъ быть, когда мы поговоримъ хорошенько... Вѣдь очень возможно, что и ему надо тоже объясниться со мной.

— Христина! И гдѣ она пропадаетъ? Христина! — Я опять зову. Она нейдетъ. Я иду дальше и продолжаю громко звать ее. И вотъ она бѣжитъ изъ саду, отъ бесѣдки.

— Идите сюда, Христина, отнесите это письмо,—говорю я тихимъ, прерывающимся отъ волненія голосомъ,—да только поскорѣе.

— Что это за письмо? — слышится вдругъ изъ темнаго угла комнаты, гдѣ чуть-чуть выдѣляется лицо Артура.

У меня захватило отъ испуга дыханіе. Впечатлѣніе получилось такое же, какъ еслибы я неожиданно стукнулась въ темнотѣ лбомъ; все закружилось передо мной. Я поскорѣе сажусь, чтобы не упасть. Слава богу, что умная дѣвушка поскорѣе улизнула на улицу; теперь письмо въ безопасности. Я должна солгать...

— Катя дала мнѣ адресъ одной отличной портнихи, —

говору я равнодушно, какъ только возможно, — цѣфты на моей утренней шляпкѣ полиняли отъ дождя и мнѣ надо ихъ обновить.

— А, вотъ что? И объ этомъ ты говорила такимъ быстрымъ, взволнованнымъ тономъ.

Я засмѣялась, и сама почувствовала, какъ мой смѣхъ прозвучалъ рѣзко и неестественно.

— Развѣ я говорила такъ таинственно? Значить, это вышло совершенно безсознательно. Такое обстоятельство во всякомъ случаѣ важнѣе, чѣмъ ваша мужская премудрость, которая грезить наяву.

Артуръ не сказалъ больше ничего, но въ этомъ самомъ молчаніи подразумѣвался вызовъ мнѣ. Что такое онъ вообразилъ? Мнѣ стало невыносимо оставаться тутъ съ нимъ въ темной комнатѣ наединѣ. Я вышла, чтобы зажечь лампу. Когда я внесла ее, то свѣтъ упалъ на безпокойное лицо мужа. Онъ смотрѣлъ на меня серьезно и грустно. О, съ какимъ облегченіемъ кинулась бы я ему въ объятія, чтобы на его груди выплакать мое горе, повѣдать ему все, какъ родному отцу. Ахъ, еслибъ это могло быть! Но, къ несчастію, онъ былъ мнѣ мужемъ и любилъ меня.

Опять прошла ужасная для меня ночь. Подъ нашимъ окномъ слышался по прежнему ропотъ ручья, въ звукахъ котораго какъ будто перемѣшались плачь и смѣхъ! Что это? Дождь? О, Боже! только бы не дождь, а то онъ задержитъ моего милаго. И мнѣ казалось величайшимъ несчастіемъ, еслибы дождь пошелъ. Чтò мы скажемъ другъ другу при свиданіи? Я переживала цѣлый разговоръ. Я рассказываю ему все, перечисляя всѣ невзгоды моей загубленной жизни. Выслушаетъ ли онъ благосклонно, не будетъ ли просить прощенія? И я прихожу понемногу въ какое-то дико-возбужденное состояніе и, наконецъ, со стономъ и рыданьями падаю лицомъ въ подушки. И съ каждымъ днемъ мои страданія увеличивались, оставляя каждый разъ въ душѣ новый слѣдъ. О, слава богу! Наконецъ-то встало утреннее солнышко. Значить, онъ придетъ!

— Такъ рано, а ты уже уходишь, Каро? — спрашиваетъ Артуръ.

Я стою передъ зеркаломъ и закалываю себѣ вуаль. Въ зеркалѣ видно, какъ я покраснѣла.

— Я думаю, что утренній воздухъ мнѣ особенно полезенъ, — бормочу я въ полномъ смущеніи.

— Ты встрѣтишь Конрада?

Опять таки въ зеркалѣ отразилось его лицо съ безпокойнымъ, вопрошающимъ выраженіемъ. Я напрягла все усиліе воли, чтобы казаться спокойнѣе. — Конрада? Очень можетъ быть; право, я объ этомъ не вспомнила.

И къ чему опять эта ложь? Она была лишней и я сердилась на себя за это. Я постаралась поскорѣе скрыться съ глазъ Артура. Онъ вошелъ въ крытую аллею и долго слѣдилъ за мной взглядомъ. Я должна была сдерживать свое нетерпѣніе и принять спокойный видъ, между тѣмъ какъ мое сердце безумно билось, и я охотно пустилась бы къ лѣсу бѣгомъ. Раза два я обернулась и съ улыбкой кивнула ему, желая убѣдиться на самомъ дѣлѣ, видно ли ему еще меня. О, эта унижающая ложь и лицемеріе, подъ острыми шипами которыхъ истекала кровью лучшая часть моего существа, моя правдивость, мое личное достоинство! Солнце ярко сіяло. Ночной дождь освѣжилъ лѣсъ и воздухъ. Когда я вошла подъ зеленую сѣнь, меня охватилъ запахъ сырыхъ елей и сосенъ. Я опять обернулась назадъ. Артуръ по прежнему стоялъ въ аллеѣ, устремивъ взглядъ по тому направленію, куда я ушла. Можетъ быть, ему видно было мое платье, мелькавшее между стволами... Нѣкоторое время, я еще продолжала идти прежнимъ медленнымъ шагомъ; затѣмъ пустилась бѣжать, какъ дѣвочка, которая бѣжитъ изъ школы, избавленная отъ надзора учительницы. Подъ моими ногами скрипѣли доски мостика и шелестѣла засохшая листва. Безумное біеніе моего сердца и ускоренное отъ быстрого бѣга дыханіе опяняли меня. Вдругъ я остановилась, точно вкопанная. Инженеръ со своей женой и женой доктора Эрнста шли мнѣ навстрѣчу. Всѣ трое умѣрили свои шаги и начали смѣяться.

— A la bonne heure! Ну, при взглядѣ на васъ, нечего и спрашивать объ вашемъ здоровьѣ, сударыня!

— Я хотѣла попробовать, не разучилась ли я бѣгать, — со смѣхомъ сказала я.

— Мой мужъ всегда увѣрялъ, что у васъ очень здоровая натура, а только нервы нѣсколько распатаны и вы черезчуръ страстны и воспримчивы!

— Фу! госпожа докторша, какая нескромность!

— Ну, что же? вѣдь это позволительно! — защищалась ма-

ленькая докторша, краснѣя. — Мой мужъ вообще не говорить ничего насчетъ своихъ пациентовъ, но когда дѣло касается до нервности хорошей знакомой...

— Не пройдетесь ли съ нами? — спросилъ инженеръ. — Я веду дамъ въ одинъ великолѣпный уголокъ въ лѣску, который вчера открылъ.

— Конечно же, вы пойдете съ нами. — Дамы тоже принялись упрашивать меня. Какъ разъ въ эту минуту я замѣтила Конрада, который шелъ съ противоположной стороны къ нашему мѣсту свиданія и съ видомъ ожиданія оглядывался кругомъ. Кровь ударила мнѣ въ голову, и мнѣ потребовалось сдѣлать надъ собой страшное усиліе, чтобы соблюсти формы приличія.

— Къ сожалѣнію, мнѣ невозможно сопровождать васъ. Я такъ быстро бѣжала, что теперь мнѣ необходимо отдохнуть, въ особенности послѣ болѣзни, — устало произнесла я. — А я не хочу мѣшать вашей пріятной прогулкѣ.

— Но мы вовсе не торопимся и можемъ подождать, пока вы отдохнете!

— Здѣсь по близости есть скамеечка, вонъ та. — Инженеръ показалъ на мое мѣсто. Конрадъ поспѣшилъ спрятаться за деревья.

Всѣ мои нервы страшно напряглись отъ нетерпѣнія.

— Вы такъ любезны, а я такъ неблагодарна! — пролепетала я со смѣхомъ, который мнѣ самой показался какимъ-то тяжелымъ и неестественнымъ. — Я отнюдь не отказываюсь отъ вашего любезнаго предложенія, но прошу отложить его до завтра. Сегодня мнѣ необходимо переговорить съ Катей Гербертъ. Можетъ быть, она меня уже ждетъ.

Бѣдная Катя! Мое положеніе становилось все невыносимѣе и волненіе росло съ каждой минутой. Можетъ быть, онъ не захотѣлъ дожидаться и ушелъ. (Мнѣ предстояла возможность исправить наши отношенія, и вдругъ, ради такого ничтожнаго случая, важное объясненіе опять отложится!)..

— Уфъ! Посмотрите только на это разстроенное нервное лицо! — вскричала докторша съ напускнымъ страхомъ. — Оставимъ поскорѣе нашу интересную пациентку, пусть она тутъ въ лѣсу наслаждается въ одиночествѣ...

Среди смѣха и повторяемыхъ извиненій, я, наконецъ, отъ

нихъ освободилась. Тогда я направилась опять къ каменоломнѣ, изъ боязни, что маленькое общество оглянется и увидитъ, какъ я всхожу на верхъ. Можетъ быть, имъ даже было извѣстно, что Конрадъ находится тамъ. Моя нечистая совѣсть сдѣлала меня подозрительной. Затѣмъ я вдругъ прибавила шагу и, задыхаясь, подбѣжала къ нашей скамейкѣ. Конрадъ поднялся и пошелъ мнѣ навстрѣчу съ удивленнымъ лицомъ. Это безпечное удивленіе, этотъ досадный случай съ маленькимъ обществомъ терзали меня, и та дипломатическая рѣчь, съ которою я хотѣла къ нему обратиться и которую такъ хорошо подготовила, сразу вылетѣла у меня изъ головы. Ни за что теперь я не могла бы спокойно говорить! Задыхаясь отъ волненія, я молча стояла передъ нимъ. Смѣшное приключеніе съ друзьями стояло, какъ живое, у меня передъ глазами; я видѣла себя со всѣхъ сторонъ окруженной, поруганной и затравленной. Вѣроятно, на моемъ лицѣ выразились всѣ терзавшія меня чувства. Изумленіе на лицѣ моего возлюбленнаго перешло въ слегка насмѣшливое выраженіе, что окончательно вывело меня изъ себя,

— Почему ты такъ взволнована? — равнодушно спросилъ онъ и обворожительнымъ жестомъ указалъ на лавку, на которой мы съ нимъ еще такъ недавно сидѣли, наслаждаясь нашей идилліей. Тогда мы радовались нашему счастью, какъ дѣти. Это воспоминаніе вызвало у меня изъ глазъ горячія слезы. Я осталась стоять.

— Вопросъ принадлежитъ мнѣ! — начала я. — Почему въ тебѣ такая перемѣна? Дѣйствительно ли это произошло ради извѣстной дамы, и ты позабылъ, чѣмъ обязанъ мнѣ и что мы съ тобой пережили.

Мой голосъ невольно прервался. Лицо его внезапно побѣлѣло, какъ мѣль; его рука, все его тѣло вздрогнули отъ порыва бѣшенства. Никогда еще его злой взглядъ, котораго я такъ боялась, не былъ такъ страшенъ, какъ въ эту минуту. Сама Медуза, кажется, не могла бы смотрѣть свирѣпѣе на своего врага...

— Еще одинъ такой вопросъ, — злобно проговорилъ онъ голосомъ, какого я раньше у него не слыхала, — и вы никогда больше меня не увидите!

Казалось, все поплыло куда-то въ сторону отъ меня. Ноги

мой подгибались и, чтобы не упасть, я принуждена была опуститься на скамейку. Онъ хотѣлъ уже уходить. Тогда я быстро схватила его за руку.

— Ради бога, останься... остань...тись. Я не хотѣла сказать чегонибудь обиднаго, но что же дѣлать, если я невыносимо страдала? Теперь я нахожусь въ невозможномъ положеніи. Мужъ что-то подозрѣваетъ... Значить, одной мнѣ придется все выносить? Что же мнѣ дѣлать, что дѣлать?

Слезы полились у меня по лицу. Онъ стоялъ въ сторонѣ и пристально смотрѣлъ въ даль. Одной рукой онъ облокотился на сукъ, но подъ ея напоромъ сукъ сломался и онъ презрительнымъ движеніемъ отшвырнулъ его отъ себя въ кусты.

— Это не мое дѣло, — жестко отвѣтилъ онъ. — Таковы всѣ женщины: сначала вы своими сантиментальностями возбуждаете ревность мужа, а потомъ другой долженъ вытаскивать васъ изъ двусмысленнаго положенія, которое вы сами себѣ создали. Почему же раньше Артуръ ничего не замѣчалъ?

— Потому что тогда я была счастлива, потому что мнѣ не надо было дѣлать надъ собой усилія, чтобы улыбаться и казаться веселой. Неужели ты можешь думать, что отъ моего мужа, который превосходно меня знаетъ, можетъ укрыться мое теперешнее состояніе?

Онъ сердито покачалъ головой. — Тѣмъ хуже для меня, для насъ обоихъ. Чѣмъ же я могу тутъ помочь? — Онъ строго и холодно взглянулъ на меня и опять измѣнился въ лицѣ. — Но я не хочу брать на себя какихъ бы то ни было обязательствъ; объ этомъ вамъ должно быть хорошо извѣстно. Значить, вся ваша судьба зависитъ отъ васъ самихъ. предайте прошлое забвенію; тогда вернутся наши дружескія отношенія, и Артуръ снова успокоится. Немножко взять себя въ руки, небольшое усиліе воли, и...

Я горько разсмѣялась. «Усиліе воли!» — Хочешь... хотите дать мнѣ для этого рецептъ? Легко говорить тому, для кого любовь — ничто иное, какъ пріятное приключеніе, капризь...

— Оставь игру словъ! — рѣзко перебилъ онъ меня.

Тогда я встала и въ упоръ подошла къ нему. Все во мнѣ кипѣло отъ гнѣва и боли; къ тому же на меня дѣйствовала его близость, его взглядъ, и этотъ, ему только свойственный, запахъ, сводившій меня и раньше съ ума. Разомъ пробуди-

лись во мнѣ всѣ воспоминанія о нашей былой близости, когда я находилась всецѣло подъ его обаяніемъ.

— Я называю вещи ихъ настоящими именами, — тихо проговорила я. — Иначе поступать я не могу, и ты знаешь почему. Ты — моя единственная любовь, и моя жизнь не имѣетъ смысла безъ тебя; я не могу все забыть и вдругъ сдѣлаться тѣмъ, что ты называешь «быть благоразумной». Я не дилетантка въ любви, и не смотрю на нее, какъ на игру на роялѣ или какъ на вязанье...

Онъ коротко разсмѣялся какъ-то въ носъ. — Эге! да ты просто остроумна. Ужь признайся лучше, что ты упряма, что тебѣ хотѣлось бы надо мной мудрить и тиранствовать, а только ты не сообразила одного, что этого я никогда не позволю! Знаю я васъ, женщины! Твоя вѣрность начинаетъ мнѣ дорого обходиться. Другой могъ бы тебѣ вполне замѣнить меня, но ты сама не хочешь. Однако, ты этимъ со мной ничего не сдѣлаешь. Все таки я есть и останусь самъ себѣ господиномъ.

— Я вовсе не собиралась тебя тиранить! — возразила я, глубоко огорченная.

Съ кѣмъ же я все время говорила и для чего? Мы объяснялись на разныхъ языкахъ. Полное безнадежное отчаяніе овладѣло мною. Чтò же мнѣ остается еще сказать, чтобы быть понятой? Еслибъ только не этотъ взглядъ, я готова была бы простить ему всѣ жесткія слова... еслибъ услышала хотя одно ласковое слово. Но онъ такъ со мной обошелся, что всякій лучъ надежды погасъ для меня. Вокругъ меня стало темно.

— Ты слишкомъ жестокъ ко мнѣ, — прошептала я черезъ нѣсколько времени. — Еслибъ я только знала, въ чемъ дѣло, что оттолкнуло тебя отъ меня, то, можетъ быть, я могла бы что нибудь сдѣлать, чтобы снова привлечь къ себѣ!

Онъ стоялъ и нетерпѣливо топалъ ногой. При разговорѣ я дѣлала паузы, чтобы дать ему возможность сказать хоть какое нибудь слово, которое возбудило бы во мнѣ надежду. Но онъ молчалъ. Теперь онъ обрывалъ съ куста листья и бросалъ ихъ на землю; мнѣ почему-то больно было смотрѣть на это.

— Что же? не услышу я какого нибудь совѣта, какъ мнѣ держать себя относительно Артура? — спросила я наконецъ.

Онъ пожалъ плечами и повернулся, чтобы уходить.

— Я думалъ, что мы уже обо всемъ договорились, — воз-

разиль онъ нетерпѣливо.—Я не могу ничего больше совѣтовать, кромѣ осторожности. Если между вами возникли непріятности, то по вашей собственной винѣ. Впрочемъ, я не знаю, зачѣмъ мы высказываемъ другъ другу непріятныя вещи вотъ ужъ цѣлыхъ полчаса? Лучше покончимъ съ этимъ; очевидно нечего ждать чего нибудь болѣе веселаго. До свиданія!

И онъ удалился съ холоднымъ поклономъ. Я сѣла опять на скамейку и, вода кончикомъ зонтика по землѣ, устремила задумчивый взглядъ на суету муравьевъ. Въ своемъ горѣ я не обратила вниманіе на то, что зонтикомъ разрушаю ихъ убѣжище, а они торопливо и растерянно бѣгали во всѣ стороны, точно ища защиты. Не такъ ли же разстроены мой внутренний міръ и разорено мое домашнее гнѣздо, какъ у этихъ бѣдныхъ созданій? Я передумывала со стыдомъ и ужасомъ о тѣхъ словахъ, которыя были произнесены между имъ и мной; хотѣла бы о нихъ позабыть, но они глубоко запечатлѣлись въ моей душѣ. Что же я сдѣлала? Съ первыхъ же словъ я разсердила его. Сколько уже разъ мнѣ вредила моя гордость. Мнѣ хотѣлось кричать, скрыться гдѣ нибудь, какъ раненому звѣрю, и никогда, никогда не видать человѣческаго лица... И какъ думала обо мнѣ чловѣкъ, которому я пожертвовала всѣмъ, чтò у меня было, который одинъ изъ всѣхъ людей счумѣлъ завладѣть моей любовью и пріобрѣлъ надо мной неограниченную власть?! Такимъ образомъ блуждала я по лѣсу, крайне возбужденная, тщательно избѣгая тѣхъ мѣстъ, откуда слышались голоса. Я боялась, что всякій, при взглядѣ, на меня, угадаетъ о томъ, чтò я пережила. Наконецъ, я отправилась домой.

XVIII.

Артуръ былъ какъ-то задумчивъ и все наблюдалъ за мной. Но мнѣ это было все равно. Я была такъ сильно потрясена, что и на себя-то ужъ не обращала никакого вниманія. Но когда онъ заговорилъ о томъ, какъ я провела время въ лѣсу и не встрѣтила ли Конрада, — то я невольно стала внимательнѣй.

— Да, — спокойно отвѣтила я, — даже говорила съ нимъ и еще съ инженеромъ и двумя дамами. Они встрѣтились мнѣ въ лѣсу.

Его лицо нѣсколько прояснилось. «Во всякомъ случаѣ, Конрадъ встрѣтился съ нею *при другихъ*», — подумалъ онъ. Я пристальнѣе взглядѣлась въ него. Въ его чертахъ было что-то сонное, болѣзненное, чего я раньше не замѣчала. Безъ сомнѣнія, его мучили мысли о Конрадѣ; онъ подозрѣвалъ и тосковалъ. Бѣдный Артуръ! Но себя я жалѣла еще больше, чѣмъ его; и даже одно мгновение мнѣ было даже какъ будто легче отъ сознанія, что вотъ и другой страдаетъ, также какъ я.

Но, ради себя и его, все таки слѣдуетъ взять себя въ руки и не давать больше пищи его подозрѣніямъ. Слѣдуетъ направить мысли мужа на другое. Но объ чемъ же съ нимъ заговорить? Вдругъ я вспомнила рассказы Кати объ Гернродской церкви. Слава богу!

— Артуръ,—начала я съ веселымъ видомъ,—тебѣ слѣдовало бы побывать въ Гернродской церкви!

Онъ вышелъ изъ своего полусоннаго задумчиваго состоянія и взглянулъ на меня большими глазами. — Въ Гернродской церкви?—удивленно спросилъ онъ.—Зачѣмъ же это?

— Потому что это самое древнее зданіе въ Германіи,—объясняла я ему.—Она выстроена въ чисто романскомъ вкусѣ, и замѣчательно красива. Гернродская церковь основана въ десятомъ столѣтіи.

— Правда?—сказалъ мужъ, устремляя на меня свои широко раскрытые глаза.

Мнѣ было страшно тяжело. Я сознавала всю фальшь и неловкость моего усердія, но если я вдругъ брошу тему разговора, то мое положеніе еще ухудшится. И я продолжала, со смущеннымъ сердцемъ, занимать мужа описаніемъ Гернродской церкви. Щоки мои горѣли, а я все говорила и говорила, не умѣя въ-время остановиться, придумавъ ловкій конецъ. Затѣмъ я стала припоминать разные случаи изъ моей жизни, припоминала всѣ глупости и шалости, которыя я совершила больше чѣмъ двадцать лѣтъ тому назадъ, припоминала объ нашемъ съ нимъ путешествіи по Италіи. Мой смѣхъ звучалъ громко и гармонично, но почему-то не возбуждалъ веселья въ Артурѣ. Онъ сидѣлъ и все смотрѣлъ на меня, какъ и раньше; я же болтала, болтала безъ конца, со слезами и отчаяніемъ въ душѣ, ожидая, когда же, наконецъ, окончится эта пытка.

Но вотъ Артуръ поднялся со стула. Онъ до сихъ поръ не

прервалъ меня ни однимъ словомъ. Съ умышленной быстротой я кинулась вонъ изъ комнаты и принесла ему газету, которую онъ обыкновенно читалъ передъ послѣобѣденнымъ сномъ.

— Тебѣ тоже слѣдовало бы немножко отдохнуть, — сказалъ онъ со страннымъ блескомъ въ глазахъ, не принимая предложенной ему газеты; затѣмъ медленно пошелъ въ свою комнату...

Я сжимала обѣими руками свою горячую голову; руки мои дрожали и были холодны, какъ ледь. Что же это такое? Я сама себя выдала, какъ истинная дура. вмѣсто того чтобы усыпить подозрѣнія Артура, я еще усилила ихъ. И вотъ я сѣла на стулъ въ своей спальнѣ, и старалась разобраться въ своихъ мысляхъ. Какъ мнѣ вести себя сегодня вечеромъ, когда придетъ Конрадъ играть въ карты? Уйти? Но этого я еще ни разу не дѣлала. Это кинется въ глаза не только Артуру, но и всѣмъ остальнымъ. Да и придетъ ли еще Конрадъ послѣ происшедшей между имъ и мной сцены? Мнѣ было тяжело при мысли не увидать его сегодня и не услышать его голоса. Можетъ быть, онъ одумался и рѣшилъ вести себя по прежнему? Не простить ли его въ такомъ случаѣ, просто, безъ всякихъ напоминаній и упрековъ? Дура я дура! буду ли когданибудь умнѣе? неужели я все еще вѣрю въ чудо?

Я улеглась на свой диванъ, въ надеждѣ заснуть, но объ этомъ нечего было и думать. Я вертѣлась съ боку на бокъ и вдругъ вскочила, чтобы позвать Христину и приказать ей, что если придетъ господинъ Бауеръ раньше другихъ, то позвать меня.

Добрая дѣвушка съ участіемъ посмотрѣла мнѣ въ лицо.

— Не лихорадка ли у васъ, сударыня?

Да, пульсъ у меня страшно стучалъ. Я легла и слышала его стукъ въ перемежку съ ропотомъ ручья. Наконецъ, пробило три часа. Я поднялась и подошла къ зеркалу, которое отразило въ себѣ мое лихорадочно раскраснѣвшееся лицо въ рамкѣ спутанныхъ волосъ. Я заботливо осмотрѣла свой туалетъ и нѣсколько успокоилась. Можетъ быть, теперь мнѣ слѣдуетъ принять беззаботный видъ? Ахъ, еслибъ Конрадъ мнѣ помогъ! Подойдя къ окну, я увидала Франца и инженера; вслѣдъ за ними въ комнату вошелъ и докторъ Эрнстъ. А что же Конрадъ? Сердце у меня упало.

Мужчины окружили меня и мы болтали; я опять приняла обычно свойственный мнѣ видъ и тонъ. Въ то время какъ я высказывала свое мнѣніе насчетъ эскиза, который Францъ набросалъ вчера на Менсингенской мельницѣ, вошелъ Конрадъ.

Наконецъ-то! Я кивнула ему и продолжала разговоръ. Между тѣмъ, я замѣтила наблюдательный взглядъ Артура, обращенный на мое лицо. Мнѣ было не легко разглядывать эскизы, когда я чувствовала вблизи себя Конрада и видѣла пристальный, встревоженный взглядъ Артура. Но съ самообладаніемъ, котораго я раньше въ себѣ и не подозрѣвала, я продолжала дѣлать критическія замѣчанія. Конрадъ очень холодно поклонился мнѣ, затѣмъ обернулся къ Артуру, не обративъ никакого вниманія ни на мою критику, ни на эскизы. Но вѣдь должна же быть какая нибудь сила воли и у меня. Послѣ утренней сцены, которую я пережила, мнѣ не трудно было отвѣчать на его холодное обращеніе тѣмъ же самымъ. Гордость пробудилась во мнѣ.

— Зачѣмъ нарисовали вы эту курицу на первомъ планѣ?—спросила я Франца.—Вы должны это перерисовать, иначе все впечатлѣніе будетъ испорчено.

— Вы меня не понимаете,—возразилъ серьезно Францъ.

— А вотъ тутъ онъ изобразилъ и салатъ,—замѣтилъ докторъ.

— Это просто трава,—укоризненно проговорила я.

— Эй, Каро!—закричалъ мужъ съ другаго конца стола.—Ужь не воображаешь ли ты, что они пришли, чтобы выслушивать твои указанія по рисованію? Идите сюда, господа, а пока отложите ваши художественныя пренія. Вы, Францъ, можете продолжать бесѣду въ томъ же духѣ съ моей женой, а то она послѣ будетъ упрекать меня за то, что я прервалъ ея *jeu d'esprit*. А, можетъ быть, вы желаете исполнить сегодня роль дамскаго кавалера?—вдругъ обратился онъ къ Конраду, зорко глядя на него.

— Нѣтъ, я лучше буду играть,—невѣжливо отвѣтилъ Конрадъ и, повернувшись ко мнѣ спиной, сталъ мѣшать карты.

— Я оставляю при себѣ Франца!—вскричала я, игнорируя грубое поведеніе Конрада.—У меня сегодня какая-то неутолимая жажда состязанія въ искусствѣ!

Такимъ образомъ, Францъ остался сидѣть возлѣ меня у окна и разговаривалъ въ то время, какъ я вышивала. Я по временамъ бросала мимолетный взглядъ на Конрада, который какимъ-то короткимъ, рѣзкимъ движеніемъ бросалъ карты на столъ, повидимому, нисколько не чувствуя на себѣ моего взгляда.

— Карола, дашь ли ты намъ сегодня чаю? — слышался голосъ мужа.

— Уже и чаю? — сказала я, поднимаясь. — Какъ жаль! мы тутъ съ Францомъ такъ славно болтали.

Конрадъ говорилъ съ инженеромъ; я не замѣтила, слышалъ ли онъ мои слова. Сегодня я нашла въ себѣ достаточно силы, чтобы платить ему за холодность — холодностью. Съ этой минуты онъ долженъ знать, что и у меня есть гордость. И кто знаетъ? можетъ быть, этимъ путемъ я верну себѣ его любовь. Мы сидѣли за чаемъ. Францъ продолжалъ говорить со мной объ искусствѣ. А мнѣ съ каждой минутой было все тяжелѣе отвѣчать ему. Съ меня довольно было уже и того, что я видѣла Конрада, сидѣвшаго какъ разъ противъ меня, причемъ подозрительные взгляды мужа переходили съ моего лица на лицо моего возлюбленнаго.

«Сегодня, — думала я про себя, — ты долженъ принести мнѣ повинную. Какъ это до сихъ поръ я не умѣла управлять собою? Почему только сегодня заговорила во мнѣ гордость?»

Я сдѣлала осторожное замѣчаніе насчетъ буддизма въ новѣйшемъ искусствѣ рисованія, надъ чѣмъ Францъ отъ души смѣялся. Что онъ говорилъ дальше, я не разслышала, такъ какъ мое вниманіе привлекъ вдругъ раздавшійся среди разговора голосъ Конрада:

— Въ Зельксталь? Жаль! Я охотно поѣхалъ бы туда вмѣстѣ съ вами. Фалькенштейнскій замокъ долженъ быть очень хорошъ, а въ Алексисбадѣ живетъ одинъ мой добрый знакомый, который давно ждетъ меня къ себѣ. Я попрошу передать ему мой поклонъ.

— Почему же не поѣдете вы вмѣстѣ? — спросилъ инженеръ.

— По очень простой причинѣ: завтра я уѣзжаю домой.

Кровь такъ сильно прилила мнѣ къ сердцу, что я ощутила точно ударъ; мое лицо похолодѣло, какъ ледъ, и, должно быть,

я смертельно поблѣднѣла. Въ первую ужасную минуту, я сознавала только одно: что я его больше не увижу. Въ слѣдующій затѣмъ моментъ я вздрогнула съ ногъ до головы отъ пронизывающаго взгляда моего мужа, наблюдавшаго за мной. Хотя слезы готовы были брызнуть у меня изъ глазъ, однако, я сдержалась. Я хотѣла спросить Конрада, почему онъ такъ внезапно уѣзжаетъ, но слова не шли у меня изъ горла. Къ счастью, разговоръ былъ услышанъ Францомъ, и тотъ обратился къ Конраду съ вопросомъ:

— Что заставляетъ васъ такъ внезапно ѣхать домой?

— Дѣла! — лаконически отвѣтилъ Конрадъ, не глядя на меня. — И это — самое удобное для меня время.

Что бы я дала, чтобы имѣть возможность заговорить съ нимъ, хотя бы изъ приличія, потому что если остальные не замѣтили моего состоянія, то отъ мужа, — какъ я уже раньше сказала, — ничто не укрылось. Но языкъ мой не двигался и въ горлѣ пересохло. Францъ, между прочимъ, обратился къ остальнымъ мужчинамъ съ предложеніемъ устроить поѣздку въ Зельксталь. — Мы могли бы отправиться туда въ коляскахъ, — обратился онъ къ моему мужу, — и вы могли бы принять въ поѣздкѣ участіе, а также и госпожа Карола...

— Не могу этого обѣщать, — возразилъ Артуръ съ жестомъ усталости. — Я чувствую себя несомнѣнно хорошо.

Съ испуганнымъ видомъ я поднялась изъ-за стола.

— Не разойтись ли намъ въ такомъ случаѣ? — спросилъ Францъ. Докторъ кивнулъ головой и отвелъ въ уголокъ инженера и Конрада, гдѣ они нѣсколько минутъ о чемъ-то совѣщались. Затѣмъ онъ сказалъ: — Сегодня мы дадимъ вамъ покой и уйдемъ. Не такъ ли, господа? Пойдемъ же! мы немножко прогуляемся и затѣмъ гдѣ нибудь поужинаемъ.

— Мнѣ надо еще покончить съ кое-какими дѣлами, — сказалъ Конрадъ, — и потому не рассчитывайте на меня. — Они распростились и разошлись.

Вѣроятно, и теперь я едва ли нашлась бы о чемъ заговорить. Я дрожала отъ страха и съ ужасомъ слѣдила глазами за мужчинами, уходящими изъ комнаты, гдѣ я осталась съ Артуромъ наединѣ. Мнѣ казалось, что онъ нарочно сослался на болѣзнь, чтобы начать разговоръ со мной. Что же мнѣ ему сказать? Никогда раньше мнѣ не приходило въ голову, что

придется отдавать Артуру отчетъ въ чемъ нибудь. Не попробовать ли мнѣ воспользоваться этимъ временемъ? Пока Артуръ провожаетъ мужчинъ и затѣмъ вернется въ гостинную, я прощмыгну мимо него въ свою комнату... Но я почувствовала, что меня схватили за руку. Мы остановились другъ противъ друга.

— Что такое произошло между тобой и Конрадомъ?—быстро и рѣзко спросилъ Артуръ, хотя въ то же время голосъ его дрожалъ.

— Ничего!—пролепетала я въ смертельномъ испугѣ, глядя ему въ глаза совершенно бессмысленнымъ взглядомъ. Онъ выпустилъ мою руку и слегка толкнулъ меня.

— Карола!—гнѣвно воскликнулъ онъ.

Я не могла перенести его взгляда и разразилась рыданьями. Шатаясь, упала я на софу и закрыла лицо платкомъ.

— Ничего! ничего!—повторяла я среди рыданій. Одну секунду я спрашивала себя, не будетъ ли лучше, если я расскажу все мужу и тѣмъ, можетъ быть, облегчу свое сердце, но отъ одной мысли нанести смертельный ударъ этому слабому человѣку у меня потемнѣло въ глазахъ. Нѣтъ, нѣтъ, все, только не это!

— Ты никогда мнѣ не лгала,—сказалъ онъ съ видимымъ стараніемъ говорить спокойно, — значить мнѣ слѣдовало бы тебѣ вѣрить. Но я не могу, Карола... Еслибъ ты видѣла себя, какъ я тебя сейчасъ видѣлъ, ты сама бы себѣ не повѣрила. Скажи мнѣ лучше прямо все сразу, не заставь меня подозрѣвать худшее, Карола!

Его послѣднее восклицаніе прозвучало, какъ крикъ. О Боже, зачѣмъ я себя не убила? Это было хуже тысячи смертей.

— Ничего, ничего,—въ отчаяніи повторяла я.—Право же ничего нѣтъ, Артуръ!

Онъ какъ-то безпомощно остановился опять передо мною.

— Итакъ, ничего?—вдругъ спросилъ онъ тономъ судьи, допрашивающаго подсудимаго.—Тогда зачѣмъ же ты такъ отчаянно плачешь?

Я отняла платокъ отъ глазъ.

— Я ничего не знаю... и больше не плачу...

Я говорила то, что пришло въ голову, но рѣшила ни за что не признаваться.

Онъ закрылъ лобъ рукою и все продолжалъ смотрѣть на меня, какъ будто не сознавая, видитъ ли онъ все это во снѣ, или на яву.

— Карола, мы прожили всю жизнь вмѣстѣ,—началъ онъ, но голосъ его прервался. Нѣтъ, я не могу, не могу!—и онъ громко зарыдалъ.

Я же думала, что мое сердце разорвется. Вдругъ онъ въ упоръ подошелъ ко мнѣ. Съ усилившимся гнѣвомъ онъ схватилъ меня за плечо и сильно потрясъ. — И ты можешь поклясться, что между тобой и Конрадомъ ничего не произошло?—свирѣпо спросилъ онъ.

— Поклясться?—съ ужасомъ простонала я.

— Да, поклясться! Я не повѣрю тебѣ, если ты не поклянешься. Коли ты, дѣйствительно, не виновата, то тебѣ очень легко это сдѣлать, чтобы меня успокоить. Ну?

— Я не стану клясться,—не задумываясь, отвѣтила я.

— Такъ, значитъ, это правда? — громко сказалъ онъ. — Правда, правда! — повторялъ онъ, какъ помѣшанный. — Тогда что же такое я представляю изъ себя? что же такое, послѣ этого, моя жена?

Внѣ себя я вскочила и стала бѣгать по комнатѣ, ломая руки.

— Артуръ, ради бога, Артуръ, вѣрь мнѣ, что ничего нѣтъ!

— Почему же ты не хочешь дать клятву?—рѣзко спросилъ онъ.

— Потому что я считаю это ниже своего достоинства,—такія сцены между мной и тобой. Артуръ! развѣ ты больше мнѣ не вѣришь?

Онъ грустно и медленно покачалъ головой. — Нѣтъ, не вѣрю больше...

— Но вѣдь это ужасно, ужасно! — отчаянно закричала я. Затѣмъ, быстро обернувшись къ нему, я спросила въ свою очередь:—Почему же ты нейдешь къ нему? Спроси его самого.

Мы тупо посмотрѣли другъ на друга. Тогда онъ тяжело поднялся со стула, не отрывая отъ меня своего пытливаго, подозрительнаго взгляда.

— Ты права. Я пойду къ Конраду—сейчасъ же, прежде, чѣмъ ты.

Его взглядъ сталъ угрожающимъ. Я стиснула зубы и не тронулась съ мѣста.

Я знала, что онъ хотѣлъ сказать, и съ нетерпѣніемъ ждала, когда онъ уйдетъ.

XIX.

Я не произнесла больше ни слова и только слѣдила за нимъ взглядомъ, пока онъ шелъ въ спальню за шляпой и палкой.

Онъ, не простясь, вышелъ изъ дому. По мнѣ пробѣгала дрожь, когда я стояла у окна и смотрѣла, какъ онъ идетъ, опасаясь, какъ бы не вернулся. Только когда онъ скрылся уже за угломъ, я вернулась въ спальню. Я была въ страшномъ волненіи. Затѣмъ очутилась безъ платья, сама не замѣчая, какъ я его сняла. Я пыталась остановиться на какойнибудь мысли; но вотъ мнѣ вдругъ пришло въ голову, что Артуръ могъ не застать дома Конрада, который, безъ сомнѣнія, приготовлялся къ завтрашнему отъѣзду. Во всякомъ случаѣ, мнѣ есть еще время предупредить, чтобы Артуръ не засталъ его врасплохъ.

Я быстро сѣла за письменный столъ, хотя моя дрожащая рука едва могла держать перо. Только пару словъ напишу ему... самое необходимое. Только бы избѣжать ужаснаго! Я уже не мечтала о любви, а только думала о томъ, чтобы сдѣлать сноснымъ мое сожитіе съ Артуромъ.

Я сунула письмо въ карманъ своего пеньюара и спокойно прошла черезъ три комнаты въ садъ. Было такъ тихо; всѣ вышли на прогулку въ эту великолѣпную погоду. Эта тишина вселяла во мнѣ какую-то странную боязнь и безпокойство; мнѣ хотѣлось чтонибудь слышать. Вотъ пробѣжала кошка; я кинулась за ней и вспугнула ее, не зная зачѣмъ. Потомъ я вернулась домой и опять принялась безпокойно ходить взадъ и впередъ по комнатамъ. Но вотъ вскорѣ появился Артуръ.

При взглядѣ на него, меня снова охватила дрожь.

— Ну? — спросила я какъ можно тверже. А вдругъ онъ засталъ Конрада врасплохъ, не далъ ему даже времени чтонибудь придумать для нашего спасенія?

— Нѣтъ его дома,—отвѣтилъ онъ и, не глядя на меня, прошелъ мимо въ свою комнату.

Я съ облегченіемъ вздохнула и невольно схватилась за свое письмо. Затѣмъ вышла въ кухню.

— Христина, не можете ли вы сейчасъ же отнести это письмо?—послѣшно и шопотомъ сказала я.

Вѣрная дѣвушка сейчасъ же вышла неслышно изъ дому и вскорѣ скрылась. Она уже шла по крытой аллеѣ, какъ вдругъ слышу голосъ мужа, зовущаго дѣвушку. Я быстро вышла въ садъ и остановилась около клумбы съ лиліями; взяла одну изъ нихъ, приблизила ее къ уху и сейчасъ же услышала какой-то тихій, странный звукъ, напомнившій мнѣ о моемъ дѣтствѣ. Ахъ, какія, бывало, славныя сказочки рассказывала мнѣ мать объ этихъ музыкальныхъ цвѣтахъ!

— Гдѣ Христина?—услыхала я голосъ мужа возлѣ себя. Я вскрикнула отъ неожиданности и взглянула въ его поблѣднѣвшее лицо.

— Ея нѣтъ дома,—сказала я.

Онъ подозрительно посмотрѣлъ на меня.—Ахъ, вотъ какъ! Но, возвратившись домой, я ее видѣлъ.

— Вѣрно, ей понадобилось выйти,—замѣтила я.

— Конечно, для тебя? — насмѣшливо проговорилъ онъ и вернулся въ комнату. Я пошла вслѣдъ за нимъ и усѣлась съ работою у окна. Для меня было мученіемъ видѣть его такъ близко. Онъ усѣлся на диванъ и взялъ газету, но ежеминутно отрывался отъ чтенія, устремляя взглядъ то на меня, то куда-то вдаль. Бѣдный Артуръ! Какимъ ты долженъ чувствовать себя несчастнымъ!

Я очень обрадовалась, когда услышала, что Христина вернулась домой. Артуръ тоже прислушался и я замѣтила, что его лицо прояснѣло. «Безъ сомнѣнія,—подумалъ онъ,—дѣвочка не могла въ такое короткое время побывать у Конрада». Онъ не подозрѣвалъ, какъ проворна и ловка моя вѣрная посланница.

— Христина, баринъ васъ зоветъ,—позвала я ее, выглянувъ за дверь.

— Теперь не нужно,—хрипло проговорилъ онъ, откашливаясь.

Затѣмъ настала опять эта удручающая тишина. Только и

слышны тиканье часовъ и ропотъ ручья подь окномъ. Никогда еще не чувствовали мы такой тоски, сидя вдвоемъ, какъ сегодня.

Наконецъ, черезъ полчаса Артуръ поднялся и пошелъ своей медленной походкой, еще больше согнувъ спину, къ себѣ въ спальню. Затѣмъ я видѣла, какъ онъ прошелъ мимо окна, направляясь куда-то. Вѣроятно, ему сказали, что около этого времени Конрадъ будетъ дома. Я слѣдила за нимъ. Что-то въ его походкѣ и въ той манерѣ, какъ онъ откидывалъ палку, было мнѣ противно, не знаю почему. Нѣкоторыя его привычки и движенія возбуждали во мнѣ злость, и теперь я сердито отвернулась отъ окна, только бы не видѣть его больше. Въ первый разъ, во все время нашего брака, случилось такъ, что Артуръ ушелъ, не сказавъ мнѣ ни слова. Это очень огорчило меня; чувство моей виновности передъ нимъ не покидало меня ни на одну минуту.

Ну? Что же теперь будетъ? Что скажетъ ему Конрадъ? Въ моемъ испугѣ и волненіи было своего рода удовлетвореніе. Пусть Конрадъ увидитъ, какія послѣдствія имѣло его небрежное обращеніе со мной! Зачѣмъ онъ сегодня утромъ не подготовилъ меня, не предупредилъ заранѣе о своемъ отъѣздѣ. Я, можетъ быть, нашла бы въ себѣ силу примириться съ мыслью о разлукѣ или, по крайней мѣрѣ, устроить такъ, чтобы Артуръ не замѣтилъ моего волненія. Какая ужасная кара за такое короткое, скудное счастье! Я припоминаю другихъ, которыхъ дѣлали то же, что и я, но относились къ этому вполне легкомысленно, безъ малѣйшаго угрызения совѣсти, весело продолжая свой жизненный путь и не оглядываясь назадъ. Онѣ, — эти легкомысленныя созданія, — пользовались счастьемъ, смакуя его, какъ конфетку. А я? И я упала на диванъ, захлѣбываясь отъ рыданій. Развѣ я недостойнѣе другихъ? Какъ ты, Конрадъ, гордился сначала завоеваніемъ недоступной для всѣхъ остальныхъ Каролы, какъ это льстило твоему тщеславію, какъ ты былъ нѣженъ, и какъ мы были счастливы! Воспоминанія, одно за другимъ, потянулись передо мной длинной вереницей...

Чу! стукнула садовая калитка. Я выпрямляюсь, открываю глаза и поправляю сбившіеся на лбу волосы. Черезъ минуту спустя, входитъ въ комнату Артуръ.

Моя слезы просохли; я прислонилась къ стѣнкѣ дивана и

Смотрѣла, какъ онъ входитъ, задумчивый, серьезный, точно сама судьба. Но я сейчасъ же замѣтила, что его поступъ стала легче, лицо свѣтлѣе и дружелюбнѣе, чѣмъ было раньше. Я не слыхала бѣненія моего пульса: у меня захватило дыханіе...

— Успокойся, Карола,—благодарнымъ тономъ проговорилъ мужъ.—Конрадъ мнѣ все разсказалъ и я не стану тебя упрекать. Я знаю, что твоя симпатія къ Конраду извинительна и не хочу быть несправедливымъ. Ты еще молода, въ особенности въ сравненіи со мной.

Онъ вздохнулъ. У меня потемнѣло въ глазахъ. Что же такое сказалъ ему Конрадъ? Я никакъ не могла этого угадать.

— Я благодаренъ Конраду за то, что онъ такъ спокойно отнесся къ твоимъ безумствамъ. Со временемъ, когда пыль твой поостынетъ, ты сама навѣрное будешь ему благодарна.

До сихъ поръ я глядѣла ему въ лицо, не произнося ни слова. Но вдругъ я почувствовала, какъ кровь прилила мнѣ къ вискамъ, и смущенно переспросила:

— Къ моимъ безумствамъ?

— Ну, скажемъ, если хочешь, иначе: къ твоему предпочтенію... Слава богу, что не произошло ничего серьезнаго, что твое кокетство пропало даромъ, наткнувшись на такого благороднаго человѣка, какъ Конрадъ...—Его голосъ при этомъ дрожалъ.—Еслибы вы, женщины, подумали только о томъ, какое несчастье могутъ навлечь ваши причуды, то...

Онъ отвернулся и окончилъ фразу про себя, причѣмъ опять, своей прежней тяжелой походкой, поплелся въ свою комнату.

Я стояла нѣкоторое время, крайне удивленная, — просто даже въ состояніи какого-то оцѣпененія. Затѣмъ схватила обѣими руками за голову и провела ими по лбу. Ужъ не брежу ли я?

Какъ долго я стояла въ такомъ положеніи—и сама не могу дать себѣ отчета. Наконецъ, я кинулась со всѣхъ ногъ въ свою спальню и спрятала лицо въ подушки. Чтò же, чтò сказалъ онъ? Стонь вырвался изъ моей груди. Ужъ не сошла ли я съ ума? Нѣтъ, не можетъ быть! все это былъ только безобразный, сумашедшій кошмаръ и я рвала на себѣ волосы, чтобы проснуться...

Итакъ я одна осталась виноватой; онъ счумѣлъ вывер-

нуться, — вот и все. Со мной, — съ женщиной, пожертвовавшей ему безповоротно всё, рѣшительно всё, — онъ вдругъ такъ обращается, — этотъ благородный рыцарь, этотъ благодѣтель... «Вотъ человѣкъ, котораго ты любишь, — говорила я себѣ, — человѣкъ безъ сердца, безъ малѣйшаго такта». Я осыпала его тысячами обвиненій, и подѣ конецъ разразилась слезами. О, мой дорогой, ты составляешь для меня все на свѣтѣ, и ты могъ такъ поступить съ твоей Каролой? Но я знала, что все таки люблю его, и, какъ сумашедшая, бѣгала по своей комнатѣ. Неужели я все еще буду его любить, хотя бы онъ выказалъ себя обманщикомъ и предателемъ? И вотъ я, нравственно обезсиленная, въ смертельной тоскѣ улеглась ничкомъ на диванѣ.

Пока я лежала такимъ образомъ, наступили сумерки. Наконецъ, слышу, кто-то тихонько отворяетъ дверь. Я не шевелюсь. Можетъ быть, это Артуръ, а, можетъ быть, Христина, — это мнѣ все равно. Съ минуту дверь оставалась полуоткрытой; затѣмъ она безшумно захлопнулась. Вѣроятно, вошедшій подумалъ, что я сплю. Стало совсѣмъ темно. Мнѣ слышенъ былъ шумъ ручья и вѣтра; деревья шумѣли все сильнѣе, какъ морскія волны. Я представила себѣ море и его свинцовыя волны; онѣ то съ шумомъ подбѣгали ко мнѣ, то откатывались назадъ. Я какъ будто чувствовала ихъ холодное прикосновеніе къ своему тѣлу. Иллюзія была очень сильная. Ахъ, вотъ умереть бы такъ, чтобъ больше ни о чемъ не думать! Заснуть бы окруженной морскими волнами, и никогда не просыпаться для этой ужасной дѣйствительности. Дверь опять отворилась.

— Сударыня, — раздался отчетливый шопотъ и ко мнѣ подошла на цыпочкахъ Христина съ подносикомъ въ рукахъ. — Сударыня, извольте немного поужинать. Я тутъ принесла вамъ. Не зажечь ли лампу? — И, не ожидая отвѣта, она шмыгнула вонъ изъ комнаты, а черезъ секунду вошла съ зажженной лампой подѣ абажуромъ.

Я не открывала глазъ.

— Сударыня, вы бы немножко покушали, а то совсѣмъ заболѣете!

Она придвинула ко мнѣ маленькій столикъ и поставила на него подносики съ ужиномъ. Я почувствовала запахъ ду-

шпистаго чая и холодной говядины, и съ отвращеніемъ отвернулась.

Но она не отставала отъ меня до тѣхъ поръ, пока я немного не закусила. Затѣмъ, не ожидая моихъ приказаній, она принялась меня раздѣвать. Я допускала продѣлывать все это, относясь ко всему совершенно индифферентно, но когда я, наконецъ, сознала заботливость и преданность милой дѣвушки—слезы полились у меня изъ глазъ.

Вошелъ Артуръ, и мы коротко пожелали другъ другу доброй ночи.

XX.

Я ощущала какое-то странное состояніе: сонъ боролся съ дѣйствительностью. Шумъ, разныя сцены, картины вертѣлись въ какомъ-то хаотическомъ безпорядкѣ въ моемъ воспаленномъ мозгу. Но по временамъ появлялось сознаніе и, казалось, говорило мнѣ: «ты—бредишь; этого на самомъ дѣлѣ нѣтъ. Все вокругъ тебя темно; жизнь осталась далеко позади тебя, и не жди ничего въ будущемъ!»—Однако, чтѣ такое блесить тамъ? Это озеро, освѣщенное солнечными лучами, а на берегу его стою я съ Конрадомъ. Вотъ онъ говоритъ мнѣ: — «Не бойся ничего, Карола! я все устроилъ. Мужъ твой согласенъ отдать тебя мнѣ». Но видѣніе мѣняется и я уже говорю въ свою очередь Конраду: «ты ошибаешься,—это только бредъ; для меня все покончено, какъ съ надеждой, такъ и съ любовью».—Днемъ я продолжала лежать на софѣ и опять грезилъ. Только по временамъ, и то изрѣдка, я приходила въ полное сознаніе и вся вздрагивала отъ ужаса передъ дѣйствительностью. Воспоминанія вставали передо мной, но они, казалось, дразнили меня: — «Смотри, вотъ и мы! но мы тебя не оставимъ въ покоѣ; ты наша навсегда, ты наша раба»!..

Мой мужъ входилъ и выходилъ, все время наблюдая за мной. Но съ каждымъ днемъ лицо его дѣлалось мрачнѣе и подозрительнѣе. Я никого не принимала. Конрадъ, безъ сомнѣнія, уѣхалъ, не простившись. Я, конечно, нисколько не удивлялась этому, но все же страдала. И чтѣ это за жизнь началась для Артура и меня! Ужасно чувствовать на себѣ этотъ вѣчно вопрошающій, подозрительный взглядъ... Теперь я поте-

ряла даже любовь моего мужа. О, какъ холодно вокругъ меня, какъ пусто! Артуръ, очевидно, приходилъ къ какому-то рѣшенію. На четвертый или на пятый день нашего грустнаго сожитія, онъ сталъ довольно часто заглядывать въ мою спальню, гдѣ я или медленно расхаживала взадъ и впередъ, или ложилась на кушетку. Ахъ, какъ охотно попросила бы я его увезти меня домой, но я не рѣшалась, опасаясь новой сцены.

Пообѣдавъ, Артуръ прилегъ, но всталъ нѣсколько раньше обыкновеннаго послѣ своего сна и прямо вошелъ ко мнѣ въ спальню. Я полулежала и взглянула на него. Онъ подошелъ ко окну и два раза тяжело вздохнулъ. Сердце мое встрепенулось, я слѣдила за всѣми его движеніями съ возрастающимъ страхомъ.

Вдругъ онъ остановился передо мной.—Слушай, Карола,— началъ онъ хриплымъ голосомъ и опять вздохнулъ, — такая жизнь, какъ ты, вѣроятно, и сама сознаешь, дальше продолжаться не можетъ...—И онъ укоризненно покачалъ головой. Я начала дрожать и съ ужасомъ глядѣла на него. Его лицо тоже выдавало сильное волненіе, хотя тщательно имъ сдерживаемое; онъ говорилъ съ очевиднымъ намѣреніемъ придать своему голосу благоразумный и вмѣстѣ мягкій тонъ.—Ради чего мы оба тутъ мучимся? Имѣетъ ли это смыслъ? Я просто не знаю, что съ тобой дѣлать. Почему ты такъ изводишься, если твоя совѣсть чиста, и если ты сохранила относительно меня свою вѣрность?

Въ его глазахъ виднѣлся испугъ, не меньше, чѣмъ въ моихъ. Ужъ не хочетъ ли онъ опять потребовать съ меня клятвы? Я уже открыла ротъ, чтобы помѣшать ему начать снова разговоръ.

Вдругъ стукнула дверь и показалась хорошенькая, бѣлокурая головка Христины.

— Пришли господа и ждутъ въ гостиной.—Я даже подпрыгнула отъ радости. Слава богу!

— Ну,—сказалъ Артуръ, поворачиваясь къ двери,—сегодня вечеромъ я жду отъ тебя рѣшительнаго и вполне яснаго отвѣта. Такъ не можетъ продолжаться,—видитъ Богъ, не можетъ!

Говоря это, онъ глубоко и горестно вздохнулъ, и быстро вышелъ изъ комнаты.

Боже, но что же скажу я ему сегодня вечеромъ? неужели

мнѣ придется сдѣлаться клятвопреступницей? Глубокое горе охватило меня. О только бы не это, только бы не это! И я безцѣльно ходила по комнатѣ. Впрочемъ, почему же бы и не поклясться? Не все ли равно! Вѣдь попраля же я ногами свою супружескую вѣрность. Значить, я уже нарушила клятву! А все таки я предпочту даже смерть исполненію его требованія. И вотъ я опять бросилась на софу, потому что чувствовала себя совершенно разбитой отъ всѣхъ этихъ потрясеній. Ужасная усталость сковала мои члены; точно какая-то темная завѣса упала на мои глаза и я вдругъ заснула. Но вдругъ вскочила, точно отъ удара, и испуганно оглянулась. Было уже совершенно темно. Чтѣ же случилось? Потребовалось съ минуту времени, чтобы я сообразила, гдѣ я, и чтѣ со мною. Сердце во мнѣ сильно билось. Сколько же прошло времени? Я нажала кнопку. На звонокъ сейчасъ же вошла Христина съ зажженной лампой.

— Сударыня, вы такъ крѣпко уснули, — смѣясь проговорила она, — что я не посмѣла васъ тревожить. Ужъ десять часовъ; баринъ ушелъ съ прочими господами, потому что вы почивали. Я принесу вамъ немножко закусить. Но вамъ какъ будто не здоровится: у васъ, сударыня, такой разстроенный видъ. Не лечь ли вамъ въ постель?

— Боже мой, Христина, баринъ хотѣлъ сегодня вечеромъ... намъ надо поговорить объ одномъ очень важномъ дѣлѣ...

— Сударыня, вѣдь такимъ образомъ вы можете легко заболѣть. Умоляю васъ, лягте въ постель и запрянитесь. Вѣдь теперь поздно говорить о чемъ нибудь важномъ.

Дѣвушка такъ преданно заглядывала мнѣ въ глаза, что я позволила ей убѣдить себя. Только бы провести ночь спокойно, а тогда я, можетъ быть, буду въ состояніи взглянуть неминуемой бѣдѣ прямо въ глаза. Я просто изнемогала отъ усталости. Христина помогла мнѣ раздѣться; ея заботы трогали и успокаивали меня. Я допустила уложить себя въ постель, потому что была безпомощна, точно больное дитя. Завтра?.. Нѣтъ, лучше и не думать о завтрашнемъ днѣ, а поскорѣе уснуть. На другой день, когда я проснулась, то, прислушавшись, не могла угадать, дома ли Артуръ. О, Боже, что-то принесетъ мнѣ этотъ день? Съ какой-то нервной торопливостью я одѣлась и вышла въ столовую. Столъ для завтрака былъ уже накрытъ, и солнце

ярко освѣщало бѣлую скатерть. Когда я зажгла спиртовую лампочку для кофе, появился Артуръ.

— Здравствуй, Карола! — И онъ протянулъ мнѣ руку, не поцѣловавъ меня по прежнему въ лобъ. Затѣмъ усѣлся напротивъ меня, посмотрѣлъ на мои приготовления къ завтраку и взялъ себѣ кусочекъ бѣлаго хлѣба, который я намазала икрой. Ему, конечно, кинулась въ глаза нервнось и неувѣренность моихъ движеній. Я сама чувствовала, какъ была неловка. Мнѣ невыносимо тяжело было выдерживать его взглядъ, когда онъ предлагалъ мнѣ какой нибудь незначительный вопросъ и я должна была на него отвѣчать. Поспѣшно глотала я куски, чувствуя, что они точно застрѣваютъ у меня въ горлѣ. Наконецъ, мы покончили съ завтракомъ и я встала, чтобы загасить спиртовую лампочку.

— Я долженъ тебѣ сказать, что мнѣ надоѣлъ Зюдероде, — вдругъ произнесъ мужъ. — Тебѣ тоже тутъ не нравится. Я рѣшилъ сдѣлать съ тобой еще одно маленькое путешествіе по Рейну; время теперь какъ разъ подходящее. Но ты, можетъ быть, предложишь мнѣ что нибудь лучшее?

Онъ заложилъ руки въ карманы и сталъ неслышно расхаживать въ своихъ туфляхъ по комнатѣ. Чашка въ моей рукѣ начала дрожать, и я поставила ее поскорѣе на столъ.

— Теперь, послѣ такого долгаго отсутствія изъ дому, и опять путешествіе? — спросила я, неприятно пораженная. — Что это тебѣ вздумалось? Не лучше ли намъ вернуться прямо домой?

— Намъ? — И онъ съ горечью произнесъ это слово. — Скажи лучше, что это *ты* хочешь вернуться домой. Нетрудно и угадать, что тебя притягиваетъ туда!

Кровь горячей волной прилила мнѣ къ лицу. Но я избѣгала взглянуть ему прямо въ глаза. Насмѣшливое выраженіе исчезло съ его лица и замѣнилось глубокой грустью. Въ эту минуту онъ имѣлъ видъ человѣка сильно страдающаго.

— Впрочемъ, я долженъ тебѣ сказать, — усталымъ тономъ добавилъ онъ, — что Конрадъ далъ мнѣ слово не встрѣчаться съ тобой безъ моего позволенія, и, я думаю, это лучшее средство для тебя — выкинуть изъ головы твои дѣтскія фантазіи. Да, тебѣ еще не слѣдуетъ возвращаться домой. Судя по словамъ Конрада, моя честь осталась неприкосновенной, и это меня успокоило, но мнѣ надо взять и съ тебя обѣщаніе —

бросить всѣ твои сантиментальности, твои дѣтскія бредни, позабыть всѣ эти глупости и вернуться опять ко мнѣ.

«Дѣтскія бредни... Боже мой! и такъ говорить мой мужъ, честь котораго разъ навсегда оскорблена. Хороши дѣтскія бредни!» Дрожь охватила меня. Я не могла найти словъ для отвѣта, но это состояніе длилось всего одну минуту.

— Дай мнѣ, по крайней мѣрѣ, время обдумать все это хорошенько, — возразила я.

— Значить, тебѣ хочется здѣсь еще пожить? — сказалъ онъ. — Хорошо, мы останемся здѣсь еще на недѣлю. Въ это время ты можешь одуматься, а я, вернувшись домой черезъ недѣлю, увижу опять мою прежнюю, милую, веселую и умную жонку.

Онъ укоризненно покачалъ головой и медленно вышелъ. Я сѣла у окна и устремила пристальный взглядъ въ даль. Попробую взять себя въ руки и надѣюсь, что Катя поможетъ мнѣ. И я принудила себя перенестись мысленно къ подругѣ и къ ея судьбѣ; я старалась вообразить себѣ, какъ она опять сойдется съ мужемъ. Но все это было такъ мимолетно, что не успѣла я оглянуться, какъ уже опять вернулась къ своимъ дѣламъ. Гдѣ-то теперь Конрадъ? Думалъ ли онъ обо мнѣ и не вспомнилъ ли во время этой разлуки о своихъ прежнихъ чувствахъ? Я воскрешала въ памяти наше первое сладкое примиреніе, когда онъ вошелъ ко мнѣ такъ неожиданно и принялъ со мной свой прежній милый, обаятельный тонъ. Боже-Боже, какъ я была счастлива, не смотря на всѣ обстоятельства, которыя стояли преградой между нами... Я пробовала видаться съ друзьями, но была среди нихъ, какъ чужая. Мнѣ уже было не въ мочь примѣняться къ ихъ интересамъ, — они казались мнѣ такими маленькими, такими незначительными. Дружба съ Катей несовсѣмъ удовлетворяла меня, потому что все же я не могла сдѣлать ее своей повѣренной, да и къ тому же мнѣ было невыразимо тяжело, когда она глядѣла на меня своимъ пронизательнымъ взглядомъ, который могъ выразить столько участія и теплоты. Какъ охотно прижала бы я ее къ себѣ, и все — рѣшительно все — рассказала бы ей! И какъ часто она, въ минуты наибольшей сердечности, умно и пристально глядя мнѣ въ лицо, покачивала головой и говорила:

— Вы страдаете, Карола? Впрочемъ, я не желаю быть нескромной.

XXI.

Отношенія между мной и Артуромъ были довольно холодныя. Я дѣлала, что могла, но тотъ способъ, которымъ онъ выводилъ меня изъ міра мечтательности на дѣйствительный путь, былъ всегда такъ неожиданъ и рѣзокъ, что я никакъ не могла отнестись дружелюбно и спокойно къ его способу дѣйствій. «Ну, до какого градуса дошли теперь твои бредни»? слышалось съ его стороны. Или: «смѣю надѣяться, что въ настоящую минуту ты занята мыслями обо мнѣ и моихъ дѣлахъ, общихъ съ твоими»?

— Артуръ, не мучь меня! — какъ-то замѣтила я ему устало и задумчиво.

— А ты думаешь, что меня это не мучить? — рѣзко отпарировалъ онъ, — и былъ правъ: мы другъ друга одинаково мучили. Боже мой, когда же настанетъ этому конецъ? Это безпрестанное брюзжанье просто убиваетъ меня. Между нами все выше и выше воздвигалась раздѣляющая насъ стѣна.

— Какой у тебя опять видъ, Карола! Тебѣ нездоровится?

— Я не больна, — отвѣчаю я уклончиво.

— Но тебѣ какъ будто чего-то недостаетъ, — увѣряетъ онъ и безпѣкойно вглядывается въ мои черты.

Я отворачиваюсь.

— Артуръ, прошу тебя, — говорю я дрожащимъ голосомъ, — оставь меня въ покоѣ.

Онъ бормочетъ что-то сквозь зубы. Я улавливаю произнесенное имъ слово: «несносно»!

Нѣтъ, этого я не въ силахъ долше переносить. Мои мысли уже давно витаютъ въ другомъ мѣстѣ. «Я должна уѣхать». И эту фразу я теперь постоянно повторяю про себя. Все во мнѣ требуетъ свободы... не могу я, не могу терпѣть это сожительство, которое на самомъ дѣлѣ уже давно не должно бы существовать.

Уѣхать отсюда! Но куда? Конечно, самымъ естественнымъ для меня дѣломъ было бы уйти прямо къ моему возлюбленному. Но онъ меня не приметъ: онъ хочетъ разыгрывать изъ себя добродѣтельнаго героя, — Иосифа прекраснаго. О, какъ жжетъ мою душу это позорное воспоминаніе... Боже, помоги мнѣ и научи, что дѣлать!

Хотя бы ужь стать вполнѣ свободной! Но если больной человѣкъ не вынесетъ этого? Неужели же мнѣ сдѣлаться его убійцей — мнѣ, которая не вынесла бы этого пятна на своей совѣсти? Францъ далъ мнѣ прочитатъ два тома Мопасана: «L'inutile beauté», гдѣ говорится объ одной хорошенькой эгоисткѣ, которая совершенно свободно лжетъ, клянется и представляется нѣжнѣйшей супругой. Неужели бываютъ такія женщины? Я не способна на это, не могу лгать ни за какія сокровища, даже цѣною обладанія Конрадомъ...

Почему я такая? И сама не знаю! Вѣрнѣе всего, я безхарактерная; я не героиня и вовсе не искусная интриганка. Во мнѣ есть маленькая доля дилетантства, которое переходить отъ одного жизненнаго полюса къ другому, не приставая ни къ одному на постоянное жительство. Когда я стала на скользкій путь, то сознавала, что поступаю противъ моей совѣсти и грѣшу противъ нея гораздо больше, чѣмъ противъ Артура и противъ своего положенія въ обществѣ.

Быть въ искусствѣ только дилетанткой, — это составляетъ для меня большое неудовольствіе, ну, а если я такова же и въ жизни? Пусть это не смертный грѣхъ, — въ такомъ случаѣ что же это? Но все же надо быть вѣрной самой себѣ! Если я совершила проступокъ противъ Артура, — значить лучше не жить съ нимъ? Какъ же объ этомъ сказать ему? Мнѣ страшно огорчить его: онъ для меня играетъ такую же роль, какъ старый приборъ, полуразбитый и разрозненный, который все таки не хотятъ бросать.

Теперь мнѣ надо привыкнуть къ одному: когда мы находимся съ нимъ вдвоемъ за завтракомъ или за обѣдомъ, то я должна постоянно слѣдить за тѣмъ, чтобы какъ только онъ откроетъ ротъ, то, угадавъ уже заранѣе, что именно онъ намѣревается сказать, я должна приготовиться дать ему такой отвѣтъ, чтобы по возможности избѣжать непріятной сцены. Ну, а если и это не поможетъ? тогда остается только — разсказать ему все и тѣмъ покончить...

Но почему же не ускорить этотъ конецъ? Чего я жду? Не надѣюсь ли я на возвращеніе своего счастья?

Но иногда меня охватываетъ безнадежное отчаяніе, и я начинаю подумывать о смерти; ничего не чувствовать, не двигаться, не думать — это ли не полное успокоеніе, это ли не блаженство?

Однажды я такъ далеко зашла въ этихъ мечтахъ, что придумала, наконецъ, купить себѣ пистолеть. Онъ лежитъ теперь въ отлично отполированномъ ящичкѣ, въ моей спальнѣ, и я часто прикасаюсь рукой къ его холодной стали. Теперь мнѣ это даже не страшно: я какъ-то привыкла объ этомъ думать.

— Что это у тебя такой беспокойный взглядъ,—говоритъ мнѣ Артуръ за завтракомъ.—Какъ будто ты объ чемъ-то хочешь спросить меня или что-то сказать. Но я думаю, что было бы, пожалуй, лучше не освѣдомляться объ этомъ...

«Ну, теперь какъ разъ настало время!» думала я про себя и чувствую, какъ вся кровь приливаетъ къ моему сердцу. Оно стучитъ медленно, но сильно.

— Это хорошо, что ты спрашиваешь,—отвѣчаю я дрожащимъ голосомъ.—Объ этомъ слѣдовало бы переговорить давно, но у меня не хватаетъ мужества.

Онъ тоже блѣднѣетъ и невольно отклоняется назадъ къ спинкѣ стула. Глаза его приобретаютъ какую-то остроту и пытливость.

— Ну, что тамъ опять? Нечего сказать, пріятные разговоры пошли у насъ съ нѣкоторыхъ поръ за завтракомъ.

— Слушай же меня! — говорю я задыхающимся голосомъ:—Конрадъ—тебѣ не все сказалъ.

Онъ вскакиваетъ съ мѣста и устремляетъ на меня страдальческій безумный взглядъ, причемъ лицо его такъ смертельно поблѣднѣло, что я не выдерживаю этого и не рѣшаюсь выговорить правды, изъ опасенія тутъ же, на мѣстѣ, убить его.

— Прошу тебя, успокойся!—кричу я, поднимая вверхъ руки.—Я только хотѣла сказать, что люблю Конрада уже годами; онъ не раздѣляетъ моего чувства, но нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ я удостовѣрилась, что онъ питаетъ ко мнѣ большую симпатію. Но я все таки много боролась со своимъ чувствомъ... Ты самъ видѣлъ, что я ужасно страдаю.

— Ну, ну, дальше,—хрипло настаиваетъ онъ.

— Я хотѣла тебѣ сказать,—усталымъ голосомъ продолжаю я,—что при подобномъ душевномъ состояніи мнѣ невозможно оставаться у тебя. Видитъ Богъ, что дольше я не вынесу этого!—закрываю я тономъ полного отчаянія.

— Ты хочешь уйти отъ меня... къ Конраду?—заикаясь отъ волненія, спросилъ Артуръ.

— Нѣтъ. Ахъ, Боже! Ты ничего не понимаешь. Я знаю,

что не пойду къ Конраду. Но чѣмъ не менѣе не могу же я оставаться съ тобой, когда я его такъ... Развѣ не лучше покончить разомъ, чѣмъ мучить другъ друга долгіе годы?

Онъ схватилъ себя за лобъ, какъ будто для того, чтобы яснѣе размыслить.—Да, но чего же ты, наконецъ, хочешь?—спросилъ онъ съ видимымъ напряженіемъ.

— Я хочу уѣхать,—сказала я почти со слезами.—Позволь мнѣ уѣхать въ какой нибудь маленькій городокъ, гдѣ я могла бы спокойно жить и никого не видать. Дай мнѣ средства для жизни совершенно простой.

Артуръ опять принялъ спокойный видъ и пристально взглянулъ на меня.

— Если между вами не зашло дальше того, чѣмъ ты мнѣ сообщила,—сказалъ онъ,—то для меня очевидно, что это только припадки болѣзни и ты понемногу поправишься и вернешься къ прежнему нормальному состоянію. Это только вопросъ времени. Не понимаю, зачѣмъ мнѣ удалять тебя въ такомъ случаѣ? Но если между тобой и Конрадомъ вышло что нибудь болѣе серьезное, чѣмъ онъ увѣрялъ, — тутъ голосъ его прервался и самъ онъ такъ задрожалъ, что только черезъ нѣсколько минутъ могъ опять заговорить,—тогда ты права: тебѣ надо отъ меня уѣхать...

Всемогущій Боже! Почему же я не сказала всей правды? Она доставила бы мнѣ свободу. Съ минуту я колебалась. Но нечеловѣческое страданье, изображавшееся на лицѣ чловѣка, стоявшаго передо мной, замкнуло мнѣ ротъ.

Онъ медленно подошелъ ко мнѣ. Я отпрянула назадъ, но онъ все таки успѣлъ схватить мою руку и сильно сжать ее.

— Хочешь теперь поклясться? — спросилъ онъ громкимъ свистящимъ шопотомъ и пристально взглянулъ мнѣ въ глаза. Я пробовала вырвать свою руку. Опять старыя муки...

— Я не поклянусь, никогда, никогда!—измученнымъ голосомъ произнесла я.

— Ты же знаешь, что тебѣ все сказано. Больше я ничего не могу... Если ты все еще мнѣ не вѣришь, опять спроси у Конрада. И все таки я не могу у тебя остаться, пока я такъ сильно люблю другаго. Неужели ты этого не понимаешь?

Я заламывала въ отчаяніи руки. Онъ съ минуту еще посмотрѣлъ на меня.

— Я опять спрошу у Конрада, — сказалъ онъ, повернулся и ушелъ, не произнося больше ни слова.

Я слѣдила за нимъ глазами съ тяжелымъ сердцемъ, затѣмъ пошла въ свою спальню и стала укладывать вещи въ маленький сундукъ. Главный багажъ Христина взяла съ собой; она уѣхала раньше насъ, чтобы приготовить и привести все въ порядокъ къ нашему возвращенію. Я надѣла свой дорожный костюмъ и отправилась къ Катѣ проститься, но, по дорогѣ въ лѣсъ, меня охватило непреодолимое желаніе пойти еще разъ къ тому мѣсту и посидѣть на той скамейкѣ, гдѣ мы провели съ Конрадомъ столько невыразимо-блаженныхъ часовъ. Быстро вошла я въ лѣсъ. Было прохладно и вѣтряно; только что прошелъ дождь, и ручей бурно стоналъ и катилъ мутныя воды подъ маленькимъ мостикомъ. Вотъ показалось солнце и деревья, облитыя дождемъ, ярко блеснули. Листья тяжело падали съ деревьевъ. Птицы молчали. Я быстро шла, точно меня кто нибудь ждалъ. Ужъ не онъ ли, мой единственный, котораго я здѣсь столько разъ ждала и который въ свою очередь ждалъ мени? Еще немного времени тому назадъ, какъ я была счастлива, и вотъ теперь иду на могилу этого счастья, — оплакивать его! Но, подходя къ скамейкѣ, я вдругъ услышала разговоръ и смѣхъ. Стараясь разглядѣть сквозь кусты, я увидала на нашей скамейкѣ молодую влюбленную парочку. Тутъ сидѣла, повидимому, какая-то горничная изъ отеля или виллы, а въ молодомъ ея возлюбленномъ я узнала одного работника съ каменоломни. Солнце золотило его кудри, между тѣмъ какъ онъ обнималъ и цѣловалъ молодую дѣвушку. У меня еще тяжелѣе стало на сердцѣ; слезы полились изъ глазъ и я не могла оторваться отъ этой парочки. У нихъ вся жизнь была впереди. Конечно, жизнь безъ роскоши, можетъ быть, даже въ нуждѣ, но зато сердце ихъ полно и не знаетъ страданій...

— Фрицъ, правду бають, что Олька хочеть за тебя замужъ?

— Еще захочу ли я, а она-то рада съ руками оторвать, — отвѣтилъ онъ съ веселымъ громкимъ смѣхомъ. — Встрѣйся она мнѣ въ лунную ночь, такъ я и то къ ней не притронуся. Бррр!

— Такъ, значить, я правлюсь тебѣ больше? — кокетничала малютка и дернула его за темныя кудри.

— Еще бы!—И онъ притянулъ ее къ себѣ, такъ что дѣвушка слегка вскрикнула.

— Ну, поцѣлуй же меня еще,—просилъ онъ.

Она поломалась немного, но только для виду. Вотъ раздался звукъ поцѣлуевъ, и обѣ головы крѣпко прижались одна къ другой.

Значить, мое излюбленное гнѣздышко занято уже новой парочкой! Я пошла изъ лѣсу назадъ съ низко-опущенной головой и скоро выбралась на открытое мѣсто. На минуту я остановилась и обернулась назадъ. Прощай, милый лѣсъ!

Я нашла Катю въ садикѣ передъ ея домомъ. Увидавъ мой дорожный костюмъ, она сдѣлала печальное лицо и наклонилась надъ колясочкой со своимъ малюткой, покачивая ее взадъ и впередъ.

— О, какая досада, Володя, какъ теперь будетъ скучно! Ты долженъ быть ужь очень умнымъ, чтобы замѣнить мнѣ такую подругу. Понимаешь ли ты? Ну, дурачокъ! дай ручку Madame!

Я подсѣла къ ней на садовую скамейку, и мы начали болтать о всѣхъ происшествіяхъ и новостяхъ. Наконецъ, я спросила объ ея дѣлахъ.

— Францъ напалъ на слѣдъ, — сказала Катя, опустивъ голову, слегка покраснѣла.—Въ настоящую минуту она находится въ одномъ изъ берлинскихъ театровъ, но во всякомъ случаѣ мы отнесемъ къ ней безъ милосердія. Я не скажу, чтобы я хотѣла ея смерти или гибели, но я страстно желаю разобщить ея судьбу съ судьбой моего Манфреда. На него не произвело ни малѣйшаго впечатлѣнія извѣстіе о томъ, что она согласилась взять отступное съ его отца, — слѣдовательно теперь мы должны поискать чего нибудь такого, что дало бы болѣе сильный толчокъ его индифферентности.

— А у васъ выработанъ какой нибудь планъ? — спросила я.

— Очень много даже плановъ,—отвѣчала она.—Францъ полонъ ими. Не удастся одинъ, мы перейдемъ къ другому. Право, Францу слѣдовало бы писать уголовные романы по англійскому образцу. Видь вы знаете: въ нихъ всегда одинъ бываетъ убитъ по какой-то необъяснимой причинѣ въ какомъ нибудь одинокомъ кабацкѣ, а оставленная имъ невѣста выходить по ошибкѣ замужъ за другаго...

— О, замолчите! — съ содроганіемъ восклицаю я. — Вы знаете, что эти вещи составляютъ мою слабую сторону.

Она расхохоталась, какъ сумашедшая. Удивительно, какъ такое умное и серьезное во всѣхъ отношеніяхъ созданіе способно было шутить въ самыя важныя минуты жизни. Когда я поднялась, собираясь уходить, она опять сдѣлалась серьезной. Обѣими руками она захватила мою руку.

— Это было очень хорошо и очень мило, что вы сюда пріѣхали, — съ благодарностью сказала она. — Теперь когда еще мы увидимся, а — главное — увидимся ли? — этого я не знаю...

Испуганно и вопросительно я взглянула на нее. — Ужь не думаете ли вы, что я лишу себя жизни? — продолжала она съ грустнымъ смѣхомъ. — Ну, нечего такъ пугаться при одномъ словѣ. Я не думаю о смерти. Вотъ этотъ, — и она указала на колыбельку, — не позволить мнѣ сдѣлать такую нелѣпость. Но я не вернусь въ Ганноверъ иначе, какъ настоящей любимой женой Манфреда Герберта. Какъ изгнанная жена, я отправилась бы во французскую Швейцарію, въ какое нибудь тихое прелестное мѣстечко, гдѣ и посвятила бы себя исключительно сыну. Изъ меня вышла бы идеальная мать, но сначала я попробую свои таланты въ роли счастливой супруги. — Ея глаза наполнились слезами, но она бодро разсмѣялась. Я искренно расцѣловала ее и сказала, что мы снова увидимся.

— Ну, а вы, Венера, чтò же вы о себѣ ничего не расскажете?

— У меня нѣтъ ничего такого, чтò я могла бы рассказать и вызвать чью либо радость, — возразила я и нагнулась къ дитяти, чтобы поцѣловать ему ручку. Ребенокъ разсмѣялся серебристымъ, нѣжнымъ смѣхомъ, раздвинувъ свои пухлыя розовыя губки, и уцѣпился за мою шляпку. Только что вернувшаяся нянька стояла вдали и звала его. Онъ весело залепеталъ и задвигался всѣми членами.

— Весь въ свою милую маленькую маму! — сказала я.

Катя сдѣлала недовольное лицо.

— Какъ можете вы утверждать это? У него глаза совершенно отцовскіе, только онъ не такъ серьезенъ, и въ немъ больше жизнерадостности.

(Окончаніе будетъ).

Мечта.

Сіяніемъ луннаго свѣта
Осыпанъ желтвѣющей садъ,
И листья отцвѣтнаго лѣта
Вездѣ по дорожкамъ лежать.

Сижу одинокій, мечтаю,
И грезится край мнѣ родной—
Такая жь тамъ скука нѣмая
И осени холодъ сырой.

И также тамъ небо безбрежно,
И тѣ же желтвѣютъ листья...
Но все же туда неизбѣжно
Меня увлекаютъ мечты.

К.

БАКИНСКІЕ ОЧЕРКИ.

I.

Въ ряду нашихъ крупныхъ промышленныхъ и торговыхъ центровъ, въ послѣднее время, какъ извѣстно, все болѣе и болѣе выдвигается Баку, недавно еще малозначительный прикаспійскій городъ, а нынѣ,—съ развитіемъ сосредоточившейся въ немъ нефтяной промышленности, — насчитывающей уже свыше *200 тысячъ жителей* и исчисляющей свои торгово-промышленные обороты въ сотни милліоновъ рублей. Захудалый азіатскій городокъ на нашихъ глазахъ выросъ въ громадную «нефтяную столицу» и сталъ «городомъ милліонеровъ»...

Въ короткое, сравнительно, время (15—20 лѣтъ) въ Баку сосредоточилась такая масса капиталовъ, — нажитыхъ съ большою легкостью, — благодаря баснословнымъ доходамъ отъ нефтяной добычи, постоянного появленія нефтяныхъ фонтановъ, выбрасывающихъ сотни тысячъ и даже милліоны пудовъ въ сутки и доставляющихъ владѣльцамъ десятки тысячъ рублей ежедневнаго дохода, — что невольно самыя отдаленныя страны заинтересовались этою «нефтяною Калифорніей» и выдвинули представителей своей промышленности для установленія связей съ бакинскими нефтепромышленниками и для пріобрѣтенія въ непосредственное распоряженіе нефтеносныхъ земель для устройства своихъ промысловъ.

Бакинское нефтяное дѣло все болѣе и болѣе пріобрѣтаетъ мировое значеніе; мѣстные нефтяные промыслы привлекаютъ уже къ себѣ, можно сказать, всѣ промышленные народы, представители которыхъ постоянно навязываютъ въ Баку для ознакомленія съ условіями добычи нефти на русской территоріи и съ неуклоннымъ намѣреніемъ пристроиться къ этому доходному дѣлу. Вывозъ нефтяныхъ продуктовъ за границу, возрастая съ каждымъ годомъ, въ прошломъ году достигъ уже *65 милліоновъ* пудовъ (противъ 37 мил. пудовъ въ 1889 году). Въ то же время и внутри государства все шире и шире развивается потребность въ нефти, какъ выгодномъ

топливъ, въ керосинѣ, смазочныхъ маслахъ и другихъ нефтяныхъ продуктахъ, получившихъ въ послѣднее время широкое практическое примѣненіе и удовлетворяющихъ многимъ жизненнымъ потребностямъ населенія и государства. Достаточно указать, что вывозъ нефтяныхъ продуктовъ изъ Баку внутрь Россіи, со 110 мил. пудовъ въ 1889 году, въ прошломъ году поднялся до 320 мил. пудовъ,—то есть въ одно десятилѣтіе увеличился почти втрое.

Нефть—одно изъ важѣйшихъ нашихъ естественныхъ богатствъ. При томъ несмѣтномъ обиліи, въ какомъ она залегаеъ въ окрестностяхъ Баку, она могла бы и, казалось, должна бы служить источникомъ богатнѣя русскаго народа и русскаго государства... Но до сего времени русскій народъ еще не прикасался къ этому богатству, русское же государство если и извлекаеъ какую либо пользу отъ него, то во всякомъ случаѣ крайне незначительную и совершенно ничтожную, сравнительно съ тѣмъ, что могло бы и должно бы извлекать, и что извлекаеъ изъ него та плеяда евреевъ и прочихъ инородцевъ, которая присосалась всякими неправдами къ этому русскому достоянію и распредѣляеъ по своимъ карманамъ то, что принадлежитъ русскому народу и русской казнѣ. Во главѣ этой чуждой плеяды стоятъ Нобель, Ротшильдъ, Манташевъ, Гукасовъ, Питоевъ¹⁾ и т. д., окружившіе нефтяное дѣло китайскою стѣной, пробиться чрезъ которую русскому человѣку нѣтъ никакой возможности.

Правда, пионерами бакинскои нефтяной промышленности были русскіе люди—Кокоревъ, Губонинъ и затѣмъ Шибаевъ. Но мѣстные инородцы—армяне и персы,—дѣйствуя кагаломъ и не брезгая никакими средствами, скоро оттѣснили и вовсе вытѣснили ихъ, постепенно, но систематически сосредоточивъ въ своихъ рукахъ главнѣйшія нити нефтянаго дѣла. Уступивъ Нобелю и Ротшильду самостоятельную роль на нефтяномъ рынкѣ, армянскіе крезы организовали изъ себя прочный синдикатъ, — сначала отдѣльно, а затѣмъ (въ 1893 году) съ Нобелемъ во главѣ и съ Ротшильдомъ въ союзѣ. Союзъ этотъ получилъ еще большую крѣпость и силу, послѣ того какъ изъ частнаго синдиката образовался официальный, такъ называемый «Советъ сѣзда нефтепромышленниковъ».

Въ дѣйствительности, какъ извѣстно, сѣзда всѣхъ нефтепромышленниковъ не существуетъ и никогда не существовало, и вся эта организація, облыжно именуемая «Советомъ сѣзда нефтепромышленниковъ», сводится къ олигархическому управленію всѣмъ нефтянымъ дѣломъ чрезъ представителей нѣсколькихъ крупныхъ

¹⁾ Т. е. Манташянцъ, Гукасянцъ и Питоянцъ и т. д. Для благозвучія, кавказскіе армяне передѣлываютъ свои фамиліи на русскій ладъ и, такимъ образомъ, вмѣсто «янцевъ», оказываются «евы» и «овы».

фирмъ, монополизовавшихъ въ своихъ рукахъ все дѣло и пропускающихъ въ него новыхъ людей только изъ «своихъ» да еще— за большія деньги—иностранцевъ, но отнюдь не русскихъ! Такая олигархія создалась сама собой, послѣ того какъ въ рукахъ армянъ, персовъ и евреевъ сосредоточились почти всѣ нефтяные промыслы и огромная площадь нефтеносныхъ земель. Они естественно явились хозяевами всего дѣла и стали вершителями его судеб.

Но другой вопросъ—естественно ли, т. е. правильно ли и законно ли попали и попадаютъ въ ихъ руки всѣ эти нефтеносныя земли и сосредоточиваются у нихъ нефтяные промыслы? На Апшеронскомъ полуостровѣ никогда не существовало частной собственности; добыча нефти началась здѣсь еще съ глубокой древности, но весь доходъ отъ нея получалъ ханъ, которому принадлежали всѣ земли полуострова. По присоединеніи бакинскаго ханства къ Россіи (1813 г.), всѣ земли и нефтяные колодцы Апшеронскаго полуострова ¹⁾ поступили въ число русскихъ государственныхъ имуществъ. До 1820 года всякій, правда, имѣлъ право безпрепятственно заниматься эксплуатаціей нефтяныхъ источниковъ на казенныхъ земляхъ, но съ 1820 года нефтяные источники стали сдаваться въ откупное содержаніе, причѣмъ откупщики уплачивали въ казну ежегодную арендную плату. Съ небольшими промежутками, въ которые казна сама принималась за эксплуатацію нефтяныхъ источниковъ, дѣло такъ продолжалось до семидесятыхъ годовъ. Въ 1872 году откупная система была вовсе отмѣнена; небольшая часть нефтеносныхъ земель (около 100 десятинъ) была высочайше пожалована различнымъ лицамъ—болѣе виднымъ участникамъ кавказской войны; остальные же земли были раздѣлены на группы (48) и участки (по 10 десятинъ), которые начали сдаваться отъ казны съ торговъ въ пользованіе частныхъ лицъ.

Сдача нефтеносныхъ земель съ торговъ продолжается и по настоящее время. Кромѣ высочайше пожалованныхъ въ 1872 году нѣсколькихъ участковъ, никакихъ ни пожалованій, ни продажъ за все это время не производилось. И вотъ вдругъ оказывается теперь, что далеко не всѣ земли Апшеронскаго полуострова принадлежать казнѣ, что здѣсь существуетъ уже до 10 тысячъ частныхъ собственниковъ, и что лучшія нефтеносныя земли, въ громадномъ количествѣ, принадлежатъ не казнѣ, а различнымъ персамъ и армянамъ, бывшимъ каменщикамъ и амбаламъ ²⁾, а нынѣ крупнымъ нефтепромышленникамъ и милліонерамъ!!

¹⁾ За исключеніемъ лишь двухъ участковъ на Биби-Эйбатъ, принадлежавшихъ бекамъ Селимхановымъ.

²⁾ Амбалы—носильщики мелкихъ тяжестей, грязные, оборванные персы, всегда толпящіеся на панеляхъ бакинскихъ улицъ.

Какимъ образомъ, откуда взялись всё эти частные собственники, когда здѣсь никогда не существовало частной собственности, и всё земли испоконъ вѣковъ принадлежали и принадлежать казнѣ?..

Освѣтить эти вопросы и составляетъ цѣль настоящихъ очерковъ. Это — цѣлая система, цѣлое широко и правильно организованное грабительство русской казны шайкой всякихъ проходимцевъ, захватывающихъ многоцѣнные казенныя земли, добывающихъ изъ нея нефть, застраивающихъ ее, наживающихъ милліоны, продающихъ ее участками, какъ свою собственную, и нерѣдко считающихъ себя даже формально-признанными собственниками... Покуда казна судится съ ними,—они тянутъ нефть, вытягиваютъ десятки и сотни милліоновъ пудовъ на милліоны рублей, ничего никому за это не платя, и, потерявъ или продавъ одинъ участокъ, тотчасъ же захватываютъ другой, съ которымъ продѣлываютъ ту же операцію и т. д.

Но не со всѣми и судиться можно, не ото всѣхъ можно отобрать захваченную землю: многие—большинство—такъ счумѣли оформить захваты, что и спорить уже съ ними не приходится. Существуетъ вѣдь, на примѣръ, законъ о земской давности; нужно только доказать десятилѣтнюю давность владѣнія,—и оно становится безспорнымъ. Но при настоящемъ культурномъ и нравственномъ уровнѣ кавказскихъ (туземныхъ и пришлыхъ) инородцевъ, при томъ развитіи лжесвидѣтельства, какое существуетъ на Кавказѣ,—трудно ли «доказать» не десятилѣтнюю только, но даже и столѣтнюю давность владѣнія?..

Если принять во вниманіе, что на одномъ только Ашперонскомъ полуостровѣ въ такомъ захватѣ находится *до трехъ тысячъ десятии* (!) казенныхъ нефтеносныхъ земель, что десятая нефтеносной земли цѣнится здѣсь *въ десятки и даже сотни тысячъ, до милліона рублей*, и что изъ всѣхъ этихъ земель десятки лѣтъ уже невозбранно высасывается драгоценный даръ природы, стоимость котораго невозможно даже опредѣлить,—легко будетъ понять, какой громадный ущербъ, какое страшное разореніе причиняется этими захватами русской казнѣ и русскому народу, несущему на себѣ всю тяготу государственныхъ налоговъ, въ то время, когда многомилліонныя и колоссально-доходныя государственныя имущества, могущія покрывать значительную часть государственнаго бюджета,—покрываемую нынѣ изъ скудныхъ недостатковъ русскаго народа,—находятся въ незаконномъ пользованіи шайки инородцевъ и грабительски расхищаются ею.

Не пора ли намъ разобраться въ этихъ тайнахъ? Не пора ли предпринять рѣшительную борьбу съ этимъ разорительнымъ для русской казны и русскаго народа зломъ?

II.

Еще въ 1873 году, когда была уничтожена откупная система, и казенныя нефтяныя залежи Апшеронскаго полуострова были раздѣлены на группы и участки для одачи ихъ съ торговъ частнымъ лицамъ, заявлены были споры частныхъ лицъ къ казнѣ на два участка—V и XVI,—и участки эти, какъ спорныя, не были отданы казной съ торговъ.

Это были первые захваты многоцѣнныхъ казенныхъ нефтяныхъ земель. Въ то время, когда восемнадцать участковъ, оцѣненные, пропорціонально ихъ прежней производительности, въ 552,221 руб., отданы были съ торговъ подъ добычу нефти за 2.989,307 руб.,—эти два участка—V и XVI—остались въ безвозмездномъ пользованіи частныхъ лицъ на томъ основаніи, что ими-де заявленъ былъ споръ къ казнѣ...

Уступчивость казны въ этомъ случаѣ повела къ тому, что когда затѣмъ приступлено было къ межеванію казенныхъ дачъ Апшеронскаго полуострова—Забратской, Романинской, Бинагадинской, Кабристанской и другихъ,—повсюду были заявлены уже цѣлыя серіи межевыхъ споровъ къ казнѣ на сотни десятинъ, причемъ основаніемъ всѣхъ этихъ споровъ служили: фактическое владѣніе (въ моментъ межеванія) и давность его.

Не смотря на то, что всѣ эти земли значатся казенными въ инвентаряхъ и описаніяхъ, что съ самаго присоединенія Закавказскаго края къ Россіи онѣ—эти земли—состояли въ распоряженіи казны, которая отводила ихъ въ надѣльное пользованіе крестьянъ, и что спорщики не имѣли рѣшительно никакихъ данныхъ и документовъ на эти земли, а ссылались лишь на свидѣтелей,—судъ въ большинствѣ случаевъ признавалъ за ними права на эти захваченныя многоцѣнныя казенныя земли, придавая полную вѣру наемнымъ туземнымъ свидѣтелямъ и признавая «недоказанными» права казны на эти земли, такъ какъ она ничѣмъ-де не проявляла своего фактическаго владѣнія ими!

Въ большинствѣ случаевъ, нефтеносныя земли Апшеронскаго полуострова представляютъ собою голыя солончаки или скалы, которыя не только нельзя пахать и засеивать, но на которыхъ даже трава не растетъ. Спрашивается: въ чемъ же можетъ проявляться фактическое владѣніе на такія земли? онѣ безспорно принадлежатъ казнѣ, но достаточно захватчикамъ заявить, что сюда, на эти голыя солончаки, въ теченіе десяти лѣтъ ихъ овцы приходили «лизать соль», и въ подкрѣпленіе этого заявленія представить десятокъ-

другой наемныхъ туземныхъ свидѣтелей, которые и въ глаза никогда не видали этихъ земель, но которые, какъ это всѣмъ извѣстно, за 5—10 рублей покажутъ что угодно подъ присягой, — и за ними признаётся право на эти земли, десятина которыхъ стоить десятки и сотни тысячъ рублей!.

На этомъ основаніи присуждены были частнымъ лицамъ земли казенной дачи Бинагады, стоящія милліоны; на этомъ же основаніи присуждены захватчикамъ и многія другія богатѣйшія казенныя нефтеносныя земли.

Въ Положеніи о размежеваніи Закавказскаго края 1861 года имѣется 64 статья, которая гласитъ: — «Въ случаѣ, если кто либо, по полученіи повѣстки или вообще по вступленіи межевой комисіи въ границы его владѣній, не заявилъ бы поземельныхъ правъ своихъ, то онъ неправѣ уже требовать впослѣдствіи ни перемежеванія дачи, ни возвращенія ему земель, отмежеванныхъ другимъ лицамъ, своевременно предъявившимъ на оныя права свои». Захватчики широко воспользовались этою статьею и получили права на казенныя земли на основаніи факта владѣнія въ моментъ межеванія, установленнаго безъ участія дѣйствительнаго собственника этихъ земель — казны!

Такимъ путемъ попали въ руки захватчиковъ-персовъ богатыя нефтеносныя земли казенной Забратской дачи. Не смотря на то, что земли эти находились въ поверхностномъ пользованіи казенныхъ крестьянъ селенія Забрата ¹⁾, что неоспоримо свидѣтельствовало о принадлежности ихъ казнѣ, — достаточно было шайкѣ мѣстныхъ «бековъ» заявить, при межеваніи, свои права на нихъ и доказать при помощи наемныхъ свидѣтелей «давность владѣнія», чтобы судъ призналъ за ними эти права, и чтобы беки-захватчики получили возможность распродать часть этихъ земель по 10 и болѣе тысячъ рублей за десятину...

Видя, съ какою легкостью дѣлаются захваты казенной земли и какъ припѣваючи живутъ захватчики, быстро богатѣя и разживаясь за счетъ русской казны, — мѣстные голыши, персіяне и армяне, учинили цѣлое нашествіе на многоцѣнныя казенныя земли Апшерона. Выработана цѣлая система ограбленія казны, причемъ къ услугамъ захватчиковъ являются опытнѣйшіе адвокаты, люди съ вѣсомъ и положеніемъ, занимавшіе даже высокія мѣста въ мѣстномъ судебномъ вѣдомствѣ, какъ напримѣръ, бывшій предсѣдатель тифлиской судебной палаты Рапетъ, а также бывшій тифлисскій губернаторъ Быковъ, которые нынѣ постоянно живутъ въ Баку и

¹⁾ Не имѣя иныхъ средствъ для охраны своихъ земель, казна сдаетъ, въ видахъ охраны ихъ отъ захватовъ, въ поверхностное пользованіе мѣстнымъ крестьянамъ.

состоять адвокатами нефтепромышленниковъ, какъ и бывший бакинскій гор. голова, Иреѣцкій. «Лихому захватчику—вся адвокатура къ услугамъ», — справедливо писала недавно мѣстная газета «Каспій» ¹⁾.—«Ни одна газета, привлеченная за диффамацию, не найдетъ себѣ и сотой доли такого количества защитниковъ (хоть будь эта диффамация святѣйшей правдой), сколько прилетитъ перво-степеннѣйшихъ свѣтилъ къ какому нибудь до сихъ поръ неизвѣстному беку-захватчику».

Но къ услугамъ «лихихъ» захватчиковъ бѣгутъ не только «перво-степеннѣйшія свѣтила адвокатуры»,—къ нимъ идутъ иногда и сами власть имущіе, какъ это показало дѣло бывшаго бакинскаго мирового судьи С. Г. Иванова, признаннаго судомъ виновнымъ «въ бездѣйствиіи и превышеніи власти» и приговореннаго къ отрѣшенію отъ должности ²⁾.

Въ чемъ же заключалось это «бездѣйствиіе» и «превышеніе власти» мирового судьи Иванова? О, совсѣмъ въ пустомъ: онъ, на основаніи показаній наемныхъ свидѣтелей, выдавалъ мѣстнымъ персамъ владѣнныя свидѣтельства на захваченныя ими казенныя нефтеносныя земли, всего на нѣсколько сотъ десятинъ, стоящихъ милліоны, причемъ вмѣсто десятковъ тысячъ рублей пошлины, причитающейся въ пользу казны по стоимости этихъ земель, взыскивалъ лишь по 30—40 рублей, оцѣнивая земли въ 500 и 600 руб., т. е. во столько, чтобы дѣла эти были ему подсудны.

Такимъ путемъ много сотенъ богатѣйшихъ завѣдомо-нефтеносныхъ казенныхъ земель перешло на якобы «законнымъ» основаніи въ руки мѣстныхъ голышей-персовъ, которые или распродали ихъ, участками, десяткамъ лицъ по громадной цѣнѣ, или же сами завели промыслы, поставили вышки и цѣдятъ нефть, загребая милліоны. Казна предъявляетъ десятки и сотни исковъ, судится съ захватчиками по всѣмъ инстанціямъ,—а они знай себѣ тянутъ да вытягиваютъ милліоны пудовъ! Пока «судъ да дѣло», смотришь, бывший голышъ уже развѣзжаетъ по Баку въ собственномъ экипажѣ на резинахъ и ворочаетъ милліонами,—сталъ уже крупнымъ нефтепромышленникомъ. Съ нимъ конкурировать никто не можетъ, такъ какъ вѣдь другіе арендуютъ нефтяную землю и платятъ за добытую нефть, а они бурятъ на «собственной» землѣ, никому ничего не платятъ, а все въ карманъ кладутъ.

¹⁾ Прежней—русской—редакціи. Нынѣ «Каспій» уже попалъ въ руки персовъ и утвержденнымъ редакторомъ его состоитъ персъ Али-Мардаванъ-бегъ-Тобчибашевъ.

²⁾ Дѣло это слушалось вывѣдною сессіей тифлисской судебной палаты въ гор. Баку 20 октября 1899 года, и отчетъ о немъ помѣщенъ въ № 228 «Каспія» отъ 24 октября того же года.

А казна? Она судится и выиграет ли дѣло—неизвѣстно. Ловкіе и опытные адвокаты «лихихъ» захватчиковъ говорятъ, что казна проиграетъ... Ну, а если, паче чаянія, казна и выиграетъ,—что они, захватчики, теряютъ? Да они вѣдь уже приобрѣли милліоны. Потеряютъ, значитъ, только высосанную землю. И Богъ съ нею,—пусть теперь беретъ ее казна!

«Кто палку взялъ,—тотъ и капраль». Это правило нашло себѣ широкое примѣненіе на Кавказѣ. Персы и армяне вооружились здѣсь палками и, ставъ капралами, бьютъ прежде всего русскую казну. Всѣ они твердо помнятъ одиннадцатую заповѣдь—«не зѣвай» и готовы забрать все Каспійское море съ его богатыми берегами, всѣ нефтяныя земли прибрать къ своимъ рукамъ... по давностному владѣнію! Вѣдь и ста лѣтъ еще нѣтъ, какъ мы водворились на Кавказѣ, а они сотни лѣтъ уже тамъ промышляютъ. Кто же можетъ оспаривать у нихъ давность?

Трудно и вычислить, сколько милліоновъ потеряли уже и продолжаютъ терять ежегодно русская казна и русскій народъ, благодаря этой злополучной для нихъ «давности» и, наоборотъ, сколько русскихъ милліоновъ ушло и продолжаетъ уходить, въ силу этой «давности», въ карманы предприимчивыхъ дѣльцовъ, летающихъ, какъ мухи на медъ, въ Закавказье изъ сосѣднихъ Персіи и Турціи.

Но не только босьяки, даже крупныя нефтепромышленники-милліонеры не брезгаютъ захватами казенныхъ земель, причемъ продѣлываютъ это съ еще большею дерзостью, чѣмъ босьяки. По этой «благородной» части особенно прославился извѣстный армянскій «крезъ»—нефтепромышленникъ Манташевъ. Имѣя свои обширныя нефтяныя промыслы въ Романахъ и получая съ нихъ дивидендъ до полутора и болѣе милліона рублей въ годъ, онъ самымъ безцеромоннымъ образомъ захватилъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, по сосѣдству участка завѣдомо-нефтяной казенной земли, и, когда это было обнаружено, какъ ни въ чемъ не бывало, сталъ просить, чтобъ этотъ участокъ, *въ виду того, что онъ, Манташевъ, уже приступилъ на немъ къ буренію*, оставленъ былъ за нимъ безъ торговъ съ платой по 1 коп. за пудъ добытой нефти, въ то время, когда сосѣди платятъ за такіе же участки по 3½ коп. (Нобель). Планъ этотъ ему удался, и онъ получилъ захваченный участокъ безъ торговъ по 1 коп. за пудъ. Разлакомившись, армянскій «крезъ» задумалъ тогда и еще расширить свое дѣло, и въ одинъ прекрасный день поставилъ буровую вышку на другомъ казенномъ участкѣ Ромайнской дачи, приобщивъ и его къ своимъ владѣніямъ!

«У казны не грѣхъ украсть—казну есть кому накласть»,—вотъ то мудрое правило, которымъ руководствуются въ этихъ случаяхъ

армянскіе «крезы». Чего въ самомъ дѣлѣ стѣсняться? Русскій народъ великъ и можетъ накладывать казну, ну, а они, «несчастные», «преслѣдуемые» и обижаемые армяне и персы избрали себѣ болѣе благоую часть—расхищать казну...

III.

Въ бакинской газетѣ «Каспій» (прежней—русской—редакціи) помѣщена была такая характерная сценка:

Идутъ два пріятеля кербалая. У обоихъ ломаного гроша за душой нѣтъ, а путь держатъ мимо промысла Тагіева. Смотрятъ: нефтяной фонтанъ такъ и хлещетъ.

— Эка, добра-то валить сколько! — думаютъ себѣ голоштаные кербалаи.

— А что, давай-ка попробуемъ!

— Какъ это попробуемъ?

— Да счастья попытаемъ.

— Пытай, коли хочешь, я съ ума еще не сошелъ.

— Ну, не хочешь, такъ не надо. Но ты мнѣ помощи. Денегъ потомъ дамъ. Много денегъ. Богатъ будешь!

Пріятели остановились, поглазѣли на фонтанъ, трижды обошли богатый промыселъ и прямо направились къ знакомому адвокату.

Тамъ они репетировали, и отъ адвоката вышли ободренные, побрякивая грошами въ карманахъ.

Закусивъ кабакомъ и пловомъ, будущіе богачи разстались еще большими, чѣмъ были, друзьями, чтобы на другой день поссориться.

Проснувшись, пріятели протвердили еще немного, продиктованныя имъ адвокатомъ, реплики и явились въ судъ.

Судъ «скорый» скоро и выслушалъ жалобы «враждующихъ» сторонъ.

— Это моя земля.

— Нѣтъ, моя! Онъ, г. судья, неправду говоритъ. Онъ въ арендѣ у меня 10 лѣтъ держалъ ее. Сколько хочешь свидѣтелей приведу.

— И я приведу!

Свидѣтелей привести разрѣшили. Привели; тѣ подтвердили слова предприимчиваго кербалая. Пріятель «протавникъ» не обидѣлся нисколько.

Споръ рѣшенъ. За исполненіемъ дѣло тоже не стало... И кербалай сдѣлался владѣльцемъ нефтяной земли. Чья это земля,—ему дѣла нѣтъ.

— Предъявляя себѣ иски, а отобрать—ни-ни! Потому адвокатъ говоритъ:—законъ охраняетъ даже и незаконное владѣніе».

А пока судъ да дѣло, остроумный кербалай давно уже сбылъ свое богатство, въ размѣрѣ 130 десятинъ, и за каждую изъ нихъ получилъ наличными по 1500 рублей. Это почти цѣлыхъ 100 тысячъ рублей.

Вотъ ужъ именно, какъ говорятъ, «при счастьѣ» и безъ выигрышнаго билета можно 200 тысячъ выиграть!

Не правда ли: все это смахиваетъ на анекдотъ? Непосвященный въ бакинскія нефтяныя тайны читатель, конечно, и принялъ за анекдотъ эту сценку. Между тѣмъ, это вовсе не анекдотъ, а истинное происшествіе. Это—цѣлая система обирания кербалаями русской казны; это обычный и самый распространенный способъ захвата богатыхъ нефтью казенныхъ земель.

Облюбуетъ себѣ какойнибудь босякъ-персъ участокъ казенной нефтеносной земли и отправляется съ пріателемъ, такимъ же босякомъ, къ мировому судѣ Иванову, нынѣ отрѣшенному судомъ отъ должности. Передъ судьей эти пріатели являются «врагами», оспаривающими другъ у друга право собственности на землю,—на тотъ участокъ казенной нефтеносной земли, который они облюбовали. Нѣтъ нужды, что участокъ этотъ нерѣдко имѣетъ въ себѣ сотни десятинъ, стобитъ нѣсколько милліоновъ рублей и, слѣдовательно, дѣло это неподсудно мировымъ судебнымъ установленіемъ; онъ оцѣнивается «сторонами» по подсудности во 100—200 до 600 рублей, а мировой судья г. Ивановъ вопроса о подсудности никогда не подымалъ и приступалъ прямо къ разрѣшенію спора. Съ обѣихъ сторонъ, конечно, представляются свидѣтели—такіе же босяки, какъ и сами «стороны»; ихъ сколько угодно можно нанять въ Баку: здѣсь существуетъ цѣлый классъ профессиональныхъ свидѣтелей—самыхъ, конечно, достовѣрныхъ, готовыхъ за известную, недорогую, плату что угодно показывать и доказывать подъ присягой. Они и показываютъ судѣ: одни—что земля принадлежитъ одному, другіе,—что другому. У этого другаго, однако, свидѣтелей оказывается больше и они показываютъ «доставѣриѣ»,—онъ выигрываетъ споръ: мировой судья признаетъ за нимъ давностное право на землю, выдаетъ ему «владѣнное свидѣтельство» и онъ вводится во владѣніе.

Захватъ «законно» оформленъ, и пріатели-босяки становятся нефтепромышленниками! На одной части захваченной земли они начинаютъ бурить нефть, другую же часть распродаютъ участками и сразу становятся денежными людьми, нерѣдко милліонерами. Не правда ли, все очень просто?

Такимъ путемъ бакинскій персъ Саадбековъ сдѣлался владѣльцемъ-собственникомъ 115 десятинъ казенной нефтеносной земли при селеніи Забратъ, бакинскаго уѣзда. Бывшій мировой судья

Ивановъ, на основаніи показаній наемныхъ свидѣтелей, выдалъ Саадбекову свидѣтельство о томъ, что онъ по давности приобрѣлъ право собственности на эту землю, «не исполнивъ при этомъ,—какъ говорится въ обвинительномъ актѣ,—всего того, что на его, мирового судьи, обязанности лежало исполнить, дабы удостовѣриться въ томъ, заслуживаетъ ли ходатайство Саадбекова удовлетворенія».

Такимъ же точно путемъ бакинскій же персъ Мемади-Абдурахманъ сдѣлался владѣльцемъ-собственникомъ 240 десятинъ богатѣйшей завѣдомо-нефтеносной казенной земли въ мѣстности Бекюкъ-Пути близъ Биби-Эйбата. Мировой судья Ивановъ и этому захватчику выдалъ, на основаніи показаній наемныхъ свидѣтелей о давности владѣнія, владѣнное свидѣтельство на казенную землю, «не дождавшись,—какъ говорится въ обвинительномъ актѣ,—собрать свѣдѣнія отъ управленія государственныхъ имуществъ о томъ, не входитъ ли эта земля въ составъ земель казенныхъ». Объ ущербѣ, причиненномъ казнѣ этими двумя захватами, можно судить изъ того, что участокъ, захваченный Саадбековымъ, оцененъ мѣстнымъ управленіемъ государственныхъ имуществъ во 115,000 руб., а 240 десятинъ, захваченныхъ Абдурахманомъ—въ 2 милліона руб.

И, получивъ въ собственность такія многоцѣнные нефтеносныя земли, Саадбековъ и Абдурахманъ не понесли даже расходовъ на крѣпостныя пошлины, которыя мировымъ судьей Ивановымъ расчитаны были не съ дѣйствительной стоимости присуждаемыхъ имъ земель, что составляетъ свыше 80,000 руб., а со стоимости, объявленной захватчиками: первымъ—500 руб., а вторымъ 600 руб. (дабы дѣла ихъ были подсудны мировому судѣ Иванову, и дабы, конечно, не переплатить «лишняго» русской казнѣ), что составило всего 44 рубля!

Казна, такимъ образомъ, лишилась не только 355 десятинъ завѣдомо-нефтеносной земли, стоящей болѣе двухъ милліоновъ рублей, но даже и крѣпостныхъ пошлинъ (свыше 80,000 руб.), которыя должна бы получить и въ такомъ даже случаѣ, еслибы земля эта вовсе не принадлежала ей. Но зато «лихіе» персы-захватчики, Саадбековъ и Абдурахманъ, не только приобрѣли 355 десятинъ завѣдомо-нефтеносной казенной земли, стоящей болѣе двухъ милліоновъ рублей, но приобрѣли *совершенно даромъ*—за 44 рубля.

Конечно, Саадбековъ и Абдурахманъ учинили этотъ захватъ не для того, чтобы самолично пользоваться казенною землею, бурить на ней нефть и т. д. Бурить стоить денегъ, и не малыхъ, а у нихъ обоеихъ и гроша за душой не было. Да они и понимали прекрасно, что дѣло ихъ не чисто, что не подарить же имъ, въ самомъ дѣлѣ, казна столь многоцѣнную землю, и она можетъ

быть отъ нихъ отобрана. Оформивъ, повѣтому, захватъ, получивъ отъ мирового судьи Иванова владѣнные свидѣтельства на никогда не принадлежавшую и не могущую имъ принадлежать казенную землю,—они спѣшно начали распродаютъ ее небольшими участками разнымъ другимъ лицамъ—персамъ и армянамъ подъ добычу нефти. Эти другія лица тоже прекрасно знали, какую землю они покупаютъ, и, ссылаясь на рискъ, конечно, дорого не платили. Съ другой стороны, и захватчики, спѣша сбыть съ рукъ захваченную казенную землю, тоже дорожиться не могли. Все же, однако, они получили наличными и положили въ карманы по 1,000—1,500 рублей за десятину и, такимъ образомъ, безъ всякаго выигрышнаго билета, по однимъ лишь владѣннымъ свидѣтельствамъ, «выиграли» не 200, а цѣлыхъ 400 тысячъ!

Можно было, конечно, получить и много больше, но, затративъ 44 рубля, получить 400,000 рублей, — развѣ и это дурно? Нашъ братъ, русскій гражданинъ, и съ десяткомъ выигрышныхъ билетовъ во всю жизнь не выиграетъ иной разъ 500 рублей.

Все дѣло обдѣлано было въ одинъ мѣсяць, и когда казенное управленіе спохватилось — его милліонныя нефтеносныя земли не только уже были отчуждены отъ казны и закрѣплены законнымъ (?) образомъ за «лихими» захватчиками, но уже и распроданы ими такимъ же законнымъ образомъ, мелкими участками, цѣлому сонму такихъ же «лихихъ» аферистовъ. Абдурахманъ распродалъ «свои» 240 десятинъ 70 лицамъ, Саадбековъ «свои» 115 десятинъ—тоже нѣсколькимъ лицамъ. Вся земля, такимъ образомъ, разбилась безъ малаго на 100 участковъ, на которыхъ водворилось до 100 отдѣльныхъ «собственниковъ».

Конечно, все это не лишаетъ казны права на ея землю; она можетъ добиваться законнымъ путемъ возстановленія ея нарушеннаго владѣнія и отобранія земли отъ захватчиковъ. Но...

Но, во-первыхъ—«законъ охраняетъ даже и незаконное владѣніе»; а, во-вторыхъ,—теперь приходится имѣть дѣло уже не съ двумя захватчиками, а съ цѣлыми семью десятками лицъ, купившихъ отъ нихъ землю. Извольте предъявить семьдесятъ исковъ, вести семьдесятъ дѣлъ!

Третій годъ уже казна ведетъ эти семьдесятъ дѣлъ, но и до сихъ поръ еще конца имъ не предвидится. Ловкіе адвокаты всячески запутываютъ и затягиваютъ каждое дѣло, перевода его изъ одной инстанціи въ другую, и казна не можетъ вернуть себѣ землю. Да и вернетъ ли еще? Вѣдь и тутъ фигурируетъ все та же пресловутая «давность владѣнія», устанавливаемая достовѣрными лжесвидѣтелями, которые такъ магически дѣйствуютъ всегда въ захватныхъ дѣлахъ.

IV.

Интересна исторія «романинскихъ захватовъ», т. е. захватовъ въ казенной дачѣ селенія Романы. Это, дѣйствительно, цѣлый романъ съ героиней, сонмомъ героевъ и даже съ волшебными превращеніями! Это не «романинскій захватъ», а *захватный романъ*: его герои—изумительный по своей наглости народъ! Ограбивъ казну, захвативъ ея богатѣйшія нефтеносныя земли, они ее же обратили въ захватчицу и, въ то время, когда она требуетъ возвратить ей захваченныя земли, они съ нея судомъ требуютъ прирѣзки имъ еще новыхъ участковъ нефтеносныхъ земель, якобы принадлежащихъ имъ и захваченныхъ у нихъ казною!..

Но мало того, что они, т. е. герои этого «захватнаго романа»,—изумительный по своей наглости народъ; они настоящіе маги и чародѣи: у нихъ земля приумножается, у нихъ одна десятина какимъ-то волшебствомъ обращается въ десять, каждая изъ этихъ десяти десятинъ, въ свою очередь, тоже обращается въ десять и т. д. Раздѣлите десятину на десять участковъ: сколько будетъ земли въ каждомъ участкѣ,—по одной десятой десятины? У нихъ же, у героевъ романинскаго захвата, въ каждомъ участкѣ все же оказывается по десятинѣ. И сколько бы они ни дробили свою захватную землю, она не дробится, а, напротивъ, все приумножается. Продадутъ десятину десяти лицамъ,—и у каждого оказывается по десятинѣ. Словно волшебная сказка!..

Передъ ними, этими романинскими героями, Саадбековъ и Ассадулаевъ,—о захватахъ которыхъ рассказано выше,—даже самъ Манташанцъ (Манташевъ), о подвигахъ котораго говорилось ранѣе,—совершенно блѣднѣютъ. Да и по самымъ размѣрамъ захватовъ—они ничто въ сравненіи съ этими господами: тамъ все ограничивалось милліонами, а тутъ уже дѣло идетъ о десяткахъ милліоновъ!

Казенный крестьянинъ селенія Зыря, бакинскаго уѣзда, Ага-Гусейнъ-бекъ-Бакихановъ (персъ), имѣющій надѣлъ при своемъ селеніи Зыря, но ничѣмъ никогда не владѣвшій въ дачѣ деревни Романы, которая, при межеваніи въ 1876 году, безспорно была замежевана за казною, захватилъ въ ней участокъ земли въ 9 десятинъ 925 кв. сажень и, доказавъ при помощи подставныхъ свидѣтелей-персовъ, давностное якобы владѣніе этою землею, получилъ на нее отъ бакинскаго уѣзднаго мирового судьи данную.

Учинивъ этотъ незаконный захватъ и боясь отобранія у него казенной земли, Ага-Гусейнъ-бекъ-Бакихановъ, какъ это обыкно-

венно дѣлается захватчиками, постѣпшилъ распродать ее и продать, за исключеніемъ 1,5 десятины (десятина 1,517 кв. сажень), оставшейся у него. На эти 1,5 десятины тоже, однако, скоро нашлась покупательница—губернантка старшаго нотаріуса бакинскаго окружнаго суда Измайлова-Кишинская. Въ купчей крѣпости на имя послѣдней сказано было, что Ага-Гусейнъ-бекъ-Бакихановъ продаетъ ей 1,5 десятины принадлежащей ему земли, «или сколько окажется въ натурѣ».

Совершивъ эту купчую и зная, что купленная земля захвачена у казны и, слѣдовательно, можетъ быть всегда отобрана (казна, дѣйствительно, уже и вчинила соответствующій искъ), — Кишинская, въ свою очередь, тоже рѣшила поскорѣе сбыть съ рукъ землю и, при помощи своего принципала, бывшаго старшаго нотаріуса бакинскаго окружнаго суда Измайлова, начала распродавать ее, причемъ 1,5 десятины какимъ-то чудодѣйственнымъ образомъ превратилась въ 23 десятины, которыя Кишинская и продала различнымъ лицамъ: Ротшильду (12 десятинъ за 101 тысячу рублей), Рыльскому и Гукасову («Каспійское нефтепромышленное товарищество»), Шону (1 десятину, которая теперь даетъ 100 тысячъ ежегоднаго дохода), Юзбашеву, Ассадулаеву, Карганову и другимъ. Купивъ 1,5 десятины, Кишинская продала такимъ путемъ 23 десятины, выручивъ за нихъ безъ малаго полмилліона рублей! Какимъ же образомъ произошло это удивительное превращеніе? О, очень просто: купленная Кишинской 1,5 десятины окружены были казенною землей, — и землей притомъ очень цѣнною (завѣдомо-нефтеносною). Какъ не соблазниться? Да и притомъ же—разъ это удалось такъ хорошо какому-то перцу Ага-Гусейнъ-беку-Бакиханову, отчего не попробовать и «ясновельможной пани» Кишинской? Въ купчей крѣпости прямо вѣдь сказано: «1,5 десятины *или сколько окажется въ натурѣ*»; пригласили землемѣра Шорина,—и вотъ въ натурѣ оказалось не 1,5 десятины, а 23!

Такимъ простымъ способомъ 1,5 десятины превратились въ 23, а 9 десятинъ, захваченныхъ первоначально Ага-Гусейнъ-бекъ-Бакихановымъ, съ прихваченными 21,5 десятинами Кишинской, превратились уже въ 30,5 десятинъ!

Но этимъ дѣломъ не кончилось: увидѣвъ, какъ просто у «ясновельможной пани» Кишинской изъ 1,5 купленныхъ десятинъ оказалось «въ натурѣ», при помощи землемѣра Шорина, 23 десятины, которыя дали ей безъ малаго полмилліона рублей, Ага-Гусейнъ-бекъ-Бакихановъ понялъ, какого онъ далъ маху, продавъ свои 9 десятинъ за девять, какъ значилось въ данной мирового судьи, безъ провѣрки ихъ «въ натурѣ». Вѣдь если у Кишинской земле-

мѣръ Шоринъ нашелъ «въ натурѣ» вмѣсто 1,5—23 десятины, то у него «въ натурѣ» должно бы быть, по крайней мѣрѣ, 80 десятинъ, а не 9, которыя онъ продалъ. 80 десятинъ завѣдомо-нефте-носной земли — да вѣдь это цѣлымъ милліономъ пахнетъ! Развѣ можно его упустить, разъ онъ дается въ руки?

И вотъ предпринимается новое ограбленіе казны. У Ага-Гусейнъ-бекъ-Бакиханова должно было быть, разсчиталъ онъ, «въ натурѣ» 80 десятинъ; онъ продалъ 9, да у Кишинской оказалось 21,5 десятинъ, итого 30,5. Значить, у него должно еще оставаться минимумъ 50 десятинъ нефтеносной земли. Но ихъ нѣтъ... гдѣ же онъ? Оче-видно, казна *захватила* ихъ у него, и онъ долженъ отобрать у нея! Извѣстное вѣдь дѣло: казна все прибираетъ къ своимъ рукамъ и всѣхъ обижаетъ,—это первая «захватчица»!.. Но Ага-Гусейнъ-бекъ-Бакихановъ не подарить ей этого, онъ и такъ продешевилъ свои 9 десятинъ, торопясь распродать ихъ, дабы казна не «захватила» ихъ у него. Какъ же онъ можетъ подарить ей 50 десятинъ? Тѣмъ бо-льше, что землемѣръ Шоринъ такъ мастерски приводитъ земли «въ натуру»: Ага-Гусейнъ его, конечно, и пригласилъ для этой операціи.

Только вотъ какая исторія: землемѣръ Шоринъ приводитъ вѣдь «въ натуру» 1,5 десятины Кишинской, а у него, Ага-Гусейнъ-бека-Бакиханова, чтó онъ будетъ приводить? — Вѣдь онъ продалъ всѣ свои 9 десятинъ, и у него ничего теперь нѣтъ, — значить и приводить «въ натуру» нечего. Какъ же быть?

Выходъ, однако, оказался. Ага-Гусейнъ-бекъ-Бакихановъ—отъ природы человекъ не глухой, да и повѣренный нашелся хорошій—г. Байковъ, присяжный повѣренный... Дѣло въ томъ, что Ага-Гусейнъ-бекъ-Бакихановъ продалъ 1,5 десятины Кишинской, но у нея оказалось «въ натурѣ» 23 десятины, значить ей эти 1,5 десятины совсѣмъ не нужны; ему же, Ага-Гусейнъ-беку, онъ теперь необходимы для приведенія ихъ «въ натуру» и отобранія, такимъ путемъ, отъ казны захваченныхъ ею у него 50 десятинъ. Правда, Кишинская уже продала эти 1,5 десятинъ, и ихъ вернуть нельзя. Ну, и Богъ съ ними: пусть онъ остаются у того, кто ихъ купилъ, но... Но пусть онъ будутъ и у Ага-Гусейнъ-бекъ-Бакиханова, какъ будто онъ ихъ не продавалъ... И вотъ начинается вторичное приведеніе «въ натуру» этихъ чудодѣйственныхъ 1,5 десятинъ; тогда землемѣръ Шоринъ приводитъ ихъ «въ натуру» для яновель-можной паяи Кишинской, ну, а теперь онъ тѣ же 1,5 десятины приводитъ «въ натуру» для Ага-Гусейнъ-бекъ-Бакиханова. Успѣхъ получился еще большій; у Кишинской эти 1,5 десятины превра-тились «только» въ 23, у Ага-Гусейнъ-бекъ-Бакиханова—онъ же превратились въ 54 десятины!

Дѣльце совсѣмъ уже было обдѣлано и землемѣръ Шоринъ составилъ даже планъ, на который нанесъ всѣ владѣнія Ага-Гусейнъ-бека, какъ вдругъ... казна назначила торги на отдачу этой земли подѣ добычу нефти! Да вѣдь это же его земля? Онъ вѣдь владѣть ею по праву давности, и у него есть на нее данная мирового судьи! Правда, въ этой данной, выданной въ 1878 году, значится только 9 десятинъ, но что же изъ этого, если «въ натурѣ» оказалось 54 десятины? Въ 1878 году было 9, а въ 1896—стало 54. На это у него, Ага-Гусейнъ-бекъ-Бакиханова, имѣется даже доподлинный планъ землемѣра Шорина. Такое «самоуправство» казны прямо возмутило Ага-Гусейнъ-бекъ-Бакиханова и его повѣреннаго, г. Байкова. Они не могли допустить такой «несправедливости» со стороны казны, такого «дерзкаго захвата» чужой земли и... предъявили искъ объ этой землѣ, требуя отмены «незаконнаго» распоряженія казны о сдачѣ ея съ торговъ! Кромѣ того, казна предъявила искъ о правѣ собственности на 9 десятинъ, захваченныхъ первоначально Ага-Гусейнъ-бекъ-Бакихановымъ, и бакинскій окружной судъ отказалъ ей въ немъ, признавъ «давностное владѣніе» (охъ, ужъ это «давностное владѣніе!») Ага-Гусейнъ-бека. Они съ г. Байковымъ были увѣрены поэтому, что и 54 десятины будутъ присуждены имъ на томъ же, измышленномъ захватчиками, основаніи.

Но они ошиблись: Бакинскій окружной судъ отказалъ имъ (23 марта 1897 года) въ искѣ, безпочвенность и недобросовѣтность котораго была уже слишкомъ очевидна, возложивъ на захватчика судебныя издержки.

V.

Въ настоящее время добыча нефти въ Романинской казенной дачѣ производится 19 фирмами изъ 113 скважинъ на площади 76 десятинъ 976 квадр. сажень; въ 1898 году здѣсь добывалось 100.523,699 пудовъ нефти ¹⁾.

Изо всей этой площади въ 76 слишкомъ десятинъ, занятой добычей, только 7 десятинъ 420 кв. саж., т. е. менѣ одной десятой всей площади, сданы—и то только въ 1898 году—съ торговъ казной, т. е. находятся въ законномъ пользованіи промышленниковъ ²⁾. Вся остальная промысловая площадь въ 69 десятинъ, дающая въ годъ свыше 100 миллионъ пудовъ нефти, состоитъ

¹⁾ «Обзоръ бакинской нефтяной промышленности» за 1898 г., стр. 17 и 18.

²⁾ На этихъ 7 десятинахъ, сданныхъ съ торговъ 28 апрѣля 1898 года, производится пока только буреніе, и добыча нефти еще не началась.

въ *незаконномъ* пользованіи 16-ти фирмъ и лицъ, и образовалась изъ тѣхъ 9 десятиныхъ, захваченныхъ Ага-Гусейнъ-бекомъ, и 1,5 десятины, приведенныхъ «въ натуру» Кишинскою, о которыхъ говорилось выше.

Изъ числа этихъ 69 десятиныхъ, въ «Обзорѣ бакинской нефтяной промышленности» за 1898 годъ (изданіе «Совѣта съѣзда нефтепромышленниковъ») 12 десятиныхъ значатся уже въ «безспорной частной собственности» (хотя въ Романинской дачѣ никогда не производилось никакихъ ни пожалованій, ни продажъ нефтеносныхъ земель) и 57 десятиныхъ—«спорными съ казной».

Съ обѣихъ этихъ категорій земель, на которыхъ добывается нефти свыше 100 милліоновъ пудовъ въ годъ, на сумму до 20 милліоновъ рублей (по нынѣшнимъ цѣнамъ на нефть), дѣйствительная собственница этихъ богатствъ—*казна*—*ничего не получаетъ*, и все, что здѣсь добывается, всецѣло поступаетъ въ пользованіе нефтепромышленниковъ, водворившихся здѣсь путемъ захвата. И только съ 7 десятиныхъ, которыхъ «беки» и «япцы» не успѣли еще захватить и которыя казна успѣла сдать въ 1898 году съ торговъ подъ добычу нефти (съ платой по 3,25 коп. съ пуда добытой нефти, при обязательной добычѣ не менѣе 2,670 тыс. пудовъ въ годъ),—казна получаетъ около 90 тыс. руб. въ годъ. Совсѣмъ,—какъ видите,—ничтожная получка въ сравненіи съ 11 милліонами, получаемыми «лихими» захватчиками, которые уже десять лѣтъ извлекаютъ эти милліоны, тогда какъ казна только съ 1898 года начала получать свои несчастныя 90 тысячъ рублей!

Ни Ага-Гусейнъ-бекъ-Бакиханова, ни Кишинской, этихъ главныхъ героевъ «захватнаго романа», здѣсь уже нѣтъ: они сдѣлали свое дѣло, объегорили казну, «выигравъ», безо всякихъ выигранныхъ билетовъ, безъ малаго милліонъ рублей, и сошли со сцены, предоставивъ дальнѣйшее объегориваніе казны своимъ преемникамъ: армянамъ и евреямъ, что тѣ и выполняютъ съ успѣхомъ..

На захваченныхъ Ага-Гусейнъ-бекомъ и панею Кишинскою земляхъ казенной Романинской дачи расположены теперь богатѣйшіе нефтяные промыслы: Манташева и К°, дающіе до 35 милліоновъ пудовъ нефти въ годъ; Ротшильда («Каспійско-черноморское нефтепромышленное общество»), дающіе до 17,5 милліоновъ пудовъ; Ассадулаева, дающіе до 11 милліоновъ пудовъ; Гукасова («Каспійское нефтепромышленное товарищество»), дающіе до 1,5 милліоновъ пудовъ; Рыльскаго (наслѣдниковъ), дающіе до 5 милліоновъ пудовъ; бр. Каргановыхъ, дающіе до 2 милліоновъ пудовъ въ годъ, и другихъ.

Насколько блестящи дѣла всѣхъ этихъ промышленныхъ предприятий, основанныхъ на захваченной казенной землѣ и пользующихся ею, какъ своею собственною, ничего не платя собственницѣ-казнѣ, можно судить изъ того, что, напримѣръ, «Каспійское нефть-промышленное товарищество» (Гукасова) выдало въ 1896 году дивиденда 18 %, въ 1897 году—42 % и въ 1898 году—43 %, а въ прошломъ 1899 году уже 78 % на основной капиталъ. А промыслы Рыльского продаются въ настоящее время, какъ сообщалось недавно въ мѣстной газетѣ «Каспій» (1899 г. № 236), за 8 миллионѣвъ рублей!

Но все это не даетъ еще полной картины этого колоссальнаго хищенія. Чтобы опредѣлить точные и полные размѣры его, необходимо суммировать все то, что извлечено уже промышленниками на захваченныхъ земляхъ Романинской казенной дачи за все время незаконнаго пользованія этими землями, т. е. съ 1890 года, когда начата была добыча на нихъ нефти. Во избѣжаніе всякихъ нареканій, мы дѣлаемъ этотъ подсчетъ по даннымъ самихъ же нефть-промышленниковъ, — т. е. совѣта ихъ съѣзда, — приводимыхъ въ ежегодно издаваемыхъ имъ «Обзорахъ бакинской нефтяной промышленности». Возможно, и даже вѣроятно, что данныя эти грѣшатъ противъ дѣйствительности, но грѣшатъ, конечно, въ интересахъ не казны, а нефтьпромышленниковъ, т. е. скорѣе преуменьшены, чѣмъ преувеличены.

Года.	Добыто неф- ти на Рома- нинскихъ зем- ляхъ (милліо- ны пудовъ)	Средняя годо- вая цѣна на нефть. (копѣйки).	Выручка (рубли).
1890	1,6	6,5	105,000
1891	13	2,7	350,000
1892	40	1,1	440,000
1893	73	1,4	1.022,000
1894	50	3,1	1.565,000
1895	103	6,5	6.695,000
1896	72	7,8	5.616,000
1897	96	7,7	7.392,000
1898	101	9,8	9.898,000

Итого добыто 549,6 мил. пуд. и выручено 33.083,000 р.

Прибавивъ къ этому еще 12.000,000, составляющіе мінімимъ выручки романинскихъ нефтьпромышленниковъ за прошлый годъ¹⁾, получимъ 45 *слишкомъ миллионѣвъ рублей* — ту громадную сумму,

¹⁾ Цѣна на нефть въ прошломъ году доведена, усиліями нефтьпромышленниковъ, до давно небывалаго высокаго уровня—18—20 коп. за пудъ.

которую уже незаконно воспользовались романинские промышленники,—и воспользовались притомъ полностью, ибо никому ни одной копѣйки за право добычи нефти они не платили и не платятъ,—и которую опредѣляются размѣры «романинскаго захвата» и уже понесенные казною убытки. Въ то время, когда «лихіе» захватчики извлекли, въ теченіе десяти лѣтъ, изъ казенной земли громадную сумму въ 45 милліоновъ рублей, собственница этой земли и заключающихся въ ней богатствъ—казна—не получала ни одной копѣйки, тогда какъ, при сдачѣ ея съ торговъ за попудную плату, должна была бы получить въ эти десять лѣтъ минимумъ половину, т. е. 22,5 милліона рублей!

Но какъ она могла сдавать свою землю и вообще пользоваться ею, когда эта земля приглянулась лихимъ бекамъ «янцамъ» и самому реббе Ротшильду, которые владѣютъ и пользуются ею? «Кто палку взялъ—тотъ и капраль»,—въ Баку такое правило, установленное инородцами (конечно, въ тѣхъ только случаяхъ, когда палка въ ихъ рукахъ), и въ силу этого правила казнѣ поневолѣ пришлось отступить отъ своихъ богатствъ и лишь любоваться со стороны, (что она и дѣлаетъ уже цѣлое десятилѣтіе): — какъ расхищаютъ ихъ и какъ наживаются ими туземные капралы и кагалы. Что проку въ томъ, что они владѣютъ и пользуются ими незаконно? законъ охраняетъ вѣдь и *незаконное владѣніе!* Конечно, казна не отказалась вовсе отъ своихъ богатствъ, расхищенныхъ самоуправно хищниками, не могла подарить ихъ, совершенно вѣрно полагая, что это — достояніе русскаго народа, а не инородныхъ захватчиковъ. Противъ всѣхъ ихъ вчинены были искы объ отобраніи ихъ земель. Но...

Но вотъ уже цѣлыхъ *десять лѣтъ прошло*, а объ отобраніи отъ промышленниковъ казенныхъ богатствъ, которыя они расхищаютъ, нѣтъ и помина! Казна въ отстаиваніи своихъ *общегосударственныхъ* интересовъ вполне приравнена къ частнымъ лицамъ, отстаивающимъ свои *личные* интересы. А эти интересы частныхъ лицъ въ данномъ случаѣ заключаются въ томъ, чтобы *какъ можно долге пользоваться даромъ казенными богатствами*, какъ можно болѣе расхитить и поживиться ими, — и, конечно, всѣ усилія направлены къ этому. При помощи своихъ «ловкихъ» адвокатовъ, они всячески запутываютъ и затагиваютъ возбужденныя противъ нихъ дѣла, переводятъ ихъ изъ инстанціи въ инстанцію, и такимъ путемъ, вотъ уже цѣлое десятилѣтіе, тянется этотъ финалъ «захватнаго романа» и когда онъ окончится—одному Богу извѣстно...

До какой грубой безцеремонности и прямой наглости доходятъ «лихіе» захватчики и ихъ ловкіе адвокаты, показываетъ слѣдую-

щій фактъ. Когда (23 мая 1897 года) въ тифлисской судебной палатѣ разсматривалось, по иску казны, дѣло о романинскомъ захватѣ, разбитый по всеѣмъ пунктамъ представителемъ казенныхъ интересовъ, г. Лисенковымъ; защитникъ интересовъ захватчиковъ, присяжный повѣренный Шонъ, позволилъ себѣ громогласно заявить, что *управленіе государственными имуществами, возбуждая иски, было не въ здоровомъ умѣ и твердой памяти*¹⁾.

Ограбленная казна, такимъ образомъ, не должна предъявлять и исковъ за свои интересы,—иначе цѣлое вѣдомство будетъ объявлено сумашедшимъ. И кто же это заявляетъ? — «носителъ правды (!) и закона (sic)» — юристъ, присяжный повѣренный!

Многіе изъ этихъ исковъ казна *проиграла* уже въ низшихъ инстанціяхъ. Но допустимъ, что въ концѣ концовъ она ихъ и выиграетъ все. Но что же она приобретаетъ въ дѣйствительности? Она получить свою истощенную землю... А полсотни милліоновъ, извлеченныхъ изъ нея захватчиками? Они пропали безвозвратно...

Такимъ образомъ, при благоприятномъ даже исходѣ, *при выигрышѣ всѣхъ дѣлъ*, — казна все же останется въ полномъ проигрышѣ; захватчики же *во всякомъ случаѣ* — въ громадномъ выигрышѣ. Они уже приобрѣли полсотни милліоновъ, ну,—*après coup le délugé!* Они это прекрасно понимаютъ и поэтому такъ лихо дѣйствуютъ.

VI.

Какъ было указано выше, часть дѣлъ объ отобраніи захваченныхъ земель въ Романинской дачѣ казна проиграла въ низшихъ инстанціяхъ, а другую часть выиграла. Дѣла переходятъ изъ инстанціи въ инстанцію, но ни по одному изъ нихъ еще не состоялось того или другаго *окончательнаго* рѣшенія. Захватчики не жалѣютъ денегъ, благо они обильно притекаютъ въ ихъ карманы съ казеннаго достоянія: они содержатъ цѣлое полчище «аблакатовъ» и разныхъ лицъ, доказывающихъ законность беззаконія... Борьба ве-

¹⁾ По требованію г. Лисенкова, слова г. Шона (не изъ «насихъ» ли?) занесены были въ протоколъ, но, насколько мнѣ извѣстно, эта возмутительная выходка, это дерзкое оскорбленіе, публично брошенное цѣлому казенному учрежденію, такъ и прошли безнаказанно, не смотря даже на то, что все мѣстные газеты дословно воспроизвели ихъ на своихъ столбцахъ (напримѣръ, «Каспій» 1897 г. № 111). Въ другихъ случаяхъ, не только настоящіе интересы, но даже капризы сильныхъ міра исполняются и защищаются гораздо старательнѣе...

дятся упорная, злостная; употребляются всевозможныя мѣры, тратятся колоссальныя средства на веденіе процессовъ... Повидимому, однако, и сами захватчики, и ихъ адвокаты, отлично понимаютъ, насколько шатко ихъ положеніе, и какъ мало у нихъ шансовъ на то, чтобы захваты были узаконены за ними; поэтому они и напрягаютъ всё силы, всячески стараются затянуть дѣла, чтобы дольше снимать сливки съ чужаго молока, положивъ уже въ карманъ безъ малаго 50 милліоновъ рублей. Развѣ могутъ они считать свои старанія безплодными? Напротивъ, они усиливаютъ ихъ, не жалѣя на то средствъ? Но они понимаютъ, что сколько бы ни затягивались дѣла, какъ бы ни обогатили они своихъ услужливыхъ адвокатовъ,—беззаконное никогда не станетъ законнымъ, и рано или поздно *часъ расплаты* настанетъ: казна вступитъ во владѣніе своею собственностью. Чѣмъ далѣе, тѣмъ, конечно, ближе становится этотъ неизбежный часъ.

Положимъ, они ничѣмъ не рискуютъ: нажитыхъ 50 милліоновъ изъ кармана у нихъ уже не вынуть! Но вѣдь тутъ пахнетъ не 50, а сотнями милліоновъ. Какъ отказаться отъ нихъ? Тѣмъ болѣе, что эти сотни милліоновъ уже находятся, такъ сказать, на пути въ ихъ карманы: все дѣло заведено и налажено, буреніе произведено, промыслы оборудованы и т. д. Все это вѣдь пропадетъ; придется или уплатить казнѣ стоимость земель, или же этими улыбающимися сотнями милліоновъ воспользуются другіе. Все это, повидимому, чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе начинаютъ сознавать захватчики. По крайней мѣрѣ, нѣкоторые изъ нихъ, еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ, вошли въ министерство земледѣлія и государственныхъ имуществъ съ предложеніемъ окончить дѣло *миромъ* (?!): казна-де подаритъ имъ тѣ милліоны, которые уже украдены изъ казенной земли; они-же, признавъ захваты, т. е. признавъ казну собственницей этихъ земель, будутъ уплачивать ей попудную плату за добываемую на ея землѣ нефть!

По этому поводу образована была даже специальная комисія, которая, обсудивъ вопросъ, признала возможнымъ уладить дѣло на слѣдующихъ основаніяхъ. Казна согласна прекратить всё судебныя иски на захваченныя земли Романинской дачи съ частными лицами, если послѣднія, отказавшись отъ всякаго спора противъ правъ казны на эти земли, обяжутся: оплачивать *двумя копейками* каждый пудъ добытой нефти, причемъ обязательное минимальное годовое количество добываемой и отпускаемой съ промысла нефти опредѣляется въ 500,000 пудовъ съ десятины. При болѣе добычѣ, попудная плата понижается на четверть копейки за каждые новые 500,000 пудовъ на десятину, пока плата не дой-

доть до одной копѣйки съ пуда. Эту попудную плату за нефть частныя лица могутъ замѣнить единовременнымъ взносомъ въ размѣръ 125,000 рублей за каждую десятину площади, а за пространство менѣе одной десятины — по соответственному расчету. Въ отношеніи же лицъ, которыя занимаютъ отмежеванные за казной нефтеносные участки Романинской дачи и которыя не примутъ настоящихъ условий, должно быть поступлено по 609 и слѣдующимъ статьямъ X т. ч. I,—т. е. должны взыскиваться судебнымъ порядкомъ всѣ доходы, безъ возврата сдѣланныхъ промышленниками затратъ и расходовъ.

Что поражаетъ прежде всего въ этихъ «условіяхъ» — это-то, что захватчикамъ дарятся тѣ 45 милліоновъ рублей, которые они уже извлекли съ 1890 года изъ захваченныхъ казенныхъ земель Романинской дачи. За что же такой колоссальный подарокъ? Уж не за то ли, что захватчики такъ лихо эксплуатировали казну въ теченіе цѣлаго десятилѣтія? Конечно, романинскія земли могутъ быть на будущее время представлены въ пользованіе основавшимся уже на нихъ нефтепромышленникамъ за попудную или иную плату. Но неужели изъ этого слѣдуетъ, что казна должна отказаться отъ всякаго вознагражденія за минувшее десятилѣтнее пользованіе этими землями? Вѣдь, соглашаясь «мирно» окончить дѣла, захватчики сами признаютъ за казной право собственности на эти земли, т. е. сами признаютъ, что пользовались десять лѣтъ этими землями незаконно! Такъ неужели же за это незаконное пользованіе они не только ничѣмъ не должны поплатиться, но еще должны быть вознаграждены 45 милліонами рублей за то, что они захватили казенную землю и десять лѣтъ незаконно пользовались ею? Очевидно, захватчики *прежде всего должны рассчитаться* за минувшее—самовольное и незаконное—пользованіе казенной землей, а *затѣмъ* уже получать эту землю для дальнѣйшей добычи нефти *на нормальныхъ арендныхъ условіяхъ*, т. е. за соответствующую качеству романинскихъ земель (т. е. ихъ нефтеносность) попудную плату.

Могутъ ли, однако, двѣ копѣйки быть признаны соответствующею качеству романинскихъ земель попудною платой?

Лучшимъ отвѣтомъ на этотъ вопросъ могутъ служить слѣдующія данныя. Въ позапрошломъ году сданы съ торговъ (28 апрѣля 1898 г.), подъ добычу нефти, земли сосѣдней съ Романами Сабунчинской казенной дачи съ попудною платой въ 3,71 коп. (участокъ № 23, взятый Нагіевымъ), 4,02 коп. (участокъ № 5, снятый Теръ-Макаровымъ) и въ 4,8 коп. (участокъ № 26, снятый Теръ-Петросянцемъ). Въ прошломъ году (16 февраля 1899) сданы съ

торговь земли дачи селенія Шихова (Биби-Эйбатъ) съ попудною платой въ 7 коп. (участки №№ 7, 10, 11 и 47), въ 8 коп. (участки №№ 45 и 46), 9 коп. (участокъ № 8) и до 11,75 коп. (участокъ № 12, снятый Зубаловымъ). Наконецъ, и въ самой Романинской дачѣ, въ позапрошломъ году, сданъ съ торговь участокъ № 6, снятый Поллакомъ за попудную плату въ 3,25 коп. Съ захватчиковъ же въ той же Романинской дачѣ комисія прозектируетъ взять только по 2 коп. съ пуда!! За что же оказывается имъ такое снисхожденіе, такая льгота? Ужь не за то ли опять, что они такъ лихо въ теченіе десяти лѣтъ эксплуатировали казну и стаяли съ нея 45 милліоновъ рублей?

Слѣдуетъ замѣтить, что романинскія земли послѣ биби-эйбатскихъ—лучшія, т. е. богатѣйшія по содержанію нефти на всемъ Апшеронскомъ полуостровѣ. Это видно изъ слѣдующаго сравненія производительности промысловыхъ площадей полуострова (за исключеніемъ биби-эйбатской, которая выше всѣхъ)¹⁾:

Площади:	Добыча на десятину (мл. пудовъ).
Бинагадинская	0,01
Балаханская	0,297
Сабунчинская	0,705
Романинская	1,309

То же свидѣтельствуетъ и сравненіе производительности скважинъ:

Площади:	Средняя добыча на 1 скважину въ годъ.
Бинагадинская	56,932
Балаханская	224,405
Сабунчинская	393,498
Романинская	886,603

Романинская площадь (75 десятинъ) составляетъ лишь 10% общей промысловой площади Апшеронскаго полуострова (759 десятинъ), количество же нефти, добываемой на романинской площади (въ 1898 году 100 мил. пуд.), составляетъ 21% всей добычи (въ 1898 году 483 мил. пуд.). При этомъ фонтанная нефть въ Романахъ составляетъ 34% всей добываемой на этой площади нефти (1898 годъ), тогда какъ въ Бинагадинахъ совсѣмъ нѣтъ фонтанной нефти (вся добывается тарганіемъ, что увеличиваетъ стоимость ея промышленнику), въ Балаханахъ около 1%, въ Са-

¹⁾ Всѣ нижеприведенныя данныя извлечены изъ «Обзора бакинской нефтяной промышленности» за 1898 годъ. Баку, 1899, изданіе «Совѣта съѣзда нефтепромышленниковъ».

бунцахъ—около 11%. Изъ всего этого очевидно, что романинскія земли не могутъ цѣниться не только ниже, но даже и наравнѣ съ балаханскими и сабунчинскими, которыя далеко уступаютъ имъ въ качествѣ, т. е. производительности нефти. Между тѣмъ, не только за сабунчинскія земли платится по 4,8 копѣйки съ пуда добываемой нефти, но и за балаханскія, значительно уступающія въ качествѣ не только романинскимъ, но и сабунчинскимъ, платится по 3,8 копѣйки съ пуда (участокъ № 19). Какъ же превосходныя по качеству романинскія земли могутъ быть сданы по 2 копѣйки, т. е. много дешевле, чѣмъ не только сабунчинскія, но даже и балаханскія? Превосходящія и тѣ, и другія по качеству, романинскія земли, очевидно, и оплачиваться должны *дороже*, чѣмъ другія. Цѣна имъ не 2 копѣйки съ пуда, а *minimum* — 5 копѣекъ. Само собою разумѣется, что этою же попудною платой должна быть оплачена захватчиками и вся та нефть, которую они добыли въ истекшее десятилѣтіе незаконнаго дароваго пользованія казенными землями. По 1900 годъ ими добыто,—какъ мы видѣли,—650 милліоновъ пудовъ,—слѣдовательно, прежде чѣмъ сдать имъ романинскія земли за попудную плату для дальнѣйшей добычи, казна должна получить съ нихъ 32.500,000 рублей за истекшее десятилѣтіе, въ которое они, пользуясь казенной землей, ничего казнѣ не платили. Принимая во вниманіе произведенныя затраты на оборудованіе промысловъ, развѣдки и эксплуатацію нефтяныхъ богатствъ¹⁾, за прошлое время попудная плата можетъ быть, конечно, нѣсколько повышена,—во всякомъ случаѣ не болѣе какъ до 4, въ крайности — до 3 коп. Итакъ, значить *minimum*, что должны уплатить захватчики за истекшее десятилѣтнее даровое пользованіе казенною землей, это — 19.500,000 рублей. Изъ 45 милліоновъ рублей, вырученныхъ за это время,—согласитесь,—это немного и не очень ужъ обидно!! Уплативъ это казнѣ, захватчики, на правильномъ основаніи, могутъ получить землю для дальнѣйшей добычи съ платой по 5 к. за пудъ добытой нефти, при опредѣленной комисіей обязательной минимальной добычѣ — 500,000 пудовъ въ годъ съ десятины, что, въ общемъ, составитъ, при добычѣ 160 милліоновъ пудовъ, около 4 милліоновъ рублей въ годъ (съ пониженіемъ на $\frac{1}{4}$ к. попудной платы за каждые лишніе 500,000 пудовъ съ десятины).

Что касается проектированной комисіей замѣны попудной платы

1) Впрочемъ, такія же вѣдъ затраты производятъ и всѣ другіе промышленники, берущіе съ торговъ нефтяныя земли и за ббльшую попудную плату безъ всякихъ скидокъ и льготъ.

единовременнымъ взносомъ, т. е. по просту говоря,—продажи промышленникамъ нѣдръ казенной земли до полной выработки ихъ, то намѣченную комисіей цифру — 125,000 руб. за десятину, т. е. 8.625,000 р. за всѣ 69 десятинъ захваченной земли, очевидно, нельзя признать соответствующей дѣйствительной цѣнности романинскихъ земель. Извлеки уже 45 милліоновъ рублей, заплатитъ *изъ нихъ* же 8.625,000 рублей, т. е. менѣ пятой части, и узаконитъ за собой навсегда эти земли съ несомнѣнною перспективой извлечь изъ нихъ еще сотни милліоновъ—это, конечно, болѣе чѣмъ выгодный гешефтъ, на который всякій согласится?! На такихъ условіяхъ не только Романы, но и всю Россію можно забрать! Не удивительно будетъ, если романинскіе нефтепромышленники всѣ охотно изъявятъ согласіе на такое выгодное закрѣпленіе за собою богатѣйшихъ романинскихъ земель. «Каспійское нефтепромышленное товарищество», по сообщенію «Каспія» (1899 г. № 232), уже и изъявило свое согласіе. Комисія опредѣлила обязательную минимальную добычу нефти съ десятины въ годъ въ 500,000 пудовъ ¹⁾. При нормальной 5-копѣечной платѣ, это составляетъ 25 тысячъ рублей. Капитализируя эту минимальную годовичную десятинную плату даже *изъ 10%*, получаемъ 250,000 рублей. Это и есть минимальная стоимость десятины романинскихъ земель. А всѣ 69 десятинъ, значить, стоятъ не 8.625,000 рублей, какъ оцѣнила комисія, а равно вдвое—17.250,000 руб. Вотъ тотъ минимальный единовременный взносъ, которымъ романинскіе нефтепромышленники могутъ замѣнить ежегодную попудную плату, — *конечно, уплативъ предварительно казнѣ 19.500,000 руб.* за истекшее десятилѣтнее пользованіе землей, давшее имъ 45 милліоновъ руб.

Или и въ самомъ дѣлѣ казна такъ существенно поступится своими поправными правами и интересами въ этомъ многомилліонномъ дѣлѣ, только ради мирнаго разрѣшенія его?! Положимъ, какъ говорятъ, «худой миръ лучше доброй ссоры». Но не будетъ ли проэктированный комисіей миръ слишкомъ ужъ худымъ для правой стороны и слишкомъ хорошимъ для неправой?..

VII.

Выдающійся интересъ и значеніе представляетъ исторія «табеевскаго захвата».

¹⁾ На самомъ дѣлѣ, ея уже теперь добывается много больше; съ 69 десятинъ въ 1898 году добыто 100 милліоновъ пудовъ, — значить, съ каждой десятины, въ среднемъ, около полутора милліона пудовъ, т. е. *втрое болѣе* опредѣленнаго комисіей обязательнаго минимума.

Если «романинскій захватъ», о которомъ шла рѣчь выше,— хотя онъ и до сихъ поръ не получилъ еще окончательнаго разрѣшенія, — все же представляетъ собою дѣло «давно минувшихъ дней», то, напротивъ, особенный интересъ и значеніе «тагіевскаго захвата» въ томъ именно и заключается, что это дѣло *нашихъ дней*, что этотъ выдающійся, и по дерзости, и по размѣрамъ, *захватъ казеннаго достоянія* произошелъ, такъ сказать, на нашихъ глазахъ.

Захватъ этотъ — дѣло рукъ тѣхъ же персовъ, но уже персовъ не босяковъ, какими они были десять и двадцать лѣтъ тому назадъ, а персовъ-кресовъ, каковыми они стали теперь, разбогатѣвъ всякими правдами и неправдами за эти десять-двадцать лѣтъ на русской почвѣ и на русскихъ богатствахъ. Ставъ «крезами», они не довольствуются тѣмъ же «малымъ», какъ десять и двадцать лѣтъ тому назадъ, когда были босяками. Теперь они и дѣйствуютъ смѣлѣе: они уже приобрѣли опытъ, а — главное — разбогатѣли. Чтò теперь для нихъ 69 романинскихъ десятинъ, 45 романинскихъ миллионów? Теперь имъ подавай больше, теперь они сразу начинаютъ съ 200 десятинъ, да и не выбираютъ уже для этого разныхъ укромныхъ уголковъ, удаленныхъ отъ начальственнаго глаза, въ родѣ Романъ, Бинагади, Забрать и т. п., а захватываютъ сотни десятинъ прямо у самаго города Баку, не стѣсняясь, на глазахъ у всѣхъ. Чего, въ самомъ дѣлѣ, церемониться? Романинская исторія всѣмъ воочию показала, что именно не должно «церемониться», что именно—безцеремонность и наглость дали романинскимъ героямъ 45 миллионów, и еще много ихъ дадутъ...

Захватчикъ рѣшительно ничѣмъ не рискуетъ; единственный рискъ его состоитъ въ томъ: удастся ли ему нажать 100 миллионów, или «только» 50?

Гаджи-Зейналь-Абдинъ-Тагіевъ, — простой персь-крестьянинъ, по профессіи каменьщикъ,—снялъ въ 1872 году въ казенной биби-эйбатской дачѣ участокъ нефтеносной земли подъ № 19, съ единовременною уплатой въ пользу казны 9,055 руб. и съ годичною платой за поверхностное пользованіе по 10 руб. съ десятины. Съ 25-го года, т. е. съ 1897, плата эта возвышена до 100 руб. за десятину въ годъ. Биби-эйбатскія земли—самыя высокія по содержанію нефти на всемъ Апшеронскомъ полуостровѣ, и дѣло у Тагіева сразу пошло очень широко. Нефть была по временамъ прямо безъ удержу, и Тагіевъ изъ каменьщика-крестьянина скоро превратился въ крупнаго нефтепромышленника и купца. О богатствѣ тагіевскаго участка можно судить по тому, что въ 1889 году онъ далъ 14 миллионów пудовъ нефти, въ 1896 году—32 миллиона

пудовъ, а въ 1898 году—уже 56 миллионѣвъ пудовъ. При средней годовой цѣнѣ на нефть (въ запрошломъ году 9,8 коп. пудъ) это составитъ довольно круглую сумму въ 5.488,000 рублей. Это въ одинъ годъ! Тагіевъ же бурилъ нефть въ теченіе 25 лѣтъ, и не удивительно, что, уплативъ казнѣ за такое колоссальное богатство только 9,055 рублей, въ эти 25 лѣтъ набурилъ себѣ въ карманъ 25 миллионѣвъ рублей,—тогда какъ казна въ тѣ же 25 лѣтъ получила за свое столь несмѣтное богатство лишь около 12 тысячъ рублей...

Набуривъ такую колоссальную сумму, Тагіевъ въ 1897 году продалъ свой участокъ англійской компаніи Вишау («Общество для обработки русской нефти и жидкаго топлива») за 5 миллионѣвъ рублей.

Получивъ за такую ничтожную цѣну ¹⁾ участокъ богатѣйшей въ мірѣ земли, гдѣ, по его собственнымъ словамъ, онъ на каждыхъ 10 саженьяхъ буровой скважины имѣлъ по нефтяному фонтану,—Тагіевъ, тѣмъ не менѣе, все же не преминулъ захватить еще по сосѣдству 800 слишкомъ квадратныхъ сажень казенной земли и пользовался ею для добычи нефти *безплатно* болѣе десяти лѣтъ. Когда же захватъ этотъ былъ обнаруженъ, и управленіе государственными имуществами, опредѣливъ уплату за захваченную землю во все время пользованія ею Тагіевымъ всего въ 10 тыс. рублей,—предложило ему внести ее, онъ не только рѣшительно уклонился отъ этого, но и продалъ еще, непринадлежащій ему, участокъ англичанамъ (фирма Вишау), которые уже и внесли 10,000 рублей болѣе чѣмъ за десятилѣтнее пользованіе этою землей Тагіевымъ! Кромѣ того, Тагіевъ такимъ же способомъ, въ теченіе ряда лѣтъ, пользовался еще 29 десятинами казенной земли для своихъ нефтяныхъ амбаровъ и только въ 1897 году, послѣ настоятельныхъ требованій управленія государственными имуществами, уплатилъ аренды за эти 29 десятинъ, за все время пользованія ими, 650 рублей! Между тѣмъ, замѣстившая Тагіева (въ 1897 году) фирма Вишау, по первому же требованію казеннаго управленія, уплатила аренды за эту землю за годъ (1897) 13,900 рублей; въ слѣдующемъ же (1898 году)—не смотря на сдачу казной большей части этой земли (19 десятинъ) подъ добычу нефти съ торговъ другимъ лицамъ,—фирма Вишау уплатила казнѣ годичной аренды за оставшіяся у

¹⁾ За самый лучший участокъ Тагіевъ уплатилъ менѣе всѣхъ изъ взявшихъ одновременно съ нимъ (въ 1872 году) нефтяные участки. Въ то время, когда Тагіевъ уплатилъ единовременно 9,055 руб., другіе платили за худшіе участки по 140,000 руб. (участокъ № 14), 257,000 (участокъ № 1), 516,000 (участокъ № 2) и даже 925,000 (участокъ № 3).

нея 10 десятиных—16,073 рубля. Тагіевъ же, наживъ въ теченіе 25 лѣтъ съ этой земли 30 милліоновъ рублей, уплатилъ за все время казнѣ какихъ нибудь 12 тыс. руб., пользуясь большею частью этой земли (захваченными 30 десятинами) все время *совершенно даромъ*. Такое обогащеніе, конечно, есть уже ничто иное, какъ прямое разореніе русской казны...

Перепродавъ за 5 милліоновъ свою арендуемую и захваченную у казны землю и оставшись съ 30 милліонами не у дѣль, Гаджи Тагіевъ вздумалъ завести новое дѣло—построить бумагопрядильныя фабрики и организовать мануфактурную промышленность. Въ 276 верстахъ отъ Баку и въ 240 отъ Тифлиса, близъ станціи «Евлахъ» закавказской желѣзной дороги, онъ давно уже пріобрѣлъ въ собственность чуть не половину уѣзда—болѣе 100 тысячъ десятиныхъ земли. На этой землѣ онъ задумалъ развести хлопковыя плантаціи и, казалось бы, тутъ же и быть его бумагопрядильнымъ фабрикамъ. Мѣсто это, однако, показалось почему-то (почему?—увидимъ далѣе) неудобнымъ для фабрикъ, и Тагіевъ рѣшилъ основать дѣло въ Баку, гдѣ давно уже осѣлъ прочно. Но гдѣ же здѣсь основать дѣло, гдѣ строить фабрики? Собственной земли у Тагіева, возлѣ Баку нѣтъ. Купить или арендовать? Но гдѣ и у кого? Всѣ земли кругомъ Баку—купленные и притомъ нефтяныя, т. е. стоятъ очень дорого. А Тагіевъ,—какъ мы видѣли,—не привыкъ платить дорого и всегда предпочиталъ даже вовсе избѣгать всякой платы...

Для фабрикъ мѣсто нужно подходящее—возлѣ желѣзной дороги и на берегу моря, чтобы тутъ же были и пристани. Корабли же у Тагіева есть свои. Но вся береговая полоса бакинскаго порта занята городомъ Баку; свободна только сѣверная часть— между городомъ и мысомъ Султаномъ. Трудно даже и придумать что нибудь болѣе удобное: съ одной стороны—берегъ моря, съ другой—двѣ желѣзныя дороги (закавказская и баку-петровская), тутъ же и городъ. И такъ широко, такъ просторно: болѣе 350 десятиныхъ. Вотъ гдѣ основывать дѣло, вотъ гдѣ строить фабрики! Но...

Но вотъ препятствіе: земля эта казенная и уже давно предназначена для «расширенія черты города Баку», который обмѣниваетъ у казны этотъ участокъ на свои выгонныя земли, удаленныя отъ моря и не прилегающія къ городу. Купить и арендовать эту береговую полосу? Но, во-первыхъ, какъ предназначенную для города, ее не продадутъ и не отдадутъ, а если и отдадутъ, то цѣна ей—нѣсколько десятковъ, если не сотенъ, тысячъ за десятину; фирма Кащеевыхъ платитъ здѣсь за аренду: за участки, ближайшіе къ морю, по 1 рублю за квадратную сажень (т. е. 2,400 руб. за десятину), а за участки, удаленные отъ моря—по 50 коп. за квад-

ратную сажень (т. е. 1,200 руб. за десятину)! А другаго такого мѣста нѣтъ: какъ же быть? Да, конечно, строить здѣсь фабрики, — и конецъ!

Приглянувшаяся Тагіеву земля береговой полосы бакинскаго порта примыкаетъ къ селеніямъ Ахмедлы, Кешли и Зыхъ, и находится въ поверхностномъ пользованіи государственныхъ крестьянъ этихъ селеній. Вотъ этимъ-то обстоятельствомъ и рѣшено было воспользоваться для захвата этой многолѣтней казенной береговой земли.

Въ октябрѣ 1897 года, въ бакинское управленіе государственными имуществами пришло прошеніе крестьянъ села Ахмедлы, въ которомъ они, жалуясь на то, что общества сосѣднихъ съ ними селеній Кешли и Зыхъ *продаютъ и отдаютъ въ аренду*, какъ свои (т. е. находящіяся у нихъ въ поверхностномъ пользованіи отъ казны), такъ и ихъ земли, — просятъ прислать къ нимъ землемера для опредѣленія границъ ихъ земель. Въ декабрѣ того же года, въ управленіе государственными имуществами явились уже нѣсколько крестьянъ того же селенія Ахмедлы и заявили, что старшина ихъ вмѣстѣ съ бывшимъ старшиной и нѣсколькими болѣе вліятельными крестьянами ихъ односельцевъ, согласившись съ нѣкоторыми крестьянами села Зыхъ, *продалъ* часть своихъ и ихъ земель бакинскому купцу Тагіеву; что при этомъ они, просители, никакой платы за проданную ихъ землю не получили и, по всей вѣроятности, ею воспользовались лишь старшина и тѣ изъ ихъ односельцевъ, которые участвовали въ сдѣлкѣ съ Тагіевымъ; что письменнаго заявленія объ этомъ они подать не могутъ, такъ какъ боятся Тагіева и старшины, но просятъ управленіе оградить общественныя земли отъ захвата.

Одновременно съ этимъ, въ управленіе государственными имуществами поступило донесеніе помощника землемера Коноплева (1 января 1898 года) что, по слухамъ, Тагіевъ «имѣетъ желаніе получить отъ ахмедлинскихъ крестьянъ казенную береговую полосу», о которой ходатайствуетъ городское управленіе, и что въ *издаваемой Тагіевымъ газетѣ* «Каспій» (1898 года № 1) появилось извѣстіе о *пожертвованіи* Тагіевымъ обществу села Ахмедлы 1,000 р., но что пожертвованіе это очень похоже на *запродажну*. Произведенное тотчасъ же, по порученію управленія, землемеромъ Дмитріевымъ, дознаніе обнаружило, что, дѣйствительно, бывшимъ старшиной и нѣкоторыми жителями села Ахмедлы отданы въ аренду казенно-общественныя земли «*по подложнымъ договорамъ*», о чемъ и составленъ имъ актъ.

На слѣдующій день (9 января 1898 года) тотъ же землемеръ

Дмитріевъ доносилъ уже управленію о томъ, что на помянутой береговой полосѣ Тагіевъ началъ строить пристань и, кромѣ того, болѣе 20 арбъ ¹⁾ возять и складываютъ камень для постройки. Многоцѣнная казенная земля въ количествѣ 198 десятинъ оказалась, такимъ образомъ, уже въ захватѣ, и Тагіевъ приступилъ къ постройкѣ фабрикъ.

VIII.

Необходимо отмѣтить, что захватъ казенной береговой земли Бакинскаго порта намѣченъ былъ и подготовлялся Тагіевымъ уже давно.

Такъ, еще въ 1896 году управляющій дѣлами Тагіева, К. А. Ирецкій, бывший тогда бакинскимъ городскимъ головой, дабы не выпустить изъ рукъ своего патрона Тагіева намѣченной казенной береговой земли, возбудилъ ходатайство о прирѣзкѣ ея къ городу Баку и одновременно (юль 1896 года) вошелъ въ мѣстное управленіе государственными имуществами съ отношеніемъ, въ которомъ, извѣщая о своемъ ходатайствѣ и обращая вниманіе на возможность со стороны крестьянъ селеній Ахмедлы, Кешли и Зыхъ, — въ поверхностномъ пользованіи которыхъ находится береговая полоса, — «сбыть земли, отходящія къ городу, въ арендное пользованіе частныхъ лицъ, особливо въ виду весьма вѣроятныхъ стараній нефтепромышленниковъ и заводчиковъ купить эти земли», — просилъ управленіе «не разрѣшать такихъ продажъ, если онѣ будутъ имѣть мѣсто, впредь до разрѣшенія вопроса о прирѣзкѣ ихъ къ городу».

И въ то время, когда казенное управленіе, считая эту землю уже имѣющею специальное предназначеніе для отвода городу Баку, охраняло ее согласно просьбѣ городскаго управленія, въ лицѣ г. Ирецкаго, отъ завладѣнія ею другими нефтепромышленниками и заводчиками, — въ это самое время Тагіевъ съ помощью своего управляющаго дѣлами, того же г. Ирецкаго, *подготовлялъ захватъ этой земли*, заручаясь сдѣлками на нее съ крестьянами, и затѣмъ въ одинъ прекрасный день, занявъ землю строительными матеріалами, приступилъ къ постройкѣ фабрикъ и пристани. Вотъ какъ ловко и исподволь былъ подготовленъ этотъ захватъ!

Дѣло приняло такой оборотъ, что уже самому казенному управленію, охранявшему до сего времени, по просьбѣ г. Ирецкаго свою береговую землю отъ завладѣнія ею частными лицами, прип-

¹⁾ «Арбы» — двухколесныя персидскія тележки съ высокими ящиками; на нихъ возять тяжести и онѣ замѣняютъ въ Баку нашихъ дозовыхъ извозчиковъ.

лось обратиться къ губернской администраціи съ просьбой объ огражденіи этой земли отъ захвата г.г. Ирецкаго съ Тагіевымъ и о недопущеніи возводить на ней постройки. Въ іюлѣ 1896 года г. Ирецкій ходатайствовалъ о прирѣзкѣ этой земли къ городу Баку и объ охранѣ ея отъ захватовъ частныхъ лицъ, а въ декабрѣ 1897 года, обратившись въ частное лицо (т. е. *оставивъ должность городского головы*) и ставъ директоромъ учрежденнаго Тагіевымъ «Кавказскаго акціонернаго общества обработки воловнистыхъ веществъ») самъ захватилъ ее съ Тагіевымъ, и въ составленномъ имъ ¹⁾ докладѣ городской управы (отъ 12 мая 1898 года) доказываетъ уже, что въ береговой полосѣ (объ отводѣ которой городу онъ такъ энергично ходатайствовалъ нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, будучи городскимъ головой, цѣлые полгода проживъ для этого въ Петербургѣ и получая за это отъ города по 25 рублей въ сутки) городъ уже не нуждается, что «прирѣзка городу береговой полосы имѣетъ уже относительное значеніе, (!!) тѣмъ меньшее, что полоса эта находится почти вся въ пользованіи частныхъ лицъ (т. е. самого Ирецкаго съ Тагіевымъ), что надо отказаться отъ береговой полосы, за которую непомѣрно дорого спрашиваютъ», и т. д.

Обращеніе казеннаго управленія къ губернской администраціи возымѣло, повидимому, дѣйствіе. Такъ какъ у Тагіева не только не было разрѣшенія на постройки, начатыя имъ на казенной землѣ, но онъ не возбуждалъ даже и ходатайства объ этомъ въ губернскомъ правленіи, и очевидно было, что стремленіе его сводится къ захвату высокоцѣнной казенной земли бакинскаго порта, — то губернскимъ правленіемъ сдѣлано было (въ февралѣ 1898 года) распоряженіе о приостановкѣ начатыхъ Тагіевымъ на казенной землѣ построекъ и о привлеченіи его къ отвѣтственности по суду за самовольно начатую постройку ²⁾.

Тогда Тагіевъ возбудилъ передъ губернскимъ правленіемъ формальное ходатайство о разрѣшеніи ему производить на казенной береговой полосѣ постройку пяти бумагопрядильныхъ фабрикъ, пристани и пр. Къ ходатайству приложенъ былъ и планъ предполагаемыхъ построекъ, причемъ на этомъ планѣ, составленномъ архитекторомъ строительнаго отдѣленія городской управы, Симонсомъ и завѣренномъ гласнымъ думы, управляющимъ и компаньономъ Тагіева, г. Ирецкимъ, казенная береговая полоса, на которой должны строиться фабрики, *значится уже принадлежащей Тагіеву!*

¹⁾ Г. Ирецкій, какъ равно и Тагіевъ, и понынѣ состоятъ гласными бакинской думы!!

²⁾ За это Тагіевъ приговоренъ былъ къ 60 рублямъ штрафа. Не правда ли—очень тяжелое наказаніе для собственника 30 милліоновъ?!

Въ предѣлы этихъ новыхъ «владѣній» Тагіева, кромѣ надѣльной казенно-общественной земли, включенъ даже и бичевникъ, всего въ количествѣ 198 десятинъ.

Имѣя въ виду, что береговая земля бакинскаго порта предназначена уже для отвода городу Баку ¹⁾ и что въ недалекомъ будущемъ она должна приобрести большую цѣнность, особенно по доведеніи новой баку-дербентской желѣзной дороги непосредственно до бакинскаго порта и по соединеніи всѣхъ пристаней сѣверной части порта (по проекту инженера Кербедза) вблизи желѣзныхъ дорогъ и предположенныхъ къ устройству новыхъ таможенныхъ пристаней и складовъ, и стремясь, поэтому, оградить землю отъ захвата Тагіевымъ,—казенное управленіе просило губернское правленіе не разрѣшать возведенія здѣсь фабричныхъ построекъ и пристани впредь до приобретенія Тагіевымъ законныхъ правъ на пользованіе означенною землей. Губернское правленіе не дало Тагіеву этого разрѣшенія. Но... но оно ему вовсе и не было нужно: и безъ всякаго разрѣшенія онъ вновь приступилъ къ постройкамъ на казенной землѣ, пользуясь попустительствомъ мѣстной полиціи, которой поручено было охраненіе этой земли!..

Всѣ требованія казеннаго управленія, обращенныя къ нему и его повѣренному Ирецкому: о возбужденіи ими въ законномъ порядкѣ ходатайства о предоставленіи нужной для построекъ земли,—не приводили ни къ чему. Отлично понимая, что такое ходатайство явилось бы признаніемъ съ ихъ стороны права казны на эту землю и устранило бы право захватнаго фактическаго пользованія, они упорно уклонялись отъ возбужденія этого ходатайства,—или ссылаясь на заключенные съ крестьянами договоры (которыхъ, однако, не предъявляли и которыхъ никто не видѣлъ), или же общая возбудить ходатайство, котораго не возбуждали, а въ то же время продолжали возводить постройки на захваченной землѣ... Очевидно, они рассчитывали на ту же многолѣтнюю судебную «волокигу», которую мы видѣли въ романинскомъ дѣлѣ и которая дала бы имъ возможность обосноваться *вполнѣ* на казенной землѣ, пользоваться ею даромъ десятки лѣтъ, выстроить фабрики, нажить новые милліоны и т. д. Словомъ, чудодѣйственная исторія романинскаго захвата, давшая уже захватчикамъ 45 милліоновъ и еще много обещающая, пока окончится нескончаемая судебная процедура,—грезилась и имъ... Но они ошиблись.

Зная по опыту съ романинскимъ и другими захватами, какой оборотъ приметъ дѣло при веденіи его судебнымъ порядкомъ, ка-

¹⁾ Объ этомъ городъ ходатайствовалъ еще ранѣе г. Ирецкаго, начиная съ 1889 года.

звенное управленіе обратилось за содѣйствіемъ къ высшей гражданской власти на Кавказѣ. Этимъ только способомъ удалось принудить Тагіева и Иредкаго возбудить (15 мая 1898 года) предъ управленіемъ государственными имуществами ходатайство о предоставленіи Тагіеву въ пользованіе береговой земли, съ приобщеніемъ къ нему: копій 31 договора съ крестьянами селеній Ахмедлы и Зыхъ на эту землю, устава учрежденнаго Тагіевымъ «Акціонернаго общества обработки волокнистыхъ веществъ» ¹⁾ двухъ плановъ захваченнаго и застраиваемаго уже участка и пр.

Тутъ дѣло совсѣмъ уже разъяснилось. Изъ сличенія описанныхъ въ договорахъ Тагіева съ крестьянами границъ участковъ съ имѣющимися въ казенномъ управленіи планами и другими данными оказалось, что всѣ эти границы—*фиктивныя*. Выяснить положеніе участковъ въ натурѣ, опредѣлить и нанести на планъ,—при всемъ стараніи землебра Дмитріева, которому управленіе поручило это сдѣлать,—оказалось невозможнымъ. Почему невозможнымъ? Потому что приговоры составлены неопредѣленно и не могутъ быть точно привязаны къ мѣстности, т. е. *составлены въ отношеніи не данныхъ участковъ, а вообще (?)*, такъ что могутъ быть примѣнены не только къ тѣмъ участкамъ, которые захватилъ Тагіевъ, а и ко всякимъ другимъ (??). При этомъ оказалось, что договоры Тагіева съ крестьянами *никѣмъ не проверены* (точь въ точь какъ въ кожинскомъ дѣлѣ) и не *утверждены*, что они во многихъ отношеніяхъ *неправильны*, и что въ числѣ ихъ есть даже подложные.

Баку — такой городъ, что участки, оцѣнивавшіеся 15 лѣтъ тому назадъ въ 200 рублей, теперь оцѣниваются въ 1.500,000. Это особенно относится къ сѣверной части города, т. е. той именно, гдѣ захватилъ Тагіевъ 198 десятинъ, къ тому же еще завѣдомо-нефте-носной земли (по опредѣленію казеннаго управленія). Такъ какъ городъ не можетъ развиваться въ южной сторонѣ, гдѣ находятся нефтяные промыслы (Биби-Эйбатъ), то онъ неизбѣжно-быстро растетъ по сѣверной сторонѣ порта, гдѣ сосредоточивается вся его промышленная дѣятельность и куда подходятъ закавказская и баку-дербентская желѣзныя дороги. Поэтому здѣсь земля особенно подымается въ цѣнѣ, и мы видѣли, что въ этой мѣстности арендная плата доходить уже до 1 рубля за кв. сажень, т. е. до 2,400 руб. за десятину. По этой существующей здѣсь цѣнѣ, площадь въ 198 десятинъ, захваченная Тагіевымъ, стоитъ въ арендѣ 475 тысячъ

¹⁾ Любопытно это «Акціонерное общество Гаджи З. А. Тагіевъ», дозволенное вопреки категорическому требованію закона, по которому *акціонерныя компании и общества должны быть безличными, анонимными*. Или это «Акціонерное общество» состоятъ изъ одного Тагіева!

рублей въ годъ ¹⁾). Понижая плату за участки, удаленные отъ моря, до 50 коп. за кв. сажень, т. е. 1,200 руб. за десятину, все же получимъ не менѣе 300 тысячъ рублей въ годъ. Казенное управленіе, два года тому назадъ, опредѣляло арендную плату за эту площадь во 100 тысячъ рублей. Но теперь, съ проведеніемъ новой желѣзной дороги (Баку-Дербентъ-Петровскъ), которая подходит къ этой площади и пройдетъ черезъ нее къ бакинскому порту, оно, конечно, должно уже поднять эту свою оцѣнку, по крайней мѣрѣ, вдвое,—до 200 тысячъ рублей въ годъ.

А знаете, за сколько эту площадь во 198 десятинъ высокоцѣнной земли снялъ г. Тагіевъ путемъ никѣмъ не провѣренныхъ, неправильныхъ и,—какъ выяснило дознаніе,—частію *подложныхъ* договоровъ съ крестьянами? За 655 руб. 50 коп. въ годъ!!! Конечно, уже одинъ этотъ фактъ дѣлаетъ невозможнымъ утвержденіе подлежащею властью сдѣлки Тагіева съ крестьянами, еслибы даже земля эта и принадлежала имъ. Отлично понимая это, Тагіевъ и не представлялъ ихъ на утвержденіе. Но и онъ самъ, и повѣренный его, г. Ирецкій, открыто заявили представителямъ городского управленія, рассчитывавшимъ на эту полосу для города, что «всѣ приговоры обществъ объ отдачѣ этихъ земель въ аренду Тагіеву, хотя бы они не получили въ извѣстномъ порядкѣ утвержденія, будутъ обязательны для городской управы», если земли эти будутъ отведены городу. Очевидно, они слишкомъ увѣрены во всемогуществѣ своей капиталистической силы... Но дѣло въ томъ, однако, что, помимо неправильности и подложности многихъ договоровъ, они уже потому лишены всякаго юридическаго значенія, что заключены съ крестьянами, тогда какъ земли эти принадлежать *не крестьянамъ, а казнѣ*. Это такая преграда, которая никакой,—даже и капиталистической—силой, разрушена быть не можетъ.

IX.

Казна,—какъ уже было сказано,—предоставляетъ принадлежащія ей въ Закавказскомъ краѣ земли (въ числѣ ихъ и нефтеносныя) въ *поверхностное* пользованіе туземныхъ крестьянъ. Понятно, что это поверхностное пользованіе крестьянъ казенными землями не лишаетъ казны *права собственности* на эти земли, а слѣдовательно и крестьянамъ не даетъ права распоряжаться состоящими только въ ихъ фактическомъ пользованіи, землями какъ своею законною собственностью.

¹⁾ При сдачѣ ея подъ добычу нефти, она стоитъ много больше.

Вотъ какъ опредѣляются права крестьянъ на эти земли въ циркулярѣ главноначальствующаго гражданскою частью на Кавказѣ губернаторамъ, отъ 19 декабря 1898 года, № 14,429: «Въ Закавказскомъ краѣ до сего времени не произведено окончательнаго поземельнаго устройства. Туземные крестьяне не получили казенной земли ни на правахъ собственности, обусловленныхъ обязательнымъ ея выкупомъ,—какъ это сдѣлано въ отношеніи крестьянъ внутреннихъ частей имперіи,—ни въ постоянное безсрочное пользованіе, какъ это имѣетъ мѣсто въ Сибири. Въ Закавказьѣ до сего времени не произведены еще самые отводы государственнымъ крестьянамъ надѣловъ, и казенная земля состоитъ у нихъ лишь въ фактическомъ пользованіи. Такое землепользованіе, опираясь только на самый фактъ пользованія или, въ рѣдкихъ случаяхъ, на частное административное распоряженіе, не имѣетъ ни одного юридическаго признака надѣльнаго пользованія, каковы, напримѣръ, его неприкосновенность, извѣстный поземельный (или же выкупной) окладъ, установленный юридически надѣльный актъ (владѣнныя и надѣльныя записи) и т. д. Вслѣдствіе сего, въ предѣлахъ этого землепользованія до настоящаго времени совершаются, по распоряженію администраціи, нерѣдкія измѣненія. Такія измѣненія имѣютъ то юридическое основаніе, что они касаются земли, составляющей собственность казны и находящейся лишь въ пользованіи поселянъ, но во всѣхъ случаяхъ безъ надѣльныхъ, а большею же частію и безо всякихъ актовъ. Изъ вышеназложеннаго съ несомнѣнностью слѣдуетъ, что права туземныхъ крестьянъ по пользованію находящимися у нихъ казенными землями значительно меньше, нежели права крестьянъ внутреннихъ губерній».

Если же,—какъ извѣстно,—не смотря на это, и крестьяне внутреннихъ губерній подчинены по праву пользованія своими надѣльными землями, составляющими ихъ собственность, существеннымъ ограниченіямъ и дѣйствительному надзору ¹⁾, то мѣстные (закавказскіе) крестьяне, не получившіе казенной земли даже въ надѣлъ: а лишь временно, впредь до поземельнаго устройства, пользующіеся ею, не имѣютъ уже, очевидно, никакого права безконтрольно распоряжаться состоящею въ ихъ временномъ пользованіи казенною землей, какъ своею собственною, т. е. продавать, сдавать ее въ

¹⁾ Такъ, не смотря на то, что крестьяне внутреннихъ губерній получили казенную или помѣщичью землю *въ собственность*, съ обязательствомъ уплаты зато выкупа въ извѣстный срокъ,—закономъ прямо воспрещается имъ продажа лѣса на срубъ съ ихъ лѣснаго надѣла. Также точно крестьянамъ запрещена продажа надѣльныхъ земель и отдача ихъ въ аренду для разработки нѣдръ, безъ особаго разрѣшенія и утвержденія власти, и т. д.

аренду и т. п.,—вообще заключать на эту землю договоры какіе бы то ни было и съ кѣмъ бы то ни было.

Такіе договоры, не предоставляя никакой выгоды крестьянамъ, а въ большинствѣ случаевъ способствуя лишь обѣдненію и разоренію ихъ, (вырученная отъ этого—всегда ничтожная—сумма никогда не соотвѣтствуетъ дѣйствительной стоимости земли), въ то же время служатъ всегда первымъ шагомъ къ захвату казенной собственности различными аферистами. Договоры эти совершаются безо всякаго участія собственницы земли, казны, не вносятся ни въ какія общественныя книги, и, провладѣвъ, на основаніи ихъ, землей въ теченіе земской давности, арендаторъ уничтожаетъ договоръ съ согласіемъ тѣхъ же крестьянъ и, съ помощью подставныхъ свидѣтелей, легко достигаетъ, на основаніи давностнаго владѣнія, правъ собственности на казенную землю. Такимъ путемъ не одна тысяча десятинъ казенной земли въ Закавказьѣ попала въ руки различныхъ темныхъ дѣльцовъ, въ ущербъ казнѣ и во вредъ самимъ крестьянамъ, опутываемымъ этого сорта дѣльцами. Очевидно, что то же имѣлъ въ виду и Тагіевъ, заключая съ крестьянами договоры на непринадлежащую имъ землю: провладѣвъ на основаніи никѣмъ не завѣренныхъ и ни въ какія книги не занесенныхъ договоровъ въ теченіе десяти лѣтъ многоцѣнною казенною землей и уплативъ за все это время 6,560 рублей, онъ, по праву давностнаго владѣнія, явился бы черезъ десять лѣтъ уже собственникомъ этой земли, стоящей милліоны рублей.

Замыселъ этотъ не удался ему: договоры съ крестьянами онъ оказался вынужденнымъ предъявить власти, и такимъ образомъ о полномъ захватѣ многоцѣнной казенной береговой земли, на излюбленномъ основаніи «давностнаго владѣнія», теперь уже не можетъ быть и рѣчи. Но,—какъ очевидно изъ вышесказаннаго,—договоры эти, какъ заключенные не съ собственницей земли, казною, а съ крестьянами, у которыхъ она находится лишь во временномъ пользованіи, и вообще не имѣютъ и не могутъ имѣть никакой силы, никакого юридическаго значенія, а, слѣдовательно, не могутъ служить основаніемъ и для аренднаго пользованія этою землей Тагіевымъ. Это въ томъ даже случаѣ, еслибъ договоры были заключены правильно, съ соблюденіемъ всѣхъ законныхъ требованій, на основаніи общественныхъ крестьянскихъ приговоровъ, провѣренныхъ установленнымъ порядкомъ и утвержденныхъ подлежащею властью. Между тѣмъ, договоры Тагіева съ крестьянами селъ Ахмедлы и Зыхъ заключены безъ соблюденія всѣхъ этихъ условій и не только не отвѣчаютъ всѣмъ законнымъ требованіямъ, но, напротивъ,—явно нарушаютъ ихъ. Такъ, законъ (ст. 1692 ч. I т. X

зак. гражд.) категорически запрещаетъ совершеніе договоровъ на аренду земли *далѣе какъ на 12 лѣтъ*, договоры же Тагіева съ крестьянами заключены на 30, 36 и 49 лѣтъ, да еще съ правомъ возобновленія на тѣ же сроки, т. е. въ явное нарушеніе закона. Далѣе, законъ требуетъ, чтобы всѣ общественные крестьянскіе приговоры для полученія законной силы были провѣрены подлежащею правительственною властью и затѣмъ утверждены ею. Но ни одинъ изъ общественныхъ приговоровъ на сдачу земли Тагіеву не только не былъ утвержденъ и провѣренъ подлежащею властью, но ей не было даже извѣстно о постановленіи, ибо все это было обдѣлано тайнымъ образомъ, при участіи лишь нѣкоторыхъ членовъ общества, и приговоры не были даже занесены въ общественныя книги. Помимо всѣхъ этихъ неправильностей и противозаконій, «въ числѣ представленныхъ Тагіевымъ приговоровъ есть, какъ обнаружено дознаніемъ, *«подложные»*, что находитъ подтвержденіе и въ томъ обстоятельстве, что приговоры неопредѣленны и «не могутъ быть точно привязаны къ мѣстности». И на основаніи такихъ-то приговоровъ и договоровъ Тагіевъ смѣло и упорно добивается признанія за нимъ *правъ на захваченную казенную землю* и разрѣшенія ему прѣдлжать начатыя уже на ней постройки!

Само собою разумѣется, что начальство взглянуло на все это дѣло иначе, чѣмъ то желательно было г. Тагіеву и его повѣренному Ирецкому, и отказало ему въ разрѣшеніи производить постройку впредь до пріобрѣтенія имъ законныхъ правъ на означенную казенную землю. Но онъ и безъ этого разрѣшенія приступилъ вновь къ постройкамъ. Постройки эти безпрепятственно продолжались въ теченіе всей осени 1898 года и къ концу года на *казенной* береговой полосѣ уже выросли: фабричный корпусъ въ 90 сажень длины и 50 сажень ширины и другія постройки; произведено буреніе двухъ колодцевъ и выдвинута въ море пристань въ 150 сажень. А въ то время какъ производились эти постройки, Тагіевъ и Ирецкій, — первый, какъ учредитель «Кавказскаго акціонернаго общества», а послѣдній, какъ директоръ этого общества и повѣренный перваго, — разсылали всюду, не исключая и г. министра земледѣлія и государственныхъ имуществъ, жалобы на то, что мѣстное казенное управленіе «тормозитъ устройство новаго большаго предпріятія на Кавказѣ и, нарушая сроки, опредѣленные въ ихъ договорахъ съ поставщиками фабричныхъ предметовъ, можетъ причинить имъ огромныя убытки безъ малѣйшей пользы кому бы ни было» (!!).

Казенное управленіе, въ свою очередь, тоже вошло съ донесеніями мѣстному начальству и въ министерство земледѣлія и госу-

дарственныхъ имуществъ о дѣятельно продолжаемыхъ Тагіевымъ и Ирецкимъ постройкахъ на захваченной казенной береговой землѣ, и, послѣ сношеній министерства съ мѣстнымъ начальствомъ, въ началѣ прошлаго (1899) года послѣдовало новое распоряженіе главноначальствующаго: во-первыхъ,—о привлеченіи къ отвѣтственности бакинскаго уѣзднаго начальника, допустившаго производство Тагіевымъ построекъ (давно бы слѣдовало!) а, во-вторыхъ,—не только о пріостановкѣ дальнѣйшаго производства этихъ построекъ, но и о совершенномъ устраненіи Тагіева, равно какъ и учрежденнаго имъ «Кавказскаго акціонернаго общества обработки волокнистыхъ веществъ», отъ всякаго пользованія землей, захваченной ими изъ казенно-общественнаго надѣла селъ Ахмедлы и Зыхъ.

Г.г. Тагіевъ и Ирецкій, однако, не пожелали,—какъ это видно изъ журнальнаго постановленія бакинскаго губернскаго правленія отъ 13 мая прошлаго года,—подчиниться требованію полиціи объ исполненіи этого распоряженія главноначальствующаго, и не только не устранили себя отъ пользованія захваченною казенною землей, но, *вслѣдъ же за предписаніемъ главноначальствующаго* устранить ихъ отъ пользованія этою землей, начали еще выгружать на нее съ пароходовъ машины для воздвигаемыхъ фабрикъ!! И власть не только не настояла на исполненіи своихъ распоряженій, но, въ виду такого упорства Тагіева и Ирецкаго, сама же измѣнила его, предписавъ мѣстной полиціи ограничиться пока (?) лишь надзоромъ за тѣмъ, чтобы ими не производились дальнѣйшія постройки. А вскорѣ затѣмъ Тагіеву разрѣшена была высшею властью остановленная было губернаторомъ выгрузка машинъ на захваченную землю, съ тѣмъ чтобы разрѣшеніе это не было понято, какъ разрѣшеніе постройки самой фабрики, на что предварительно и должна была быть отобрана отъ Тагіева подписка.

Въ такомъ положеніи находилось дѣло, когда осенью прошлаго года въ Баку прибылъ самъ г. министръ земледѣлія и государственныхъ имуществъ, А. С. Ермоловъ. Огромный участокъ казенной береговой земли былъ уже самовольно застроенъ Тагіевымъ и Ирецкимъ отъ лица «Акціонернаго общества обработки волокнистыхъ веществъ», и хотя дальнѣйшія постройки не производились, но казенная земля все же оставалась въ ихъ фактическомъ захватѣ.

X.

Казалось бы, зачѣмъ г. Тагіеву такъ стремиться овладѣть казенною береговой землей бакинскаго порта, когда у него имѣется свыше

100 тысяч десятинъ собственной земли близъ станціи Евлахъ за-кавказской желѣзной дороги?!

Станція Евлахъ находится на поддорогѣ между Баку и Тифлисомъ, и отъ нея идутъ прямые рельсовые пути,—съ одной стороны, къ каспійскимъ портамъ, чрезъ которые проходитъ товарный экспортъ и въ Персію, и въ Среднюю Азію, и во внутреннюю Россію; а съ другой стороны—въ черноморскимъ портамъ, чрезъ которые экспортируются товары и въ Турцію, и на Дальній Востокъ, и въ Европу, и въ южную и западную Россію. Кромѣ того, станція Евлахъ занимаетъ болѣе или менѣе центральное положеніе на Кавказѣ, и отъ нея пойдетъ въ скоромъ времени уже намѣченный рельсовый путь въ Персію.

Здѣсь сырой продуктъ (хлопокъ) перерабатывался бы на мѣстѣ (тогда какъ въ Баку его нужно возить), и полученные изъ него фабрикатъ направлялись бы во всѣ стороны по удобнымъ рельсовымъ путямъ—и въ главнѣйшіе центры Кавказа, и въ каспійскіе, и черноморскіе порты. Конечно, выгоднѣе провозить по желѣзнымъ дорогамъ ситцы, чѣмъ хлопокъ, и такимъ образомъ казалось бы,—въ интересахъ задуманнаго г. Тагіевымъ промышленнаго предпріятія,—ему надлежало бы быть не въ Баку, а въ имѣніи Тагіева у станціи Евлахъ.

Почему же Тагіевъ во что бы ни стало желаетъ осуществить его въ Баку и такъ стремится овладѣть захваченною казенною землей?

Да потому, что тутъ не одно, а цѣлыхъ два предпріятія: во-первыхъ, бумагопрядильное дѣло, для котораго, конечно, вовсе не требуется такой громадной земельной площади въ 198 десятинъ, какая захвачена Тагіевымъ, и притомъ именно въ береговой полосѣ порта, предназначенной для развитія города, а, во-вторыхъ—и въ этомъ-то вся суть дѣла — выгодное (и еще какое выгодное: за 655 руб. въ годъ!) приобрѣтеніе въ Баку такой площади земли, которая уже теперь цѣнится въ два милліона рублей, а въ недалекомъ будущемъ,—съ развитіемъ быстро растущаго города и съ проведеніемъ сюда портовой желѣзнодорожной вѣтви, — получить цѣнность въ пять-шесть и болѣе милліоновъ рублей. Если же принять во вниманіе, что земля эта, по опредѣленію мѣстнаго управленія государственными имуществами, завѣдомо-нефтеносная, то цѣна ей, при отдачѣ подъ добычу нефти, и теперь составляетъ десятки милліоновъ. Это, конечно, хоть для кого цѣнное приобрѣтеніе, и завладѣть ею Тагіевъ стремился вовсе не ради бумагопрядильнаго дѣла, — для осуществленія котораго у него имѣется болѣе 100 тысячъ десятинъ собственной земли, болѣе удобной для

этого дѣла, — а потому что, вырвавъ ее у города, для котораго она предназначена казной (въ обмѣнъ на городскія выгонныя земли), и получивъ за безцѣнокъ въ безпореблочное пользованіе, съ правомъ выкупа (какъ онъ того домогается), громадную площадь во 198 десятинъ столь многоцѣнной земли, — онъ въ недалекомъ будущемъ можетъ продавать ее участками по 50—100 и болѣе рублей за кв. сажень, а сдавать въ аренду и теперь уже можетъ по 1 рублю за кв. сажень (по этой цѣнѣ, какъ мы видѣли, уже сдается земля въ той же береговой полосѣ), — и такимъ образомъ извлечь изъ нея многіе милліоны рублей. Кромѣ того, Тагіевъ можетъ завести здѣсь и нефтяные промыслы.

Эта земля, повторяемъ, предназначена для *расширенія города Баку*, которому некуда болѣе расширяться, — и дѣло, такимъ образомъ, болѣе чѣмъ вѣрное: рубли дадутъ тутъ милліоны. Оттого-то такъ хитро и было обставлено овладѣніе этою землей: съ одной стороны, захватъ былъ обезпеченъ сдѣлками на нее съ крестьянами, которые, не дорожа этою землей, какъ не принадлежащей имъ, уступили ее въ долгосрочную аренду за ничтожную плату (655 р. 50 коп. — за всѣ 198 десятинъ), а съ другой — голова (управляющій дѣлами и повѣренный Тагіева) возбуждаетъ энергичное ходатайство объ отводѣ земли якобы для нуждъ города, переставшаго, однако, — по заявленію того же г. Ирецкаго, — нуждаться въ этой землѣ тотчасъ же, какъ только она была захвачена Тагіевымъ для учрежденнаго имъ «Кавказскаго акціонернаго общества», во главѣ котораго сталъ тотчасъ же оставившій должность городского головы г. Ирецкій... Чудеса въ рѣшетѣ да и только!!

То же самое о ненужности и негодности этой (захваченной уже Тагіевымъ) земли — г. Ирецкій повторилъ и теперь г. министру земледѣлія и государственныхъ имуществъ при посѣщеніи имъ «тагіевскаго захвата», но былъ остановленъ замѣчаніемъ А. С. Ермолова, что *вѣдь онъ же, будучи городскимъ головой, хлопоталъ объ отводѣ ея городу...*

Не встрѣтивъ энергичнаго отпора своей затѣѣ со стороны мѣстной власти, эти «два Аякса» (Тагіевъ и Ирецкій) начали употреблять всѣ усилія и средства для того, чтобы выгодно воспользоваться казеннымъ достояніемъ. На сторонѣ ихъ оказались всѣ нефтяные крезы — и мѣстные, и проживающіе постоянно въ Петербургѣ. Лично г. министру земледѣлія и государственныхъ имуществъ, при посѣщеніи имъ «тагіевскихъ построекъ» на захваченной казенной землѣ, Тагіевъ и Ирецкій обѣщали даже, что всѣ рабочіе у нихъ будутъ русскіе, что они устроятъ для нихъ поселокъ съ

читальнями, школами, храмами для различныхъ исповѣданій (*русскіе* рабочіе и храмы... для *различныхъ* исповѣданій: не правда ли, какъ это выжется одно съ другимъ?) и т. д. Словомъ, все будетъ, — только отдайте даромъ этимъ Аяксамъ многомилліонное казенное достояніе!

Почему же, однако, имъ, а не городу Баку или же кому либо другому? А потому, — видите ли, — что они уже владѣютъ этою землей, застроили ее и затратили деньги, — они, слѣдовательно, имѣютъ уже нѣкоторое «право» на эту землю. Право, основанное на самоуправномъ захватѣ, — не правда ли, это совсѣмъ новая форма права? Новая, впрочемъ, не для Баку и вообще не для Кавказа: — здѣсь эта невиданная и недопустимая форма «права» давно уже приобрѣла, такъ сказать, права гражданства и, при помощи этой своеобразной формы права, мѣстные пришлые инородцы — персы и армяне — успѣли уже овладѣть на Кавказѣ не одною тысячею десятинъ многоцѣнной казенной земли, да не отчаиваются и далѣе продолжать обирать такимъ путемъ русскую казну на десятки и сотни милліоновъ.

Финалъ «тагіевскаго дѣла», достаточно уже прогремѣвшаго на всю Россію, — еще не воспослѣдовалъ. Но захваченная земля остается и посейчасъ въ фактическомъ владѣніи дерзкихъ захватчиковъ, и работы по возведенію фабрикъ на казенной землѣ производятся Тагіевымъ на всѣхъ парахъ и невозбранно, — однако же, не при помощи русскихъ рабочихъ.

По слухамъ, передававшимся въ послѣднее время и въ печати, гг. Тагіевъ и Ирецкій согласны-де пойти на уступку (еще бы имъ не пойти на уступку!): они *возьмутъ* «только» 75 десятинъ — 45 десятинъ подъ фабрики и 30 — подъ рабочія помѣщенія; остальную же землю (123 десятины) великодушно возвратятъ казнѣ, съ тѣмъ что она отдастъ имъ эти 75 десятинъ и не будетъ препятствовать возведенію фабрикъ!

Какъ вамъ понравится, читатель, эта «уступка», этогъ *подарокъ* казнѣ ея же собственныхъ 123 десятинъ, съ условіемъ отчужденія *за это* захваченныхъ у нея же 75 десятинъ?! Между тѣмъ, условія эти — говорятъ — будутъ приняты, т. е. Тагіевъ получитъ 75 десятинъ захваченной казенной земли... Не вѣримъ, рѣшительно не вѣримъ.

75 десятинъ для одной бумагопрядильной фабрики! Да располагаетъ ли такимъ количествомъ земли для фабричныхъ сооружений какая либо изъ русскихъ мануфактуръ даже въ сельскихъ мѣстностяхъ? Тагіевъ же требуетъ этого въ мѣстности, предназначенной для отвода города Баку, гдѣ каждая десятина оцѣнивается въ сотни

тысячъ рублей. Въдѣ 75 десятинъ — это такое пространство, на которомъ можетъ выстроиться цѣлый городъ, и извѣстно, что для образуемыхъ въ черноморской губерніи двухъ новыхъ городовъ, — Хоста и Романовска, — назначено къ отводу подѣ городскія постройки лишь по 100 десятинъ. А гг. Тагіевъ и Ирецкій для одной фабрики благосклонно требуютъ отъ казны 75 десятинъ.

Интересно также знать, какія это рабочія помѣщенія, требующія 30 десятинъ, и гдѣ же гарантіи относительно употребленія этихъ 30 десятинъ только для рабочихъ помѣщеній, съ соблюденіемъ притомъ всѣхъ санитарныхъ и гигиеническихъ требованій. Въдѣ хорошо извѣстно, что г. Тагіевъ не особенно заботился о гигиенической обстановкѣ своихъ рабочихъ на бывшихъ нефтяныхъ промыслахъ на Биби-Эйбатѣ. Извѣстно и то, что онъ давалъ этимъ рабочимъ самую ничтожную плату за ихъ тяжелый трудъ, такъ что новый хозяинъ промысловъ — англійская компанія Вишау сочла нужнымъ, по собственной инициативѣ, сейчасъ же по приобрѣтеніи промысловъ отъ Тагіева, удвоить содержаніе рабочихъ. И вдругъ теперь у Тагіева проявилась такая нѣжная заботливость о рабочихъ, что иначе, какъ на 30 десятинахъ, нельзя построить даже помѣщеній для нихъ.

Какъ заботливо вообще относятся бакинскіе крезы къ своимъ рабочимъ — г. министръ земледѣлія и государственныхъ имуществъ убѣдился въ прошломъ году лично: осматрѣвъ помѣщенія четырехъ промысловыхъ площадей, А. С. Ермоловъ не нашелъ ни одного помѣщенія удовлетворительнымъ и заявилъ на второмъ совѣщаніи нефтепромышленниковъ, что «положеніе рабочихъ на промыслахъ возмутительно». Нефтепромышленники объяснили это *экономіей* земли, такъ какъ увеличеніе помѣщеній для рабочихъ сопряжено де съ потерей производительной земли.

Конечно, гг. Ирецкій и Тагіевъ, — лишь бы только урвать у казны лакомый кусокъ земли, — могутъ насудить всевозможныхъ благъ для будущихъ рабочихъ своей фабрики: — и работать-то на ней будутъ все «кровные» русскіе, и жить-то они будутъ во дворцахъ, и храмы-то для нихъ будутъ *разныхъ* исповѣданій и т. д. А на повѣрку выдетъ, что русскіе рабочіе понадобятся лишь на первыхъ порахъ, для начала дѣла и, такъ сказать, для декораціи, и будутъ получать, конечно, минимальное содержаніе (какъ и на бывшихъ у Тагіева нефтяныхъ промыслахъ), которое и будутъ проѣдать все на мѣстѣ, получая иждивеніе изъ фабричныхъ лавокъ; на родину же воротятся (если еще воротятся!) такими же бѣдняками, какими и пришли, создавъ своимъ потомъ фундаментъ для полученія персами новыхъ милліоновъ барышей. А затѣмъ, конечно,

и въ конторахъ фабрики всѣ болѣе оплачиваемыя мѣста будутъ предоставлены персамъ, да развѣ еще армянамъ, какъ и въ другихъ—бывшихъ и существующихъ—учрежденіяхъ Тагіева и прочихъ персидскихъ «дѣльцовъ».

Какая же, спрашивается, будетъ выгода для Россіи отъ такого предпріятія капиталиста-перса? Ради чего русская казна и русская власть поступятся въ этомъ возмутительномъ дѣлѣ авторитетомъ закона и авторитетомъ самой власти? Вѣдь горько смотрѣть, какъ уже теперь издѣваются властные инородцы на Кавказѣ надо всѣмъ, что дорого и свято для русскаго человѣка. А что же будетъ далѣе?

Намъ извѣстно, что, предписывая въ началѣ этого года бакинскою администраціи совершенно устранить Тагіева и учрежденное имъ «Кавказское акціонерное общество» отъ всякаго пользованія захваченною имъ казенною береговою землею, главное кавказское начальство категорически заявило министерству земледѣлія и государственныхъ имуществъ, обращавшемуся къ нему за содѣйствіемъ, что, не усматривая какого либо юридическаго основанія какъ къ представленію Тагіеву въ пользованіе упомянутой земли, такъ и къ допущенію на ней начатыхъ построекъ, оно и не находитъ возможнымъ, *даже и въ случаѣ соблюденія нарушенныхъ Тагіевымъ формальностей, оказать ему какое либо снисхожденіе* въ виду произведенныхъ имъ затратъ, — такъ какъ всѣ его дѣйствія въ этомъ дѣлѣ являются усиленнымъ стремленіемъ къ захвату, за ничтожную арендную плату, земли, представляющей и нынѣ весьма значительную цѣнность. Независимо отъ этого, — заявило главное кавказское начальство—захваченная Тагіевымъ земля *во всякомъ случаѣ не можетъ быть занята фабричными постройками*, такъ какъ вся она, въ виду быстраго развитія города Баку, уже предназначена для плановыхъ городскихъ мызъ и *должна быть отвѣдена городу свободной отъ всякихъ построекъ*, во избѣжаніе стѣсненій къ дальнѣйшему развитію города.

Конечно, г. Тагіевъ можетъ пойти теперь и на дальнѣйшія «уступки»—онъ можетъ предложить и арендную плату за нужную ему землю. Но дѣло,—какъ видно изъ приведеннаго рѣшенія высшей кавказской власти,—заключается не въ этомъ, и эта власть не должна, не можетъ измѣнить своего рѣшенія, какія бы «уступки» ни дѣлалъ и какія бы благодѣянія ни сулилъ Тагіевъ.

Еще въ началѣ прошлаго года высшею кавказскою властью, вслѣдствіе обращенія къ ней министерства земледѣлія и государственныхъ имуществъ, сдѣлано было распоряженіе *о совершенномъ устраненіи Тагіева отъ пользованія захваченною казенною землею*,

О сносъ произведенныхъ имъ построекъ и о передачу этой земли казенному управленію. Тагіевъ отказался тогда подчиниться этому распоряженію, но престижъ русской власти, русскаго имени, требуетъ исполненія его, тѣмъ болѣе что Тагіевъ состоитъ «почетнымъ мировымъ судьей» города Баку (хотя и не грамотнымъ по русски) и долженъ умѣть подчиняться закону: долженъ знать, что Россія— не Персія, и что всякое законное распоряженіе власти въ ней неукоснительно должно быть исполнено.

А. Липранди.

(Окончаніе будетъ).

Мой сторожъ.

(На мотивъ изъ Гейне).

~~~~~

Мой песъ, что ты бродишь уныло,
Зачѣмъ ты печаленъ теперь?
Несчастье всегда у насъ было,
А будетъ и счастье, повѣрь.
Вотъ скоро достану богатства,
Дорогу трудомъ проторю,
Примуся за жирныя яства,
А—кости тебѣ подарю.
И будемъ мы жить безъ позора,
И будешь ты веселъ и сытъ,
Но только все это не скоро
Случится,—чутье говорить!
И бродить, и воетъ уныло
Мой сторожъ, голодный и злой,
Какъ будто копаеть могилу,
Прощаясь навѣки со мной...

Н. Т.

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ХРОНИКА.

Новый фазисъ европейско-китайской войны.—Взятіе Пекина и бѣгство китайскаго императора. — Циркуляръ русскаго правительства объ отозваніи русскіхъ войскъ изъ китайской столицы.—Отношеніе русскаго общества и русской прессы къ этому циркуляру. — Толки европейской печати по поводу эвакуаціи Пекина. — Безпечность европейскихъ дипломатовъ въ Китаѣ. — Нужны ли намъ территоріальныя приобрѣтенія? — Чего домогаются Англія и Германія въ Срединной имперіи? — Новыя доказательства крѣпости франко-русскаго союза. -- Присоединеніе Трансваала къ британскимъ владѣніямъ.

Европейско-китайская война вступила въ новый фазисъ. вмѣсто пушекъ будутъ работать перья, вмѣсто генераловъ—дипломаты. Событіямъ, такъ быстро и неожиданно принявшимъ острый характеръ, по-видимому, положенъ конецъ. Пекинъ—столица Срединной имперіи—взять, и союзныя войска занимаютъ теперь церемоніальными маршами и парадами. Разбѣжавшіеся или попятывшіеся по разнымъ угламъ китайцы выходятъ изъ своихъ норъ и мирно разгуливаютъ по улицамъ Пекина.

Громъ пушекъ раздается лишь на сѣверѣ Китая, въ Манджуріи:—русскія войска продолжаютъ очищать сѣверную часть Манджуріи отъ боксеровъ.

Взявши Пекинъ, предводители союзныхъ войскъ немного призадумались надъ вопросомъ: что же дѣлать теперь? Императоръ и вдовствующая императрица бѣжали изъ Пекина, и мѣстопробываніе ихъ извѣстно только однимъ китайскимъ мандаринамъ. Англія, Германія и Японія, а за ними и Италія, предлагали идти далѣе, т. е. «отыскивать императора и императрицу, взять ихъ въ плѣнъ и тогда уже толковать о мирѣ съ Китаемъ. Задача этихъ государствъ — если не полный раздѣлъ Китая, то крупныя территоріальныя приобрѣтенія. Расширеніе «сферы вліянія» — это единственная цѣль, которую преслѣдуютъ Европа и Японія. Въ этомъ случаѣ онѣ сильно расходятся съ Россіей. Последняя, съ самаго откеры-

тія военныхъ дѣйствій, преслѣдовала одну только цѣль — умиротвореніе Китая.

Съ самаго возникновенія смуть въ этой странѣ, русское правительство стремилось прежде всего къ огражденію безопасности русской миссіи и русскихъ подданныхъ и къ скорѣйшему возстановленію въ Небесной имперіи законнаго порядка. Отъ этого своего первоначальнаго плана Россія, въ теченіе всей войны, не отступила ни на шагъ.

Въ циркулярной телеграммѣ управляющаго министерствомъ иностранныхъ дѣлъ, отъ 12 августа 1900 г., русское правительство вторично — и притомъ категорически — высказало свой взглядъ на китайскій вопросъ. «Императорскимъ правительствомъ, — говорится въ этой телеграммѣ, — предложено было принять за руководство, по отношенію къ китайскимъ событіямъ, нижеслѣдующія основныя начала:

«1) поддержаніе общаго согласія державъ; 2) сохраненіе исконнаго государственнаго строя въ Китаѣ; 3) устраненіе всего того, что могло бы повести къ раздѣлу Небесной имперіи, и, наконецъ, 4) возстановленіе общими усиліями законнаго центрального правительства въ Пекинѣ, которое могло бы само обезпечить въ странѣ порядокъ и спокойствіе. По этимъ пунктамъ почти между всѣми державами состоялось соглашеніе. Не преслѣдуя никакихъ иныхъ задачъ, императорское правительство оставалось и намѣрено впредь оставаться неуклонно вѣрнымъ вышеуказанной программѣ дѣйствій. Если ходъ событій, какъ нападеніе мятежниковъ на наши войска въ Нючжуанѣ, а также рядъ враждебныхъ дѣйствій китайцевъ на нашей государственной границѣ и ничѣмъ не вызванное бомбардированіе Благовѣщенска, побудили Россію къ занятію Нючжуана и введенію русскихъ войскъ въ предѣлы Манджури, — то эти временныя мѣры, вызванныя исключительно необходимостью отражать агрессивныя дѣйствія китайскихъ мятежниковъ, отнюдь не могутъ свидѣтельствовать о какихъ либо своекорыстныхъ планахъ, совершенно чуждыхъ политикѣ императорскаго правительства. Какъ скоро въ Манджурии будетъ возстановленъ прочный порядокъ и будутъ приняты всѣ необходимыя мѣры къ огражденію рельсоваго пути, постройка котораго обезпечивается особымъ формальнымъ соглашеніемъ съ Китаемъ по отношенію къ концессіи, выданной обществу Китайской восточной желѣзной дороги, — Россія не приминетъ вывести свои войска изъ предѣловъ сосѣдней имперіи, если, однако, этому *не послужитъ препятствіемъ образъ дѣйствій другихъ державъ.*

«Очевидно, что имѣющіеся у иностранныхъ государствъ и международныхъ обществъ интересы, какъ въ занятомъ Россією открытомъ торговомъ портѣ Нючжуанѣ, такъ и на линияхъ желѣзныхъ дорогъ, возстановленныхъ русскими войсками, — остаются ненарушимыми и вполне обезпеченными. Послѣдовавшимъ нынѣ, въ виду измѣнившихся обстоя-

тельствъ. болѣе скорымъ, чѣмъ слѣдовало ожидать, занятіемъ Пекина— достигнута первая и главная задача, поставленная императорскимъ правительствомъ, а именно — представители державъ, со всѣми находившимися въ осадѣ иностранцами, освобождены. Вторая задача, т. е. оказаніе содѣйствія законному центральному правительству къ восстановленію порядка и правильныхъ отношеній къ державамъ — представляется до поры до времени затруднительной, вслѣдствіе отъѣзда изъ столицы самого богдыхана, императрицы-регентши и цзунъ-ли-ямыня. При этихъ условіяхъ, императорское правительство не видитъ основаній для дальнѣйшаго пребыванія въ Пекинѣ иностранныхъ миссій, акредитованныхъ при правительствѣ, которое отсутствуетъ, а посему оно, съ своей стороны, намѣрено отозвать въ Тянь-Цзинь своего посланника, дѣйствительнаго статскаго совѣтника Гирса, со всѣмъ составомъ миссія; къ указанному пункту ихъ будутъ сопровождать русскія войска, *присутствіе коихъ въ Пекинѣ отнынѣ представляется безцѣльнымъ*, въ виду принятаго и неоднократно заявленнаго Россією твердаго рѣшенія—не выходить изъ предѣловъ заранѣе поставленной ею задачи».

Однако, Россія выведетъ свои войска изъ предѣловъ Манджуриі только тогда, когда *«образъ дѣйствій другихъ державъ не будетъ этому препятствовать»*.

Съ чувствомъ глубочайшаго удовлетворенія русскій народъ прочелъ приведенное нами правительственное сообщеніе. Русская пресса съ рѣдкимъ единодушіемъ привѣтствовала его. Отличаясь необыкновенною ясностью и твердостью устанавливаемыхъ имъ принциповъ, оно проливаетъ яркій свѣтъ на темный и заутанный европейской дипломатіей китайскій вопросъ. Россія категорически заявила, что она не преслѣдуетъ никакихъ корыстныхъ цѣлей въ Китаѣ. Это и понятно: наши цѣли и задачи на Дальнемъ Востокѣ совершенно другія, глубоко отличныя отъ европейскихъ. Мы съ Китаемъ граничимъ на протяженіи цѣлыхъ 8000 верстъ, слѣдовательно, въ нашихъ интересахъ — мирно жить съ китайцами, а не воевать съ ними.

Задача Россіи—доставить скорѣе китайскому правительству возможность подавить мятежъ и взять въ свои руки бразды правленія. Пребываніе же союзныхъ войскъ въ Пекинѣ не только не способствуетъ этой цѣли, но, наоборотъ, препятствуетъ ея достиженію.

Но если русскій народъ съ радостью привѣтствовалъ это правительственное сообщеніе, то не такъ его встрѣтили народы и правительства западной Европы. На сторону русскаго предложенія стала вѣрная союзница Россіи—Франція, а съ нею и Соединенные Штаты Сѣв. Америки. Германія же и Англія высказали протестъ противъ предложенія Россіи. Оно и понятно: предложеніе Россіи объ эвакуаціи Пекина далеко не соответствуетъ завоевательнымъ аппетитамъ этихъ государствъ. «Броне-

носкому кулаку», которымъ грозила Германія Китаю, по принятіи предложенія Россіи, нечего было бы и дѣлать въ Срединной имперіи.

Насколько это предложеніе пришлось не по сердцу Германіи и какъ ей хотѣлось бы, чтобы между остальными державами не установилось согласія на этой почвѣ,—видно изъ того, что нѣмецкіе офицеры рьяно выступили противъ этого предложенія. Берлинская корреспонденція «Köln. Zeitung», носящая несомнѣнные признаки «внушенія» изъ высшихъ правительственныхъ сферъ, гласитъ:

«Предложеніе русскаго министра иностранныхъ дѣлъ клонится къ цѣли, несомнѣнно для всѣхъ желательной,—къ ускоренію мирныхъ переговоровъ. Но при всемъ уваженіи, которое естественно будетъ оказано русскимъ предложеніямъ, предстоитъ очень серьезно взвѣснить: способно ли осуществленіе русскаго плана споспѣшествовать достиженію его цѣли—скараго заключенія мира? Для этого нужно будетъ прежде всего спросить себя, какое впечатлѣніе произвело бы очищеніе Пекина на китайское населеніе. Мы, европейцы, могли бы сказать себѣ, что въ сознаніи своей силы мы отступаемъ для того, чтобы, достигнувъ первой цѣли нашей экспедиціи,—освобожденія посланниковъ и нашихъ подданныхъ,—выстроить затѣмъ противнику золотой мостъ. Но подлежитъ большому сомнѣнію: способны ли китайцы подняться до такого объективнаго воззрѣнія, и не правдоподобнѣ ли, что они взглянуть на очищеніе Пекина, какъ на слабость или даже на пораженіе союзныхъ войскъ? Какъ извѣстно, китайцы—мастера на искаженіе яснѣйшихъ дѣлъ. Напомнимъ хотя бы то, что послѣ войны съ Японіей они счумѣли въ отдаленныхъ провинціяхъ распространить вѣру, что произошло не нашествіе побѣдоноснаго врага, но что въ Китай пришла толпа жалкихъ, несчастныхъ, голодныхъ нищихъ, которымъ великодушіе богдыхана раздачей милостыни—по нашему: военной контрибуціи—дало возможность возвратиться въ свою страну. Немудрено, что и теперь китайцы истолкуютъ очищеніе Пекина, какъ китайскую побѣду. На такую попытку можно бы и не обращать вниманія, имѣй она даже успѣхъ у китайскаго населенія, еслибы она ограничилась только удовлетвореніемъ китайскаго тщеславія. Но остается взвѣснить: не можетъ ли выполненіе русскаго предложенія повлечь за собою весьма серьезные злокачественныя послѣдствія? По мнѣнію всѣхъ лицъ, свѣдущихъ въ китайскихъ дѣлахъ, два мѣсяца тому назадъ никто и не думалъ о серьезномъ сопротивленіи китайскихъ войскъ. Когда же, съ отраженіемъ экспедиціи Сеймура, достигнуты были первые успѣхи, китайскій фанатизмъ вспыхнулъ чрезвычайно и воинственные чувства китайцевъ усилились до такой степени, что въ Тянь-Цзинѣ они оказали сопротивленіе, причинившее союзнымъ войскамъ немало хлопотъ. Поэтому нужно опасаться, чтобы при очищеніи Пекина это явленіе не возобновилось и чтобы разгромленные китайскія полчища не соедини-

лись опять для новаго сопротивленія, на основаніи хотя и совершенно ложнаго и неоправдываемаго сознанія себя побѣдителями. Этотъ новый взрывъ китайскаго фанатизма можетъ не ограничиться провинціей Печили, а охватить отдаленныя провинціи на югъ. Положеніе не таково, чтобы состояніе южныхъ провинцій можно было считать сколько нибудь удовлетворительнымъ. Едва ли нужно напоминать о томъ, что положеніе въ Шанхаѣ и въ долинѣ Янъ-Цзы подаетъ поводъ къ столь серьезнымъ опасеніямъ, что потребовалось стянуть тамъ флоты всѣхъ державъ въ значительномъ числѣ и что со дня на день можетъ оказаться необходимымъ послать европейскія сухопутныя войска въ Шанхай, въ случаѣ, еслибы, при господствующемъ тамъ возбужденіи, извѣстіе объ очищеніи Пекина союзными войсками раздуло въ сильное пламя огонь, таящійся подъ поверхностью. Не только въ Шанхаѣ и другихъ портовыхъ городахъ, но и въ городахъ внутренняго Китая слишкомъ вѣроятно, что китайцы, которые сдерживались только подъ впечатлѣніемъ завоеванія Пекина, теперь, въ виду очищенія этого только что взятаго города, набросятся на европейцевъ и произведутъ надъ ними страшную рѣзню. Заключеніе мира, котораго желаютъ достигнуть, будетъ именно этимъ затруднено. Въмѣсто войны въ Печили, оконченной уже въ главныхъ своихъ чертахъ, мы будемъ имѣть великую войну, которая охватитъ весь Китай. Но надо подумать и о другомъ обстоятельстве: при недовѣрчивости китайцевъ, которая, въ виду сознанія ими собственной своей лживости, имѣетъ извѣстную основательность, возможно, что правительство, даже послѣ очищенія Пекина отъ иностранныхъ войскъ, не рѣшится возвратиться туда, потому что будетъ считать удаленіе войскъ западней, ему поставленной. При подобныхъ обстоятельствахъ, державамъ придется отказаться отъ всѣхъ выгодъ, доставленныхъ завоеваніемъ Пекина, и не получить выгодъ, къ которымъ направлено русское предложеніе. Всѣ заинтересованныя державы, конечно, серьезно обсудятъ эту сторону вопроса. Нужно будетъ подумать объ исходѣ, который одновременно соотвѣтствовалъ бы вѣрно понятымъ общимъ интересамъ и предотвратилъ бы опасность, угрожающую отъ того, что такой значительный факторъ, какъ Россія, уклоняется отъ общаго дѣла. Новое положеніе, созданное русскимъ предложеніемъ, значительно улучшилось бы и облегчилось, еслибы Россія дала своему предложенію такое толкованіе, что она намѣрена удалить изъ Пекина только собственныя свои войска, но *ничего не имѣетъ противъ того, чтобы войска другихъ державъ остались въ Пекинѣ*. И дѣйствительно, русское правительство, не желая оставить въ Пекинѣ собственныя свои войска, повидимому, ничего не станетъ возражать противъ того, чтобы другія державы не уводили оттуда своихъ войскъ».

За «Köln. Zeitung» забила тревогу почти вся нѣмецкая печать.

Berlin. Tageblatt» обвиняет уже Россію въ желаніи воспрепятствовать успѣхамъ Германіи на Дальнемъ Востокѣ. Въ этомъ желаніи газета усматриваетъ главнѣйшій мотивъ, побудившій русское правительство сдѣлать державамъ предложеніе—удалить союзныя войска изъ Пекина.

«Въ русскомъ правительственномъ сообщеніи заявляется, что Россія—противъ тенденцій, которыя могли бы дать «болѣе сильный импульсъ военнымъ дѣйствіямъ». Что остріе этихъ заявленій направлено противъ Германіи, это слишкомъ ясно видно, чтобы хотя на мгновение въ этомъ усомниться. Россія успѣла до такой степени свыкнуться съ мыслью объ осуществленіи (на Дальнемъ Востокѣ) русско-азиатской доктрины Монроэ, что появленіе въ Восточной Азіи столь сильной въ военномъ отношеніи державы, какъ Германія, производитъ на Россію чрезвычайно тягостное впечатлѣніе. Русское предложеніе является, поэтому, продиктованнымъ не столько съ военно-стратегической точки зрѣнія, сколько съ точки зрѣнія политической, а потому тѣмъ менѣе основаній у Германіи покорно преклоняться передъ этимъ русскимъ «impropti», такъ какъ не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что русское предложеніе было инспирировано не соображеніями о всеобщихъ интересахъ, а исключительно эгоистическими русскими тенденціями».

Газета «Нашъ Совесть», говоря о русской нотѣ, повторяетъ общее мѣсто о возможности подъема китайскаго мужества въ случаѣ удаленія международныхъ войскъ изъ Пекина. Она опасается, что такимъ путемъ затормозится умиротвореніе Китая, и тутъ же говоритъ, что русская циркулярная нота полна искренности и человѣчности, вполне совпадаетъ съ желаніями Германіи, но послѣдняя обязана думать о возмездіи за убійство Беттелера и идти за Россіей не можетъ.

«Впрочемъ,—прибавляетъ газета, —мы можемъ лишь желать, чтобы совмѣстнымъ дѣйствіямъ державъ поскорѣ наступилъ конецъ, ибо какъ ни дружественны съ виду отношенія войскъ между собою, для дипломатіи изъ этого необычнаго положенія истекаютъ невѣроятныя трудности».

Англійская же печать рветъ и мечетъ по поводу русской ноты. «Daily News» говоритъ, что Россія, вѣроятно, ставитъ удаленіе своихъ войскъ изъ Манджурии въ зависимость отъ удаленія европейскихъ войскъ изъ Пекина, и если послѣднее не состоится, то русскія войска останутся въ Манджурии. Пребываніе англійскихъ войскъ въ Шанхаѣ и Вей-Хай-веѣ и германскихъ — въ Цзяо-чжоу представляется газетѣ болѣе законнымъ, чѣмъ пребываніе русскихъ войскъ въ Манджурии. Корреспондентъ «Times» изъ Шанхая инсинуируетъ относительно политики Россіи слѣдующимъ образомъ:

«Ли-Хунъ-Чангъ предложилъ Россіи всю Манджурию въ награду за благоприятныя мирныя условія». «Daily Chronicle» замѣчаетъ, что «пове-

деніе Россіи не только разрушаетъ единодушіе державъ, но дѣлаетъ все положеніе союзниковъ мишенью для китайскихъ насмѣшекъ. Триумфальное возвращеніе императрицы внушитъ китайцамъ мысль, что они одержали побѣду надъ ненавистными иностранцами. Чѣмъ Салисбюри охранить тогда британскіе интересы въ Китаѣ? — спрашиваетъ газета, подобно своимъ остальнымъ собратьямъ, сводя все къ интересамъ одной Англій.

Офиціозный «Standart» настаиваетъ на томъ, что русская нота не только вноситъ диссонансъ въ согласныя дѣйствія европейскихъ державъ, но что она не отвѣчаетъ даже цѣлямъ русской политики, намѣченнымъ тою же циркулярной нотой. Эта газета замѣчаетъ далѣе, что, «благодаря русской нотѣ, державы оказываются передъ нѣкоторымъ *fait accompli*, далеко не благопріятствующимъ сохраненію добрыхъ между ними отношеній. Отдавать Пекинъ и вмѣстѣ съ нимъ Китай въ руки прежняго безсильнаго, деспотическаго и корыстнаго правительства—можетъ только тотъ, кто не желаетъ, чтобы Китай въ ближайшемъ будущемъ получилъ возможность мирнаго развитія. Лордъ Салисбюри не преминетъ поставить на видъ какъ Берлину, такъ и Вашингтону всѣ аргументы, говорящіе противъ этой политики отступленія».

Англійю и Германію особенно беспокоитъ согласіе на русское предложеніе президента Соединенныхъ Штатовъ.

Американская газета «Evenig. Post» объясняетъ политику Макъ-Кинлея слѣдующимъ образомъ:

«Въ соглашеніи, состоявшемся между Россіей и Соединенными Штатами относительно удаленія войскъ изъ Пекина, усматривается Англійей уклоненіе отъ политики «открытыхъ дверей» въ Китаѣ и предоставленіе Россіи монопольной торговли въ Манджуріи и сѣверномъ Китаѣ. Въ Америкѣ же, напротивъ, преобладаетъ убѣжденіе, что Россія, — какъ она объ этомъ заявляла еще нѣсколько мѣсяцевъ до возстанія боксеровъ, — будетъ держаться въ Китаѣ именно политики «открытыхъ дверей». Это двѣ совершенно несовмѣстимыхъ вещи. Соглашеніе относительно торговли не зависитъ ни отъ дальнѣйшихъ дѣйствій китайскаго правительства, ни отъ дѣйствій мятежныхъ китайскихъ подданныхъ. Соглашеніе состоялось прежде всего между Россіей и нами (Соединенными Штатами), но оно таково, что другія державы, желающія торговать съ Китаемъ, могутъ это дѣлать на разныхъ условіяхъ, такъ какъ «дверь открыта» для всѣхъ».

«Затѣмъ произошелъ мятежъ боксеровъ, или, — назовите какъ хотите, — то, что имѣло однимъ изъ послѣдствій нападеніе на посольства въ Пекинѣ. Отъ этого нападенія Россія, Соединенные Штаты и Англія пострадали равнымъ образомъ. Они соединились съ цѣлью спасти своихъ посланниковъ. Послѣ того какъ удалось спасти посланниковъ и послѣ бѣгства китайскаго правительства изъ Пекина, Россія говоритъ, что нѣтъ никакого

основанія для того, чтобы ея посланник оставался въ Пекинѣ, разъ тамъ нѣтъ китайскаго правительства, съ которымъ онъ могъ бы войти въ сношенія. Поэтому-то Россія и предлагаетъ удалиться и отложить переговоры до того момента, когда въ Китаѣ будетъ восстановлена верховная власть, съ которой правительства иностранныхъ державъ могли бы начать переговоры. Это простой, здравый образъ дѣйствій. Никто не можетъ найти въ немъ никакой погрѣшности, если только не будетъ разсматривать его сквозь цвѣтные стекла собственной зависти или страха. Мы не принадлежимъ никоимъ образомъ къ категоріи завидующихъ и испуганныхъ».

Нѣкоторыя германскія газеты даютъ теперь отбой въ своихъ напакахъ на Россію и русскую ноту. «Köln. Ztg», выступившая съ горячимъ и рѣзкимъ протестомъ противъ предложенія русскаго правительства отозвать союзныя войска изъ Пекина, — понизила тонъ. Оказывается, что эта газета протестовала, не имѣя еще въ своемъ распоряженіи полнаго текста русскаго правительственнаго сообщенія.

«Теперь, когда опубликованы полные тексты русской и американской ноты, можно приступить къ разсмотрѣнію положенія, созданнаго этими дипломатическими документами. Указаніе русской ноты, что при удаленіи русскихъ войскъ изъ Пекина *должны быть приняты во вниманіе остъ мѣстныя условія*, доказываетъ, что русскіе не намѣрены дѣйствовать поспѣшно и необдуманно. Въ началѣ русской ноты еще разъ съ величайшей рѣшительностью указывается, какъ на главный пунктъ русской программы, что Россія не желаетъ никакихъ территоріальныхъ измѣненій, что она противится раздѣлу Китая и что въ установленіи центральнаго правительства въ Пекинѣ она видитъ свою главную задачу. Въ этомъ стремленіи съ русскимъ правительствомъ согласны всѣ державы, а въ особенности Германія,—и это единеніе въ главныхъ пунктахъ политической программы поддерживаетъ лучшія надежды на будущее. Обнародованіе какъ русской, такъ и американской ноты оказало, великую услугу общественному мнѣнію (Германіи), которое вначалѣ, при извѣстіи о предстоящемъ очищеніи Пекина, нѣсколько испугалось. Всѣмъ стало ясно, что программа державъ нисколько не разстроена уклоненіемъ отъ одного изъ ея пунктовъ. Не только въ Германіи, но и во всѣхъ другихъ государствахъ русской нотѣ было придано то большое значеніе, съ какимъ нельзя не отнестись къ акту столь могущественной державы. Противъ ноты были сдѣланы возраженія, такъ существенно и хорошо обоснованныя, что они не могли не произвести нѣкотораго впечатлѣнія (?) на русскую дипломатію. Много разъ въ иностранной печати указывалось, что образъ дѣйствій Германіи вызываетъ опасенія въ широкихъ кругахъ и что тамъ предполагаютъ, что значительныя вооруженія, предпріятыя и предпринимаемыя нами, имѣютъ въ виду достиженіе иной цѣли, нежели восстановленіе порядка въ Китаѣ. Говорили, что эти вооруженія не со-

отвѣтствуютъ простой и умѣренной цѣли, и потому стали искать за ними болѣе далекихъ замысловъ политики приключеній. Еще разъ слѣдуетъ указать, что такія предположенія недопустимы послѣ официальныхъ заявленій статсъ-секретаря графа Бюлова и еще менѣе послѣ ясныхъ и опредѣленныхъ словъ германскаго императора, который рѣшительно отвергаетъ всякую политику, клонящуюся къ раздѣлу Китая».

Германское правительство, — какъ передаютъ изъ Вашингтона, — обратилось къ державамъ по поводу русской ноты съ новымъ предложеніемъ, рекомендуя принять средній путь: одну половину европейскихъ войскъ оставить въ Пекинѣ, а другую половину сосредоточить въ Тянь-Цзинѣ, впредь до окончанія переговоровъ съ китайскими уполномоченными.

Если, дѣйствительно, послѣдовало такое предложеніе со стороны германскаго правительства, то нельзя не выразить удивленія по поводу его непрактичности. Русская нота имѣетъ цѣлью показать китайскому правительству, что державы не имѣютъ никакихъ воинственныхъ замысловъ, что походъ въ Пекинъ былъ вызванъ исключительно необходимостью спасти посланниковъ. Если же послѣдовать германскому проекту, то изъ этого ничего не выдетъ успокоительнаго и утѣшительнаго для китайцевъ. Для нихъ совершенно безразлично, сколько останется въ Пекинѣ союзныхъ войскъ; для нихъ важно знать: занимаютъ ли иностранцы Пекинъ или очистили его? Нужно надѣяться, что рано или поздно Германія и Англія (Японія уже объявила, что она присоединится къ рѣшенію большинства) — поймутъ, что эвакуація Пекина есть лучшій и единственный путь для окончанія европейско-китайской войны.

Чѣмъ скорѣе ликвидируемъ мы эту несчастную войну, тѣмъ скорѣе успокоятся и Европа, и Китай. Конечно, громадныя жертвы, принесенныя Россією и Европою, особенно нервою, — для защиты своихъ интересовъ и успокоенія Китая, должны быть возмѣщены. Но какимъ образомъ онѣ должны быть возмѣщены. Этотъ вопросъ рѣшать дипломаты. Желательно, чтобы вознагражденіе было денежное, а отнюдь не территоріальное. Пора покончить со всевозможными «сферами интересовъ», произвольно захватываемыми и эксплуатируемыми европейцами. «Сферы интересовъ» постоянно расширяются, аппетиты постепенно разгораются. Можно заниматься торговлею и промышленностью въ Китаѣ, но нельзя же на китайскій народъ смотрѣть исключительно, какъ на предметъ грубѣйшей эксплуатаціи и наживы! Европа до сихъ поръ, подъ видомъ торговли, развращала и разлѣвала Китай. Пора положить этому предѣлъ. Китайцы, хотя и не христіане, но все таки люди, культура которыхъ значительно старше, а, можетъ быть, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, и не хуже европейской.

Европа слишкомъ ослѣплена своимъ могуществомъ и слишкомъ пренебрежительно относится къ китайскому народу. Жива въ Китаѣ, наживая тамъ громадныя состоянія, европейцы не даютъ себѣ даже труда

изучить страну, познакомиться съ духомъ и характеромъ этого народа. Цѣль жизни въ Китаѣ—это голая нажива. Даже посланники, живя долгіе годы въ Китаѣ, равнодушно относятся къ 400-милліонному народу. Они не знаютъ языка страны, въ которой живутъ, не знакомы съ нравами и обычаями народа, съ которымъ ведутъ дѣла. Они даже не знаютъ, что дѣлается въ Пекинѣ. На ихъ глазахъ развилось движеніе противъ европейцевъ; на ихъ глазахъ «большіе кулаки» расклеивали въ Пекинѣ афиши, которыми народъ призывался къ избіенію или изгнанію «заморскихъ чертей» изъ Китая. Дипломаты видѣли эти афиши, но не знали ихъ содержанія, такъ какъ не понимали китайскаго языка. Поэтому не удивительно, что избіеніе европейцевъ было откровеніемъ для посланниковъ. Они не приняли никакихъ мѣръ, не поставили въ извѣстность свои правительства. Наше русское посольство не отстало отъ другихъ... Оно также не знало, что китайцы усиленно вооружаются и строятъ крѣпости на русской границѣ, снабжая ихъ крупновскими пушками. Мало этого: служившій на нашей манджурской дорогѣ докторъ-англичанинъ снабжалъ китайцевъ и манджуръ скорострѣльными ружьями. Онъ выпустилъ въ населеніе десятки тысячъ ружей. И мы ничего этого не знали!..

Русскія газеты поднимаютъ вопросъ: нужны ли намъ территоріальныя приобрѣтенія въ Манджуріи? Нѣкоторыя газеты говорятъ, что довольно намъ и своихъ пустырей. Но въ этихъ словахъ кроется грубая ошибка и незнакомство съ вопросомъ. Пустырей и льдовъ у насъ дѣйствительно много, и мы не знаемъ, что съ ними дѣлать. Но Монголія и Манджурія это не льды и не пустыри. Притомъ же онѣ намъ нужны, какъ съ экономической точки зрѣнія, такъ и со стратегической. Объ этомъ мы говорили въ прошломъ нашемъ обзорѣ, такъ что повторять теперь не будемъ. Скажемъ только кратко: Монголія и Манджурія даютъ нашему забайкальскому и амурскому казаку и крестьянину до 75% сѣна (на арендныхъ условіяхъ). Откажи монголы и манджуры въ арендѣ сѣна нашимъ казакамъ и крестьянамъ,—имъ пришлось бы бросить свои насиженные мѣста и искать новыхъ. Приобрѣтеніе Монголіи и Манджурія, кромѣ того, въ нѣсколько разъ сокращаетъ и выпрямляетъ нашу границу.

Германія и Англія смотрятъ на территоріальныя приобрѣтенія въ Китаѣ только какъ на базу для своихъ коммерческихъ предпріятій и какъ на средство,—посредствомъ пушекъ, поставленныхъ на отнятыхъ земляхъ,—держатъ китайцевъ въ страхѣ. Наши задачи въ Китаѣ совершенно другія. Мы не хотимъ ни эксплуатировать Китай, ни держать его въ страхѣ. Наша цѣль—жить съ нимъ въ мирѣ и согласіи. Мысль о территоріальныхъ завоеваніяхъ и хищничествѣ совершенно чужда русскому правительству.

Въ переживаемый нами тяжелый политическій моментъ, Россія и Франція,—какъ вѣрныя и искреннія союзницы,—идутъ рука объ руку

не только на дипломатическомъ поприщѣ, но и въ бою. Русскія и французскія войска обыкновенно идутъ вмѣстѣ въ бой, вмѣстѣ берутъ китайскія укрѣпленія, и ихъ флаги вмѣстѣ развѣваются на завоеванныхъ твердыняхъ. Событія на Дальнемъ Востокѣ еще разъ показали, насколько проченъ и естественъ союзъ двухъ государствъ. Союзъ Россіи и Франціи—это не фикція, это сила, хотя не агрессивная, т. е. не имѣющая завоевательныхъ цѣлей. Россія и Франція стоятъ на стражѣ не только своихъ интересовъ, но и всей Европы. Онѣ — символъ мира. Франко-русскій союзъ, съ самаго момента своего возникновенія, всегда являлся залогомъ мира и внесъ несомнѣнное успокоеніе въ коллективную жизнь Европы.

Англичане и нѣмцы давно уже подкапываются подъ этотъ союзъ, постоянно инсинуируя по адресу Россіи. Но инсинуаціи,—хотя англичане и нѣмцы на нихъ большіе мастера,—пасуютъ предъ дѣйствительностью, и франко-русскій союзъ по прежнему твердъ и непоколебимъ.

Недавнее пожалованіе г-ну Луба знаковъ ордена Андрея Первозваннаго и собственноручное письмо къ нему государя императора служить лучшимъ доказательствомъ тѣхъ чувствъ, которыя связываютъ два народа между собою, и прочности франко-русскаго союза. Сообщаемъ подробности приѣма президентомъ французской республики князя Урусова, который вручилъ президенту пожалованные ему знаки ордена Андрея Первозваннаго.

При врученіи знаковъ ордена, князь Урусовъ произнесъ слѣдующую рѣчь:

«Г. президентъ! его величество государь императоръ удостоилъ меня драгоцѣнной миссіи—вручить вамъ знаки ордена Андрея Первозваннаго, вмѣстѣ со знаками всѣхъ остальныхъ орденовъ. Его величество желаетъ, чтобы ваше превосходительство видѣли въ этомъ актѣ доказательство того глубокаго уваженія, которое государь императоръ питаетъ къ вамъ, господинъ президентъ. Вручая знаки самаго высокаго отличія Россійской имперіи президенту французскаго государства, мой августѣйшій повелитель желаетъ тѣмъ самымъ засвидѣтельствовать неизмѣнность своихъ чувствъ и по отношенію ко всей дружественной и союзной великой націи.

«Да будетъ мнѣ позволено высказать, насколько я себя чувствую счастливымъ, исполняя порученіе его величества. Миссія, возложенная на меня сегодня, наиболѣе способствуетъ благопріятному выполненію моей постоянной обязанности, заключающейся въ томъ, чтобы поддерживать дружескія отношенія, такъ счастливо установившіяся между Франціей и Россіей».

Президентъ республики отвѣтилъ:

«Г. посоль! Поручая вамъ вручить президенту республики знаки императорскаго ордена Андрея Первозваннаго, его величество русскій

императоръ пожелалъ лишній разъ доказать неизмѣнность своихъ чувствъ къ дружественной и союзной націи. Невозможно истолковать иначе значеніе этого акта, и мы видимъ въ немъ доказательство желанія закрѣпить тѣ узы, которыми связаны оба правительства и оба народа. Вы пожелали упомянуть о чувствахъ его величества ко мнѣ, и я прошу васъ передать мою искреннюю признательность императору за выраженные симпатіи, если только онѣ,—въ чемъ я не сомнѣваюсь,—вызваны тѣмъ содѣйствіемъ, которое я лично оказалъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ единенію двухъ націй. Вы можете увѣрить его величество въ томъ, что мои отношенія къ нему по прежнему сердечны, и что французское правительство постоянно прилагаетъ всѣ усилія къ поддержанію этого союза, столь благотворнаго для обѣихъ странъ.

«Я цѣню вполне, г. посолъ, выборъ васъ въ качествѣ истолкователя воли и желаній его величества государя императора; едва ли кто другой могъ бы встрѣтить здѣсь болѣе сочувственный приемъ. Мы знаемъ, съ какимъ самоотверженіемъ и преданностью вы выполняете высокую миссію, которая на васъ возложена, и которая, — какъ вы сейчасъ упомянули,—заключается въ томъ, чтобы поддерживать дружественныя отношенія, такъ счастливо установившіяся между Россіей и Франціей».

По окончаніи церемоніи, состоялся обѣдъ, къ которому были приглашены русскій посолъ и всѣ чины посольства, сопровождавшіе князя Урусова въ Рамбулье.

Кромѣ того, на обѣдѣ присутствовали многія высокопоставленные лица.

Во время обѣда, въ паркѣ состоялся публичный концертъ. По улицамъ города, разукрашеннымъ русскими и французскими національными цвѣтами, ходили процессіи съ факелами и съ криками: «Vive la Russie!»

Занятыя печальными событіями въ Китаѣ европейскіе народы совершенно забыли о несчастномъ народѣ—о боэрахъ, нагло избиваемыхъ англичанами. Англо-трансваальская война вступила въ періодъ затишья. Битвы маленькія, но зато побѣды, по донесеніямъ Робертса, громадныя. Право, трудно рѣшить, кто кого бьетъ: англичане боэровъ или боэры—англичанъ?! Но медвѣдь до сихъ поръ еще не убитъ, хотя шеура его уже давно запродана англійскими торговцами.

Робертсъ поторопился уже объявить о присоединеніи Трансваала къ владѣніямъ британской короны. Этотъ актъ, конечно, не имѣетъ никакого международнаго значенія: для всѣхъ державъ Трансвааль по прежнему останется независимымъ государствомъ и будетъ оставаться такимъ, пока фактически не утратитъ своей самостоятельности. Въ настоящее же время положеніе вещей таково, что вопросъ о томъ, кто останется побѣдителемъ, все еще не можетъ назваться вполне рѣшеннымъ.

Фельдмаршалъ Робертсъ издалъ прокламацію о присоединеніи Трансваала въ тотъ самый день, когда англійскій отрядъ подъ начальствомъ ген. Буллера двинулся по направленію къ Лейденбургу, этому послѣднему,—какъ думаютъ англичане,—убѣжищу боэровъ. Но боэры продолжаютъ наносить поражения англичанамъ. Они сдѣлали попытку разрушить водопроводъ въ Иоганнесбургѣ, освободили и снабдили оружіемъ плѣнныхъ, заключенныхъ въ тюрьмѣ. Все это произошло въ тылу арміи Робертса, на желѣзнодорожной линіи, охраняемой англійскими солдатами. Движеніе Буллера къ Лейденбургу не увѣнчалось еще успѣхомъ. Но пусть англичане займутъ Лейденбургъ, пусть двинутся еще дальше,—до полной побѣды надъ храбрыми до героизма боэрами имъ все еще далеко.

Прокламація лорда Робертса крайне возмутительна: она нарушаетъ самое элементарное чувство справедливости и противорѣчитъ элементарнымъ законамъ международнаго права. Когда-то Наполеонъ объявлялъ, что такая-то династія перестала царствовать, а такое-то государство перестало существовать. И всѣ преклонялись, потому что Наполеонъ былъ непобѣдимой силой. Прокламація же лорда Робертса является возмутительнымъ актомъ насилія тѣмъ болѣе, что она даже не можетъ быть подерѣплена значительной силой. Уничтожить почеркомъ пера независимость государства—это равносильно отнятію у боэровъ законнаго права воюющей стороны. Отнынѣ они являются, съ точки зрѣнія англичанъ, измѣнниками, съ которыми нечего церемониться. Лондонскій корреспондентъ «*Times*» дѣлаетъ оцѣнку дѣйствительнаго значенія той торжественной телеграммы Робертса, которою онъ извѣщалъ правительство о присоединеніи Трансваала къ англійскимъ владѣніямъ.

«Провозглашеніе это не произвело здѣсь никакого впечатлѣнія; большинство, вѣдь, давно уже считаетъ Трансвааль британскимъ владѣніемъ: одни съ начала войны, другіе со взятія Преторіи, а Салисбюри съ товарищами еще и до начала войны не признавали Трансвааль самостоятельнымъ государствомъ. Въ Африкѣ же все осталось по старому, и оттого, что на англійскихъ бумагахъ боэры стали подданными королевы Викторіи, пули ихъ не стануть щадить англійскихъ солдатъ. Впрочемъ, провозглашеніе это нужно было правительству. Дѣло въ томъ, что приближаются выборы, и правительству нужна для нихъ «платформа». Между тѣмъ, оно видитъ, что боэры, въ угоду ему, вовсе не намѣрены покончить войну къ выборамъ. И вотъ официально провозглашается присоединеніе Трансваала, а тѣмъ самымъ создается правительству платформа, правда, чисто формальная, но достаточная для избирательной агитаціи... Сдѣланнымъ провозглашеніемъ пріобрѣтается, пожалуй, также призрачное право разсматривать сражающихся боэровъ, какъ мятежниковъ, и не соблюдать по отношенію къ нимъ международнаго права, но это право и такъ уже слишкомъ часто нарушалось Англійей въ южной Африкѣ. Зато, провозгла-

шая *только теперь* присоединеніе Трансваала, государственные люди Англійи, не признававшіе ранѣе его самостоятельности, теперь этимъ самымъ признали ее заднимъ числомъ и назвали самихъ себя лжецами».

Нѣкоторая часть даже и англійской прессы относится до нѣкоторой степени скептически къ прокламаціи Робертса.

«Daily Telegr.» сообщаетъ слѣдующія свѣдѣнія о положеніи дѣлъ на театрѣ военныхъ дѣйствій въ южной Африкѣ:

«Исторія войны всегда и вездѣ повторяется. Послѣ взятія Блумфонтена въ Англійи рѣшили, что сопротивленіе боеровъ сломано, а занятіе Преторіи было принято, какъ предвѣстникъ скорого окончанія военныхъ дѣйствій. Битва при Махадорпѣ дала еще больше основаній къ подобнаго рода предположеніямъ, а, между тѣмъ, извѣстія, полученныя съ театра военныхъ дѣйствій, показываютъ, что *боеры имѣютъ еще много силъ и желаній къ борьбѣ*. Генераль Буллеръ обнаружилъ, что дорога къ Лейденбургу совсѣмъ не такъ безопасна и открыта, какъ это казалось еще такъ недавно. Боеры, воодушевляемые Ботой, заняли очень сильно укрѣпленную позицію и, повидимому, хорошо снабжены оружіемъ и провизіей. Сбить ихъ съ этой позиціи настолько трудно, что лордъ Робертсъ послалъ въ подкрѣпленіе Буллеру еще отрядъ солдатъ. Кромѣ того, по всей остальной мѣстности поднялась партизанская война, и въ 10 миляхъ отъ Иоганнесбурга недавно произошла битва. Боеры, правда, были отбѣснены, но потери съ англійской стороны были также велики, какъ и потери непріятеля. Разстоянія, которыя приходится дѣлать войскамъ, такъ огромны, что окончить войну при настоящихъ условіяхъ возможно только въ томъ случаѣ, если у боеровъ будетъ отнято все оружіе и всѣ продовольственные запасы».

Нельзя не согласиться съ мнѣніемъ одной петербургской газеты, которая, обсуждая прокламацію лорда Робертса, высказывается по этому поводу слѣдующимъ образомъ:

«Англичане послѣдовали примѣру Наполеона I во время его борьбы съ Испаніей. Великій императоръ посадилъ на испанскій престолъ своего брата Жозефа и объявилъ, что всѣ сражающіеся испанцы—бунтовщики, стоящіе внѣ закона. Результатъ такого рѣшенія Наполеона I оказался несоизданнмъ. Партизанская война не только не уменьшилась, но, напротивъ, приняла болѣе жестокой характеръ. *Испанцы, потерявъ права законно сражающейся стороны, точно потеряли всѣ качества и свойства цивилизованнаго народа. Каждый испанскій крестьянинъ обратился въ дикаго зверя, и пойманный французъ безошибочно убивался*».—По всей вѣроятности, такая же судьба ожидаетъ и англійскихъ военнопленныхъ, если англійскій мясникъ осмѣлится примѣнять къ гражданамъ, защищающимъ свою родину, правила, карающія мародеровъ и перебѣжчиковъ.

Ныѣшняя война въ южной Африкѣ тѣмъ и ужасна для англичанъ, что для побѣды имъ нужно или перебить, или отправить всѣхъ боэровъ, способныхъ носить оружіе, на какіе нибудь дальніе острова. Это было еще до прокламаціи лорда Робертса. А послѣ прокламаціи — отчаянная рѣшимость боэровъ не сдаваться еще болѣе возрастетъ... Наполеонъ не могъ побѣдить испанцевъ, потому что можно побѣдить армію, но нельзя побѣдить народа, да еще такого, который свою свободу и независимость ставить выше жизни. Это во-первыхъ. А, во-вторыхъ, англичанамъ не лишнее вспомнить, что на помощь испанцамъ противъ Наполеона пришелъ лордъ Веллингтонъ. Великобританія рассчитываетъ, что Европа не вмѣшается. У лондонскаго кабинета есть извѣстные для этого основанія, особливо съ тѣхъ поръ, какъ Вильгельмъ II отрекся отъ тѣхъ взглядовъ, которые онъ, — можетъ быть, и неосторожно, — выразилъ въ 1896 году въ телеграммѣ къ Крюгеру. Отреченіе это принесло Германіи Самоасскіе острова и, можетъ быть, принесетъ еще немало... Но вѣдь Европа состоитъ не изъ одной Германіи, нуждающейся въ новыхъ территорияхъ. Есть государства, которыя не только на словахъ, но и на дѣлѣ доказываютъ свое уваженіе къ правамъ человѣка и народа. И, быть можетъ, то время не за горами, когда изъ этихъ государствъ раздастся могучій голосъ, который крикнетъ англичанамъ: «Hands off»!

По поводу прокламаціи лорда Робертса, сотрудникъ «Journal des Débats» Раймондъ Кехлинъ говоритъ, что въ данное время самое присоединеніе Трансваала нужно считать явленіемъ второстепенной важности.

«Разумѣется, — говоритъ онъ, — оно имѣетъ значеніе для биржи, ибо подыметъ упавшую валюту нѣкоторыхъ акцій; кромѣ того, благодаря ему, англійскія газеты будутъ имѣть возможность говорить о близкомъ окончаніи войны. Но, въ сущности, военное положеніе на югѣ Африки ничуть не измѣнилось, а оно-то и является самымъ важнымъ вопросомъ.

«Лордъ Робертсъ побилъ боэровъ при Маходолорпѣ, на пути изъ Преторіи въ Лоренцо-Маркезъ, и послѣ двухдневнаго боя проникъ въ убѣжище главныхъ республиканскихъ силъ — это безспорный успѣхъ. Но зато сэръ Редверсъ Буллеръ, командующій авангардомъ генералиссимуса, принужденъ былъ остановиться на пути въ Лейденбургъ, не осмѣливаясь атаковать сильную линію боэрскихъ ретраншементовъ. Окрестности Преторіи и Юганнесбурга по прежнему находятся въ рукахъ боэровъ, не побоявшихся численности противника и освободившихъ близъ Преторіи плѣнныхъ, которые, разумѣется, сразу стали подъ ружье и твердо рѣшились отомстить или умереть. На западѣ и на сѣверѣ враждебныя дѣйствія продолжаютъ съ перемѣннымъ успѣхомъ, такъ что, по правдѣ говоря, присоединеніе Трансваала къ британскимъ владѣніямъ совершилось только на бумагѣ.

«Что касается присоединения Оранжевой республики,—торжественное объявление которого, имевшее место несколько летъ тому назадъ, дало британской печати поводъ воспѣть несокрушимость англійскаго оружія,—то и это присоединение слѣдуетъ считать *фиктивнымъ*. Лондонскія газеты говорили, что оно могло быть вызвано только полною увѣренностью лорда Робертса въ томъ, что военныя операціи въ Оранжевой республикѣ прекратились. Мы, со своей стороны, можемъ констатировать, что тамъ военныя дѣйствія ведутся съ удвоенною энергіею и паченіе Оливье не мѣшаетъ Деларею и неуловимому Девету продолжать начатое дѣло. На дняхъ еще телеграфъ сообщилъ, что Ледибрандъ, лежащій совсѣмъ на югѣ, на границѣ Базутоленда, и считавшійся внѣ всякой опасности, осажденъ боэрами и, въ ожиданіи помощи, находится въ критическомъ положеніи.

«Положеніе боэровъ въ настоящее время—посредственное, не смотря на геройскія усилія, употребляемыя ими для улучшенія его. Но война «гверильясовъ»—вполнѣ въ ихъ средствахъ и они съумѣютъ продолжить ее еще на неопредѣленное время. Во всякомъ случаѣ, можно съ увѣренностью сказать, что пресловутое объявленіе о присоединеніи не можетъ имѣть никакого вліянія на рѣшимость боэровъ продолжать войну до послѣдней возможности.

«Андрѣ Шевильонъ (Chevillon) въ «Revue de Paris» вполнѣ основательно замѣчаетъ, что англичане считаются только съ фактами — въ такомъ случаѣ, конечно, они должны считаться съ фактомъ *существованія войны*, а не съ фикціею «присоединенія обѣихъ южно-африканскихъ республикъ», и не смѣютъ требовать отъ Европы признанія законности ихъ завоеванія, не представивъ доказательствъ его дѣйствительности».

Намъ кажется, что удобный моментъ для ограниченія хищническихъ аппетитовъ «коварнаго Альбіона» въ южной Африкѣ еще не прошелъ и картина можетъ сильно переѣниться. Депутація боэровъ разъѣзжаетъ по всей Европѣ, взывая къ сочувствію всѣхъ цивилизованныхъ народовъ, и недавно была принята при русскомъ дворѣ. Въдъ Трансвааль—не Китай, гдѣ Англія можетъ производить территоріальныя приобрѣтенія во имя «цивилизаци и культуры». Если и въ Китаѣ ея цивилизаторская роль ограничивается покуда ввозомъ опиума, то въ Трансваалѣ она является прямою угнетательницею гражданской и политической свободы, и глумится надъ самыми элементарными завѣтами челоуѣколюбія и международнаго права.

НОВЫЯ КНИГИ.

А. И. Дукмасовъ. Вопросы права и закона. Спб. 1900 г.

Предъ нами чрезвычайно любопытная и толковая работа. Книга г. Дукмасова состоитъ изъ нѣсколькихъ статей по юридическимъ вопросамъ, помѣщеннымъ въ разное время въ періодическихъ изданіяхъ. Нѣсколько статей,—каковы: «Судъ и жизнь», «Работа, какъ наказаніе», «Начала общественности и бюрократизма въ судебной дѣятельности», «Бюрократизмъ въ судѣ» и «Законъ и кассационное рѣшеніе»,—были помѣщены въ нашемъ журналѣ.

А. И. Дукмасовъ близко знакомъ съ судебною жизнью, поэтому его наблюденія и соображенія въ этой сферѣ заслуживаютъ полного вниманія, и всѣ интересующіеся юридическими вопросами должны отнестись къ нимъ съ особеннымъ интересомъ.

Книга г. Дукмасова обнаруживаетъ въ авторѣ глубокаго знатока судебного міра, дышетъ искренностью и полна любвіа къ предмету. Онъ особенно вооружается противъ *бюрократизма въ судѣ*, раздѣдающаго нашу общественную жизнь. Онъ протестуетъ противъ формальнаго, канцелярскаго отношенія официальнаго міра къ живымъ и насущнымъ потребностямъ народа и общества. Въ официальномъ мирѣ чиновничества, зараженнаго канцелярскою рутинкою, кроются всѣ злоупотребленія и насилія надъ народнымъ бытомъ. Весь строй нашей жизни пропитанъ духомъ канцелярщины... Каждое движеніе, каждый шагъ русскаго человѣка скованъ формальностью. Эта же канцелярщина проникла уже въ реформированный судъ, гдѣ свила себѣ довольно прочное и уютное гнѣздо. Особенно силенъ духъ бюрократизма въ нашей прокуратурѣ. Дѣятельность эта, т. е. прокуратура, вмѣющая своимъ предметомъ самыя дорогія блага человѣка: — его честь, свободу, имущество и даже самую жизнь, — требуетъ особыхъ способностей и корректности и, по природѣ своей, не допускаетъ «личнаго усмотрѣнія», вносящаго произволъ въ правосудіе. Судебная дѣятельность должна быть поставлена такъ, чтобы во всѣхъ ея положеніяхъ дѣло дѣвалось, такъ сказать, само собою, т. е. каждый замѣшанный въ немъ интересъ имѣлъ свой живой голосъ—своего особаго представителя. У насъ нѣтъ мѣста защитнику на предварительномъ слѣдствіи. А это ведетъ нерѣдко къ нежелательнымъ резуль-

татамъ. Авторъ иллюстрируетъ эту свою мысль фактами изъ процесса Ольги Палемъ.

Какъ извѣстно, во время перваго разбирательства этого процесса, присяжные засѣдатели, не смотря на безспорность того, что подсудимая выстрѣлила изъ револьвера въ студента Довнара и убила его наповаль— отвѣтили: «Нѣтъ, невиновна». Въ обществѣ и печати раздались возгласы противъ суда присяжныхъ. Ихъ обвиняли въ потворствѣ завѣдомому убійцѣ. Нѣкоторая же часть нашей печати начала метать громы и противъ ненавистнаго ей «суда улицы». При болѣе близкомъ знакомствѣ съ этимъ вопросомъ, оказалось, что виноваты не судъ присяжныхъ и не присяжные, а виноватъ тотъ бюрократизмъ, который нашелъ себѣ приютъ въ нашемъ судебномъ мирѣ... Во время производства предварительнаго слѣдствія по дѣлу Палемъ, прокуратура, находя, что освидѣтельствованіе подсудимой, для опредѣленія ея психическаго состоянія, излишне, настояла на томъ, чтобы такое освидѣтельствованіе и не производилось. Упущено было изъ виду, что ни прокуратура, ни слѣдователь этого вопроса не рѣшаютъ, а собираютъ только матеріалъ для рѣшенія его судомъ.

Получилось такимъ образомъ въ дѣлѣ темное пятно, которымъ и воспользовалась защита, поставивъ вопросъ о психической ненормальности Палемъ. Когда же было произведено изслѣдованіе психическаго состоянія обвиняемой, то присяжные засѣдатели вынесли ей обвинительный приговоръ.

Будь у Палемъ защитникъ на предварительномъ слѣдствіи, изслѣдованіе психическаго состоянія было бы произведено тогда же, — и дѣло сразу рѣшилось бы правильно.

Повторяемъ, книга г. Дукмасова, написанная толково и дѣльно, прочитается всею образованною публикой, интересующейся юридическими вопросами, съ пользой и интересомъ.

П. А. Бадмаевъ. Россія и Китай. Спб. 1900 г.

Европейско-китайская война застала русское общество совершенно врасплохъ. Страна, съ которой наше отечество граничитъ на протяженіи болѣе чѣмъ 8000 верстъ и съ которой мы ведемъ торговля и политическія сношенія въ теченіе многихъ столѣтій, доселѣ оставалась невѣдомой и мало изслѣдованной. Правда, есть у насъ и книги о Китаѣ, есть описанія этой страны, сдѣланныя нашими путешественниками,—но и книгъ этихъ, и описаній слишкомъ мало, да притомъ же они или напечатаны въ мало доступныхъ для публики изданіяхъ, или въ такихъ фоліантахъ, прочесть которые не подъ силу обыкновенному читателю.

Лишь только теперь, когда нашимъ войскамъ пришлось грудью защищать свою страну противъ китайцевъ, завоевывать Таку, Тянь-Цзинъ и Пекинъ, творить чудеса храбрости въ Манджуріи,—только теперь по-

явилось нѣсколько брошюръ, съ одной стороны знакомящихъ русское общество съ этой невѣдомой страной и ея жителями, а съ другой—предтендующихъ на то или другое разрѣшеніе русско-китайскаго вопроса.

Въ числѣ этихъ брошюръ, по обыкновенію написанныхъ повержно, по нѣмецкимъ или англійскимъ источникамъ, нельзя не отмѣтить брошюры г. Бадмаева—«Россія и Китай». Авторъ ея—человѣкъ, близко знакомый съ Небесной имперіей и имѣющій, по своему происхожденію (онъ самъ монголъ или буряты), постоянныя торговыя и экономическія связи съ этой страной.

По его совершенно справедливому мнѣнію, не одно только снабженіе нашихъ восточныхъ окраинъ вооруженными силами является нашею насущною потребностью. Мы должны теперь же начать энергичное примѣненіе торговой политики, взять въ свои руки какъ можно болѣе рынковъ внутри Средняго государства и на всемъ монголо-тибето-китайскомъ востокѣ. Россія должна вызвать частную предпримчивость и привлечь туда на поприще торговли и промышленности истинно-русскихъ людей и огромные капиталы, оказывая имъ особенное покровительство. Все это послужитъ, въ ближайшихъ къ намъ странахъ Дальняго Востока, источникомъ благосостоянія туземцевъ и свѣточемъ среди нихъ русской культуры, которая лишь одна породитъ тѣсную связь между Россіей и народами Востока.

Россія на Востокѣ должна преслѣдовать только свои русскіе интересы. «Въ этихъ видахъ—справедливо говоритъ г. Бадмаевъ—слѣдуетъ назначать представителями нашей дипломатіи на Востокѣ лицъ, знакомыхъ съ языкомъ, бытомъ, нравами и положеніемъ монголо-тибето-китайскаго Востока и хорошо знающихъ историческія задачи Россіи, — и они будутъ дѣйствовать самостоятельно. Только такимъ путемъ мы будемъ имѣть возможность образовать совершенно русскій самостоятельный дипломатическій корпусъ, ибо Россіи нѣтъ нужды и основанія входить въ сдѣлки съ соперниками на Востокѣ и ставить себя часто въ затруднительное положеніе по существеннымъ своимъ интересамъ. Тогда только мы добьемся настоящей роли при разрѣшеніи различныхъ вопросовъ государственной важности, возникающихъ и могущихъ возникнуть на монголо-тибето-китайскомъ Востокѣ».

Нельзя не согласиться съ мнѣніемъ г. Бадмаева, что на Дальнемъ Востокѣ должны быть дипломатами истинно-русскіе люди. Недаромъ англичане говорятъ, что нужно всегда опасаться и осторожно вести дѣла съ тѣми русскими дипломатами, которые хорошо сознаютъ свои народныя интересы.

Отчетъ Тифлисскаго общества трезвости. Съ 1 іюля 1897 г. по 1 октября 1899 г. Тифлисъ 1900 г.

Тифлиское «общество трезвости» учреждено по инициативѣ нѣсколь-

кихъ лицъ изъ числа желѣзнодорожныхъ врачей и мастеровыхъ въ главныхъ мастерскихъ Закавказской желѣзной дороги.

Цѣль общества—борьба съ пьянствомъ,—притомъ борьба разумная и сознательная. Здѣсь главное вниманіе обращено не на то, чтобы запретить пить водку, удаливъ отъ рабочаго человѣка кабакъ или затруднивъ доступъ къ нему, а на то, чтобы поставить рабочаго въ такія условія, чтобы онъ и самъ не пошелъ въ кабакъ. Средствомъ для борьбы съ кабакомъ «общество» избрало не какія либо запретительныя мѣры, а чисто воспитательныя. Кабакъ оно замѣнило чайной, читальней, библіотекой и всевозможными играми.

Чайная бываетъ открыта въ такое время, когда въ мастерскихъ не производится работы, а именно: утромъ отъ 8 до 9 час.; во время обѣденнаго перерыва въ работахъ—отъ 12 до 2 час. и вечеромъ—отъ 5^{1/2} до 11 час. Такса буфета вполнѣ доступна для кармана рабочаго. Стаквѣ чаю стоятъ ¹/₂ коп., сахаръ, 2 куска (¹/₂₄ ф.), 1 коп.; бутылка квасу—4 коп., а кружка—1 коп. При чайной помѣщается читальня, въ которой имѣется нѣсколько газетъ и журналовъ.

Тутъ же имѣются шахматы, шашки, лото и др. игры.

Но этимъ дѣятельность «общества» не ограничивается. Оно устраиваетъ народныя чтенія и лекціи по гигиенѣ. Изъ своего состава оно организовало народный хоръ и оркестръ; нѣсколько разъ устраивало спектакли, концерты и танцевальныя вечера. При «обществѣ» имѣется и библіотека.

Счастливы рабочій и мастеровой Закавказской желѣзной дороги! Ему не приходится свободное время проводить въ своей душевной комнатѣ или въ кабакѣ, грязномъ и отвратительномъ. Для него есть мѣсто, гдѣ онъ съ удобствомъ и пользою можетъ проводить свободное время.

«Общества трезвости» тогда только могутъ имѣть успѣхъ въ борьбѣ съ пьянствомъ, когда ихъ дѣятельность будетъ выражаться въ устройствѣ чайныхъ, въ организациі народныхъ библіотекъ и читаленъ, концертовъ и спектаклей. Русскія общества трезвости, — а ихъ немало въ русскихъ деревняхъ, — не имѣютъ доселѣ успѣха именно потому, что, враждуя съ кабакомъ и трактиромъ, *ничего не даютъ взаменъ*. Вся ихъ дѣятельность носитъ чисто пассивный характеръ.

Члены «общества» обыкновенно даютъ зарокъ не пить, а организаторы этихъ обществъ довольствуются подобнымъ зарокомъ и изрѣдка наблюдаютъ, не нарушилъ ли кто своего обѣта. Дальше они не идутъ. Понятно, что подобное общество трезвости скоро перестанетъ существовать, а члены его по прежнему начинаютъ пьянствовать...

Тифлисское общество трезвости стоитъ на твердой и разумной почвѣ, и нужно надѣяться, что дѣятельность его будетъ годъ отъ году все болѣе и болѣе расширяться и процвѣтать, въ чемъ ему нельзя не поже-

лать полного успѣха, въ примѣръ другимъ обществамъ, задававшимся тою же полезною цѣлью — отвращать народъ отъ самоотравленія алкоголемъ.

В. А. Долгоруковъ. Путеводитель по всей Сибири и средне-азиатскимъ владѣніямъ Россіи. Годъ пятый. Томскъ, 1900—1901 г.

Интересъ къ Сибири не только среди русскихъ, но и среди иностранцевъ годъ отъ году все увеличивается. Съ проведеніемъ Великой сибирской желѣзной дороги, отдаленная Даурія начинаетъ привлекать къ себѣ взоры всего міра. Комисіонеры, комерсанты, промышленники и всевозможные «дѣльцы» толпами идутъ въ эту еще недавно страшную и мало-знакомую страну. Поэтому не удивительно, что названный «Путеводитель» г. Долгорукова выдержалъ уже 4 изданія, а теперь вышелъ пятимъ изданіемъ и притомъ, сравнительно съ прежними, значительно дополненнымъ. Нужда въ «Путеводителѣ», притомъ дѣльнымъ и толковымъ, чувствуется сейчасъ жо по переѣздѣ Урала. Путешественникъ вступаетъ въ страну совершенно незнакомую, съ особыми правами и обычаями, съ особою культурою и промышленностью. Въ этой отдаленной странѣ все непохоже на то, что онъ оставилъ на своей родинѣ.

Г. Долгоруковъ, въ своемъ «Путеводителѣ», приходитъ на помощь каждому, въ первый разъ попавшему въ Сибирь.

Онъ даетъ не только маршруты, — водяные, желѣзнодорожные и трактовые, — но, по мѣрѣ возможности, знакомитъ путешественника и съ климатомъ страны, и съ правами и обычаями жителей. Онъ довольно подробно описываетъ сибирскіе города, указывая ихъ достоинства и недостатки; немало страницъ посвящено имъ описанію культуры страны, земледѣлію и промышленности. Мало того: онъ указываетъ на предметы вывоза изъ Сибири и ввоза туда. Путешественникъ въ названномъ «Путеводителѣ» найдетъ для себя много матеріала, притомъ полезнаго и занимательнаго.

Написать «Путеводитель» — дѣло не трудное, но написать хорошій «Путеводитель», который удовлетворялъ бы всѣмъ потребностямъ путешественниковъ — дѣло довольно трудное. Г. Долгоруковъ, по нашему мнѣнію, справился со своею задачею довольно успѣшно. Съ его «Путеводителемъ» легко путешествовать по Сибири, — по этой почти невѣдомой намъ, русскимъ, странѣ.

А. А. Сидоровъ. Русскіе и русская жизнь въ Варшавѣ (1815—1895 г.) вып. III. Историческій очеркъ. Варшава, 1899 г.

О второмъ выпускѣ названнаго выше труда мы уже имѣли возможность говорить (см. «Наблюдатель» 1899 г. № 10). Лежащій предъ нами третій выпускъ охватываетъ періодъ съ 1861 г. до самаго почти послѣдняго времени.

Начиная съ 1861 г., Польша и поляки представляютъ любопытѣйшій матеріалъ для исторіи русско-польскихъ отношеній.

«Съ февраля 1861 г., именно со дня демонстративныхъ похоронъ 5 лицъ, убитыхъ на Краковскомъ предмѣстьѣ выстрѣлами отряда генерала Заболодкаго, Варшава принимаетъ тотъ видъ, который постепенно привелъ ее къ возстанію. Съ этого времени варшавяне и варшавянки ходили въ траурѣ: мужчины — въ чамаркахъ и кунтушахъ или блузахъ чернаго цвѣта, въ конфедераткахъ; брюки носили черныя съ бѣлыми полосками; женщины облеклись въ траурныя платья и носили бѣлыя бусы, брошки и серьги, а на шеѣ и на рукахъ цѣпочки, какъ эмблемы кандаловъ. Модные магазины выставляли въ окнахъ исключительно траурныя платья, шляпки и матеріи».

Такими словами начинается свой третій выпускъ г. Сидоровъ. Но читатель жестоко ошибется, если подумаетъ, что онъ найдетъ въ этой книгѣ исторію хода и развитія будущаго повстанія. Ничего подобнаго нѣтъ въ ней.

Авторъ почти исключительно посвящаетъ ее варшавскимъ генералъ-губернаторамъ и другимъ русскимъ дѣятелямъ въ Варшавѣ, такъ что при чтеніи этой книги является недоумѣніе: какую цѣль преслѣдуетъ авторъ, выпуская въ свѣтъ означенную работу. Имѣетъ ли онъ желаніе познакомить читателя съ дѣятельностью названныхъ лицъ въ польскомъ краѣ, или только познакомить съ ихъ портретами? Недоумѣваешь, — что служить приложеніемъ: текстъ ли къ портретамъ, или портреты — къ тексту? Мы не беремся рѣшить этого вопроса. Въ книгѣ имѣется 59 стр. большаго формата, и изъ нихъ 31 стр. заполнена портретами и рисунками. Авторъ жестоко ошибается, полагая, что портреты и рисунки могутъ замѣнить текстъ. Насколько кратко авторъ очерчиваетъ дѣятельность нѣкоторыхъ лицъ, мы позволимъ себѣ привести два примѣра. Редактору «Варшавскаго Дневника» проф. Булаковскому—посвящено 5 строчекъ. Между тѣмъ, портретъ г. Щебальскаго въ названной книгѣ занимаетъ цѣлую страницу.

Наконецъ, можно остановиться и на выборѣ портретовъ. Почему авторъ помѣстилъ портреты редакторовъ «Варшавскаго Дневника»: П. К. Щебальскаго и В. В. Крестовскаго, и не помѣстилъ портрета редактора той же газеты П. А. Булаковскаго? Кто изъ этихъ трехъ редакторовъ сдѣлалъ больше для русскаго и вообще славянскаго дѣла въ Польшѣ?

Жаль, что г. Сидоровъ начинаетъ сводить свою работу къ простому перечню именъ русскихъ дѣятелей въ Варшавѣ. Смѣемъ увѣрить его, что для читателя полезнѣе и пріятнѣе видѣть болѣе подробную характеристику того или другаго дѣятеля, чѣмъ портретъ его, хотя бы и въ цѣлую страницу.

ОТГОЛОСКИ.

(Корреспонденція «Наблюдателя»).

I.

Милостивый Государь

Г-нь Редакторъ!

Вполнѣ раздѣляя Ваши воззрѣнія по еврейскому, — ужасному для всѣхъ насъ, русскихъ! — вопросу, посылаю Вамъ вырѣзку изъ № 215 «Варшавскаго Дневника» — 8 августа с. г., гдѣ заключается описаніе, сдѣланное «Польскою Нивою», кризиса въ Лодзи и участія въ немъ жидовъ. Не найдете ли Вы возможнымъ помѣстить это сообщеніе въ уважаемомъ Вашемъ журналѣ?

Передъ отправкою этого письма, прочелъ въ газетѣ «Вѣстѣ» о требованіи жидами отъ русскихъ знанія ихъ жаргона!.. Препровождаю поэтому еще и вторую вырѣзку изъ «Варшавскаго Дневника», отъ 13 августа, № 220.

Вашъ читатель и искренній почитатель

А. Б.

Варшава, 20 августа 1900 г.

Вотъ эти любопытныя вырѣзки, которыя могли бы остаться неизвѣстными русскому читателю, хотя и заслуживаютъ его полнаго вниманія.

Ред.

Изъ мѣстной печати.

1) „Польская Нива“ такъ описываетъ теперешнее положеніе Лодзи, переживающей, какъ извѣстно, тяжелый кризисъ.

Банкротства и пожары фабрикъ сдѣлались зауряднымъ явленіемъ. Населеніе города живетъ въ постоянномъ страхѣ передъ поджогами, совершаемыми преступными руками аферистовъ, стремящихся къ обогащенію при помощи страховыхъ премій. Не проходитъ ни одного пожара безъ того, чтобы не было слуховъ о поджогѣ. Общественное мнѣніе возмущено и

встревожено этою разнузданностью преступных желаній, которыя ищутъ барышей въ людскомъ несчастіи. Въ этой оргіи преступленій, освѣщаемой заревомъ пожаровъ, палма первенства принадлежитъ евреямъ, увлекающимъ за собой нѣмцевъ и польскихъ промышленниковъ. Дошло до того, что какъ въ Варшавѣ предсказываютъ погоду, такъ въ Лодзи—пожары. И втихомолку, и открыто говорятъ и даже указываютъ прямо тѣхъ, кто «долженъ сгорѣть». Никто этимъ и не возмущается, и только когда пожаръ уничтожитъ фабрику, то сообщаютъ по секрету другъ другу: «вѣдь этого давно ждали». Слухи эти и предсказанія до властей, разумѣется, не доходятъ, такъ какъ служатъ предметомъ разговоровъ лишь въ интимныхъ кружкахъ заинтересованныхъ лицъ; на однихъ же предположеніяхъ основывать обвиненія въ уголовныхъ преступленіяхъ нельзя. Если обратить при этомъ вниманіе на небывалыя кредитныя затрудненія, взаимное недовѣріе и отсутствіе вѣры въ самыя солидныя предпріятія, то и тогда мы получимъ лишь весьма слабое представленіе о томъ плачевномъ положеніи, въ какомъ находится теперь «польскій Манчестеръ».

Насколько намъ приходилось слышать отъ лицъ, близко знакомыхъ съ дѣлами и исторіей Лодзи, картина, изображенная «Польскою Нивою», не страдаетъ преувеличеніями. Сами лодзинскіе промышленники сознаются, что вторженіе евреевъ въ лодзинскую промышленность сопряжено было съ крайнею деморализаціею лодзинской жизни, и что теперешнимъ крахомъ Лодзи почти исключительно обязана евреямъ. («*Варшавск. Дневникъ*», № 215).

2) Любопытную исторію описываетъ «*Вѣкъ*». Дѣло происходило въ воскресенье, на станціи «Свидеръ», окрестности которой заняты дачниками изъ «еврейской интеллигенціи». Передъ отходомъ поѣзда, одинъ изъ «интеллигентовъ», проходя около г-жи Л., грубо толкнулъ ее. Когда же г-жа Л. обратила вниманіе «интеллигента» на неприличіе его поступка, то тотъ осыпалъ ее бранью и, грозя кулакомъ, заявилъ: «*Я еврей, понимаете? и со мной нужно говорить по еврейски! Мы тутъ господа!*» Яраго сіониста, требующаго отъ христіанъ знанія еврейскаго языка, подержали его единовѣрцы, и неизвѣстно, чѣмъ бы кончилась эта исторія, еслибъ на выручку г-жи Л. не послѣшилъ станціонный жандармъ, избавившій ее отъ разговора съ «господами». («*Варшавск. Дневникъ*», №№ 215 и 220).

II.

М. Г.

Евреи любятъ утверждать, что они могутъ требовать равноправности въ Россіи на томъ основаніи, что они-де исполняютъ всѣ свои гражданскія обязанности. Не говоря о другихъ обязанностяхъ, сопшемся на официальныя цифры объ исполненіи жидами воинской повинности.

Въ «Правительственномъ Вѣстникѣ» опубликованъ краткій отчетъ о результатахъ призыва къ исполненію воинской повинности въ 1899 г. Изъ этого отчета видно, что въ 1899 году по всей російской имперіи было назначено къ приему на военную службу 291,100 чел., дѣйствительно принято 289,462 чел.; такимъ образомъ всего недоборъ составляетъ 1,638 человекъ, *въ томъ числѣ евреевъ 1,151 чел.*, (всѣхъ евреевъ принято на службу 16,825 чел.).

Недурное исполненіе одной изъ самыхъ существенныхъ гражданскихъ обязанностей—нечего сказать! Почти всѣ «недобранные» рекруты оказываются талмудистами и солдатскую ляжку за нихъ должны тянуть русскіе «гои».

С. О.

Воронежъ, 1 сентября 1900 г.

III.

Г. Редакторъ.

Посылаю вамъ афишу, ясно свидѣтельствующую о нахальной проповѣди жидовства. Какъ видите, «кагалъ» хочетъ повліять на умъ и чувства еврейской молодежи, рисуя мрачными красками тяжкія послѣдствія перехода въ христіанство!!

Обыкновенно евреи просятъ поставить эту драму нѣсколько разъ и охотно ведутъ на нее свою молодежь.

Въ Ташкентѣ она шла *больше десяти разъ* и посѣщали ее почти исключительно евреи, которыхъ тамъ набилось значительное количество, и они стали даже издавать *свою* газету.

Существованіе такихъ драмъ ясно указываетъ и на благодушную терпимость русскихъ, и на крайнее самонѣніе жидовъ.

Что можетъ быть нахальнѣе этого печатнаго заголовка въ афишѣ: «Судъ Божій за измѣну вѣры» (еврейской)?!

«Угнетенный» народъ, съ подмостковъ театра, фанатически проповѣдуетъ, что *перешедшіе въ христіанство наказываются самимъ Богомъ*, а такъ какъ подобныя вещи допускаются на сцену и въ печать, то жида вправъ говорить, что мы, русскіе, признаемъ совершенство талмудизма.

Подобный фанатизмъ не терпимъ, но заговорить о немъ въ нашей печати почти невозможно: жидовскія газеты всегда скажутъ, что такое мнѣніе—отсталое», «консервативное», а «неотсталое» жидовство отпугиваетъ, тѣмъ временемъ, свою молодежь «Божьимъ судомъ» отъ общенія съ христіанами...

Надѣюсь, что вы не откажетесь сообщить этотъ фактъ.

У меня под свѣжимъ впечатлѣніемъ было кое-что написано, но я, — какъ уже говорилъ выше, — не зналъ, куда и обратиться съ такой статьей.

P.S. Прошу не называть моей фамилии и даже города. Пишу ихъ только для васъ.

При этомъ письмѣ мы получили и самую афишу пьесы: «Жидовка-выхрестка», пропущенную въ г. Челябинскѣ уѣзднымъ исправникомъ 14 августа 1897 г. Заголовокъ 5-го дѣйствія въ этой интересной афишѣ, дѣйствительно, гласитъ: «Судъ Божій за измѣну вѣры», а въ центрѣ афиши, въ видѣ рекламы для симпатичной жидамъ пьесы, красуются слѣдующія строки, которыя мы и воспроизводимъ буквально:

«Пьеса «Жидовка-выхрестка» взята изъ народнаго факта (*sic*), совершившагося въ городѣ Стеблукѣ, вблизи Корсуня, каневского уѣзда кievской губерніи, и рельефно обрисовываетъ современное состояніе въ селахъ многолюдной Руси еврейскаго населенія, представителемъ котораго выведень на сцену *весьма часто встрѣчающийся въ наше время, вопреки общему предразсудку (??), типъ еврея-арендатора, безукоризненно-честнаго, съ облагороженными чувствами труженика и вполне симпатичнаго чловѣка, снискавшаго себѣ безусловное довѣріе и любовь односельчанъ, чуждыхъ ему по религии* (курсивъ нашъ). Несмотря на постигшее его горе (переходъ дочери въ православіе), онъ совершенно отказывается отъ всякаго мщенія ¹⁾ и все отдаетъ на волю Божію. Но первное потрясеніе старика дѣлаетъ свое дѣло; благодаря прямой и ветрунутой разными перипетіями натурѣ (?), онъ психически заболѣваетъ. Другой типъ—дочь этого старика, вышедшая по страстной любви замужъ, приняла православіе (дальше мы очень плохо понимаемъ афишера, но продолжаемъ цитировать дословно, съ сохраненіемъ пунктуации), не смотря на любовь къ мужу, измѣнившему ей въ силу традиціи, національности и благодаря складу темперамента съ тѣми неизвѣстно благодарными, *чуждыми всякому растльнiю чувствами, такъ нерѣдкими у современныхъ евреекъ (sic)*, не выноситъ непосильной борьбы и лишаетъ себя жизни. *Предлагаемая пьеса пользуется вполне заслуженнымъ громаднмъ успѣхомъ*».

Къ этой афишѣ прибавлять нечего. Въ то время, когда на петербургской казенной сценѣ пьеса В. Крылова: «Сыны израиля» *запрещается изъ опасенія возбудить неудовольствіе евреевъ*,—въ это самое время, вѣроятно, *для возбужденія неудовольствія въ христіан-*

¹⁾ Великодушіе, достойное конечно, подражанія, такъ какъ въ другихъ мѣстахъ Россіи жидаи совсѣмъ не отказываются отъ мщенія, отбивая кольями жидовокъ, пожелавшихъ принять православіе, и даже нападая на монастыри, пріютившіе такихъ «преступницъ»... противъ кагала.

ской публикѣ, талмудъ возвеличивается въ провинціи передъ евангелиемъ, и отрешаяся отъ него еврейка *карается даже судомъ Божиимъ*... «Безукоризненно честный, съ облагороженными чувствами (вопреки общему предрасудеу) жидъ-арендаторъ и его дочь съ «нерастлѣнными чувствами», такъ свойственными этому племени—выставляются въ образецъ безчестнымъ и растлѣннымъ голямъ, наполняющимъ театральную залу въ г. Челябинскѣ, еще не включенномъ, слава богу, въ «черту еврейской осѣдлости»... Смотрите, моль, и поучайтесь — съ дозволенія и общей, и спеціально-театральной цензуры! Очевидно, «сыны израиля» отлично пользуются театральной сценой, чтобы уничтожить дотла все еще коренищіяся въ Россіи «предрасудки» относительности добродетельности талмудизма, и храбро прокладываютъ себѣ дорогу во всѣ мѣста, не извѣдавшія покуда прелестей еврейскаго нашествія. Но не пора ли положить этому конецъ? Вѣдь вопли и стоны идутъ уже отовсюду.

Ред.

НАШИ ВНУТРЕННІЯ ДѢЛА.

Послѣднее слово по финляндскому вопросу. — Окончательное разрушеніе «конституціонныхъ» претензій. — Преобразование департамента торговли и мануфактуръ. — Предѣльность земскихъ смѣтъ. — Что нужно разумѣть подъ «мѣстными» нуждами? — Судебныя палаты въ качествѣ кассационныхъ инстанцій. — Надзоръ за судьями. — Тридцатилѣтіе службы министра юстиціи Н. В. Муравьева. — Памяти Н. М. Ядринцева.

Финляндскіе политики, недовольные дѣятельностью своего новаго генераль-губернатора, обратились съ особою петиціею на высочайшее имя, гдѣ высказали свое мнѣніе о системѣ управленія краемъ.

Петиція эта не является особымъ ходатайствомъ о принятіи какой либо опредѣленной правительственной мѣры, а была на самомъ дѣлѣ *жалобой* на начальника края, въ которой «земскими чинами» осуждались вообще правительственныя мѣропріятія послѣдняго времени. По поводу этой петиціи, въ правительственномъ сообщеніи выражено полное глубокаго интереса мнѣніе:

«Въ означенную петицію, между прочимъ, вошли осужденія мѣропріятій по ограниченію разрѣшенія учрежденія обществъ, между тѣмъ какъ, по мнѣнію земскихъ чиновъ, допускалась агитація, будто бы производимая коробейниками; ограниченія публичныхъ собраній и частичныхъ измѣненій въ постановленія о печати. Осуждались также намѣченныя мѣры по расширенію власти генераль-губернатора. Петиція приписывала начальнику края неправильность дѣйствій, заключавшуюся якобы въ установленіи надзора при содѣйствіи жандармскихъ чиновъ, каковой существуетъ, однако, въ краѣ уже болѣе 80 лѣтъ. Она содержала обвиненіе, что такъ называемый массовый адресъ былъ представленъ слѣдствіемъ преступной агитаціи, причемъ проводилась параллель между результатами этого адреса и поданнаго обывателями красносельской общины. Она указывала, что вообще начальникъ края управляетъ имъ несогласно законамъ страны, а по системѣ, ведущей къ постояннымъ уклоненіямъ отъ существующаго правоваго порядка. Наконецъ, названная петиція выставила необходимость непосредственнаго обра-

щенія къ монарху, какъ результатъ того обстоятельства, что министромъ статсъ-секретаремъ великаго княжества финляндскаго состоитъ не финляндецъ.

«При рассмотрѣніи названной петиціи, нельзя не прійти къ заключенію, что объясненія сейма по существу лишены основанія и что въ самомъ фактѣ подачи означенной петиціи необходимо признать нарушеніе предѣловъ власти сейма, такъ какъ сеймовый уставъ, опредѣляя порядокъ участія земскихъ чиновъ въ мѣстномъ законодательствѣ и по нѣкоторымъ дѣламъ финансовой администраціи, не предоставляетъ имъ никакихъ правъ на участіе въ дѣлахъ общаго управленія краемъ. Въ частности § 51 сеймоваго устава (въ редакціи закона 1886 года) допускаетъ подачу петицій только по предмету изданія, измѣненія или отмятня закона. Равнымъ образомъ, обстоятельства, сопровождавшія на сеймѣ 1900 года составленіе названной петиціи, а также и петиціи о печати, указываютъ также и на то, что сеймовый уставъ, вслѣдствіе несовершенства своихъ постановленій, не обезпечиваетъ въ должной мѣрѣ *правильнаго теченія сеймовыхъ занятій*, а потому и требуетъ пересмотра съ цѣлью точнаго опредѣленія компетенціи сейма и установленія правилъ, упорядочивающихъ сеймовыя занятія и предупреждающихъ нежелательныя явленія, подобныя тѣмъ, кои имѣли мѣсто на послѣднихъ двухъ сеймахъ, когда рѣчи сеймовыхъ ораторовъ, получившія широкую огласку путемъ печати, колебали уваженіе къ установленнымъ властямъ и подрывали основы государственнаго порядка.

«Означенная петиція была представлена на высочайшее благовозврѣніе, причемъ генераль-адъютантъ Бобриковъ въ заключеніи своемъ писалъ, что, считая эту петицію земскихъ чиновъ въ *сущности обвинительнымъ противу себя актомъ*, онъ не считаетъ возможнымъ входить въ оцѣнку степени его основательности.

«По всеподданнѣйшему докладу настоящаго дѣла, Государю Императору благоугодно было,—какъ увѣдомилъ генераль-губернатора министръ статсъ-секретарь,—14-го сего августа Высочайше повелѣть:

«1. Петицію земскихъ чиновъ, какъ поданную въ нарушение § 51 сеймоваго устава и заключающую въ себѣ *дерзкое порицаніе административныхъ распоряженій* и мѣрѣ въ порядкѣ верховнаго управленія состоявшихся, оставить безъ послѣдствій.

«2. Поставить въ извѣстность ваше высокопревосходительство, что *дѣйствія ваши признаны правильными* и соотвѣтствующими полученнымъ вами высочайшимъ указаніямъ.

«3. Предложить финляндскому сенату *приступить къ пересмотру сеймоваго устава*, въ видахъ болѣе точнаго опредѣленія компетенціи сейма и усовершенствованія порядка веденія въ немъ дѣлъ».

Изъ этого правительственнаго сообщенія читатель видитъ, что дѣйствія финляндскаго генераль-губернатора высочайшею властью призваны правильными и вполне соответствующими полученнымъ имъ указаніямъ. Земскимъ же чинамъ, составителямъ этой петиціи, данъ должный урокъ, который, нужно думать, отобьетъ у нихъ всякую охоту къ дальнѣйшему «политиканству» и безцѣльному будированію населенія. Кроме того, изъ сообщенія видно, что дѣйствующій уставъ финляндскаго сейма рѣшено *подвергнуть пересмотру*.

Пересмотръ сеймоваго устава мотивированъ въ опубликованномъ по этому предмету официальномъ сообщеніи тѣмъ соображеніемъ, что этотъ уставъ «вслѣдствіе несовершенства своихъ постановленій, не обеспечиваетъ въ должной мѣрѣ правильнаго теченія сеймовыхъ занятій».

Изъ правительственнаго сообщенія не видно, коснется ли реформа существующаго состава сейма и его организаціи. А, между тѣмъ, именно въ нынѣшнемъ составѣ и въ организаціи сейма лежитъ главная причина тѣхъ «нежелательныхъ явленій» въ сеймовой дѣятельности, которыя послужили исходной точкой этой реформы.

Изъ кого формируется главный контингентъ сейма? Главная и господствующая часть сейма—это бароны и бюргеры или литераты — болѣе зажиточные горожане, представители промышленности, торговли, свободныхъ профессій. Всѣ эти «земскіе чины» почти ничего не имѣютъ общаго съ дѣйствительно земскою массою населенія княжества. Ближе къ этой массѣ стоятъ два другія сеймовыя сословія — духовенство и крестьяне. Короче «земскіе чины» финляндскаго княжества—это не представители народа, а,—какъ совершенно выразилось «Новое Время»,—его «хозяева», притомъ же хозяева, господствующіе экономически при помощи власти политической, которая въ ихъ рукахъ является орудіемъ эксплуатаціи народнои массы.

Поэтому не удивительно, что финляндскій сеймъ ведетъ борьбу съ имперскою властью не только за политическія права и преимущества, но и за хозяйственное управленіе краемъ. «Земскіе чины» не только возбуждаютъ крестьянскую массу противъ имперской власти, но и тормозятъ всякое начинаніе русскаго правительства, направленное къ улучшенію быта и жизни финляндскаго народа. Они ведутъ двойную игру и притомъ отъ имени все того же народа. Въдъ представители финскаго народа, именовемъ и по уполномочію этого послѣдняго, приняли всѣ мѣры, чтобы затормозить движеніе вопроса объ устройствѣ торпарей,—вопроса, поставленнаго на очередь русскимъ правительствомъ...

При реформѣ сейма, необходимо обратить вниманіе какъ на его составъ, такъ и на организацію. «Верхнимъ слоямъ» финляндскаго народа надо противопоставить народную массу, обездоленную и угнетенную нынѣшними земскими чинами.

Одобреніе дѣятельности финляндскаго генераль-губернатора кладетъ крупный камень въ основаніе того зданія, подъ кровлею котораго могли бы мирно жить два народа—русскій и финляндскій. вмѣстѣ съ тѣмъ, этотъ же фактъ положить предѣлъ конституціоннымъ вождельніямъ финляндскихъ политикановъ.

Послѣдніе въ своихъ сепаратическихъ вождельніяхъ дошли даже до того, что русскихъ коробейниковъ и разнощиковъ стали выселять изъ Финляндіи и создавать всевозможные тормозы для русскихъ торговцевъ въ этомъ краѣ, причѣмъ совершенно забываютъ, что ихъ соотечественники мирно торгуютъ по всей Россіи, не встрѣчая нигдѣ препятствій и затрудненій.

Въ виду недоразумѣній, встрѣченныхъ въ порядкѣ примѣненія высочайшаго постановленія о производствѣ торговли русскими уроженцами и заключающихся въ томъ: 1) какіе именно губернаторы, имперскіе или финляндскіе, обязаны дѣлать установленныя надписи на паспортахъ русскихъ крестьянъ-торговцевъ и 2) какая должна быть редакція разрѣшеній и въ чемъ должно заключаться содержаніе этихъ установленныхъ надписей,—финляндскій генераль-губернаторъ,—какъ сообщаетъ «Финл. Газета»,—счелъ необходимымъ разъяснить:

1) Изъ сопоставленія 123 ст. тома XIV св. зак. имперіи, изданія 1890 года, съ текстомъ § 1 высочайшаго постановленія о производствѣ торговли русскими уроженцами, представляется очевиднымъ, что надписи на паспортахъ русскихъ крестьянъ-торговцевъ должны быть сдѣланы надлежащими губернаторами имперіи, причѣмъ редакція ихъ нѣтъ основанія придавать особое значеніе; 2) русскіе торговцы могутъ заниматься въ Финляндіи торговлею въ разность и промыслами на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и финляндскіе граждане, то-есть, они должны получать отъ финляндскихъ губернаторовъ разрѣшенія на торговлю, ежегодно возобновляемые, но не надписи на паспортахъ просителей, и 3) губернаторы не только могутъ, но и *обязаны выдавать русскимъ крестьянамъ разрѣшенія на торговлю* въ разность на тѣхъ же основаніяхъ, на которыхъ это разрѣшеніе дается ими финляндскимъ гражданамъ или вообще мѣстнымъ сельскимъ обывателямъ. Въ случаѣ, когда ходатайство русскаго крестьянина на торговлю не можетъ быть удовлетворено, предписываю вашему превосходительству каждый разъ немедленно доносить о томъ мнѣ съ подробнымъ выясненіемъ причинъ отказа.

Придавая строгому исполненію новаго закона о торговлѣ русскихъ людей въ Финляндіи крайне важное значеніе, финляндскій генераль-губернаторъ выражаетъ увѣренность, что губернаторы края обратятъ особое вниманіе на необходимость въ настоящемъ случаѣ настойчиво примѣнять требованія не только осторожности и безпристрастія, но и снисхожденія, такъ какъ *финляндцы широко пользуются правами на торговлю въ предѣлахъ имперіи.*

Недавно опубликовано высочайше утвержденное мнѣніе Государственнаго Совѣта о преобразованіи департамента торговли и мануфактуръ. Преобразование это давно и постепенно подготавливалось и въ послѣднія пять-шесть лѣтъ этотъ департаментъ значительно расширилъ свою дѣятельность, сравнительно съ первоначальнымъ законоположеніемъ объ учрежденіяхъ министерствъ. Статья 558 учр. мин. (по прод. 1885 г.) опредѣляла: «департаментъ торговли и мануфактуръ вѣдаетъ дѣла о торговлѣ, фабрикахъ, мануфактурахъ и заводахъ, дѣла о выдачѣ торговыхъ свидѣтельствъ и билетовъ, и о поступающемъ къ нему за оныя сборы, дѣла о торговомъ мореходствѣ, дѣла о внѣшнихъ торговыхъ сношеніяхъ, за исключеніемъ дѣлъ, собственно до таможеннаго и карантинно-таможеннаго управленія относящихся, дѣла по завѣдыванію биржевыми учрежденіями и по надзору за бракомъ товаровъ, дѣла о вѣсахъ и мѣрахъ, дѣла о пошлинѣ съ застрахованія имущества и другія дѣла, подробно указанная въ учрежденіяхъ, уставахъ, положеніяхъ и правилахъ, по принадлежности».

При департаментѣ, въ качествѣ совѣщательнаго учрежденія, состоитъ совѣтъ торговли и мануфактуръ.

За послѣдніе годы дѣятельность департамента постепенно расширялась, особенно учебная его часть, и значительно увеличилось число учебныхъ заведеній, находящихся въ его вѣдѣніи.

Теперь бывшій департаментъ торговли и мануфактуръ преобразовывается въ четыре отдѣла: торговли, промышленности, торговаго мореплаванія и учебный. Общее руководство, долженствующее объединять дѣятельность всѣхъ четырехъ отдѣловъ, возлагается на товарища министра финансовъ. Создается, такъ сказать, полуминистерство, но нужно думать, что это—первый шагъ къ учрежденію самостоятельнаго «министерства торговли и промышленности».

Преобразование департамента торговли и мануфактуръ встрѣчено русскимъ обществомъ и печатью съ особеннымъ удовольствіемъ. Отечественная промышленность быстро развивается, торговля постепенно крѣпнетъ. Эти отрасли народнаго труда не менѣе важны, чѣмъ и земледѣліе. Онѣ также нуждаются въ самостоятельномъ

органѣ, свободномъ и независимомъ. Если же преобразованный департаментъ будетъ также халатно, канцелярски, относиться къ нуждамъ торговли и промышленности, какъ онъ доселѣ относился,— то и теперь, когда завѣдующій имъ будетъ состоять въ качествѣ товарища министра, онъ мало принесетъ пользы. Желательно было бы, чтобы въ новые мѣхи было влито новое, а не старое вино. Промышленность и торговля для своего развитія требуютъ «духа бодря и жива».

Наша «охранительная» печать, почему-то имѣющая зубъ на наше земство и его дѣятельность, ликуетъ и торжествуетъ... Она одержала крупную побѣду надъ этимъ нелюбимымъ органомъ провинціи. Въ каждомъ шагѣ земства, во всякомъ его начинаніи, во всякомъ вопросѣ, касающемся образованія, земской медицины или продовольствія, наша «охранительная» печать видѣла крамолу, посягательство на интересы,—конечно, не крестьянъ, а дворянства и сильныхъ міра сего. Ей постоянно мерещилось, что дальнѣйшее награжденіе провинціи школами, больницами и разными другими учрежденіями угрожаетъ странѣ полнымъ разореніемъ... По мнѣнію «охранительной» печати, провинція не нуждается ни въ школахъ, ни въ больницахъ. Одни мужики могутъ довольствоваться часословомъ, а другіе могутъ оставаться и безграмотными — не велика бѣда! Что же касается докторовъ и больницъ, то, во-1-хъ, организмъ нашего мужика не выносить нѣмецкой кухни; а, во 2-хъ, у него есть и свои доктора—это знахари и знахарки. Увеличеніе же количества школъ и постройка новыхъ больницъ, по мнѣнію этой печати, кромѣ ихъ бесполезности, еще ложится тяжелымъ бременемъ на обывателя-плательщика.

Наша «охранительная» печать давно уже добивалась лишить земства права взимать налоги на удовлетвореніе тѣхъ мѣстныхъ нуждъ и пользъ, о которыхъ оно призвано заботиться. Она всегда выставляла именно тотъ мотивъ, что земство не можетъ понимать мѣстныхъ нуждъ и не всегда рачительно и осторожно обращается съ обывательскими деньгами. Мы не будемъ отрицать, что земство иногда не такъ, какъ бы намъ хотѣлось, понимаетъ свои нужды, не будемъ оспаривать и того факта, что земство иногда не особенно бережно обращается съ обывательскимъ рублемъ. Промахи земства всѣмъ извѣстны, и печать никогда не думала ихъ скрывать. Но у кого нѣтъ промаховъ? И въ другихъ сферахъ,—даже въ чиновничьемъ мірѣ, за который такъ стоитъ наша «охранительная» печать, — промаховъ и погрѣшностей можно найти сколько угодно. И объ этихъ грустныхъ фактахъ печать нерѣдко говорила.

Намъ кажется, однако, что промахи, увлеченія и заблужденія нашихъ земствъ не настолькоъ значительны, чтобы можно было перейти къ ограниченію ихъ компетенціи и къ сокращенію ихъ правъ. По нашему мнѣнію, здѣсь нужны не ограниченіе и не сокращеніе функцій мѣстныхъ органовъ, а указаніе—на ихъ ошибки и заблужденія. Наконецъ, не мѣшало бы ввести и отвѣтственность земскихъ дѣятелей за свои ошибки, заблужденія и всевозможныя погрѣшности. Но то же слѣдуетъ сдѣлать и въ судебномъ вѣдомствѣ.

Вопросъ объ установленіи «предѣльности земскаго обложенія» вызвалъ чрезвычайное, давно небывалое оживленіе въ обществѣ и печати. Судьба земства неразрывно связана съ его матеріальными ресурсами, и разъ эти ресурсы предположено было ограничить,—понятно, что съ этимъ вмѣстѣ ставился вопросъ и о видоизмѣненіи дѣятельности самого земства. Большинство органовъ печати высказалось противъ фиксаціи земскаго обложенія.

Законъ 12 іюня сего года не устанавливаетъ пока предѣльности земскаго обложенія. Текстъ новаго законодательнаго акта, однако, предусматриваетъ фиксацію въ будущемъ, послѣ того какъ окончится переоцѣнка недвижимыхъ имуществъ. Законъ о предѣльности земскаго обложенія, хотя и ограничиваетъ права земства удовлетворять мѣстныя нужды въ томъ размѣрѣ, въ какомъ оно признавало это необходимымъ, но пока не ставитъ креста надъ этимъ основнымъ правомъ органовъ мѣстнаго самоуправленія. Когда будетъ окончена переоцѣнка недвижимыхъ имуществъ, тогда будетъ опредѣлена та доля цѣнности или доходности имущества, которую не могутъ превышать земскіе сборы. Пока же устанавливается общее правило, согласно которому земскіе сборы съ недвижимыхъ имуществъ могутъ быть повышаемы не болѣе, какъ на *три* процента въ годъ.

Самая мысль о фиксаціи земскаго бюджета — это кабинетная, теоретическая затѣя петербургскихъ чиновниковъ, смотрящихъ издалека на провинцію. Мы не говоримъ уже о томъ, что въ нашей провинціи слишкомъ много нуждъ,—ожидающихъ своего удовлетворенія; тамъ слишкомъ мало еще школъ, громаднѣйшій недостатокъ въ больницахъ и докторахъ; замѣчается крупнѣйшій пробѣлъ въ организаціи народныхъ библіотекъ и читаленъ. Жизнь идетъ впередъ быстрыми шагами. Назрѣваютъ новыя потребности, появляются новыя нужды, удовлетворить которыя въ интересахъ самихъ же жителей крайне необходимо. Какъ же земство можетъ удовлетворить своимъ старымъ нуждамъ и нарождающимся потребностямъ, разъ оно не можетъ увеличивать своего бюджета?—Нужно помнить, что каждый рубль, израсходованный на удовлетвореніе народныхъ по-

требностей, принесетъ въ послѣдствіи десятки рублей. Чѣмъ больше земство будетъ расходовать денегъ на школы, больницы, читальни и библиотеки, тѣмъ болѣе оно увеличитъ въ будущемъ свой собственный бюджетъ. Его расходъ будетъ пропорціоналенъ приходу. За границей много тратятъ на образованіе народа, зато тамъ и достигаются лучшіе успѣхи во всѣхъ отрасляхъ человѣческой дѣятельности.

Мѣстные народныя нужды хорошо извѣстны нашему земству. Поэтому оно одно только и можетъ удовлетворить ихъ. Мысль, что земство можетъ замѣнить всецѣло петербургскій чиновникъ—крайне ошибочна, если не считать петербургскаго чиновника «всецѣдушимъ и всезнающимъ»...

Что нужно разумѣть надъ мѣстными нуждами? На этотъ крайне интересный вопросъ сенатъ далъ недавно принципиальное разъясненіе. Объ этомъ недавно сообщилъ журналъ «Право». Вотъ это коротенькое извѣстіе: «по жалобѣ батумскаго городского головы на постановленіе кутаисскаго губернскаго по городскимъ дѣламъ присутствія сенатъ призналъ, что ассигнованный батумской городской думой ежегодный расходъ въ размѣрѣ 2,000 рублей въ пособіе предположенному къ открытію въ Тифлисѣ политехникуму не относится къ расходамъ на мѣстныя и хозяйственныя нужды города Батума».

Дѣло, слѣдовательно, происходило такъ: батумская дума рѣшила ежегодно вносить на содержаніе тифлискаго политехникума по двѣ тысячи рублей; кутаисское же по городскимъ дѣламъ присутствіе отиѣнило это постановленіе. Дума обжаловала опредѣленіе губернскаго присутствія въ сенатъ, который оставилъ жалобу безъ послѣдствій.

Каковы мотивы сенатскаго рѣшенія, — мы еще не знаемъ. Но каковы бы они ни были, намъ кажется, что сенатское рѣшеніе не имѣетъ подъ собою твердой почвы. И вотъ почему: первая основная статья городского положенія говоритъ: «общественное управленіе городскихъ поселеній вѣдаетъ дѣла о мѣстныхъ пользахъ и нуждахъ, указанныхъ въ статьѣ 2 сего положенія». Пунктомъ же девятымъ второй статьи, какъ на обязанность городского общественнаго управленія, указывается на «*попеченіе о развитіи средствъ народнаго образованія*».

Когда батумская дума ассигновала пособіе тифлисскому политехникуму, она руководствовалась несомнѣнно соображеніемъ о *мѣстныхъ* пользахъ и нуждахъ и опиралась на указанія закона, который рекомендуетъ думамъ «попеченіе о развитіи средствъ народнаго образованія». Политехникуму же, — какъ высшее учебное заведеніе, — безъ всякаго сомнѣнія, имѣетъ значеніе рассадника

народнаго образованія *не для одного только города*, въ которомъ онъ открывається, но и *для цѣлаго края*. Батумская дума и смотрѣла на тифлисскій политехникумъ не только какъ на тифлисскій, но и какъ на обще-кавказскій. Поэтому она и считала своимъ долгомъ принять участіе въ содержаніи этого разсадника просвѣщенія въ край. Учрежденіе высшаго учебнаго заведенія въ край отвѣчаетъ именно тѣмъ «пользамъ и нуждамъ», попеченіе о которыхъ вмѣняется въ обязанность нашимъ городскимъ думамъ.

Среди намѣченныхъ въ прозектѣ новой редакціи устава гражданскаго судопроизводства измѣненій въ нынѣ дѣйствующихъ у насъ процессуальныхъ законахъ, едва ли не самымъ важнымъ является предполагаемое изытаніе кассационныхъ функцій по дѣламъ участковой подсудимости изъ вѣдѣнія правительствующаго сената и передача ихъ въ вѣдѣніе судебныхъ палатъ.

Такое раздробленіе кассационныхъ функцій затрогиваетъ одинъ изъ коренныхъ принциповъ судебныхъ уставовъ 1864 г.

Изъ объяснительной записки къ прозекту видно, что высочайше утвержденная комісія для пересмотра законоположеній по судебной части основывалась главнымъ образомъ на слѣдующихъ соображеніяхъ: хотя теоретически и слѣдуетъ признать, что самая сущность кассационнаго производства требуетъ, съ одной стороны, сосредоченія кассационныхъ функцій въ единомъ учрежденіи, а съ другой — вызываетъ необходимость *оградить кассационныхъ судей отъ чрезмѣрнаго обремененія работой*, но такой принципъ устройства кассационнаго суда встрѣчаетъ на практикѣ массу затрудненій къ своему осуществленію. Въ настоящее время гражданскій кассационный департаментъ прав. сената, — какъ это видно изъ цифровыхъ таблицъ, — *оказывается обремененнымъ непосильной работой*: на каждаго сенатора приходится въ годъ *около 350 дѣлъ*, въ то время какъ во Франціи оно не превышаетъ 35, а въ Германіи — 72, каковое обстоятельство, конечно, не можетъ не отразиться на качествѣ ихъ работы. Въ виду этого, облегченіе дѣятельности сената слѣдуетъ признать безусловно необходимымъ.

Что касается средствъ, которыми можетъ быть достигнуто подобное облегченіе, то указаніе на увеличеніе личнаго состава департамента едва ли можетъ быть признано, по мнѣнію комісіи, достигающимъ своей цѣли, такъ какъ, не говоря уже о финансовой сторонѣ вопроса, достиженіе единства въ толкованіи законовъ возможно лишь при условіи сосредоточенія дѣятельности немногочисленнаго по составу кассационнаго суда на разсмотрѣніи количества дѣлъ, не представляющагося чрезмѣрнымъ.

Точно также не желательно сокращеніе поводовъ кассационнаго обжалованія по примѣру французскаго законодательства, такъ какъ это лишило бы судебную практику необходимой для нея подвижности и, кромѣ того, вызвало бы появленіе въ нашемъ законѣ «перечневой системы» изложенія кассационныхъ поводовъ, всегда страдающей большими недостатками.

Наконецъ, ограниченіе предѣловъ кассационнаго обжалованія путемъ устраненія его по извѣстнымъ категоріямъ дѣлъ,—какъ это сдѣлано въ германскомъ и австрійскомъ законодательствахъ,—создало бы ничѣмъ необъяснимую привилегію въ пользу богатыхъ тяжущихся, въ ущербъ неимущимъ.

Такимъ образомъ, единственнымъ средствомъ для того, чтобы облегчить исполненіе сенатомъ лежащей на немъ обязанности, слѣдуетъ признать передачу кассационныхъ функцій по нѣкоторымъ дѣламъ въ другія судебныя установленія.

Возможность такой передачи оправдывается, между прочимъ, тѣмъ соображеніемъ, что принципъ строгаго единства кассационнаго суда *не проводится всецѣло ни въ одномъ законодательствѣ*; такъ напр., во французскомъ судопроизводствѣ онъ нарушается существованіемъ особыхъ просьбъ о реституціи, подаваемыхъ въ судъ; постановившій рѣшеніе, причемъ реститутныя поводы въ огромномъ большинствѣ случаевъ суть тѣ самыя, которые признаются у насъ кассационными. Точно также и у насъ, уже при самомъ осуществленіи судебной реформы, кассационныя жалобы на окончательныя рѣшенія мировыхъ судей были отнесены къ вѣдѣнію мировыхъ сѣздовъ; затѣмъ, въ 1866 г., кассационныя функціи въ тифлисскомъ округѣ были возложены на тифлисскую судебную палату; по закону 1889 г., кассационное производство по судебно-административнымъ учрежденіямъ сосредоточено въ губернскихъ присутствіяхъ. Наконецъ, кассационныя жалобы на мировыя учрежденія въ Сибири, Степныхъ областяхъ и Туркестанскомъ краѣ переданы въ вѣдѣніе подлежащихъ судебныхъ палатъ.

Слѣдовательно, по мнѣнію комисіи, непосильная работа сената можетъ быть облегчена двумя способами: или увеличеніемъ личнаго состава сената, или уменьшеніемъ количества поступающихъ въ него дѣлъ. Но первая мѣра, кромѣ финансовыхъ соображеній, имѣетъ то неудобство, что сдѣлаетъ невозможнымъ достиженіе единства въ толкованіи законовъ. Остается вторая мѣра. Она, въ свою очередь, можетъ быть осуществлена или ограниченіемъ предѣловъ кассационнаго обжалованія, или передачей кассационныхъ функцій въ другія судебныя установленія.

Наши казенныя учрежденія, — какаго бы характера они ни

были,—страдаютъ излишней централизацией. Въ этомъ есть, конечно, своего рода преимущества, но есть и большіе недостатки. Стремленіе къ единству—это, конечно, хорошая вещь, но оно, кромѣ непосильнаго обремененія работой центральнаго учрежденія, вноситъ еще извѣстный формализмъ, атрофируетъ дѣятельность мѣстныхъ органовъ. Принципъ единства кассационнаго суда—это «охраненіе точнаго и неуклоннаго соблюденія законовъ». Но всегда ли достигается этотъ принципъ? Персоналъ сената, обремененный непосильной работой, не всегда имѣетъ возможность изучить сущность и детали дѣла, и поэтому его рѣшенія не всегда могутъ отвѣчать интересамъ и требованіямъ закона.

Намъ кажется, что если сенатъ передастъ часть своихъ кассационныхъ дѣлъ судебнымъ палатамъ, то отъ этого «точное и неуклонное соблюденіе закона» не только ничего не проиграетъ, но даже выиграетъ. Судебныя палаты ближе стоятъ къ жизни и къ людямъ, чѣмъ сенатъ. Въ этомъ ихъ громадное преимущество,—почему онѣ и легче могутъ блюсти «за точнымъ и неуклоннымъ исполненіемъ закона». Какія кассационныя дѣла передать сенату и какія судебнымъ палатамъ?—этотъ вопросъ рѣшаютъ юристы.

На очередь выдвигается другой, не менѣ важный въ юридическомъ мірѣ, вопросъ — это вопросъ о надзорѣ председателя судебного мѣста надъ судьями. Составители судебныхъ уставовъ находили, что въ большинствѣ случаевъ officialный надзоръ не достигаетъ своей цѣли и обращается въ одну формальность. По ихъ мнѣнію, не въ надзорѣ должно искать главныхъ гарантій быстраго и справедливаго суда.

«Для достиженія этой цѣли, — говорили они, — гораздо важнѣе слѣдующія мѣры, вводимыя новыми уставами судоустройства и судопроизводства: 1) *хорошій составъ судовъ*, что обезпечивается назначеніемъ на судейскія мѣста лицъ, получившихъ теоретическое и практическое образованіе, назначеніемъ судьямъ достаточнаго содержанія и предоставленіемъ имъ права несмѣняемости; 2) *гласное судопроизводство*, которое ставитъ судей подъ контроль общественнаго мнѣнія, и 3) предоставленіе *тяжущимся возможностямъ отыскивать съ судей убытки*, причиненные ихъ неправильными дѣйствіями».

Гарантій суда, слѣдовательно, могутъ служить именно только указанныя мѣры, а отнюдь не надзоръ. Но въ судебныхъ сферахъ, къ сожалѣнію, начинаетъ преобладать второе мнѣніе. Вѣра въ спасительную силу надзора растетъ.

Но наши юристы забываютъ, что надзоръ — это обоюдоострое оружіе. Находясь въ единоличныхъ рукахъ, надзоръ можетъ обра-

тяться не только въ надзирающее, но и въ начальствующее око. Вліяніе же послѣдняго не всегда можетъ согласоваться съ цѣлями и предначертаніями закона.

По первоначальному тексту Учр. суд. уст. предсѣдателю принадлежитъ ближайшій надзоръ за скорымъ и правильнымъ движеніемъ дѣлъ и за точнымъ исполненіемъ должностными лицами своихъ обязанностей. Въ случаѣ, если предсѣдатель замѣтитъ какія либо упущенія, онъ или отвращаетъ ихъ собственными распоряженіями, или принимаетъ мѣры къ преданію виновныхъ отвѣтственности въ порядкѣ дисциплинарнаго производства (ст. 251). Этотъ надзоръ, закономъ 20 мая 1885 г., распространень на всѣ департаменты и на всѣхъ должностныхъ лицъ палаты или суда, причемъ предоставлено въ судѣ—предсѣдателю, а въ палатѣ—старшему предсѣдателю право производить обзорніе дѣлопроизводства каждаго отдѣленія департамента и всѣхъ должностныхъ лицъ, принадлежащихъ къ составу суда или палаты (ст. 251 по изданію 1892 г.).

Изъ этихъ словъ видно, что законъ уже позаботился о надзорѣ за судьями. Если же недостаточно этого надзора, то едва ли поможетъ и болѣе усиленное наблюденіе, о которомъ говоритъ прозектъ расширенія предсѣдательскаго надзора. Дѣло не въ надзорѣ, а въ людяхъ. Намъ кажется, что важенъ не надзоръ, а сознаніе долга, возлагаемаго закономъ на судью, усиленіе отвѣтственности за ту или другую дѣятельность. Надзоръ, по неволѣ, ослабитъ эту отвѣтственность предъ закономъ.

Минувшаго 25 августа исполнилось тридцатилѣтіе государственной службы министра юстиціи, статсъ-секретаря Н. В. Муравьева.

При выдающихся дарованіяхъ и блестящемъ юридическомъ образованіи, Николай Валеріановичъ быстрыми и твердыми шагами сталъ проходить свое служебное поприще: съ 1871 г. онъ занималъ должности: товарища прокурора владимірскаго окр. суда, затѣмъ, рязанскаго, а съ 1873 г.—московского.

Въ 1878 г. Николай Валеріановичъ получилъ назначеніе на должность прокурора ярославскаго окружнаго суда; въ 1879 г.—на должность товарища прокурора с.-петербургской судебной палаты, причемъ ему было поручено исполнять прокурорскія обязанности при особомъ присутствіи правительствующаго сената по преступленію 1 марта 1881 г.; въ 1881 г.—на должность прокурора с.-петербургской судебной палаты; а въ 1884 г., по собственному его желанію,—на должность прокурора же московской судебной палаты

и въ 1892 г.—на должность оберъ-прокурора кассационнаго департамента правительствующаго сената.

Пройдя послѣдовательно съ блестящимъ успѣхомъ всѣ прокурорскія должности, начиная отъ товарища прокурора окружнаго суда и кончая должностью оберъ-прокурора уголовнаго кассационнаго департамента правительствующаго сената, Н. В. на этомъ поприщѣ широко развилъ свои богатыя дарованія, и понинѣ всѣмъ памяты его обвинительныя рѣчи—по злодѣйскому преступленію 1 марта 1881 г., по дѣламъ—Тупицыныхъ, «червонныхъ валетовъ, Гартунга, Скопинскаго банка и т. д., а также и его заключенія», предложенныя правительствующему сенату, по вопросамъ: объ оклеветаніи на судѣ, о значеніи въ Россіи судимости за границей и т. д.

Въ то же время Николай Валеріановичъ находилъ время для талантливой и довольно обширной научно-литературной дѣятельности, какъ по вопросамъ, соприкасавшимся съ его службою, такъ и на темы, имѣвшія, независимо отъ того, общій юридическій интересъ.

Не приводя полнаго перечня всѣхъ научно-литературныхъ трудовъ Николая Валеріановича, которымъ онъ посвящалъ свои силы въ періодъ времени отъ 1874 г. до 1892 г., для характеристики ихъ достаточно указать на слѣдующія написанныя имъ статьи, изданныя книги и составленныя руководства: Программа университетскаго курса судебно-уголовнаго права; о правильныхъ періодическихъ ревизіяхъ судебныхъ установленій; о пользѣ введенія въ судоустройство особыхъ испытаній для занятія самостоятельныхъ должностей; новое судоустройство Испаніи; кандидаты на судебныя должности; вопросы судоустройства и судебной политики; объ уголовномъ преслѣдованіи должностныхъ лицъ; въ вопросу о судѣ присяжныхъ (о временной особой подсудности преступленій противъ порядка управленія, по закону 9 мая 1878 г.); сокращенный способъ разрѣшенія маловажныхъ уголовныхъ дѣлъ въ Германіи и Австріи; о судебной службѣ; русскій прокурорскій надзоръ отъ Петра Великаго до Екатерины II; инструкція чинамъ прокурорскаго надзора округа с.-петербургской судебной палаты; прокурорскій надзоръ въ его устройствѣ и дѣятельности (пособіе для прокурорской службы); прокуратура на Западѣ и въ Россіи); основныя начала внутренняго устройства прокурорскаго надзора; правила для кандидатовъ на судебныя должности при прокурорскомъ надзорѣ округа московской судебной палаты; инструкція чинамъ полиціи округа с.-петербургской судебной палаты по обнаруженію и изслѣдованію преступленій, съ приложеніемъ: 1) краткаго наказа-

волостнымъ и сельскимъ начальникамъ; 2) форма полицейскаго дѣлопроизводства по обнаруженію и изслѣдованію преступленій; 3) расписанія подсудности уголовныхъ дѣлъ и 4) узаконеній о порядкѣ привлеченія къ отвѣтственности чиновъ полиціи за служебныя упущенія и преступленія по должности при обнаруженіи и изслѣдованіи преступныхъ дѣяній; справочная книга для полицейскихъ урядниковъ; руководство для волостныхъ судовъ въ мѣстностяхъ, гдѣ учреждены земскіе участковые начальники и т. д. Изъ числа послѣднихъ сочиненій Н. В. особенно замѣчателенъ сборникъ, изд. въ 1900 г. и носящій заглавіе: «Изъ прошлой дѣятельности». Онъ распадается на два тома. Первый содержитъ въ себѣ статьи по судебнымъ вопросамъ, за періодъ времени отъ 1874—1899 г.; второй—собраніе публичныхъ рѣчей.

12 іюля 1892 г. Н. В. былъ призванъ державной волей на постъ государственнаго секретаря, а 1 января 1894 г. императоромъ Александромъ III былъ поставленъ во главѣ судебного вѣдомства.

При вступленіи Николая Валеріановича въ управленіе министерствомъ, на очереди стояло много важныхъ задачъ и въ особенности въ законодательной сферѣ.

Послѣ изданія судебныхъ уставовъ 1864 г., жизнь предъявляла новыя требованія; необходимы были поправки подъ давленіемъ тѣхъ или другихъ событій. Въ дѣлахъ систематическаго объединенія и тщательнаго согласованія накопившихся противорѣчій и восполненія нѣкоторыхъ пробѣловъ судебного строя, Н. В. Муравьевъ въ апрѣлѣ 1894 г. вошелъ къ почившему императору Александру III со всеподданнѣйшимъ докладомъ о необходимости пересмотра судебныхъ уставовъ 1864 г., и почившій государь, 7 апрѣля 1894 г., повелѣлъ учредить комисію для пересмотра законоположеній по судебной части подъ предсѣдательствомъ Н. В. Муравьева.

30 апрѣля 1894 г. начались работы комисіи по пересмотру законоположеній судебной части, а 5 мая 1899 г. работы эти закончились.

При закрытіи дѣйствій комисіи, Николай Валеріановичъ такъ охарактеризовалъ общее направленіе ея дѣятельности: «въ работѣ нашей судебные уставы не перестали быть тѣмъ, чѣмъ они были до нея; если же въ самомъ названіи точнѣе обозначить ея соотношеніе съ ними, то можно было бы лишь продлить заглавіе, сказавъ: судебные уставы императора Александра II, пересмотрѣнные, по повелѣнію императора Александра III, въ царствованіе императора Николая II».

По всеподданнѣйшему докладу министра юстиціи, статсъ-секретаря Н. В. Муравьева, объ окончаніи работъ комисіи по пересмотру законоположеній судебной части государь императоръ 19 мая

1899 года предоставилъ ему объявить въ послѣднемъ засѣданіи комисіи высочайшее повелѣніе объ ея закрытіи. При этомъ государю императору благоугодно было: «изъявить свое совершенное удовольствіе по поводу окончанія комисіею возложеннаго на нее въ Бозѣ почившимъ императоромъ Александромъ III пересмотра законоположеній по судебной части и повелѣть министру юстиціи выразить комисіи въ полномъ ея составѣ искреннюю признательность его императорскаго величества за исполненіе сего обширнаго и важнаго законодательнаго труда».

Заслуга Н. В. Муравьева по пересмотру судебныхъ уставовъ состоить главнымъ образомъ въ томъ, что имъ сохранены духъ и принципы тѣхъ судебныхъ установленій, которыя были утверждены императоромъ Александромъ II. Въ этомъ заключается его крупнѣйшая заслуга передъ русскимъ народомъ.

Вторая его крупная заслуга — это разрѣшеніе вопроса объ отмигнѣ или ограниченіи ссылки въ Сибирь (4 мая 1899 г.), а также по разработкѣ вопроса о введеніи судебныхъ уставовъ сперва въ олонеккой, оренбургской и уфимской губерніи, а затѣмъ во всей Сибири, въ Туркестанскомъ краѣ, Степныхъ областяхъ и пр.

Мы искренно желаемъ, чтобы и на будущее время дѣятельность Николая Валеріановича была бы столь же плодотворною и полезною на благо «суда праваго и милостиваго».

Давно ужѣ извѣстно, что у русскаго человѣка коротка память по отношенію къ выдающимся соотечественникамъ. Живѣ чловѣкъ — ему кланяются, умеръ — его немедленно же забываютъ, не смотря на всѣ его заслуги передъ обществомъ...

Особенно коротка память у сибиряка. Онъ еще не привыкъ цѣнить своихъ полезныхъ гражданъ — или потому, что этихъ выдающихся гражданъ у него пока мало, или потому, что онъ слишкомъ черствъ и меркантиленъ. Н. М. Ядринцевъ — это крупнѣйшая звѣзда на сибирскомъ горизонтѣ. Онъ много работалъ для своего роднаго края и притомъ во всѣхъ сферахъ дѣятельности. Мы не станемъ перечислять его заслугъ предъ роднымъ краемъ, — заслуги эти у всѣхъ на виду, — мы скажемъ только нѣсколько словъ о томъ, какъ Сибирь помнитъ и чествуетъ его.

Г. Сибирякъ въ «Петербургскихъ Вѣдомостяхъ», по поводу открытія памятника этому замѣчательному дѣятелю въ Барнаулѣ, вполне справедливо сѣтуетъ на равнодушіе сибиряковъ къ памяти покойнаго публициста.

«Скромно, безцвѣтно, обидно-темно ознаменовала многомилліонная Сибирь день 7 іюня 1900 г., — день открытія памятника на

могилѣ одного изъ лучшихъ ея сыновъ, Н. М. Ядринцева, неожиданно скончавшагося въ Барнаулѣ 6 лѣтъ тому назадъ... Нѣсколько лѣтъ собирали сибиряки пожертвованія и едва собрали 2,000 р., главнымъ образомъ въ Петербургѣ и Москвѣ. Наконецъ, 7 июня, до 350 человекъ («считая полицію», какъ говоритъ одна изъ сибирскихъ газетъ) собрались у памятника Ядринцеву на барнаульскомъ кладбищѣ; была отслужена панихида, прочтены телеграммы и адреса (всего 8)—и всѣ разошлись. Рѣчей не было. Лица присутствовавшихъ были «официально холодны, безстрастны, съ признаками какого-то необъяснимаго безпокойства», — какъ говоритъ другая сибирская газета.

«Гдѣ же были,—спрашиваетъ г. Сибирякъ,—тѣ общественныя сибирскія единицы, которыя воспитались на идеяхъ Ядринцева, которыя даже обязаны ему своимъ возникновеніемъ? Гдѣ группы лицъ, находившихся подъ личнымъ обаяніемъ покойнаго писателя? Какъ отозвались онѣ? Почувствовалась ли въ этотъ день та внутренняя связь, которая, говорятъ, объединяетъ сибирскую интеллигенцію и которая могла бы такъ своевременно и удобно выразиться въ безконечномъ рядѣ телеграммъ и адресовъ, со всѣхъ сторонъ безпредѣльной Сибири направляющихся къ подножію памятника въ Барнаулѣ? Нѣтъ и нѣтъ!»..

Даже учащаяся сибирская молодежь, о которой такъ много и тепло говорилъ Ядринцевъ, не нашла нужнымъ отозваться какимъ нибудь знакомъ грустнаго сочувствія его памяти. Также и сибирскія газеты,—для которыхъ яркій публицистическій талантъ Ядринцева долженъ бы быть вѣчной путеводной звѣздой,—отнеслись холодно и равнодушно къ знаменательному дню, кромѣ «Восточнаго Обзорнія», «Сибирской Жизни» и «Сибирскаго Листка». Можно ли объяснить отдаленностью отсутствіе печати дальняго Востока? Но почему «Степной Край», «Енисей», «Сибирская Торговая Газета» блистали своимъ отсутствіемъ? Особенно поразительно отсутствіе сибирскаго университета въ этотъ памятный день, хотя ему и было послано приглашеніе. Между тѣмъ, смѣло можно сказать, что дѣятельность Ядринцева на много лѣтъ ускорила открытіе томскаго университета.

Стыдно сибирякамъ, что они не умѣютъ цѣнить своихъ выдающихся гражданъ! Слѣды дѣятельности г. Ядринцева видны всюду, куда бы интеллигентный сибирякъ ни обратилъ свой взоръ. Ядринцевъ не былъ тѣмъ блестящимъ метеоромъ, который блеснетъ и безслѣдно исчезаетъ,—нѣтъ, его дѣятельность долго будетъ отражаться на созиданіи новыхъ культурныхъ порядковъ въ преобразуемой Сибири.

Ф О Н О Г Р А Ф Ъ.

(Фельетонъ «Наблюдателя»).

П О Б Ъ Л У С В Ъ Т У.

(Замѣтки и наблюденія).

Финалъ китайской войны.—Мы отказываемся вынимать каштаны изъ разожженной печки для англичанъ и нѣмцевъ. — Англійская «цивилизациа» въ Китаѣ и Трансваалѣ. — Послѣднiе вопли бозровъ и тщетныя надежды на европейское вмѣшательство. — Слухи о незавидномъ положенiи нашихъ финансовъ и о намѣренiи правительства прибѣгнуть къ вѣшнимъ займамъ. — Авторитетное опроверженiе этихъ слуховъ. — Нашъ запасный фондъ для военныхъ потребностей, исключаящiй необходимость въ урѣзкѣ нормальныхъ государственныхъ расходовъ. — Гонимая Вл. С. Соловьева и отзывы о немъ въ печати. — Въ какихъ чертахъ рисуетса его личность? — Совмѣщенiе несовмѣстимаго. — Любовь къ папству и къ талмудизму. — Мораль талмуда и евангелiя, поставленная на одну доску. — Борьба съ чертами и визионерство. — Неблаговидный и совсѣмъ не артистическiй подвигъ провинциальнаго артиста Боброва. — Принципиальный вопросъ: можетъ ли артистъ *двоиться* въ жизни и на сценѣ. — Маска и натуральная «физиомордiя». — Профессиональные актеры и литературная мастеровщина. — Кто лучше? — Кагальная сцена и кагальная журналистика. — Маргариновое масло и маргариновое «общественное мнѣнiе». — Гласность на откупъ у жидовъ.

I.

Надѣлавшая такъ много переполоху въ Европѣ китайская война уже окончилась самымъ благополучнымъ образомъ для Россiи. Наши храбрыя войска вошли первыми въ разрушенныя стѣны Пекина и, освободивъ русское посольство, готовятся оставить китайскую столицу. Войну мы вели не съ богдыханомъ, не съ китайскимъ законнымъ правительствомъ, а съ вооруженною шайкою мятежниковъ, которая хотя и пользовалась сочув-

ствіемъ и поддержкою нѣкоторыхъ сановниковъ, стоящихъ у власти, но не можетъ быть признана вполне солидарною съ цѣлымъ правительствомъ in concreto. Разъ этотъ вооруженный бунтъ подавленъ и запуганное или просто спрятавшееся правительство снова появилось на сцену для веденія правильныхъ дипломатическихъ переговоровъ,—наша военная миссія окончилась сама собою. Дразнить и оскорблять національное чувство китайцевъ,—составляющихъ компактную массу ни болѣе, ни менѣе, какъ въ нѣсколько сотъ милліоновъ душъ,—съ тѣмъ чтобы изъ этой разоженной печки таскать жареные каштаны для другихъ европейскихъ державъ,—было бы только актомъ довольно комическаго великодушія. Особенность и выгоды нашего положенія въ Китаѣ своевременно оцѣнены уже завистливой къ намъ англійской прессой, все опасующейся того, что мы прежде другихъ аспирантовъ поторопимся завладѣть «недвижимымъ» колоссомъ Дальняго Востока. Два мѣсяца тому назадъ, англійская газета «Globe» говорила уже по поводу предстоявшихъ событій, что «Россія едва ли найдетъ болѣе удобный случай завоевать Пекинъ. Несомнѣнно, что *пробытіе въ Пекинъ русскихъ войскъ ранѣе войскъ другихъ державъ и завладѣніе городомъ было бы блестящимъ успѣхомъ русской политики, и этимъ подвигомъ русское вліяніе достигло бы наивысшихъ размѣровъ*»,—такихъ размѣровъ, которыхъ оно не достигло бы даже дипломатическимъ искусствомъ. Многіе факты доказываютъ, что русское правительство тайно желаетъ покорить Китай (?!): оно одно возстало противъ отправки сильной японской арміи; *что же касается Ли-Хунъ-Чанга, то Россія можетъ вполне рассчитывать на него для содѣйствія русскимъ цѣлямъ*».

Къ словамъ откровеннаго врага никогда не мѣшаетъ прислушаться: изъ нихъ можно почерпнуть и вѣрную оцѣнку событій съ точки зрѣнія противоположныхъ интересовъ, и необходимыя предосторожности для устраненія невыгодныхъ сторонъ совершившихся фактовъ. Англія навязываетъ намъ желаніе завоевать Китай; но это показываетъ только, что ей самой хотѣлось бы урвать порядочный клочокъ китайской территоріи для сбыта опиума и другихъ благодѣтельныхъ предметовъ англійской торговли; Англія боится, что русскія войска войдутъ въ Пекинъ прежде ея наемной арміи, украшенной по-

зорными лаврами Трансваала; они не жалуютъ Ли-Хунъ-Чанга, который будетъ-де мирволить русскимъ намѣреніямъ. Очевидно, что совершившееся—уже послѣ предсказанія англійской газеты—занятіе Пекина русскими войсками, во главѣ иностранныхъ отрядовъ, чрезвычайно подняло русскій престижъ въ глазахъ китайцевъ, и подъ влияніемъ этого престижа Ли-Хунъ-Чангъ, доброжелательный къ Россіи,—а теперъ выдвинутый на первый планъ для веденія дипломатическихъ переговоровъ,—будетъ, пожалуй, еще податливѣе при исполненіи нашихъ законныхъ требованій. А вѣдь это и все, что покуда намъ нужно. Разрушать Небесную имперію мы отнюдь не хотимъ (намъ гораздо выгоднѣе находится съ нею въ мирномъ сосѣдствѣ); опиумомъ и бѣшеною мы не торгуемъ; оружія въ Китай не доставляемъ, а сами покупаемъ у него чаю больше всѣхъ европейскихъ державъ, вмѣстѣ взятыхъ. Изъ-за чего же намъ грызаться съ китайцами и удобрять русскими костями то поле, на которомъ англичане и нѣмцы будутъ сѣять свои сѣмена индустріи, имперіализма и милитаризма? Поэтому, съ нашей стороны, нельзя было и придумать ничего благоразумнѣе, какъ вывести всѣ наши войска изъ Пекина (если только европейскій «концертъ» послѣдуетъ нашему благу примѣру, а не вздумаетъ преслѣдовать свои сепаратныя цѣли) и предоста-вить веденіе переговоровъ дипломатіи, съ тѣмъ, конечно, условіемъ, чтобы наши военныя издержки были вознаграждены тѣмъ или другимъ способомъ, и чтобы русскія границы были лучше защищены отъ неожиданныхъ набѣговъ китайскихъ—регулярныхъ или иррегулярныхъ—полчищъ. Озлоблять же до бѣшеной слюны «небесныхъ обитателей» и дѣлать изъ русско-китайской границы (простирающейся на десятки тысячъ верстъ) какую-то огромную кровоточивую рану—это никакъ не можетъ входить въ здравые политическіе расчеты... Да оно противорѣчило бы и всему историческому характеру нашего естественнаго поступательнаго движенія въ Средней Азіи и на Дальнемъ Востока. И тамъ, и здѣсь мы являемся дѣйствительно-культурною, благотворною силой и, относясь по человѣчески къ національнымъ особенностямъ азіатскихъ народовъ, не угрожаемъ имъ одѣтыми въ броню кулаками, а мирно уживаемся, распространяя понемногу влияніе своей культуры и цивилизаціи. Кромѣ того, китайцы не наносили намъ такого тяжкаго

оскорбленія, какъ убійство посланника (вѣроятно, и нашъ дипломатическій представитель держалъ себя менѣе вызывающимъ образомъ на пекинскихъ улицахъ)—и намъ совсѣмъ не зачѣмъ угрожать китайцамъ чуть не поголовнымъ истребленіемъ... Вѣдь Германія пальцемъ не двинула въ защиту избиваемыхъ боэровъ; напротивъ, получила даже куртажъ за свой благосклонный къ Англіи нейтралитетъ:—изъ-за чего же намъ-то кипятиться и работать обѣими пятернями рукъ для отмщенія за безвременную кончину фонъ-Кеттелера? Оставимъ нѣмцамъ хоронить нѣмцевъ и побережемъ дорожку русскую кровь! Дозволять японцамъ,—дѣйствующимъ по указкѣ Англіи,—расширяться на счетъ Китая (хотя бы посредствомъ завладѣнія Кореею), и очутиться нашими совсѣмъ не доброжелательными сосѣдями — тоже едва ли входитъ въ наши расчеты. Однимъ словомъ, интересы европейскихъ державъ и союзной съ ними Японіи далеко не совпадаютъ съ нашими собственными интересами. Америка тоже стоитъ особнякомъ и готова даже вести отдѣльные переговоры съ Китаемъ, не очень-то полагаясь на солидарность европейскаго «концерта», дирижируемаго англо-нѣмецкими капельмейстерами...

II.

Китайская война, такъ неожиданно-быстро окончившаяся, благодаря геройству русскихъ войскъ, — и безъ откладыванія ея въ долгій ящикъ,—принесла намъ не одну заслуженную славу, но вмѣстѣ съ тѣмъ и довольно чувствительныя финансовыя потери. Наши заграничныя благопріятели, улавливающіе всякій удобный моментъ для подрыва нашего государственнаго кредита, конечно, не преминули воспользоваться этимъ случаемъ и раздули его въ необходимость для Россіи — снова прибѣгать къ отяготительнымъ иностраннымъ займамъ. Слухи эти были уже, однако, опровергнуты берлинскимъ «Биржевымъ Курьеромъ». По его словамъ, всѣ они вытекаютъ лишь изъ недостаточнаго знакомства съ той системой, которой держится русское министерство финансовъ при разработкѣ предварительнаго проекта государственной смѣты. Лицамъ, хорошо знающимъ дѣло, извѣстно, что ежегодно въ Россіи государственные доходы на весьма крупныя суммы превосходятъ цифры,

предположенные въ предварительной смѣтѣ, — превосходятъ отчасти потому, что *смѣты составляются чрезвычайно острожно*, отчасти же вслѣдствіе необычайнаго подъема и развитія всѣхъ отраслей экономической жизни страны. Для примѣра можно привести тотъ фактъ, что въ бюджетѣ на 1900 г. доходы предположены на 90 милліоновъ рублей меньше, чѣмъ дѣйствительные государственные доходы 1899 г. Фактически же и теперь можно предвидѣть, что въ текущемъ финансовомъ году доходы дадутъ излишекъ въ 50 милліоновъ рублей. Кстати «Биржевой Курьеръ» сообщаетъ, что расходы, на которые обрекла Россію китайская экспедиція, вовсе не такъ чудовищно-велики, какъ утверждаютъ нѣкоторыя иностранныя газеты. Изъ компетентнаго источника извѣстно, что военные расходы по Китаю, до октября, *не превысятъ 50-ти милліоновъ рублей*, а если допустить, что военныя операціи протянутся еще на полгода, то сумма эта, какъ надо думать, *удвоится...* Но даже и въ такомъ удвоенномъ размѣрѣ она легко покроется ожидаемымъ излишкомъ государственныхъ доходовъ. Свою «инспирированную» замѣтку берлинскій органъ заканчиваетъ успокоительнымъ заявленіемъ, что Россія не имѣетъ въ настоящее время никакого повода вести переговоры о заграничномъ займѣ, и толки, возникающіе по этому поводу, лишены всякой почвы въ дѣйствительности. Переговоры о займахъ — въ Копенгагенѣ или въ Парижѣ — излишни по той простой причинѣ, что *русское правительство въ деньгахъ не нуждается.*

Сотрудникъ французской газеты Temps дополняетъ эти утѣшительныя свѣдѣнія личной бесѣдой съ нашимъ министромъ финансовъ. «Берлинскій «Börsen-Courier» — сказалъ при этомъ С. Ю. Витте — превосходно освѣдомленъ и все написанное имъ безусловно вѣрно». Что же касается до громадныхъ расходовъ, понесенныхъ будто бы нами въ китайской войнѣ, по увѣренію нѣкоторыхъ иностранныхъ газетъ, — то г. министръ финансовъ счелъ нужнымъ категорически опровергнуть эти ложныя свѣдѣнія, причемъ вошелъ даже въ нѣкоторыя любопытныя подробности. «Для такой, напр., страны, какъ Англія, которая не держитъ наготовѣ постоянной великой арміи, всякая обширная экспедиція сопряжена, дѣйствительно, съ огромными расходами. Наоборотъ, для Россіи, которая держитъ наготовѣ и какъ бы на мѣстѣ — сравнительно, по крайней мѣрѣ — много-

численную армию, предназначенную для того, чтобы встрѣтить возможные политическія осложненія,—положеніе обстоитъ совсѣмъ иначе. Намъ нужно возмѣщать нашимъ людямъ только «дополнительные» расходы, издержки по транспортировкѣ, увеличеніе жалованья и т. п. Изъ Россіи мы выводимъ теперь только *отъ 20,000 до 30,000 человекъ*. Намъ придется—повторяю—имѣть дѣло со сравнительно ничтожными расходами, которые мы легко покрываемъ изъ нашихъ обычныхъ средствъ».

Ничего не можетъ быть благовременнѣ этихъ успокоительныхъ словъ г. министра финансовъ. Въ нашей публикѣ—отчасти со словъ иностранной прессы, отчасти же и по собственному изобрѣтательному вдохновенію—циркулируетъ уже цѣлая масса слуховъ о самыхъ скрупулезныхъ сокращеніяхъ даже въ области ассигнованныхъ уже кредитовъ, не говоря объ урѣзкѣ вновь предположенныхъ. На дѣлѣ же оказывается, что никакой надобности въ экономіи помѣщицы Коробочки намъ покуда и не предстоитъ, такъ какъ военныя издержки «легко покрываются изъ обычныхъ средствъ», не затрогивая даже «золотаго фонда», возросшаго, какъ извѣстно, до нѣсколькихъ сотъ милліоновъ. Нельзя не пожалѣть только о томъ, что всѣ эти точныя данныя русской публикѣ приходится почерпать не прямо изъ нашихъ авторитетныхъ источниковъ, а съ нѣкоторымъ опозданіемъ—изъ иностранныхъ биржевыхъ листковъ. Впрочемъ, *vaut mieux tard que jamais!*

III.

Въ то время какъ Англія только еще задумываетъ вплотную «цивилизовать» Китай, въ благородномъ союзѣ съ Японіей и Германіей, поставляющей «Большому Кулаку» дальнобойныя орудія Круппа для истребленія союзныхъ войскъ (въ томъ числѣ и нѣмецкихъ) на Дальнемъ Востокѣ,—въ это самое время она уже настолько процивилизовала злосчастный Трансвааль и Оранжевую республику, что ограбила тамъ всѣ рудники и драгоценныя россыпи, сожгла и истребила всѣ фермы непокорныхъ «мятежниковъ» и—*au bout du compte*—присоединила самовольно къ британской территоріи обѣ независимыя республики. Есть ли возможность послѣ этого сомнѣваться въ

высокомъ культурномъ значеніи англійскихъ захватовъ? Положимъ, англійскій удавъ еще несовсѣмъ проглотилъ боэрскаго кролика и его заднія лапки еще выглядываютъ на божій свѣтъ изъ пасти чудовища; но фельдмаршалъ Робертсъ, — предупреждая прусскаго фельдмаршала Вальдерзее по части водворенія цивилизаціи, — уже закрылъ свою военную лавочку и предоставилъ свирѣпому Китченеру добивать упорныхъ фермеровъ, вѣшая и разстрѣливая ихъ, уже какъ бунтующихъ подданныхъ королевы Викторіи. Слезами и кровью написана послѣдняя прокламація, обращенная къ Европѣ депутатами южно-африканскихъ республикъ. Этотъ «человѣческій документъ», рисующій правдивыми красками *настоящую гуманность* фальшивыхъ проводниковъ цивилизаціи и культуры, до такой степени любопытенъ, что мы считаемъ нужнымъ привести его почти цѣликомъ.

«Война, **навязанная** (именно навязанная разными Чемберленами) южно-африканскимъ республикамъ, — испускаютъ свой предсмертный вопль неустрашимые граждане Трансваала, признаннаго и Европою въ качествѣ независимаго государства, — война, которую республики старались избѣжать всѣми возможными способами, между прочимъ, и третейскимъ судомъ, все еще продолжается. Попирая всѣ права и презирая всѣ обычаи войны, признаваемые цивилизованными націями, англичане мечутъ прокламацію за прокламаціею. Въ свое время Великобританія, устами своего перваго министра, заявила, что она *не имѣетъ въ виду никакого расширенія своихъ предѣловъ*. Пустыя слова, которыя были сказаны только для того, чтобы ихъ нарушить! Объявлено въ прокламаціи даже присоединеніе Трансваальской республики къ Великобританіи. Однако, это не приведетъ къ подчиненію боэровъ, точно также какъ не привело къ этому объявленное три мѣсяца тому назадъ присоединеніе Оранжевой республики. Могущественная Великобританія знаетъ это по опыту! Правда, что не въ этомъ и заключается, въ данный моментъ, цѣль прокламаціи: она *издана съ цѣлью, чтобы продолжать войну самымъ безчеловѣчнымъ образомъ*, попирая всѣ принципы международнаго права, пока изнеможенные боэры не погибнутъ. Но съ божіею помощію этого не будетъ! Граждане республикъ будутъ продолжать борьбу, пока у нихъ останется хоть одна искра жизни. Развѣ

они не показали себя достойными того, чтобы имъ сохранена была свобода и родина? *Развѣ міръ допуститъ, чтобы они были истреблены?* Недавно державы (на гаагской конференціи) формально освятили принципы, направленные къ умаленію кровопролитія и бѣдствій войны. Но до сегодня державы не вмѣшались въ южно-африканскую войну. Отношеніе это, какъ ни было оно горько нашему народу, имѣло еще, можетъ быть, объясненіе, *пока велась регулярная война*, но неужели не будетъ сказано ни одного слова для мирнаго посредничества даже теперь, когда Великобританія своимъ бумажнымъ присоединеніемъ Трансваала попираетъ ногами всѣ принципы международнаго права, чтобы такимъ образомъ *открыть себѣ путь ко всевозможному насилію и — если удастся — къ полному избіенію свободного народа*»?

Въ заключеніе авторы прокламаціи, во имя «справедливости и человѣколюбія», обращаются ко всѣмъ народамъ, «чье сердце бьется за нихъ», съ мольбою — помочь имъ въ настоящую тяжелую минуту и спасти ихъ погибающее отечество. «Мы вѣримъ въ Бога, — съ одушевленіемъ истинныхъ потомковъ голландскихъ диссидентовъ восклицаютъ они, — вѣримъ, что голосъ нашъ будетъ услышанъ».

И кто же изъ людей, имѣющихъ человѣческое, а не «косматое» сердце не пожелаетъ, чтобы этотъ искренній, за душу хватающій, вопль не былъ услышанъ сильными міра сего, — хотя бы тѣми самыми державами, которыя подписывали протоколы мирной гаагской конференціи, созванной по великодушному почину Россіи?!

Моментъ заступничества насталь. Регулярная война, на глазахъ всего христіанскаго цивилизованнаго міра, грозитъ обратиться въ гнусную бойню поверженнаго врага, въ какое-то канибальское поруганіе всѣхъ принциповъ права и человѣколюбія. Португалія, раболѣпно уступчивая къ требованіямъ разсвирѣпѣвшаго Джонъ-Буля, чуть было не выдала Крюгера со своей территоріи на казнь завоевателямъ-торгашамъ и, не вступивъ въ это дѣло Голландія, — высылающая военный корабль для охраны президента трансваальской республики во время его путешествія въ Европу, — Робертсъ могъ бы «распорядиться» съ нимъ, какъ съ зауряднымъ разбойникомъ...

Но въ Голландіи заговорила, наконецъ, родственная бо-

эрамъ кровь и, не смотря на то, что Англія, какъ «владычица морей», можетъ быть весьма опасна этому государству своимъ могущественнымъ флотомъ, не затруднилась избавить маститаго президента отъ англійской тюрьмы и петли. Къ чему приведетъ паломничество Крюгера и его личное ходатайство предъ европейскими правительствами—это вопросъ будущаго. Иногда, вѣдь, политическія обстоятельства поворачиваются въ совсѣмъ неожиданную сторону... Но было бы вполне уместно крикнуть Англіи, хотя бы и дипломатическимъ путемъ: «руки прочь» и напомнить ей, что разжирѣвшему торгашу, алчно вдѣпившемуся въ золотиносныя розсыпи и алмазныя копи Трансваала, не къ лицу играть роль Наполеона I, однимъ почеркомъ пера уничтожавшаго и создававшего новыя политическія единицы... Когда-то А. И. Герценъ умилялся передъ чувствомъ законности, глубоко вѣдрившимся въ сознание англичанъ, а теперь—что сказалъ бы онъ, еслибъ могъ возстать изъ гроба? Законность... ou va-t-elle se nicher?!

IV.

Недавно скончался извѣстный писатель (сынъ знаменитаго русскаго историка) Влад. С. Соловьевъ. При жизни онъ не пользовался особенными симпатіями ни въ публикѣ, ни въ періодической печати, хотя академія наукъ, набирая новыхъ жрецовъ въ свой храмъ, и почтила его званіемъ «почетнаго академика». Его учено-литературная репутація была, по правдѣ сказать, довольно сомнительной, и онъ отнюдь не представлялъ собою какого нибудь цѣльнаго, выдающагося типа *sui generis*. Начавъ со славянофильства и узкой ортодоксальности, онъ какъ-то быстро перекочевалъ въ лагерь западниковъ-космополитовъ, притомъ же на еврейской подкладкѣ, хотя и сохранялъ про себя какой-то неопредѣленный налетъ прежняго направленія. Но такъ какъ въ послѣднемъ періодѣ своей духовной «эволюціи» онъ отдался всецѣло на служеніе якобы-гонимому племени, то издающаяся на русскомъ языкѣ журналистика этого племени не преминула, конечно, вѣнчать его миглу лаврами... Старый завѣтъ: «*de mortuis aut bene, aut nihil*» она утрировала уже до самой крайней степени, памятуя твердо, что, не смотря на всю свою христіанскую религіозность, Со-

ловьевъ былъ пламеннымъ почитателемъ талмуда, созданнаго еврейскими фарисеями, и договорился даже до такого абсурда, что поставилъ талмудическую мораль выше христіанской. Права «національности» онъ снисходительно признавалъ (вѣроятно, изъ почтенія передъ еврейскимъ націонализмомъ), но топилъ ее въ какомъ-то бездонномъ космополитическомъ морѣ, чуждомъ всякихъ границъ и очертаній. Жонглируя словами: «нѣсть эллинъ, ни іудей», онъ *sous entendu* упразднялъ только эллина, сохраняя іудея во всей его вавилонской красѣ. Его предилекція въ пользу еврейства была настолько сильна, что, умирая, онъ считалъ нужнымъ молиться... за евреевъ, а отнюдь не за русскихъ, и произносилъ псалмы по еврейски. Въ древней Руси онъ былъ бы навѣрное однимъ изъ самыхъ преданныхъ учениковъ Схаріи и проповѣдникомъ секты «жидовствующихъ».

Мудрено ли, что, въ виду такой восхитительной возможности прицѣпить свой фарисейско-талмудическій грузъ къ имени второстепеннаго писателя и вознести его самого на высокій пьедесталъ, наша еврейская пресса превзошла себя, чтобы сдѣлать изъ Соловьева какое-то стѣнбобитное орудіе для разрушенія нашихъ «національныхъ предразсудковъ». Смотрите, молъ, на что ужъ Соловьевъ былъ и богомоль, и православнымъ крестомъ крестился, и русскаго мужика любилъ,—и все таки передъ смертью онъ не нашель никого, кромѣ жида, достойнымъ его молитвы... И пошла писать губернія! Въ «Недѣлѣ» (обновленной редакціи) мы наткнулись, напр., на такія изумительныя строки: «Онъ (Соловьевъ) не былъ сынъ своего вѣка, онъ былъ сыномъ вѣновъ (*excusez du peu!*), и въ этомъ отношеніи ученѣйшій докторъ философіи не отличался отъ дворника того дома, въ которомъ жилъ. Онъ не метафорически, а въ дѣйствительности шель съ народомъ въ тотъ же храмъ, «молился съ нимъ однимъ богамъ» (какъ это трогательно! но *однимъ* ли только?). Онъ вѣрилъ во все, во что народъ вѣритъ—въ личнаго Бога, въ Сына Божія, въ единую соборную и апостольскую церковь, въ тѣ же ученія религіозныя и политическія, въ тѣ же нравственные устои (?). Изыщный поэтъ и критикъ, сотрудникъ «Вѣстника Европы» и европеецъ, во множествѣ хорошихъ—и даже лучшихъ—отношеній, онъ показался бы своимъ человѣкомъ въ любой крестьянской хатѣ, и не внѣшностью, а именно интимной сущностью своего духа».

Далѣе оказывается, что Соловьевъ былъ «изящный красавецъ, съ головою олимпійца», что «онъ былъ идоломъ женщинъ», хотя и «не зналъ женскаго ухода, не зналъ семьи».

Словомъ, рѣшительно всѣ добрыя качества и таланты соединились, какъ на призъ, въ личности Соловьева, чтобы его флагомъ прикрыть еврейскій товаръ, а за его спиною—продѣлывать брешь въ «чертъ еврейской осѣдлости» и, если не разрушить ее совсѣмъ («Вѣстникъ Европы» подговаривается уже и къ этому) то, по крайней мѣрѣ, облегчить израилю пути расселенія по всему лицу земли русской — и не только подъ личиною интеллигентовъ, купцовъ 1-й гильдіи и ремесленниковъ, но и подъ своимъ собственнымъ натуральнымъ обличеніемъ. Какъ путанный философъ, умѣвшій совмѣстить несомвѣстимое въ своемъ мышленіи—космополитизмъ съ націонализмомъ, признаніе главенства папы съ ортодоксальнымъ православіемъ, рационализмъ съ мистицизмомъ—Соловьевъ и при жизни, и по смерти своей могъ быть предметомъ эксплуатаціи для всевозможныхъ направленій, а для еврейской пропаганды въ особенности...

Чтобы не оставить никакого сомнѣнія въ читателѣ насчетъ того, что Соловьевъ былъ, дѣйствительно, «плотью отъ плоти и костью отъ костей» русскихъ, «Недѣля» повѣствуетъ даже, что Соловьевъ «совсѣмъ по народному *върилъ въ чорта* и еще года два тому назадъ рассказывалъ, какъ его *преслѣдуютъ нечистые*. «Не знаю, во снѣ ли это было, или наяву—рассказывалъ онъ,—но вдругъ чувствую, что чортъ стоитъ у меня за спиною и злобно пищитъ: «ага, попался, длинный!» И отчитывалъ чорта Соловьевъ по народному же, спеціальнымъ заклятіемъ».

Изъ этого анекдота,—приведеннаго вовсе не съ юмористическимъ замысломъ,—можно заключить только то, что Соловьевъ впадалъ по временамъ прямо таки въ ненормальное состояніе, подчиняясь какимъ-то болѣзненнымъ галлюцинаціямъ, а вовсе не то, что подобнаго рода состояніе можетъ обезпечить ему патентъ на званіе «пророка народа русскаго». Впрочемъ, и между пророками бываютъ — по французскому выраженію — «недобрые прорицатели». По крайней мѣрѣ, нельзя назвать добромъ вѣщее прорицаніе о грядущемъ господствѣ фарисейскаго талмуда надъ христіанскими завѣтами...

Въ погонѣ за біографическими подробностями о «сынѣ въ-

ковъ», другой воспоминатель счелъ интереснымъ для публики сообщить, что Соловьевъ артистически подражалъ крику филина, такъ что нервныя дамы падали отъ этого въ обморокъ. Но... но *quod licet Jovi, non licet bovi*, и едва ли было бы особенно пріятно распространіе въ нашемъ обществѣ такихъ звукоподражаній. Вѣдь и нервныя дамы тоже имѣютъ право на снисходительность, да и къ величію философа это едва ли что прибавляетъ. Справедливѣе другихъ отнестя къ Соловьеву одинъ изъ профессоровъ высшихъ женскихъ курсовъ, сказавшій, что въ его ученіи было «много мистицизма и немало диссонансовъ»

V.

По всѣмъ рѣшительно газетамъ «снѣжнымъ комомъ пропла-прокатилася» весьма некрасивая исторія артиста Боброва и дѣвушки-подростка, поплатившейся своею юною жизнью за неосторожное увлеченіе этимъ театральнымъ сердцеѣдомъ. Фабула этой исторіи состоитъ въ томъ, что опереточный баритонъ Бобровъ, сорвавъ въ Воронежѣ «цвѣты удовольствія» съ гимназисткой Часовниковой, отправился совершать далѣе свой артистическій турнэ и въ Астрахани наткнулся на группу студенческой молодежи, имѣющей свои взгляды на нравственное достоинство артиста и безпощадно освиставшей опереточнаго героя за его слишкомъ «кавалерское» отношеніе къ несчастной поклонницѣ. Гнусный фактъ, не опровергнутый и самимъ героемъ, не требуетъ никакихъ коментаріевъ, и г. Бобровъ, зная его за собой, не нашелся ничѣмъ другимъ защититься отъ свистковъ, какъ торжественнымъ провозглашеніемъ со сцены, что «частная жизнь артиста не касается-де публики»...

Въ былое время, когда русская пресса еще не была проѣдена насквозь фарисейскими понятіями о нравственности, о чести, о гражданскомъ долгѣ и народномъ благѣ, такого рода инцидентъ не вызвалъ бы даже никакой борьбы мнѣній. Гадко и подло—больше ничего! Но въ наши прекрасные дни, когда всѣ нравственныя и гражданскія понятія пропускаются, для соотвѣтственной переработки, чрезъ фарисейскій фильтръ, — у г. Боброва нашлись не только враги, но и усердные защитники. Фарисейское раздѣленіе настоящей фізіономіи отъ личности, человѣка — отъ профессіи, искренняго убѣжденія отъ

продажной и звонкой фразы так понравилось многимъ лицамъ сцены и журналистики, что они горой встали за невинно-угнетаемаго сердцеѣда, и стали даже читать правоученія неразумной молодежи, никакъ не умѣющей войти во вкусъ фарисейскаго *двоедушія* и проникнуться моральными началами талмуда, для котораго женщина есть только самка, пригодная для нѣкоторыхъ физиологическихъ отправленій..

Интервьюированный досужимъ репортеромъ какого-то уличнаго листка, мѣстный артистъ петербургской драматической труппы г. Сазоновъ не постѣснился увѣнчать даже лавровымъ вѣнкомъ чело своего собрата по сценѣ. Очевидно, и г. Сазоновъ, по вопросу объ отношеніи публики къ представителямъ драматическаго искусства—особенно женской ея половины—держится, подобно г. Боброву, традиціоннаго предостереженія извѣстной пѣсни: «А и ты, кума Матрена, не подвертывайся!» Если же *подвернувшаяся Матрена* не сдумѣетъ помириться со своей участью и предпочтетъ нырнуть въ рѣку или раскроить себѣ черепъ («дурь нашла!» по словамъ некрасовскаго моралиста) — то туда ей и дорога. Артистъ же, — особенно опереточный—можетъ только гордиться своею «побѣдою»...

Изъ этой чрезчуръ откровенной защиты гнуснаго подвига,— для котораго, казалось бы, нельзя и придумать пристойнаго извиненія,—невозможно не вывести горькаго заключенія о быстромъ попятномъ движеніи нашего общественнаго развитія. Мы—люди былыхъ временъ — имѣли наивность думать, что вся нравственная притягательная сила артиста, поэта, литератора и всякаго общественнаго дѣятеля заключается именно въ единствѣ и полнотѣ его духовнаго образа, въ искренности его творческаго вдохновенія. О вліяніи такого поэта на очарованныхъ имъ поклонниковъ Лермонтовъ говорилъ когда-то:

«Твой стихъ, какъ божій духъ, носился надъ толпой

И отзывъ мыслей благородныхъ

Звучаль, какъ колоколъ на башнѣ вѣчевой,

Во дни торжествъ и бѣдъ народныхъ!»

О вліяніи артистовъ такого же пошиба мы знаемъ достаточно и изъ исторіи нашего театра. Вспомнимъ хоть сохранившееся свидѣтельство Бѣлинскаго о возвышавшей душу игрѣ Мочалова, который любилъ только кутнуть, но не былъ ни шуллеромъ, ни развратителемъ и потаскуномъ...

Но мы, очевидно, попадаемъ уже другому теченію. Актеръ, произносящій на сценѣ пламенные монологи Чацкаго, можетъ, не теряя своего достоинства и нравственнаго вліянія на публику, являться въ жизни самымъ паскуднымъ Молчалинымъ, а Отелло, обуреваемый ревностью къ любимой женщинѣ, можетъ торговать своею собственною женою и даже сдѣлаться бульварнымъ сутенёромъ. Профессія — одно дѣло, человекъ — другое. Нечего и требовать идеальной цѣльности и единства нравственной личности; маска не должна и приростать къ тѣлу.

Немудрено, что это понятіе съ кагальной сцены перешло и въ кагальную журналистику или — наоборотъ — кагальная пресса заразила собою и сцену... Результатъ одинаковъ. Лицедеи разныхъ профессій, за приличный гонорарь, надѣваютъ на себя самыя разнообразныя маски, мѣняютъ ихъ, какъ перчатки, не связывая съ этою мѣною ни единаго фибра своей души, и въ концѣ концовъ вмѣсто «школы народной нравственности», — какъ называла театръ Екатерина II-ая, — получается игрище куколь-маріонетокъ, одѣтыхъ во всевозможные костюмы.

Что позволительно для актера, то слѣдуетъ допустить и для публициста. И его денежка не щербата! Да оно уже и допущено: фарисейское двоедушіе сдѣлало и тутъ огромные успѣхи. Какъ прежде выдѣлывалось маргаринное масло въ подмѣнѣ сливочнаго и продавалось за настоящее, — пока маргаринныя бочки не приказано было окрасить особымъ отличительнымъ цвѣтомъ, — такъ точно и теперь, путемъ продажнаго печатнаго станка, фальсифицируется настоящее общественное мнѣніе. Но такъ какъ никакою особою краскою эти фабрики не отмѣчены, а, напротивъ, пользуются даже болѣе выгодными условіями сбыта, то общество должно уже само разборчивѣе относиться къ нимъ, различая фабричное клеймо отъ искренняго и честнаго убѣжденія.

Печатная гласность на откупъ у жидовъ, вооруженныхъ и кагальнымъ капиталомъ, и разными другими способами воздѣйствія — явленіе несравненно болѣе зловредное, чѣмъ существовавшая когда-то откупная система винной торговли... Здѣсь уже посягаютъ не только на физическое здоровье и народный карманъ, но извращаютъ душу и совѣсть.

Князь Тенерифскій.

Послѣдняя надежда.

Спасаясь съ родины несчастной,
На Западъ Крюгеръ ѣдетъ самъ...
Свободы медь ему напрасно
Помазалъ только по губамъ.

Старикъ совсѣмъ ужь ѣдетъ хилый
Сквозь цѣлый вражескій кордонъ;
Мечтаетъ онъ—въ Европѣ милой
Обрѣсть и право, и законъ.

Мечтаетъ положить границу
Для гнусной прыти англичанъ,
Освободить свою столицу,
Сорвавъ предательскій арканъ.

Но все—увы!—въ Европѣ глухо:
Заснула совѣсть, чести нѣтъ—
И развѣ чуткое лишь ухо
Услышитъ бѣдамъ привѣтъ!

Ефимъ Простосердовъ.

Въянiя прогресса.

~~~~~

Все настойчивѣй впередь
Подвигаясь съ каждымъ годомъ,
«Европейскимъ» нашъ народъ
Можетъ звать себя народомъ.
Хоть внутри онъ также дикъ,
Но снискалъ ужъ понемногу
Внѣшнiй лоскъ и внѣшнiй шикъ...
Что жь? И это—слава богу!

Вотъ вамъ важный бюрократъ.
Если золъ онъ на лакея
За неловкихъ дѣйствiй рядъ,
Онъ не дастъ ему «по шеѣ».
На него ругательствъ тьму
Извергая злобно, строго,
Говоритъ онъ «вы» ему...
Что жь? И это—слава богу!

Вотъ коляску пара мчить;
Чтобъ бѣды какой не вышло,
Кучеръ прежде закричить,
А потомъ, направивъ дышло,
Съ ногъ прохожаго собьетъ,
Преграждавшаго дорогу...
Это—важный шагъ впередь,
И за это слава богу!

Прежде, воль кассиръ украсть,
Онъ скрывался за границей.
Въ наши дни инымъ онъ сталъ:
Пусть теперь онъ хоть сторицей
Хапнетъ, скроется—опять

Онъ къ знакомому порогу
Дней стремится черезъ пять...
Что жь? И это—слава богу!

Аферисты безъ стыда
Къ вамъ въ карманы залѣзали;
Эти прошлые года
Возвратятся къ намъ едва ли.
И приемъ теперь не крутъ:
Васъ раздѣнута понемногу
И съ поклономъ обернуть...
Что жь? И это—слава богу!..

Хмурый Бардъ.

К а р т и н к а .

Зной спадает понемногу,
Дивный вечерь надъ столицей...
Заполняя всю дорогу,
Мчатся длинной вереницей
И коляски, и кареты,
И вагоны «бойкой» конки;
Лицомъ свѣтлы, разодѣты,
Всѣ спѣшать на перегонки,
Скоротать стремяся жадно
Ночь въ пріютахъ наслажденій...
Всѣхъ привѣтствуетъ отрадно
Рядъ веселыхъ заведеній,
Гдѣ въ картинахъ «откровенныхъ»,
Возбуждая страсти чувство,
Ужъ давно царить на сценахъ
Профанация искусства...
Ихъ, что звѣздъ на небѣ ночью
Развелось на склонѣ вѣка;
Въ нихъ развратъ царить воочью
И позоръ для человѣка...
Акробаты, взвизги «хора»,
Неприличные напѣвы,
Съ чуткой ласковостью взора
«Таксированныя» дѣвы,
Что въ отдѣльномъ кабинетѣ
Со стараньемъ неустаннымъ
Разставляютъ ловко сѣти
Простаку съ тугимъ карманомъ;
Рядъ скандаловъ безобразный
И «исторій» разныхъ бездна,—

Все толпѣ разгульно - праздной
Предлагается любезно...
Чѣмъ разгуль законченъ велій
При лучахъ зари румяной?
Голова—свинца тяжелѣ
И весьма легки карманы...

Старый Капраль.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

КУРСЫ

СПБ. ПОПЕЧИТЕЛЬНОГО КОМИТЕТА О СЕСТРАХЪ

КРАСНАГО КРЕСТА

ПРИ ОБЩИНѢ СВ. ЕВГЕНІИ.

**Пріемъ прошеній по понедѣльникамъ, средамаъ
и пятницамаъ отъ 10 до 12 утра.**

КУРСЪ ДВУХЛѢТНІЙ.

С.-Петербургъ, Пески, Старорусская, 3.

ОТЪ 38 ДРАГУНСКАГО

ВЛАДИМІРСКАГО ПОЛКА.

Одинъ изъ старѣйшихъ русскихъ полковъ, 38-й драгунскій Владимірскій Е. И. В. Великаго князя Михаила Николаевича полкъ, бывшій 13-й Уланскій, празднуеть въ 1901 году свой двухсотлѣтній юбилей. По этому поводу старѣйшій изъ бывшихъ командировъ полка отставной генераль отъ кавалеріи Баумгартенъ просить всѣхъ лицъ, когда либо служившихъ въ полку, сообщить свои полные адреса. Просятъ прислать эти адреса до 1-го ноября этого года на имя *генераль-лейтенанта Виттулова*. Почтамтскій пер. 6. или *полковнику Мориму* (Штабъ Петербургскаго округа, Дворцовая площадь).

Генераль-лейтенантъ *Виттуловъ*.

СОДЕРЖАНИЕ № 9-го

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКАГО ЖУРНАЛА:

«НАБЛЮДАТЕЛЬ».

	СТРАН.
I. Бродяга. Повѣсть В. А. Волжина	13
II. Первая любовь. Стихотвореніе К. В. Иванова	69
III. Бъ вопросу о нашемъ гражданскомъ воспитаніи. С. П.	70
IV. Дичина. Изъ городской жизни. Владислава Сырокомли. Стихотвореніе И. Толмачёва	85
V. Защитникъ вырожденія старой Польши. И. А. Гофштеттера	88
VI. Странички прошлаго. (Изъ автобіографическихъ записокъ). Н. Реморова	103
VII. Выборъ. Стихотвореніе Л. Афанасьева	125
VIII. Пионерки. Романъ въ трехъ частяхъ, Марсея Превд	126
IX. Передъ закатомъ. (Изъ осенняго альбома). Стихотвореніе В. Уманова-Кацуновскаго	185
X. Неудачи «еврейскихъ комитетовъ и комисій». А. П. Пятковскаго	186
XI. Осень. Стихотвореніе П. Петровскаго	209
XII. Погибшая. Разсказъ Б. Григорьева	210
XIII. Вечерѣть. Стихотвореніе А. Радченки	220
XIV. Поздняя исповѣдь. Романъ Лео Гильдека. (Съ нѣмецкаго).	221
XV. Мечта. Стихотвореніе К.	283
XVI. Бакинскіе очерки. А. П. Липранди	284
XVII. Мой сторожъ. Стихотвореніе Н. Т.	328

Современное Обзорѣніе.

XVIII. Политическая хроника	1
XIX. Новыя книги	17
XX. Отголоски. (Корреспонденція «Наблюдателя»).	23
XXI. Наши внутреннія дѣла	28
XXII. Фонографъ. (Фельетонъ «Наблюдателя»). 1) По бѣлу свѣту. (Замѣтки и наблюденія). Князя Тенерифскаго	44
2) Стихотворенія: Ефима Простосердова, Хмураго Барда и Стараго Капрала	58
XXIII. Объявленія	1

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

1) Редакція просить гг. подписчиковъ изъ тѣхъ мѣстностей, гдѣ нѣтъ почтовыхъ конторъ, обозначать въ своихъ адресахъ *ближайшее почтовое мѣсто*, куда можно было бы точно направлять книги журнала. Въ противномъ случаѣ, Редакція *не можетъ ручаться за исправную доставку журнала* и не принимаетъ на себя никакихъ хлопотъ по сношенію съ Петербургскимъ Почтамтомъ. 2) Если журналъ своевременно не получается подписчикомъ, Редакція, въ виду скорѣйшаго удовлетворенія жалобы, покорнѣйше просить заявлять объ этомъ *не позже полученія слѣдующей книги*, такъ какъ Газетная Экспедиція, на основаніи почтовыхъ правилъ, позже этого времени жалобъ не принимаетъ. При жалобѣ должно быть приложено удостовѣреніе мѣстной почтовой конторы, что книга, дѣйствительно, не доставлена по адресу. Жалобы должны присылаться *непосредственно* въ Главную Контору. Утраченный не по винѣ Редакціи экземпляръ высылается вторично подписчику, заказной бандеролью, за 1 руб. 25 коп. 3) При перемѣнѣ адреса, необходимо присылать *старый печатный адресъ* или же его номеръ и, при каждомъ заявленіи, прилагать *пять семикопечныхъ почтовыхъ марокъ* за напечатаніе новаго адреса. Перемѣна адреса должна быть получена въ Главной Конторѣ *не позже 20-го числа* каждаго мѣсяца, чтобы ближайшая книга журнала была направлена по *новому* адресу. 4) При перемѣнѣ городского адреса на иногородный, уплачивается 2 руб.; при перемѣнѣ же иногороднаго на городской—1 р. Перемѣны адресовъ сообщаются исключительно въ Главную Контору Редакціи. 5) Лица, обращающіяся съ разными запросами въ Редакцію, благоволятъ прилагать почтовые марки для отвѣтовъ. 6) Редакція просить присылать рукописи не иначе, какъ *четко переписанными*. Рукописи, признанныя неудобными къ напечатанію, хранятся *не болѣе полугода* и, по истеченіи этого срока,—если не будутъ потребованы обратно,—уничтожаются. *Статьи менѣе 200, крутомъ исписанныхъ, листовъ писчей бумаги и стихотворенія вовсе не возвращаются*. По поводу доставляемыхъ стихотвореній, Редакція не вступаетъ *ни въ какую переписку съ авторами*, хотя бы и были приложены марки для отвѣтовъ. Для возвращенія обратно рукописей (свыше 200 листовъ) иногороднымъ должны быть приложены почтовые марки, соразмѣрно стоимости пересылки заказной бандеролью. Рукописи, доставленныя безъ опредѣленія *точныхъ* условій гонорара, считаются бесплатными или оплачиваются по усмотрѣнію Редакціи (съ платою за всю рукопись). Рукописи должны быть присылаемы въ Редакцію *заказными* (а не простыми) *письмами и бандеролями*. Рукописи, принятыя *безъ указанія срока помѣщенія*, печатаются *исключительно* по назначенію Редакціи. По усмотрѣнію Редакціи, рукописи подвергаются сокращенію и измѣненію. Статьи неизвѣстныхъ Редакціи авторовъ, за которыхъ гонораръ не былъ потребованъ *въ теченіе полугода со времени напечатанія*, признаются бесплатными. Гонораръ за статьи, раздѣленные на нѣсколько книгъ, рассчитывается по окончаніи печатанія. 7) Контора открыта: съ 1-го ноября по 1-е мая—отъ 12 до 4 часовъ пополудни, въ остальное же время года—до 3 час., *кроме праздничныхъ и воскресныхъ дней*. Приемъ въ Редакцію—*по четвергамъ, отъ часу до двухъ*. 8) Объявленія для напечатанія въ журналѣ принимаются съ платою: за страницу—30 руб., за $\frac{1}{2}$ стр.—16 руб., и за $\frac{1}{4}$ стр.—9 р. 9) Конторы газетъ и журналовъ, печатающихъ наши публикаціи, приглашаются доставлять свои счета въ Редакцію *не позже полугода со дня напечатанія*: иначе теряется возможность контроля надъ правильностью уплаты. 10) *Всякія денежныя выдачи въ Главной Конторѣ производятся только одинъ разъ въ мѣсяцъ: 25-го числа, отъ 2-хъ до 3-хъ часовъ пополудни*. Если это число приходится на праздникъ или воскресенье, то выдачи отлагаются до слѣдующаго будничнаго дня. *Авансы за рукописи.*

ОТКРЫТА ПОДПИСКА, НА 1901 Г., НА ЛИТЕР.-ПОЛИТИЧ. ЖУРНАЛЪ

ГОДЪ XX.

„НАБЛЮДАТЕЛЬ“

ГОДЪ XX.

Вступая въ двадцатый годъ своего существованія, журналъ издается подъ прежней редакціей, въ томъ же *прогрессивно-національномъ* направленіи.

«НАБЛЮДАТЕЛЬ» выходитъ ежемѣсячно, безъ предварительной цензуры, книгами отъ 25-ти до 30-ти печатныхъ листовъ.

Въ 1896 г., для подписчиковъ нѣкоторыхъ категорій, была сдѣлана скидка въ размѣрѣ 2 руб. съ годовой платы. Въ слѣдующемъ же году редакция нашла возможнымъ сбавить подписную цѣну для всѣхъ подписчиковъ безъ различія и приложить иллюстраціи.

Годов. цѣна: 12 руб. съ доставкою въ С.-Петербургъ и пересылкою иностраннымъ; за границу—14 р. **За полгода:** 6 руб. съ доставкой и пересылкою въ Россіи; за границу—7 р. **За три мѣсяца:** 3 руб. съ доставкою и пересылкою въ Россіи; за границу—4 р. **За одинъ мѣсяць:** 1 р. съ перес. въ Россіи; за границу—1 р. 50 к. Гг. служащимъ допускается разсрочка (мѣсячная и по третямъ), но не иначе, какъ за поручительствомъ г.г. казначеевъ. *Книгопродавцамъ уступка—50 коп. съ годов. экз. При подпискѣ полугодовой, уступки не полагается.*

Въ выпущенныхъ книгахъ журнала за текущій годъ (№№ 1—9) помещены портреты: *Т. И. Филипова* (бывш. государственнаго контролера), *А. И. Герцена*, *С. Н. Шубинскаго*, акад. *М. И. Сухомлинова* и короля *Гумберта I*.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ С.-Петербургѣ, въ Главной Конторѣ редакціи: Ямская ул., близъ Владимірской церкви (уголь Свѣчнаго пер. д. № 24/9); въ конторѣ «Новаго Времени» и во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ (Вольфа, Цинзерлинга, Риккера, Стасюлевича и др.) въ *Москвѣ*—въ конторѣ Печковской (Петровскія линіи), и въ отдѣленіи конторы «Новаго Времени»; въ *Одессѣ*—въ книжныхъ магазинахъ Радопова и «Нов. Времени»; въ *Кіевѣ*—въ книж. магазинахъ Оглоблина, Илѣковскаго и Литова; въ *Харьковѣ* и *Саратовѣ*—въ книжн. магазинахъ «Нов. Времени».

Редакція отвѣчаетъ за исправную доставку журнала на почту только передъ лицами, подписавшимися въ Главной Конторѣ.

Газета «Гласность» возобновляется съ 1 января 1901 г. Годов. цѣна съ перес. и дост. 7 р.; за полгода—4 р.; за 3 мѣс.—2 р. 50 к. (Подробности см. на 7-ой и послѣдующихъ страницахъ этой книги).

Редакторъ-Издатель А. П. ПЯТКОВСКИЙ

